2

ВВЕДЕНІЕ

ВЪ

ИСТОРІЮ ГРЕЦІИ

ЛЕКЦІИ

проф. В. Бузескула.

ХАРЬКОВЪ.
Типографія и Литографія М. Зильбергъ и С-вья.
Рыбная улица, домъ № 30-й.
1903.

«Прав ъ»

На основаніи ст. 41 § 1 п. 4 и ст. 138 Унив. Уст. печатать и выпустить въ свѣтъ разрѣшается. 3 марта 1903 года.

Ректоръ Университета *Н. Кулябкій*.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ основѣ издаваемой книги лежатъ лекціи, читанныя мною въ Харьковскомъ университетѣ. Лекціи эти появляются въ значительно распространенномъ и дополненномъ видѣ [1]). По первоначальному плану онѣ должны были составлять лишь часть общаго курса по исторіи Греціи; но по мѣрѣ обработки онѣ разрослись въ особый, спеціальный курсъ, въ цѣлую (и, къ сожалѣнію, объемистую) книгу. На рубежѣ истекшаго XIX и новаго XX стол. мнѣ казалось особенно умѣстнымъ и полезнымъ обозрѣть тотъ разнообразный матеріалъ, которымъ какъ въ видѣ источниковъ, такъ и въ видѣ пособій, располагаетъ современная наука по части греческой исторіи, и, такъ сказать, подвести итогъ,— показать, что̀ сдѣлалъ минувшій вѣкъ по разработкѣ этой исторіи, ка̀къ мѣнялись точки зрѣнія и направленія въ ея изученіи; мнѣ хотѣлось дать очеркъ исторической мысли, насколько она проявилась въ обработкѣ греческой исторіи, изобразить то движеніе, которое происходило въ этой области, обозрѣть великія открытія за послѣднія десятилѣтія и проч. На подобнаго рода обзоры я смотрю не только какъ на справочную книгу, но и какъ на главы изъ исторіи нашей науки, какъ на страницы изъ исторіи умственной жизни древности и XIX в.

---

[1]) Въ книгу вошли, въ переработанномъ видѣ, и нѣкоторыя статьи мои изъ Журн. Мин Нар Просв и Филол Обозр, въ особенности же рѣчь (на XI Археолог. съѣздѣ въ Кіевѣ) о характерныхъ чертахъ научнаго движенія въ области греческой исторіи за послѣднее тридцатилѣтіе (Рус Мысль, 1900, февр.) послѣднія главы издаваемыхъ лекцій составляютъ въ сущности подробное развитіе того, что̀ вкратцѣ намѣчено въ этой рѣчи

При обработкѣ многихъ отдѣловъ I части, т. е. обзора источниковъ, настольными пособіями для меня служили труды К. Вакcмута (Einleitung in das Studium der alten Geschichte), Криста (Gesch. d. griech. Literatur) и Арн. Шефера (Abrisz d. Quellenkunde d. griech. Geschichte). Для второй части, т. е. для очерка разработки греческой исторіи въ XIX стол., я подобныхъ общихъ пособій не имѣлъ въ своемъ распоряженіи: да такихъ, насколько мнѣ извѣстно, и нѣтъ, если не считать болѣе или менѣе краткихъ общихъ характеристикъ и отчетовъ, статей по отдѣльнымъ вопросамъ или объ отдѣльныхъ періодахъ и сочиненіяхъ, исторій эпиграфики, филологіи (до послѣднихъ лѣтъ не доведенныхъ) и т. п.

Къ исчерпывающей полнотѣ библіографическихъ указаній я не стремился; но о русской научной литературѣ, по понятнымъ причинамъ, считалъ необходимымъ говорить сравнительно подробнѣе и полнѣе. Нѣкоторыхъ книгъ и статей изъ приводимыхъ мною я не могъ имѣть подъ рукою, и, чтобы дать необходимыя справки и указанія, иногда приходилось ссылаться изъ вторыхъ рукъ.

Издаваемыя лекціи печатались, въ видѣ приложеній къ „Запискамъ Императорскаго Харьковскаго Университета“, медленно, съ большими перерывами, такъ какъ меня неразъ отвлекали другія работы и обязанности. Этимъ объясняется нѣкоторая, можетъ быть, непропорціональность въ изложеніи, не строго выдержанная система ссылокъ и библіографическихъ указаній, нѣкоторая непослѣдовательность въ передачѣ собственныхъ именъ и въ транскрипціи и проч. Первые два листа напечатаны давно; необходимыя къ нимъ дополненія читатель найдетъ въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ очерка разработки греческой исторіи, гдѣ рѣчь идетъ тоже о раскопкахъ и надписяхъ, хотя и съ другой точки зрѣнія. Я просилъ бы обратить вниманіе также на „добавленія и поправки“, гдѣ указаны важнѣйшія изъ замѣченныхъ погрѣшностей. При распредѣленіи на главы и на періоды встрѣчались неизбѣжныя затрудненія: иногда приходилось ради удобства пріурочивать къ одному какому-либо періоду об-

зоръ трудовъ ученаго, дѣятельность котораго въ дѣйствительности относилась не къ одному, а къ нѣсколькимъ періодамъ.

Не безъ колебаній выпускаю я въ свѣтъ свои лекціи, посвященныя изученію столь непопулярной въ нашемъ обществѣ греческой древности. Но между тѣмъ классицизмомъ или, вѣрнѣе, грамматизмомъ, который вызвалъ къ себѣ такую антипатію, и научною исторіею Греціи и Рима нѣтъ ничего общаго, и нельзя антипатіи къ первому переносить на изученіе античнаго міра вообще, тѣмъ болѣе, что именно въ настоящее время это изученіе вступаетъ какъ-бы на новый путь—разработки съ болѣе широкой исторической точки зрѣнія; въ области древне-греческой исторіи, равно какъ и исторіи древняго Востока, совершаются такія открытія и такое движеніе, какъ ни въ одной другой сферѣ современнаго историческаго знанія, и если мнѣ удалось дать хотя блѣдное изображеніе этого движенія, дать хотя нѣкоторое понятіе о богатствѣ новаго для насъ матеріала, о той живой, энергичной работѣ, которую ведутъ теперь въ этой области почти всѣ культурныя націи Европы и Америки, я буду считать себя удовлетвореннымъ.

В. Бузескулъ.

Харьковъ,
14 февраля 1903 г.

I. Обзоръ источниковъ.

II. Очеркъ разработки греческой исторіи въ XIX в.

I.

Обзоръ источниковъ.

Arnold Schaefer, Abriss der Quellenkunde der griechischen und römischen Geschichte 1-te Abtheilung Griechische Geschichte bis auf Polybios 4-te Aufl. Leipz. 1889 (краткій, чрезвычайно сжатый обзоръ, содержащій главнѣйшія указанія, біографическія данныя и свидѣтельства древнихъ о каждомъ историкѣ); C. Wachsmuth, Einleitung in das Studium der alten Geschichte. Leipzig, 1895 (обширный томъ, болѣе 700 стр.; немало вѣрныхъ замѣчаній, богатый матеріалъ, но нѣсколько странно и неудобно распредѣленный, безъ надлежащей системы, и, кромѣ того, непропорціонально обработанный: иногда о незначительномъ источникѣ говорится очень подробно, а о важномъ—слишкомъ кратко, какъ напр. объ „Аѳинской Политіи“ Аристотеля).

Обзоры и оцѣнку источниковъ можно найти и въ такихъ общихъ трудахъ по исторіи Греціи, какъ Busolt, Griechische Geschichte. 2-te Aufl. Gotha. 1893 сл.; Pohlmann, Grundriss der griechischen Geschichte nebst Quellenkunde. 2-te Aufl. München. 1896 (въ коллекціи „Handbuch der klassischen Altertumswissenschaft, hrsg. von Iw. v. Müller), въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ; Beloch, Griechische Geschichte. I-er B., Strassburg. 1893 (русск. пер. М. О. Гершензона. М. 1897), въ началѣ; E. Meyer, Geschichte des Alterthums. II-er B. Halle. 1893. См. также замѣчанія у Wilamowitz-Möllendorff'a, Aristoteles und Athen. Berlin. 1893, 2 т., въ разныхъ мѣстахъ, въ особенности въ началѣ II-го тома.

Объ источникахъ собственно литературныхъ см. ниже.

Объ источникахъ вообще и о пользованіи ими, объ исторической критикѣ и ея пріемахъ см. главн. образ. Bernheim, Lehrbuch der Historischen Methode. 2-te Aufl. Leipz. 1894, и Langlois et Seignobos, Introduction aux études historiques. 2-me éd. Paris. 1899 (есть русск. перев.). Кромѣ того,—Droysen, Grundriss der Historik. Leipz. 1868; Sybel, Ueber die Gesetze des Historischen Wissens. Bonn. 1864 (есть русск. перев.); Smedt, Principes de la critique historique. Liège-Paris.

1883; Tardif, Notions élémentaires de critique historique (русск. пер. Воронежъ. 1893; по поводу книгъ Смедта и Тардифа—ст. Ѳ. Я. Фортинскаго, Опыты систематической обработки исторической критики [изъ Кіевск. Универс. Извѣстій за 1884]); Ch. et M. Mortet, La science de l'histoire. Paris. 1894 (изъ XX т. La Grande Encyclopédie); Freeman, The methods of historical study. 1886 (русск пер. Фриманъ, Методы изученія исторіи. М. 1893) См. также „Введенія“ въ „Русскую исторію“ К. Н Бестужева- Рюмина (Спб. 1872) и въ „Опытъ русской исторіографіи“ В. С. Иконникова, т. I. (Кіевъ, 1891)

Понятіе объ источникахъ

Всякій сколько-нибудь серьезно изучающій исторію не долженъ довольствоваться руководствами и вообще новѣйшею литературою, такъ называемыми пособіями, по интересующему его вопросу: онъ долженъ обращаться къ самымъ источникамъ, т. е. къ тѣмъ уцѣлѣвшимъ остаткамъ и памятникамъ прошлаго, въ самомъ широкомъ смыслѣ слова (вещественнымъ, письменнымъ и проч.), изъ которыхъ историческая наука черпаетъ свой матеріалъ,—которые служатъ исходнымъ пунктомъ, первоосновою нашихъ свѣдѣній по данному вопросу,—откуда свѣдѣнія эти проистекаютъ, ведутъ свое начало.

Источники бываютъ обыкновенно чрезвычайно разнообразны. Такъ, источниками греческой исторіи служатъ:

1) Языкъ.

Изученіе языка даетъ матеріалъ для своего рода „лингвистической палеонтологіи“, и наукѣ „сравнительнаго языкознанія“, такъ блестяще развившейся въ XIX столѣтіи, исторія обязана немало [1]). Языкъ проливаетъ свѣтъ, напр., на происхожденіе греческаго народа, на его родство или отношеніе къ другимъ народамъ. Благодаря главнымъ образомъ ему, мы знаемъ, что греки принадлежали къ индо-европейцамъ, что они родственны индусамъ и иранцамъ, ѳракійцамъ и фригійцамъ, римлянамъ, кельтамъ, германцамъ, литовцамъ и славянамъ.... Исторія греческихъ діалектовъ до нѣкоторой степени освѣщаетъ и исторію греческихъ племенъ. Языкъ, далѣе, служитъ показателемъ умственнаго развитія народа, его культуры. Изъ существованія слова для обоз-

[1]) О. Шрадеръ, Сравнительное языковѣдѣніе и первобытная исторія. Спб. 1886 (пер. съ нѣм.; въ подлинникѣ имѣется 2-е изд.).

наченія какого-либо предмета, понятія, мы можемъ, напр., вывести заключеніе, что и самый предметъ, самое понятіе были извѣстны этому народу.

Въ языкѣ отражается характеръ и духовная жизнь народа. Языкъ, по выраженію Шеффле, это—своего рода „символическая капитализація всей исторической умственной работы", „die symbolische Kapitalisierung der ganzen historischen Geistesarbeit". Онъ —въ свою очередь продуктъ историческаго развитія и имѣетъ свою исторію, которая неразрывно связана съ исторіей самого народа: это—организмъ, который живетъ и развивается вмѣстѣ съ послѣднимъ [1]).

2) Преданія (миѳы и сказанія) [2]).

Значеніе миѳовъ и сказаній

Преданія—миѳы и различнаго рода сказанія (саги, легенды и т. под.)—въ устной формѣ отъ грековъ до насъ не дошли, а сохранились въ памятникахъ искусства и въ письменной литературѣ, въ передачѣ художниковъ, поэтовъ, историковъ, философовъ и пр. Въ нихъ сказывается міросозерцаніе народа, его религіозныя и нравственныя воззрѣнія, взгляды на природу и на прошлое.

Миѳы имѣютъ отношеніе къ религіи и культу; это — попытки младенческой мысли объяснить происхожденіе окружаю-

---

[1]) Какіе важные для исторіи выводы можно дѣлать на основаніи языка, показываетъ между прочимъ примѣръ Kretschmer'a, Einleitung in die Geschichte der griechischen Sprache. Gottingen. 1896.

[2]) Обзоръ миѳовъ — въ такъ назыв. „Аполлодоровой библіотекѣ", Apollodori Bibliotheca (II вѣка по Р. Х.). Ее можно найти у K. Muller, Fragm. Hist. Graec., т. I, въ Mythographi graeci, ed. Westermann (Braunschweig. 1844) и въ новѣйшемъ изданіи - Mythographi graeci, ed. Wagner-Sakolowski-Martini (въ Bibl. Teubneriana), куда вошли и недавно опубликованные г. Пападопуло-Керамевсомъ (Rh. Mus., 1891, 46 B.) новые отрывки изъ нея. О греческихъ миѳахъ см. Preller, Griechische Mythologie. Berlin. 1854 (есть новое изд. въ обработкѣ Robert'a); Roscher, Ausfuhrliches Lexicon der griechischen und römischen Mythologie. Leipz. (1884 сл.); Штоль, Миѳы классической древности. Пер. съ нѣм. 2-е изд. М. 1877—80. 2 т.; Grote, History of Greece, т. I (есть во франц. и нѣм. пер.; на русск. яз. см. ст. П. М. Леонтьева, Миѳич. Грецiя и Италiя, во II т. сборника „Пропилеи"); Steuding, Griechische und romische Mythologie (изъ коллекціи Göschen'a); Gruppe, Griechische Mythologie und Religionsgeschichte (въ коллекціи Iw. Muller'a, Handbuch d. klass. Altertumswissenschaft. 1897); H. D. Muller, Mythologie der griechischen Stamme

щихъ предметовъ и причину явленій природы, представляемыхъ въ различныхъ символахъ или образахъ и олицетворяемыхъ въ видѣ боговъ и героевъ. Сказанія (саги, легенды) имѣютъ болѣе или менѣе историческую основу, пріурочиваются къ историческимъ событіямъ и лицамъ; это — какъ-бы отголоски прошлаго. Но миѳъ часто соединяется со сказаніемъ, и то, что́ на первый взглядъ представляется сагой, нерѣдко въ своей основѣ имѣетъ миѳъ; затѣмъ, первоначальный смыслъ часто затемняется или постепенно измѣняется.

Въ сказаніяхъ отражается прошлое; въ основѣ ихъ лежитъ нерѣдко дѣйствительный фактъ, украшенный вымысломъ и поэтической фантазіей; это—соединеніе поэзіи и дѣйствительности. Но отдѣлить вымыслъ отъ правды, извлечь изъ фантастической оболочки, изъ массы вымысловъ, зерно исторической дѣйствительности или дать надлежащее объясненіе миѳу,— дѣло нелегкое, тѣмъ болѣе, что здѣсь нужно еще считаться съ возможностью заимствованія или съ затемнѣніемъ и измѣненіемъ первоначальнаго смысла. По замѣчанію Нибура, саги—это „фата-моргана, миражъ, производимый предметомъ намъ невидимымъ, по закону отраженія, намъ неизвѣстному“. И требуется большая осторожность, тонкій критическій анализъ и обширныя свѣдѣнія, чтобы при объясненіи сказаній или миѳовъ не впасть въ ошибку, въ натяжки или въ произвольныя, фантастическія толкованія. Немудрено поэтому, если здѣсь можно встрѣтить самыя разнообразныя и противорѣчивыя мнѣнія. Приведу нѣсколько примѣровъ.

Толкованіе саг

Извѣстный англійскій историкъ Гротъ полагалъ, что въ преданіяхъ грековъ невозможно отдѣлить вымыслъ отъ дѣйствительности и опредѣлить, сколько въ легендахъ содержится историческаго матеріала; поэтому онъ въ своей „Исторіи Греціи“ ограничился простымъ пересказомъ миѳовъ и легендъ, не пытаясь вовсе ихъ объяснять и считая всякія подобныя попытки безплодными. А. К. О. Миллеръ говоритъ, что „отбросить миѳъ, какъ нѣчто непригодное для науки, или замѣнить этотъ единственно подлинный источникъ произвольными догадками и химерами—это значитъ отрѣзать корни не только внѣшней, но и внутренней исторіи греческаго народа“. Или возьмемъ толкованія отдѣльныхъ сказаній. По однимъ, Геракл напр.—національный герой и представитель дорянъ (К. О. Миллеръ), идеальный образъ дорянина (Виламовицъ); по мнѣнію другихъ, это—богъ, причемъ его нерѣдко отождествляютъ съ финикійскимъ или, точнѣе, тирскимъ Мель-

картомъ. Миносъ у однихъ является представителемъ финикіянъ, олицетвореніемъ ихъ владычества на островѣ Критѣ и вообще на Эгейскомъ морѣ; по Э. Курціусу—наоборотъ: Миносъ—представитель греческаго элемента въ тотъ моментъ, когда элементъ этотъ начинаетъ брать перевѣсъ надъ финикійскимъ и пріобрѣтать господство на морѣ; третьи считаютъ его, въ первоначальной основѣ, не имѣющимъ ничего общаго съ финикіянами (Белохъ) или связаннымъ нераздѣльно съ дорянами на Критѣ (Э. Мейеръ). Сказаніе о золотомъ рунѣ и Аргонавтахъ, по одному мнѣнію, служитъ указаніемъ на далекія торговыя сношенія древнихъ грековъ, на тѣ страны, откуда могло получаться золото; а по другому толкованію, золотое руно—дождевыя облака; по третьему,—въ основѣ этого сказанія лежитъ солнечный миѳъ: золотое руно—солнечный свѣтъ; бѣгство Фрикса и смерть Геллы означаетъ заходъ солнца, возвращеніе руна—его восходъ и т. под. То-же можно сказать и относительно Эдипа: по одному толкованію, сказанія объ Эдипѣ—солнечный миѳъ: убійство Лая Эдипомъ означаетъ восхожденіе солнца, разгоняющаго ночной мракъ; по другому мнѣнію—тутъ слѣды того отдаленнаго времени, когда отцеубійство считалось подвигомъ и влекло за собою завладѣніе властью отца, его женами и т. д. Есть ученые, которые и въ сказаніяхъ о троянской войнѣ видятъ въ сущности аллегорію, чисто миѳологическую подкладку: Парисъ похищаетъ у эллиновъ, т. е. у „свѣтлыхъ“, у звѣздъ, красавицу Елену (напоминающую уже однимъ своимъ именемъ луну), которую затѣмъ эллины отнимаютъ обратно; а взятіе Трои Агамемнономъ означаетъ по этому толкованію восходъ солнца надъ землею. Одиссея состоитъ будто-бы изъ множества параллельныхъ версій солнечнаго миѳа и представляетъ варіаціи на одну и ту-же тему о суточномъ движеніи солнца: самъ Одиссей—солнечный герой, а, напр., Пенелопа—одна изъ характернѣйшихъ представительницъ луны [1]).

Приведенныхъ примѣровъ, я думаю, достаточно. Впрочемъ, нужно имѣть въ виду, что преданіе въ своемъ развитіи, какъ было уже сказано, можетъ видоизмѣняться, утрачивать свой первоначальный смыслъ, а его миѳологическая основа съ теченіемъ времени—отходить на задній планъ или даже совершенно забываться.

---

[1]) См Л. Ф. Воеводскій, Введеніе въ миѳологію Одиссеи. Одесса. 1882. (Изъ „Зап. Импер. Новоросс. Университета“).

Въ сущности главная задача изслѣдователя сводится къ объясненію самаго генезиса саги.

Зато миѳы и сказанія являются драгоцѣннымъ источникомъ для знакомства съ духовнымъ міромъ греческаго народа: они показываютъ намъ, какъ этотъ народъ—на извѣстной стадіи своего развитія—смотрѣлъ на природу, какъ объяснялъ онъ окружавшія его явленія; какъ представлялъ онъ себѣ своихъ боговъ и героевъ, свое прошлое, историческія событія и дѣятелей; какъ въ отдѣльныхъ образахъ и лицахъ воплощалъ иногда цѣлые періоды своей исторіи. Съ этой точки зрѣнія сказанія грековъ могутъ имѣть для насъ во всякомъ случаѣ, если не реальную, то иную, такъ сказать, идеальную правду.

3) Памятники вещественные [1]).

Значеніе вещественныхъ памятниковъ

Памятники вещественные, изученіемъ которыхъ занимается археологія—уцѣлѣвшіе остатки городовъ и поселеній, развалины стѣнъ и различныхъ зданій, начиная отъ дворцовъ и храмовъ и кончая простымъ жилищемъ, могилы, домашняя утварь, вазы, статуи и другія художественныя произведенія, оружіе, украшенія и проч.,—занимаютъ видное мѣсто въ ряду источниковъ греческой исторіи. И чѣмъ древнѣе эпоха, чѣмъ меньше имѣемъ мы о ней достовѣрныхъ письменныхъ свидѣтельствъ, тѣмъ драгоцѣннѣе для историка подобные вещественные остатки прошлаго: они наглядно знако-

---

[1]) Diehl, Excursions archéologiques en Grèce. Paris. 1890; S. Reinach, Chroniques d'Orient. I. Paris. 1891, II. Documents sur les fouilles.. 1891—5. Paris 1896, и общія сочиненія по исторіи греческаго искусства, главнымъ образомъ Perrot et Chipiez, Histoire de l'art dans l'antiquité. T. VI; Paris. 1894; Collignon, Histoire de la sculpture grecque. Paris. 1892 сл.; Rayet et Collignon, Hist. de la céramique grecque. Paris. 1888; Baumeister, Denkmaler des classischen Altertums. Munchen u. Leipz 1885—8. 3 Bde, и друг., о которыхъ—ниже, въ концѣ обзора пособій. Отчеты и сообщенія о вновь открываемомъ матеріалѣ публикуются въ Revue archéologique, Bulletin de correspondance hellénique, Mitteilungen des Kais. Deutschen Archaologischen Instituts in Athen и Jahrbuch des Kais. Deutschen Archäologischen Instituts, Archäol. Anzeiger, Berliner Philol. Wochenschrift, Journal of Hellenic Studies, Ἐφημερὶς ἀρχαιολογική, Δελτίον ἀρχαιολ., въ „Запискахъ Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества", „Археологическихъ Извѣстіяхъ и Замѣткахъ" (изд. Импер. Моск Арх Общ.), „Трудахъ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей", „Филологическ Обозрѣніи" (см. „Археологическую хронику" А Н Щукарева и С. А. Жебелева) и проч.

мятъ насъ съ культурою народа, съ его бытомъ, обычаями и погребальными обрядами, съ его искусствомъ и техникою; они переносятъ насъ въ обстановку, среди которой жили древніе; они оживляютъ наши свѣдѣнія объ общественной и частной жизни грековъ, которую, благодаря имъ, мы можемъ представить себѣ иногда до мельчайшихъ подробностей. На основаніи вещественныхъ памятниковъ мы можемъ дѣлать иногда заключенія и о политическомъ строѣ, о внѣшней исторіи народа, о его сношеніяхъ съ другими странами, о постороннихъ, иноземныхъ вліяніяхъ, на него воздѣйствовавшихъ.

Какимъ важнымъ источникомъ для историка можетъ служить, напр, керамика, сколько интересныхъ данныхъ, бросающихъ свѣтъ на исторію торговли и вообще культурныхъ сношеній, можно извлечь изъ ея изученія, показываетъ хотя бы докладъ проф. Э. Р. фонъ-Штерна: „О значеніи керамическихъ находокъ на югѣ Россіи для выясненія культурной исторіи черноморской колонизаціи“ [1]). Или, напр., о существованіи еще въ половинѣ V в. до Р. Х. довольно тѣсныхъ сношеній между Аѳинами съ одной стороны и Сициліей и Италіей—съ другой свидѣтельствуютъ главнымъ образомъ вещественные памятники—аѳинскія керамическія издѣлія, находимыя въ Этруріи, въ Кампаніи, у устьевъ По, въ Сициліи, и монеты.

Но самымъ яркимъ примѣромъ важности вещественныхъ памятниковъ, какъ историческаго источника, служатъ знаменитыя открытія Шлимана, его сотрудниковъ и продолжателей [2]): можно смѣло сказать, что если мы теперь знаемъ что-либо положительное о древнѣйшемъ періодѣ греческой исторіи и о такъ называемой микенской культурѣ, то этимъ мы обязаны почти исключительно ихъ раскопкамъ и открытымъ ими вещественнымъ памятникамъ. Раскопки эти рѣшили давній споръ, существовалъ ли дѣйствительно городъ, подобный гомерической Троѣ, и гдѣ его искать—на холмѣ ли Гиссарликъ, т. е. тамъ, гдѣ въ грекоримскую эпоху былъ Новый Иліонъ, какъ думали еще въ древности, или же нѣсколько далѣе отъ моря, у деревни Бунарбаши, какъ доказывалъ Лешевалье, французскій путешественникъ конца XVIII в? Онѣ доказали во-очію, что на Гиссарликѣ находился

---

[1]) Одесса. 1899 (изъ „Зап. Импер. Одесск. Общ. Ист и Древн.“, т. XXII).

[2]) Подробнѣе о Шлиманѣ см. ниже, въ очеркѣ разработки греческой исторіи.

рядъ поселеній, послѣдовательно возникавшихъ одно на мѣстѣ другаго; что въ двухъ древнѣйшихъ изъ нихъ господствовала очень древняя культура (такъ назыв. „троянская“), болѣе древняя, нежели „гомерическая“ и даже „микенская“; что шестой городъ [1]), принадлежащій къ эпохѣ микенской, дѣйствительно представляетъ немало сходства съ описываемой Гомеромъ Троей; что Микены, игравшія такую видную роль въ сказаніяхъ грековъ, были резиденціей могущественныхъ владыкъ и дѣйствительно были „златообильными“, какъ ихъ называетъ поэтъ. На основаніи открытыхъ въ Тиринѳѣ и Микенахъ памятниковъ мы можемъ заключить о сильной власти микенскихъ владыкъ и объ обиліи рабочихъ рукъ, находившихся въ ихъ распоряженіи, о покорности подвластнаго населенія, о развитіи техники, о богатствѣ и пышности процвѣтавшей здѣсь культуры.

Вещественные памятники свидѣтельствуютъ также, что культура эта нѣкогда была распространена не въ одной Арголидѣ, но и въ другихъ мѣстностяхъ Эллады, преимущественно въ восточной половинѣ ея, начиная отъ самой Ѳессаліи до южной оконечности Пелопоннеса, а отчасти, какъ доказываютъ открытія послѣднихъ лѣтъ, и на западѣ Греціи, на островахъ и въ Троадѣ. Сходныя ей черты встрѣчаются на Востокѣ — въ Малой Азіи, Финикіи, въ памятникахъ Египта; отсюда можно заключить, что она связана съ Востокомъ, при чемъ въ настоящее время ставится даже вопросъ: вліялъ ли Египетъ на Грецію (какъ до сихъ поръ обыкновенно думали) или же въ свою очередь и микенская культура вліяла на Египетъ (какъ доказываетъ теперь Биссингъ), а съ другой стороны обнаруживается связь и посредствующія звенья между микенскою культурою и послѣдующею, чисто эллинскою.

Такимъ образомъ, благодаря вещественнымъ памятникамъ, предъ нами открылся совершенно новый горизонтъ, приподнялась завѣса, скрывавшая отъ нашихъ взоровъ древнѣйшій періодъ греческой исторіи — періодъ микенской культуры, о существованіи которой мы раньше и не подозрѣвали, и пролить свѣтъ на связи и взаимодѣйствіе, существовавшія нѣкогда между культурными странами древняго Востока, прилегавшими къ восточной половинѣ Средиземнаго моря.

---

[1]) Шлиманъ, всю жизнь мечтавшій объ открытіи гомерической Трои, ошибочно отождествлялъ съ послѣдней сначала „третій“, а потомъ „второй“ городъ: „шестой“ городъ открытъ Дерпфельдомъ.

Вообще, важнѣйшіе съ точки зрѣнія греческой исторіи вещественные памятники суть: 1) такъ назыв. „троянскія древности“ [1])—остатки поселеній на Гиссарликѣ, въ особенности перваго, втораго и шестаго города [2]) (съ окружной стѣной, башнями и воротами, принадлежащаго, какъ было уже упомянуто, микенской эпохѣ и представляющаго много сходныхъ чертъ съ гомерическою Троею), и найденные тамъ предметы, въ томъ числѣ „большой кладъ“, открытый въ слоѣ втораго города [3]); 2) древности Микенъ [4]) (развалины стѣнъ акрополя съ знаменитыми „Львиными воротами“, каменный кругъ изъ двойнаго ряда или кольца каменныхъ плитъ, каменныя стелы съ изображеніями, могилы съ тѣлами покойниковъ, иногда въ золотыхъ маскахъ, и массой драгоцѣнностей, украшеній, оружія, сосудовъ и другихъ разнообразныхъ предметовъ [5]), развалины дворца съ двумя половинами, мужскою и женскою, а за предѣлами акрополя — нѣсколько куполообразныхъ могилъ, въ томъ числѣ и такъ называемая „Сокровищница царя Атрея“) и Тиринѳа [6]) (развалины стѣнъ и дворца, напоминающаго

Важнѣйшіе памятники.

---

[1]) Кромѣ общихъ трудовъ по исторіи искусства см. отчеты и труды самого Шлимана: Trojanische Alterthumer. Leipz. 1874; Ilios, Stadt und Land der Trojaner. Leipz. 1881; Troja. Ergebnisse meiner neuesten Ausgrabungen... im Jahre 1882. Leipz. 1884; Bericht über die Ausgrabungen in Troja im Jahre 1890. Leipz. 1891; Schuchhardt, Schliemann's Ausgrabungen in Troja, Tiryns, Mykena, Orchomenos, Ithaka im Lichte der heutigen Wissenschaft. Leipz. 1890 (есть 2-е изд.); К. К. Герцъ, Генрихъ Шлиманъ, его жизнь, раскопки и литературные труды (Русск. Вѣстн., 1882, февр.), І. Тепловъ, Поѣздка въ Троаду — На раскопкахъ Шлимана (Вѣстн Евр., 1889, кн. 8—9), Ѳ. И. Булгаковъ, Шлиманъ и его археологическая дѣятельность (Историч. Вѣстн., 1891, № 2), В. Бузескулъ, О раскопкахъ Шлимана въ Троѣ, Микенахъ и Тиринѳѣ (Филологъ Обозр., I, 1891); Dorpfeld, Troja 1893. Bericht uber die im J. 1893 in Troja veranstalteten Ausgrabungen.. Leipz. 1894, и его отчетъ въ Mitteil. d. Deutsch. Archäol. Inst., XIX (1894); см. вообще отчеты и извѣстія въ упомянутыхъ выше, на стр. 6, прим. 1, періодич. изданіяхъ (это относится и къ дальнѣйшему). Кромѣ того, ср. Milchhofer, Die Anfänge der Kunst in Griechenland. Leipz. 1883, и Helbig, Das Homerische Epos aus den Denkmalern erlautert. 2-te Aufl Leipz. 1887.

[2]) Считая отъ материка.

[3]) Находится, какъ и большая часть предметовъ, найденныхъ Шлиманомъ на Гиссарлинѣ, въ Берлинѣ, въ Этнографическомъ музеѣ.

[4]) Schliemann, Mykenae. Leipz. 1878; Tzuntas and Manatt, The Mycenaean age. London. 1897. Ср. примѣчаніе 1.

[5]) Микенскія находки хранятся въ Аѳинскомъ музеѣ.

[6]) Schliemann-Dorpfeld, Tiryns. Der prahistorische Palast der Konige von Tiryns. Leipz. 1886.

по своему устройству дворцы, описываемые Гомеромъ); 3) „Сокровищница царя Минія“ въ Орхоменѣ [1]), куполообразная могила, подобная микенскимъ; 4) развалины и остатки замѣчательныхъ сооруженій у Копаидскаго озера [2]), съ цѣлью его осушенія; 5) могилы микенской эпохи въ Спатѣ и Мениди (въ Аттикѣ) и въ южной Θессаліи; 6) сосудъ, найденный въ Вафіо [3]) (въ предѣлахъ древней Лаконіи, близъ Амиклъ), съ изображеніями, представляющими сходство съ картиной на стѣнѣ тиринѳскаго дворца; 7) развалины акрополя (между ними—остатки дворца микенской эпохи) и другія древности Аѳинъ [4]); 8) памятники Олимпіи [5]) (напр. открытые тамъ фронтоны храма и статуя Гермеса, произведеніе знаменитаго Праксителя), 9) Пергама [6]) (въ особенности рельефная группа, изображающая „гигантомахію“, борьбу гигантовъ и боговъ, образецъ греческаго искусства временъ эллинизма), 10) Дельфъ [7]),

---

[1]) Schliemann, Orchomenos. Leipz. 1881 (на русск. языкѣ см. переводъ описанія „Сокровищницы царя Минія“ въ Журн. Мин. Нар. Пр., 1881, № 6).

[2]) Отчеты Kambanis въ Bull. de corresp. hell., XVI сл., E. Curtius, Die Deichbauten der Minyer (Sitz-ber. d. Berl. Akad. d. Wissensch., 1892, и въ его Gesam. Abhandlungen, I), Philippson, Der Kopaissee (Zeitschrift d. Gesellschaft fur Erdkunde. 1894), Noack, Arne (Mitteil. d. Deutsch. Archäol. Inst., XIX, 1894)

[3]) По поводу этой чаши см. ст. Bissing'a въ Mitt. d. Deutsch. Arch. Inst., XXIII.

[4]) Ст. Cavvadias, Studniczka и друг. въ Ἐφημ. ἀρχαιολογική за 1886 и слѣд. годы; Collignon, Les fouilles de l'Acropole d'Athènes (Rev. des Deux Mondes, 1890, 15 févr.); Cavvadias, Les Musées d'Athènes. Athènes. 1886; Boetticher, Die Akropolis. Berlin. 1888; Miller, A history of the acropolis of Athens (American Journal of Archaol., VIII). Ср. C. Wachsmuth, Geschichte der Stadt Athen. Leipz. 1874—90, 2 Bde; E. Curtius, Die Stadtgeschichte von Athen. Berlin. 1891.

[5]) Die Ausgrabungen von Olympia. Berlin 1876—81, 5 Bde; Die Funde von Olympia. Berlin. 1882; E. Curtius und Adler, Olympia. Die Ergebnisse der von d. Deutsch. Reich veranstalteten Ausgrabungen; Boetticher, Olympia. Berlin. 1886, Laloux et Monceaux, La restauration d'Olympie. Paris. 1889 (на русск. яз —въ изложеніи г. Мазурина. М. 1892).

[6]) Издав. по поруч. прусск. мин. нар. просв. Altertümer von Pergamon. Предварительные отчеты Conze, Humann'a и друг. (Die Ergebnisse der Ausgrabungen von Pergamon) въ Jahrbuch d. Kgl. Preussisch. Kunstsammlungen, I. 1880, II, 1882, XI. 1888. Обзоръ работъ за 1887—98 г.г.—Conze и Schuchhardt'a (Die Arbeiten zu Pergamon) въ Mitt. d. deutsch. Arch. Inst., XXIV, 1899.

[7]) Отчеты главн. образ. Homolle въ Bull. de corresp. hellén. и въ Comptes-rendus de l'Acad. des Inscript.; его-же, Decouvertes de Delphes (Gazette des beaux-arts, XII (1894), XIII (1895); Pomtow, Beiträge zur Topographie von Delphi. Berlin. 1889, и его-же статьи въ Rhein. Mus. (т. 49,

11) Додоны [1]), 12) Эпидавра [2]), 13) Элевсина [3]); 14) „Танагрскія фигуры“ [4])—терракоттовыя статуэтки, наглядно знакомящія насъ съ обыденною жизнью грековъ, ихъ занятіями, забавами, туалетомъ; 15) развалины Эфеса [5]) и его храма, 16) Пріены [6]), гдѣ въ наши дни открыты развалины цѣлаго города, съ яснымъ очертаніемъ улицъ и площадей, съ остатками окружныхъ стѣнъ, храма, портиковъ, театра, частныхъ домовъ, 17) древности острова Ѳеры [7]) (Санторина), 18) священнаго для грековъ Делоса [8]), 19) Крита [9]), 20) Родоса [10]), 21) Кипра [11]), 22) города Ольвіи и другихъ черноморскихъ колоній

51, 52), N. Jahrbucher f. klass. Philol. (т. 153), Mitteil. d Deutsch. Arch. Instit., (XX), Philol; А В. Никитскій, Дельф. эпиграфич. этюды. Одесса. 1894—5.

[1]) Carapanos, Dodone et ses ruines. Paris. 1878.

[2]) Cavvadias. Fouilles d'Epidaure. Athènes. 1893 (т. I), Girard, L'Asclépieion d'Athènes. Paris. 1881; статьи въ Πρακτικά (за 1881 и слѣд.) и Ἐφημ. ἀρχαιολογ. (1883 и слѣд.).

[3]) Отчеты въ Πρακτικά (съ 1802 г.), Ἐφημ. ἀρχαιολογ. (1883 сл.), Bull de corr. hell (1884 сл.).

[4]) Kekulé, Thonfiguren aus Tanagra. Stuttg 1878; Pottier et Reinach, La Nécropole de Myrina Paris. 1882. 2 v; Ср. Н П Кондаковъ, Греческія терракотовыя статуэтки въ ихъ отношеніи къ искусству, религіи и быту (Зап. Одесск. Общ. Истор. и Древн., XI, 1879).

[5]) Сообщенія Benndorf'a и Heberdey (Anzeiger d Wien. Akad. d. Wissensch., 1897, 1898), Kalinka, Die neueren Forschungen in Kleinasien (N. Jahrbucher f. d. klass. Altertum, 1899, Heft 10).

[6]) См. только-что названную ст Калинки. сообщеніе Conze въ Jahrbüch. d. Deutsch. Arch. Instit. (1897), „Археолог хронику“ С. А. Жебелева въ „Фил. Обозр.“ и проч.

[7]) Hiller von Gaertringen, Thera. Untersuchungen, Vermessungen und Ausgrabungen in den Jahren 1895—8.... 1-er B. 1899.

[8]) Ст. Омолля (Homolle) въ Bull. de corresp. hell. (съ 1877 г.). Ср. Schoffer, De Deli insulae rebus. Berlin. 1889.

[9]) Труды Halbherr'a, Fabricius'a и Comparetti, о которыхъ см. ниже, по поводу Гортинской надписи.

[10]) С. А. Селивановъ, Очерки древней топографіи о-ва Родоса. Казань. 1892.

[11]) Ohnefalsch-Richter, Kypros, die Bibel und Homer. Berlin, 1893; I. L. Myres and Ohnefalsch-Richter, A Catalogue of the Cyprus Museum, with a chronicle of excavation... Oxford. 1899.

грековъ [1]), 23) Навкратиса [2]), греческаго поселенія въ Египтѣ, и т. д.

Монеты [3]).

Среди вещественныхъ памятниковъ, какъ особую категорію, нужно отмѣтить медали и монеты, изученіе которыхъ составляетъ предметъ спеціальной научной дисциплины—нумизматики.

---

[1]) Гр А. С. Уваровъ, Изслѣдованія о древностяхъ Южной Россіи и береговъ Чернаго моря. Спб. I—II вып. 1851—6; особенно-же „Записки Одесск. Общества Исторіи и Древностей", труды Бруна, П. О. Бурачкова, Ю. А. Кулаковскаго, Э. Р. ф. Штерна (напр. упомянутый раньше докладъ о „Значеніи керамическихъ находокъ"), В. В. Латышева, Изслѣдов. объ исторіи и государ. строѣ гор. Ольвіи. Спб. 1887 (изъ Ж. М. Н. Пр.); его-же, Краткій очеркъ исторіи Боспорскаго царства. Симферополь 1893; отчеты г. Косцюшко-Валюжинича о раскопкахъ въ Херсонесѣ; Н. П. Кондаковъ и гр. И. И. Толстой, Русскія древности въ памятникахъ искусства. Вып. I. Классич. древн. Южн. Россіи. Спб. 1889; А. Н. Деревицкій, А. А. Павловскій и Э. Р. ф. Штернъ, Музей Импер. Одесск. Общества Ист. и Древн. (изд. античныхъ „Терракоттъ". Од. 1897 сл.). Относительно монетъ и надписей см. ниже.

[2]) Flinders-Petrie, Gardner and Griffith, Naucratis. 1886—8. 2 v.; Flindes-Petrie, Ten years digging in Egypt. 1892. Ср. его-же, Kahun, Gurob and Hawara. Lond. 1890, и Illahun, Kahun and Gurob. Lond. 1891.

[3]) Mommsen, Geschichte des römischen Münzwesens. 1860,—трудъ, важный и для греческой нумизматики съ точки зрѣнія метода. О значеніи монетъ, какъ историческаго источника: Dannenberg, Grundzüge der Münzkunde. Leipz. 1891; Stubel, Die Stellung der Numismatik innerhalb der historischen Hulfswissenschaften (Beilage z. Allgem. Zeitung, 1898, № 177). Описаніе монетъ—въ старинныхъ трудахъ Eckhel'я, Doctrina nummorum veterum (1792—8. 8 v.), и Mionnet, Description des médailles antiques Grecques et Romaines (1806—13, 6 т., 7-й—таблицы) и Supplément къ этому описанію (1819—39, 9 т.). Въ настоящее время Берлинскою Академіею Наукъ предпринято изданіе Corpus nummorum (1899 сл.) подъ редакціей извѣстнаго спеціалиста Imhoof-Blumer'a. См. также каталоги греческихъ монетъ, хранящихся въ музеяхъ: Британскомъ (Catalogue of the Greek coins of the British Museum, 1873 сл.), Берлинскомъ (Beschreibung der antiken Münzen, von Sallet. 1888—9), Вѣнскомъ (Beschreibung der altgriechischen Münzen, von Schlosser. 1893), въ Парижской Національной Библіотекѣ (Catalogue des monnaies Grecques de la Biblioth. Nation. 1890—2), и труды Imhoof-Blumer'a (Die Münzen Akarnaniens. 1878; Porträtkopfe auf antiken Münzen hellenischer und hellenisirter Völker. 1885; Griechische Münzen. München. 1890); Gardner'a, The types of Greek coins. 1883, Λάμπρος, Ἀναγραφὴ τῶν νομισμάτων τῆς κυρίας Ἑλλάδος. 1891. Новый матеріалъ публикуется въ періодическихъ изданіяхъ—Numismatische Zeitschrift (Wien), Zeitschrift für Numismatik (Berlin), Revue numismatique, The numismatic chronicle и т. под. На русск. яз.: Гр. Спасскій, Босфоръ Киммерійскій съ его древностями и достопамятностями. М. 1846, и „При-

Эти „металлическіе“ источники важны во-первыхъ для исторіи экономической—для исторіи денегъ и денежнаго обращенія, торговыхъ сношеній и пр. Они имѣютъ значеніе и для политической исторіи: на основаніи монетъ можно дѣлать заключенія о взаимныхъ отношеніяхъ государствъ или городовъ, о ихъ политической зависимости или независимости—такъ какъ чеканка монеты есть актъ суверенитета—, о существованіи союзовъ и т. под. Такъ, напр., благодаря только нумизматическимъ даннымъ, мы узнаемъ о томъ, что послѣ битвы при Книдѣ между различными греческими городами заключенъ былъ союзъ: остальные наши источники объ этомъ умалчиваютъ. Монеты нерѣдко даютъ намъ портреты историческихъ дѣятелей. Такъ какъ онѣ снабжены именами и точными датами, то имѣютъ большое значеніе и для хронологіи. Иногда благодаря лишь монетамъ мы узнаемъ въ настоящей формѣ имена, передаваемыя историками въ искаженномъ видѣ; узнаемъ о существованіи лицъ и цѣлыхъ династій, о которыхъ до насъ не дошло никакихъ другихъ свѣдѣній. Особенно это нужно сказать объ эпохѣ такъ называем. эллинизма: по исторіи отдаленныхъ эллинистическихъ государствъ, напр. Бактры, монеты—едва-ли не единственный нашъ источникъ, изъ котораго мы черпаемъ хотя нѣкоторыя отрывочныя данныя Монеты, благодаря имѣющимся на нихъ изображеніямъ, способствуютъ нашему знакомству съ миѳологіей грековъ, а также съ домашнею жизнью ихъ, съ одеждой, вооруженіемъ. Наконецъ, онѣ знакомятъ и съ состояніемъ искусства, такъ какъ онѣ сами—отчасти произведеніе искусства.

бавленіе“. 1850; В. В. Григорьевъ, Цари Воспора Киммерійскаго, преимущественно по современнымъ имъ надписямъ и монетамъ. Спб. 1851; Д. И. Прозоровскій, Опись греческимъ, римскимъ и византійскимъ монетамъ, поступившимъ въ нумизкабинетъ Имп. Русск. Арх. Общ. (Извѣст. Имп. Рус. Арх. Общ., VIII, 1877), и его-же, Опись древнихъ греческихъ и римскихъ монетъ, хранящихся въ нумизкабинетѣ Имп. Рус. Арх. Общ. (ibid., IX, 1880), А. М. Подшиваловъ, Опись неизданныхъ и малоизвѣстныхъ монетъ европейск. Сарматіи, Таврическаго Херсонеса и Босфора Киммерійскаго. М. 1882 (и на нѣм. яз.); его-же. Монеты царей Босфора Киммерійскаго (Зап. Од. Общ. Ист. и Древн., XV. 1889); П. О. Бурачковъ, Сборникъ матеріаловъ для изученія искусства и монетнаго производства у народовъ, живших въ древн. на югѣ Россіи.... Одесса. 1884; А. В. Орѣшниковъ, Каталогъ собранія древностей гр. А. С. Уварова. Вып. VII. 1887; его-же, Описаніе древнегреч. монетъ, принадлежащихъ Имп. Моск. унив. М. 1891; его-же, Матеріалы по древней нумизматикѣ Черноморскаго побережья. М. 1892.

4) Надписи [1]) и другіе документы.

Надписи стоятъ, такъ сказать, на рубежѣ между памятниками вещественными и собственно письменными; онѣ составляютъ какъ-бы переходъ отъ первыхъ ко вторымъ.

Надписи начертывались на стѣнахъ зданій, на подножіяхъ алтарей и статуй и вообще на различныхъ предметахъ—треножникахъ, монетахъ, вазахъ, черепкахъ (*ὄστρακα*), на деревянныхъ [2]) и металлическихъ доскахъ или табличкахъ; но въ громадномъ большинствѣ онѣ вырѣзывались на камняхъ — на отесанныхъ, преимущественно мраморныхъ, стелахъ, причемъ если надписи были характера оффиціальнаго, то ихъ выставляли обыкновенно въ публичныхъ мѣстахъ, въ акрополѣ, на площадяхъ, въ храмахъ и т. д.

Размѣры надписей — различные, отъ нѣсколькихъ буквъ до нѣсколькихъ десятковъ тысячъ. Такъ напр. знаменитая Гортинская надпись состоитъ изъ 12 столбцовъ и содержитъ въ себѣ до 17000 буквъ, а одна дельфійская надпись II-го в. до Р. Х. имѣетъ болѣе 500 строкъ и 60000 буквъ.

Значеніе и содержаніе надписей

Среди источниковъ греческой исторіи надписи занимаютъ чрезвычайно важное мѣсто, и уже въ виду этого должны быть выдѣлены въ особую категорію. Для греческой исторіи онѣ, говоря вообще, имѣютъ то же значеніе, что̀ для новой—архивные документы. Это—по большей части „instrumenta juris publici et privati, sacri et profani“ [3]). Онѣ представляютъ собой какъ-бы каменный музей или архивъ Эллады, и въ нѣкоторыхъ областяхъ

---

[1]) Franz, Elementa epigraphices graecae. Berlin. 1840; S. Reinach, Traité d'épigraphie grecque, précédé d'un essai sur les inscriptions grecques par C. T. Newton. Paris. 1885; Larfeld, Griechische Epigraphik. 1892 (въ Handbuch d. klassisch. Altertumswissensch., hrsg. von Iw. v. Muller, 2-te Aufl.), и его-же, Handbuch der griechischen Epigraphik (пока вышла 1-я половина II-го тома. 1898; всѣхъ томовъ предположено 4); Busolt, Ueber die gegenwärtige Bedeutung der Inschriften als Quellen für die griechische Geschichte (Deutsche Rundschau, 1893, Nov); ст. В. А. Шеффера, Наука объ эпиграфикѣ (Филол. Обозр., 1891, т. I, кн. 2). Объ изданіяхъ надписей—см. далѣе.

[2]) Вспомнимъ Солоновы „аксоны“.

[3]) Есть, разумѣется, и исключенія: иногда надписи содержатъ легенды, какъ напр. двѣ надписи въ Магнесіи (на Меандрѣ), воспроизводящія легендарную исторію основанія города.

ея, напр. въ Аттикѣ, каждый городъ, почти каждая деревушка имѣла свой подобнаго рода архивъ.

Содержаніе надписей—самое разнообразное. Онѣ представляютъ собою государственные и частные договоры, законы, постановленія народныхъ собраній, совѣта, отдѣльныхъ общинъ, фратрій, гетерій, списки фороса или дани, списки жрецовъ, архонтовъ и другихъ должностныхъ лицъ, тріэрарховъ, хореговъ, павшихъ въ бою воиновъ, побѣдителей на играхъ, эфебовъ; декреты въ честь того или другаго лица, о дарованіи права гражданства, о проксеніи, отпускныя на волю грамоты; контракты, долговыя обязательства, инвентари, описи и счеты; посвященія, эпитафіи, заклинанія и проч. и проч. Такимъ образомъ надписи обнимаютъ государственную, религіозную и частную жизнь; даютъ свѣдѣнія о внѣшнихъ отношеніяхъ и политикѣ греческихъ государствъ, о ихъ внутреннемъ положеніи и организаціи, объ ихъ администраціи, правѣ, судѣ, финансахъ, хозяйствѣ, численности населенія и т. д., и притомъ—свѣдѣнія документальныя. Онѣ дополняютъ или исправляютъ свидѣтельства древнихъ авторовъ, сообщая нерѣдко совершенно новые для насъ факты. Надписи чужды той субъективности, которая отличаетъ произведенія историковъ, даже самыхъ безпристрастныхъ; по большей части онѣ болѣе или менѣе современны событію, котораго касаются, и дошли до насъ непосредственно, не подвергаясь искаженію со стороны многочисленныхъ переписчиковъ.

Послѣ всего этого неудивительно, что въ настоящее время подчасъ замѣчается нѣкоторое, можно сказать даже излишнее, увлеченіе надписями, преувеличенная оцѣнка ихъ, какъ историческаго источника; изъ-за надписей иногда оставляютъ въ нѣкоторомъ пренебреженіи или въ тѣни источники литературные. Такой крайности и односторонности слѣдуетъ, разумѣется, избѣгать. Нужно помнить, что, при всемъ своемъ значеніи, надписи не могутъ вполнѣ замѣнить литературные источники, и безъ послѣднихъ обойтись нельзя.

Недостатки надписей, какъ источника.

Какъ источникъ документальный и притомъ большею частію оффиціальный, надписи о многомъ ничего не сообщаютъ; да иногда и не могутъ сообщить по самому свойству эпиграфическаго матеріала. Однѣ надписи не познакомятъ насъ съ явленіями бытовыми, съ духовнымъ міромъ грековъ, съ міровоззрѣніемъ общества: онѣ ничего не скажутъ намъ о его стремленіяхъ, взглядахъ, идеалахъ, о перемѣнахъ въ нихъ, объ умственномъ движеніи. Над-

писи, кромѣ того, лишены, такъ сказать, индивидуальности. Въ этомъ ихъ и достоинство, и недостатокъ. Въ нихъ не выступаетъ предъ нами личность, съ ея особенностями, съ ея темными и свѣтлыми сторонами, съ мотивами и страстями: въ нихъ говоритъ обыкновенно должностное лицо, безличный государственный органъ. Самая форма и стиль надписей — шаблонны, стереотипны, не носятъ на себѣ индивидуальныхъ чертъ. Наконецъ, не слѣдуетъ забывать, что даже и по отношенію къ источнику документальному, каковы надписи, необходима критика. Простой опытъ повседневной жизни и примѣры изъ исторіи другихъ эпохъ и народовъ показываютъ намъ, что не всегда документамъ можно вѣрить безусловно; и къ нимъ должна быть приложима критика въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Надписи напр. о многомъ могутъ съ намѣреніемъ умалчивать, утаивать, сглаживать и стушевывать факты, представлять дѣло въ нѣсколько иномъ свѣтѣ; онѣ являются иногда оффиціальною версіею, мало соотвѣтствующею дѣйствительности. О насиліяхъ и правонарушеніяхъ оффиціальный актъ ничего не скажетъ; онъ облечетъ все это по возможности въ законныя, приличныя формы [1]). Не говорю уже о постановленіяхъ напр. въ честь какого-либо лица: въ такихъ случаяхъ заслуги обыкновенно преувеличиваются.

Важнѣйшія надписи.

Къ числу древнѣйшихъ эпиграфическихъ памятниковъ принадлежатъ надписи греческихъ поселенцевъ въ Навкратисѣ и извѣстная надпись въ Абу-Симбелѣ (въ Нубіи) [2]), начертанная на колоссѣ, стоящемъ передъ храмомъ, и принадлежащая греческимъ наемникамъ „царя Псамметиха“ [3]): въ ней перечисляются имена воиновъ, принимавшихъ участіе въ экспедиціи Псамметиха къ Элефантинѣ. Изъ другихъ интересныхъ въ историческомъ отношеніи надписей отмѣтимъ напр. „Паросскій мраморъ“ (III в. до Р. Х.) [4]), пріобрѣтенный еще въ XVII в. въ Смирнѣ агентомъ лорда Арунделя и хранящійся теперь въ Оксфордскомъ университетѣ; онъ представляетъ краткую хронику событій, начиная

---

[1]) См. совершенно вѣрныя замѣчанія E. Meyer'a, въ его Forschungen zur alten Geschichte, Halle. 1899. II, 422—3.

[2]) Rohl, Inscriptiones Graecae antiquissimae, n° 482; Corpus Inscript Graecarum, III, n° 5126.

[3]) I или II,—вопросъ спорный: если I, то надпись относится приблизительно къ половинѣ VII в., если II, то—къ началу VI-го в. до Р. Х.

[4]) K. Muller, Fragm. Histor. Graec., I, 535 сл.; Corp. Inscr. Graec, II, n° 2374; Flach, Chronicon Parium. Tübingen. 1884.

отъ Кекропа, и важенъ для хронологіи: за исходный пунктъ въ немъ принимается архонтство Діогнета (т. е. 264/3 г. до Р. Х.) и обозначается, сколько лѣтъ отдѣляютъ данное событіе отъ этого архонтства. До насъ „Паросская хроника“ цѣликомъ не дошла: на мраморѣ Арунделя текстъ обрывался 355/4 г., но недавно найденъ новый обломокъ этой надписи, обнимающій 336—329 годы [1]).—Впрочемъ, „Паросскій мраморъ“ составляетъ своего рода исключеніе изъ общаго типа надписей: по своему содержанію и характеру это—скорѣе литературное произведеніе Зато типична и чрезвычайно важна Гортинская надпись [2]), открытая въ 1884 г. итальянскимъ ученымъ Halbherr'омъ, при содѣйствіи Фабриціуса, на стѣнѣ развалившагося античнаго зданія и представляющая цѣлый кодексъ гражданскаго права (начала VI в.) г. Гортины на островѣ Критѣ: она имѣетъ громадное значеніе для знакомства съ юридическими и соціальными отношеніями того времени,—съ правомъ семейнымъ, порядкомъ наслѣдованія, положеніемъ женщины, рабовъ и проч. А изъ аттическихъ надписей важны напр. списки дани аѳинскихъ союзниковъ [3]); въ нихъ перечисляются города, платившіе въ Аѳины форосъ, съ обозначеніемъ размѣра фороса, платимаго каждымъ городомъ [3]). Надписи эти сохранились за цѣлый рядъ годовъ, начиная съ 454 г. и до 420. Такимъ образомъ, на основаніи ихъ мы можемъ составить себѣ

[1]) См. Mitteil. d. Deutsch. Archaol. Instit., XXII, 1897; русск. переводъ этого новаго отрывка см. въ „Археолог. хроникѣ“ С. А. Жебелева, Фолог. Обозр., XIII (1897), кн. 2.

[2]) Впервые опубликована E Fabricius'омъ (въ Mitteil. d. Deutsch. Arch. Instit, IX, 1884) и Comparetti (въ Museo ital. di antichità classica. I, 1885); см. также Bücheler und Zitelmann, Das Recht von Gortyn, въ Rhein. Mus., 40 B., 1885 (Ergänzungsheft). Вообще имѣется цѣлый рядъ изданій этой надписи; см. въ особенности Recueil des inscriptions juridiques grecques, par Dareste, Haussoullier, Th. Reinach, 3-me faseic. (1894), гдѣ помѣщенъ текстъ, франц. переводъ и комментарій. На русск. яз. Гортинская надпись перевед. С. В. Мирошниковымъ (въ „Зап. Имп. Русск. Арх. Общ.“, III, 1888).—Недавно найдены новые отрывки той-же надписи

[3]) C. I. A., I, n° 234 сл О нихъ см. главнымъ образомъ Kohler, Urkunden und Untersuchungen zur Geschichte des delisch-attischen Bundes (въ Abhandlungen d. Berlin. Akad d. Wissensch., 1869), и Busolt, Der Phoros der athen. Budner (въ Philologus, 41 B., 1882); на русск. яз.—Ѳ. Ѳ. Соколовъ, Замѣчанія о спискахъ дани союзниковъ аѳинскихъ (въ „Трудахъ II Археол. Съѣзда“, 1872).

[4]) Собственно говоря, это большею частью списки не самой дани (фороса), а лишь 1/60 доли ея, отчислявшейся въ казну боги Аѳины; но, понятно, цифру фороса легко узнать, помноживъ находящееся въ спискѣ число на 60.

точное понятіе о положеніи союзниковъ, о томъ, какъ велика была сумма обложенія, какимъ колебаніямъ она подвергалась, какъ мѣнялось положеніе того или другаго союзнаго города и т. д. Словомъ, для исторіи перваго аѳинскаго союза надписи эти являются незамѣнимымъ, нашимъ главнѣйшимъ и притомъ документальнымъ источникомъ. Укажу также на надписи, содержащія договоры аѳинянъ съ г. Эріорами [1]) (въ М. Азіи) и г. Халкидой (на Евбеѣ) [2]) и освѣщающія намъ отношенія между Аѳинами и ихъ союзниками, положеніе послѣднихъ, политику первыхъ, роль аѳинской гелеи и совѣта (βουλή) и проч. Для знакомства съ аѳинскими финансами и ихъ устройствомъ очень характерна надпись, которая содержитъ „постановленіе совѣта и народнаго собранія", состоявшееся по предложенію Каллія [3]): здѣсь самымъ точнымъ образомъ опредѣляется порядокъ уплаты долга „другимъ" (т. е. кромѣ Аѳины) „богамъ" и учрежденія казны этихъ „другихъ боговъ". Изъ нея мы видимъ, какой порядокъ, строгая отчетность и гласность господствовали въ финансовой администраціи Аѳинъ въ ихъ лучшую пору.

Много надписей погибло безвозвратно; немало ихъ храпится подъ грудой мусора или въ стѣнахъ зданій, такъ какъ камни, на которыхъ онѣ начертаны, въ теченіе многихъ поколѣній употреблялись, а иногда и теперь еще употребляются, въ качествѣ строительнаго матеріала, и нѣкоторыя изъ дошедшихъ до насъ надписей найдены вдѣланными въ стѣны церквей, домовъ и другихъ построекъ. Большинство найдено на поверхности земли или благодаря раскопкамъ. Часто онѣ представляютъ лишь обломки; многія буквы и даже цѣлыя строки нерѣдко стерты или ихъ трудно разобрать. Такимъ образомъ, найденную надпись прежде всего необходимо правильно прочесть и возстановить ея текстъ, что̀ является дѣломъ нелегкимъ: здѣсь необходима большая опытность, знаніе языка надписей, ихъ стиля, ихъ обычныхъ формулъ; нуженъ под-

Эпиграфика.

---

[1]) C. I. A., I, n° 9 (=Dittenberger, Sylloge inscr. graec., I², n° 8).

[2]) C. I. A., IV, n° 27ª (=Dittenberger, Sylloge, I², n° 17). Французск. пер. этой надписи—въ ст. Foucart, Revue archéol., XXXVIII, 1877.

[3]) C. I. A., I, n° 32 (=Dittenberger, Sylloge, I², n° 21ª). По вопросу о томъ, къ какому времени относится это постановленіе (къ 409/8 или къ эпохѣ Перикла), мнѣнія расходятся (ср. главнымъ образомъ Böckh, Die Staatshaushaltung der Athener, II², 65—65; Kirchhoff, Bemerkungen zu d. Urkunden der Schatzmeister der anderen Götter, въ Abh. d. Berl. Akad., 1864, и E. Meyer, Forschungen z. alten Gesch. Halle. 1899. II, 88 сл.

часъ даже особый даръ дивинаціи. Затѣмъ надпись надо надлежащимъ образомъ объяснить—опредѣлить ея дату, поставить въ связь съ другими свидѣтельствами и извѣстными намъ фактами, истолковать ея содержаніе, извлечь изъ разбираемаго эпиграфическаго матеріала всѣ, какія только можно, данныя. Все это составляетъ задачу эпиграфики, развившейся особенно за послѣднія тридцать лѣтъ.

Начали отыскивать и собирать надписи еще въ эпоху гуманизма (напр. Ciriaco de'Pizzicoli или, какъ онъ самъ обыкновенно называлъ себя, Кириакъ изъ Анконы [1]), XV в.). Въ XVII вѣкѣ вышелъ сборникъ „Мраморовъ гр. Арунделя", Marmora Arundelliana (London. 1628), подъ редакціей Selden'a; здѣсь, между прочимъ, помѣщена была впервые „Паросская хроника", о которой мы говорили выше. Въ XVIII стол. Fourmont, путешествовавшій по Греціи, собралъ и скопировалъ значительное число надписей; но между ними немало неточныхъ копій и даже поддѣлокъ самого Фурмона.

Настоящимъ основателемъ эпиграфики явился Августъ Бекъ (Bockh) [2]), авторъ извѣстнаго труда о государственномъ хозяйствѣ аѳинянъ (Die Staatshaushaltung der Athener), основаннаго преимущественно на эпиграфическомъ матеріалѣ: имъ начато изданіе знаменитаго собранія греческихъ надписей—Corpus Inscriptionum Graecarum [3])—, предпринятое по порученію и на счетъ Берлинской Академіи Наукъ. Все собраніе состоитъ изъ 4 томовъ, изъ которыхъ первые 2 редактированы самимъ Бекомъ (I т. вышелъ тремя выпусками въ 1825—8 г., II т.—въ 1843), III томъ—Franz'емъ (1853), и IV—Curtius'омъ и Kirchhoff'омъ (1856—9), на основаніи собраннаго Бекомъ матеріала; индексъ ко всему собранію составленъ Röhl'емъ и появился лишь въ 1877 г. Въ основу положенъ географическій принципъ: надписи расположены по областямъ и ихъ текстъ сопровождается подробнымъ комментаріемъ. Такъ положено было начало первому обширному и научному собранію греческихъ надписей. *Сборники надписей.*

Въ виду того, что число извѣстныхъ намъ аттическихъ надписей все увеличивалось и достигло огромнаго количества, Берлинской Академіей Наукъ въ 70-хъ годахъ предпринято было

[1]) Inscriptiones sacrosanctae vetustatis (1563); краткій Itinerarium (1742) и Epigrammata reperta per Illiricum (1654 и 2-е изд.—1749).

[2]) Подробнѣе о немъ—ниже, въ очеркѣ разработки греческой исторіи.

[3]) Цитируется обыкновенно такъ: C. I. G. или CIG.

изданіе другаго, не менѣе капитальнаго собранія—Corpus Inscriptionum Atticarum [1]), въ 4 томахъ: I т. (1873), подъ редакціей Kichhoff'a, содержитъ надписи до архонтства Евклида, т. е. до 403 г. до Р. Х.; II-и (1877—88), подъ редакціей Kohler'a,—до временъ Августа; III-и (1878—82), редактированный Dittenberger'омъ, заключаетъ въ себѣ аттическія надписи временъ римской имперіи, а въ IV-мъ (1877—95), обработанномъ Кирхгоффомъ и Келеромъ, находятся дополненія (Supplementa) къ первымъ двумъ томамъ [2]).

Два эти сборника—Corp. Inscr. Graec. и въ особенности Corp. Inscr. Attic.—самые важные и необходимые для историка [3]).

Въ настоящее время имѣется, кромѣ того, цѣлый рядъ другихъ собраній и изданій надписей, напр. сѣверной Греціи [4]), острововъ Эгейскаго моря [5]), Сициліи и Италіи [6]), Македоніи [7]), сѣвернаго побережья Чернаго моря [8]), Кавка-

---

[1]) Цитируется C. I A или CIA.

[2]) Вышелъ еще, кромѣ того, Appendix (1897), подъ редакціей Wunsch'a, содержащій Defixionum tabellae Atticae, таблички съ наговорами и заклинаніями.

[3]) Изъ другихъ сборниковъ, появившихся въ промежутокъ между собраніемъ Бека и C. I. A., можно отмѣтить: Ludw. Ross, Inscriptiones Graecae ineditae 1834—45. 3 fascic.; Rangabé, Antiquités helléniques. 1842—55. 2 v., гдѣ собраны надписи, сдѣлавшіяся извѣстными со времени освобожденія Греціи отъ турокъ (объ интересной личности самого Рангави, политическаго дѣятеля, дипломата, поэта и ученаго, см. лекцію А. Н. Деревицкаго, Александръ Ризо Рангави. Одесса. 1896 [изъ „Труд. Од. Общ. Ист. и Древн."]); Le Bas, Waddington et Foucart, Voyage archéologique en Grèce et en Asie Mineure. II-me partie: Inscriptions grecques et latines. Paris. 1847—76 3 v. Но всѣ эти сборники уже болѣе или менѣе устарѣли.

[4]) Corpus Inscriptionum Graecarum Graeciae Septentrionalis. Berlin, ed. Dittenberger (выходитъ съ 1892 г.; всѣхъ томовъ предположено 4).

[5]) Inscriptiones graecae insularum maris Aegaei, ed. Hiller de Gaertringen. Berlin (съ 1895 г.).

[6]) Inscriptiones Graecae Siciliae et Italiae...., ed. Kaibel. Berlin. 1890. Всѣ три вышеупомянутыя собранія—изд. Берл. Ак. Наукъ

[7]) Dimitzas (Δημητσας), ἡ Μακεδονία ἐν λίθοις.... ἤτοι.... συλλογὴ 1409 ἑλληνικῶν καὶ 189 λατινικῶν ἐπιγραφῶν κτλ. 1896.

[8]) Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae, ed. B. Latyschev. Спб. 1885—90. 2 т. (изд. по поруч. Имп. Русск. Арх. Общ.); его-же, „Дополненія и поправки" къ этому собранію (въ „Зап. Импер Русск. Арх. Общ.", т. IV—V, 1890—1) и Inscriptiones Graecae in oris Bospori Cimmerii et Chersonesi Tauricae per annos 1881—8 repertae. Спб. 1890 (Прилож къ „Отч. Археол. Коммис." за 1882—8).

за [1]), Олимпіи [2]), Эпидавра [3]), Пергама [4]), о. Крита [5]), о. Коса [6]), Навкратиса [7]) и проч. Вѣнскою Академіею Наукъ предпринято, подъ руководствомъ Benndorf'a, изданіе собранія (Corpus) всѣхъ мало-азіатскихъ надписей. Существуютъ также особые сборники надписей, хранящихся въ Британскомъ Музеѣ [8]); надписей на черепкахъ (изъ Египта и Нубіи) [9]); надписей древнѣйшихъ [10]), діалектическихъ [11]), юридическихъ [12]), сакральныхъ [13]), метрическихъ [14]).

При такомъ обиліи собраній, большею частью обширныхъ и мало доступныхъ по цѣнѣ, естественно явилась потребность въ такомъ изданіи, въ которомъ собраны были бы лишь наиболѣе важныя и интересныя въ историческомъ отношеніи надписи. Этой потребности удовлетворяютъ сборники: Hicks, Manual of greek

---

[1]) И. В. Помяловскій, Сборникъ греческихъ и латинскихъ надписей Кавказа. Спб. 1881

[2]) Olympia. V-er B: Die Inschriften von Olympia, bearb. von Dittenberger und Purgold. 1896.

[3]) См. Cavvadias, Fouilles d'Epidaure. I 1893.

[4]) Die Inschriften von Pergamon, unter Mitwirkung von Fabricius und Schuchhardt hrsg. von Max Frankel. Berlin. 1890—5 (т. VIII, 1—2, изданія Alterthumer von Pergamon).

[5]) Comparetti. La leggi di Gortyna e le altre iscrizioni archaiche Cretesi. I. 1893 (Monumenti antichi publ. per cura della Reale Acad. dei Lincei, v. III), II-й—въ изд. Halbherr'a.

[6]) Paton and Hicks, The inscriptions of Cos. Oxford. 1891.

[7]) См. Flinders Petrie, Gardner and Griffith, Naucratis. 1886—8. 2 v

[8]) Newton and Hicks, Collection of ancient greek inscriptions in British Museum (нѣсколько частей, съ 1874 г.).

[9]) Wilcken, Griechische Ostraka aus Aegypten und Nubien Leipz.—Berlin. 1899. 2 Bde.

[10]) Röhl, Inscriptiones Graecae antiquissimae. Berlin 1882 (изд. Берлин. Акад.); его-же, Imagines inscriptionum Graecarum antiquissimarum. Berlin. 1894 (2-е изданіе),—facsimile древнѣйшихъ надписей.

[11]) Sammlung der griechischen Dialekt-Inschriften, hrsg. von Collitz, bearb. von Baunack, Bechtel u. s. w. Gottingen 1888 сл. (нѣск. частей). Здѣсь между прочимъ—и дельфійскія надписи, обраб. Baunack'омъ.

[12]) Recueil des inscriptions juridiques grecques. Texte, traduction, commentaire, par Dareste, Haussoullier, Th Reinach. Paris. 1891—4. Съ 1898 г. изд. нов. серія ихъ (Deuxième série).

[13]) Leges Graecorum sacrae e titulis collectae, ed. de Prott et Ziehen. Leipz. 1896 (fasc. I).

[14]) Hoffmann, Sylloge epigrammatum Graecorum.... Halle, 1893; Preger, Inscriptiones graecae metricae ex scriptoribus praeter Anthologiam collectae. Leipz. 1891.

historical inscriptions (Oxford. 1882), въ особенности же—Dittenberger, Sylloge inscriptionum graecarum, Leipz. 2 т. (1-е изд.—1883; 2-е—1898) и Michel, Recueil d'inscriptions grecques (Bruxelles. 1897—1900) [1]); послѣдніе два во многихъ случаяхъ могутъ замѣнить такія слишкомъ обширныя и дорого стоющія собранія, какъ Corp. Inscr. Gr. Бека и Corp. Inscr. Att., и даже имѣютъ то преимущество, что они новѣе.

Явилась надобность и въ своего рода указателѣ—въ точной регистраціи обширнаго эпиграфическаго матеріала, всѣхъ доселѣ извѣстныхъ надписей, какъ собранныхъ въ разныхъ, названныхъ выше, коллекціяхъ, такъ и разсѣянныхъ въ многочисленныхъ періодическихъ изданіяхъ. Такую регистрацію мы найдемъ въ трудѣ Larfeld'a, Handbuch der griechischen Epigraphik (Leipz. 1898 сл.) [2]). А вновь открываемыя надписи публикуются обыкновенно въ такихъ періодическихъ изданіяхъ, какъ: Mitteilungen des Deutsch. Archäologisch. Instituts, Bulletin de correspondance hellénique, Archäologisch-epigraphische Mittheilungen aus Oesterreich-Ungarn (въ замѣнъ которыхъ съ 1898 издаются Jahreshefte des Österreichischen Archäologischen Instituts in Wien), Ἐφημερὶς ἀρχαιολογική, Δελτίον и др.

Рукописные документы

Кромѣ „каменнаго архива" надписей существовали въ Греціи и рукописные документы. Различные государственные акты, первоначальные проэкты, оригиналы законовъ и псефизмъ, съ которыхъ вырѣзывались надписи, протоколы засѣданій совѣта и народныхъ собраній и т. под., хранились напр. въ Метроонѣ, этомъ государственномъ архивѣ Аѳинъ. Но подобнаго рода рукописные документы непосредственно до насъ не дошли; отрывки изъ нихъ сохранились въ рѣчахъ ораторовъ [3]), часто ихъ цитирующихъ, и въ передачѣ и цитатахъ историковъ, притомъ иногда изъ вторыхъ и третьихъ рукъ (произведенія этихъ историковъ большею частью тоже не дошли до насъ цѣликомъ).

[1]) Къ этому сборнику будетъ издано еще Supplément.

[2]) Изд. начато со II-го тома, посвященнаго аттическимъ надписямъ; всѣхъ томовъ предполагается 4.

[3]) Вопросъ о подлинности документовъ, цитируемыхъ ораторами, рѣшавшійся нѣкогда Дройзеномъ (см. его Kleine Schriften z. alten Gesch. Leipz. 1893. I) и Вестерманомъ въ отрицательномъ смыслѣ, теперь рѣшается въ болѣе положительномъ; см. напр. Drerup, Über die bei den attisch. Rednern eingelegten Urkunden. Leipz. 1898 (изъ Jahrb. f. klass. Philol., Suppl.-b. XXIV).

Зато въ Египтѣ сохранилось немало папирусовъ, въ томъ числѣ и греческихъ [1]). Имѣются цѣлыя коллекціи ихъ; напр.—коллекція эрцгерцога Райнера въ Вѣнѣ [2]); папирусы Флиндерса Петри [3]), хранящіеся въ Дублинѣ; папирусы изъ Оксиринха [4]) и многіе другіе, хранящіеся въ Оксфордѣ, Лондонѣ [5]), Берлинѣ [6]), Парижѣ [7]), Женевѣ [8]) и т. д. Многіе изъ этихъ папирусовъ содержатъ самый разнообразный документальный матеріалъ—преимущественно изъ временъ Птолемеевъ, напр. счеты, квитанціи, завѣщанія, контракты, письма, приказы, донесенія, прошенія, иски, жалобы, судебные приговоры и т. под., такъ-что благодаря этому матеріалу мы во всѣхъ подробностяхъ знакомимся съ государственнымъ правомъ и устройствомъ, администраціей, податною системою (интересенъ напр. податной уставъ Птолемея Филадельфа, 259/8 г. до Р. Х.) [9]), хозяйствомъ и вообще внутреннимъ положеніемъ страны фараоновъ въ Александрійскую эпоху. *Папирусы.*

5) Литературныя произведенія.

Но какъ ни важны для современнаго историка Греціи вещественные памятники и надписи, все-же главнымъ источникомъ для него являются памятники литературные [10]),—конечно,

[1]) См. рефератъ Wilcken'a, Griechische Papyri. Die griechischen Papyrusurkunden. Berlin. 1897.

[2]) Mittheilungen aus der Sammlung der Papyrus Erzherzog Rainer. 1887—97. 6 Bde; Wessely, Corpus Papyrorum Raineri. 1895 сл.

[3]) Mahaffy, On the Flinders Petrie Papyri. Dublin. 1891.

[4]) Grenfell and Hunt, The Oxyrhynchus Papyri. London. 1898 сл. (Оксиринхъ—нын. Behneseh, въ 120 англ. миляхъ къ югу отъ Каира, на границѣ Ливійской пустыни). Ср. Grenfell, An Alexandrian erotic fragment and other Greek papyri. Oxford. 1896; Grenfell and Hunt, New classical fragments and other Greek and Latin Papyri. Oxford. 1897.

[5]) Kenyon, Greek Papyri.... in the British Museum. Catalogue with Texts. London. 1893—8. 2 v.

[6]) Aegyptische Urkunden aus dem Konigl. Museum zu Berlin. Griechische Urkunden 1892—9. 2 Bde.

[7]) Corpus Papyrorum Aegypti a Revillout et Eisenlohr conditum. Paris. 1892 сл.

[8]) Nicole, Les Papyrus de Genève. Genève. 1896.

[9]) Grenfell, The revenue laws of Ptolemy Philad. Oxford. 1896, съ введ. Mahaffy.

[10]) Произведенія греческихъ авторовъ собраны въ коллекціи Didot (Scriptor. Graecor. Bibliotheca. Paris), съ латинск. пер., и Teubner'a (Bibliotheca Teubneriana. Leipzig); нѣм. перев.—въ коллекціи Osiander'a и

въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, т. е. разумѣя не только произведенія поэтическія, но и философскія, историческія и проч. Они даютъ намъ самый богатый и разнообразный матеріалъ. Въ литературѣ „народъ, въ теченіе вѣковъ, послѣдовательно выражаетъ свои понятія и убѣжденія, радости и печали, вѣрованія и надежды и вообще всѣ задушевные интересы своей нравственной жизни“ (Ѳ. И. Буслаевъ), и ничто, никакая надпись не познакомитъ насъ такъ съ настроеніемъ, идеалами, запросами эпохи, какъ произведенія литературныя. По справедливому замѣчанію Тэна [1]), литературное произведеніе—не простая игра воображенія или изолированный капризъ пылкой головы; это — снимокъ окружающихъ нравовъ и признакъ извѣстнаго состоянія умовъ. Помощью литературныхъ памятниковъ можно воскресить міровоззрѣніе, какимъ руководились люди, жившіе нѣсколько столѣтій тому назадъ. Не говорю уже о фактическихъ свѣдѣніяхъ, содержащихся въ литературныхъ произведеніяхъ, въ особенности историческихъ.

Значеніе литературныхъ произведеній, какъ историческаго источника

Здѣсь не мѣсто подробно, систематически обозрѣвать этотъ родъ источниковъ по исторіи древней Эллады, такъ какъ это значило бы обозрѣвать едва-ли не всю греческую литературу. Я ограничусь краткими указаніями и нѣсколькими замѣчаніями; подробнѣе же остановлюсь лишь на греческихъ историкахъ.

Гомерическій эпосъ.

Знакомствомъ съ такъ назыв. гомерической эпохой и ея бытомъ мы обязаны произведеніямъ поэтическимъ—Иліадѣ и

Schwab'a (Griechische Prosaiker и Griechische Dichter. Stuttgart). Указанія на русск. пер. см. у П. И. Прозорова. Систематическій указатель книгъ и статей по греческой филологіи. Спб. 1898. Лучшее новѣйшее пособіе по исторіи греч. лит.—Christ, Gesch. d. griech. Literatur, 3-te Aufl. München. 1893 (въ коллекціи Iw. v. Müller'a, Handbuch der klass. Altertumswissenschaft). См. также Gercke (въ коллекіи Goschen'a. Leipz. 1898), Bergk (Berlin. 1872—87; 4 т., неоконч.) и монографію Ivo Bruns, Das literarische Porträt der Griechen Berlin. 1896; на франц. яз.—Croiset (Paris. 1887 — 1899. 5 т.), на англ. — Mahaffy (есть русск пер.: „Исторія классич періода греч. литературы“. М. 1882—3. 2 т.) и Jebb (имѣется и въ русск. пер. М. 1891). Изъ старинныхъ трудовъ слѣдуетъ отмѣтить—К. О. Muller'a (1841, 2 т., въ новой обработкѣ Heitz'a—1882—4) и Bernhardy (1836-46. 2 ч; есть нов. обработки). Справочное пособіе—Engelmann, Bibliotheca scriptorum classicorum. 8-te Aufl. Leipz 1880. I,—подробный указатель изданій и литературы предмета, начиная съ 1700 г. Древнія біографіи греческ. писателей—у Westermann'a, Biograhi graeci seu vitarum scriptores graeci minores Braunschw. 1845.

[1]) См. его введеніе къ „Исторіи англ. литерат.“

Одиссеѣ [1]). Но для правильной оцѣнки эпоса, какъ историческаго источника, и для надлежащаго пользованія имъ необходимо имѣть въ виду, какъ возникъ этотъ эпосъ [2]).

„Гомерическій вопросъ" поднятъ въ концѣ XVIII стол. нѣмецкимъ ученымъ Фр. Авг. Вольфомъ, который, указывая на противорѣчія, встрѣчающіяся въ поэмахъ, и отвергая существованіе письменности у грековъ во времена Гомера, доказывалъ, что древнія пѣсни о троянской войнѣ передавались отъ поколѣнія къ поколѣнію устно, хранились въ памяти пѣвцовъ, и что впервые онѣ были записаны, собраны и приведены въ порядокъ

---

[1]) См. Джеббъ, Введеніе въ Иліаду и Одиссею. Спб. 1892 (пер. съ англ.); Buchholtz, Die Homerischen Realien. Leipz. 1871—85, 3 Bde, названный трудъ Helbig'a (на стр. 9, пр. 1); Gladstone, Studies on Homer and the homeric age. London. 1858 (нѣм. пер.—1863); Fanta, Der Staat in der Ilias und Odyssee. Innsbruck. 1882; Reichel, Über Homerische Waffen. Wien. 1894; Nagelsbach, Homerische Theologie 3-te Aufl. Nurnberg. 1884; Pauliat, La société au temps d' Homère. P. 1880 (по пов. этой кн.—ст. Ѳ. Г. Мищенко, Общество во вр. Гом., въ Кіев. Унив. Изв., 1880, № 8); d'Arbois de Jubainville, Cours de littérature celtique. T. VI: La civilisation des Celtes et celle de l'épopée homérique. P. 1899, Д. М. Петрушевскій, Общество и госуд. у Гом. М. 1896; а изъ общихъ трудовъ по исторіи Греціи слѣдуетъ въ особенности отмѣтить Griech. Alterth. Шеманна, гдѣ имѣется превосходный очеркъ гомерической эпохи. Напомнимъ, что на русск. яз., кромѣ Гнѣдича, есть новый переводъ Иліады—г. Минскаго (М. 1896).

[2]) Важнѣйшіе труды по этому вопросу: Wolf, Prolegomena ad Homerum Halle. 1795 (и нов. изд.); Lachmann, Betrachtungen uber Homers Ilias. Berl. 1847; G. Hermann, De interpolationibus Homeri. Leipz. 1832; G.W. Nitzsch, Meletemata de historia Homeri. 1830; Sagenpoesie der Griechen. Braunschw. 1852; Beitrage zur epischen Poesie der Griechen. Leipz. 1862; Grote, History of Greece, т. II; Kirchhoff, въ изд. Одиссеи (2-te Aufl. Berl. 1879); B. Niese, Die Entwickelung der homerischen Poesie. Berl. 1882; Wilamowitz-Mollendorff, Homerische Untersuchungen (въ Philolog. Untersuchungen. Berl. 1884, т. VII); Erhardt, Die Entstehung der homerischen Gedichte. Leipz. 1894 (по поводу этой книги ср. ст. Pohlmann, Zur geschichtlichen Beurteilung Homers, въ Histor Zeitschr. за 1894 и въ сборн. Aus Altert. u. Gegenw. Munchen. 1895; на русск. яз.—рец. проф. Лециуса въ „Кіев. Ун. Изв.", 1896, № 11); P. Cauer, Grundfragen der Homerkritik. Leipz. 1895; Bertrin, La question homérique. Paris. 1897; а изъ общихъ трудовъ см. въ особенности Christ, Croiset, Busolt (1^2), E. Meyer (II). На русск. яз.—Ѳ. Ѳ. Соколовъ, Гомеровскій вопросъ (Ж. М. Н. Пр., 1868); С. П. Шестаковъ, О происхожденіи Иліады Гомера (Зап. Каз Унив. 1890, кн. 4), его-же, О происхожд. поэмъ Гомера Вып. I. Происх. Одиссеи. Каз. 1892; [ср. Ѳ. Г. Мищенко, Къ гомеровскому вопросу (Ж. М. Н. Пр., 1893, апр.)]; его-же, въ Каз. Унив. Зап. за 1898, кн. 2—3, 9—10; Ѳ. Ф. Зѣлинскій, Законъ хронологич. несовмѣстимости и композиція Иліады (въ сб. въ честь проф. Ѳ. Е Корша, М. 1896).

лишь позднѣйшими редакторами при Писистратѣ. Послѣдователемъ Вольфа и крайнимъ представителемъ „теоріи пѣсенъ“ (Liedertheorie) былъ Лахманъ; съ особенною яркостью выставлялъ онъ противорѣчія и недостатокъ связи въ Иліадѣ и полагалъ, что Иліада—конгломератъ первоначально отдѣльныхъ, совершенно самостоятельныхъ пѣсенъ. Противъ „вольфіанцевъ“ выступили „унитаріи“ (напр. Нитчъ), отстаивавшіе единство плана и основной темы поэмъ, принадлежность ихъ Гомеру и существованіе письменности у грековъ въ тѣ времена, а противорѣчія и недостатокъ связи, на которыя указывали послѣдователи Вольфа, нерѣдко объяснялись интерполяціями, благодаря которымъ первичныя Иліада и Одиссея, поэмы небольшаго объема, могли постепенно разрости (Г. Германъ). Англійскій историкъ Гротъ занялъ какъ-бы среднее положеніе между обоими лагерями: въ виду явныхъ признаковъ связи и единства въ гомерическихъ поэмахъ, онъ не могъ допустить, чтобы подобныя произведенія возникли изъ отдѣльныхъ атомовъ—изъ пѣсенъ, первоначально ничего общаго между собою не имѣвшихъ; и онъ отстаивалъ въ общемъ единство Одиссеи, но въ Иліадѣ различалъ двѣ главныя составныя части—первоначальную поэму Ахиллеиду (п. I, VIII, XI—XXII) и присоединенную къ ней собственно Иліаду (п. II—VII); пѣсни же IX и XXIII—XXIV считалъ позднѣйшими вставками или добавленіями. Не буду касаться другихъ теорій по „гомерическому вопросу“. Отмѣчу только еще мнѣніе Erhardt'а, автора одного изъ новѣйшихъ крупныхъ изслѣдованій о происхожденіи гомерическихъ поэмъ. По Эргардту, поэмы эти—продуктъ не индивидуальнаго, единоличнаго творчества, а творчества народнаго; это—эпосъ народный, подобно Нибелунгамъ или финской Калевалѣ; онъ слагался постепенно [1]) и создателемъ его можетъ считаться весь греческій народъ; для Гомера здѣсь нѣтъ мѣста.

Вообще же крайности въ воззрѣніяхъ обоихъ лагерей, вольфіанцевъ и ихъ противниковъ, унитаріевъ, съ теченіемъ времени значительно сгладились и съ обѣихъ сторонъ сдѣланы большія уступки. Оказалось, что въ гомерическихъ поэмахъ ~~есть извѣстное~~

[1]) Erhardt полагаетъ, что поэмы собраны и записаны при Писистратѣ, но это, по его мнѣнію, не было приведеніе въ порядокъ или редактированіе ихъ, о которомъ говоритъ Вольфъ. Онъ различаетъ въ Иліадѣ 18 рапсодій, перечень которыхъ и приводитъ, но при этомъ оговаривается, что эти рапсодіи ничего общаго не имѣютъ съ „отдѣльными пѣснями“ Лахмана.

единство плана и темы и въ то же время — отступленія и противорѣчія; есть общія рамки, но въ предѣлахъ ихъ — болѣе или менѣе самостоятельное развитіе отдѣльныхъ частей и эпизодовъ.

Но какъ бы ни рѣшался вопросъ собственно о Гомерѣ, для насъ въ данномъ случаѣ важно то, что съ точки зрѣнія современной теоріи, если и допускать здѣсь въ концѣ концовъ участіе и всю важность роли единоличнаго, индивидуальнаго творчества пѣвца или поэта, въ родѣ Гомера, все-таки оказывается несомнѣннымъ, что гомерическій эпосъ имѣетъ въ своей основѣ народныя сказанія и пѣсни, пѣтыя пѣвцами-аэдами, и является продуктомъ долгаго, многовѣковаго послѣдовательнаго развитія. Поэтому въ немъ отразились черты не одной какой-либо тѣсно ограниченной эпохи; предъ нами тутъ воззрѣнія не одного какого-либо поколѣнія. Иліада нѣсколько древнѣе Одиссеи; первую, въ главныхъ ея частяхъ, можно отнести къ IX в. до Р. Х., вторую—къ VIII-му. Къ сравнительно новымъ частямъ принадлежатъ „Каталогъ кораблей“ въ Иліадѣ и первыя пѣсни („Телемахія“) въ Одиссеѣ. Вообще же въ той и другой обнаруживается нѣсколько наслоеній, есть элементы болѣе древніе и болѣе новые. Такія черты, напр., и подробности, какъ упоминаніе о храмѣ, о статуѣ, о талантахъ золота; указанія на вредъ многовластія, на могущество знати, зарождающуюся оппозицію демоса; каррикатурное изображеніе Θерсита,— все это характеризуетъ уже сравнительно позднюю эпоху. Эпосъ воспѣваетъ дѣянія давно минувшаго времени, подвиги и приключенія прежняго поколѣнія—поколѣнія героевъ, которыхъ онъ отличаетъ отъ людей, ему современныхъ, болѣе слабыхъ и мелкихъ; онъ различаетъ прошедшее и настоящее; традиція и условный, „конвенціонный“ элементъ въ немъ сильны; въ немъ отразились воспоминанія о микенской эпохѣ и затѣмъ о колонизаціи эолянъ. Но съ чертами болѣе древняго времени невольно смѣшиваются и черты болѣе новаго: окружающая дѣйствительность не могла не оказать вліянія, не могла не отразиться въ эпосѣ, и онъ воспроизводитъ преимущественно ея черты, даетъ картину греческой жизни и быта за X—VIII в.в. до Р. Х., т. е. въ теченіе періода, который теперь нѣкоторые историки склонны называть „греческимъ средневѣковьемъ“.

Не малое значеніе для историка имѣетъ и эпосъ Гесіода (приблизительно за VII в. до Р. Х.). Его „Θеогонія“ [1]), попытка Гесіодъ.

[1]) Есть ученые, которые отвергаютъ принадлежность ея Гесіоду.

привести въ систему греческій пантеонъ,—важна для знакомства съ миѳологіей и космогоніей грековъ, а „Труды и дни“ (Ἔργα καὶ ἡμέραι) [1]) интересны не только, какъ правоучительная поэма, какъ кодексъ нравственныхъ правилъ: здѣсь изображается реальная жизнь, съ ея трудами и заботами; по этой поэмѣ мы знакомимся съ положеніемъ сельскаго класса лѣтъ за 700 до Р. Х., съ первыми зачатками послѣдующей соціальной и политической борьбы, съ признаками зарождающейся оппозиціи и недовольства [2]).

Лирика

Такіе лирики конца VII и VI в., какъ Солонъ, Ѳеогнидъ, Алкей, освѣщаютъ намъ дальнѣйшую борьбу общественныхъ классовъ въ Греціи въ эпоху тираніи и возникновенія демократіи. Ихъ произведенія—элегіи и пѣсни—, изъ которыхъ сохранились далеко не всѣ и притомъ нерѣдко лишь въ отрывкахъ [3]), имѣютъ политическій характеръ и касаются современныхъ имъ событій. Стихотворенія Солона—нашъ главный, наиболѣе достовѣрный источникъ для знакомства съ личностью великаго законодателя Аѳинъ, его программой, его воззрѣніями и стремленіями, съ отношеніемъ къ нему партій и т. под. Ѳеогнидъ раскрываетъ истинный характеръ той ожесточенной борьбы партій, которая происходила въ Мегарѣ [4]).

Произведенія Стесихора (въ концѣ VII и въ первой половинѣ VI в.) важны для знакомства съ миѳами и преданіями и какъ одна изъ первыхъ попытокъ ихъ раціонализаціи; а знаменитые лирики V вѣка—Симонидъ, воспѣвавшій побѣдителей при Мараѳонѣ, Саламинѣ и Платеѣ, авторъ извѣстной „эпиграммы“ (въ древне-греческомъ смыслѣ слова) въ честь павшихъ при Ѳермопилахъ, Пиндаръ и Баккилидъ, оды и баллады

---

[1]) Нѣм. пер.—Peppmuller'a (Halle. 1881).

[2]) Какія на этотъ счетъ данныя можно извлечь изъ Гесіода, показываетъ статья Pöhlmann'a, Die Anfange des Sozialismus in Europa, въ Histor. Zeitschrift за 1897 г.

[3]) См. въ изд. Bergk, Poëtae lyrici graeci, Leipz. 1878, 3 ч. Изъ стихотвореній Солона, благодаря цитатамъ недавно открытаго трактата Аристотеля Ἀθην. Πολιτεία, намъ теперь извѣстно нѣсколько новыхъ для насъ отрывковъ. Въ настоящее время предпринято изд. Poetarum Graecorum Fragmenta, подъ ред. Wilamowitz-Mollendorff'a.

[4]) Есть мнѣніе, опирающееся на свидѣтельство Платона, что Ѳеогнидъ былъ изъ Мегары Сицилійской (а не Нисейской); но большинствомъ это мнѣніе не раздѣляется, какъ ошибочное и противорѣчащее словамъ самого поэта.

котораго недавно открыты [1]),—лучшіе свидѣтели и выразители того высоко приподнятаго настроенія, того подъема духа, которые обнаружились въ Греціи послѣ торжества надъ персами, не говоря уже объ указаніяхъ и намекахъ на историческія лица и событія или на преданія и миѳы, встрѣчающіеся въ произведеніяхъ этихъ поэтовъ.

Произведенія трагиковъ [2])—цѣлая сокровищница по части греческой миѳологіи и легендарной исторіи. Но, кромѣ воспроизведенія миѳовъ и сказаній, нерѣдко въ различныхъ версіяхъ, въ нихъ найдемъ мы богатый матеріалъ для характеристики общаго міросозерцанія грековъ, ихъ идеаловъ, въ особенности ихъ этическихъ воззрѣній [3]). Но отъ воззрѣній народа, отъ народной этики, нужно отличать, конечно, элементъ индивидуальный, что принадлежитъ собственно поэту, составляетъ его личное воззрѣніе,—и то, что онъ влагаетъ въ уста выводимымъ имъ дѣйствующимъ лицамъ, какъ слова и мысли, свойственныя ихъ положенію, характеру или роли въ драмѣ. *Трагики.*

Нечего и говорить, что трагики являются яркими представителями своей эпохи [4]): Эсхилъ (525—456)—поры только-что пережитой побѣдоносной борьбы съ персами и времени Кимона, Софоклъ (496—406)—„Периклова вѣка“, Еврипидъ (ок. 480—406)—эпохи умственнаго перелома и своего рода разлада, сомнѣній, столкновенія вѣры и разума, развитія раціонализма и скептицизма, эпохи господства крайней демократіи. По замѣчанію одного изъ знатоковъ греческой литературы, Берга, въ періодъ собственно разцвѣта этой литературы каждое произведеніе, даже когда оно, какъ все истинно великое, исходило изъ глубины собственнаго духа автора, изъ пол-

[1]) Впервые изданы Kenyon'омъ (1897); см. Wilamowitz, Bakchylides. Berlin. 1898, а на русск. яз. ст. Ѳ. Ф. Зѣлинскаго, въ журн. Cosmopolis за 1898 годъ.

[2]) Прекрасные комментаріи и переводы (на нѣм. яз.)—Wilamowitz'a (напр. Еврипидова „Геракла“); теперь выходитъ популярное изд. Griechische Tragödien въ его переводѣ, въ 4 т.

[3]) Объ этомъ см. главн. образ. Dronke, Die religiösen und sittlichen Vorstellungen des Aeschyl. u. Sophokles. Leipz. 1861; А. Н. Деревицкій, Изъ исторіи греческой этики. Харьк. 1886 (изъ журн. „Вѣра и Разумъ“)

[4]) См. напр. H. Weil, De tragoediarum graecarum cum rebus publicis coniunctione. Paris. 1844; Ѳ. Г. Мищенко, Отношеніе трагедій Софокла къ современн. поэту дѣйствит. жизни въ Аѳинахъ. Кіевъ. 1874, и его-же, Опытъ по ист. раціонализма въ древн. Греціи. Кіевъ. 1881.

ноты природнаго дарованія, все-же носитъ на себѣ больше общій характеръ времени, нежели характеръ индивидуума. Кромѣ того, произведенія трагиковъ имѣютъ и болѣе прямую связь съ окружающею дѣйствительной жизнью: въ нихъ есть указанія на современныя поэту событія и явленія, на его отношеніе къ нимъ. Это нужно сказать даже о такомъ далеко стоящемъ отъ современности и отъ ея „злобы дня" трагикѣ, какъ Эсхилъ. Въ своихъ „Персахъ" онъ описываетъ между прочимъ Саламинскую битву и въ данномъ случаѣ это — лучшій нашъ источникъ, какъ свидѣтельство очевидца и участника сраженія. Въ его „Евменидахъ" [1]) есть стихи, въ которыхъ можно видѣть намеки и указанія на политическія событія того времени, союзъ Аѳинъ съ Аргосомъ, борьбу изъ-за реформы ареопага.

Еврипидъ

Но несравненно ближе къ современной ему жизни и къ „злобамъ дня" стоялъ Еврипидъ.

Его дѣйствующія лица, хотя и носятъ имена героевъ, но это—не титаны и герои, подобные Эсхиловымъ или даже Софокловымъ; это—простые смертные, съ ихъ страстями, ихъ страданіями, ихъ воззрѣніями и сомнѣніями. Еврипидъ—не представитель „чистаго искусства", а проповѣдникъ новыхъ идей, писатель тенденціозный. Для историка онъ особенно интересенъ. Отъ воззрѣній общенародныхъ, отъ этики народной Еврипидъ, правда, далекъ—гораздо дальше Эсхила и Софокла—; онъ—крайне субъективный авторъ, съ рѣзко выраженною индивидуальностью. Но зато онъ отзывался на самыя животрепещущія для тогдашняго образованнаго общества темы и вопросы. Это былъ „сценическій философъ", *σκηνικὸς φιλόσοφος*, и его произведенія чрезвычайно важны для характеристики умственной жизни того времени: философскіе взгляды, софистическое направленіе, вообще движеніе въ области религіозной и философской мысли, развитіе гуманности,—все это нашло себѣ отраженіе въ трагедіяхъ Еврипида. Его произведенія важны и для характеристики политическихъ стремленій второй половины V в.; Еврипидъ касается положенія различныхъ классовъ населенія, борьбы политическихъ и соціальныхъ партій, даже внѣшней политики, напр. отношенія къ Спартѣ, положенія Аѳинъ въ Греціи [2]).

---

[1]) См. напр. K O Muller, Aeschylos' Eumeniden. Göttingen. 1833; Oncken, Athen und Hellas. Leipz. I. 1865.

[2]) См. Д. Ѳ. Бѣляевъ, Къ вопросу о міровоззрѣніи Эврипида. Каз. 1878, и его-же ст., Воззрѣнія Еврип. на сословія и состоянія, внутр. и внѣшн. полит. Аѳ. (въ Ж. М. Н. Пр. 1882—3); Decharme, Euripide et l'esprit de son théatre. P. 1893.

Но мы должны быть готовы къ тому, что встрѣтимъ у Еврипида противорѣчія. Объясняются они отчасти тѣмъ, что міросозерцаніе этого поэта-скептика не отличалось строгою послѣдовательностью и цѣльностью, да и выражался онъ иногда съ оговорками, быть можетъ, чтобы не навлечь на себя бѣды, а отчасти — тѣмъ, что Еврипидъ раздѣлялъ, конечно, не всѣ тѣ сужденія (часто діаметрально противоположныя), которыя онъ влагаетъ въ уста дѣйствующихъ лицъ: какъ было замѣчено выше, нельзя все то, что говорятъ герои трагедіи, безъ дальнихъ разсужденій приписывать автору, какъ его собственное убѣжденіе. Противорѣчія у Еврипида особенно бросаются въ глаза въ отзывахъ о богахъ. Наряду съ явнымъ скептицизмомъ и раціонализмомъ, послѣ прославленія разума, какъ „лучшаго прорицателя“, и подчасъ смѣлыхъ критическихъ отзывовъ о народныхъ вѣрованіяхъ и богахъ, послѣ горячихъ тирадъ противъ безнравственности, насилій и несправедливости этихъ боговъ въ другихъ трагедіяхъ,— въ „Вакханкахъ“ Еврипидъ показываетъ всю тщетность мудрствованій, всю непоколебимость „унаслѣдованныхъ отъ отцовъ заповѣдей, которыхъ никакой умъ не въ состояніи низвергнуть“, всю пагубность сопротивленія богамъ, пути которыхъ „неисповѣдимы“, и выводитъ такое нравоученіе: „быть благоразумнымъ и чтить все божественное—таково лучшее и самое мудрое рѣшеніе для смертныхъ“; „если есть человѣкъ, не воздающій уваженія богамъ, пусть онъ взглянетъ на участь Пенѳея и увѣруетъ въ нихъ!“ [1]). Но даже и эта трагедія представляетъ для историка глубокій интересъ съ точки зрѣнія характеристики того умственнаго движенія, которое совершалось въ Греціи во времена Еврипида.

Комедія

Еще болѣе близкое, непосредственное отношеніе къ тогдашней дѣйствительности, къ историческимъ дѣятелямъ и событіямъ имѣютъ произведенія комиковъ—Кратина, Евполида, Телеклида, Гермиппа (V в.), отъ комедій которыхъ сохранились, къ сожалѣнію, лишь немногіе, жалкіе отрывки [2]), и въ особенности

[1]) См. „Вакханки“ въ русск. перев. Ѳ. Зѣлинскаго (въ Приложеніи къ „Филол. Обозр.“, за 1894 г., т. VII).

[2]) Bergk, Commentationes de reliquiis comoediae atticae antiquae Lips. 1838; Meineke, Fragmenta Comicorum Graec. Berl 1839, 5 т.; Kock, Comicorum atticorum fragm. Leipz. 1880—8, 3 т. Отрывки изъ комедій можно найти и въ коллекціи Didot. Въ предпринятомъ въ настоящее время изданіи подъ ред. Виламовица—Poetarum Graec. fragmenta—въ VI т. (1899) помѣщены фрагменты комиковъ.

Аристофана (ок. 450—385 г.) [1]), выступившаго на литературное поприще въ 427 г. Греческая комедія V-го вѣка была комедіей по преимуществу политической. Война и миръ („Ахарняне“, „Миръ“, отчасти „Лисистрата“), демократія съ ея вождями и демагогами, подобными Клеону („Всадники“), аѳинскій судъ присяжныхъ и его темныя стороны („Осы“), своего рода „женскій вопросъ“ и стремленія къ коммунизму, не чуждыя уже той эпохѣ [2]) („Лисистрата“, „Женщины въ народн. собр.“), тогдашнія соціальныя отношенія, борьба бѣдныхъ и богатыхъ (*Πλοῦτος*), столкновеніе старыхъ и новыхъ направленій въ литературѣ („Лягушки“, *Θεσμοφοριάζουσαι*), софистика („Облака“), — всего этого касается Аристофанъ, у котораго, кромѣ того, разсѣяно множество намековъ на историческія лица и событія. Даже такая фантастическая, „утопическая“ комедія, какъ „Птицы“, не совсѣмъ чужда дѣйствительности и рисуетъ нѣкоторыя черты тогдашней аѳинской демократіи и аѳинской жизни.

Аристофанъ

Произведенія комиковъ представляютъ для историка интересъ еще и въ другомъ отношеніи: они знакомятъ съ внутреннимъ состояніемъ и бытомъ Аѳинъ; они выводятъ не героевъ, а заурядныхъ гражданъ; они изображаютъ наглядно и ярко обыденную жизнь, съ ея повседневными интересами и заботами.

Словомъ, комедія—отраженіе, хотя бы и каррикатурное, тогдашней дѣйствительности. Самые намеки комиковъ по поводу той или другой исторической личности, того или другаго явленія должны имѣть хоть отдаленную связь съ какимъ-нибудь дѣйствительнымъ происшествіемъ или, по крайней мѣрѣ, съ толками и сплетнями, ходившими тогда въ Аѳинахъ; иначе бы такіе намеки не имѣли смысла и не были понятны для зрителей.

---

[1]) Müller-Strübing, Aristophanes und die historische Kritik. Leipz. 1873; Couat, Aristophane et l'ancienne comédie attique. P. 1889; Ed. Lange, Athen im Spiegel der Aristophanischen Comödie; Kock, Aristophanes als Dichter und Politiker (Rh. Mus., 1884, 39 B.); ст. Kaibel'я въ Pauly-Wissowa, Real-Encyclopädie, s. v. Изъ прежнихъ трудовъ можно отмѣтить Rötscher, Aristophanes und sein Zeitalter. Berlin. 1827, и въ особенности ст. W. Vischer'a, Ueber die Benutzung der alten Komodie (Kl. Schrift. Leipz. 1877. I). Прекрасный нѣмецкій перев. Аристофана—Droysen'a.

[2]) См. ст. Pöhlmann'a, Die sociale Dichtung der Griechen, въ N. Jahrbucher f. d. klassische Altertum, за 1898 г.

Но всѣ эти шутки, подчасъ грубыя, всѣ эти личныя нападки, отзывающіяся нерѣдко сплетней, клеветой и каррикатурой,— принимать за чистую монету, на нихъ основываться при оцѣнкѣ историческаго дѣятеля никоимъ образомъ нельзя. Еще Нибуръ находилъ непостижимымъ, какъ могутъ историки вѣрить подобнымъ вещамъ, и невозможность опираться въ такихъ случаяхъ на отзывъ комиковъ, какъ это дѣлали не такъ давно нѣкоторые изслѣдователи, вполнѣ доказана Фишеромъ, Гротомъ и особенно Мюллеромъ-Штрюбингомъ. Какое напр. превратное представленіе было бы у насъ о Сократѣ, полагайся мы на одного Аристофана и его „Облака“ и не имѣй мы другихъ источниковъ! *Комедія и историческая критика.*

Вообще пользованіе комедіей требуетъ большой осмотрительности: это—хотя и важный источникъ, но все-же довольно мутный. Нельзя упускать изъ виду, что комикъ—не историкъ, что тутъ мы имѣемъ дѣло съ произведеніемъ поэтическимъ, что Аристофанъ напр. прежде всего—комическій поэтъ, цѣль котораго заставить зрителей смѣяться. Но этого мало: древняя аттическая комедія—не только произведеніе поэтическое, но и политическое, тенденціозное. Предъ нами тутъ выраженіе духа партіи, иногда въ самой рѣзкой, безпощадной формѣ. Это—голосъ оппозиціи. Всѣ комики—враги аѳинской демократіи, хотя только благодаря терпимости и свободному духу этой демократіи возможны были представленія такихъ произведеній, какъ Аристофановы комедіи, съ ихъ насмѣшками и глумленіемъ надъ самимъ державнымъ демосомъ. У комиковъ ясно проглядываетъ аристократическая тенденція. Въ числѣ напр. тѣхъ недостатковъ, которые по Аристофану должны служить позорнымъ клеймомъ для выводимыхъ въ его комедіяхъ лицъ, незнатность происхожденія занимаетъ далеко не послѣднее мѣсто. Понятно, что вожди демоса и лица, расположенныя къ нему, не встрѣчаютъ пощады со стороны комиковъ. Отъ послѣднихъ нечего ждать сколько-нибудь безпристрастной оцѣнки дѣятелей демократіи. Зато аристократовъ комики щадятъ, а Кратинъ напр. даже восхвалялъ Кимона.

Такое отношеніе комиковъ къ демократіи едва-ли можетъ быть объяснено однимъ лишь разсчетомъ съ ихъ стороны (такъ какъ отъ аристократовъ и вообще людей богатыхъ зависѣла удачная постановка ихъ пьесъ). Скорѣе это объясняется самою природою и назначеніемъ комедіи: она должна была стоять въ оппозиціи вообще по отношенію къ существующему; комики должны

были осмѣивать господствующіе нравы, порядки и т. под., а такимъ порядкомъ тогда въ Аѳинахъ была именно демократія. Но нельзя сказать, по крайней мѣрѣ, объ Аристофанѣ, чтобы его воззрѣнія и идеалы отличались опредѣленностью; напротивъ, у него замѣчаются непослѣдовательность и противорѣчія.

Обратимся къ прозаической литературѣ Греціи. Оставляя историковъ пока въ сторонѣ, я коснусь здѣсь прежде всего произведеній философскихъ и ораторскихъ.

Философы

Первыя [1]) являются нашимъ источникомъ не потому лишь, что служатъ выразителями умственныхъ теченій и свидѣтельствуютъ о степени умственнаго прогресса въ древности, показывая, до какой широты и глубины доходила философская мысль грековъ въ лицѣ ихъ величайшихъ умовъ, какія проблемы ставились ими и какъ онѣ рѣшались; и не потому только, что какъ бы ни былъ великъ и своеобразенъ философскій геній отдѣльнаго мыслителя, какъ бы ни была метафизична и, казалось, лишена реальной основы его философія, все-же его воззрѣнія такъ или иначе имѣютъ связь съ характеромъ и исторіей народа [2]), съ современной ему эпохой, такъ какъ никакой мыслитель не можетъ совершенно отрѣшиться отъ міра реальнаго, отъ окружающей дѣйствительности. Произведенія философовъ являются нашимъ источникомъ и въ болѣе прямомъ смыслѣ: они нерѣдко содержатъ фактическія сообщенія и наблюденія надъ историческою жизнью, надъ современнымъ философу порядкомъ; въ нихъ трактуются, напр., вопросы о государствѣ, его цѣли и задачахъ, о его наилучшемъ устройствѣ; на основаніи опыта исторической жизни высказываются политическіе иде-

[1]) Главнѣйшіе труды и пособія по исторіи греч. философіи – Zeller (нѣск. изд.), Windelband (въ коллекціи Iw. v. Müller'a, 2 изд.; есть въ рус. пер. Спб. 1893, см. его-же, Исторія философіи. Перев. Спб. 1898), Ueberweg, Grundriss (въ обраб. Heinze. 8-te Aufl. Berl. 1894; есть рус. пер.), Gomperz (Griechische Denker. Leipz. 1896 сл.). На русск. яз. см. между проч. Б. Н. Чичеринъ, Ист. политич. ученій. М. 1869, т. I (и въ „Библіотекѣ для самообразованія" подъ заглав. „Политич. мыслители древн. и нов. врем." М. 1897, вып. I); П. Г. Рѣдкинъ, Изъ лекцій по исторіи философіи права въ связи съ исторіей философіи вообще. Спб. 1889 сл., 7 т.; Н. М. Коркуновъ, Ист. философіи права. Изд. 2-е. Спб. 1898.

[2]) Съ этой точки зрѣнія разсматриваетъ греческую философію A. W. Benn, впадая нерѣдко въ крайность,—The philosophy of Greece considered in relation to the character and history of its people. London. 1898.

алы, приводятся примѣры изъ прошлаго, характеризуется аѳинская демократія и ея вожди, и т. д.

Въ особенности это нужно сказать объ Аристотелѣ и Платонѣ. Аристотель, какъ реалистъ, исходитъ въ своей „Политикѣ“ постоянно отъ фактовъ и наблюденій надъ прошлымъ и надъ современною ему дѣйствительностью, и его „Политика“— драгоцѣннѣйшій источникъ для историка, но такъ какъ она тѣсно связана съ другимъ, чисто историческимъ, произведеніемъ великаго стагирита — его „Политіями“, то объ Аристотелѣ я скажу далѣе, въ отдѣлѣ объ историкахъ. Что касается Платона [1]), то не смотря на весь „идеализмъ“ его философіи, не говоря уже объ „Апологіи“ и вообще его отношеніи къ Сократу и софистамъ [2]), такіе діалоги, какъ напр. „Горгій“, „Менексенъ“ [3]), и особенно „Государство“ и „Законы“, содержатъ богатый матеріалъ для характеристики демократіи (преимущественно темныхъ ея сторонъ), тѣхъ внутреннихъ недуговъ, которыми страдалъ общественный строй Эллады въ ту эпоху, ненормальныхъ соціально-экономическихъ отношеній и соціальнаго вопроса въ Греціи [4]). Конечно, къ отзывамъ Платона слѣдуетъ относиться съ нѣкоторою осторожностью и не принимать ихъ безусловно на вѣру. Онъ судитъ, напр., объ аѳинской демократіи и ея вождяхъ слишкомъ ужъ

---

[1]) Кромѣ коллекцій Didot и Teubner'a, слѣдуетъ отмѣтить капитальное изданіе Stallbaum'a (Leipz. 1821 сл.), въ 10 т., съ коммент., а изъ болѣе новыхъ—Schanz'a (Leipz. 1875 сл.), еще не окончен; изъ переводовъ Платона - нѣм. пер. Schleiermacher'a, съ введеніями (1804 сл., 3-е изд —München 1861); франц —Cousin'a (P. 1825 сл.); русск.—Карпова (2-е изд. Спб. 1863, въ 4 т.; полный пер.—М. 1867—79, въ 6 т.) и Вл. С. Соловьева („Творенія Платона“, I т. М. 1899); „Законы“ имѣются, кромѣ того, въ перев. г. Янчевецкаго, въ приложеніи къ „Гимназіи“ за 1898 г. О Платонѣ см. книжку Н. Я. Грота, Очеркъ философіи Платона. М. 1896, и Windelband'a, Plato (русск. пер. Спб. 1900).

[2]) Здѣсь возникаетъ вопросъ: 1) гдѣ граница между воззрѣніями выводимаго Платономъ Сократа и воззрѣніями самого Платона, и 2) насколько Платоновъ Сократъ соотвѣтствуетъ дѣйствительному, историческому Сократу.— На рус. яз. см. А. Н. Гиляровъ, Платонъ, какъ истор. свидѣтель. Кіевъ. 1891, и замѣчанія I. Bruns'a, Das lit. Porträt, стр. 209 сл.

[3]) Принадлежность Платону этого діалога, равно какъ и нѣкоторыхъ другихъ, подвергается сомнѣнію. Вообще вопросъ о подлинности и времени написанія Платоновыхъ діалоговъ—одинъ изъ самыхъ спорныхъ. Объ этомъ гл. обр. см. у Zeller'a и Ueberweg'a.

[4]) Pöhlmann, Geschichte d. antiken Kommunismus und Sozialismus. München. 1893, I.

строго и не вполнѣ объективно. Уже какъ ученикъ Сократа, Платонъ долженъ былъ относиться къ демократіи съ антипатіей, бо́льшимъ или меньшимъ *презрѣніемъ. Подъ вліяніемъ печальныхъ* явленій окружавшей *дѣйствительности, послѣ роковаго для* аѳинянъ исхода *Пелопоннесской войны, утратилась вѣра въ благотворность* и цѣлесообразность демократическаго строя: въ немъ усматривали главную причину и источникъ всѣхъ бѣдствій и упадка. По демократіи IV в. судили и о демократіи V в., Перикла времени. Для примѣра возьмемъ отзывъ Платона о Периклѣ, находящійся въ „Горгіи"; насколько можно на него полагаться? Платонъ не считаетъ здѣсь Перикла хорошимъ государственнымъ дѣятелемъ: онъ говоритъ, что Периклъ испортилъ аѳинянъ и соглашается, повидимому, съ обвиненіями его въ томъ, что именно онъ „сдѣлалъ аѳинянъ праздно́любивыми, трусливыми, болтливыми и жадными до жалованья"; ставитъ ему въ вину даже то, что аѳиняне подъ конецъ его жизни осмѣлились обвинять его въ расхищеніи казны. Но такой отзывъ совершенно логически, неизбѣжно вытекаетъ изъ общаго взгляда философа на истинныя обязанности государственнаго дѣятеля и на демократію, по отношенію къ которой Платонъ былъ принципіальнымъ противникомъ. По Платону, дѣло хорошаго гражданина—совершенствовать нравственно гражданъ, и съ этой точки зрѣнія онъ осуждаетъ Перикла, при которомъ, по его мнѣнію, аѳиняне испортились. Вину за разложеніе общества онъ слагаетъ однако не на одного Перикла: наравнѣ съ послѣднимъ виновниками бѣдствій у него являются и Кимонъ, и Ѳемистоклъ, и даже Мильтіадъ: онъ прямо говоритъ, что „въ Аѳинахъ мы не знаемъ ни одного поистинѣ хорошаго государственнаго дѣятеля". Такимъ образомъ Платонъ тутъ—противъ всего того направленія, которое приняла исторія Аѳинъ, противъ всего ея хода и исторически сложившагося аѳинскаго строя. Слѣдовательно, на отзывъ и оцѣнку Платона мы не можемъ всецѣло полагаться: это—голосъ не совсѣмъ безпристрастнаго и—добавлю—далеко не точнаго свидѣтеля.

Ораторы Въ рѣчахъ ораторовъ [1]), кромѣ цитатъ изъ законовъ и во-

[1]) Кромѣ неразъ уже названныхъ общихъ коллекцій Teubner'a и Didot, спеціальныя изданія—Bekker'a (Berl. 1823—4. 5 v.), Dobson'a (London. 1828. 16 v), Baiter-Sauppe (1838—50. 9 fasc.), съ критическими примѣчаніями, фрагментами и схоліями, и друг. Монографія объ ораторахъ—Blass, Die attische Beredsamkeit. 2-te Aufl. Leipz. 1887—98. 3 Abth., а изъ старыхъ—Westermann, Geschichte der Beredsamkeit in Griechenland und Rom. Leipz. 1833. 2 B.

обще документовъ [1]), находимъ данныя относительно аѳинскаго права—уголовнаго и гражданскаго—, суда присяжныхъ, судопроизводства и порядка законодательства и матеріалъ для характеристики нравственнаго состоянія общества, имущественныхъ и соціальныхъ отношеній. Въ нихъ же найдемъ богатый матеріалъ и для исторіи политической, такъ какъ многія рѣчи имѣютъ характеръ политическій.

Такъ, рѣчь Андокида о мистеріяхъ, наряду съ Ѳукидидомъ,—главный нашъ источникъ для знакомства съ положеніемъ и происками партій въ Аѳинахъ подъ конецъ Пелопоннесской войны и съ эпизодомъ, извѣстнымъ подъ именемъ „процесса гермокопидовъ"; а рѣчи Лисія (напр. противъ Эратосѳена и противъ Агората)—одинъ изъ важнѣйшихъ источниковъ для исторіи времени „Тридцати" и возстановленія въ Аѳинахъ демократіи, въ частности—для характеристики Ѳерамена.

Ораторы нерѣдко были своего рода публицистами того времени. Исократа [2]), по крайней мѣрѣ, можно смѣло назвать аѳинскимъ публицистомъ IV вѣка. Его рѣчи — большею частью политическіе памфлеты. Фактической достовѣрности мы въ нихъ не найдемъ; но по нимъ мы знакомимся съ общественнымъ настроеніемъ Греціи въ эпоху ея упадка, съ политическими идеалами и программой той партіи, которая мечтала о взаимномъ примиреніи грековъ, о соединеніи ихъ хотя бы подъ эгидою Македоніи и о національной борьбѣ съ Персіей. Въ этомъ отношеніи интересенъ Исократовъ „Филиппъ". Въ своемъ „Ареопагитикѣ" Исократъ прославлялъ „доброе старое время", старинный строй, *πάτριος πολιτεία*. Рѣчь полна фактическихъ ошибокъ, анахронизмовъ и неточностей; но она показываетъ, какъ смотрѣли на старину въ IV в. въ Аѳинахъ лица, подобныя Исократу, и какіе политическіе идеалы выставляли они. Другія рѣчи Исократа („Панегирикъ", „Панаѳинейская", „О мирѣ") тоже имѣютъ отношеніе къ событіямъ IV в и содержатъ въ себѣ нѣкоторыя

Ср. еще: Perrot, L'éloquence politique et judiciaire à Athènes. P. 1883; Girard, Études sur l'éloquence attique. P. 1874, P. Guiraud, Les orateurs et l'opinion publique chez les athéniens (Rev. des Deux Mondes. 1897. 1 juill.) и общія пособія по исторіи греческой литературы.

[1]) Относительно ихъ подлинности см. прим. 3 на стр. 22.

[2]) Oncken, Isocrates und Athen. Beitrag zur Geschichte der Einheits-und Freiheits-Bewegung in Hellas. Heidelberg. 1862; B. Keil, Analecta Isocratea. Prag-Leipz. 1885; R. v. Scala, Isocrates und die Geschichtschreibung. Leigz. 1892.

историческія указанія; а его „Евагоръ“ съ фактической стороны не имѣетъ значенія, но важенъ въ культурно-историческомъ отношеніи [1]), какъ первый опытъ подобнаго анализа исторической личности и схема характеристики, съ подведеніемъ итоговъ жизни умершаго дѣятеля [2]).

Но особенно важны рѣчи Демосѳена [3]). Онѣ — главнѣйшій источникъ для исторіи Филиппа Македонскаго, борьбы съ нимъ грековъ и паденія независимости Эллады. Если этотъ періодъ греческой исторіи извѣстенъ намъ такъ, какъ ни одинъ другой, если мы можемъ прослѣдить весь ходъ борьбы аѳинянъ съ Филиппомъ шагъ за шагомъ, всѣ ея перипетіи, то это благодаря именно ораторамъ и болѣе всего—Демосѳену. Нѣкоторые моменты представляются намъ съ рѣдкою наглядностью и живостью; вспомнимъ напр. то мѣсто въ рѣчи Демосѳена „О вѣнкѣ“, гдѣ описывается впечатлѣніе, произведенное на аѳинянъ вѣстью о занятіи Филиппомъ Элатеи. Вообще Демосѳенъ говоритъ, какъ очевидецъ и участникъ въ борьбѣ противъ Македоніи, да и самыя его рѣчи— одинъ изъ актовъ этой борьбы.

Но полагаться безусловно на свидѣтельство ораторовъ и въ частности Демосѳена, разумѣется, нельзя. При пользованіи ихъ рѣчами, какъ историческимъ источникомъ, нужно помнить, что ораторы большею частью говорятъ cum ira et studio. Здѣсь мы имѣемъ предъ собою крайне субъективную окраску, невѣрное освѣщеніе, иногда даже искаженіе фактовъ. Въ намѣреніе оратора входитъ произвести на слушателей извѣстное впечатлѣніе во что бы то ни стало, нерѣдко очернить противника, и онъ пускаетъ въ ходъ всѣ средства, лишь бы доставить торжество отстаиваемому имъ дѣлу. Нельзя напр. вѣрить на-слово Демосѳену, когда онъ говоритъ объ Эсхинѣ, о его безчестности и продажности, или о Филиппѣ.

Такимъ образомъ, при пользованіи произведеніями ораторовъ необходимы болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, осторожность, критическая провѣрка и анализъ.

---

[1]) I. Bruns, Das literar. Porträt d. Griechen, 124—5.

[2]) Исократу приписываются и письма, числомъ 10; но относительно подлинности ихъ мнѣнія спорны.

[3]) Изданія (кромѣ назван. на стр. 36, прим.)— Dindorf'a (1846—51. Oxon. 9 v.), съ примѣч. и схоліями, и Weil'я, Les harangues et les plaidoyers politiques. P. 1881—3 (тоже съ примѣч.). Есть греческій текстъ съ нѣм. перев. и примѣч., 10 ч. (Leipz. 1856—76). Монографія—Arn. Schäfer'a, Demosthenes und seine Zeit. 2-te Aufl. 1889. 3 Bde.

Говоря объ источникахъ, слѣдуетъ упомянуть и о знаменитомъ греческомъ врачѣ Гиппократѣ (V в.), у котораго встрѣчаемъ напр. интересныя наблюденія относительно вліянія природныхъ условій — климата, воды и почвы — на физическія и нравственныя свойства жителей и извѣстія объ обитателяхъ припонтійскихъ странъ, дополняющія извѣстія Геродота [1]). *Гиппократъ*

Историки [2]).

Если вообще памятники греческой литературы важны, какъ историческій источникъ, то тѣмъ болѣе труды историковъ, ибо они являются для насъ источникомъ, такъ сказать, вдвойнѣ: они не только отражаютъ въ себѣ, до нѣкоторой степени, современную имъ эпоху, но и содержатъ изложеніе самой исторіи (насколько удовлетворительное и достовѣрное, это, конечно, другой вопросъ).

Поэтому на историкахъ я остановлюсь подробнѣе.

---

[1]) См. его соч. Περὶ ἀέρων, ὑδάτων, τόπων.

[2]) Creuzer, Die historische Kunst der Griechen in ihrer Entstehung und Fortbildung Leipz 1803 (2-е изд.—1845), Ulrici, Charakteristik der antiken Historiographie. Berlin. 1833 (оба соч. довольно устарѣли), Arn Schafer, Abrisz der Quellenkunde der griech. Gesch. 4-te Aufl Leipz. 1889; C. Wachsmuth, Einleitung in das Studium der alten Geschichte. Leipz 1895; его-же, Ueber Ziele und Methoden der Griechischen Geschichtschreibung. Rectoratsrede Leipz. 1897; O. Seeck, Die Entwicklung der antiken Geschichtsschreibung (ст. въ Deutsche Rundschau. 1896, Iuli—Aug. и отдѣльной книгой, Berl 1898); Max Budinger, Die Universalhistorie im Alterthume Wien 1895, Tropea, Manuale di fonti letterarie della storia greca e romana. Messina 1898. — Много наблюденій и замѣчаній у Wilamowitz-Moellendorff, Aristoteles und Athen. Berl. 1893. 2 Bde; Gutschmid, Kleine Schriften, hrsg. von F. Ruhl Leipz., т. I (1889) и IV (1893), и Gomperz, Griechische Denker. См. также общіе труды по исторіи Греціи, въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ (особенно обзоры источниковъ и примѣчанія у Busolt'a и Holm'a), и по исторіи литературы (названы выше, стр. 24, прим.). Отчеты о новѣйшихъ работахъ въ области греческой историографіи см. въ Jahresbericht hrsg v. Iw. Muller, и у A. Bauer, Die Forschungen zur griechischen Geschichte 1888 - 1898. Munchen. 1899. — На русск. яз., въ особенности подробно о логографахъ, — у М. С. Куторги, Собраніе сочиненій. Спб. 1896, т II (нѣсколько устарѣло). — Указанія на болѣе спеціальныя монографіи объ отдѣльныхъ періодахъ греческой историографіи или объ отдѣльныхъ историкахъ см. ниже, въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ.

Элементы начальной греческой историографии

Греческая историография, въ начальной стадіи своего развитія, тѣсно связана съ эпосомъ [1]).

Связь съ эпосомъ.

Эпическія поэмы и были въ сущности древнѣйшею исторіею для грековъ. Греки долго вѣрили въ существованіе героевъ, подвиги которыхъ воспѣвались, въ дѣйствительность всего того, о чемъ разсказывалось въ эпосѣ. Гомеръ былъ для нихъ историческимъ свидѣтелемъ. Въ спорныхъ вопросахъ греческія государства иногда ссылались на Иліаду, какъ на своего рода документальное свидѣтельство. Геродотъ цитируетъ Гомера, какъ историческій источникъ. Страбонъ часто черпаетъ свѣдѣнія изъ гомерическихъ поэмъ и прямо говоритъ (XI, 6, 3), что героическимъ поэтамъ, Гомеру и Гесіоду, можно скорѣе вѣрить, нежели историкамъ, подобнымъ Ктесію, Геродоту, Гелланику. Даже Ѳукидидъ, при всемъ его скептицизмѣ и критицизмѣ, видѣлъ въ Троянской войнѣ, какъ описываетъ ее Гомеръ, историческій фактъ, а въ Агамемнонѣ—историческую личность. Такимъ образомъ гомерическія поэмы являлись въ глазахъ древнихъ грековъ источникомъ не только въ томъ смыслѣ, въ какомъ онѣ служатъ источникомъ и для насъ.

За гомерическимъ эпосомъ слѣдуютъ произведенія такъ называемыхъ кикликовъ, бравшихъ сюжеты изъ круга сказаній о Троянской войнѣ. По связи съ послѣдующимъ развитіемъ исторіографіи надо отмѣтить поэмы о возвращеніи героевъ изъ-подъ Трои, такъ назыв. *Νόστοι*, въ которыхъ воспѣвались основанія *(κτίσεις)* знаменитыхъ городовъ этими героями. Но особенно важны въ этомъ отношеніи эпосъ гесіодовъ, по преимуществу генеалогическія поэмы, устанавливавшія родословную боговъ и героевъ, которою должна была такъ дорожить господствовавшая въ ту пору аристократія, и прославлявшія иногда исторію отдѣльныхъ племенъ и поколѣній, напр. Форонея или Даная, и затѣмъ эпосъ географическаго содержанія, въ родѣ напр. „Аримасповой поэмы“ *(Ἀριμάσπεια ἔπη)* Аристея, разсказа о фантастическомъ путешествіи въ страны къ сѣверу отъ Понта (см. Герод., IV, 13 сл.).

Въ подобныхъ произведеніяхъ отъ поэзіи оставалась лишь одна внѣшняя форма и переходъ къ прозѣ былъ естественъ.

---

[1]) Gutschmid, Kleine Schriften, I, 1 сл.; Stahl, Ueber den Zusammenhang der ältesten griechischen Geschichtsschreibung mit der epischen Dichtung (Neue Jahrbucher f. Philol., 1896); Ѳ. Г. Мищенко, Геродотъ (2-е изд. М. 1888), т. I, стр. V сл

Начало прозы

Проза, какъ стиль, могла появиться и одновременно съ поэзіей [1]), но развилась она въ Греціи во всякомъ случаѣ позже нея. Необходимымъ условіемъ для ея развитія была письменность, безъ которой она не могла существовать: поэтическая рѣчь, съ ея ритмомъ и складомъ, легко запоминалась и могла долго храниться въ народной памяти; прозаическую же, вольную рѣчь запоминать было трудно, и она забывалась и искажалась бы, не будь письма [2]). Дальнѣйшимъ условіемъ развитія прозы и письменной литературы вообще являлся подходящій писчій матеріалъ — папирусъ; онъ сталъ доступенъ грекамъ съ тѣхъ поръ, какъ Псамметихъ открылъ для нихъ египетскія гавани.

Проза должна была удовлетворить вновь назрѣвшимъ потребностямъ: дѣловая рѣчь, особенно съ цифрами и именами, плохо укладывалась въ форму метрической рѣчи. Древнѣйшими памятниками греческой прозы служатъ надписи, которыхъ намъ приходилось уже касаться, а затѣмъ разнаго рода списки и записи (такъ назыв. *ἀναγραφαί*) [3]).

Списки и записи

Такъ, велись списки побѣдителей на различныхъ играхъ. Изъ нихъ наиболѣе извѣстенъ списокъ олимпійскихъ побѣдителей, съ 776 г. Онъ дошелъ до насъ цѣликомъ въ обработкѣ Юлія Африкана [4]), писателя III в. по Р. Хр., и приводится въ хроникѣ Евсевія [5]). Спискомъ побѣдителей на пиѳійскихъ играхъ занимался, какъ извѣстно, Аристотель, и въ Дельфахъ недавно найденъ даже декретъ въ честь этого философа, выражающій ему благодарность за его трудъ.

---

[1]) А. Н. Веселовскій, Три главы изъ исторической поэтики. Спб. 1899, стр. 205—6, Ѳ. Г. Мищенко, Геродотъ, I, стр. XVI.

[2]) А. Н. Веселовскій, l. c.

[3]) Christ[3], стр. 319 сл.

[4]) Sexti Iuli Africani Ὀλυμπ. ἀναγρ. Rec. Rutgers. Leiden. 1862; Scaliger, Thesaurus temporum. 1858. Впервые списокъ Олимпійскихъ побѣдителей былъ опубликованъ еще за IV в. до Р. Хр. софистомъ Гиппіемъ изъ Элиды, имъ интересовался Аристотель и аттидографъ Филохоръ; историкъ Тимей положилъ его (вмѣстѣ съ другими списками, напр. аѳинскихъ архонтовъ и жрицъ Геры въ Аргосѣ) въ основу своей хронологической системы; его обработывалъ знаменитый Эратосѳенъ.

[5]) Недавно среди папирусовъ изъ Оксиринха (см. выше, стр. 23, прим. 4) найденъ списокъ побѣдителей на Олимпійскихъ играхъ за 480—468 и 456—448 г. до Р. Хр. (II, 1899 г.). О немъ — статьи Robert'a (въ Hermes, XXXV, 1900) и Diels'a (ibid., XXXVI, 1901).

Существовали списки и разныхъ должностныхъ лицъ, высшихъ сановниковъ, жрецовъ и проч., напр. эфоровъ въ Спартѣ (съ 755 г.), архонтовъ-эпонимовъ въ Аѳинахъ (съ 683/2 г.), жрицъ Геры въ Аргосѣ или жрецовъ Посейдона въ Галикарнасѣ, съ указаніемъ продолжительности службы каждаго жреца. Послѣдній списокъ сохранился въ видѣ надписи (C. I. G., II, № 2655).

Въ такихъ *ἀναγραφαί* мы имѣемъ первыя точно опредѣленныя хронологическія даты. Нужно однако имѣть въ виду, что начальныя имена въ подобныхъ спискахъ нерѣдко вымышленныя и внесены впослѣдствіи, дабы пополнить пробѣлы и возвести списокъ отъ момента его составленія, безъ перерыва, къ отдаленному прошлому, иногда ко временамъ миѳическимъ. Напр. упомянутый выше списокъ жрецовъ Посейдона начинается съ Теламона, сына самого бога.

Въ различныхъ городахъ имѣлись и мѣстныя записи или хроники, въ родѣ напр. Лаконской (*Λακωνικαὶ ἀναγραφαί*), которая велась еще во времена Агесилая [1]) и содержала въ себѣ между прочимъ имена царей, побѣдителей на карнейскихъ празднествахъ и проч., или Сикіонской таблицы, съ именами царей, жрицъ аргосскихъ, поэтовъ и музыкантовъ [2]).

Не говорю уже о древнихъ договорахъ [3]) и о законахъ [4]), записанныхъ на камнѣ и тому подобномъ матеріалѣ и принадлежащихъ къ категоріи надписей.

Итакъ, эпосъ, преимущественно гесіодовъ, генеалогическій, и списки и записи, *ἀναγραφαί*, — вотъ два главные элемента, изъ которыхъ развилась греческая исторіографія, въ ея первоначальной формѣ. Къ нимъ затѣмъ нужно присоединить устныя, большею частью мѣстныя, преданія и свѣдѣнія или наблюденія, являвшіяся результатомъ путешествій.

Логографы [5]).

Родина греческой исторіографіи—тамъ же, гдѣ и родина греческой науки вообще, философіи, эпоса и лирики,—колоніи по мало-

[1]) Plut., Ages., 19.

[2]) Plut., De mus, 3.

[3]) Напр. договоръ въ C. I. G., I, 11.

[4]) Законы Гортинскіе (см. выше, стр. 17), отрывки изъ Драконова законодательства, C. I. A., I, 61, и друг.

[5]) Сохранившіеся отрывки см. въ Fragmenta Historicorum Graecorum, издан. Карломъ Мюллеромъ (въ коллекціи Didot). Біографическія свѣдѣнія

азіатскому побережью, преимущественно Іонія, и близъ лежащіе острова. Колоніи эти шли во всѣхъ отношеніяхъ впереди метрополіи. До V в. это былъ центръ политической, умственной и художественней жизни грековъ, и тутъ были благопріятныя условія для возникновенія и развитія исторической литературы. Рядъ политическихъ перемѣнъ, паденіе монархіи, утвержденіе аристократіи, ростъ демократіи и борьба съ нею, все это совершалось прежде всего въ мало-азіатскихъ колоніяхъ. Здѣсь умственный кругозоръ былъ шире; греческій міръ соприкасался съ міромъ восточнымъ; греки сталкивались или сближались не только другъ съ другомъ, но и съ другими народами, знакомились съ ихъ строемъ, ихъ культурой. Здѣсь развивалась торговля и завязывались сношенія съ различными странами, иногда весьма отдаленными,— съ понтійскими берегами, Египтомъ, далекимъ Западомъ. И здѣсь именно должны были пробудиться индивидуализмъ и потребность въ самосознаніи, въ изученіи прошлаго, въ ближайшемъ ознакомленіи съ различными странами и городами и въ описаніи ихъ...

Первыхъ греческихъ историковъ, предшественниковъ Геродота, со временъ Крейцера [1]) принято называть логографами [2]), и хотя противъ такого термина въ примѣненіи къ древнѣйшимъ эллинскимъ историкамъ иногда возражаютъ [3]), но мы для удобства можемъ его удержать, помня однако, что въ сущности между „логографами“ и „отцомъ исторіи“, Геродотомъ, нѣтъ непроходимой бездны и кореннаго различія, а напротивъ — существуетъ

о логографахъ—главн. обр у лексикографа Свиды. Литература вопроса: Lipsius, Quaestiones logographicae. Index lectionum. Leipz. 1895—6; В. А. Шеферъ, Очерки греческой исторіографіи (изъ „Кіев. Унив. Изв“, за 1893—4 г.), гдѣ можно найти переводъ отрывковъ 5 логографовъ и подробный комментарій См. также Предисловіе К. Мюллера къ изданнымъ имъ фрагментамъ (т. I) и пособія, указанныя на стр. 39.

[1]) Creuzer, Die histor. Kunst der Griechen

[2]) Такъ называетъ Ѳукидидъ своихъ предшественниковъ (I, 21) Это слово означало вообще прозаиковъ; затѣмъ (напр. въ IV в) оно служило техническимъ выраженіемъ для обозначенія тѣхъ, кто за деньги писалъ для другихъ судебныя рѣчи. По отношенію къ историкамъ обыкновенно употреблялось названіе λογοποιοί, συγγραφεῖς, ἱστορικοί.

[3]) Особенно—М С. Куторга, по мнѣнію котораго съ этимъ словомъ у древнихъ, въ томъ числѣ и у Ѳукидида, соединялось понятіе о „легкихъ историческихъ писателяхъ“, не заслуживающихъ довѣрія, какъ-бы лжеисторикахъ (ψευδογράφοι). Наоборотъ Lipsius, l. c., настаиваетъ, что логографъ означаетъ именно историка и что это слово для обозначенія вообще прозаиковъ не встрѣчается раньше Діонисія Галикарн.

связь, такъ-что и въ данномъ случаѣ наблюдается извѣстная постепенность развитія и перехода одной формы въ другую.

Сочиненія логографовъ цѣликомъ не сохранились: они дошли до насъ лишь въ фрагментахъ [1]), въ видѣ ссылокъ и цитатъ другихъ, болѣе позднихъ авторовъ, которые не всегда, конечно, воспроизводили буквально цитируемый текстъ, а большею частью передавали своими словами лишь общую мысль.

Тѣмъ не менѣе на основаніи такихъ фрагментовъ и свидѣтельствъ древности [2]) можно составить себѣ понятіе о томъ, каковъ былъ общій характеръ этихъ первыхъ опытовъ исторіографіи.

Характеристика логографовъ. Это—произведенія историко-миѳологическаго и географическаго содержанія, представляющія мѣстныя хроники, сказанія объ основаніи городовъ (*κτίσεις*), генеалогіи героевъ и героическихъ родовъ и описаніе земель. Въ нихъ мы можемъ найти исторію какъ греческую, такъ и варварскую, но не въ связи, а отдѣльно по странамъ и народамъ [3]).

Отношеніе къ эпосу Произведенія логографовъ имѣютъ много общаго съ эпосомъ, который служилъ для нихъ образцомъ, при чемъ ближе примыкаютъ къ эпосу гесіодову, нежели гомерическому. Миѳы и саги, генеалогіи и т. под. занимаютъ въ нихъ чрезвычайно видное мѣсто. Еще Страбонъ замѣтилъ, что историки, подобные Кадму, Ферекиду, Гекатею, писали свои произведенія, подражая поэтическому изложенію, разрѣшивъ только стихъ, но сохранивъ прочія поэтическія свойства (I, 2, 6, p. 18). А объ одномъ изъ логографовъ, Акусилаѣ, говорили, что онъ просто переложилъ Гесіода въ прозу [4]).

Заслуги логографовъ. Центръ тяжести изложенія у логографовъ падаетъ на времена миѳическія; они не умѣли еще отдѣлять исторію отъ миѳа. Но замѣчается и шагъ впередъ по сравненію съ эпосомъ. Важно уже было то, что это были произведенія прозаическія, первые образцы исторической прозы. Далѣе, воспроизводя миѳы и съ особенною подробностью останавливаясь на временахъ миѳическихъ, логографы затѣмъ переходили нерѣдко и къ событіямъ

---

[1]) Которые собраны К. Мюллеромъ въ Fragm. Histor. Graecorum, преимущественно въ I-мъ т.

[2]) См. характеристику логографовъ у Діонисія Галикарнасскаго (который называетъ ихъ, впрочемъ, не логографами, а *ἀρχαῖοι συγγραφεῖς*), De Thuc., 5 (p. 818), 6—7 (p. 822—3), 23 (p. 863), (цитаты можно найти и у Schafer, Abrisz der Quellenkunde, стр. 9—11).

[3]) Dion. Halic., l. c.

[4]) Clem. Alex, Stromata, VI, p. 267.

позднѣйшимъ, доводя изложеніе до своего времени, касались слѣдовательно событій чисто историческихъ. Они интересовались исторіей не только греческою, но и иноземною, міромъ варварскимъ, обращали вниманіе на этнографію, на черты бытовыя, на мѣстныя сказанія, памятники и т. под. Многіе изъ логографовъ предпринимали путешествія, иногда далекія, такъ какъ это было лучшимъ способомъ почерпнуть необходимыя свѣдѣнія о странахъ и народахъ. Въ ту пору исторія находилась въ неразрывной связи съ географіей: онѣ шли и развивались рука объ руку, и такіе логографы, какъ Гекатей, были въ то-же время и географами. Нѣкоторые логографы пытались установить точную хронологію и наряду съ миѳами, эпосомъ и сказаніями, обращались къ хроникамъ отдѣльныхъ городовъ и матеріалу документальному, въ то время, правда, еще очень скудному,—къ спискамъ жрецовъ или жрицъ, сановниковъ и т. д. Наконецъ, у наиболѣе выдающихся логографовъ замѣчаются и первыя попытки критическаго отношенія къ матеріалу, первые проблески исторической критики и раціонализаціи ходячихъ миѳовъ и сказаній.

Таковы заслуги предшественниковъ Геродота.

Кадмъ. Первымъ логографомъ, по свидѣтельству древнихъ, былъ Кадмъ изъ Милета (во второй половинѣ VI в.), авторъ сочиненія объ основаніи Милета (*Κτίσις Μιλήτου καὶ τῆς ὅλης Ἰωνίας*). Его, наряду съ Ферекидомъ, уроженцемъ о-ва Сира, философомъ-теологомъ, считали вообще первымъ прозаикомъ. Но еще въ древности высказывались и сомнѣнія въ принадлежности ему ходившаго подъ его именемъ сочиненія [1]), а въ наше время многіе признаютъ самую личность Кадма, перваго логографа, миѳическою [2]), первообразомъ которой послужилъ Кадмъ Финикіецъ, изобрѣтатель греческой азбуки. Вопросъ въ данномъ случаѣ не имѣетъ, впрочемъ, значенія, такъ какъ изъ произведенія Кадма все равно ничего не сохранилось [3]).

---

[1]) Какъ это видно изъ словъ Dion. Halic., De Thuc., 23.

[2]) Но многіе и отстаиваютъ существованіе Кадма-логографа, напр, Christ, Ruhl (въ статьѣ „Vermischte Bemerkungen“, въ Neue Jahrb. f. Philol., 137 B., 1888, S 116—119), у насъ—М. С. Куторга

[3]) Что касается Ферекида Сирскаго, автора миѳологическаго и натуръ-философскаго произведенія Πενταμυχος, то недавно найденъ новый для насъ отрывокъ изъ него (New classical fragments and other Greek and Latin Papyri, ed. by Grenfell and Hunt. Oxf. 1897) и сомнѣнія въ его существованіи раз-

Къ старшему поколѣнію логографовъ принадлежали Акусилай изъ Аргоса (беотійскаго) (въ концѣ VI в.), авторъ „Генеалогій“, относительно подлинности которыхъ тоже иногда выражались сомнѣнія, Діонисій Милетскій (*Περσικά*) [1]) и Гекатей Милетскій.

Гекатей—самый выдающійся изъ всѣхъ предшественниковъ Геродота [2]). Недаромъ Гераклидъ цитируетъ его вмѣстѣ съ Гесіодомъ, Пиѳагоромъ и Ксенофаномъ, въ числѣ мудрѣйшихъ эллиновъ, а Керкидъ изъ Мегалополя считалъ за счастье умереть и встрѣтить на томъ свѣтѣ людей, подобныхъ Пиѳагору, Гомеру и Гекатею [3]).

Гекатей

Гекатей былъ современникомъ Іонійскаго возстанія и въ тогдашнихъ событіяхъ игралъ довольно видную роль. Зная силы Персіи, онъ былъ противъ возстанія, а когда его увѣщанія не подѣйствовали, онъ совѣтовалъ—и тоже тщетно—по крайней мѣрѣ воспользоваться сокровищами Аполлонова святилища въ Бранхидахъ, полагая, что лучше употребить ихъ на усиленіе флота, нежели отдать на разграбленіе персовъ (Герод., V, 36). Уже это до нѣкоторой степени характеризуетъ намъ знаменитаго логографа и его воззрѣнія. Хотя Гекатей и предвидѣлъ печальный конецъ возстанія, но онъ не покинулъ своихъ соотечественниковъ, и есть извѣстіе, что когда возстаніе было подавлено, онъ былъ отправленъ въ качествѣ ходатая къ Артаферну и успѣлъ склонить его къ возвращенію автономіи греческимъ городамъ.

Онъ былъ не только историкомъ, но и географомъ: ему принадлежитъ историческій трудъ подъ заглавіемъ *Γενεαλογίαι* или *Ἱστορίαι* (въ 4 книг.) и „Землеописаніе“ (*Περίοδος γῆς* или *Περιήγησις*) [4]). Въ послѣднемъ Гекатей описывалъ Европу, Азію и

сѣялись См ст. Diels въ Sitz-ber. d. Berl. Akad. d. Wissensch., 1897, и Weil, Études sur l'antiquité grecque. P. 1900.

[1]) Его не слѣдуетъ смѣшивать съ позднѣйшимъ Діонисіемъ (ок. 100 г. до Р. Х.), по прозванію *ὁ Σκυτοβραχίων*, какъ это дѣлаетъ лексикографъ Свида.

[2]) Tropea, Ecateo da Mileto ed i frammenti della periegesis (Estratto degli Atti della Acad. Pelormitana. 1896/7).

[3]) Croiset, II, 542.

[4]) Въ подлинности „Землеописанія“ (или, по крайней мѣрѣ, одной части его) сомнѣвались, основываясь на мнѣніи извѣстнаго александрійскаго библіотекаря, Каллимаха; но Гутшмиду (см. Kleine Schrift.. IV) и Дильсу (см. ст. Herodot und Hekataios, въ Hermes, XXII, 1887) удалось доказать неосновательность такихъ сомнѣній, тѣмъ болѣе, что мнѣнію Каллимаха можно противопоставить мнѣніе знаменитаго географа древности—Эратосѳена.

Африку (Ливію) и присоединилъ географическую карту, усовершенствовавъ древнѣйшую карту, составленную впервые Анаксимандромъ. Особенно замѣчательны для того времени извѣстія Гекатея объ отдаленныхъ странахъ западной Европы. Въ Милетѣ, одномъ изъ тогдашнихъ центровъ міровой торговли и греческой культуры, онъ могъ добыть немало свѣдѣній о чужихъ краяхъ отъ купцовъ и моряковъ. Но онъ и самъ много путешествовалъ. Недаромъ одинъ древній географъ (Агаѳемеръ) называетъ его „мужемъ многостранствовавшимъ", ἀνὴρ πολυπλανής. Несомнѣнно, напр., что Гекатей лично побывалъ въ Египтѣ. Глубокая древность исторіи и культуры этой страны должна была оставить въ немъ сильное впечатлѣніе и повліять на его отношеніе къ греческой легендарной исторіи, къ миѳамъ и сказаніямъ, должна была побудить его раздвинуть границы человѣческой исторіи и съузить предѣлы того періода, когда, по мнѣнію грековъ, дѣйствовали не обыкновенные смертные, а боги и герои [1]).

Вообще у Гекатея замѣчается уже нѣкоторый раціонализмъ и у него мы встрѣчаемъ первые опыты исторической критики. Въ этомъ отношеніи знаменательны слова, которыми онъ начинаетъ свою „Исторію": „Я пишу, что̀ считаю истиннымъ, ибо у эллиновъ существуетъ много разсказовъ и, какъ мнѣ кажется, смѣшныхъ" (fr. 332). И Гекатей старается по возможности устранить элементъ сверхъестественный, сдѣлать миѳы и сказанія правдоподобными. Такъ, по его объясненію, Церберъ, доставленный Геракломъ Еврисѳеею,—страшная змѣя, обитавшая у Тенара и названная псомъ Ада потому, что всякій укушенный ею немедленно умиралъ отъ ея яда (fr. 346). Гераклъ похитилъ стада у Геріона вовсе не на островѣ Эриѳеѣ по ту сторону великаго моря: Геріонъ былъ царемъ на материкѣ близъ Амбракіи и Амфилоховъ, и отсюда-то Гераклъ увелъ коровъ, да и это, по мнѣнію Гекатея, подвигъ немалый (fr. 349). Египетъ самъ вовсе не являлся въ Аргосъ, а такъ называется мысъ, гдѣ аргивяне производятъ судъ (fr. 357).

Все это не мѣшало однако Гекатею выводить свой родъ въ 15-мъ колѣнѣ отъ божества (Герод., II, 143)!

Для характеристики пріемовъ Гекатея не лишены интереса его объясненія происхожденія собственныхъ именъ и названій [2]).

---

[1]) Gomperz, Griech. Denker, I, 207.

[2]) Ѳ. Г. Мищенко, Герод., Предисл., I, стр. XXVIII.

По его мнѣнію, напр., Хіосъ названъ по Хіосу, сыну Океана, или отъ снѣга (*χιών*), который тамъ бываетъ въ большомъ количествѣ, или же по имени нимфы Хіоны (fr. 99); Тенедосъ—*Τέννου ἕδος*, жилище Тенна (fr. 139); Синопъ получилъ названіе отъ пьяницы амазонки, ибо Синопъ есть испорченное Саванъ, а у оракіицевъ, нарѣчіемъ которыхъ говорятъ амазонки, сапанами называются пьяницы (fr. 352), и т. д. Намъ теперь подобныя этимологическія объясненія, конечно, покажутся ребяческими и смѣшными, а для того времени они—знаменательное явленіе.

Какъ видно изъ приведенныхъ выше примѣровъ, критика Гекатея—чисто субъективная; критеріемъ для него служитъ правдоподобное, возможное, естественное [1]), да и этотъ принципъ не проводится послѣдовательно: вспомнимъ его собственную родословную! Но все-же, по сравненію съ господствовавшею еще наивною вѣрою въ боговъ и героевъ, какъ изображали ихъ миѳы и сказанія, въ сверхъестественное и чудесное, это являлось крупнымъ шагомъ въ развитіи греческой критической мысли.—Гекатей же пытался внести въ свою исторію нѣкоторый хронологическій порядокъ, считая по поколѣніямъ и полагая на каждое поколѣніе по 40 лѣтъ. — Наконецъ у него наблюдаемъ уже какъ-бы переходъ отъ чисто мѣстной исторіи къ болѣе общей.

Затѣмъ, изъ младшаго поколѣнія логографовъ слѣдуетъ упомянуть о Ферекидѣ Лерскомъ, Харонѣ изъ Лампсака, Ксанѳѣ Лидійцѣ и въ особенности о Гелланикѣ Митиленскомъ.

Ферекидъ. Логографа Ферекида (около середины V в), уроженца о-ва Лера (близъ Милета), нужно отличать отъ упомянутаго выше древнѣйшаго прозаика, философа-теолога, Ферекида съ о-ва Сира [2]). Въ своихъ *Ἱστορίαι* (иначе *Γενεαλογίαι* или *Αὐτόχθονες*, въ 10 кн.) онъ собралъ богатый матеріалъ по миѳологіи и генеалогіи боговъ и знатныхъ родовъ; онъ излагаетъ миѳы и саги, безъ всякихъ толкованій или раціонализаціи, довольствуясь простымъ пересказомъ. А каковы приводимыя имъ генеалогіи, видно напр. изъ того, что Гомера онъ выводитъ отъ Орфея и насчитываетъ между ними 10 поколѣній.

---

[1]) Gomperz, Griech. Denker, I. 207.

[2]) Свида различаетъ трехъ Ферекидовъ: 1) Сирскаго, 2) Лерскаго и 3) Аѳинскаго Теперь обыкновенно отождествляютъ втораго и третьяго, полагая, что Ферекидъ изъ Лера переселился впослѣдствіи въ Аѳины. Lipsius. Quaest. logogr., впрочемъ, опять различаетъ Ферекида Старшаго, аѳинянина, и Ферекида Младшаго, изъ Лера.

Харонъ изъ Лампсака (V в.), старшій современникъ Геродота, въ своей „Персидской исторіи“ (*Περσικά*, въ 2 кн.) излагаетъ событія чисто историческія и ему современныя—исторію Греко-Персидскихъ войнъ—и такимъ образомъ касается уже той темы, что̀ и Геродотъ, а въ своихъ „Лѣтописяхъ Лампсака“ (*Ὧροι Λαμψακηνῶν* [1]), въ 4 кн.) онъ пользовался для хронологіи списками должностныхъ лицъ своего роднаго города: онъ первый оцѣнилъ важность источниковъ подобнаго рода. У Харона уже имѣется примѣръ и литературной критики: онъ приписываетъ „Навпактійскую поэму“ не уроженцу Милета, какъ полагало большинство, а уроженцу Навпакта (fr. 5). *Харонъ.*

Ксанѳъ Лидіецъ (V в.) жилъ незадолго до Пелопоннесской войны. Онъ можетъ служить примѣромъ того вліянія, какое оказывала греческая культура на сосѣдніе народы. Ему принадлежитъ „Исторія Лидіи“ (*Λυδιακά*, въ 4 кн.), въ сохранившихся отрывкахъ которой мы находимъ иныя версіи, нежели у Геродота: Ксанѳъ, повидимому, пользовался лидійскими источниками, мѣстными народными преданіями. Кромѣ миѳической и легендарной исторіи. мы встрѣчаемъ у него сообщенія, касающіяся географіи и этнографіи, нравовъ и быта, и такія извѣстія, которыя обыкновенно свойственны хроникѣ, напр. о голодѣ и засухѣ, бывшихъ при царѣ Артаксерксѣ (fr. 3) [2]. *Ксанѳъ.*

Гелланикъ Митиленскій [3] — послѣдній по времени изъ логографовъ. Собственно говоря, онъ можетъ быть къ нимъ причисленъ лишь съ оговоркою: онъ не предшественникъ, а скорѣе младшій современникъ Геродота [4], и былъ свидѣтелемъ послѣднихъ лѣтъ Пелопоннесской войны [5]. Въ числѣ его произведеній была и *Ἀτθίς*, т. е. исторія или хроника Аттики, первый опытъ въ этомъ родѣ. Такимъ образомъ, Гелланикъ, заканчивая собою какъ-бы эпоху логографовъ, съ другой стороны открываетъ *Гелланикъ.*

---

[1]) По A. Schäfer'y къ этому сочиненію относится и заглавіе Ἑλληνικά.

[2]) Подлинность сочиненія Ксанѳа тоже заподозрѣвалась (напр Welcker'омъ, Kleine Schriften, 1830, I, который основывался на словахъ Athen., XII, p 515 d—e). Въ настоящее время ее можно считать доказанною, главнымъ образомъ Gutschmid'омъ (см. его Kl. Schriften, IV, 307 сл.); см. также у В. А. Шеффера, Оч. греч. историогр.

[3]) B. Niese, Die Chroniken des Hellanikos (Hermes, XXIII, 1888).

[4]) Это доказано Niese (l. c.), Ed. Meyer, Forschungen z. alten Gesch. I, 119; Wilamowitz (Hermes, XI), Aristot. u. Athen, II, 19.

[5]) Въ своей „Аттидѣ“ онъ упоминаетъ о событіи, относящемся къ 406 г.

собою довольно длинный рядъ такъ называемыхъ „аттидографовъ“.

Гелланикъ обнаруживалъ большое трудолюбіе и любознательность. Онъ немало путешествовалъ, изъѣздилъ Грецію, и есть извѣстіе, что онъ былъ и при македонскомъ дворѣ. Изъ прежнихъ хроникъ и преданій онъ извлекъ громадный матеріалъ. Это—одинъ изъ самыхъ плодовитыхъ греческихъ историковъ. Ему принадлежатъ разнообразные труды, напр. по исторіи замѣчательныхъ предпріятій (*Τρωϊκά*, *Περσικά*), въ особенности по исторіи отдѣльныхъ странъ (въ томъ числѣ упомянутая *Ἀτθίς*, въ 4 или 5 кн.), не только греческихъ, но и чуждыхъ, по генеалогіи, хронологіи и проч. Представить точный перечень и опредѣлить ихъ взаимное отношеніе довольно трудно: часто различныя заглавія относятся въ сущности къ одному и тому же сочиненію или же лишь къ отдѣльнымъ его частямъ.

Исторію различныхъ странъ Гелланикъ излагаетъ обыкновенно въ рамкахъ генеалогіи или исторіи поколѣнія какого-либо героя; такъ, его „Исторія Форонея“ (*Φορωνίς*) есть исторія Аргоса, Девкальона (*Δευκαλιώνεια*)—Оессаліи, *Ἀσωπίς*—Беотіи и т. под. Въ изложеніи Гелланика главное мѣсто занимали миѳы и миѳическій періодъ; исторія же Греціи отъ вторженія дорянъ до Греко-Персидскихъ войнъ излагалась кратко. Все это сближаетъ Гелланика съ прочими логографами и даетъ намъ право причислить его къ нимъ.

Гелланикъ оказалъ большое вліяніе на послѣдующее отношеніе къ миѳической исторіи Греціи. Онъ собралъ, привелъ въ связь и систему массу матеріала по этой исторіи. Миѳы и саги въ его изложеніи, сухомъ и прозаическомъ, утратили, разумѣется, всякую поэзію; боги и герои превращались въ обыкновенныхъ царей; чудесный элементъ устранялся, а для примиренія и сглаживанія противорѣчій пускались въ ходъ иногда слишкомъ насильственныя средства: однимъ изъ обычныхъ пріемовъ было превращеніе одной личности въ нѣсколько одноименныхъ [1]). Но зато Гелланикъ въ своихъ „Жрицахъ Геры“ и въ „Аттидѣ“ впервые далъ связную, расположенную въ извѣстномъ хронологическомъ порядкѣ и системѣ исторію грековъ съ древнѣйшихъ временъ до современной ему эпохи [2]).

---

[1]) E. Meyer, Forsch., I, 117—118.

[2]) E. Meyer, Forsch., I, 186

Далѣе, Гелланикъ замѣчателенъ, какъ авторъ первой Аттиды, въ которой, повидимому, находились и извѣстія, касающіяся политическихъ правъ и строя аѳинянъ [1]), и какъ хронологъ, своимъ стремленіемъ къ точной, опредѣленной системѣ: онъ пользовался списками жрицъ Геры въ Аргосѣ и побѣдителей на карнейскихъ играхъ, обработывалъ ихъ (въ сочин. Ἱέρειαι τῆς Ἥρας и Καρνεονῖκαι), а въ своей „Аттидѣ“ велъ счетъ по архонтамъ. Правда, его старанія, быть можетъ, не совсѣмъ увѣнчались успѣхомъ и онъ не всегда достигалъ положительныхъ результатовъ: извѣстно, что Ѳукидидъ порицаетъ Гелланика именно за неточность его въ хронологіи (I, 97); но попытка важна уже сама по себѣ, а также и то, что Гелланикъ обратилъ вниманіе на документальныя данныя, какъ на лучшую основу для хронологіи.

Геродотъ [2]).

Уже у нѣкоторыхъ логографовъ, какъ было упомянуто, замѣчается переходъ отъ мѣстной и миѳической исторіи къ болѣе общей и современной имъ. Но ни за однимъ изъ нихъ, ни за

---

[1]) См. фрагменты изъ схолій къ Аристофану, цитируемые у A. Schafer, Quellenkunde, стр. 17

[2]) Лучшія комментированныя изданія—Bahr'a (4 v), Stein'a (5 v.) и Abicht'a (5 v.); всѣ они переиздавались нѣсколько разъ. Нѣкоторыя книги Геродота имѣются и въ отдѣльныхъ изданіяхъ; такъ II-я книга издана Wiedemann'омъ (Leipz. 1890), съ подробнымъ разборомъ, шагъ за шагомъ, заключающихся въ этой книгѣ ссобщеній; Macan издалъ IV—VI кн (London. 1895. 2 v.), съ обширнымъ введеніемъ, комментаріями и критическими экскурсами въ приложеніяхъ, занимающихъ весь II-й томъ, (на англ. яз.); извѣстія Геродота, касающіяся Скиѳіи и Кавказа, собраны и снабжены русскимъ переводомъ въ сборникѣ В. В. Латышева, „Scythica et Caucasica.—Извѣстія древнихъ писателей греч. и лат. о Скиѳіи и Кавказѣ“. Спб. 1893, т. I, вып. 1 (Прилож. къ „Зап Импер. Русск. Археолог. Общества“).—Переводы: англійскій—Rawlinson'a (1858—60, 3-е изд.—1876), съ многочисленными, чрезвычайно важными примѣчаніями и приложеніями; русскій—Ѳ. Г. Мищенка (2-е изд. М. 1888, 2 т.), съ предисловіями и указателемъ (ср. рец. А. Н. Щукарева на 1-е изд., Журн. Мин. Нар Пр., 1886, янв.).—Литература о Геродотѣ. Кромѣ общихъ трудовъ, названныхъ раньше, и введеній къ только-что упомянутымъ изданіямъ (въ особенности предисловій Ѳ. Г. Мищенка къ его переводу), см. обширную монографію Hauvette, Hérodote, historien des guerres médiques. P. 1894, Ed. Meyer, Forschungen zur alten Geschichte. Halle. 1892—9, 2 Bde и Gesch. d. Alterth. Stuttg. III B. (1901); Stauffer, Zwölf Gestalten der Glanzzeit Athens. Munchen-Leipz. 1896; цѣлый рядъ статей Ѳ. Г. Мищенка въ „Журн.

Гекатеемъ, ни за Харономъ [1]), не утвердилось названіе „отца исторіи“. Это имя остается за Геродотомъ, котораго назвалъ такъ еще Цицеронъ (De leg., I, 1, 5).

На чемъ же основываются права Геродота на такой почетный титулъ?

Геродотъ и логографы

Какъ мы видѣли, непроходимой грани между Геродотомъ и логографами въ сущности нѣтъ, и разница между нимъ и его предшественниками едва-ли больше, чѣмъ между Оукидидомъ и нимъ [2]). У „отца исторіи“ найдется немало точекъ соприкосновенія съ логографами. Его произведеніе до нѣкоторой степени имѣетъ характеръ эпическій, какъ справедливо замѣтилъ еще Нибуръ [3]); оно стоитъ на рубежѣ между поэзіей и исторіей: во многихъ отношеніяхъ это—какъ бы эпосъ въ прозѣ. Можно найти въ немъ сходныя черты и съ греческой драмой. Вообще Геродотъ, по выраженію К. О. Мюллера, столько-же поэтъ и теологъ, сколько и историкъ. Но есть между нимъ и логографами и различіе: послѣдніе примыкаютъ къ Гесіоду, а Геродотъ ближе стоитъ къ Гомеру [4]).

Но что въ особенности отличаетъ Геродота отъ логографовъ, это—, такъ сказать, историчность, грандіозность и единство его главной темы. Логографы занимались преимущественно миѳическимъ періодомъ; у Геродота же, хотя онъ и дѣлаетъ экскурсы въ эту область, главная тема все-же чисто историческая—борьба грековъ съ персами, исторія времени, къ нему близкаго, и притомъ исторія не одного какого-либо города или народа, отдѣльно

Мин. Нар. Пр.“ и „Филол. Обозр.“, за послѣдніе годы, въ „Юбил. Сборникѣ въ честь проф. В. О. Миллера“ (М. 1900) и проч.; г. Тимошенко, „Геродотъ и его сочиненіе“. Полтава. 1899 (брошюра). Монографіи и статьи, касающіяся біографіи Геродота, его источниковъ и вообще отдѣльныхъ вопросовъ, см. ниже, въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ.

[1]) Перваго считалъ достойнымъ титула „отца исторіи“ Магаффи, втораго—Мьюръ.

[1]) Θукидидъ, говоря о логографахъ, I, 21, имѣлъ въ виду, по словамъ схоліаста, Геродота.

[2]) Vorträge über alte Geschichte. Berlin. 1847, I, 204.—О сходствѣ между Геродотомъ и Гомеромъ подробнѣе см. въ рец. Ѳ. Г. Мищенка на книгу С. П. Шестакова („О происхожденіи поэмъ Гомера“), въ „Филол. Обозр.“, 1900, XVIII, кн. 2.

[3]) Это замѣтили еще въ древности: Діонисій Галикарнасскій выражался о Геродотѣ, какъ о „подражателѣ Гомера“ (Ad Cn. Pomp., 3, p. 771), а по Лонгину, одинъ только Геродотъ былъ ὡμηρικώτατος (De sublim., 12).

взятая, а эллиновъ и варваровъ, Европы и Востока, тѣсно связанная. Именно Греко-Персидскія войны, какъ событіе, касавшееся болѣе или менѣе всѣхъ грековъ, персовъ и подвластныхъ имъ народовъ, взволновавшее почти весь тогдашній историческій міръ, могли дать содержаніе и единство широкому историческому труду, впервые помогли возвыситься надъ мѣстною исторіею и стать на болѣе универсальную точку зрѣнія, связать въ одно цѣлое исторію Европы и Азіи, міра греческаго и міра персидскаго... И у Геродота, не смотря на всѣ его отступленія и эпизоды, есть единый, общій планъ, есть наконецъ общія руководящія идеи, проникающія весь его трудъ, своя, такъ сказать, философія исторіи... Въ этомъ его основное отличіе отъ его предшественниковъ и право на наименованіе „отца исторіи“, конечно, въ извѣстномъ смыслѣ, съ нѣкоторыми оговорками.

Біографія Геродота

Родиной Геродота [1]) былъ Галикарнасъ [2]), дорійскій городъ на карійскомъ побережьѣ, на рубежѣ между міромъ греческимъ и варварскимъ, съ господствовавшимъ іонійскимъ діалектомъ [3]) и іонійскою культурой, съ довольно обширными торговыми связями; все это — условія, которыя должны были благопріятствовать разширенію умственнаго кругозора „отца исторіи“, способствовать отрѣшенію отъ какой-либо узкой племенной точки зрѣнія и усвоенію болѣе универсальной. — Родился Геродотъ незадолго до нашествія Ксеркса на Грецію [4]) (приблизительно въ 484 году) [5]), дожилъ до первыхъ лѣтъ Пелопоннесской вой-

---

[1]) Біографическія свѣдѣнія о Геродотѣ—главн. образомъ у Suid., s. v. Ἡρόδοτος и Παν͡δασις Пособія — Dahlmann, Herodot. Aus seinem Buche sein Leben. Altona. 1824 (составляетъ II т. его Forschungen auf dem Gebiete d. Geschichte); Ad. Bauer, Herodots Biographie. Wien. 1878 (изъ Sitzungsber. d. Wien. Akad. d. Wissensch. Histor.-Phil. Classe, 89 B.); Ruhl, Herodotisches (Philol, XLI B., 1882).

[2]) У нѣкоторыхъ древнихъ Геродотъ называется „ѳурійцемъ“; напр. даже Аристотель, цитируя начальныя слова вступленія Геродота (Rhet. III, 9), употребляетъ слово Θούριον, и такое чтеніе болѣе древнее, какъ доказалъ E. Meyer, Forschungen, I, 196. Но, разумѣется, Геродота такъ называли не потому, чтобы онъ родился въ Ѳуріяхъ (которыя основаны были лишь въ 444/3 г.), а потому, что для него Ѳуріи сдѣлались какъ-бы второю родиною.

[3]) Что̀ доказывается не только сочиненіемъ Геродота, но и надписями.

[4]) Dion. Halic., De Thuc., 5, p. 720.

[5]) По свидѣтельству Памфилы (писательницы временъ Нерона), приводимому Авломъ Геллiемъ (Noct. Att. XV, 23), не вполнѣ, правда, категорическому („videtur“), Геродоту при началѣ Пелопоннесской войны было 53 г.,—оче-

ны [1]) и умеръ, вѣроятно, около 425 г. [2]). Слѣдовательно, онъ былъ современникомъ того періода греческой исторіи, который носитъ названіе „Пятидесятилѣтія“ (отъ Платейской битвы до Пелопоннесской войны); его дѣтскіе годы совпали съ героическою борьбою грековъ противъ персовъ, а зрѣлый возрастъ съ блестящимъ вѣкомъ Перикла, съ разцвѣтомъ аѳинской демократіи, умственной и художественной жизни Греціи. Происходилъ Геродотъ изъ знатнаго рода и состоялъ въ родствѣ съ Панѣасидомъ, извѣстнымъ эпическимъ поэтомъ, поклонникомъ Гомера, любителемъ оракуловъ, всякихъ чудесъ и предзнаменованій, оказавшимъ, повидимому, вліяніе на литературное образованіе и міровоззрѣніе „отца исторіи“.

Если вѣрить свидѣтельству Свиды [3]), Геродотъ въ молодости принималъ дѣятельное участіе въ политической жизни роднаго города, въ борьбѣ противъ господствовавшаго въ немъ тиранна и вынужденъ былъ удалиться на островъ Самосъ; потомъ, возвратившись въ Галикарнасъ, способствовалъ паденію тираніи, но тѣмъ не менѣе, вслѣдствіе недовольства гражданъ, покинулъ навсегда родину. Онъ жилъ нѣкоторое время въ Аѳинахъ, тогдашнемъ центрѣ умственной и художественной жизни, „школѣ Эллады“, и, повидимому, принадлежалъ къ кружку Перикла. Когда основывались Ѳуріи въ южной Италіи, Геродотъ отправился туда въ качествѣ колониста; но есть основаніе думать, что впослѣдствіи онъ возвратился въ Аѳины [4]).

Извѣстно, что Геродотъ совершилъ рядъ далекихъ путешествій: не говоря уже о мало-азіатскомъ побережьѣ, островахъ Эгейскаго моря и Элладѣ, онъ путешествовалъ по Египту и доходилъ до острова Элефантины; былъ въ Тирѣ, Палестинской

видно, цвѣтущая пора (ἀκμή) его, т. е. 40 лѣтъ, пріурочивалось Памфилой ко времени основанія Ѳурій.

[1]) О нѣкоторыхъ событіяхъ ея времени Геродотъ упоминаетъ — напр. VI, 91; VII, 137, 233; IX, 73.

[2]) Геродотъ не знаетъ ни о Сицилійской экспедиціи, ни о занятіи Декелеи спартанцами (см. IX, 73), ни о Даріи II Ноѣ, вступившемъ на престолъ въ 425/4 г., и не считаетъ нужнымъ отличать Дарія Гистаспа, какъ перваго царя этого имени.

[3]) Нѣкоторыя подробности внушаютъ сомнѣнія; объ этомъ см. въ книгѣ Hauvette; ст. Ruhl'я, E. Meyer, Forschungen; Ѳ. Г. Мищенко, Геродот., I, стр. LVII сл.

[4]) См. Герод., V, 77; E. Meyer, Forschungen, II, 196. Ср. впрочемъ C. Wachsmuth, стр. 512, прим., и Hauvette, стр. 52.

Сиріи и сѣверной Аравіи, въ Вавилонѣ и, повидимому, въ окрестностяхъ Сузъ, а, быть можетъ, и въ Экбатанѣ; посѣтилъ сѣверные берега Понта и Колхиду, Ѳракію и Македонію, Кирену и, вѣроятно, Сицилію. Но къ какому времени [1]) относится большая часть этихъ путешествій, сказать трудно [2]).

О томъ, гдѣ Геродотъ умеръ, въ Аѳинахъ или Ѳуріяхъ, существуютъ противорѣчивыя мнѣнія, такъ какъ имѣющіяся на этотъ счетъ свидѣтельства [3]) не внушаютъ довѣрія.

Вопросъ о времени и порядкѣ составленія Геродотова труда

Намъ неизвѣстно также, въ какомъ порядкѣ, гдѣ и когда именно писалъ Геродотъ свое произведеніе. Относительно этого существуетъ двѣ гипотезы [4]). По одной, принадлежащей Кирхгофу, трудъ Геродота составленъ по заранѣе опредѣленному плану, постепенно, въ различное время, въ томъ порядкѣ, какъ онъ есть; по другой гипотезѣ, главнымъ представителемъ которой является Ад. Бауэръ, послѣднія книги, посвященныя исторіи Греко-Персидскихъ войнъ, написаны Геродотомъ раньше первыхъ, и все произведеніе составилось изъ первоначально совершенно самостоятельныхъ отдѣловъ или частей (*λόγοι*), соединенныхъ потомъ въ одно цѣлое.

Я не буду подробно останавливаться на доводахъ обѣихъ сторонъ. Мнѣ кажутся въ сущности безплодными эти попытки проникнуть въ самый процессъ составленія Геродотова труда; да и для нашей цѣли—опредѣлить главнымъ образомъ значеніе Геродота, какъ источника, и его степень достовѣрности—данный вопросъ не имѣетъ особенной важности. Достаточно констатировать фактъ, что произведеніе Геродота (или по крайней мѣрѣ, вторая половина его) носитъ на себѣ очевидные слѣды того настроенія, которое господствовало при возникновеніи Пелопоннес-

---

[1]) О другихъ сомнительныхъ пунктахъ по поводу путешествій Геродота см. ниже; тамъ же и литература вопроса.

[2]) Въ Египтѣ Геродотъ былъ во всякомъ случаѣ послѣ битвы при Папремисѣ (это явствуетъ изъ его собственныхъ словъ: онъ видѣлъ черепа павшихъ здѣсь въ бою, III, 12) и, по всей вѣроятности, послѣ усмиренія возстанія Инара и Амиртея и окончательнаго замиренія страны, т. е. не раньше конца 40-хъ годовъ. Ср. E. Meyer, Forschungen, I, 156.

[3]) Suid.; ср. Steph. Byz., s. v. Θούριοι; Marcellini, vita Thuc., c. 17.

[4]) Kirchhoff, Ueber die Entstehungszeit d. Herodotischen Geschichtswerkes. Berl 1878 (сначала—въ Sitz.-ber. d. Berl. Akad. d Wissensch., 1868, 1871, 1878), и Ad. Bauer, Die Entstehung des Herodotischen Geschichtswerkes. Wien. 1878; ср. его-же, Die Forschungen zur griech. Gesch., стр. 200. Изъ предшественниковъ А. Бауэра можно указать на A. Schöll'я (Philol., IX—X B.).

ской войны [1]): оно проникнуто горячею симпатіей къ Аѳинамъ и въ яркомъ свѣтѣ выставляетъ ихъ заслуги, о чемъ подробнѣе мы скажемъ ниже. Написано оно много лѣтъ послѣ прекращенія военныхъ дѣйствій противъ персовъ; это видно изъ отношенія Геродота къ варварамъ, о которыхъ онъ говоритъ безъ всякой злобы, часто съ интересомъ и симпатіей; ясно, что тогда времена вражды и рѣшительной борьбы уже давно миновали; уже Персія—не врагъ; врагами аѳинянъ являются Ѳивы, Коринѳъ, Спарта. Наконецъ, у Геродота есть и прямыя указанія на событія Пелопоннесской войны (см. стр. 54, прим. 1). Но отрывки, черновые наброски и предварительныя записи или замѣтки могли, конечно, существовать уже и раньше [2]).

Оконченъ ли трудъ Геродота?

Повидимому, Геродотъ не успѣлъ вполнѣ закончить свой трудъ. Въ разныхъ мѣстахъ замѣтно отсутствіе окончательной отдѣлки. Намѣренія упомянуть впослѣдствіи о нѣкоторыхъ фактахъ не были исполнены, а самыя заявленія въ текстѣ остались безъ измѣненій [3]). Исторія борьбы съ персами доведена до взятія греками Сеста. Правда, Эд. Мейеръ [4]) убѣдительно доказалъ [5]), что Геродотъ не имѣлъ въ виду продолжать свое изложеніе далѣе конца Греко-Персидскихъ войнъ, τὰ *Μηδικά*, что съ послѣднимъ словомъ греки связывали очень опредѣленное понятіе—именно о томъ періодѣ борьбы, который закончился отраженіемъ персовъ въ 479/8 г.,—и что Геродотъ ясно отличаетъ отъ этого періода послѣдующій [6]) Но все-же его изложеніе какъ-бы обрывается, хотя, можетъ быть, до намѣченнаго имъ конца оставалось и немного [7]): едва-ли такимъ концомъ могъ служить тотъ эпизодъ объ

---

[1]) Busolt, Griech. Gesch., II², 612; Pohlmann, Grundriss der griech. Geschichte. 2-te Aufl. München. 1896 (въ коллекціи Iw. Müller'a, Handbuch d. Altertums-Wissensch.); E. Meyer, Forschungen, I, 154.

[2]) См. вѣрныя замѣчанія Ed. Meyer, Forschungen, I, 154.

[3]) I, 106; I, 184, а въ особенности—VII, 213.

[4]) Вслѣдъ за Otto Nitzsch'емъ, Abhandl. über Herodot. Bielefeld. 1873.

[5]) См. его Forschungen, I, 189—190; II, 217 сл.

[6]) Напр. VIII, 3; событія послѣ 479/8 принадлежатъ не къ Μηδικά (напр. IX, 64).

[7]) Такъ и Wilamowitz, Arist. und Athen. I, 26, который полагаетъ, что Геродотъ могъ намѣтить предѣломъ своего изложенія образованіе делосско-аттическаго союза, въ 478 г.; ср. и C. Wachsmuth, Einleitung, стр. 513. E. Meyer, Forschungen, II, 218, прим., напрасно отвергаетъ это. Не служитъ ли также нѣкоторымъ указаніемъ на намѣреніе Геродота нѣсколько продолжить свой трудъ его слова, IX, 121: καὶ κατὰ τὸ ἔτος τοῦτο οὐδὲν ἐπὶ πλέον τούτων ἐγένετο?

Артамбаресѣ и Кирѣ, который мы находимъ теперь въ заключительной главѣ (IX, 122). Во всякомъ случаѣ такое неожиданное и странное заключеніе составляетъ полный контрастъ началу, которое Геродотъ счелъ нужнымъ снабдить особымъ вступленіемъ.

Его содержаніе.

Во вступленіи этомъ [1]) онъ опредѣляетъ цѣль своего труда: онъ представляетъ свои „разысканія“ *(ἱστορίης ἀπόδεξις)*, „дабы отъ времени не изгладились изъ памяти дѣянія людей и не преданы были забвенію великія и достойныя удивленія подвиги, совершенныя какъ эллинами, такъ и варварами, въ особенности же—причина, по какой они вступили въ войну между собою“ (I, 1).

Геродотъ говоритъ [2]) сначала о столкновеніяхъ между Европою и Азіею, которыя предшествовали борьбѣ грековъ съ персами и какъ-бы являлись ея прецедентами, излагаетъ затѣмъ исторію Лидіи, Мидіи и Кира, причемъ касается и Вавилона (I кн.) [3]). По поводу египетскаго похода Камбиза онъ подробно останавливается на Египтѣ (вся II-я кн.); потомъ возвращается къ Камбизу, разсказываетъ о Лжесмердисѣ и Даріи Гистаспѣ, объ организаціи Персидской монархіи и тутъ же посвящаетъ обширный экскурсъ исторіи Самоса (III кн.). По поводу похода Дарія на скиѳовъ онъ сообщаетъ подробности о Скиѳіи и о народахъ, жившихъ къ сѣверу отъ Понта, и о самомъ походѣ, а затѣмъ переходитъ къ Киренѣ и Ливіи (IV кн.), и только съ V книги Геродотъ приступаетъ къ главной своей темѣ—къ исторіи Греко-Персидскихъ войнъ, начиная съ Іонійскаго возстанія и кончая битвою при Микале и осадою Сеста (кн. V—IX).

Таково содержаніе труда Геродота лишь въ главныхъ чертахъ. Попутно „отецъ исторіи“ дѣлаетъ постоянно отступленія, вставляя цѣлый рядъ эпизодовъ и экскурсовъ, останавливаясь на самыхъ разнообразныхъ предметахъ. Онъ самъ заявляетъ, что его изложеніе охотно допускаетъ подобныя отступленія (IV, 30). Его интересовало все „достопримѣчательное“. „О Египтѣ я намѣренъ говорить пространно“, замѣчаетъ Геродотъ, „потому что въ немъ больше удивительныхъ и выше словъ вещей, чѣмъ во всякой другой странѣ; ради этого и больше о немъ будетъ сказано“

[1]) Оно вызываетъ нѣкоторыя сомнѣнія; см. о немъ ст. Ѳ. Г. Мищенка въ „Филол. Обозр“, XII (1897).

[2]) Ср. Gutschmid, Oekonomie des Herodot. Werks (Kl. Schriften, IV стр 183 сл.).

[3]) Дѣленіе на книги и заглавіе: „Музы“, принадлежитъ не самому Геродоту, а болѣе позднему времени—александрійскимъ грамматикамъ

(II, 35). Исторія и географія описываемыхъ странъ, лица и событія, памятники и преданія, чудеса и предзнаменованія, природа и животныя, жители, ихъ вѣрованія, нравы и обычаи, жилища и одежда, все это привлекало вниманіе любознательнаго и словоохотливаго „отца исторіи“ и обо всемъ этомъ онъ говоритъ съ эпическими подробностями, съ любовью останавливаясь на деталяхъ, на чертахъ чисто анекдотическихъ.

Надъ всѣмъ этимъ матеріаломъ и подробностями, иногда чисто эпическими, господствуетъ однако нѣсколько общихъ руководящихъ идей.

Міровоззрѣніе Геродота.

На міровоззрѣніи Геродота необходимо остановиться, такъ какъ это міровоззрѣніе оказало немалое вліяніе на его объясненіе историческихъ явленій, на выборъ матеріала или версіи, на освѣщеніе, группировку и даже искаженіе фактовъ.

Одна изъ основныхъ идей, красною нитью проходящихъ чрезъ весь трудъ Геродота,—убѣжденіе въ „завистливости божества“. „Божество завистливо“ [1]); „людскія несчастія доставляютъ наслажденіе богамъ“; человѣкъ не долженъ превозноситься, высоко мнить о себѣ, ибо всякое высокомѣріе постигаетъ кара,—это Геродотъ повторяетъ много разъ и отъ себя, и устами выводимыхъ имъ лицъ. Но особенно ярко проводится эта мысль въ извѣстномъ эпизодѣ о Крезѣ и въ разговорѣ Артабана съ Ксерксомъ. Божество, говоритъ у Геродота Артабанъ, мечетъ перуны въ самыя высокія зданія и деревья, ибо оно любитъ сокрушать все выдающееся; оно не дозволяетъ никому другому, кромѣ самого себя, высоко мнить о себѣ (VII, 10). Въ дѣйствіяхъ Ксеркса Геродотъ усматриваетъ преимущественно высокомѣріе и всю исторію Ксерксова похода излагаетъ главнымъ образомъ съ той точки зрѣнія, что всякое непомѣрное возвышеніе влечетъ за собою наказаніе.

Міросозерцаніе грековъ мы привыкли представлять себѣ чрезвычайно жизнерадостнымъ. Едва-ли однако такое мнѣніе безусловно вѣрно [2]); во всякомъ случаѣ оно требуетъ большаго ограниченія. Знаменательно, по крайней мѣрѣ, то, что Геродотъ, этотъ представитель, быть можетъ, лучшей поры въ исторіи Греціи, проникнутъ если и не безъисходнымъ пессимизмомъ [3]), то все-же со-

[1]) I, 32; III, 40.

[2]) См. Burckhardt, Griech. Kulturgeschichte, Berlin. II, 373, сл.

[3]) E. Meyer, Forschungen, II, 262 сл., называетъ міровоззрѣніе Геродота не пессимизмомъ, а эмпиризмомъ, составлявшимъ, по его мнѣнію, вообще характерную черту Перикловa времени.

знаніемъ измѣнчивости всего человѣческаго, непостоянства земнаго счастья и величія, и грустная нота слышится по временамъ въ его словахъ. „Полнаго счастья не существуетъ для людей“, говоритъ онъ устами того-же Артабана (VII, 49). Земное счастье скоропреходяще, и нѣтъ человѣка настолько счастливаго, чтобы ему не приходило въ голову неразъ желаніе лучше умереть, чѣмъ жить. Жизнь кратка, но вслѣдствіе несчастій и болѣзней и она можетъ показаться даже долгою, а самая смерть—явиться желаннымъ пристанищемъ (VII, 46). Никто не можетъ назвать себя счастливымъ раньше смерти, говоритъ у Геродота Солонъ Крезу. Вообще человѣкъ подверженъ превратностямъ, и не только отдѣльныя лица, но и цѣлые народы (I, 32). Круговращеніе человѣческихъ дѣлъ не дозволяетъ, чтобы постоянно одни и тѣ-же лица были счастливы (I, 207). Великое въ древности стало теперь малымъ, а великое теперь было раньше малымъ. Вотъ почему Геродотъ отводитъ въ своемъ изложеніи мѣсто не только большимъ городамъ, но и малымъ. „Я знаю“, говоритъ онъ, „что человѣческое счастье непостоянно, а потому я буду упоминать о тѣхъ и другихъ“ (I, 5). Даже такой періодъ, какъ эпоха Греко-Персидскихъ войнъ и Пятидесятилѣтія, Геродоту представляется періодомъ величайшихъ бѣдствій. За время Дарія, Ксеркса и Артаксеркса, за время только этихъ трехъ поколѣній, по его словамъ, Элладу постигло больше бѣдъ, нежели въ теченіе предшествовавшихъ двадцати поколѣній (VI, 98).

Въ мірѣ дѣйствуетъ немезида. Она постигаетъ Креза, какъ кажется Геродоту, за то, что тотъ считалъ себя счастливѣйшимъ изъ людей (I, 34). Эллины не вѣрили троянцамъ, что тѣ не могутъ выдать Елену, ибо ея нѣтъ въ Троѣ (по мнѣнію Геродота, Елена, дѣйствительно, находилась не въ Троѣ, а въ Египтѣ), и такъ произошло по божескому соизволенію, дабы поголовная гибель троянцевъ сдѣлала ясною ту истину, что за тяжкими неправдами слѣдуютъ и тяжкія наказанія. Феретима погибаетъ ужасною смертью за свою мстительность, ибо „чрезмѣрное мщеніе ненавистно богамъ“ (IV, 205). Клеоменъ, по мнѣнію Геродота, былъ наказанъ за Демарата (VI, 84). Клятвопреступленіе преслѣдуютъ боги. Это выражено образно словами оракула: „у клятвы есть дѣтище безъимянное, и безъ рукъ, и безъ ногъ; но клятвопреступника оно преслѣдуетъ съ ожесточеніемъ, пока не настигнетъ его и не погубитъ всего его потомства и дома“ (VI, 86).

Вообще гнѣвъ разгнѣваннаго божества обрушивается и на потомковъ (VII, 134 сл.).

Все подчинено року. Въ иныхъ случаяхъ у Геродота рокъ отождествляется съ божествомъ: „что по опредѣленію божества должно случиться, того человѣкъ не въ силахъ предотвратить“, говоритъ у него одинъ пересъ орхоменцу Өерсандру въ предвидѣніи гибели Мардонія и его войска (IX, 16). Въ другихъ случаяхъ высказывается мысль, что и само божество не можетъ избѣжать опредѣленія судьбы (I, 91): боги безсильны предотвратить ея велѣнія; они могутъ лишь нѣсколько замедлить исполненіе того, что̀ суждено.

По Геродоту, въ исторіи дѣйствуетъ мудрый божественный промыслъ (*τοῦ θείου ἡ πρόνοια.... εὖ δοκέει ἔχειν*, III, 108), направляющій судьбы людей, цѣлыхъ народовъ и государствъ. Божественное устроеніе человѣческихъ дѣлъ, по его словамъ, явствуетъ изъ многихъ примѣровъ (IX, 100).

Геродотъ допускаетъ непосредственное вмѣшательство божества въ ходъ этихъ дѣлъ. Онъ вѣритъ въ чудеса, въ оракулы и предсказанія, въ видѣнія и сны, вообще въ предзнаменованія событій. Такъ, напр., Дельфы спасены были отъ персовъ, благодаря чуду (VIII, 37 сл.); богиня Деметра, по предположенію Геродота, сама не допустила враговъ въ свое святилище (IX, 65). „Отецъ исторіи“ считаетъ нужнымъ подробно говорить о гадателяхъ въ войскѣ грековъ и въ войскѣ Мардонія (IX, 33 сл.). Изреченіямъ оракуловъ онъ вообще отводитъ очень видное мѣсто въ своемъ повѣствованіи; у него они обыкновенно сбываются или толкуются въ благопріятномъ для оракула смыслѣ; въ крайности всегда находится какой-либо выходъ или оправданіе (напр. I, 159). Даже мнѣніе о предѣлахъ Египта Геродотъ подкрѣпляетъ ссылкой на рѣшеніе аммонскаго оракула (II, 18). Сновидѣнія у него открываютъ истину относительно предстоящихъ бѣдъ (I, 34). Явное, по мнѣнію Геродота, чудо, въ родѣ рожденія зайца отъ лошади, служило предзнаменованіемъ позорнаго для Ксеркса исхода его предпріятія, но Ксерксъ не обратилъ вниманія на это чудо, хотя и легко было понять его значеніе (VII, 57) [1]).

Сообразно такому воззрѣнію Геродотъ часто отдаетъ предпочтеніе версіямъ съ чудеснымъ, сверхъестественнымъ элементомъ [2]). Подъ вліяніемъ своихъ излюбленныхъ идей онъ иногда

[1]) См. также I, 175; VIII, 65.

[2]) Macan, I, стр. CXII.

дѣлаетъ даже фактическія ошибки, искажаетъ или передвигаетъ хронологическія даты. Напр, затменіе, бывшее на самомъ дѣлѣ въ 478 г., онъ пріурочиваетъ ко времени Ксеркcова похода и изъ частнаго превращаетъ въ полное (VII, 37), ибо видитъ въ немъ предзнаменованіе; говоритъ о землетрясеніи на Делосѣ послѣ ухода Датиса (тогда какъ, если вѣрить Ѳукидиду, II, 8, землетрясеніе на этомъ островѣ произошло впервые предъ Пелопоннесскою войною) [1]) и усматриваетъ въ этомъ чудо, явленное божествомъ людямъ, какъ знаменіе грядущихъ бѣдъ (VI, 98), не находя въ подобномъ знаменіи ничего удивительнаго. Изъ набожности и благоговѣнія предъ всѣмъ божественнымъ Геродотъ иногда боится касаться священныхъ предметовъ, умалчиваетъ имена или воздерживается отъ сообщенія подробностей (II, 65, 170, 171; III, 132 и проч.). Къ лицамъ миѳическимъ, богамъ и героямъ, онъ относится большею частью какъ къ историческимъ и современнымъ ему дѣятелямъ [2]).

Таково міровоззрѣніе „отца исторіи“. Нельзя сказать, чтобы оно было совершенно оригинально и свойственно ему одному. Напротивъ, многіе изъ отмѣченныхъ взглядовъ составляютъ въ сущности общую принадлежность грековъ и въ частности тогдашней эпохи [3]). Аналогичныя идеи о рокѣ, о томъ, что никто раньше смерти не можетъ назвать себя счастливымъ,—мы встрѣчаемъ и у трагиковъ, напр. у Софокла (Эдипъ) и Еврипида (Андромаха) [4]). А въ отношеніи къ оракуламъ и сновидѣніямъ, предзнаменованіямъ и чудесамъ Геродотъ является представителемъ скорѣе народныхъ вѣрованій [5]): тутъ онъ шелъ не впереди своего вѣка не во главѣ движенія критической мысли, а скорѣе—позади [6]).

Но міровоззрѣніе Геродота не отличалось цѣльностью и строгою опредѣленностью. Дѣло въ томъ, что „отецъ исторіи“ стоялъ на рубежѣ двухъ эпохъ—эпохи вѣры, благоговѣйнаго отношенія къ унаслѣдованному отъ предковъ, и эпохи начинающагося раціонализма, смѣлой критики, софистическаго движенія, вѣка „просвѣщенія“ [7]). Набожность и легковѣріе у него борется или сочe-

[1]) Ср., впрочемъ, Macan, I, стр. CI.

[2]) Ѳ. Г. Мищенко, Герод., I, стр. CI сл.

[3]) Macan, I, стр. CII.

[4]) E. Meyer, Forschungen, II, 261.

[5]) Macan, I, стр. CXII.

[6]) Macan, I, стр. CV.

[7]) Подробно—у Ѳ. Г Мищенка, I, стр. I сл.; см. и Gomperz, Griech. Denker.

тается съ зачатками раціопализма и стремленіемъ объяснить факты естественнымъ путемъ. Въ результатѣ—подчасъ колебанія, нѣкоторая непослѣдовательность и противорѣчія: рядомъ съ вѣрой въ оракула, предзнаменованія и непосредственное вмѣшательство божества у Геродота обнаруживается раціонализмъ и даже скептицизмъ.

Примѣры раціонализма.

Въ этомъ отношеніи характерны его замѣчанія о происхожденіи Темпейской долины: ѳессалійцы говорили, что ее сдѣлалъ Поссейдонъ, и, по мнѣнію Геродота, говорили справедливо: ибо кто вообще полагаетъ, что Поссейдонъ потрясаетъ землю и что подобныя ущелья — дѣло этого бога, тотъ и въ данномъ случаѣ скажетъ, что ее сдѣлалъ Поссейдонъ, такъ какъ для Геродота ясно, что эта долина—результатъ землетрясенія (VII, 129). Или, наоборотъ, послѣ здравыхъ и основательныхъ критическихъ замѣчаній по поводу разсказа о томъ, какъ египтяне хотѣли было принести Геракла въ жертву, разсказа, называемаго имъ „нелѣпою баснею“, онъ вдругъ прибавляетъ въ концѣ: „впрочемъ, да будутъ къ намъ милостивы боги и герои, что мы столько наговорили о нихъ“ (II, 45). — Геродотъ до нѣкоторой степени сознаетъ противорѣчія въ изреченіяхъ предсказателей и поэтому однимъ онъ вѣритъ, другимъ не вѣритъ (VIII, 77). Или напр.: „бурю у Сепіада усмирили маги при помощи жертвъ и заклинаній“, „а можетъ быть“, прибавляетъ Геродотъ, „она сама по себѣ унялась“ (VII, 191). Происхожденіе сновидѣній, которымъ онъ придавалъ такое значеніе, въ одномъ мѣстѣ онъ объясняетъ естественнымъ путемъ: во снѣ, говоритъ у него упомянутый уже Артабанъ, въ видѣ призраковъ предъ нами является то, о чемъ мы думаемъ днемъ (VII, 16). Геродотъ не берется рѣшать, явилась ли психическая болѣзнь Камбиза, какъ наказаніе за его поступокъ съ Аписомъ, или по какой-либо другой причинѣ, но полагаетъ, что такъ какъ Камбизъ съ самаго рожденія страдалъ серьезною болѣзнью, называемою священною (т. е. эпилепсіей), то естественно, что и умъ его не былъ здоровъ (III, 33).

Интересны попытки „отца исторіи“ раціонализировать миѳы или невѣроятные разсказы. Додонскія жрицы разсказывали, будто голубка, прилетѣвъ въ Додону, человѣческимъ языкомъ возвѣстила, что здѣсь должно быть основано прорицалище. По объясненію Геродота, эта голубка—на самомъ дѣлѣ женщина-чужеземка, говорившая сначала на непонятномъ языкѣ, т. е. какъ-будто по-птичьи, а потомъ заговорившая по-человѣчески, т. е. понятно для

туземцевъ (послѣ того, какъ выучилась ихъ языку); „ибо иначе какимъ же образомъ", недоумѣваетъ Геродотъ, „голубка могла бы говорить на человѣческомъ языкѣ?" (II, 57) [1]). Подъ перьями, наполняющими воздухъ, о которыхъ разсказывали скиѳы, по Геродоту слѣдуетъ подразумѣвать снѣгъ, который названъ перьями по сходству (IV, 31). Разсказъ о бездонности Нила онъ объяснялъ тѣмъ, что тамъ существуетъ водоворотъ и вслѣдствіе этого опущенный лотъ не можетъ достать дна (II, 28). Скиллій, о которомъ говорили, что онъ нырнулъ у Афей, а вынырнулъ у Артемисія и такимъ образомъ проплылъ подъ водою около 80 стадій, по мнѣнію Геродота прибылъ просто на лодкѣ (VIII, 8), и проч.

Политическія симпатіи Геродота

Не безъ вліянія на изложеніе Геродота были его политическія воззрѣнія и симпатіи.

У него есть своего рода трактатъ о формахъ правленія, въ которомъ выставляются какъ преимущества, такъ и недостатки демократіи, олигархіи и монархіи; это—рѣчи персидскихъ вельможъ, свергнувшихъ Лжесмердиза (III, 80 сл.), рѣчи, подлинность коихъ „отецъ исторіи" категорически отстаивалъ. Изъ другихъ мѣстъ мы видимъ, что онъ не сочувствовалъ тиранніи: онъ рисуетъ ее въ мрачныхъ краскахъ (см. напр. V, 92 сл.), хотя къ отдѣльнымъ личностямъ тирановъ онъ относится благодушно и отмѣчаетъ ихъ чисто гуманныя черты и культурныя заслуги. Въ сущности же симпатіи Геродота—почти всецѣло на сторонѣ аѳинянъ и ихъ демократіи, съ ея „исономіей" и „исегоріей". Сказавъ о Клисѳенѣ и о той борьбѣ, какую пришлось выдержать вновь установленной аѳинской демократіи противъ цѣлой коалиціи, онъ замѣчаетъ (V, 78), что „не только изъ этого примѣра, но вообще ясно, какая хорошая вещь равноправіе", „что пока аѳиняне управлялись тиранами, они въ военномъ дѣлѣ не превосходили никого изъ своихъ сосѣдей, а свергнувъ тирановъ, они стали далеко первые", и какъ-бы забываетъ, что именно при Писистратѣ аѳиняне достигли большого внѣшняго могущества [2]), что уже тогда чрезвычайно разширилась сфера ихъ политическаго вліянія и намѣчено было то, что́ совершено Аѳинами V в., въ пору разцвѣта демократіи.

Въ исторіи Греко-Персидскихъ войнъ Геродотъ выдвигаетъ аѳинянъ на первый планъ, почти вездѣ отводитъ имъ главную

[1]) Ср. еще объясненіе относительно Елены—II, 120.

[2]) Раньше (V, 66) Геродотъ самъ на это указываетъ.

роль и ярко выдвигаетъ ихъ заслуги. Онъ открыто высказываетъ свое мнѣніе, „ненавистное“, правда, большинству грековъ, но ему кажущееся истиннымъ, именно, что отъ аѳинянъ зависѣлъ исходъ борьбы, и „кто сказалъ бы, что они явились спасителями Эллады, тотъ не погрѣшилъ бы противъ истины“ (VII, 139). Что касается отдѣльныхъ лицъ, то Геродотъ напр. изображаетъ въ неблагопріятномъ свѣтѣ личность Ѳемистокла и, очевидно, преклонялся предъ Перикломъ (VI, 131).

Нельзя однако сказать, чтобы Геродотъ проникнутъ былъ враждою къ Спартѣ [1]); напротивъ, у него неразъ встрѣчаются отзывы о спартанцахъ, болѣе или менѣе благопріятные, напр. о ихъ мужествѣ (VII, 102; IX, 71), повиновеніи законамъ (VII, 104) и т. под. Гораздо хуже относится Геродотъ къ коринѳянамъ, а тѣмъ болѣе къ ѳиванцамъ, измѣна коихъ дѣлу грековъ и союзъ съ персами выставляются особенно на видъ, безъ всякихъ смягченій, что̀ составляетъ контрастъ съ снисходительнымъ отношеніемъ его къ поведенію Аргоса. Строгость въ первомъ случаѣ и снисходительность во второмъ объясняются главнымъ образомъ отношеніями Ѳивъ и Аргоса къ Аѳинамъ въ ту пору, когда Геродотъ писалъ свою исторію. — Наконецъ, слѣдуетъ имѣть въ виду очевидное пристрастіе его къ дельфійскому оракулу.

Отношеніе къ варварамъ

„Отцу исторіи“, не смотря на весь его эллинскій патріотизмъ, чужды національная исключительность и презрѣніе къ варварамъ, отъ котораго не совсѣмъ свободенъ былъ даже такой умъ, какъ Аристотель. У Геродота тамъ, гдѣ онъ говоритъ о варварахъ, сказывается гуманное отношеніе къ нимъ. Недаромъ Плутархъ, съ оттѣнкомъ упрека, называлъ его *φιλοβάρβαρος*. Исторія, нравы и обычаи какъ культурныхъ народовъ древняго Востока, такъ и нецивилизованныхъ племенъ, подобныхъ напр. скиѳамъ, живо интересовали Геродота. Человѣчное отношеніе къ варварамъ обнаруживается у него и въ другихъ случаяхъ, въ характеристикѣ отдѣльныхъ лицъ. Вспомнимъ напр. его Креза, которымъ овладѣваетъ чувство жалости и состраданія даже къ убійцѣ—правда, невольному—его сына (I, 45). Вообще разсказъ о Крезѣ одинъ изъ самыхъ трогательныхъ эпизодовъ въ „Исторіи“ Геродота. Геродотъ не скрываетъ великодушныхъ поступковъ или мягкихъ

[1]) E. Meyer, Forschungen, II, 205 сл., говоритъ, будто Геродотъ относится къ Спартѣ съ легкою иронією; такое мнѣніе намъ кажется лишеннымъ основанія.

мѣръ Дарія (VI, 41—42, 119). Даже въ отношеніи къ такому врагу Греціи, какъ Ксерксъ, мы не замѣтимъ у него чувства злобы [1]; и этому персидскому царю въ изображеніи Геродота не чужды великодушіе и гуманныя черты (VII, 136). Конечно, выводимыхъ имъ персовъ, лидійцевъ и вообще варваровъ „отецъ исторіи" слишкомъ эллинизируетъ: они у него обыкновенно лишены національныхъ чертъ и очень ужъ похожи на грековъ.

Источники.

Степень достовѣрности Геродота въ значительной мѣрѣ зависитъ, разумѣется, отъ его источниковъ [2]).

Источникомъ для Геродота служили, во-первыхъ, его личныя наблюденія, заключенія и разысканія [3]). А поле его наблюденій, какъ мы видѣли уже (стр. 54—55), было обширное— отъ Элефантины въ Египтѣ и Кирены до сѣверныхъ береговъ Понта и Колхиды, отъ Вавилона и, вѣроятно, окрестностей Сузъ до южной Италіи и Сициліи. Для оцѣнки Геродота, какъ историческаго свидѣтеля, важно было бы опредѣлить въ точности, какія именно страны посѣтилъ онъ лично [4]). Къ сожалѣнію, это приходится рѣшать лишь на основаніи собственныхъ его словъ и указаній, заключающихся въ его трудѣ. А при этомъ нерѣдко могутъ возникнуть сомнѣнія, говоритъ ли Геродотъ на основаніи личныхъ, непосредственныхъ наблюденій, или же со словъ другихъ, черпая, такъ сказать, изъ вторыхъ рукъ? Такъ, I, 178, онъ говоритъ о стѣнахъ и воротахъ Вавилона, какъ будто онъ ихъ видѣлъ, а изъ дальнѣйшаго (III, 159) оказывается, что вавилонскія укрѣпленія и ворота были въ то время уже разрушены; или, напр., Геродотъ говоритъ, что статуи въ храмѣ Бела въ его время уже не было (I, 183); причемъ его изложеніе даетъ поводъ думать, что самый

---

[1]) По поводу этого см. Bruns, Das lit. Portrat, стр. 100

[2]) См. у Gutschmid'a—Index fontium Herod. (Kl. Schriften, IV, 145 сл.), въ которомъ тщательно подобраны всѣ мѣста, гдѣ Геродотъ указываетъ источники своихъ свѣдѣній. Относительно его источниковъ см. и Ad. Bauer, Themistokles. Studien und Beitrage z griech. Historiographie und Quellenkunde. Merseb. 1881.—Остальныя указанія на литературу вопроса—ниже.

[3]) ὄψις τε ἐμὴ καὶ γνώμη καὶ ἱστορίη, II, 99.

[4]) О путешествіяхъ Геродота имѣется цѣлая литература: Breddin, Bedenken gegen Herodots asiatische Reise. Magdeb. 1857; Matzat, Über Glaubwurdigkeit der geographischen Angaben Herodots uber Asien (Hermes, VI, 1872); Hachez, De Herodoti itineribus et scriptis. Gottingen. 1878; Hildebrandt, De itineribus Herodoti europaeis et africanis. Leipz. 1883, и т. д. Подробно о путешествіяхъ Геродота говорится также у Stein'a, Hauvette (стр. 16 сл.), Macan (I, стр. XCV сл.), Ѳ. Г. Мищенка (I, стр. LXX сл.)

храмъ еще существовалъ; между тѣмъ есть свидѣтельство, что храмъ былъ разрушенъ одновременно съ унесеніемъ статуи [1]). Слова Геродота, что такой-то памятникъ или обычай уцѣлѣлъ „до него", „до его времени" (ἐς ἐμέ, μέχρι ἐμεῦ), не всегда слѣдуетъ понимать такъ, что онъ видѣлъ или наблюдалъ его лично. Также, когда Геродотъ ссылается на свидѣтельство туземцевъ, какъ на свой источникъ, это еще не значитъ, что сообщаемыя свѣдѣнія онъ получилъ на мѣстѣ: онъ могъ получить ихъ инымъ путемъ, чрезъ вторыя и третьи руки, или хотя и отъ туземцевъ, но встрѣченныхъ имъ не на ихъ родинѣ, а въ другомъ какомъ-нибудь пунктѣ [2]).

Но главный источникъ Геродота—устная традиція[3]): разсказы различныхъ лицъ—жрецовъ, переводчиковъ и проводниковъ, очевидцевъ и участниковъ событій, ихъ потомковъ или родственниковъ—; народныя преданія и легенды, ходячіе анекдоты, рѣчи [4]), въ которыхъ вспоминались подвиги былаго времени, и т. под. Такъ, одинъ изъ самыхъ важныхъ для насъ отдѣловъ труда Геродота—исторія Греко-Персидскихъ войнъ—изложенъ преимущественно на основаніи традиціи устной, и это необходимо принимать въ соображеніе при пользованіи Геродотомъ. Въ описаніи напр. Платейскаго сраженія и предшествовавшихъ ему эпизодовъ можно отмѣтить, во-первыхъ, традицію аѳинскую, затѣмъ спартанскую, отчасти беотійскую и тегейскую и даже македонскую[5]).

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ Геродотъ прямо называетъ своихъ свидѣтелей по имени, напр. орхоменца Ѳерсандра (IX, 16); аѳин-

---

[1]) Hauvette, впрочемъ, примиряетъ эти противорѣчія (стр. 23).

[2]) См. объ этомъ въ особенности у Macan, I, стр. LXXVII сл., который высказываетъ сомнѣнія, былъ ли Геродотъ въ Ардериккѣ, близъ Сузъ, гдѣ Даріемъ поселены были плѣнные греки, сохранившіе свой языкъ, по свидѣтельству Геродота, „до его времени" (VI, 119). Ср. также Ѳ. Г. Мищенко, I, стр. CXX.

[3]) См. преимущественно K. W. Nitzsch, Über Herodots Quellen für die Gesch. d. Perserkriege (Rhein. Mus., 27 B., 1872); Wecklein, Ueber die Tradition der Perserkriege (Sitz.-ber. d. philos.-philol. und histor. Classe der bayer. Akad. d. Wissensch. München. 1876); Delbruck, Die Perserkriege und die Burgunderkriege. Leipz. 1887. На устную традицію, какъ источникъ Геродота въ исторіи Греко-Персидскихъ войнъ, указывалъ еще Niebuhr, Vorträge üb. alte Gesch.

[4]) По Nitzsch'у—λόγοι, застольныя рѣчи во время напр. сисситій (стр. 247, 248); E. Meyer указываетъ въ особенности на надгробныя рѣчи (Forschungen, II, 219 сл), Macan—на рѣчи судебныя (I, стр. LXXXVI).

[5]) Nitzsch, l. c; беотійскую и македонскую отмѣчаетъ Delbrück, стр 112.

скаго изгнанника Дикея (VIII, 65); лакедемонянина Архія, внука того Архія, который принималъ участіе въ походѣ противъ Поликрата Самосскаго (III, 55); Тимна, довѣренное лицо скиѳскаго царя Аріапейѳа (IV, 76), и друг. (VI, 105, 177; II, 55).

Въ основѣ многихъ разсказовъ Геродота лежатъ въ сущности такъ назыв. новеллы [1]), родъ произведеній, не чуждый тому періоду греческой исторіи, который нѣкоторые новѣйшіе изслѣдователи не безъ основанія сравниваютъ съ западно-европейскимъ средневѣковьемъ. Таковы разсказы о Кандавлѣ и Гигѣ и въ особенности о тираннахъ—Кипселѣ и Періандрѣ, о свадьбѣ Агаристы (дочери Клисѳена Сикіонскаго), о Поликратовомъ перстнѣ и проч. Подобныя новеллы могли дойти до Геродота не только въ формѣ устныхъ разсказовъ, хранимыхъ народною памятью, но и въ письменной передачѣ.

Геродотъ пользовался и письменными источниками [2]).

Онъ вполнѣ усвоилъ тогдашнее литературное образованіе и былъ прекрасно знакомъ прежде всего съ поэтическими произведеніями. Въ его трудѣ мы встрѣчаемъ частыя ссылки на Гомера, слова котораго для него, какъ и вообще для большинства грековъ, — историческое свидѣтельство. Онъ ссылается также на Гесіода, Пиндара, Сафо, Солона, Архилоха, Алкея, Симонида, Фриниха, Эсхила и т. д.

Немало „отецъ исторіи“ обязанъ и своимъ предшественникамъ—логографамъ [3]), въ особенности Гекатею [4]). Послѣдняго въ одномъ мѣстѣ (VI, 137) онъ прямо цитируетъ; въ другихъ

---

[1]) Erdmannsdorffer, Das Zeitalter der Novelle in Hellas (Preuss. Jahrbücher, XXV, 1869).

[2]) Что Геродотъ пользовался преимущественно этого рода источниками, главн. образ. трудами своихъ предшественниковъ, а не столько личными наблюденіями или устною традиціею, на этомъ настаиваютъ въ особенности Sayce, Macan (напр I, стр. LXXVII), Panofsky (De historiae Herodoteae fontibus. Berlin. 1884); послѣдній допускаетъ устную традицію, какъ источникъ Геродота, лишь въ рѣдкихъ (точнѣе, единственномъ) случаяхъ. Рец. на кн. Panofsky—Ѳ. Г. Мищенка, Ж. М. Нар. Пр., 1888, іюль.

[3]) Спеціальное изслѣдованіе—Heil, Logographis qui dicuntur num Herodotus usus esse videatur. Marburg. 1884.

[4]) Diels, Herodot und Hekataeus (Hermes, XXII, 1887); Prašek, Herod. a Hekataios (Ćeske Museum Filolog., V, 1899), который полагаетъ, что тамъ, гдѣ Геродотъ обозначаетъ свой источникъ словами: „іоняне“, „эллины“ и даже „египтяне“, слѣдуетъ подразумѣвать Гекатея. Къ Гекатею онъ возводитъ и отдѣлъ о ливійскихъ народахъ.

случаяхъ полемизируетъ съ нимъ, не называя по имени, но рѣзко, съ насмѣшкой и пренебреженіемъ (IV, 36; II, 21). И тѣмъ не менѣе Геродотъ многое почерпнулъ у Гекатея, преимущественно въ отдѣлѣ объ Египтѣ; несомнѣнно напр., что о фениксѣ, гиппопотамѣ и ловлѣ крокодиловъ онъ говоритъ со словъ своего предшественника. Даже тамъ, гдѣ, по его заявленію, онъ излагаетъ „собственныя наблюденія, заключенія и разъисканія", оказывается, что онъ черпаетъ многое у Гекатея.

Пользовался ли Геродотъ Ксаѳомъ, какъ прежде обыкновенно полагали [1]), сомнительно [2]), въ виду различія въ ихъ версіяхъ тамъ, гдѣ рѣчь идетъ объ однихъ и тѣхъ же лицахъ или эпизодахъ [3]).

Одинъ изъ самыхъ любимыхъ источниковъ Геродота—изреченія оракуловъ, преимущественно дельфійскаго [4]), и разныхъ предсказателей, хресмологовъ, подобныхъ Бакиду и Мусею. Такія изреченія распространялись не только въ устной формѣ, но и въ видѣ сборниковъ [5]).

Нѣкоторыя свѣдѣнія Геродотъ, очевидно, почерпнулъ и изъ письменныхъ памятниковъ болѣе или менѣе документальнаго характера, оффиціальныхъ [6]) или, по крайней мѣрѣ, довольно точныхъ записей. Сюда относятся напр. родословная Ксеркса (VII, 11), имена персовъ, возставшихъ противъ Лжесмердиза (III, 70), перечисленіе персидскихъ сатрапій и ихъ податей (III, 89 сл.), описаніе царской дороги изъ Сардъ въ Сузы (V, 52—53). Даже въ исторіи Греко-Персидскихъ войнъ, излагаемой

---

[1]) На основаніи свидѣтельства Athen., ссылающагося на Эфора, будто Ксанѳъ былъ старше Геродота и даже побудилъ его взяться за составленіе своего труда (Xanthi fr. 10)

[2]) Gutschmid, Kl. Schriften, IV. 307 сл.; E. Meyer, Forsch., I, 167 – 8.

[3]) Гипотеза Trautwein'a (Die Memoiren Dikaios, eine Quelle des Herodoteisch. Geschichtswerkes, Hermes, XXV, 1890), будто главнымъ источникомъ для исторіи Греко-Персидскихъ войнъ Геродоту служили мемуары Дикея (упомянутаго выше, стр. 67), лишена всякаго основанія.

[4]) Oeri, De Herodoti fonte delphico. Basel. 1899.

[5]) По Wilamowitz-Mollendorff, Aristot. und Athen., I, 284, существовали дельфійскія ὑπομνήματα, которыя служили суррогатомъ хроники и содержали изреченія оракула съ относящимися къ нимъ разсказами о поводахъ, вызвавшихъ изреченія, и объ исполненіи этихъ послѣднихъ. Относительно этого ср. однако названную выше работу Oeri.

[6]) Геродотъ упоминаетъ о царскихъ писцахъ или секретаряхъ при войскѣ Ксеркса (VII, 100; VIII, 90).

Геродотомъ, какъ сказано, главнымъ образомъ на основаніи устной традиціи, есть сообщенія, которыя, очевидно, взяты не изъ этой традиціи, а изъ письменныхъ данныхъ, если не изъ оффиціальныхъ [1]), то изъ записей современниковъ [2]). Таковы—перечисленіе народностей, входившихъ въ составъ Ксерксова войска (VII, 51 сл.), съ именами начальниковъ отдѣльныхъ контингентовъ и эскадръ (за исключеніемъ эпизодическихъ подробностей и цифровыхъ данныхъ, заимствованныхъ, конечно, не изъ этого источника), а также имена начальниковъ тріэръ, овладѣвшихъ греческими кораблями (VIII, 85). Геродотъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи также списокъ именъ 300 спартанцевъ, павшихъ вмѣстѣ съ Леонидомъ (VII, 224).

Неразъ цитируетъ Геродотъ и надписи, напр. на стелахъ, статуяхъ, изображеніяхъ или иныхъ предметахъ [3]) (между ними иногда неподлинныя) [4]). Вообще онъ пользовался и вещественными памятниками, остатками зданій и сооруженій, дарами, хранившимися въ различныхъ храмахъ и т. д., какъ источникомъ.

Что касается приводимыхъ Геродотомъ рѣчей, то онѣ, разумѣется, не подлинны и въ большинствѣ случаевъ проникнуты морализирующею тенденціей, изукрашены вымысломъ, частью заимствованы изъ преданія, частью являются плодомъ творчества самого историка; но опредѣлить, что въ нихъ принадлежитъ выводимому лицу, что—самому Геродоту и что—его источнику, очень трудно [5]).

Какъ же относился Геродотъ къ своему матеріалу?

Историческая критика у Геродота.

Говоря вообще, онъ различалъ то, что видѣлъ самъ, отъ того, что лишь слышалъ, подлинно извѣстное ему отъ не вполнѣ, по его мнѣнію, достовѣрнаго, результаты собственныхъ наблюденій и заключеній отъ свѣдѣній, полученныхъ путемъ разспросовъ [6]); но въ частности нелегко рѣшить, гдѣ оканчивается его автопсія и гдѣ начинаются показанія свидѣтелей, со словъ коихъ онъ го-

---

[1]) Nitzsch, стр 234.

[2]) E. Meyer, Forsch., II, 232.

[3]) II, 125, 141; IV, 87, 88, 91; V, 77; VI, 14, VII, 228.

[4]) Напр. кадмейскія, V, 59—61.

[5]) Ѳ. Г. Мищенко, II, стр. XXV.

[6]) μέχρι μὲν τούτου ὄψις τε ἐμὴ καὶ γνώμη καὶ ἱστορίη ταῦτα λέγουσά ἐστι, τὸ δὲ ἀπὸ τοῦδε Αἰγυπτίους ἔρχομαι λόγους ἐρέων κατὰ τὰ ἤκουον, II, 99; см. также I, 183, 140; II, 53, 148..

воритъ; да и самъ онъ сознается, что къ слышанному отъ другихъ присоединялъ и свои собственныя наблюденія [1]).

Геродотъ передаетъ слышанное, но это не значитъ, что онъ ручается за его достовѣрность. „Я сообщаю только то, что́ разсказываютъ сами аргивяне", заявляетъ онъ VII, 152; „я обязанъ передавать то, что́ говорятъ, но вѣрить всему не обязанъ, и это мое заявленіе относится ко всему моему изложенію". „Правда ли это", замѣчаетъ Геродотъ по другому поводу (IV, 195), „я не знаю; но что́ говорятъ, то я и пишу"; или онъ приводитъ разсказы египтянъ и добавляетъ при этомъ: „пусть ими пользуется тотъ, кому подобные разсказы кажутся вѣроятными; мнѣ же надлежитъ писать то, что́ отъ каждаго слышу" (II, 123). Поэтому Геродотъ нерѣдко передаетъ сообщенія, которымъ самъ не вѣритъ или противъ которыхъ возражаетъ (напр. IV, 105; ср. III, 3).

Очень часто Геродотъ приводитъ нѣсколько версій, иногда прямо говоря, какой изъ нихъ онъ отдаетъ предпочтеніе и почему именно (III, 9, 56; II, 12; VIII, 119 сл.), а иногда предоставляетъ самому читателю сдѣлать выборъ (напр. III, 122; ср. II, 146). Въ другихъ случаяхъ, приводя одинъ какой-либо разсказъ, какъ болѣе правдоподобный по его мнѣнію, онъ отмѣчаетъ, что существовали и иныя версіи (напр. I, 214).

У Геродота мы видимъ немало примѣровъ критическаго отношенія къ матеріалу: онъ не вѣритъ многому изъ того, что́ слышалъ и что́ считаетъ своимъ долгомъ передать, напр. разсказамъ о дѣйствіяхъ феникса, существованіи одноглазыхъ людей, превращеніи невровъ въ волковъ или о превращеніи кумировъ, павшихъ будто-бы, по словамъ эгинцевъ, на колѣни и въ такомъ положеніи оставшихся, и т. под. Нѣкоторые разсказы Геродотъ прямо называетъ выдумками праздными или нелѣпыми и по поводу ихъ дѣлаетъ замѣчанія и возраженія, иногда очень основательныя,—любопытные опыты тогдашней исторической критики. Онъ приводитъ убѣдительные доводы въ пользу той версіи, что именно Эфіальтъ былъ измѣнникомъ, а не Онетъ и Коридалъ (VII, 214). На основаніи противорѣчій между Иліадой и „Кипрской поэмой" онъ отвергаетъ принадлежность послѣдней Гомеру (II, 117). Разсказъ о дочери Микерина и статуяхъ служанокъ, изображенныхъ съ отрубленными будто-бы руками, Геродотъ считаетъ „пустою болтовнею": „мы сами видѣли", говоритъ онъ, „что руки колоссовъ

[1]) προσέσται δέ τι καὶ αὐτοῖσι τῆς ἐμῆς ὄψιος, II, 99.

отвалились отъ времени и еще въ мое время лежали тутъ-же, у ногъ ихъ“ (II, 131).

При доказательствахъ нелѣпости какого-либо разсказа или ошибочности мнѣнія Геродотъ ссылается между прочимъ на обычаи или законы страны (II, 45; III, 2). Основываясь на наблюденіяхъ надъ многочисленными отдѣльными случаями, онъ дѣлаетъ заключенія объ общемъ правилѣ, напр. о почтительномъ отношеніи персовъ къ царскимъ дѣтямъ (III, 15). Геродотъ подмѣчаетъ связь между состояніемъ тѣла и духа человѣка (III, 33), между природными условіями и характеромъ населенія (IX, 122). Его пріемы подчасъ правильны, хотя выводы и невѣрны, вслѣдствіе недостаточности матеріала или наблюденій. Доказывая происхожденіе колхидянъ отъ египтянъ, Геродотъ основывается на сходствѣ въ наружности (не придавая однако этому признаку рѣшающаго значенія), на сходствѣ въ обычаяхъ (обрѣзаніе) и въ способахъ приготовленія полотна (II, 104—105). Наконецъ примѣры опытовъ раціональнаго объясненія миѳовъ и преданій у Геродота мы видѣли выше (стр. 62—63).

Иногда критицизмъ Геродота заходитъ даже слишкомъ далеко, оказывается неумѣстнымъ, а его собственныя соображенія—неудачны. Напр. онъ не вѣритъ, чтобы существовали люди, пребывающіе во тьмѣ цѣлыхъ 6 мѣсяцевъ, или чтобы финикіяне, плывя вокругъ Африки изъ Краснаго моря, имѣли солнце съ правой стороны; смѣется надъ мнѣніемъ Гекатея, что земля окружена океаномъ; отвергаетъ предложенныя объясненія причинъ разлитія Нила и предлагаетъ свое, совершенно несостоятельное, и т. д.

Неблагопріятные отзывы о Геродотѣ.

Еще въ древности мы встрѣчаемъ часто неблагопріятные отзывы о Геродотѣ [1]). Ѳукидидъ, повидимому, причислялъ его къ логографамъ, о которыхъ отзывался пренебрежительно. Ктесій старался уличить Геродота во лжи и искаженіи истины (насколько успѣшно, это другой вопросъ) Аристотель называлъ его „миѳологомъ“, хотя и пользовался имъ. Страбонъ тоже указываетъ на любовь Геродота къ миѳамъ и, какъ было упомянуто, считаетъ Гомера и Гесіода болѣе заслуживающими довѣрія, чѣмъ подобныхъ ему историковъ. Цицеронъ, назвавшій Геродота „отцемъ исторіи“, находилъ однако у него „безчисленныя басни“. Авлъ Геллій прямо называлъ его „homo fabulator“. Плутархъ,

[1]) См. у Ѳ. Г Мищенка, II, стр. III сл., LXI сл.

въ качествѣ беотійца особенно обиженный отношеніемъ Геродота къ ѳиванцамъ, написалъ цѣлый трактатъ „О злостности Геродота“ (*Περὶ τῆς Ἡροδότου κακοηθείας*) [1]), въ которомъ старается уличить его въ пристрастіи и считаетъ верхомъ злостности то, что онъ будто бы свои нападки и клеветы скрываетъ подъ личиной мягкости и простодушія. А сатирикъ Лукіанъ помѣщаетъ Геродота въ аду вмѣстѣ съ Ктесіемъ и нѣкоторыми другими за ихъ лживость.

Въ новѣйшее время „отецъ исторіи“ тоже неразъ подвергался нападкамъ или слишкомъ строгому суду. Англійскій ученый Блексли [2]) сравнивалъ его съ Марко-Поло и Де-Фоэ; Panofsky доказываетъ, что Геродотъ черпалъ свѣдѣнія не изъ личныхъ наблюденій и разспросовъ, а изъ сочиненій своихъ предшественниковъ, стараясь скрыть это и дѣлая видъ, будто пользуется устнымъ преданіемъ. Сэйсъ держится въ сущности того-же мнѣнія, упрекаетъ Геродота въ плагіатѣ и намѣренной лжи и приводитъ рядъ примѣровъ „вопіющей“, по его словамъ, недобросовѣстности „отца исторіи“ [3]). Юліусъ Шварцъ [4]) видитъ въ Геродотѣ подкупленнаго аоинянами свидѣтеля, которому нельзя вѣрить, а Карлъ Нибуръ [5]) усматриваетъ въ немъ апологета дельфійскаго оракула и глашатая его славы [6]).

Не упоминаю уже о другихъ отзывахъ, не заходящихъ такъ далеко, въ которыхъ однако проглядываетъ болѣе или менѣе недовѣріе къ изложенію Геродота [7]).

Недостатки Геродота и ихъ объясненія.

И нельзя отрицать: у Геродота немало недостатковъ. Онъ очень часто обнаруживаетъ легковѣріе и склонность къ анекдотамъ; въ его трудѣ мы встрѣчаемъ много баснословныхъ, нелѣпыхъ

---

[1]) Подлинность его внушала сомнѣнія. Въ настоящее время склоняются къ мнѣнію, что трактатъ этотъ дѣйствительно принадлежитъ Плутарху. Holzapfel, Philol., XLII, 1884; Hauvette, стр. 98; Busolt, II², 616, прим. 2.

[2]) Предисл. къ его изданію Геродота (1854).

[3]) Обзоръ и критика мнѣній—у Hauvette. Подробный разборъ мнѣнія Сэйса—у Ѳ. Г. Мищенка, II, Предисл.

[4]) Iulius Schvarz, Die Demokratie. Leipz. 1884, I, 229—230.

[5]) Современный ученый, котораго не слѣдуетъ смѣшивать съ знаменитымъ Бартольдомъ Георгомъ Нибуромъ.

[6]) Die lydischen Königsgaben in Delphi (Beil. z. Allgem. Zeit., 1899, № 99—100), вош. въ брош. Einflüsse oriental. Politik auf Griechenland im 6 u. 5 Jahrh. Berlin. 1899.

[7]) Напр. еще у Б. Г. Нибура, а изъ новѣйшихъ—у Дельбрюка и Макана.

разсказовъ; истина у него смѣшана съ вымысломъ и неправдой. Онъ вѣритъ часто тамъ, гдѣ не слѣдовало бы, и иногда сомнѣвается, гдѣ нужно было бы вѣрить (Гомперцъ). Мы найдемъ у Геродота немало ошибокъ. Показанія напр. о численности Ксерксовыхъ полчищъ и вообще персидскихъ войскъ, очевидно, невѣрны и преувеличены [1]) Описанія военныхъ дѣйствій вызываютъ рядъ сомнѣній и недоумѣній и иногда оказываются неправдоподобными. Пренія греческихъ вождей въ военномъ совѣтѣ передъ Саламинской битвой едва-ли происходили такъ, какъ излагаетъ ихъ Геродотъ [2]). Онъ не оцѣнилъ должнымъ образомъ Ѳемистокла и своими сообщеніями набрасываетъ на него тѣнь. Геродотъ — почитатель дельфійскаго оракула; онъ — явно на сторонѣ аѳинянъ; мотивы и поведеніе спартанцевъ у него представлены, быть можетъ, не всегда согласно съ дѣйствительностью; ѳиванцевъ и коринѳянъ онъ судитъ слишкомъ строго и во всякомъ случаѣ прилагаетъ къ нимъ иной масштабъ, нежели напр. къ аргивянамъ и ѳессалійцамъ. Геродотъ несправедливъ по отношенію къ своему предшественнику Гекатею, глумится надъ его сообщеніями и соображеніями, а самъ пользуется имъ, не всегда называя свой источникъ; онъ — подчасъ преувеличеннаго мнѣнія о точности своихъ наблюденій и свѣдѣній и т. д.

Но не будемъ слишкомъ строги къ „отцу исторіи“ [3]): мы должны судить о немъ не съ точки зрѣнія современной науки, а съ точки зрѣнія условій его времени.

Слѣдуетъ различать желаніе, стремленіе Геродота узнать истину и возможность достичь этого,—средства, находившіяся въ его распоряженіи.

Его желаніе разыскать истину не подлежитъ сомнѣнію; кругъ интересовавшихъ его явленій — очень широкъ и нельзя не удивляться любознательности Геродота. Онъ предпринимаетъ далекія путешествія, не смотря на всю затруднительность тогдашнихъ путей сообщенія. Онъ обращается съ разспросами къ мѣстнымъ жителямъ, осматриваетъ памятники, самъ производитъ измѣренія, на полѣ битвы при Пелусіи сличаетъ черепа павшихъ въ бою...

---

[1]) Объ этомъ см. главн. обр. Delbruck, Die Perserkriege und die Burgunderkriege, и новѣйшій его трудъ—Geschichte der Kriegskunst. Berlin. 1900.

[2]) E. Meyer, Forschungen, 203—5.

[3]) Оправданіе Геродота—см. преимущественно у Ѳ. Г. Мищенка, Предисловіе къ I и II т., у Croiset и Hauvette.

Онъ плыветъ въ Финикію, въ Тиръ, желая добыть точныя свѣдѣнія относительно культа Геракла (II, 14); совершаетъ путешествіе въ сѣверную Аравію для развѣдокъ о крылатыхъ змѣяхъ (II, 75) и т. д. Добросовѣстность Геродота видна и изъ того, что онъ считаетъ долгомъ сообщать слышанное и даже такія версіи, которымъ не вѣритъ и которыя противорѣчатъ высказываемому имъ взгляду.

Многія ошибки и неточности „отца исторіи“ невольны или вполнѣ понятны и неизбѣжны [1]). Виною другихъ былъ не столько онъ самъ, сколько условія его дѣятельности, какъ историка,— тогдашнее младенческое состояніе исторической мысли, дѣлавшей лишь первые свои шаги [2]); самыя средства къ отысканію истины были еще крайне несовершенны, пріемы не были выработаны, а источники, находившіеся въ распоряженіи Геродота, — большею частью ненадежны. Геродотъ могъ быть прекраснымъ наблюдателемъ внѣшнихъ фактовъ [3]), но въ чужихъ странахъ, подобныхъ Египту, ему приходилось полагаться напр. на проводниковъ или переводчиковъ, дѣлаться жертвою ихъ невѣжества или обмана, тѣмъ болѣе, что языка этихъ странъ онъ не зналъ [4]).

Въ исторіи Греко-Персидскихъ войнъ та устная традиція, которая давала Геродоту главный матеріалъ, являлась тоже источникомъ далеко не совершеннымъ [5]). На эту традицію вліяло желаніе представить прошлое въ возможно болѣе величественномъ и славномъ видѣ, преувеличить размѣры борьбы, затушевать все, что̀ могло казаться пятномъ для грековъ. Вліяли на нее и мѣстныя симпатіи и антипатіи, счеты и раздоры греческихъ государствъ между собою, наконецъ—любовь ко всему анекдотическому [6]). Не говорю уже о томъ видоизмѣненіи, которому должна была подвергнуться традиція въ теченіе приблизительно полувѣка, протекшаго отъ отраженія персовъ до момента, когда Геродотъ обра-

---

[1]) Любопытно, что Сэйсъ, уличая Геродота въ невѣрномъ сообщеніи и желая исправить его, самъ впадаетъ въ явную ошибку; см. Croiset, II, 588.

[2]) См. въ особенности у Ѳ. Г. Мищенка.

[3]) E Meyer, Forschungen. I, 195.

[4]) Доказательства—у E. Meyer, Forschungen, I, 192 сл.

[5]) См. у Wecklein'a.

[6]) Напр. неблагопріятное освѣщеніе, въ какомъ является у Геродота личность Ѳемистокла, объясняется тѣмъ, что свои свѣдѣнія въ данномъ случаѣ Геродотъ черпалъ изъ враждебнаго великому аѳинянину источника, по всей вѣроятности—у Алкмеонидовъ или ихъ сторонниковъ.

боталъ свой трудъ. По поводу же отношенія „отца исторіи“ къ Гекатею мы не въ правѣ говорить о плагіатѣ [1]): такое отношеніе объясняется тогдашними пріемами. Достаточно указать на примѣръ Аристотеля и вспомнить, какъ пользуется онъ Геродотомъ въ своей „Исторіи животныхъ“.

Наконецъ, и пристрастія Геродота не слѣдуетъ преувеличивать

Съ приведеннымъ выше (стр. 64) отзывомъ Геродота о заслугахъ аѳинянъ еще въ древности ставили иногда въ связь извѣстіе о томъ, что историкъ получилъ отъ нихъ въ даръ 10 талантовъ [2]). Извѣстіе носитъ документальный характеръ (приводится имя лица [3]), внесшаго псефизму), но награжденъ былъ Геродотъ, разумѣется, не за похвалы и лесть аѳинянамъ, ибо въ такомъ случаѣ и поводъ, и самая сумма были бы необычайны [4]), а за какія-либо иныя заслуги или услуги [5]). Подкупленнаго свидѣтеля нельзя видѣть въ немъ уже и потому, что, какъ справедливо замѣчаетъ даже авторъ трактата: „О злостности Геродота“ (26 p. 862 b), не всѣ его сообщенія могли понравиться аѳинянамъ.

Далѣе, признавая въ Геродотѣ открытаго сторонника Аѳинъ, мы не можемъ однако согласиться съ мнѣніемъ, недавно высказаннымъ такимъ выдающимся ученымъ, какъ Эд. Мейеръ, будто Геродотъ писалъ свой трудъ въ оправданіе аѳинянъ и Перикловой политики, приведшей къ Пелопоннесской войнѣ, и будто желаніе разсѣять предразсудки насчетъ Аѳинъ и выставить въ яр-

---

[1]) См. объ этомъ у E. Meyer, Forschungen, I, 182 сл.

[2]) Plut., De malign. Herod, 26, p. 862b, со словъ аѳинскаго историка III в. до Р. Хр., Діилла.

[3]) Анитъ. E. Meyer отождествляетъ его съ извѣстнымъ дѣятелемъ по возстановленію демократіи въ Аѳинахъ въ 403 г. и обвинителемъ Сократа (Forsch., I, 200 сл.). Относительно времени псефизмы—ibid. и Ruhl, Philol., стр. 71.

[4]) Нѣкоторые предлагаютъ вмѣсто 10 читать меньшую цифру, напр. 4 или даже 1 (Hauvette).

[5]) Высказывались предположенія, что добытыя Геродотомъ свѣдѣнія и его трудъ имѣли для аѳинянъ весьма важное практическое значеніе въ виду ихъ отношеній къ Персіи и обширныхъ торговыхъ и политическихъ сношеній, въ особенности съ Египтомъ и Припонтійскими странами, и что Геродотъ получилъ упомянутый даръ въ возмѣщеніе крупныхъ затратъ по далекимъ путешествіямъ и добыванію свѣдѣній о чужихъ странахъ и народахъ (Holm, Griech. Gesch., II, 332), или за дипломатическія услуги въ родѣ напр. участія въ переговорахъ съ Персіей (E. Meyer, Forsch., I, 200—1; Busolt, II, 607—8).

комъ свѣтѣ ихъ заслуги въ прошломъ именно и побудило его, въ виду наступленія рѣшительной борьбы, собрать результаты своихъ многолѣтнихъ разысканій въ одно произведеніе [1]). Думать такъ значитъ въ сущности низводить трудъ „отца исторіи“ на степень тенденціознаго произведенія [2]) и искажать его характеръ Спрашивается, для чего тогда бы Геродотъ останавливался съ такою подробностью на Лидіи, Персіи, Египтѣ, Скиоіи и проч. и посвящалъ подобнымъ темамъ почти половину своего труда? Произведеніе Геродота есть дѣло многихъ лѣтъ, можно сказать—цѣлой жизни, и задумано было, очевидно, давно, задолго до Пелопоннесской войны, хотя пережитыя во время составленія и обработки его событія и впечатлѣнія и нашли себѣ въ немъ отраженіе. И еще вопросъ, писалъ ли Геродотъ свой трудъ въ Аѳинахъ, какъ полагаетъ Эд. Мейеръ, а не въ Оуріяхъ, какъ категорически свидѣтельствуетъ Плиній (XII, 18) [3]).

Не смотря на свое сочувствіе къ аѳинянамъ, Геродотъ въ иныхъ случаяхъ воздавалъ спартанцамъ должное (см. выше, стр. 64), а подобные отзывы были бы непонятны, если бы его трудъ былъ написанъ съ тою цѣлью, о которой говоритъ Эд. Мейеръ. Въ сущности мнѣніе Геродота о заслугахъ аѳинянъ въ дѣлѣ борьбы съ персами есть лишь справедливая оцѣнка, констатированіе факта, и такой историкъ, какъ Ранке, считалъ этотъ отзывъ наиболѣе выдающимся во всемъ трудѣ историко-политическимъ сужденіемъ [4]).

Къ коринѳянамъ вообще и въ частности къ Адиманту, отцу того Аристея, который сражался противъ аѳинянъ у Потидеи, предъ началомъ Пелопоннесской войны, Геродотъ врядъ-ли могъ питать сочувствіе, и онъ представляетъ ихъ образъ дѣйствій у Артемисія и у Саламина въ невыгодномъ свѣтѣ; но сообщая позорную для нихъ версію, по поводу Саламинскаго сраженія, исходящую отъ аѳинянъ, онъ все-же не скрываетъ, что версія коринѳянъ

---

[1]) Forschungen. II, 196 сл.

[2]) E. Meyer, правда, оговаривается, что онъ этого не думаетъ и что это было бы абсурдомъ (Forsch., II, 228); тѣмъ не менѣе въ дѣйствительности взглядъ его все-же сводится къ признанію труда Геродота произведеніемъ тенденціознымъ, написаннымъ ad hoc.

[3]) И какъ принимаетъ Hauvette; въ противоположность Э. Мейеру онъ утверждаетъ, что произведеніе Геродота написано спокойно, вдали отъ борьбы партій.

[4]) Weltgeschichte, I, 2, 42.

была совсѣмъ иная—именно, что въ сраженіи они были въ числѣ первыхъ—и что согласно съ ними свидѣтельствуетъ вся остальная Эллада (VIII, 94); и едва-ли можно усматривать [1]) здѣсь со стороны Геродота желаніе набросить тѣнь на коринѳянъ по правилу: если обвиненіе и невѣрно, то все-таки „semper aliquid haeret“; онъ сообщаетъ объ версіи потому, почему и въ другихъ случаяхъ поступаетъ подобнымъ же образомъ,—согласно своему принципу: „передавать то, что́ говорятъ“ (VII, 152) [2]).

Значеніе труда Геродота

Какъ бы то ни было, въ общемъ значеніе труда Геродота для насъ чрезвычайно велико. Геродотъ сохранилъ отъ забвенія массу всевозможнаго матеріала по политической и культурной исторіи, по фольклору, географіи [3]) и этнографіи почти всѣхъ народовъ древняго міра. Его произведеніе — своего рода историко-географическая и этнографическая энциклопедія; это—„неисчерпаемая сокровищница свѣдѣній относительно прошлыхъ временъ“, по выраженію даже такого строгаго судьи Геродота, какъ Маканъ. Не будь Геродота, наши свѣдѣнія о древнихъ народахъ и въ частности о грекахъ и борьбѣ ихъ съ персами во многихъ отношеніяхъ были бы скудны и ограничены, не смотря на всѣ блестящіе результаты новѣйшихъ археологическихъ открытій. И мы должны быть признательны ему за то, что онъ не строго соблюдалъ единство темы и стройность плана, за его многочисленныя отступленія, благодаря чему сохранилось столько драгоцѣнныхъ извѣстій, и за то, что онъ передавалъ видѣнное и слышанное, большею частью „не мудрствуя лукаво“, не отвергая, какъ негодный матеріалъ, доходившіе до него разсказы, какъ бы невѣроятны они ни были даже въ его глазахъ, и не подвергая ихъ предварительно слишкомъ строгому критическому разбору или раціоналистической передѣлкѣ.

Новѣйшія изслѣдованія, особенно въ области египтологіи и ассирологіи, показали несостоятельность многихъ сообщеній Геродота, но, съ другой стороны, многое изъ его словъ и подтвердилось, подчасъ совершенно неожиданно; можно даже сказать, что

---

[1]) Какъ дѣлаетъ это E. Meyer, Forsch., II, 203.

[2]) Что касается сообщенія о подкупѣ Еврибіада и Адиманта, то вѣдь по Геродоту прежде всего былъ подкупленъ Ѳемистоклъ, который извлекъ главную выгоду для себя (VIII, 5).

[3]) О географическихъ свѣдѣніяхъ Геродота—Berger, Gesch. der wissenschaftlichen Erdkunde der Griechen. Leipz. 1887—93, Hauvette, La géographie d'Hérodote. 1889.

чѣмъ дальше идетъ изученіе исторіи древней Эллады и Востока, тѣмъ болѣе обнаруживается добросовѣстность гуманнаго и словоохотливаго, подчасъ наивнаго, „отца исторіи".

Въ заключеніе этой характеристики Геродота еще одно замѣчаніе: каково бы ни было въ общемъ наше мнѣніе о достовѣрности Геродота и объ его источникахъ, необходимо изслѣдовать степень достовѣрности и происхожденіе его извѣстій въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, такъ какъ достоинство его сообщеній неодинаково въ различныхъ частяхъ и даже главахъ его труда [1]).

Θукидидъ [2]).

Главнымъ источникомъ для исторіи слѣдующаго за отраженіемъ персовъ „Пятидесятилѣтія" и въ особенности Пелопоннесской войны, до зимы 411 г., служитъ знаменитѣйшій историкъ древности—Θукидидъ.

Θукидидъ и Геродотъ.

Геродотъ старше Θукидида всего на 25—30 лѣтъ, а между тѣмъ какъ-будто цѣлое столѣтіе отдѣляетъ ихъ [3]): они кажутся

---

[1]) На этомъ справедливо настаиваетъ Macan, I, стр. LXXIV, и, повидимому, независимо отъ него—E. Meyer, Forschungen, II, 229.

[2]) Лучшія изданія—Poppo, Kruger'a, Stahl'я, Croiset и въ особенности Classen'a; русскій перев.— Θ. Г. Мищенка (2 т. М. 1887—8). Общія монографіи о Θукидидѣ: Roscher, Leben, Werk und Zeitalter des Thukydides. Gottingen. 1842 (другое заглавіе. Klio.—Beiträge zur Geschichte der historischen Kunst. I-er B.), Welzhofer, Thukydides und sein Geschichtswerk. München. 1878; Girard, Essai sur Thucydide. P. 1884, Lange, Thukydides und sein Geschichtswerk. Gutersloh. 1893; въ особенности же см. работы Muller-Strubing'a (Aristophanes und die histor. Kritik Leipz. 1873; Thukydideische Forschungen. Wien. 1881, и ст. въ Neue Jahrb. f. Phil, 1883, 1885, 1886), Θ. Г. Мищенка, „Предисловіе" и „Послѣсловіе къ переводу" (вышедшее отдѣльною книгою подъ заглавіемъ: „Θукидидъ и его сочиненіе", вып. II. М. 1888; ср. его-же „Опытъ по исторіи раціон. въ древн. Греціи". К. 1881) и E. Meyer, Forschungen z. alten Geschichte. Halle. 1899. II (ср. его-же, Gesch d. Alterth., III). Кромѣ того,—работы Kruger'a (помѣщ. въ его Histor.-philol. Studien. Berlin. 1837. I, и Kritische Analekten. Berlin. 1863. I); Wilamowitz-Mollendorff, Die Thukydideslegende (Hermes, XII. 1877); Herbst, Thukydides (Philologus, 38 B., 1879; 40 B., 1881); Fr. Cauer, Thukydides und seine Vorgänger (Histor. Zeitschr., N. F. 47 B., 1899); Stauffer, Zwölf Gestalten der Glanzzeit Athens; Georg Meyer, Der gegenwärtige Stand der Thukyd. Frage. Ilfeld. 1889 (Progr.); предисловія Classen'a и Croiset къ ихъ изд. Θукидида, и II-ю гл. моей книги „Периклъ". X. 1889. Остальныя указанія см. ниже.

[3]) Ср. Croiset, Hist. de la litt. gr., II, 106 сл.; Bruns, 108; Gomperz, I, 400—1.

представителями совершенно различныхъ, далекихъ одна отъ другой эпохъ умственной жизни Греціи, и съ трудомъ представляешь себѣ, что въ сущности они почти современники: Геродотъ—представитель старшаго, а Θукидидъ—младшаго поколѣнія Периклова вѣка. Такая разница между ними въ воззрѣніяхъ и въ пріемахъ; такой громадный шагъ совершила въ короткій промежутокъ греческая историческая мысль въ лицѣ Θукидида.

Правда, нѣкоторые (напр. Гольмъ, Виламовицъ) отдаютъ предпочтеніе Геродоту и ставятъ его выше Θукидида. Конечно, до извѣстной степени это дѣло субъективной оцѣнки, личнаго вкуса. Въ сущности обоихъ великихъ историковъ трудно сравнивать. Насколько Геродотъ словоохотливъ, настолько Θукидидъ сжатъ и скупъ на слова. Геродотъ—ближе къ поэзіи, Θукидидъ—ближе къ наукѣ: онъ—представитель того умственнаго движенія, которое охватило Грецію во вторую половину V в., представитель вѣка разума, философіи, современникъ Еврипида, софистовъ и Сократа. Въ Геродотѣ привлекаетъ въ насъ его универсальность, широта и грандіозность темы, наивность, простодушіе и искренность почти эпическаго разсказчика, поэтическій отпечатокъ, лежащій на всемъ его произведеніи. Произведеніе это, по выраженію одного древняго автора, отличается красотою „веселою“, тогда какъ на трудѣ Θукидида лежитъ отпечатокъ красоты суровой, „страшной“, какъ выражается тотъ же авторъ [1]). Здѣсь насъ привлекаетъ богатство и сила мысли, и съ точки зрѣнія метода, научности, глубины и цѣльности, Геродотъ не выдерживаетъ никакого сравненія съ Θукидидомъ.

Послѣднему ставятъ иногда въ упрекъ, что онъ былъ слишкомъ преувеличеннаго мнѣнія о важности и размѣрахъ Пелопоннесской войны и не съумѣлъ оцѣнить значеніе предшествовавшихъ великихъ моментовъ въ исторіи Греціи, подобныхъ Греко-Персидскимъ войнамъ. Но во-первыхъ, нельзя же отрицать большого значенія Пелопоннесской войны, какъ великаго кризиса, перелома не только въ исторіи Аѳинъ, но и всей Эллады; а во-вторыхъ, современникамъ вообще простительно нѣсколько преувеличивать важность переживаемыхъ ими событій; самъ Θукидидъ отмѣчаетъ эту склонность (I, 21).

Говорятъ иногда (Гольмъ, Магаффи и друг.), что у Θукидида горизонтъ болѣе ограниченный, нежели у Геродота. Дѣй-

[1]) Dionys. Halic., Ad Cn. Pomp., 3, p. 776 sq.

ствительно, тема Ѳукидида несравненно уже и не такъ сложна. Но зато въ ея предѣлахъ онъ выполнилъ свою задачу удивительно, проявилъ замѣчательное безпристрастіе, величайшую силу ума и критики: мысль и вниманіе его направлены, такъ сказать, не въ ширь, а въ глубь.

Геродота мы можемъ называть лишь съ нѣкоторыми оговорками „отцемъ исторіи“. Въ сущности же, если подъ послѣднею разумѣть науку и нѣчто бо́льшее, нежели повѣствованіе о достопамятныхъ событіяхъ, то ея отцемъ съ полнымъ правомъ слѣдовало бы признать только Ѳукидида [1]). Онъ, можно сказать, положилъ начало исторіи, какъ наукѣ, и создалъ истинную историческую критику [2]). Въ этомъ отношеніи онъ стоитъ уже близко къ исторіографіи XIX в.

Ѳукидидъ обладалъ всѣми данными, чтобы блистательно выполнить свою задачу — написать исторію Пелопоннесской войны; самыя условія и обстоятельства его жизни [3]) благопріятствовали ему, чтобы расширить умственный кругозоръ, получить надлежащія свѣдѣнія и богатый матеріалъ для наблюденія и сравненія.

Біографія Ѳукидида

Ѳукидидъ родился около 460 — 455 г. до Р. Хр. Онъ самъ говоритъ, что въ началѣ Пелопоннесской войны онъ былъ уже въ вполнѣ зрѣломъ возрастѣ и могъ понимать и наблюдать совершающіяся событія [4]). Такимъ образомъ, онъ былъ современникомъ и очевидцемъ Периклова правленія и самой войны. Принадлежалъ онъ къ богатой и знатной фамиліи, ѳракійскаго происхожденія: сынъ Олора, онъ былъ потомкомъ ѳракійскаго царя того же имени

---

[1]) Ср. Белохъ, I, 490; Stahl, Über d. Zusammenhang d. altesten gr. Geschichtsschreib. mit d episch. Dichtung (N. J., 1896, стр. 378).

[2]) Ср. E. Meyer, Forschungen, II, 281. Еще Кантъ считалъ Ѳукидида основателемъ истинной исторіи и говорилъ, что первыя страницы Ѳукидида есть единственное начало настоящей исторіи.

[3]) О нихъ мы узнаемъ частью отъ него самого. См. также біографіи Ѳукидида, составленныя Маркеллиномъ и анонимомъ.

[4]) V, 26; ср. I, 1. По свидѣтельству Памфилы, приводимому Авломъ Гелліемъ (Noct. Att., XV, 23), Ѳукидиду было, „кажется, 40 лѣтъ“ въ началѣ Пелопоннесской войны; по словамъ же Маркеллина (34), историкъ умеръ, „какъ говорятъ, имѣя болѣе 50 лѣтъ отъ роду“ (другіе авторы древности выражаются еще болѣе неопредѣленно—что Ѳукидидъ былъ въ „цвѣтущемъ возрастѣ“ при началѣ войны). Новые ученые принимаютъ то то, то другое показаніе Ѳ Г. Мищенко пытается примирить оба.

и состоялъ въ родствѣ съ фамиліей Кимона [1]). Такимъ образомъ, Θукидидъ обладалъ матеріальными средствами, независимымъ положеніемъ и близокъ былъ къ выдающимся и вліятельнымъ лицамъ. А его отношеніе къ Периклу, извѣстная характеристика, которую онъ посвящаетъ ему (II, 65), даетъ основаніе думать, что онъ близко зналъ знаменитаго вождя аѳинской демократіи и руководителя аѳинской политики и, по всей вѣроятности, въ молодости принадлежалъ къ его кружку. Θукидидъ, какъ это видно изъ его труда, получилъ прекрасное образованіе, стоялъ на высотѣ тогдашняго умственнаго развитія и былъ однимъ изъ самыхъ выдающихся и характерныхъ представителей греческой мысли того времени. Большинство древнихъ историковъ въ одномъ отношеніи имѣетъ громадное преимущество предъ большинствомъ изъ насъ, современныхъ историковъ: они не были кабинетными учеными, они сами принимали болѣе или менѣе дѣятельное участіе въ государственной жизни, такимъ образомъ на практикѣ знакомились съ нею, съ военнымъ дѣломъ и т. п. Такъ и Θукидидъ: онъ былъ самъ стратегомъ, и въ его описаніяхъ битвъ виденъ опытный полководецъ [2]). Какъ аѳинянинъ и аѳинскій стратегъ, онъ близко зналъ положеніе дѣлъ въ Аѳинахъ. Кромѣ того, онъ имѣлъ обширныя связи и вліяніе во Θракіи, гдѣ ему принадлежали золотые пріиски въ окрестностяхъ Амфиполя (IV, 105).

Первые годы войны Θукидидъ жилъ въ Аѳинахъ и самъ перенесъ ту страшную болѣзнь, которая тогда свирѣпствовала тамъ и которую онъ описалъ съ такою поразительною силою и ясностью. Но послѣ перехода Амфиполя въ руки Брасида (424 г.) Θукидидъ, командовавшій эскадрой у береговъ Θракіи и не успѣвшій воспрепятствовать этому переходу, принужденъ былъ отправиться въ изгнаніе и поселился въ своемъ ѳракійскомъ помѣстьѣ. Это изгнаніе однако явилось въ свою очередь благопріятнымъ моментомъ для Θукидида, какъ историка: оно дало ему досугъ,

---

[1]) Plut., Cim., 4. Степень родства между Θукидидомъ и Кимономъ въ точности опредѣлить трудно; не подлежитъ сомнѣнію однако, что на дочери его предка Олора былъ женатъ Мильтіадъ, отецъ Кимона, и что, вопреки словамъ Плутарха (κατὰ γένος), Θукидидъ былъ родственникомъ Кимона по женской линіи: они принадлежали къ разнымъ демамъ и разнымъ филамъ Есть извѣстіе о родствѣ Θукидида и съ Писистратидами; но въ настоящее время родство это отвергается большинствомъ историковъ.

[2]) A. Bauer, Ansichten des Thukyd. uber Kriegfuhrung (Philol., 40 B., 1881).

необходимый для составленія и обработки его труда, и возможность спокойно, въ качествѣ зрителя, наблюдать за обѣими воюющими сторонами, въ особенности—ближе стать къ пелопоннесцамъ (V, 26). Живя въ изгнаніи, Θукидидъ посѣтилъ, повидимому, большую часть мѣстностей, служившихъ театромъ войны, македонскій дворъ временъ Архелая (II, 100) и, по всей вѣроятности, Италію и Сицилію, въ особенности Сиракузы, описаніе окрестностей и осады коихъ по точности и живости свидѣтельствуетъ о томъ, что оно принадлежитъ лицу, побывавшему на мѣстѣ.

По окончаніи войны Θукидидъ вслѣдствіе амнистіи [1]) получилъ возможность возвратиться на родину, во вскорѣ умеръ (ок. 399—396 г.) [2]); есть извѣстіе, что онъ погибъ насильственною смертью.

Какъ заявляетъ самъ Θукидидъ, онъ началъ свой трудъ тотчасъ по возникновеніи войны, будучи заранѣе увѣренъ въ ея важномъ значеніи (I, 1). Но Пелопоннесская война не велась безпрерывно: первый ея періодъ (такъ наз. Архидамова война) закончился Никіевымъ миромъ. Спрашивается, Θукидидъ, говоря въ самомъ началѣ своего труда о своемъ намѣреніи написать исторію войны между пелопоннесцами и аѳинянами, имѣлъ въ виду одну лишь Архидамову войну, продолжавшуюся только 10 лѣтъ, или же всю 27-лѣтнюю? и къ какому времени относится составленіе и обработка его труда?

Вопросъ о времени составленія Θукидидова труда

Вопросъ этотъ [3]) поднятъ былъ въ серединѣ 40-хъ годовъ XIX в. Ульрихомъ [4]), который доказывалъ, что сочиненіе Θукидида состоитъ изъ двухъ частей, написанныхъ въ разное время: сначала Θукидидъ подъ войною пелопоннесцевъ съ аѳинянами разумѣлъ лишь, по мнѣнію Ульриха, десятилѣтнюю, Архидамову, которую считалъ вполнѣ законченною, и первыя книги (до середины

---

[1]) По нѣкоторымъ извѣстіямъ, не въ силу общей амнистіи, а въ силу псефизмы Эноѳія (Paus., I, 23).

[2]) По однимъ—въ Аѳинахъ, по другимъ—во Ѳракіи. Погребенъ онъ былъ рядомъ съ Кимоновой сестрой, Эльпиникой, тамъ, гдѣ находились гробницы Кимоновой фамиліи,—у Мелитскихъ воротъ. Marcel., 17; Anonym., 10; Herod., VI, 103; Paus., I, 23. Умеръ Θукидидъ раньше 396 г.: онъ не дожилъ до возстановленія Длинныхъ стѣнъ Конономъ и не знаетъ изверженія Этны 396 г., какъ это видно изъ его изложенія (III, 116).

[3]) О немъ см. подробности у Ѳ. Г. Мищенка, въ его „Предисловіи“ къ переводу и въ ст., помѣщенной въ Ж. М. Нар. Пр., 1887, май.

[4]) Ullrich, Beiträge zur Erklarung d. Thukydides. Hamb. I—II. 1845—6.

IV-й) написалъ послѣ Никіева мира, не зная еще, что война возобновится; послѣ же возобновленія войны онъ сталъ собирать матеріалъ для продолженія своего труда; такимъ образомъ послѣдня книги онъ началъ обрабатывать послѣ 404 г.

Ульрихъ нашелъ себѣ многочисленныхъ послѣдователей, принимающихъ его гипотезу съ нѣкоторыми видоизмѣненіями [1]), но встрѣтилъ и возраженія, преимущественно со стороны Классена[2]), а въ послѣднее время — Эд. Мейера [3]), и такимъ образомъ вопросъ о времени составленія Ѳукидидомъ своего труда до сихъ поръ является спорнымъ.

Разногласіе, впрочемъ, въ сущности не такъ велико, какъ это кажется: послѣдователи Ульриха соглашаются, что потомъ Ѳукидидомъ сдѣланы были позднѣйшія вставки, а Классенъ и его послѣдователи признаютъ, что отдѣльныя части могли быть набросаны историкомъ, какъ матеріалъ для послѣдующей обработки, раньше окончанія войны, еще въ теченіе ея. Но какъ бы ни рѣшался вопросъ, съ точки зрѣнія историка, интересующагося Ѳукидидомъ, какъ источникомъ, онъ не представляетъ большаго значенія. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, въ виду категорическаго заявленія самого Ѳукидида, что подготовлять свой трудъ и собирать свѣдѣнія онъ началъ тотчасъ по возникновеніи войны (I, 1); что событія 27-лѣтняго періода, съ 431 г. по 404, онъ считалъ за нѣчто цѣльное, за одну войну, и даже возражалъ противъ инаго мнѣнія (V, 26); что, выясняя причины столкновенія между Спартою и Аѳинами, онъ имѣлъ въ виду всю Пелопоннесскую войну,

---

[1]) См. напр. Cwiklinski, Quaestiones de tempore quo Thucydides priorem historiae suae partem composuerit. Berlin. 1873; его-же, Ueber die Entstehungsweise der zweiten Theiles d. Thukyd. Geschichte (Hermes, XII, 1877); Wilamowitz-Mollendorff, Thukydideslegende (ibid.); Kirchhoff, Thukydides und sein Urkundenmaterial. Berlin. 1895 (первонач. — въ Sitz.-ber. d. Berl. Ak. d. Wissensch., 1880, 1882—4, 1890), Friedrich, Die Entstehung d. Thukyd. Geschichtswerkes (N. Jahrb. f. Phil., 155 B., 1897) и цѣлый рядъ диссертацій на ту же тему, появившихся въ Германіи (напр. Zimmermann'a, O. Struve, W. Schmid'a и друг.). Ѳ. Г. Мищенко тоже присоединяется къ мнѣнію Ульриха, но полагаетъ, что первая книга написана Ѳукидидомъ нѣсколько позже и служитъ какъ-бы послѣсловіемъ къ исторіи первой, 10-лѣтней войны (а не всей 27-лѣтней). Замѣтимъ, что еще у анонимнаго біографа Ѳукидида встрѣчается сообщеніе о томъ, что вступленіе составлено историкомъ позже остальнаго труда.

[2]) Въ „Введеніи“ къ изданію Ѳукидида.

[3]) Forschungen, II, 269 сл.

а не одну только Архидамову, и что Θукидидъ оставилъ свой трудъ неоконченнымъ: опъ останавливается на 411 г. Нѣкоторыя части этого труда [1]), повидимому, не вполнѣ отдѣланы. Такова, по общепринятому мнѣнію, VIII-я книга [2]). „Исторія“ Θукидида опубликована не самимъ авторомъ. Обыкновенно полагаютъ, что ее издалъ Ксенофонтъ [3]); нѣкоторые указываютъ на другаго продолжателя Θукидида—Кратиппа, какъ на издателя его труда [4]). Высказывалась даже гипотеза, что послѣдній подвергся передѣлкѣ и искаженію со стороны посторонняго редактора [5]); но гипотезу эту можно считать опровергнутою [6]).

Источники Θукидида

Θукидидъ писалъ, какъ историкъ-очевидецъ, и его главный источникъ [7])—видѣнное имъ самимъ или слышанное отъ другихъ лицъ, близко стоявшихъ къ событіямъ и заслуживавшихъ, по его мнѣнію, довѣрія (I, 22). Матеріаломъ служили ему и документы, напр. текстъ договоровъ [8]) (IV, 118; V, 18, 47; VIII, 18, 37, 58), надписи и вещественные памятники (I, 132, 134; VI, 55, 59),

---

[1]) Дѣленіе на книги принадлежитъ не самому Θукидиду и было не одинаковое: кромѣ обычнаго дѣленія на 8 книгъ, въ древности встрѣчалось и иное (на 9 и даже 13 кн.).

[2]) Въ древности ее иногда приписывали не самому Θукидиду, а то его дочери, то Ксенофонту, то даже Θеопомпу. Мнѣніе о неотдѣланности VIII кн. основывается между проч. на отсутствіи рѣчей въ этой книгѣ. Возраженіе противъ этого см. у E. Meyer, Forschungen, II, 406 сл. (отсутствіе рѣчей объясняетъ тѣмъ, что съ теченіемъ событій поводъ къ нимъ представлялся рѣже).

[3]) Diog. Laert., II, 59.

[4]) Напр. W. Schmid, Zur Entstehung und Herausgabe d. thukyd. Geschichtswerkes (Philol., 49 B., 1890) Но есть основаніе думать, что Кратиппъ жилъ гораздо позже (см. о немъ ниже), когда произведеніе Θукидида было уже давно извѣстно (см. ст. Susemihl'я въ Philologus, LIX, 1900, и Weil'я въ Rev. des études gr., 1900, janv.—avr.).

[5]) Junghahn, Die Reden bei Thukyd. (N. Jahrb. f. Phil., 111 B., 1875) и Studien zu Thukyd. (ibid., 119 B.); Wilamowitz, Thukydideslegende (Hermes, XII), и Curae Thucydideae. Index lect. Götting. 1885; E. Schwartz, Ueber das I Buch d. Thukyd. (Rh. Mus., 41 B., 1886).

[6]) A. Bauer, Der Herausgeber d. Thukyd. (Philol., 46 B., 1887); G. Meyer, D. gegenwart. Stand d. Thukyd. Frage.

[7]) Объ источникахъ Θукидида, между прочимъ,—Swoboda, Thukydid. Quellenstudien. Innsbruck. 1881; Stein, Zur Quellenkritik d. Thukyd. (Rh. Mus., 55 B., 1900).

[8]) Kirchhoff, Thukydides und sein Urkundenmaterial. Berlin. 1895 (изъ Sitz.-ber. d. Berl. Ak., 1880, 1882—4, 1890); кромѣ того — Büdinger, Poësie und Urkunde bei Thuk. (Denkschr. d. Ak. d. Wiss. Wien., 39 B.); Steup, Thukydid. Studien. Freib. u. Tubing. 1881.

культурныя переживанія, обычаи и одежда, устныя преданія, свидѣтельства поэтовъ и т. под. Ѳукидидъ пользовался и трудами своихъ предшественниковъ, когда касался прошлаго. Онъ упоминаетъ о логографахъ (I, 21), о Гелланикѣ, которому, какъ мы видѣли, ставитъ въ упрекъ неточность его хронологіи (I, 97). Геродота онъ прямо не называетъ, но нѣтъ сомнѣнія, что онъ былъ знакомъ съ его произведеніемъ: онъ вступаетъ съ нимъ въ скрытую палемику, — опровергаетъ нѣкоторыя сообщенія, которыя принадлежатъ именно Геродоту, и вноситъ свои поправки (I, 20, 126). Для древней исторіи Сициліи (до 424 г.) главнымъ источникомъ Ѳукидиду служитъ сочиненіе Антіоха Сиракузскаго [1]), а съ 424 г. онъ пользовался, можетъ быть, біографіей Гермократа [2]) (если только таковая существовала).

Впрочемъ, въ данномъ случаѣ, въ виду того, что Ѳукидидъ былъ самъ современникомъ описываемыхъ имъ событій, для насъ вопросъ объ его источникахъ имѣетъ второстепенное значеніе. Зато особенно важно опредѣлить его качества, какъ свидѣтеля-очевидца, степень его добросовѣстности и безпристрастія; важно выяснить его обликъ, какъ историка, его воззрѣнія, пріемы и методъ.

Характеристика его труда.

Тема Ѳукидида—исторія Пелопоннесской войны. Въ началѣ, въ видѣ введенія, онъ даетъ краткій очеркъ древнѣйшей греческой исторіи и „Пятидесятилѣтія“. Цѣль Ѳукидида — отысканіе истины [3]). Онъ врагъ анекдотовъ, вымысловъ и поэтическихъ прикрасъ; онъ не стремится къ внѣшнему эффекту и занимательности. Онъ самъ категорически противополагаетъ свое отношеніе къ древнѣйшимъ событіямъ и вообще свой трудъ произведеніямъ какъ поэтовъ, съ ихъ преувеличеніями и прикрасами, такъ и „логографовъ“ (I, 21). Ѳукидидъ зналъ, что вслѣдствіе отсутствія баснословнаго элемента его изложеніе покажется менѣе занимательнымъ и пріятнымъ; но онъ считалъ достаточнымъ, если его трудъ „найдутъ полезнымъ тѣ, кто пожелаетъ имѣть ясное и вѣрное представленіе о прошломъ, въ виду того, что, по свойствамъ человѣческой природы, и въ будущемъ когда-нибудь можетъ произойти нѣчто подобное“. Онъ смотрѣлъ на

---

[1]) Предположеніе это высказано еще Нибуромъ, подробныя доказательства—у Вельфлина (Antiochos v. Syrakus und Coel. Antipater. 1872).

[2]) Предположеніе Stein'a, l. c.

[3]) ἡ ζήτησις τῆς ἀληθείας, I, 20.

свое произведеніе не какъ на временную забаву для слушателей, а какъ на достояніе на-вѣки (κτῆμά τε ἐς ἀεί, I, 22) [1]).

Критика и пріемы.

Θукидидъ самъ говоритъ, что онъ стремился къ точному знанію [2]) и излагаетъ не такъ, какъ ему казалось или какъ сообщалъ первый встрѣчный, а въ качествѣ очевидца или на основаніи свѣдѣній, хотя и добытыхъ отъ другихъ, но подвергнутыхъ возможно тщательной и точной провѣркѣ [3]). Трудности, сопряженныя съ подобнаго рода разысканіями, не укрывались отъ Θукидида: онъ самъ сознается, что узнавать правду было трудно, такъ какъ свидѣтели-очевидцы говорили объ одномъ и томъ же не одинаково, а подъ вліяніемъ пристрастія или памяти (I, 22). Такимъ образомъ, основные пріемы историческои критики впервые, можно сказать, открыты и примѣнены Θукидидомъ.

И весь трудъ Θукидида ярко свидѣтельствуетъ о его добросовѣстности, тщательности и осторожности въ отысканіи истины. Неразъ историкъ самъ открыто заявляетъ, что точныхъ свѣдѣній нельзя было добыть (V, 68; VII, 44), что въ данномъ случаѣ онъ довольствуется истиною приблизительною (V, 68, 74; VII, 86), и, по вѣрному замѣчанію Ранке [4]), прямо указывая, чего онъ въ точности не знаетъ, Θукидидъ тѣмъ самымъ укрѣпляетъ въ насъ довѣріе къ тому, что̀ онъ говоритъ положительно. Иногда онъ приводитъ два или три свидѣтельства (напр. II, 15), высказывая и свое мнѣніе (VIII, 87).

Θукидидъ первый надлежащимъ образомъ оцѣнилъ важность документовъ и нѣкоторые изъ нихъ цѣликомъ внесъ въ свою исторію, напр. текстъ перемирія 423 г., Никіева мира, договора аѳинянъ съ Аргосомъ, Мантинеей и Элидой и проч. До насъ дошелъ подлинный текстъ послѣдняго въ видѣ надписи [5]) и, слѣдовательно, намъ представляется возможность сличить оба тек-

---

[1]) Выраженіе это Croiset понимаетъ не въ смыслѣ exegi monumentum (подобно остальнымъ комментаторамъ), а въ смыслѣ той прочной пользы, которую долженъ принести трудъ историка.

[2]) V, 26: καὶ προσέχων τὴν γνώμην, ὅπως ἀκριβές τι εἴσομαι.

[3]) I, 22: οὐκ ἐκ τοῦ παρατυχόντος πυνθανόμενος ἠξίωσα γράφειν οὐδ' ὡς ἐμοὶ ἐδόκει, ἀλλ' οἷς τε αὐτὸς παρῆν καὶ παρὰ τῶν ἄλλων ὅσον δυνατὸν ἀκριβείᾳ περὶ ἑκάστου ἐπεξελθών.

[4]) Weltgeschichte, 1, 2, 48.

[5]) C. I. A., IV, 46 b.

ста и на этомъ примѣрѣ провѣрить точность Θукидида [1]). Изъ сличенія оказывается, что договоръ имъ переданъ точно; встрѣчаются лишь незначительныя измѣненія; они ограничиваются пропускомъ малозначущихъ словъ [2]), небольшою иногда перестановкою [3]) и замѣной одной формы или выраженія другими, близкими [4]); да и эти измѣненія отчасти могутъ быть отнесены насчетъ неисправности нашего рукописнаго текста.

Не пренебрегъ Θукидидъ, какъ было упомянуто, и свѣдѣніями, даваемыми надписями. Онъ умѣлъ воспользоваться и миѳомъ, и народнымъ преданіемъ, объяснить болѣе или менѣе правдоподобно самое происхожденіе того или иного разсказа, даже невѣрной версіи. Такъ, въ его время большинство было увѣрено, что не Гиппій, а Гиппархъ получилъ власть по смерти Писистрата (VI, 54 сл.). Θукидидъ самымъ рѣшительнымъ образомъ опровергаетъ это ходячее мнѣніе, а то, что преданіе выдвигаетъ на первый планъ Гиппарха, онъ объясняетъ тѣмъ, что именно Гиппархъ палъ отъ руки Гармодія и Аристогитона и вслѣдствіе этого пріобрѣлъ бо́льшую извѣстность (VI, 55).

Но особенно интересны съ точки зрѣнія пріемовъ тѣ начальныя главы, въ которыхъ Θукидидъ пытается дать реконструкцію важнѣйшихъ моментовъ древнѣйшей греческой исторіи [5]). Правда, здѣсь онъ впадаетъ въ нѣкоторыя ошибки, напр. говоритъ о миѳическихъ личностяхъ, подобныхъ Агамемнону, какъ о чисто историческихъ дѣятеляхъ, и представляетъ себѣ прошлое слишкомъ бѣднымъ и ничтожнымъ, что̀ опровергается новѣйшими археологическими открытіями; но виною тому не методъ, а свойственное всей древности неумѣнье отличать миѳъ отъ историческаго факта и—главное—недостаточность фактическихъ данныхъ, при помощи которыхъ приходилось оперировать тогдашней исторической наукѣ. Со стороны же метода эти главы—одно изъ самыхъ

---

[1]) Кромѣ упомянутыхъ на стр. 84, прим. 8, работъ см. ст. Kirchhoff'a, Schone, Herbst'a и Hude въ Hermes (XII, XXV, XXVII), а на рус. яз. ст. Д. П. Шестакова въ „Зап. Каз. Унив." (1891, кн. 2) и замѣчанія Ѳ. Г. Мищенка, „Послѣсловіе", стр. CICVII.

[2]) Напр. πρὸς ἀλλήλους.

[3]) Напр. 'Αργείους καὶ 'Ηλείους καὶ Μαντινέας вм. 'Αργείους καὶ Μαντινέας καὶ 'Ηλείους.

[4]) θάλατταν вм. θάλασσαν, ἐξέστω вм ἐξεῖναι, ἢν вм. ἐάν, ἐς вм. ἐπὶ и т п.

[5]) Glogau, Die Entdeckungen des Thukyd. über die älteste Gesch. Griechenlands. 1876 (Progr.); Ѳ. Г. Мищенко, „Послѣсловіе", стр. CLXXIII сл.

яркихъ доказательствъ глубины и силы ума Θукидида и вообще одно изъ самыхъ замѣчательныхъ проявленій греческой мысли. *Методъ реконструкціи* Здѣсь Θукидидъ въ широкихъ размѣрахъ примѣняетъ методъ обратнаго заключенія—отъ настоящаго къ прошлому, отъ извѣстнаго къ неизвѣстному, причемъ основаніемъ [1]) для его заключеній и комбинацій служатъ свидѣтельство эпоса, топографическія данныя, вещественные памятники, бытъ болѣе отсталыхъ въ культурномъ отношеніи греческихъ племенъ и варваровъ, сохранившіяся названія, обычаи, празднества и обряды,—словомъ то, что̀ мы теперь называемъ культурными переживаніями.

Гомеру Θукидидъ вѣритъ не безусловно; онъ ссылается на него съ оговорками: „если свидѣтельство его кому-либо кажется достаточнымъ“ (I, 9), „если только ему можно вѣрить“ (I, 10). „Гомеръ“, говоритъ онъ, „какъ поэтъ, разумѣется, преувеличивалъ и прикрашивалъ“ (I, 10). Онъ знаетъ, что поэты вообще склонны къ прикрасамъ и преувеличеніямъ (I, 21). И греческую старину Θукидидъ представлялъ себѣ далеко не въ томъ грандіозномъ видѣ, въ какомъ изображалъ ее эпосъ и—добавимъ—какова она была, судя по новѣйшимъ раскопкамъ. Онъ исходилъ изъ убѣжденія въ скудости ея средствъ и съ этой точки зрѣнія судилъ о Троянской войнѣ. Онъ полагалъ, что у Агамемнона не могло быть многочисленнаго войска за неимѣніемъ денежныхъ средствъ (I, 11) и самая Троянская война не была такою значительною, какою представляютъ ее поэты.

Вообще въ очеркѣ древнѣйшей исторіи Θукидидъ придаетъ большое значеніе экономическимъ отношеніямъ и матеріальнымъ средствамъ. Накопленіе богатствъ у него является важнымъ факторомъ историческаго развитія (напр. I, 8). Въ этомъ отношеніи Θукидидъ приближается къ новѣйшему направленію въ современной исторической наукѣ. Такія явленія, какъ переселенія, завоеванія, ростъ внѣшняго могущества народовъ, онъ ставитъ въ тѣсную связь съ бытовыми и хозяйственными условіями (I, 2). Θукидидъ замѣтилъ, что сравнительно новые города построены вообще ближе къ морю и, большею частью, на перешейкахъ, а болѣе древніе строились дальше отъ морскаго берега, и объяснилъ это господствомъ нѣкогда пиратства (I, 7). Обычай ношенія оружія у нѣкоторыхъ греческихъ народовъ—локрянъ, этолянъ, акарнянъ—въ его глазахъ служитъ свидѣтельствомъ существованія въ

[1]) σημεῖον, μαρτύριον, τεκμήριον, I, 1, 6, 8, 10, 20—21; II, 15.

древности такого обычая у всѣхъ эллиновъ (I, 5): Ѳукидидъ видѣлъ въ немъ „культурное переживаніе“ — остатокъ еще того времени, когда господствовали разбои и на сушѣ, и объяснялъ его происхожденіе условіями тогдашней жизни—отсутствіемъ безопасности. Вообще тотъ бытъ, которымъ жили этоляне и акарнаняне, эта жизнь въ неукрѣпленныхъ городахъ и деревняхъ, по мнѣнію Ѳукидида, нѣкогда были общими для всѣхъ эллиновъ (I, 5). То, что Гомеръ не называетъ грековъ однимъ общимъ именемъ, служитъ Ѳукидиду свидѣтельствомъ, что таковаго имени первоначально и не существовало, а были лишь названія отдѣльныхъ племенъ, а изъ того, что у Гомера не встрѣчается слова „варвары“, выводится заключеніе, что эллины тогда еще не противопоставляли себя варварамъ.

Природнымъ условіямъ и географическому положенію Ѳукидидъ придаетъ большое значеніе: по его словамъ, подвергались перемѣнѣ населенія вслѣдствіе нападеній всегда лучшія и плодороднѣйшія области Эллады (I, 2); скудость почвы являлась условіемъ безопасности Аттики отъ ипоземныхъ вторженій и способствовала усиленію Аѳинъ, увеличивая ихъ населеніе, такъ какъ сюда стекались мирные переселенцы изъ всей Эллады (ibid.). Развитіе морскихъ силъ и богатства Коринѳа—результатъ его положенія на перешейкѣ и его роли, какъ эмпоріума Греціи (I, 13).

Что акрополь и прилегающая къ нему часть составляли древній городъ въ Аѳинахъ, Ѳукидидъ выводитъ изъ того, что въ акрополѣ и у его подножія расположены древнѣйшіе храмы и святилища, источникъ Каллироя, которымъ аѳиняне пользуются въ торжественныхъ случаяхъ, и что „понынѣ еще“ акрополь у аѳинянъ называется просто „городъ“, πόλις (II, 15). Видъ и кладка стѣны вокругъ Аѳинъ служатъ у него подтвержденіемъ того, съ какою поспѣшностью возводились постройки послѣ нашествія персовъ (I, 93).—Широкое распространеніе карійцевъ по островамъ доказывается ссылкой на гробницы, открытыя при очищеніи острова Делоса и оказавшіяся на-половину принадлежащими именно карійцамъ (I, 8), и т. д.

Мы видимъ у Ѳукидида пріемы, напоминающіе пріемы современныхъ изслѣдователей. Его „методъ обратнаго заключенія“ есть въ то-же время методъ сравнительный. Ѳукидидъ подмѣчаетъ аналогію между бытомъ и явленіями міра греческаго, на извѣстной ступени его развитія, и міра варварскаго (I, 3, 6). Въ образѣ жизни древніе эллины, по его словамъ, походили на современныхъ

ему варваровъ. Слѣдовательно, Θукидиду не чужда уже идея постепеннаго развитія. Древнѣйшая, баснословная старина у него лишь одинъ изъ фазисовъ въ развитіи греческаго общества. Наиболѣе культурные народы Эллады прошли, по Θукидиду, чрезъ ту-же стадію, на которой въ его время еще находились менѣе цивилизованныя греческія племена и варвары.

Рѣчи Однимъ изъ излюбленныхъ пріемовъ Θукидида, какъ и вообще античной исторіографіи, являются рѣчи, влагаемыя въ уста дѣйствующимъ лицамъ. Но спрашивается, насколько эти рѣчи воспроизводятъ дѣйствительно сказанное? [1]).

Самъ Θукидидъ заявляетъ, что ему трудно было запомнить въ точности все сказанное, что воспроизводя рѣчи, онъ держался какъ можно ближе лишь общаго смысла и передавалъ такъ, какъ по его мнѣнію, сообразно обстоятельствамъ, долженъ былъ говорить ораторъ (I, 22). Но, безъ сомнѣнія, рѣчи эти—въ значительной мѣрѣ композиція самого историка: онъ въ нихъ привносилъ немало своего и такимъ образомъ въ этомъ случаѣ отступалъ въ сущности отъ той точности, къ которой вообще такъ стремился и о которой мы говорили выше (стр. 86) [2]).

Въ употребленіи рѣчей сказались то направленіе и та склонность къ ораторскому искусству, которыя начинали господствовать въ тогдашней жизни и литературѣ Аѳинъ. Посредствомъ этого пріема историкъ изображалъ мотивы дѣйствующихъ лицъ, представлялъ доводы pro и contra, знакомилъ съ общими условіями и обстоятельствами, при которыхъ происходило дѣйствіе, и проч.[3]).

Такъ, рѣчь коринѳскихъ пословъ на первомъ собраніи въ Спартѣ (I, 68 сл.) представляетъ мастерскую сравнительную характеристику спартанцевъ и аѳинянъ; отвѣтная рѣчь аѳинскихъ пословъ (I, 72 сл.) есть ничто иное, какъ доказательство права Аѳинъ на господство, на то положеніе, которое занимали онѣ въ ряду греческихъ государствъ, и оправданіе ихъ поведенія по от-

---

[1]) О рѣчахъ у Θукидида—Vischer (Kl. Schriften, I), Jebb (на англ. яз.; нѣм. пер.—Berlin. 1883; на рус. яз. объ этой книгѣ ст.—въ „Рус. Вѣст.“, 1884, ноябрь), Junghahn (N. Jahrb., 111 B., 1875), Wurzer (Progr. Radautz. 1889/90).

[2]) Продолжатель Θукидида, Кратиппъ, не одобрялъ употребленія рѣчей и утверждалъ, что впослѣдствіи самъ Θукидидъ пришелъ къ убѣжденію въ ихъ несоотвѣтствіи историческимъ произведеніямъ и съ намѣреніемъ воздерживался отъ ихъ употребленія въ VIII кн.

[3]) Ѳ. Г. Мищенко, „Послѣсловіе“, стр. LXIV; E. Meyer, Gesch. d. Alterth., III, 266—7.

ношенію къ ихъ союзникамъ. Но весьма мало вѣроятно, чтобы обѣ эти рѣчи были болѣе или менѣе точнымъ воспроизведеніемъ того, что́ дѣйствительно говорилось въ спартанскомъ собраніи. Рѣчь Архидама (I, 80 сл.)—это доводы партіи, мирно настроенной; устами Сѳенелаида говоритъ партія войны (I, 86). Знаменитая рѣчь Перикла надъ павшими воинами (II, 35 сл.)—надгробное слово надъ сошедшими навѣки въ могилу, вмѣстѣ съ паденіемъ Аѳинъ, идеалами [1]); тутъ предъ нами апоѳеозъ Аѳинъ какъ-разъ наканунѣ тяжкихъ, роковыхъ бѣдствій, постигшихъ ихъ, идеализація всѣхъ свѣтлыхъ сторонъ аѳинской демократіи. И если Периклъ въ дѣйствительности говорилъ нѣчто подобное, то, какъ нѣкоторые предполагаютъ, не надъ горстью павшихъ въ первый годъ Пелопоннесской войны, а скорѣе послѣ покоренія Самоса. Въ рѣчахъ Клеона и Діодота (III, 37 сл.) по поводу наказанія возставшихъ митиленянъ трактуется главнымъ образомъ вопросъ о томъ, можетъ ли страхъ служить сдерживающимъ началомъ. Клеонъ у Ѳукидида стоитъ за безпощадную кару, а въ рѣчи, влагаемой историкомъ въ уста Діодота, проводится замѣчательная для того времени мысль о безполезности смертной казни, ибо страхъ наказанія не удерживаетъ отъ преступленія, и т. д. Кромѣ рѣчей, есть у Ѳукидида еще обширный діалогъ—между жителями острова Мелоса и аѳинянами (V, 85 сл.). Это—столкновеніе слабаго и сильнаго, правды и насилія. Жители Мелоса, подобно современнымъ бурамъ, опираются на свою правоту и надѣются, что судьба, посылаемая отъ Бога, не допуститъ, чтобы они были побѣждены, ибо они благочестивы и борются противъ несправедливости (V, 104); въ отвѣтъ аѳиняне ссылаются на право сильнѣйшаго, какъ на законъ природы, который не они первые установили и который будетъ существовать вѣчно (V, 105) [2]).

Идея причинности и законообразности

Ѳукидиду присуща идея причинности, причемъ онъ умѣетъ отличать общія, основныя причины отъ поводовъ и случайныхъ обстоятельствъ. Онъ прекрасно понимаетъ напр., что событія въ Эпидамнѣ и Потидеѣ, жалобы Мегары и Эгины,—все это лишь поводы и предлоги къ войнѣ; истинная же причина ея скрывалась въ возвышеніи аѳинскаго могущества, возбуждавшаго въ лакедемонянахъ страхъ и зависть (I, 23; II, 8).

[1]) E. Meyer, Forsch., II, 282.

[2]) По композиціи къ рѣчи приближается и письмо Никія въ Аѳины изъ-подъ Сиракузъ (VII, 11 сл.). Ѳ. Г. Мищенко, „Послѣсловіе“, стр. XLIV, прим.; Croiset, II, 115—116.

У Θукидида мы уже встрѣчаемъ сознаніе законообразности историческихъ явленій и рядъ своего рода обобщеній, основанныхъ на убѣжденіи въ томъ, что одинаковыя причины и условія вызываютъ и одинаковыя слѣдствія: по его мнѣнію, пока не измѣнится человѣческая природа, до тѣхъ поръ будутъ происходить явленія, подобныя тѣмъ, которыя онъ описываетъ. Въ особенности эта мысль выражена тамъ, гдѣ онъ, по поводу борьбы партій на островѣ Керкирѣ, даетъ поразительное по глубинѣ анализа изображеніе, такъ сказать, патологическихъ явленій—извращенія понятій, одичанія и деморализаціи греческаго общества, какъ пагубнаго и необходимаго послѣдствія ожесточенной междоусобной войны (III, 82—83). „Вслѣдствіе междоусобицъ", говоритъ здѣсь Θукидидъ, „множество тяжкихъ бѣдъ обрушилось на государства, бѣдъ, какія обыкновенно бываютъ и всегда будутъ, пока человѣческая природа остается тою же", но только въ бо́льшей или меньшей степени и различныя по формамъ, сообразно обстоятельствамъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ.

Рационализмъ.

Понятно послѣ этого, что Θукидидъ объясняетъ историческія событія, не вводя сверхъестественнаго элемента и непосредственнаго вмѣшательства божества: это вытекало изъ сознанія законообразности явленій Хотя онъ и влагаетъ въ уста различнымъ лицамъ, напр. жителямъ Мелоса, воззрѣнія относительно возможности такого вмѣшательства, но самъ, очевидно, не раздѣляетъ ихъ, и надежды мелосцевъ на предсказанія, на высшую помощь и справедливость у него безпощадно разбиваются о суровую дѣйствительность, о право болѣе сильнаго [1]). У Геродота гибель спартанскихъ пословъ въ Аѳинахъ (VII, 137) объясняется сверхъестественными причинами—карой разгнѣваннаго божества; Θукидидъ же этотъ мотивъ совершенно устраняетъ и на его мѣсто выдвигаетъ иной — месть аѳинянъ лакедемонянамъ за умерщвленіе аѳинскихъ и союзныхъ купцовъ (II, 67) [2]). У Θукидида упоминается о случаѣ или судьбѣ, и самъ онъ, повидимому, допускаетъ извѣстную долю ихъ вліянія; но это совсѣмъ не то, что̀ рокъ у Геродота [3]): по Θукидиду это—скорѣе лишь „совпаденіе", стеченіе обстоятельствъ. Съ другой стороны, насколько можно судить по нѣкоторымъ указаніямъ — вообще Θукидидъ избѣ-

[1]) Θ. Г. Мищенко, Послѣсл., стр. CXX.
[2]) Θ. Г. Мищенко, Послѣсл., стр. III.
[3]) Ср. Θ. Г. Мищенко, Послѣсл., стр. CXIX.

гаетъ открыто выражать свои личныя мнѣнія—, онъ не отвергалъ существованія боговъ или божественнаго начала; по крайней мѣрѣ, упадокъ религіи, неуваженіе къ святынѣ, исчезновеніе всякаго страха передъ богами, онъ считалъ чрезвычано неблагопріятнымъ симптомомъ, свидѣтельствующимъ о крайнемъ разложеніи и деморализаціи общества [1]); но прямаго вмѣшательства божества въ ходъ человѣческихъ дѣлъ Θукидидъ не допускалъ и объяснялъ этотъ ходъ естественнымъ образомъ [2]).

Θукидидъ долженъ былъ отрицательно относиться и къ различнымъ оракуламъ и предзнаменованіямъ. Онъ былъ чуждъ суевѣрія. Правда, въ своемъ трудѣ Θукидидъ неразъ упоминаетъ о предсказаніяхъ, но его отношеніе къ нимъ совсѣмъ иное, нежели напр. у Геродота. Онъ говоритъ о нихъ не потому, чтобы онъ вѣрилъ въ нихъ, а потому, что они являлись нѣкоторымъ факторомъ, съ которымъ историку приходилось считаться: тогдашняя масса вѣрила въ оракула и предзнаменованія, придавала имъ большое значеніе, была подъ ихъ вліяніемъ. Θукидидъ признаетъ фактъ ихъ вліянія на массу; онъ отмѣчаетъ напр. (II, 8), что въ виду войны общество, тревожно настроенное, особенно воспріимчиво было въ этомъ отношеніи, особенно искало и вѣрило изреченіямъ и предзнаменованіямъ; но самъ историкъ такой вѣры, очевидно, не раздѣлялъ. Онъ относился скептически къ разнымъ изреченіямъ и чудесамъ. По его словамъ, изъ всѣхъ предсказаній вѣрно сбылось только одно — относительно срока, въ теченіе котораго должна была продолжаться война (V, 26).

Нѣкоторыя изреченія вызвали со стороны Θукидида очень мѣткія критическія замѣчанія. Такъ, въ началѣ войны, въ виду вторженія пелопоннесцевъ, аѳиняне заняли такъ назыв. „Пеласгикъ“, вопреки грозившему за это проклятію и запрещенію оракула, по которому „Пеласгику лучше было быть незанятымъ“. По мнѣнію Θукидида, оракулъ исполнился, но въ обратномъ смыслѣ: несчастье постигло Аѳины не потому, что Пеласгикъ былъ заселенъ, но самая нужда въ заселеніи возникла вслѣдствіе войны; оракулъ войны не называлъ, но предвидѣлъ, что при счастливыхъ

---

[1]) См. его замѣчанія по поводу чумы (II, 52—53) и событій на Керкирѣ (III, 82 сл.).

[2]) Ср. Classen, стр. LVIII сл.; Ranke, Weltgesch., I, 2 Abth., S. 45; Hermenjat, Les dieux et l'homme chez Thucyd. Lausanne. 1888; Meuss, Thukyd. und die religiöse Aufklärung (N. Jahrb., 145 B.).

обстоятельствахъ мѣстность эта никогда не будетъ занята (II, 17). Или, напр., когда чума свирѣпствовала внутри Аѳинъ, а внѣ ихъ непріятель опустошалъ поля, аѳиняне вспомнили о предсказаніи, гласившемъ, что „придетъ дорянская воина и чума (*λοιμός*) вмѣстѣ съ нею". Былъ споръ: говорили, что древніе употребляли слово не *λοιμός* (чума), а *λιμός* (голодъ), но теперь восторжествовало первое мнѣніе; ибо люди, замѣчастъ Ѳукидидъ, свои воспоминанія приспособляли къ тому, что̀ претерпѣли, и „я думаю, что если когда-нибудь настанетъ другая дорянская война и съ нею совпадетъ голодъ (*λιμός*), то, по всей вѣроятности, такъ и будутъ произносить" (II, 54)

Ѳукидидъ сообщаетъ и о землетрясеніяхъ и затменіяхъ, но не придаетъ имъ значенія чуда или предзнаменованія. Онъ отмѣчаетъ, что Никій былъ слишкомъ склоненъ вѣрить подобнымъ предзнаменованіямъ (VII, 50). Самъ Ѳукидидъ знаетъ, что солнечныя затменія могутъ происходить только въ новолуніе (II, 28), а лунныя—въ полнолуніе (VII, 50).

По Ѳукидиду, не гадатели, не предзнаменованія и оракулы, а умъ и знаніе могутъ предусматривать будущее. Такъ Периклъ обнаружилъ прозорливость относительно войны аѳинянъ съ пелопоннесцами (II, 65).

Но придавалъ ли значеніе Ѳукидидъ отдѣльной личности въ историческомъ процессѣ?

Личность у Ѳукидида

Недавно Брунсомъ [1]) было высказано мнѣніе, что Ѳукидидъ считалъ это значеніе ничтожнымъ, что въ своемъ изложеніи онъ лишь немногихъ лицъ надѣлялъ индивидуальными чертами, да и въ ихъ характеристикахъ былъ крайне скупъ на краски, ограничиваясь только самымъ необходимымъ, и что такъ онъ поступалъ преднамѣренно, сознательно, такъ какъ по его воззрѣнію историческое развитіе обусловливается не дѣятельностью отдѣльныхъ лицъ, а эволюціей массъ, и самая дѣятельность эта—лишь продуктъ болѣе глубоко лежащихъ общихъ условій и отношеній. Въ отвѣтъ на это не безъ основанія указываютъ [2]) на отношеніе Ѳукидида къ Ѳемистоклу (I, 135 сл.) и къ Периклу (II, 65) и возражаютъ, что историкъ, который такъ съумѣлъ оцѣнить Ѳемистокла и дать такую характеристику Перикла,—который открыто выска-

---

[1]) Das lit. Portr., стр. 4, 64—5.

[2]) A. Bauer, Die Forschungen, стр. 186; C. Wachsmuth, Ueber Ziele u. Methoden der gr. Geschichtschr., стр. 10—11.

зываетъ мысль, что дѣятельность Перикла фактически сдѣлала демократію на время лишь простою формою,—этотъ историкъ не могъ считать роль личности въ исторіи ничтожною.

Зато несомнѣнно, что Θукидидъ отрицательно относился къ анекдотическому элементу. У него анекдоты совершенно отсутствуютъ. Въ этомъ опять выразился его критицизмъ и серьезность; подобнаго рода черты и подробности онъ, очевидно, считалъ малодостовѣрными, а главное — слишкомъ неважными, мелкими, недостойными труда, который долженъ былъ служить „достояніемъ на-вѣки". И въ своихъ немногихъ характеристикахъ Θукидидъ не касается частной, личной жизни историческихъ дѣятелей. По всей вѣроятности, онъ полагалъ, что это и не входитъ въ задачу исторіи.

Въ историческомъ дѣятелѣ Θукидидъ выше всего ставилъ умъ [1]), способность составлять ясное и правильное сужденіе о положеніи дѣлъ и такимъ образомъ предусматривать будущее. Но судитъ онъ о государственномъ дѣятелѣ не съ точки зрѣнія конечнаго успѣха [2]), и хотя начатая при Периклѣ война въ концѣ концовъ привела къ катастрофѣ, тѣмъ не менѣе онъ восхваляетъ великаго вождя аѳинской демократіи и преклоняется предъ нимъ. Напротивъ, Клеонъ взялъ Сфактерію и сдержалъ данное обѣщаніе, но это не мѣшаетъ Θукидиду все-же считать его легкомысленнымъ и сумасброднымъ (IV, 28, 39).

Политическія воззрѣнія.

Обратимся къ политическимъ воззрѣніямъ Θукидида.

Нѣкоторые [3]) говорятъ, что Θукидиду нельзя приписывать склонности къ какой-нибудь опредѣленной формѣ правленія; что всѣ существующія государственныя формы историкъ признавалъ и имѣющими право на существованіе, ни одной изъ нихъ не отдавая преимущества; что всякій строй въ его глазахъ былъ хорошъ, лишь бы онъ удовлетворялъ нуждамъ страны, соотвѣтствовалъ условіямъ народной жизни. До нѣкоторой степени это вѣрно, по крайней мѣрѣ въ томъ смыслѣ, что Θукидидъ въ каждомъ сложившемся строѣ видѣлъ, конечно, продуктъ историческаго развитія, обусловленный извѣстными причинами, и что онъ не былъ узкимъ доктринеромъ, а смотрѣлъ больше на сущность,

---

[1]) νοῦς, διάνοια, преимущественно — γνώμη и ξύνεσις; см. Classen, стр. LXII сл; Croiset, II, 122

[2]) Ср. Bruns, стр. 68.

[3]) Напр. Girard, стр. 254; Welzhofer, стр. 155.

чѣмъ на форму, и былъ врагъ крайней партійности. Изображая ожесточенную борьбу противоположныхъ партій на о. Керкирѣ, онъ указываетъ, какъ тяжело было среди этихъ фанатиковъ и карьеристовъ положеніе тѣхъ, кто не примыкалъ ни къ той, ни къ другой сторонѣ (III, 82). Тѣмъ не менѣе у Θукидида были свои политическія воззрѣнія [1]), на которыя есть ясныя указанія въ его трудѣ, не смотря на всю его объективность.

Уже по самому происхожденію и соціальному положенію Θукидидъ принадлежалъ не къ демосу, а къ аристократамъ. Онъ былъ связанъ съ ними тѣсными узами (см. выше, стр. 80—81). Конечно, знатность происхожденія еще не исключаетъ демократическаго образа мыслей: мы знаемъ немало лицъ въ исторіи не одной только Греціи, которыя, выйдя изъ рядовъ аристократіи, являлись сторонниками и даже вождями демократіи. Но изъ собственныхъ словъ Θукидида видно, что во всякомъ случаѣ онъ не питалъ сочувствія къ демократіи, по крайней мѣрѣ — къ неограниченной. О демосѣ онъ нелестнаго мнѣнія. Мы неразъ встрѣчаемъ у него презрительные отзывы объ измѣнчивости и непостоянствѣ толпы [2]). Правда, самыя рѣзкія и наименѣе лестныя сужденія объ аѳинскомъ демосѣ вложены Θукидидомъ въ уста Клеона [3]), но въ сущности они сходятся съ собственными замѣчаніями историка. А устами Алкивіада Θукидидъ отзывается о демократіи, какъ о такой формѣ правленія, которой люди мыслящіе знали цѣну, и называетъ ее „общепризнаннымъ безуміемъ“, о которомъ нельзя и сказать ничего новаго [4]). Демагоги ему антипатичны. Стоитъ только вспомнить его отношеніе къ Клеону. Но главное—это извѣстное выраженіе Θукидида въ 97 гл. VIII кн.: по поводу сверженія олигархіи Четырехсотъ и возстановленія очень умѣренной демократіи, съ передачей власти 5000 граж-

[1]) Ср. Ed. Lange, Thukyd. und die Parteien (Philol., LII, 1893). Θ. Г. Мищенко, вопреки обычному мнѣнію, старается доказать „демократизмъ Θукидида въ политикѣ“ (кромѣ „Послѣсловія“, стр. CXLV сл., см. ст. „Θукидидъ—сторонникъ аѳинской демократіи“, „Ж. М. Нар. Пр.“, 1890, авг.). Возраженія противъ этого - въ моей ст. „Къ вопр. о политич. демократизмѣ Θук.“ („Ж. М. Нар. Пр.“, 1890, декабрь).

[2]) II, 65; IV, 28; VI, 63; VIII, 1.

[3]) Θ. Г. Мищенко, l. c.

[4]) VI, 89: ἐπεὶ δημοκρατίαν γε καὶ ἐγιγνώσκομεν οἱ φρονοῦντες τι.... ἀλλὰ περὶ ὁμολογουμένης ἀνοίας οὐδὲν ἂν καινὸν λέγοιτο. Что эти слова можно считать выраженіемъ мысли самого Θукидида, см. Белохъ, Ист. Гр., II, 22—23; E. Meyer, Forschungen, II, 373.

данамъ, къ которымъ принадлежали всѣ имѣвшіе тяжелое вооруженіе, т. е. болѣе состоятельные, съ отмѣной платы за службу государству и т. д., онъ открыто и вполнѣ категорически заявляетъ, что это была лучшая форма правленія изъ существовавшихъ въ его время, ибо являлась умѣреннымъ соединеніемъ олигархіи и демократіи.

Итакъ, не демократія временъ Пелопоннесской войны до олигархическаго переворота 411 г., не строй Периклова времени, а крайне умѣренная демократія Пяти тысячъ,—вотъ что наиболѣе соотвѣтствовало политическому идеалу знаменитѣйшаго историка древности [1]). Съ этимъ можно сопоставить и его замѣчаніе о томъ, что Спарта управлялась хорошими законами (I, 18).

---

[1]) καὶ οὐχ ἥκιστα δὴ τὸν πρῶτον χρόνον ἐπί γ' ἐμοῦ Ἀθηναῖοι φαίνονται εὖ πολιτεύσαντες· μετρία γὰρ ἥ τε ἐς τοὺς ὀλίγους καὶ τοὺς πολλοὺς ξύγκρασις ἐγένετο. Θ. Г Мищенко τὸν πρῶτον χρόνον понимаетъ не въ смыслѣ „впервые", „въ первый разъ" (какъ понимаютъ напр Германъ и Классенъ), а въ въ смыслѣ—„первое время" (такъ и Lange, Thuk. u die Part., Philol., LII, 619). Но сущность отъ этого не мѣняется. Вся суть заключается не въ только-что упомянутомъ выраженіи, а въ οὐχ ἥκιστα.... ἐπί γ' ἐμοῦ .. φαίνονται εὖ πολιτεύσαντες, и какъ бы мы ни переводили слова τὸν πρῶτον χρόνον,—относительно взгляда Θукидида на установленную въ 411 г крайне умѣренную демократію сомнѣнія быть не должно; въ этомъ отношеніи смыслъ фразы ясенъ и опредѣленъ какъ нельзя лучше. Если принять толкованіе Θ. Г. Мищенка, то все-таки окажется, что—хотя бы только и на первыхъ порахъ—ограниченная демократія Пяти тысячъ была въ глазахъ историка лучшею формою правленія въ Аѳинахъ изъ существовавшихъ при его жизни, а такъ какъ Θукидидъ въ началѣ Пелопоннесской вейны былъ уже въ зрѣломъ возрастѣ (V, 26, ср. I, 1), то, слѣдовательно,—лучшею, чѣмъ и строй Периклова времени. Именно слова ἐπί γ' ἐμοῦ, которыя Θ. Г. Мищенко переводитъ: „за моей памяти", и которыми, по его мнѣнію, ограничиваются похвалы правленію Пяти тысячъ, на мой взглядъ сообщаютъ всей фразѣ еще болѣе опредѣленности и еще рѣзче оттѣняютъ ея настоящій смыслъ. Стараясь умалить значеніе разсматриваемыхъ словъ Θукидида для опредѣленія его политическихъ воззрѣній, Θ. Г. Мищенко ссылается на то, что слова эти слишкомъ кратки и что VIII книга вообще дошла до насъ въ неоконченномъ и необработанномъ видѣ. Такая ссылка имѣла бы основаніе, если бы общій смыслъ разбираемыхъ выраженій былъ дѣйствительно теменъ или допускалъ различныя, противоположныя толкованія. Но въ данномъ случаѣ этого нѣтъ, если не считать частностей и оттѣнковъ, краткость же и необработанность сами по себѣ тутъ ничего еще не значатъ. Напротивъ, за отсутствіемъ подробныхъ указаній на взгляды историка, приходится особенно дорожить и случайными, краткими замѣтками. Необработанности же VIII кн., какъ полагалъ еще Рошеръ, мы именно обязаны тѣмъ, что здѣсь Θукидидъ сравнительно чаще высказываетъ свои личные взгляды и, такъ сказать, проговаривается; при болѣе тщательной обработкѣ всѣ такія выраженія, которыя носятъ

Въ доказательство демократическихъ симпатій Ѳукидида иногда указываютъ на его отзывы о Периклѣ. Говорятъ: „противникомъ народоправства не можетъ быть писатель, который такъ возвеличилъ Перикла“ [1]). Но какія стороны въ дѣятельности знаменитаго вождя аѳинскаго демоса онъ такъ восхваляетъ въ извѣстной характеристикѣ, въ 65 гл. II кн.? Не расширеніе правъ и вліянія демоса, не дальнѣйшее ограниченіе ареопага, не введеніе платы геліастамъ и т. под., а то, что Периклъ правилъ умѣренно, сдерживалъ демосъ, не льстилъ и не подчинялся толпѣ; то, что при немъ только по имени была демократія, на дѣлѣ же господство лучшаго мужа; послѣдующимъ же вождямъ Ѳукидидъ ставитъ въ упрекъ именно то, что они въ угоду демосу стали предоставлять ему всѣ дѣла. Сочувствія Ѳукидида чистой, неограниченной демократіи, такому порядку, когда вся власть и вліяніе фактически принадлежатъ массѣ или большинству, здѣсь не видно: историкъ сочувствуетъ Периклу именно потому, что при немъ демократія существовала лишь номинально, что въ дѣйствительности она превратилась въ нѣчто другое — въ своего рода монархію, въ „правленіе лучшаго мужа“. Демократическій строй того времени самъ по себѣ не былъ по душѣ Ѳукидиду, и недостатки его, съ точки зрѣнія историка, не были замѣтны или вредны, благодаря только тому, что на самомъ дѣлѣ властвовалъ Периклъ. Не говорю уже о томъ, что Ѳукидидъ могъ питать къ послѣднему личную симпатію, какъ къ натурѣ, до нѣкоторой степени ему родственной по духу.

Въ сущности единственнымъ—но, нужно сознаться, довольно вѣсскимъ — аргументомъ въ пользу мнѣнія о демократическихъ симпатіяхъ Ѳукидида могла бы служить надгробная рѣчь Перикла, которая является въ значительной степени произведеніемъ самого историка и въ которой, какъ извѣстно, идеализируются всѣ свѣтлыя стороны аѳинской демократіи: свобода и равноправіе; предпочтеніе, отдаваемое не знатности происхожденія, а только способностямъ; отсутствіе презрѣнія къ бѣдняку, чувство законности,

---

субъективный характеръ, историкъ, быть можетъ, постарался бы сгладить или совсѣмъ уничтожить, хотя бы его взглядъ на вещи и не мѣнялся.—Я считалъ необходимымъ подробно остановиться на мнѣніи о „политическомъ демократизмѣ“ Ѳукидида потому, что оно принадлежитъ такому знатоку, какъ Ѳ. Г. Мищенко.

[1]) Ѳ. Г. Мищенко, Послѣсловіе, стр. CXLIX.

свободное, добровольное повиновеніе гражданъ властямъ и законамъ, особенно тѣмъ, которые служатъ защитою слабыхъ; гуманность аѳинянъ, ихъ любовь къ прекрасному, вмѣстѣ съ простотой, и къ умственной дѣятельности, но безъ изнѣженности; высокое развитіе эстетическихъ удовольствій, зрѣлищъ, празднествъ, торжественныхъ жертвоприношеній, и въ то же время отвращеніе аѳинянъ къ праздности, ихъ энергія и неутомимая дѣятельность; наконецъ, ихъ могущество. Но этотъ своего рода апоѳеозъ Аѳинъ все-же вложенъ въ уста Перикла, задача котораго могла состоять именно въ идеализаціи аѳинскаго демоса, и чрезвычайно трудно выдѣлить въ этой рѣчи то, что́ говорилось ораторомъ [1]), и то, что́ составляетъ композицію самого историка. Затѣмъ, и здѣсь можно подмѣтить ту же мысль, что́ и въ характеристикѣ Перикла, а именно, что въ Периклово время, при равенствѣ правъ всѣхъ гражданъ, руководящее вліяніе и власть фактически принадлежали только способнѣйшимъ и достойнѣйшимъ, что это было народовластіе скорѣе лишь по имени. А главное — наряду съ этою рѣчью имѣются, какъ мы видѣли, такія указанія и заявленія непосредственно самого Ѳукидида, которыя не оставляютъ никакого сомнѣнія относительно его политическихъ симпатій и которыя никакъ не позволяютъ намъ считать его сторонникомъ радикальной демократіи.

Нѣкоторые готовы приписывать Ѳукидиду даже рѣшительно олигархическія симпатіи. Основаніемъ тутъ служатъ отзывы историка объ Антифонтѣ и другихъ дѣятеляхъ олигархическаго переворота 411 г. (VIII, 68, 27). Но такъ далеко заходить нельзя: Ѳукидидъ могъ воздавать лишь должное личнымъ качествамъ, уму и талантамъ олигарховъ; изъ всего же его разсказа о переворотѣ 411 г. видно, что онъ не сочувствуетъ дѣлу и способу дѣйствій олигархической партіи (см. напр. VIII, 89).

Итакъ, Ѳукидидъ не былъ олигархомъ; онъ сочувствовалъ не чистому народовластію, а ограниченному, какъ напр. демократія Пяти тысячъ.

Объективность.

Ѳукидидъ рѣдко высказываетъ свои личныя мнѣнія; обыкновенно онъ избѣгаетъ говорить отъ себя: онъ заставляетъ говорить самые факты. Но, конечно, Ѳукидидъ не могъ быть совершенно свободенъ отъ мотивовъ субъективныхъ, тѣмъ болѣе, что онъ былъ современникомъ большей части описываемыхъ имъ событій,

[1]) Хотя бы и по другому поводу; см. выше, стр. 91.

а это имѣетъ и свою невыгодную сторону: онъ стоялъ среди борьбы партій, писалъ о людяхъ, съ которыми вступалъ въ тѣ или другія отношенія, и у него, разумѣется, были свои симпатіи и антипатіи. Онъ, очевидно, враждебно относится къ Клеону, говоритъ о немъ съ презрѣніемъ или негодованіемъ, и слишкомъ благосклонно отзывается о Никіи (VII, 86); съ большимъ сочувствіемъ, можно сказать — съ любовью, рисуетъ онъ личность Брасида; не говорю уже объ его уваженіи и симпатіи къ Периклу. И мы имѣемъ основаніе нѣсколько недовѣрчиво относиться къ его отзывамъ о Никіи и Клеонѣ: о первомъ, какъ главѣ партіи аристократической, Ѳукидидъ могъ отзываться лучше, чѣмъ тотъ заслуживалъ, а демократическая натура и, такъ сказать, „плебейство“ втораго были ему глубоко антипатичны, и потому къ нему онъ могъ быть слишкомъ строгъ, не говоря уже о высказываемомъ нѣкоторыми историками предположеніи, что именно Клеонъ былъ главнымъ виновникомъ его изгнанія и что Ѳукидидъ въ отношеніи къ нему руководился личной злобой и враждой (Гротъ, Онкенъ).

И все-таки по объективности, безпристрастію Ѳукидидъ стоитъ вообще чрезвычайно высоко. Его характеризуетъ любовь къ истинѣ [1]). Его добросовѣстность въ изложеніи фактовъ такова, что съ помощью имъ же сообщаемыхъ данныхъ можно иногда провѣрить и даже опровергнуть его взглядъ или отзывъ [2]). Такъ, на основаніи свѣдѣній, которыми мы обязаны Ѳукидиду же, мы можемъ составить себѣ нѣсколько иное представленіе о Клеонѣ [3]).

Ѳукидидъ прославилъ Перикла, написавъ характеристику его, которую Нибуръ называетъ памятникомъ, воздвигнутымъ знаменитымъ историкомъ знаменитому государственному человѣку Аѳинъ; но мы не найдемъ у него простаго панегирика Периклу: о военныхъ дѣйствіяхъ послѣдняго историкъ говоритъ съ большою умѣренностію. Для примѣра сравнимъ разсказъ Ѳукидида (I, 111) объ экспедиціи Перикла въ Коринѳскій заливъ со словами Плутарха (Pericl., 19) и даже, пожалуй, Діодора о томъ-же (XI,

---

[1]) Еще Цицеронъ называлъ Ѳукидида „rerum gestarum pronunciator sincerus et grandis“ („Brut.“, 83), а Маркеллинъ называетъ его „жрецомъ истины“ (28).

[2]) Ср. Ѳ. Г. Мищенко, Послѣсловіе, стр. CC—CCII.

[3]) Въ оцѣнкѣ Клеона съ Ѳукидидомъ расходятся напр. Гротъ, Онкенъ, у насъ—Грановскій и друг. Ср Budinger, Kleon bei Thukyd. (Sitz.-ber. d. Ak. d. Wiss. Wien. 1880).

85; ср. 88): Θукидидъ сообщаетъ тутъ лишь фактическія данныя, безъ всякихъ хвалебныхъ замѣчаній; неудачи Перикла онъ не скрываетъ; онъ прямо говоритъ, напр., что Периклъ осаждалъ Ойніады, но не взялъ.

Аристократъ по происхожденію и по положенію, далеко не сторонникъ крайней демократіи, Θукидидъ не скрываетъ дурныхъ поступковъ олигарховъ и устами Перикла рисуетъ величественный идеалъ аѳинской демократіи. Онъ съумѣлъ оцѣнить не только Перикла, который, по его мнѣнію, сдерживалъ демосъ, но и Ѳемистокла, который, по его же словамъ (I, 93), первый отважился сказать, что слѣдуетъ держаться моря, а, вѣдь, съ господствомъ на морѣ неразрывно связанъ былъ дальнѣйшій ростъ демоса. Самъ аѳинянинъ, онъ высоко цѣнитъ и ярко выставляетъ заслуги ихъ врага, защитника Сиракузъ, Гермократа, и относится съ полнымъ безпристрастіемъ къ спартанцамъ. Ему одинаково чужды и то отвращеніе, которое питали къ Спартѣ его демократическіе современники, и то пристрастіе, та „лакономанія“, которыми отличались послѣдующіе аѳинскіе философы и историки. Θукидидъ открыто признаетъ неотъемлемыя достоинства лакедемонянъ и ихъ законовъ; къ нѣкоторымъ изъ спартанцевъ, напр., какъ мы видѣли, къ Брасиду и даже къ Архидаму, онъ относится съ явною симпатіей. Но онъ не скрываетъ и недостатковъ Спарты, говоритъ о ея жестокихъ поступкахъ, подобно тому, какъ онъ говоритъ о такихъ поступкахъ и со стороны аѳинянъ. „Его врожденная способность“, замѣчаетъ Ранке, „—быть справедливымъ по отношенію къ обѣимъ сторонамъ“ [1]). То же безпристрастіе у Θукидида и по отношенію къ другимъ городамъ Греціи. Вспомнимъ, съ какимъ драматизмомъ описываетъ онъ осаду и несчастную судьбу Платеи; можно, пожалуй, подмѣтить вообще его сочувствіе къ послѣдней, и однако это не мѣшаетъ ему прямо говорить о ѳиванцахъ, заклятыхъ врагахъ Аѳинъ и Платеи, что они, вторгнувшись-было въ Платейскую область, отскупили, не причинивъ вреда, а о платейцахъ сообщать, что они умертвили попавшихъ къ нимъ въ руки ѳиванцевъ.

---

[1]) I, 2, 48.—Анонимный біографъ Θукидида считаетъ его другомъ Спарты и врагомъ Аѳинъ (4), а схоліастъ (къ I, 10 и 22; см. въ изд. Didot, p. 16, 18)—наоборотъ. Уже это противорѣчіе, какъ справедливо говоритъ Вельцгоферъ, отчасти показываетъ, что въ дѣйствительности Θукидидъ не былъ ни тѣмъ, ни другимъ.

Вынужденный удалиться въ изгнаніе, Θукидидъ не относится однако съ ненавистью и злобой къ своему родному городу. Вообще, тамъ, гдѣ историкъ говоритъ о своей неудачѣ подъ Амфиполемъ, ярче и рельефнѣе всего обнаруживается его объективность. При оцѣнкѣ Θукидида приходится нерѣдко жалѣть, что мы не имѣемъ болѣе точныхъ свѣдѣній о немъ, какъ человѣкѣ, о его нравственныхъ качествахъ; знаніе этихъ качествъ значительно облегчало бы и рѣшеніе вопроса о степени достовѣрности его, какъ источника, какъ свидѣтеля-очевидца. Нравственный обликъ историка остается возстановлять на основаніи лишь его труда. И тутъ то спокойствіе, та простота и краткость, съ которыми говоритъ Θукидидъ о себѣ и о своей неудачѣ, бросаетъ яркій свѣтъ и на его личность: человѣкъ заурядный на его мѣстѣ старался бы всячески оправдать и выгородить себя, старался бы очернить своего товарища по командѣ, Евкла, свалить на него всю вину и затѣмъ въ послѣдующемъ изложеніи излилъ бы свой гнѣвъ и злобу на своихъ „неблагодарныхъ“ соотечественниковъ. Ничего подобнаго мы не видимъ у Θукидида!

Θукидидъ и современная критика

Послѣ всего этого неудивительно, если мы встрѣчаемъ самые хвалебные отзывы о Θукидидѣ. По мнѣнію Канта, Θукидидъ—основатель истинной исторіи [1]). По Нибуру, „Пелопоннесская война безсмертнѣйшая изъ всѣхъ войнъ, потому что она нашла себѣ величайшаго историка изъ всѣхъ когда-либо жившихъ“. К. О. Миллеръ говоритъ, что, быть можетъ, ни одинъ отдѣлъ всеобщей исторіи не освѣщенъ такъ ясно, какъ тѣ 20 лѣтъ Пелопоннесской войны, описаніе которыхъ оставилъ намъ Θукидидъ. Изъ новѣйшихъ ученыхъ укажу на К. Ваксмута и Э. Мейера: Ваксмутъ [2]) называетъ Θукидида „несомнѣнно первымъ историкомъ эллиновъ“, „на чисто греческой почвѣ единственнымъ, который въ полномъ смыслѣ можетъ предъявлять притязаніе на имя великаго историка“; а по словамъ Э. Мейера [3]), Θукидидъ—несравненный и недостижимый учитель историографіи; его произведеніе будетъ жить, пока человѣческая культура поддерживаетъ связь съ своимъ прошлымъ; какъ историкъ, излагающій современныя ему событія, Θукидидъ имѣетъ преемниковъ; но какъ критикъ, онъ стоитъ совершенно изолированнымъ; на тотъ путь, ко-

---

[1]) Ср. выше, стр. 80, прим. 2.

[2]) Въ Einleitung z. alten Gesch., стр. 529.

[3]) Gesch. d. Alterth., II, 14; Forschungen, II, 369.

торый онъ показалъ, въ древности никто не отважился снова вступить. Не говорю уже объ авторахъ спеціальныхъ монографій, посвященныхъ Θукидиду,—Рошерѣ, Жирарѣ, Вельцгоферѣ— и объ его издателяхъ и комментаторахъ, которые отзываются восторженно о немъ и слѣпо вѣрятъ въ его непогрѣшимость.

Вообще долгое время господствовало преклоненіе предъ авторитетомъ величайшаго историка древности и читатель, принимаясь за Θукидида, по выраженію Гербста [1]), „чувствовалъ себя, можно сказать, столь же покойнымъ, какъ на лонѣ Авраамлемъ".

Но уже въ 30-хъ годахъ истекшаго столѣтія встрѣчаются нападки на Θукидида. Такъ—Огинскій [2]) утверждалъ, что Θукидидъ не истинный историкъ, а пристрастный сочинитель мемуаровъ въ родѣ тѣхъ, какихъ такъ много было во Франціи. Другой авторъ [3]) доказывалъ, что Θукидидъ полонъ пристрастія, но пристрастія чрезвычайно тонко и искусно скрытаго, а такъ какъ подобное искаженіе истины гораздо труднѣе открыть, чѣмъ грубую и неискусную ложь, сразу бросающуюся въ глаза, то выходитъ, что напр. Θеопомпъ, какъ историкъ, долженъ быть поставленъ выше Θукидида. Но настоящій часъ строгой, безпощадной критики для Θукидида насталъ съ 70-хъ годовъ XIX в., со времени появленія трудовъ Мюллера-Штрюбинга [4]). Неосновательность большей части этихъ нападеній въ настоящее время достаточно обнаружена [5]); но такъ какъ они характеризуютъ то направленіе, которое еще недавно господствовало въ научной литературѣ, и такъ какъ тутъ затрогиваются отчасти принципіальные вопросы, касающіеся основныхъ пріемовъ исторической критики, то я остановлюсь на нихъ нѣсколько подробнѣе.

Мюллеръ-Штрюбингъ началъ съ обвиненій Θукидида въ субъективности, въ сокрытіи истины (suppressio veritatis), въ своего рода іезуитской казуистикѣ (reservatio mentalis), въ умышленной

---

[1]) См. Θ. Г. Мищенко, Послѣсловіе, стр. CCXIV.

[2]) Pericles et Plato. Vratisl. 1837 (Dissert.).

[3]) Schmidt, въ статьѣ, появившейся въ 1837 г. (См. Vischer, Kl. Schr., I, 417).

[4]) См. выше, стр. 78, прим. 2.

[5]) Θ. Г. Мищенко, Послѣсловіе, стр. CCXIV сл.; В. Бузескулъ, Периклъ, стр. 404 сл.; A. Bauer, Thukydides und H. Müller-Strübing. Ein Beitrag zur Geschichte der philologischen Methode. Nördlingen. 1887; Lange, Zur Frage uber die Glaubwürdigkeit d. Thukyd. (N. Jahrb. 1887, стр. 721 сл.), и друг.

неясности въ нѣкоторыхъ случаяхъ съ цѣлью своими сообщеніями не дать читателю понять истинную связь событій и скорѣе сбить его съ толку, нежели разъяснить ему явленія внутренней жизни тогдашнихъ Аѳинъ, и т. под. Обвиненія эти впервые высказалъ онъ въ своей книгѣ „Aristophanes und die historische Kritik“, вышедшей въ 1873 г. При всемъ томъ однако онъ здѣсь признавалъ въ Ѳукидидѣ натуру глубокую, видѣлъ у него невольное стремленіе къ истинѣ, именно и заставлявшее его не вполнѣ утаивать правду, а лишь затемнять ее, прибѣгать къ reservatio mentalis и другимъ замысловатымъ уловкамъ, чтобы, такъ сказать, оправдать себя предъ своею-же „историческою совѣстью“. Ничто не было такъ чуждо Ѳукидиду, замѣчаетъ между прочимъ Мюллеръ-Штрюбингъ, какъ мелочное тщеславіе. Вообще тогда еще Ѳукидидовъ трудъ въ его глазахъ оставался все-таки важнѣйшимъ источникомъ для знакомства съ политическимъ состояніемъ Греціи во время Пелопоннесской войны. Мюллеръ-Штрюбингъ, по собственнымъ словамъ, возставалъ тутъ только противъ нелѣпаго убѣжденія, будто возможно, чтобы человѣкъ, участвовавшій въ политической борьбѣ своего времени, далъ изображеніе этой борьбы и дѣйствовавшихъ въ ней лицъ вполнѣ безпристрастное, чуждое всякой предвзятой мысли, чуждое симпатій и антипатій.

Но на этомъ Мюллеръ-Штрюбингъ не остановился. Въ „Thukydideische Forschungen“ (Wien. 1881) онъ открываетъ слѣды дѣятельности „кровожаднаго интерполятора“, испещрившаго текстъ Ѳукидида вставками, и заходитъ ужъ такъ далеко, что называетъ Ѳукидидово произведеніе „военно-дидактической эпопеей“, „военной новеллой“. Эту мысль онъ особенно развиваетъ въ двухъ дальнѣйшихъ своихъ статьяхъ [1]). Почему, напр., Ѳукидидъ начало Пелопоннесской войны ведетъ съ нападенія ѳиванцевъ на Платею? просто потому, что для Архидамовой войны ему надо было получить круглое, такъ сказать, эпическое, число лѣтъ, а такимъ являлось именно число 10: вѣдь, описываемая имъ война не могла же продолжаться меньше, чѣмъ Троянская! Кромѣ того у Ѳукидида тутъ было еще и основаніе художественное, эстетическое: болѣе блестящаго и эффектнаго начала нельзя было и придумать для войны. Ѳукидидъ, значитъ, поступилъ такъ „ради романти-

[1]) Das erste Jahr des Peloponn. Krieges (N. Jahrb., 1883, стр. 577 сл., 657 сл.) и Die Glaubwurdigkeit des Thukydides geprüft an seiner Darstellung der Belagerung von Plataia (N. Jahrb., 1885, стр. 289 сл.).

ческо-поэтическаго интереса". Вообще, по словамъ Мюллера-Штрюбинга, историкъ или, точнѣе, „разсказчикъ" заимствовалъ свой матеріалъ изъ дѣйствительности, но что касается связи, мотивировки и подробностей,—обращался съ данными фактами такъ же совершенно свободно, какъ эпическій или трагическій поэтъ. По поводу Ѳукидидова описанія того, какъ платейцы прорвались сквозь линію осаждавшихъ ихъ враговъ. Мюллеръ-Штрюбингъ восклицаетъ: „И отъ насъ требуютъ, чтобы мы удивлялись этой каррикатурѣ на осаду, этому жалкому продукту фантазіи, менѣе всего живой, дѣятельной, творческой!" На этотъ разъ въ описаніи платейской осады у Ѳукидида онъ видитъ трактатъ объ осадной войнѣ, гдѣ излагается теорія осаднаго искусства, а не изображеніе дѣйствительно происходившей осады [1]). Наконецъ, въ статьѣ „Die Korkyräischen Handel bei Thukydides", помѣщенной въ „N. Jahrb." за 1886, Мюллеръ-Штрюбингъ называетъ ужъ Ѳукидида „чисто-теоретическимъ доктринеромъ" и „педантомъ".

Но развѣ это не противорѣчіе—считать Ѳукидида то поэтомъ, хотя бы и дидактическимъ, то доктринеромъ, педантомъ, профессоромъ (sic), который видитъ свое призваніе въ томъ, чтобы быть учителемъ современниковъ и потомства, естественное влеченіе котораго—давать всевозможныя наставленія („an seinen beruf, ein lehrer zu sein der mitlebenden sowohl wie der nachwelt..."; „belehren, unterrichten will er, musz er, das ist sein naturtrieb—über alles mögliche", „N. J.", 1886, стр. 632)? Уже эти безконечныя перемѣны въ мнѣніяхъ способны внушить сильное недовѣріе къ тому, что̀ утверждаетъ Мюллеръ-Штрюбингъ. Такія перемѣны лучше всего показываютъ всю шаткость его гипотезъ. Какое мы можемъ питать довѣріе къ положительнымъ выводамъ автора, если онъ самъ безпрестанно видоизмѣняетъ ихъ, если онъ самъ нѣкоторыя изъ своихъ положеній называетъ впослѣдствіи иллюзіями, какъ дѣлаетъ это Мюллеръ-Штрюбингъ относительно своей теоріи интерполяцій?

И не удивительно ли? тотъ историкъ, котораго мы до сихъ поръ—и, казалось, съ полнымъ основаніемъ—представляли себѣ прагматикомъ и раціоналистомъ по-преимуществу, постаравшимся,

---

[1]) Сомнѣнія относительно точности и достовѣрности описанія осады Платеи у Ѳукидида высказаны были еще Коксомъ и Paley; нѣкоторыя сомнѣнія проглядываютъ и у Manso. Опроверженія см. у Grundy, The topography of the battle of Plataea. 1894.

напр., трезво и критически отнестись къ миѳамъ и преданіямъ, человѣкомъ, одареннымъ глубокимъ, чисто государственнымъ умомъ, врагомъ вымысловъ и поэтическихъ прикрасъ,—этотъ историкъ у Мюллера-Штрюбинга превращается вдругъ въ поэта! Вѣдь, самъ Ѳукидидъ, какъ мы видѣли, противополагаетъ свое отношеніе къ древнѣйшимъ событіямъ и вообще свой трудъ именно произведеніямъ какъ поэтовъ, такъ и логографовъ. Утверждая, что трудъ Ѳукидида—не точная исторія, а „эпопея", Мюллеръ-Штрюбингъ, очевидно, смѣшиваетъ поэтическій вымыслъ съ пластичностью и рельефностью, яркою изобразительностью въ описаніяхъ событій, т. е. съ такими качествами, которыя отличаютъ и произведенія нѣкоторыхъ новѣйшихъ историковъ и которыя составляютъ скорѣе ихъ достоинство, а не недостатокъ, служа печатью истиннаго таланта. Если стать на его точку зрѣнія, то можно серьезно доказывать, что, напр., произведенія О. Тьерри, Маколея, „Римская исторія" Моммзена, лекціи Грановскаго, монографіи Костомарова—вовсе не историческіе труды, а ни что иное, какъ эпосъ. Мюллеръ-Штрюбингъ ставитъ Ѳукидиду въ вину, что къ однимъ событіямъ тотъ, очевидно, относится съ бо́льшимъ интересомъ, къ другимъ—съ меньшимъ; одни описываетъ подробно и, такъ сказать, con amore, съ воодушевленіемъ, другія—лишь вскользь, какъ мало интересныя для него. Но развѣ не то ли видимъ мы и у современныхъ историковъ? Да и вообще, развѣ можетъ историкъ, равно какъ и читатель, относиться съ равнымъ и неослабнымъ интересомъ ко всѣмъ явленіямъ безразлично, говорить съ одинаковымъ воодушевленіемъ о событіяхъ важныхъ по своимъ послѣдствіямъ и полныхъ драматизма и о фактахъ незначительныхъ? можно ли упрекать историка за опущеніе мелочныхъ, утомительныхъ, ничуть не важныхъ и не характерныхъ подробностей? Вѣдь, никогда и нельзя сообщить всѣхъ подробностей событій: при каждомъ описаніи приходится дѣлать извѣстный выборъ ихъ. Вопросъ можетъ быть только въ томъ, сдѣланъ ли этотъ выборъ надлежащимъ образомъ? не упущено ли чего-либо важнаго и наоборотъ—не придано ли значеніе мелочамъ?

Что касается обвиненій, взводимыхъ на Ѳукидида за то, что онъ ведетъ начало Пелопоннесской войны съ нападенія ѳиванцевъ на Платею, а затѣмъ самъ противорѣчитъ такому своему опредѣленію, то, по справедливому замѣчанію Ѳ. Г. Мищенка, причина подобныхъ неточностей и противорѣчій въ хронологическихъ опредѣленіяхъ „кроется въ томъ, что историкъ согласно общему напра-

вленію исторіографіи того времени не придавалъ такой важности хронологическимъ показаніямъ, какую придаемъ имъ мы, и не заботился о ней въ такой степени, какъ желательно было бы новымъ критикамъ и комментаторамъ древняго историка“ (стр XCVIII). По поводу же платейской осады и керкирскихъ дѣлъ тотъ-же Ѳ. Г. Мищенко говоритъ: „Если до послѣдняго времени относящійся къ этимъ событіямъ разсказъ Ѳукидида принимался съ довѣріемъ, то историкъ V в. до Р. Хр. долженъ былъ обладать чудеснымъ даромъ критика и необычайнымъ ясновидѣніемъ, чтобы извлечь изъ полученныхъ извѣстій только то, что́ отвѣчало бы строгимъ, часто притязательнымъ требованіямъ позднѣйшей критики, изощренной многими вѣками историческаго опыта и научныхъ изысканій. Между тѣмъ это послѣднее обстоятельство не существуетъ для нѣкоторыхъ новыхъ критиковъ Ѳукидида“ (стр. CCXII—III).

Вообще въ послѣднихъ своихъ трудахъ Мюллеръ-Штрюбингъ такъ далеко увлекался смѣлою фантазіей, что даже историки, относившіеся къ Ѳукидиду съ бо́льшимъ или меньшимъ недовѣріемъ, и тѣ не находили возможнымъ слѣдовать за нимъ.

Гораздо болѣе основательными кажутся тѣ замѣчанія Мюллера-Штрюбинга относительно Ѳукидида, которыя онъ высказалъ еще въ „Aristoph. u. die hist. Kritik“ (1873). Но тутъ большинство доказательствъ, долженствующихъ уличить Ѳукидида въ намѣренной утайкѣ истины и въ неясности, въ пристрастіи къ олигархамъ и т. п., черпается имъ изъ V книги, которая наравнѣ съ VIII, повидимому, менѣе обработана, нежели другія, и самый предметъ которой — описаніе преимущественно мелкихъ событій въ разныхъ пунктахъ Греціи съ 422 г. до Сицилійской экспедиціи — представляется темой, крайне неблагодарной для историка, не говоря ужъ о вкравшихся въ текстъ ошибкахъ переписчиковъ (ср. Classen, V, 8). Да и обвиненія эти большею частію ужъ опровергнуты Классеномъ въ его введеніи къ V книгѣ Ѳукидида, и намъ остается лишь сослаться на это введеніе [1]). Добавимъ лишь отъ себя, въ возраженіе на обвиненія Ѳу-

[1]) Одно изъ обвиненій М.-Ш. напр. основывалось на сомнительномъ чтеніи надписи, Böckh, II, 31 (Dittenberger, I², 37): v. 5—6. М.-Ш. вмѣстѣ съ Бёкомъ читалъ ἐπ' Ἠιόν]ος и отсюда выводилъ заключеніе, что Ѳукидидъ съ умысломъ утаивалъ о дѣйствіяхъ во Ѳракіи, между тѣмъ какъ здѣсь могло стоять и ἐπὶ τοὺς ὁπλιταγωγ]οὺς, какъ принимаетъ Kirchhoff, или ἐς Ἀργ]ος, какъ читаетъ Диттенбергеръ.

кидида Мюллеромъ-Штрюбингомъ въ іезуитской казуистикѣ, reservatio mentalis и т. п., что если бы Ѳукидидъ съ умысломъ хотѣлъ скрыть отъ читателей тотъ или другой фактъ, то зачѣмъ ему было бы тратить время, напрягать свой умъ, стараясь поискуснѣе затемнить истину? не проще ли было бы прямо утаить непріятный фактъ, ничего не сообщая о немъ? Ссылка Мюллера-Штрюбинга на „историческую совѣсть", будто бы мѣшавшую Ѳукидиду совсѣмъ скрыть правду, слишкомъ ужъ искусственна и натянута. И вообще, до чего произвольны и противорѣчивы утвержденія строгихъ критиковъ Ѳукидида, видно напр. изъ того, что Мюллеръ-Штрюбингъ почему-то увѣряетъ, будто Ѳукидидъ не чувствуетъ симпатіи къ полководцу Демосѳену и потому умышленно старается умалчивать о его дѣйствіяхъ, между тѣмъ, какъ по мнѣнію Свободы, во всякомъ случаѣ болѣе основательному,— Ѳукидидъ слишкомъ благосклонно относится къ этому Демосѳену.

Нападки Мюллера-Штрюбинга еще болѣе потеряютъ значеніе въ нашихъ глазахъ, если мы вспомнимъ, что̀ собственно прежде всего заставило его такъ недовѣрчиво и, можно сказать, такъ враждебно отнестись къ Ѳукидиду?

Въ своемъ трудѣ объ „Аристофанѣ и исторической критикѣ" онъ выступилъ съ гипотезой о существованіи въ Аѳинахъ еще въ V в. должности „государственнаго казначея"; онъ доказывалъ важное значеніе этой должности; онъ a priori предполагалъ, что въ Аѳинахъ каждые четыре года должна была происходить горячая внутренняя борьба по случаю выборовъ „государственнаго казначея" и что эта борьба должна была вліять самымъ могущественнымъ образомъ и на военныя событія, на общій ходъ дѣлъ. Но всѣмъ этимъ гипотезамъ и апріорнымъ положеніямъ, въ настоящее время, съ открытіемъ Аристотелева трактата объ „Аѳинской Политіи", окончательно опровергнутымъ, Мюллеръ-Штрюбингъ не находилъ ни малѣйшаго подтвержденія у Ѳукидида. Inde iгae! отсюда недовольство и негодованіе на аѳинскаго историка и первое основаніе къ обвиненію его въ умышленномъ умалчиваніи, утаеніи истины, субъективности и т. д.!

Съ нападеніями на Ѳукидида выступалъ и венгерскій ученый Ю. Шварцъ [1]). И по его мнѣнію, Ѳукидидъ далеко не безпристрастный разсказчикъ. Кромѣ этого, мы тутъ встрѣчаемъ, напр., такіе отзывы: „Трудъ Ѳукидида не содержитъ въ себѣ того,

[1]) Авторъ соч. Die Demokratie. I. Leipz. 1884.

чего обыкновенно ищутъ въ немъ нѣкоторые критики. Это—не болѣе, какъ исторія походовъ аѳинянъ и пелопоннесцевъ. За исключеніемъ двухъ введеній [1]), все, что̀ мы узнаемъ, относится къ военнымъ дѣйствіямъ или къ ихъ причинамъ и подготовленіямъ, а приплетенныя сюда рѣчи — рѣчи чисто военныя. Ѳукидидъ описываетъ стратегическія движенія, равно какъ и тактическіе моменты подробнѣйшимъ образомъ; онъ изображаетъ отдѣльныя сцены битвъ съ самою мелочною обстоятельностью; онъ не только разсказываетъ, гдѣ стояло правое и лѣвое крыло, но и гдѣ какая-нибудь аѳинская эскадра бросила якорь, гдѣ она завтракала или ужинала; и однако едва нашелся онъ сказать хоть одно слово касательно государственнаго строя, еще менѣе о внутреннемъ бытѣ аѳинскаго народа".

Приведя наиболѣе яркіе примѣры и сопоставленія, долженствующіе подтвердить его отзывъ, Шварцъ восклицаетъ: „Das ist die so sehr bewunderte Weise des Thukydides, seinen Stoff pragmatisch zu behandeln. Das ist die so sehr gefeierte Tiefe seiner staatsmännischen Geschichtsschreibung! Das ist jenes Lehrbuch der praktischen Politik, welches—nach Welzhofers Ansicht—er schreiben wollte" (стр. 424). И Ѳукидидъ получаетъ отъ Шварца названіе „ein beschränktes Geisteskind" (стр. 426). Если въ своемъ трудѣ Ѳукидидъ не достигъ уровня, подобающаго историку, одаренному умомъ истинно государственнаго человѣка, то это по той простой причинѣ, что онъ и не обладалъ подобнымъ умомъ и „культурно-политическимъ смысломъ" (стр. 425). И какъ жалки и общи, какъ безцвѣтно-пусты—продолжаетъ Шварцъ—тѣ черты, которыми Ѳукидидъ характеризуетъ бо́льшую часть дѣятелей! Это ли государственный человѣкъ? Это ли пролагатель пути къ наилучшему просвѣщенію? образецъ для историковъ всѣхъ временъ? „Welch'eine Befangenheit!" восклицаетъ Шварцъ и указываетъ, какъ пагубно было для послѣдующихъ изслѣдователей и мыслителей подражаніе Ѳукидиду: историки, воспитавшіеся на немъ, до самаго послѣдняго времени подавляли въ зародышѣ культурно-историографическія стремленія; они унижали исторію народовъ, исторію человѣчества—до уровня Ѳукидида, т. е. до пустого, дикаго реэстра интригъ, смутъ, битвъ и т. п. (стр. 427—8). А языкъ его каковъ? продолжаетъ Шварцъ, — темный, уродливый, недовольный, мрач-

[1]) И о нихъ Шварцъ отзывается нелестно: „Abgesehen von den beiden nüchternen, sonst aber ziemlichmageren Einleitungen", говоритъ онъ (стр. 421—2).

ный, „wie das Tagebuch eines ertappten Verwaltungsraths“ (p. 430) Шварцъ доходитъ до того, что ставитъ аѳинскому историку въ преступленіе его недовольство, суровость, мрачность, которыя, по его мнѣнію, проглядываютъ въ Ѳукидидовомъ трудѣ и которыя онъ приводитъ въ связь съ „измѣной“ Ѳукидида Аѳинамъ. „И откуда это недовольство?“ спрашиваетъ Шварцъ: „откуда этотъ мрачный характеръ? Истинно-сильный духъ возвышается надъ непріятностями и раздорами своего вѣка. Конечно, онъ дѣлаетъ такъ, если онъ чистъ. А у Ѳукидида совѣсть не чиста: изъ корыстолюбія онъ обманулъ свое отечество, измѣнилъ ему; его рудники и помѣстья въ Скапте-Гиле были для него дороже Аѳинъ“. А раньше (на стр. 227—8) Шварцъ готовъ былъ поставить въ упрекъ Ѳукидиду даже то, что онъ прежде смерти Перикла, хотя ужъ имѣлъ болѣе 30 лѣтъ отъ роду, не обогатилъ аѳинской литературы ни единой строчкой: свой трудъ онъ сталъ обрабатывать лишь послѣ того, какъ аѳиняне изгнали его „als einen Staatsdieb zahmerer Abart—*περὶ προδοσίας*“ (стр. 228).

Въ общемъ мнѣніе Шварца о Ѳукидидовомъ трудѣ таково: „абсолютное достоинство этого литературнаго произведенія въ цѣломъ едва-ли выше посредственности“ (стр. 433). Сталъ великимъ трудъ Ѳукидида, лишь благодаря внѣшнимъ обстоятельствамъ,—тому, что Ѳукидидъ имѣлъ современниками такихъ историковъ, какъ Геродотъ и Ксенофонтъ,—которыхъ Шварцъ ставитъ очень низко,—и благодаря тому, что онъ былъ современникомъ Перикловой эпохи. Блестящій вѣкъ сообщилъ блескъ и его труду. Этому вѣку дивились, какъ порѣ процвѣтанія Аѳинъ, и удивленіе это перенесли и на Ѳукидида. Въ заключеніе своей характеристики знаменитаго историка Шварцъ патетически восклицаетъ, что наступитъ день, когда преклоненіе предъ Ѳукидомъ исчезнетъ и онъ останется тѣмъ, что онъ есть въ дѣйствительности: даровитымъ (sic) и образованнымъ писателемъ; отъ имени же великаго историка ему придется навсегда отказаться (стр. 435).

Нѣкоторыя отдѣльныя замѣчанія Шварца имѣютъ основаніе, но вообще его отзывъ о Ѳукидидѣ, конечно, не выдерживаетъ критики. И въ самомъ дѣлѣ, справедливо ли отмѣчать одни недостатки и забывать о яркихъ и неотъемлемыхъ достоинствахъ Ѳукидида? Какъ ясны напр. намъ не только поводы, но и самыя причины Пелопоннесской войны въ изложеніи аѳинскаго историка! Съ какою трезвостью мысли относится Ѳукидидъ къ преданіямъ и суевѣріямъ! А развѣ не поразительны описанія чумы и изобра-

женіе въ III кн., въ 82—83 гл., тѣхъ явленій, которыя вызваны были ожесточенною междоусобною борьбою и которыя свидѣтельствовали о деморализаціи греческаго общества? Уже одно это доказываетъ несомнѣнно глубокій умъ и талантъ Θукидида; уже за это одно можно забыть многіе частные недостатки его. Да и самъ Шварцъ не могъ не назвать эти части Θукидидова труда „образцовыми".

По поводу нападеній на Θукидида за то, что онъ въ своемъ сочиненіи не изображаетъ культурной или внутренней жизни Аѳинъ, остается въ силѣ давно уже сдѣланное замѣчаніе, что это и не входило въ поставленную имъ себѣ задачу [1]), хотя Шварцъ, впрочемъ голословно, и отвергаетъ такое возраженіе, а если сопоставить собственное заявленіе Θукидида о предметѣ его труда съ тѣмъ, что́ на самомъ дѣлѣ представляетъ его „Исторія Пелопоннесской войны", то окажется, что онъ понималъ свою тему далеко не узко [2]). Во-вторыхъ, Шварцъ и тутъ судитъ съ точки зрѣнія понятій нашего времени. Нельзя забывать, что мы имѣемъ дѣло не съ историкомъ XIX в. по Р. Хр., а съ историкомъ V в. до Р. Хр. Спрашиваютъ, какъ могъ Θукидидъ говорить о Пелопоннесской войнѣ и не сообщить намъ точныхъ и подробныхъ свѣдѣній о тогдашнемъ внутреннемъ строѣ Аѳинъ. Но развѣ аналогичныя обвиненія нельзя предъявить и по отношенію къ признаннымъ, выдающимся историкамъ даже нашего времени? развѣ нельзя напр. упрекнуть хотя-бы Ранке—и съ полнымъ правомъ—за пренебреженіе къ внутренней исторіи въ нѣкоторыхъ, если не во всѣхъ, частяхъ его „Weltgeschichte?" далѣе, развѣ нельзя сказать: какъ могъ Ранке писать исторію, напр., Франціи XVI и XVII ст. и при этомъ не дать намъ обстоятельнаго, систематическаго обзора французскаго строя и учрежденій тѣхъ временъ? А между тѣмъ, если даже признать подобные упреки и основательными, Ранке все-таки останется въ глазахъ нашихъ однимъ изъ замѣчательныхъ историковъ. Притомъ, нужно имѣть въ виду, что Θукидидъ не зналъ и не могъ предугадать, что́ именно будетъ

---

[1]) Вспомнимъ, что самъ Θукидидъ такъ опредѣляетъ предметъ своей исторіи: ξυνέγραψε τὸν πόλεμον τῶν Πελοποννησίων καὶ Ἀθηναίων ὡς ἐπολέμησαν πρὸς ἀλλήλους (I, 1).

[2]) Съ другой стороны, невѣрно и утвержденіе L. Herbst'a, будто мы въ Θукидидовомъ трудѣ имѣемъ не только исторію Пелопоннесской войны, но вмѣстѣ съ тѣмъ и общую исторію того времени (Philologus, 1881, 40 B., p. 324—327).

насъ интересовать, что́ намъ будетъ неясно и непонятно: о многомъ онъ, вѣроятно, считалъ лишнимъ даже упоминать, какъ объ общеизвѣстномъ, не принимая, конечно, въ соображеніе, что понятное для аѳинянъ, его современниковъ или ближайшихъ потомковъ, будетъ темнымъ и загадочнымъ для насъ. Наконецъ, если Ѳукидидъ и не сообщаетъ намъ подробностей относительно внутренняго строя Аѳинскаго государства того времени, зато онъ въ знаменитой Перикловой рѣчи при погребеніи павшихъ воиновъ знакомитъ насъ какъ нельзя лучше съ самымъ духомъ аѳинской демократіи, а уясняя намъ причины описываемыхъ имъ явленій, онъ тѣмъ самымъ открываетъ предъ нами и тѣ силы, которыя двигали тогдашнимъ греческимъ обществомъ, его идеи, страсти, стремленія и т. д.[1]).

Не говоримъ уже о томъ, что многіе изъ недостатковъ Ѳукидидова труда могутъ быть объяснены просто недоконченностью, несовершенствомъ отдѣлки нѣкоторыхъ его частей; не говоримъ о противорѣчіяхъ въ отзывахъ самого Шварца, объ обвиненіяхъ, основанныхъ на неправильномъ пониманіи словъ Ѳукидида и о такомъ, по меньшей мѣрѣ, странномъ упрекѣ, какъ упрекъ въ мрачности и недовольствѣ!

Можно смѣло сказать, что ни одинъ трудъ ни одного современнаго историка не выдержалъ бы такой придирчивой критики, какой подвергалось еще недавно произведеніе Ѳукидида со стороны нѣкоторыхъ новѣйшихъ порицателей.

Болѣе или менѣе отрицательное и недовѣрчивое отношеніе къ Ѳукидиду, хотя и не въ такой степени, какъ у Ю. Шварца и Мюллера-Штрюбинга, мы встрѣтимъ и у тѣхъ историковъ, которые въ серединѣ 80-хъ годовъ истекшаго столѣтія выступили съ нападками на Перикла, т. е. у Макса Дункера[2]) и Пфлугкъ-Гарттунга[3]). Максъ Дункеръ, не разсматривая подробно и систематически вопроса о степени достовѣрности Ѳукидида вообще, во многихъ отдѣльныхъ случаяхъ прямо, подчасъ голословно, отвергаетъ его извѣстія, называетъ его свидѣтелемъ пристрастнымъ, а потому и не надежнымъ, заподозрѣваетъ его въ намѣренномъ умалчиваніи и т. под Такъ и Плугкъ-Гарттунгъ. От-

---

[1]) Cp. Thucydide, par Croiset, p. 28.

[2]) Max Duncker, Geschichte des Alterthums. Neue Folge. I—II B. Leipz. 1884—6 (8-й и 9-й т. всего сочиненія).

[3]) Pflugk-Harttung, Perikles als Feldherr. Stuttgart. 1884.

мѣтивъ, что большинство свидѣтельствъ древности—не въ пользу Перикла, онъ говоритъ: „Единственно, кто рѣшительно высказывается за Перикла,—это Ѳукидидъ, и его авторитетъ заглушилъ всѣ остальные голоса. Но какое бы искреннее удивленіе мы ни питали къ историку, такъ далеко заходить не слѣдуетъ". И Пфлугкъ-Гарттунгъ указываетъ на то, что Ѳукидидъ именно вслѣдствіе того, что былъ современникомъ и участникомъ изображаемыхъ имъ событій, вслѣдствіе того, что писалъ о людяхъ, съ которыми вступалъ въ тѣ или иныя отношенія, не могъ судить вполнѣ объективно; онъ утверждаетъ, что Ѳукидидъ будто-бы принадлежалъ къ Перикловой партіи, и, сравнивая нѣкоторыя извѣстія Плутарха съ извѣстіями Ѳукидида, отмѣчаетъ, что послѣдній представляетъ событія въ болѣе выгодномъ для Перикла свѣтѣ, такъ-что его разсказъ дѣйствуетъ въ опредѣленномъ направленіи, которое не вполнѣ совпадаетъ съ чистою объективностью. Въ заключеніе Пфлугкъ-Гарттунгъ говоритъ, что удовлетворительной исторіи Пелопоннесской войны или отдѣльныхъ ея частей можно ожидать лишь послѣ того, какъ предварительно Ѳукидидъ подвергнутъ будетъ болѣе строгой и систематической критикѣ.

Несостоятельность взгляда этихъ порицателей Перикла тоже достаточно обнаружена [1]), особенно послѣ открытія „Аѳинской Политіи" Аристотеля [2]). Точно также мы не можемъ согласиться вполнѣ съ мнѣніемъ Ниссена [3]), по которому трудъ Ѳукидида есть сочиненіе въ защиту Перикловой политики, имѣющее въ виду посредствомъ описанія только-что закончившейся колоссальной борьбы внушить мужество и подготовить новое возвышеніе Аѳинъ.

Но возставая противъ крайностей гиперкритическаго направленія въ оцѣнкѣ Ѳукидида, мы должны быть далеки и отъ вѣры въ его непогрѣшимость, отъ того культа, отъ котораго предостерегалъ Мюллеръ-Штрюбингъ. Упреки со стороны послѣдняго, направленные противъ прежнихъ ученыхъ, слѣпо довѣрявшихъ Ѳукидиду и не рѣшавшихся примѣнять къ нему масштабъ, который они примѣнили бы ко всякому другому историку, не совсѣмъ ли-

[1]) См. мою книгу: „Периклъ". X. 1889; ср. Delbruck, Die Strategie d. Perikles (Preusz. Jahrb., 64 B., 1889).

[2]) См. въ моей книгѣ. „Аѳинск. Политія Аристотеля, какъ источн. для ист. госуд. строя Аѳинъ...", X. 1895, стр. 447.

[3]) Der Ausbruch d. Peloponn. Krieges (Histor. Zeitschr., 63 B, 1889).

шены основанія, да и вообще только-что разсмотрѣнныя нападки принесли свою долю пользы, какъ реакція противъ слѣпой вѣры, противъ излишняго преклоненія и благоговѣнія предъ авторитетомъ великаго историка древности. Нельзя напр. не согласиться съ Мюллеромъ-Штрюбингомъ, что рѣшительно невозможно, чтобы человѣкъ, такъ или иначе участвовавшій въ политической борьбѣ своего времени, могъ дать изображеніе этихъ событій совершенно объективное, не подчиняясь вліянію ни страсти, ни предвзятой мысли, ни ненависти и любви, или съ Нфлугкъ-Гарттунгомъ, когда онъ говоритъ, что какъ бы ни были велики объективность Ѳукидида и его стремленіе къ истинѣ, а и субъективные мотивы должны были дѣйствовать, и что это такъ же вѣрно, какъ то, что Ѳукидидъ былъ человѣкъ. Словомъ, признаніе достоинствъ Ѳукидида не исключаетъ возможности и даже необходимости критики. Въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ эта критика должна быть примѣнена и къ нему, какъ и къ Геродоту, и ко всякому другому источнику.

У Ѳукидида, конечно, есть отдѣльные, частные промахи, ошибки и неточности. Такъ, напр., мы найдемъ у него иногда анахронизмы. Онъ переноситъ современные ему мотивы и понятія въ далекое прошлое [1]). Онъ ошибается относительно положенія мыса Малеи (на Лесбосѣ, III, 4) и относительно ширины пролива у о. Сфактеріи (IV, 8). Нѣкоторыя подробности, касающіяся осады Платеи (II, 71 сл.; III, 20 сл.), возбуждаютъ недоумѣнія и сомнѣнія. Невѣрно показана, можетъ быть, и сумма фороса, установленная Аристидомъ (I, 96). Найдутся неясности и противорѣчія въ хронологическихъ указаніяхъ Ѳукидида Что же касается принятой имъ хронологической системы—онъ считаетъ по лѣтамъ и зимамъ—, которую часто ставятъ ему въ особую вину, въ виду его строгаго приговора надъ Гелланикомъ (I, 97), то эта система имѣетъ свое основаніе и оправданіе [2]): самъ Ѳукидидъ объясняетъ, почему онъ предпочитаетъ считать годы не по имени архонтовъ или другихъ должностныхъ лицъ, а по лѣтамъ и зимамъ (V, 20); притомъ у грековъ не было одного общеупотребительнаго календаря и, въ виду разнообразія въ этомъ отношеніи, нужно было принять за основаніе нѣчто постоянное и общее для всѣхъ: такою

---

[1]) Ѳ. Г. Мищенко, стр. CLXXXIII.

[2]) Seeck, Deutsche Rundschau, 1896, стр. 259—60; Croiset, Hist. de la litt gr, II, 120.

является смѣна временъ года. Въ особенно же важныхъ, поворотныхъ пунктахъ, опредѣляя, напр., время начала войны или заключенія Никіева мира, Ѳукидидъ называетъ и имена архонтовъ, эфоровъ, въ первомъ случаѣ—даже и жрицы Геры Аргосской.

Но не смотря на отдѣльныя ошибки и неточности у Ѳукидида,—если безпристрастно и всесторонне оцѣнивать его, принимая въ соображеніе время его жизни и тогдашнее состояніе науки,—въ общемъ онъ останется тѣмъ, чѣмъ былъ въ глазахъ даже такихъ великихъ авторитетовъ въ области исторической критики, какъ Нибуръ [1]) и Ранке [2]), т. е. однимъ изъ величайшихъ историковъ и источникомъ достовѣрнымъ настолько, насколько вообще можетъ быть достовѣрно произведеніе человѣка [3]). Большинство изъ тѣхъ промаховъ, невѣрныхъ показаній и неточностей, въ которыхъ можетъ быть уличенъ Ѳукидидъ, относится къ категоріи ошибокъ невольныхъ, болѣе или менѣе свойственныхъ каждому, а тѣмъ болѣе историку, жившему за IV в до Р. Хр., когда не было ни собранныхъ матеріаловъ, ни стенографовъ, которые записывали бы рѣчи, ни собраній этихъ рѣчей, ни подроб-

---

[1]) Vortr uber alte Gesch., I, 205; II, 42.

[2]) Weltgesch., I, 2-te Abth., S. 45.

[3]) Вполнѣ вѣрную оцѣнку Ѳукидида, какъ намъ кажется, представилъ Ѳ Г. Мищенко въ своемъ „Послѣсловіи“, равно далекомъ какъ отъ придирчивой критики и стремленія развѣнчать во что бы то ни стало великаго историка, такъ и отъ слѣпаго восхваленія его и панегерическаго тона, чѣмъ обыкновенно страдаютъ спеціальныя монографіи о Ѳукидидѣ, и я позволю себѣ привести его слова: Ѳ Г. Мищенко приходитъ „къ заключенію, что достовѣрность замѣчательнѣйшаго историка древности лишь относительная. Причины этой относительности лежатъ главнымъ образомъ въ общихъ условіяхъ культуры того времени и въ частности исторіографіи, въ гораздо меньшей долѣ въ личныхъ свойствахъ и умонастроеніи автора.... Нѣтъ чудесъ въ человѣческой исторіи, а древній историкъ, отвѣчающій всѣмъ требованіямъ новой научной исторіографіи, непогрѣшимый въ своихъ сужденіяхъ и въ оцѣнкѣ разнорѣчивыхъ, часто пристрастныхъ, еще чаще неточныхъ и сбивчивыхъ извѣстій современниковъ, былъ бы величайшимъ чудомъ Подлинное значеніе и мѣсто Ѳукидида въ эллинской литературѣ и черезъ то въ исторіи европейской образованности получаетъ возможно болѣе вѣрное опредѣленіе только подъ тѣмъ условіемъ, если его литературное наслѣдіе разсматривается въ связи съ общимъ состояніемъ тогдашней современности и по сравненію съ дальнѣйшими успѣхами науки, тогда въ результатѣ анализа получится образъ писателя, воодушевленнаго чистыми намѣреніями искателя истины, не ослѣпленнаго личными и политическими отношеніями до сознательнаго извращенія фактовъ, свободнаго въ своихъ сужденіяхъ отъ множества предразсудковъ менѣе просвѣщенной части общества“ (стр. CCXIII—IV).

ныхъ донесеній пословъ, ни обширной переписки руководящихъ дѣятелей [1]), словомъ,—того, чѣмъ располагаетъ современная историческая наука по отношенію къ эпохамъ, къ намъ близкимъ по времени.

Рядомъ съ примѣрами, говорящими какъ-бы противъ Ѳукидида, имѣется множество поразительныхъ и неопровержимыхъ доказательствъ его высокаго безпристрастія и проницательнаго, глубокаго ума, его тщательности и добросовѣстности

Многія извѣстія Ѳукидида подтверждаются надписями. Напр, его сообщеніе о томъ, какъ аѳиняне одновременно вели борьбу съ нѣсколькими врагами, на нѣсколькихъ театрахъ, и на морѣ, и на сушѣ, и въ Европѣ, и въ Африкѣ (I, 104 сл.),—это сообщеніе, которое, пожалуй, можно было бы заподозрѣть въ нѣкоторомъ преувеличеніи, находитъ себѣ краснорѣчивое подтвержденіе въ надписи, въ коей перечисляются воины Эрехѳейской филы, павшіе въ битвахъ „на Кипрѣ, въ Египтѣ, въ Финикіи, у Галіэй, у Эгины, у Мегары“ въ одинъ и тотъ же годъ (C. I. A., I, 433).

Знатокъ географіи и исторіи Сициліи, Гольмъ говоритъ, что онъ прослѣдилъ на мѣстѣ большую часть сообщеній VI и VII кн. Ѳукидида — слѣдовательно, почти четверти всего сочиненія — и пришелъ къ заключенію, что чѣмъ точнѣе взвѣшиваешь слова Ѳукидида и что чѣмъ точнѣе изучаешь мѣстность, тѣмъ яснѣе становится и текстъ, и самый ходъ событій [2]). Сличая разсказъ Ѳукидида объ олигархическомъ переворотѣ 411 г. съ изложеніемъ Аристотеля въ „Аѳинской Политіи“, мы въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ отдадимъ предпочтеніе первому [3]). Описаніе чумы, по словамъ Литре, даетъ полную возможность опредѣлить свойство этой болѣзни [4]).—Ѳукидидъ обнаруживаетъ прекрасное знаніе государственныхъ и военныхъ дѣлъ [5]). Его описаніе битвы у Пилоса, по отзыву Ранке,—перлъ исторіографіи [6]). Разсказъ о Сицилійской экспедиціи извѣстный англійскій историкъ Маколей находилъ chef-d'oeuvre'омъ, — совершеннѣйшимъ, что̀ когда-либо создавала

---

[1]) См. замѣчанія Stauffer'a, стр. 480.

[2]) Griech. Gesch., II, 501.

[3]) См. E. Meyer, Forschungen, II, 401 сл. Ср. однако Köhler, D thukyd. Bericht über die oligarchische Umwaltzung in Athen i. J. 411 (Sitz.-ber d. Berl. Ak d. Wiss, 1900).

[4]) Ѳ. Г. Мищенко, стр. CXCVII.

[5]) См. выше, стр. 81.

[6]) Weltgesch., I, 2 Abth., S. 51.

историческая проза. Государственный умъ и проницательность Ѳукидида обнаруживаются между прочимъ и въ томъ, что онъ съумѣлъ надлежащимъ образомъ оцѣнить Ѳемистокла, котораго не умѣли оцѣнить другіе древніе историки, начиная съ Геродота; а глубина и мѣткость его замѣчаній по поводу аналогіи между греками—на извѣстной ступени развитія—и варварами признается не только присяжными классиками, которыхъ Мюллеръ-Штрюбингъ упрекалъ въ излишнемъ, слѣпомъ преклоненіи предъ великимъ историкомъ, а изслѣдователями въ другой области, болѣе безпристрастными, напр. О. Шрадеромъ, авторомъ „Сравнительнаго языковѣдѣнія и первобытной исторіи". Въ общемъ „Введеніе" Ѳукидида, по выраженію Э. Мейера,—„одна изъ удивительнѣйшихъ манифестацій человѣческаго духа" [1]). Не говорю уже о замѣчательномъ анализѣ слѣдствій междоусобной борьбы въ III кн., 82—83 гл., о которомъ выше упоминалось уже неразъ.

Ѳукидидъ и историческая наука XIX вѣка

У Ѳукидида можно найти немало чертъ, которыя сближаютъ его съ современною исторіографіею [2]).

Въ началѣ XIX стол. историко-критическая школа, въ лицѣ своихъ главныхъ представителей, Нибура и затѣмъ Ранке, въ противоположность антиисторическимъ построеніямъ XVIII в., провозгласила, что главная цѣль исторіи—отыскать и представить истину. Въ первомъ своемъ трудѣ [3]), положившемъ начало его извѣстности, Ранке, напр., по его собственнымъ словамъ, желалъ „просто показать, какъ оно собственно было, wie es eigentlich gewesen"; „ибо", замѣчаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ [4]), „идеалъ всегда въ томъ, чтобы представить міру историческую правду". Въ сущности къ тому-же, какъ мы видѣли (стр 85—86), стремился и Ѳукидидъ: вспомнимъ, какъ упрекаетъ онъ своихъ предшественниковъ за то, что они мало заботились объ „отысканіи истины", и какъ говоритъ о своемъ стремленіи къ точному знанію; вспомнимъ его отзывъ о поэтахъ и логографахъ, его отношеніе къ анекдотамъ, прикрасамъ и вымысламъ, къ внѣшней занимательности и баснословному элементу.

---

[1]) Gesch d. Alterth., II, 14.

[2]) Подробнѣе—въ моей статьѣ: „Ѳук. и истор. наука XIX в.", Ж. М. Н. Пр., 1901, авг. (и Сборникъ въ честь П. В. Никитина).

[3]) Gesch. d. roman. und germ. Volker. 1824

[4]) Въ трактатѣ: Zur Kritik neuerer Geschichtschreiber. 2-te Aufl (Sammtl Werke Leipz. 1874, 33—34 B., S 150), составлявшемъ приложеніе къ названному раньше сочиненію.

Все это чрезвычайно сближаетъ Ѳукидида съ новою исторіографіею, преимущественно съ историко-критическимъ направленіемъ. Исторія по самой своей натурѣ, говорилъ Ранке въ 1836 г.[1]), должна питать отвращеніе къ вымысламъ и фантазіямъ и допускать только то, что̀ вѣрно. Онъ указывалъ, какъ трудно отличить истинное отъ ложнаго и среди различныхъ извѣстій выбрать достовѣрное, и это замѣчаніе Ранке чрезвычайно напоминаетъ намъ заявленіе Ѳукидида о тѣхъ трудностяхъ, съ которыми сопряжены были его разысканія (I, 22).

На изученіе источниковъ, на критику и пріемы изслѣдованія историко-критическая школа обратила особенное вниманіе. Но нельзя сказать—какъ это иногда говорятъ—, будто она впервые создала критическій методъ и его пріемы: мы видѣли, что основныя начала исторической критики въ сущности открыты и примѣнены были Ѳукидидомъ (стр. 86 сл.); его пріемы тутъ мало чѣмъ отличаются отъ пріемовъ современныхъ изслѣдователей. Отношеніе Ѳукидида къ документамъ опять-таки сближаетъ его съ современною исторіографіею, главнымъ образомъ съ Ранке и его школой: именно Ранке далъ иное направленіе изученію новой исторіи, обратившись преимущественно къ подлиннымъ документамъ, нетронутому архивному матеріалу, и съ тѣхъ поръ это, такъ сказать, документальное, „архивное“ направленіе надолго заняло преобладающее положеніе. Что касается „культурныхъ переживаній“, которыми пользуется Ѳукидидъ, то едва-ли нужно напоминать, какую роль играютъ они въ настоящее время въ качествѣ матеріала въ рукахъ какъ историковъ и соціологовъ, такъ и изучающихъ „фольклоръ“.—Этотъ методъ возсозданія прошлаго по его обломкамъ и при помощи аналогій, примѣненіе котораго мы видѣли у Ѳукидида, преимущественно въ знаменитомъ его „Введеніи“,—вполнѣ современенъ; къ нему неразъ прибѣгалъ и Нибуръ въ своей „Римской исторіи“.—Извѣстно, какое значеніе пріобрѣлъ въ XIX в. сравнительный методъ, нашедшій широкое примѣненіе въ разныхъ областяхъ научнаго знанія, начиная съ языковѣдѣнія и кончая науками общественными. Зародыши его, первые опыты оперированія при помощи его, мы встрѣчаемъ уже у Ѳукидида (см. стр. 89—90).

---

[1]) Въ рѣчи. „De historiae et politices cognatione atque discrimine“ (Sämmtl. Werke, Leipz. 1877. XXIV, 273, 272).

Здѣсь же, хотя и смутно, проглядываетъ у него идея, которая характеризуетъ новѣйшую науку,—идея постепеннаго развитія, эволюціи Другая идея, присущая современной наукѣ вообще и въ частности исторіи настолько, что безъ нея и самая наука немыслима,—идея причинности и законосообразности явленій. Ее высказываетъ и Ѳукидидъ, и притомъ совершенно ясно и опредѣленно. Изъ нея, какъ мы видѣли (стр. 92), вытекаетъ и рядъ его обобщеній, и свойственный ему раціонализмъ, объясненіе историческихъ событій безъ введенія сверхъестественнаго элемента и непосредственнаго вмѣшательства божества,—опять черта, сближающая древняго историка съ новыми.

Мы можемъ найти нѣкоторыя—правда, немногія—отдѣльныя точки соприкосновенія между Ѳукидидомъ и тѣми направленіями въ новѣйшей исторіографіи, которыя явились частью на смѣну, частью наряду съ „историческою школою“. Между прочимъ одно время выдвинуты были въ качествѣ важнѣйшаго фактора въ развитіи цивилизаціи природныя условія; ихъ вліянію придавалось чрезмѣрное значеніе, а указаніе на это вліяніе выставлялось, какъ великое открытіе, посредствомъ котораго исторію пытались „возвести въ рангъ естественныхъ наукъ“ (Бокль). Но связь между исторіей народа и окружающею его природой подмѣчена давно; она извѣстна была уже древнимъ, напр. Гиппократу, Аристотелю; и Ѳукидидъ, какъ было уже упомянуто (стр. 89), тоже признаетъ значеніе природныхъ условій и географическаго положенія.

Въ современномъ направленіи исторической науки сказывается стремленіе, во-первыхъ, умалить значеніе отдѣльной личности въ исторіи, роль „великихъ людей“, и сосредоточить вниманіе на массѣ, обществѣ, и, во-вторыхъ, выдвинуть экономическія причины и отношенія, какъ важнѣйшій, основной факторъ развитія. Ѳукидидъ ближе стоитъ къ прежнему направленію. Въ своемъ изложеніи, если исключить начальныя главы и отдѣльныя замѣчанія въ дальнѣйшемъ, онъ сосредоточиваетъ вниманіе не на состояніи, а на событіяхъ, и притомъ военныхъ. Нельзя сказать, чтобы онъ считалъ роль личности въ историческомъ процессѣ ничтожною (стр. 94), но онъ не сводилъ исторію къ разсказу о дѣяніяхъ великихъ людей. Онъ сознавалъ значеніе экономическихъ факторовъ (стр. 88), хотя, конечно, не впадалъ въ ту крайность и односторонность, которыя характеризуютъ приверженцевъ современнаго „экономическаго матеріализма“.

Я не имѣю въ виду исчерпать вопросъ объ отношеніи между Ѳукидидомъ и новѣйшею исторіографіею, и не буду останавливаться на тѣхъ особенностяхъ, которыя существеннымъ образомъ отличаютъ древняго историка отъ современныхъ—достаточно вспомнить хотя бы о рѣчахъ у Ѳукидида. Мнѣ хотѣлось только на нѣсколькихъ примѣрахъ показать, насколько близко подошелъ величайшій историкъ древности къ тѣмъ задачамъ, пріемамъ и воззрѣніямъ, которые выдвинуты наукою XIX в. Отмѣченныя черты, я думаю, служатъ достаточною иллюстраціею культурнаго родства и преемства между античнымъ міромъ и современностью, въ частности—между античною исторіографіею, особенно въ лицѣ ея величайшаго представителя, и новѣйшею историческою наукою.

Ксенофонтъ [1]).

Непосредственный продолжатель Ѳукидида—Ксенофонтъ.

Если вообще для правильнаго пониманія и надлежащей оцѣнки произведенія необходимо имѣть въ виду біографію его автора, то тѣмъ болѣе это слѣдуетъ сказать относительно Ксенофонта: его произведенія самымъ тѣснымъ образомъ связаны съ его личною судьбою, со всѣмъ, пережитымъ имъ; въ нихъ много автобіографическаго; лучшія изъ нихъ—въ сущности личныя воспоминанія, мемуары, и многія особенности, достоинства и недостатки ихъ болѣе или менѣе объясняются съ точки зрѣнія біографіи ихъ автора.

Біографія Ксенофонта

Ксенофонтъ [2]) принадлежалъ, по всей вѣроятности, къ классу всадниковъ и родился около 430 г. [3]). Молодые годы его совпали

---

[1]) Изданія — Schneider'a (1790—1815. 6 v.), Dindorf'a (Oxford. 1853), Sauppe (Leipz. 1867—70. 5 v.); русскій переводъ—Г. А. Янчевецкаго, въ 5 вып (нѣск. изд.); кромѣ того, „Анабазисъ“ и „Воспоминанія о Сократѣ“ имѣются въ переводѣ И. Е Тимошенка (Кіевъ. 1874, 1883). О Ксенофонтѣ вообще см. Ed. Schwartz, Quellenuntersuchungen zur griech. Geschichte (Rh Mus., N. F., 44 B., 1889); Edm. Lange, Xenophon, sein Leben, seine Geistesarbeit und seine Werke (Gymnasial-Bibliothek). Gutersloh. 1900; Croiset, Xenophon, son caractère et son talent. P. 1873.

[2]) Diog. Laërt., II, 49 сл; Suid., s v., Kruger, De vita Xenoph. (Histor.-Philol. Stud., II; Krit. Anal., II); Ferd. Ranke, De Xenoph. vita et scriptis. Berl. 1851; Rocquette, De Xenoph. vita. Konigsb 1884; Hartmann, Analecta Xenophontea. Leyden. 1877.

[3]) Судя по изложенію въ Anab., III, 1, 14, 25; 2, 37, Ксенофонтъ во время отступленія 10000 былъ еще молодымъ для полководца человѣкомъ; по Athen., p. 216 d, въ 421 г. онъ былъ мальчикомъ. Существуетъ, правда, разсказъ (Strab., p. 403, Diog. Laért., II. 22), будто въ сраженіи при Деліи

съ дѣятельностью Сократа и съ политическимъ упадкомъ аѳинской демократіи. То было время, когда подъ вліяніемъ катастрофы въ Сициліи и неудачнаго исхода Пелопоннесской войны, при видѣ агитаціи демагоговъ и сикофантовъ, многіе извѣрились въ спасительности и цѣлесообразности демократіи, видѣли въ ней главную причину бѣдствій и обращали свои взоры на олигархическую Спарту, какъ на образецъ, достойный подражанія, какъ на идеалъ государственнаго порядка. Въ аѳинскомъ обществѣ замѣтно начала распространяться лакономанія. И Ксенофонтъ былъ ученикомъ Сократа, противникомъ аѳинской демократіи и поклонникомъ Спарты... Есть основаніе думать [1]), что при Тридцати онъ сражался въ рядахъ конницы на сторонѣ тирановъ. Затѣмъ Ксенофонтъ принялъ участіе въ экспедиціи Кира Младшаго, которую онъ описалъ впослѣдствіи въ „Анабазисѣ“; въ отрядѣ Кира, въ качествѣ добровольца, проникъ онъ въ глубь Персидскаго царства, до окрестностей Вавилона, а во время знаменитаго отступленія 10000 грековъ, послѣ битвы при Кунаксѣ и гибели греческихъ вождей, Ксенофонту выпала на долю выдающаяся роль, хотя, вѣроятно, и не столь рѣшающая и вліятельная, какъ выходитъ по его словамъ. Едва-ли нужно напоминать подробности и отмѣчать важность того обстоятельства, что Ксенофонтъ лично ознакомился съ далекими, чуждыми странами, чрезъ которыя лежалъ путь грековъ. По возвращеніи къ берегамъ Ѳракіи и Геллеспонта онъ съ частью „кировцевъ“ примкнулъ къ спартанцамъ, въ то время открывшимъ уже военныя дѣйствія противъ персовъ, а когда въ Малую Азію явился Агесилай, то Ксенофонтъ сблизился съ нимъ, и Агесилай навсегда остался для него излюбленнымъ героемъ. Вмѣстѣ съ нимъ возвратился онъ въ Грецію и находился въ его лагерѣ во время битвы при Коронеѣ, гдѣ спартанцы сражались не только противъ ѳиванцевъ, но и противъ его соотечественниковъ. Если уже участіе Ксенофонта въ экспедиціи Кира, врага аѳинянъ, вызвало противъ него неудовольствіе и негодованіе послѣднихъ [2]), то теперь разрывъ съ родиною былъ полный, и тѣмъ тѣснѣе Ксенофонтъ примкнулъ къ Агесилаю и Спартѣ.

(424 г.) онъ обязанъ былъ своимъ спасеніемъ Сократу; но достовѣрность этого разсказа сомнительна.

[1]) См. ст. E. Schwartz'a въ Rh. Mus., N. F., 44 B., 1889.

[2]) Мнѣнія расходятся относительно того, чѣмъ вызвано было постановленіе объ изгнаніи Ксенофонта, участіемъ ли его въ предпріятіи Кира или въ предпріятіяхъ Агесилая?

Во время такъ называемой Коринѳской войны онъ, повидимому, сопровождалъ Агесилая въ его походахъ, а около 387 г. онъ поселился въ подаренномъ ему спартанцами помѣстьѣ близъ Олимпіи, Скиллунтѣ, гдѣ и провелъ цѣлый рядъ лѣтъ, занимаясь сельскимъ хозяйствомъ, охотой и литературными трудами. Послѣ злосчастной для Спарты битвы при Левктрахъ (371 г.) онъ былъ вынужденъ покинуть это помѣстье и переселиться въ Коринѳъ. Постановленіе объ его изгнаніи было впослѣдствіи отмѣнено, но Ксенофонтъ если и бывалъ въ Аѳинахъ, то неподолгу, и умеръ на чужбинѣ, въ Коринѳѣ, въ глубокой старости [1]), послѣ 355 г. до Р. Хр. [2]).

Hellenica Продолжателемъ Ѳукидида Ксенофонтъ является въ своихъ Ἑλληνικά [3]),—исторіи Греціи съ 411 г. до битвы при Мантинеѣ (включительно), т. е. до 362 г., въ 7 книгахъ [4]). Hellenica распадаются на двѣ различныя по характеру, тону и времени составленія части [5]). Первая часть обнимаетъ исторію Греціи до конца Пелопоннесской войны, до Ѳерамена мира включительно, I, 1, 1—II, 3, 10 [6]) Это и есть, собственно говоря, продолженіе Ѳукидида; начинается оно безъ всякаго вступленія, прямо съ того момента, на которомъ остановился Ѳукидидъ, словами: „Послѣ этого, спустя немного дней.. “ (μετὰ δὲ ταῦτα οὐ πολλαῖς

[1]) По (Lucian.), Macrob, 21, Ксенофонтъ жилъ болѣе 90 лѣтъ; но это сообщеніе основывалось, можетъ быть, на упомянутомъ выше (стр. 120, прим 3) разсказѣ объ участіи Ксенофонта въ битвѣ при Деліи.

[2]) Сочиненіе „О доходахъ“, принадлежность коего Ксенофонту нѣкоторые, впрочемъ, отвергаютъ, относится къ 355 году; въ Hellen. упоминается о событіи, происшедшемъ въ 357 г (умерщвленіе Александра Ферскаго).

[3]) Niebuhr, Kl. histor und phil. Schriften, I; Kruger, Hist.-Phil. Stud, I; Sievers, Comment. histor. de Xenoph. Hellenicis. Berl. 1838. I; E. v. Stern, Xenophons Hellenica und die bootische Geschichtsüberlieferung. Dorp. 1887 (ср. его-же Gesch. d. spart und theban. Hegemonie. Dorp. 1884); примѣч. Holm'a въ его Griech. Gesch, II—III; ст Friedrich'a, Zu Xenophons Hellenica und Agesilaos (N. Jahrb., 1896, 153 B); отзывъ Ѳ. Г. Мищенка о медальномъ соч. въ Каз Ун. Изв., 1899; а въ особенности „Введенія“ Breitenbach'a къ его изданію Hellenica (Berlin. 1873 сл) и ст. E. Schwartz'a въ Rh. Mus., 44 B, 1889

[4]) Дѣленіе принадлежитъ не самому Ксенофонту.

[5]) Настолько различныя, что Брейтенбахъ считаетъ обѣ части за два совершенно отдѣльныя, самостоятельныя произведенія, соединенныя въ одно впослѣдствіи, уже послѣ смерти Ксенофонта, лишь по недоразумѣнію, вслѣдствіе родственнаго содержанія.

[6]) На особый характеръ этой части обратилъ вниманіе впервые Niebuhr, Kl. hist u phil Schr., I (см. C. Wachsmuth, Einleitung, стр. 533, прим. 2).

ἡμέραις ὕστερον...). Изложеніе—краткое, сухое, порядокъ—хронологическій, по схемѣ Θукидида [1]; въ общемъ эта часть напоминаетъ лѣтопись или хронику. Исключеніе составляетъ описаніе процесса полководцевъ послѣ битвы при Аргинусахъ, отличающееся живостью и подробностями. Вторая часть, начиная съ правленія Тридцати (II, 3, 11), напротивъ вообще отличается живымъ, пространнымъ, хотя и съ большими пробѣлами, яркимъ изложеніемъ, съ приведеніемъ многочисленныхъ, нерѣдко длинныхъ рѣчей, и мѣстами скорѣе напоминаетъ мемуары Ее въ свою очередь можно подраздѣлить на два отдѣла [2]: первый — до Анталкидова мира (V, 1, 35) [3] и второй—отъ этого мира до конца Заканчивается она небольшимъ эпилогомъ.—Написаны Helleniса, очевидно, не въ одинъ, а въ нѣсколько пріемовъ, въ разное время. Такъ, напр., первыя двѣ книги составлены, по всей вѣроятности, вскорѣ послѣ 403 г. [4], а послѣднія—подъ конецъ жизни Ксенофонта, уже послѣ 357 г., такъ какъ въ нихъ (VI, 4, 36) упоминается о событіяхъ въ Θессаліи, относящихся къ этому году.—Существуетъ мнѣніе, что самъ Ксенофонтъ не успѣлъ вполнѣ отдѣлать, окончательно проредактировать и издать свой трудъ [5].

Въ первой части изложеніе сравнительное объективное; но во второй обнаруживается большое пристрастіе автора къ Спартѣ, въ особенности къ столь чтимому имъ Агесилаю, и враждебное отношеніе къ Θивамъ. Исторія Греціи превращается въ сущности въ исторію Спарты. Здѣсь мы видимъ отсутствіе исторической пер- *Ихъ недостатки.*

[1]) Существовало даже мнѣніе, что въ этой части Ксенофонтъ воспользовался матеріаломъ, оставленнымъ Θукидидомъ.

[2]) Nitzsche, Ueber die Abfassung von Xenophons Hellenica 1871; E Schwartz оспариваетъ основательность такого дѣленія, но Friedrich (N. Jahrb. 1893) подкрѣпляетъ новыми данными. См. C. Wachsmuth, Einleitung, стр. 535, прим. 1.

[3]) По Брейтенбаху второй отдѣлъ начинается съ V, 4, 1, т. е. съ разсказа объ освобожденіи Θивъ.

[4]) Указаніемъ на это могутъ служить слова въ концѣ II кн., которыми заканчивается разсказъ о возстановленіи демократіи въ Аѳинахъ въ 403 г.,—о томъ, что „еще и теперь аѳиняне живутъ въ политическомъ согласіи и демосъ остается вѣренъ клятвамъ“, ἔτι καὶ νῦν δμοῦ τε πολιτεύονται καὶ τοῖς ὅρκοις ἐμμένει ὁ δῆμος, II, 4, 43.

[5]) C. Wachsmuth, основывался на томъ, что въ концѣ есть эпилогъ, отвергаетъ это мнѣніе: эпилогъ, по его словамъ, доказываетъ, что Ксенофонтъ смотрѣлъ на свой трудъ, какъ на оконченный. Брейтенбахъ считаетъ первую часть не отдѣланною, не законченною, а вторую, принимаемую имъ за совершенно самостоятельный трудъ,—вполнѣ законченною и отдѣланною.

спективы, неравномѣрность, удивительныя умолчанія или пробѣлы [1]): чрезвычайно подробно говорится о какихъ-нибудь неважныхъ военныхъ предпріятіяхъ спартанскихъ полководцевъ, преимущественно Агесилая, и ничего не говорится или упоминается лишь мимоходомъ, по иному какому-либо поводу, о лицахъ и событіяхъ крупныхъ, первостепенной важности. Напр изъ Hellenica мы почти ничего не узнаемъ о внутреннемъ состояніи Аѳинъ въ первой половинѣ IV в.; Ксенофонтъ молчитъ о такомъ фактѣ, какъ возникновеніе Втораго аѳинскаго союза. О побѣдѣ Конона при Книдѣ, имѣвшей столь важный результатъ, онъ не считаетъ нужнымъ подробно разсказывать: о ней онъ упоминаетъ лишь мимоходомъ по поводу того, что Агесилай получилъ вѣсть о ней какъ-разъ наканунѣ Коронейскаго сраженія, которое Ксенофонтъ, наоборотъ, признаетъ нужнымъ подробно описывать, не смотря на ничтожность его результатовъ. Не разсказываетъ онъ ни объ основаніи Мегалополя и Мессены, ни о возстановленіи свободы Мессеніи; только изъ дальнѣйшаго его изложенія мы узнаемъ о независимости Мессеніи, какъ совершившемся фактѣ. О роли Пелопида въ дѣлѣ освобожденія Ѳивъ умалчивается; въ Hellenica о немъ упоминается только тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о посольствѣ его въ Сузы, къ персидскому царю (VII, 1, 33 сл.). А говоря о битвѣ при Левктрахъ, Ксенофонтъ не упоминаетъ не только о немъ, но и объ Эпаминондѣ. Разсказывая о первомъ походѣ ѳиванцевъ въ Пелопоннесъ и нападеніи ихъ на Спарту, Ксенофонтъ тоже не называетъ Эпаминонда, но зато считаетъ нужнымъ сообщить имя начальника гарнизона въ Скиритидѣ (VI, 5, 24). Имя Эпаминонда въ Hellenica въ первый разъ мы встрѣчаемъ лишь въ послѣдней книгѣ (VII, 1, 41), по поводу его третьяго похода въ Пелопоннесъ и дѣйствій его въ Ахаѣ. Слѣдовательно, если бы мы располагали только Hellenica Ксенофонта и не имѣли другихъ источниковъ, мы бы и понятія не имѣли о блестящей дѣятельности обоихъ великихъ ѳиванцевъ, о ихъ роли въ тогдашнихъ событіяхъ; да и вообще наше знаніе греческой исторіи того времени было бы крайне недостаточное, одностороннее, и представленіе даже о самыхъ крупныхъ фактахъ—невѣрное. Замѣчательно, что даже дѣятельность Ификрата, которая, повидимому, должна была бы особенно интересовать Ксенофонта, вслѣдствіе его склон-

[1]) Ср. замѣчанія Wachsmuth'a, стр 532 сл

пости къ военному дѣлу, не получила у него надлежащей оцѣнки и освѣщенія.

Спрашивается, чѣмъ объяснить такія особенности Hellenica, эти странныя умолчанія?

Вопросъ о пристрастіи Ксенофонта

Многое объясняется, конечно, личною точкою зрѣнія, симпатіями и пристрастіемъ Ксенофонта: о нѣкоторыхъ лицахъ и событіяхъ онъ вовсе не имѣлъ желанія распространяться. Но пристрастіемъ нельзя всего объяснить. Дѣло въ томъ, что оно не такъ велико, какъ это кажется съ перваго взгляда. Нибуръ называлъ Ксенофонта „клеветникомъ и поносителемъ своего отечества“ [1]); по словамъ Гутшмида [2]), немногіе историки такъ тяжко погрѣшили противъ великой обязанности исторіи „ne quid falsi dicere audeat, ne quid veri dicere non audeat“, въ особенности противъ второй изъ этихъ заповѣдей, какъ Ксенофонтъ; Гомперцъ называетъ его великимъ мастеромъ въ искусствѣ умалчивать, вызывать фальшивое впечатлѣніе, не сообщая ложныхъ фактовъ [3]), и т. д. [4]). Но защитники Ксенофонта [5]) не безъ основанія доказываютъ, что хотя у него и есть умолчанія, но до сознательнаго извращенія фактовъ онъ не доходитъ и разъ что-нибудь сообщаетъ, его сообщеніе болѣе или менѣе вѣрно [6]); сравненіе его извѣстій съ извѣстіями другихъ источниковъ, въ особенности Лисія, оказывается въ его пользу [7]); его версіи нерѣдко заслуживаютъ предпочтенія (напр. относительно заключенія Ѳераменова мира); его свидѣтельство, какъ современника и очевидца, во всякомъ случаѣ имѣетъ большую цѣну и его Hellenica являются важнымъ источникомъ.

Въ самомъ дѣлѣ, всмотримся ближе въ отношеніе Ксенофонта къ Спартѣ, Аѳинамъ и Ѳивамъ, въ частности къ Эпами-

---

[1]) Vortrage, II, 43.

[2]) Kl Schriften, IV, 331

[3]) Griech. Denker, II, 98 Ср. и Seeck, D. Rundschau, 273.

[4]) Къ строгимъ судьямъ и порицателямъ Ксенофонта принадлежитъ и Магаффи.

[5]) См. главн. образ. „Введенія“ Breitenbach'а и Stern, Gesch. d spart. und theban. Hegem., а также Holm, Griech Gesch. (напр. III, 15—16), по словамъ котораго Ксенофонтъ настолько безпристрастенъ, насколько только можетъ быть безпристрастенъ писатель, участвовавшій въ разсказываемыхъ событіяхъ.

[6]) E. Schwartz, Rh. Mus., 44 B., 161—2

[7]) Breitenbach, I, LX сл.; Stern, стр. 57; E. Schwartz, l. c.; Lange, стр 53—54.

нонду. Мы увидимъ, что не всегда подробно говоритъ онъ и о фактахъ, пріятныхъ для Спарты, особенно въ первой части Hellenica [1]); напр. о побѣдахъ спартанцевъ при Нотіи и Эгосъ Потамахъ разсказывается нисколько не подробнѣе, чѣмъ о побѣдахъ аѳинянъ при Абидосѣ Кизикѣ и Аргинусахъ. Въ Hellenica есть сообщенія и неблагопріятныя для Спарты: Ксенофонтъ отмѣчаетъ напр., въ какомъ подавленномъ, малодушномъ настроеніи отступали спартанцы, съ Павсаніемъ во главѣ, послѣ гибели Лисандра въ битвѣ при Галіартѣ и какъ ѳиванцы избивали тѣхъ, кто осмѣливался выступать за предѣлы дороги (III, 5, 24). Спартанскій гарнизонъ въ Кадмеѣ, видя рвеніе наступающихъ (рѣчь идетъ объ освобожденіи Ѳивъ), по признанію Ксенофонта, пришелъ въ страхъ (V, 4, 11). Ксенофонтъ не всегда скрываетъ темныя стороны спартанской политики: въ Hellenica приводится рѣчь Автокла (VI, 3, 7 сл.), представляющая рѣзкое порицаніе поведенія Спарты, толкующей объ автономіи греческихъ государствъ и въ то же время препятствующей этой автономіи (ср. и III, 5, 12). Ксенофонтъ неразъ выставляетъ на видъ насилія спартанскихъ полководцевъ и гармостовъ и порицаетъ ихъ (о Ѳибронѣ, Агисѣ, Лисиппѣ — въ III кн.; см. также VI, 2, 6, 15, 19). Въ захватѣ Ѳивъ онъ видитъ преступленіе, нарушеніе со стороны лакедемонянъ клятвы предоставить городамъ автономію и полагаетъ, что они понесли справедливое наказаніе отъ тѣхъ, кому причинили несправедливость (V, 4, 1). Даже дѣйствія Агесилая, предъ которымъ онъ такъ преклонялся, Ксенофонтъ не всѣ одобряетъ: онъ находитъ, что одинъ изъ употребленныхъ имъ маневровъ въ битвѣ при Коронеи хотя и свидѣтельствуетъ о мужествѣ, но рискованъ (IV, 3, 19). Спартанскій полководецъ Анаксибій нѣкогда, когда Ксенофонтъ возвратился изъ экспедиціи Кира, поступилъ съ нимъ вѣроломно, но это не мѣшаетъ Ксенофонту разсказать въ Hellenica подробно объ его мужественной смерти (IV, 8, 38 сл.).

Не смотря на антипатію къ демократіи, Ксенофонтъ указываетъ, что аѳинскій демосъ, по низложеніи Тридцати въ 403 г., остался вѣренъ клятвѣ. Къ Аѳинамъ подъ конецъ онъ относится вообще скорѣе сочувственно, нежели враждебно [1]). что, впрочемъ, понятно: отношенія Аѳинъ къ Спартѣ въ то время измѣнились и изъ враждебныхъ сдѣлались дружественными; завѣтная мысль

[1]) Примѣры см. у Breitenbach'a.

[1]) Breitenbach, II, стр. LXIV.

Ксенофонта о необходимости союза между Аѳинами и Спартой, казалось, осуществлялась; самъ Ксенофонтъ уже тогда примирился съ родиною; его сынъ Гриллъ палъ въ схваткѣ у Мантинеи, сражаясь въ рядахъ аѳинской конницы.

Ксенофонтъ не разсказываетъ обстоятельно о битвѣ при Книдѣ и объ освобожденіи Мессеніи, тѣмъ не менѣе самыхъ фактовъ онъ не скрываетъ. Очевидно, онъ относится къ Ѳивамъ враждебно; но тутъ есть „смягчающія обстоятельства“ и его вражда не лишена основанія: возвышеніе Ѳивъ, блестящая дѣятельность Эпаминонда, въ концѣ концовъ принесли скорѣе отрицательный результатъ [1])—ниспроверженіе установившагося въ Элладѣ порядка, уничтоженіе гегемоніи Спарты, но въ замѣнъ ничего прочнаго, положительнаго не дали. Ксенофонтъ могъ не сочувствовать имъ не только въ качествѣ друга Спарты, но и съ панэллинской точик зрѣнія. Самому Эпаминонду Ксенофонтъ отдаетъ должную, хотя, нужно сознаться, очень запоздалую [2]), дань удивленія (VII, 5, 8) и тутъ-же упоминаетъ о прежде пріобрѣтенной имъ славѣ.

Итакъ, объясненіе упомянутыхъ выше особенностей и недостатковъ Hellenica слѣдуетъ искать не въ одномъ только пристрастіи Ксенофонта, а и въ другихъ причинахъ. Указываютъ напр. на то, что трудъ его не вполнѣ законченъ и отдѣланъ; есть даже мнѣніе, что дошедшій до насъ текстъ—лишь извлеченіе изъ него, epitome [3]). Думаютъ, далѣе, что Ксенофонтъ многое предполагалъ извѣстнымъ [4]) и считалъ не входящимъ въ свою задачу, что писалъ онъ по личнымъ воспоминаніямъ, больше какъ авторъ мемуаровъ, и останавливался на событіяхъ по мѣрѣ личнаго участія [5]) или личнаго интереса къ нимъ, подробнѣе говоря о томъ,

---

[1]) Breitenbach, II, LXIX сл., Stern, Gesch. d. sp. u. theb. Hegem., Gomperz, II, 104—5.

[2]) Э. Р. ф. Штернъ, по поводу умолчанія Ксенофонтомъ имени Эпаминонда при описаніи битвы при Левктрахъ, въ оправданіе его ссылается на то, что въ Спартѣ едва-ли часто называли тогда Эпаминонда, который былъ лишь однимъ изъ беотарховъ во время сраженія при Левктрахъ, и Ксенофонтъ могъ не имѣть яснаго представленія о тогдашней роли Эпаминонда (Gesch. d. sp. und theb. Hegem., стр. 140). Такое предположеніе неправдоподобно: Ксенофонтъ писалъ не тотчасъ же послѣ битвы, а тогда, когда имя и роль Эпаминонда были достаточно извѣстны.

[3]) Напр. Campe и Kyprianos. Ср. ст. Dittrich-Fabricius'a въ Philol., 1890, стр. 574 сл.

[4]) Напр. Breitenbach.

[5]) Breitenbach, E. Schwartz (стр. 165), Dittrich-Fabricius, Lange.

что̀ лучше зналъ. Объясненія ищутъ [1]) также въ той тенденціи, которая проглядываетъ у Ксенофонта, считавшаго необходимымъ для блага и спасенія Эллады союзъ между Спартой и Аѳинами, съ раздѣломъ между ними гегемоніи такъ, чтобы первой принадлежала гегемонія на сушѣ, а вторымъ — на морѣ, и желавшаго предостеречь противъ Ѳивъ. Наконецъ, не безъ вліянія была и извѣстная склонность Ксенофонта къ практической морали, къ назиданію [2]).

Ксенофонтъ какъ историкъ

Чѣмъ бы ни объяснять особенности Hellenica, онѣ во всякомъ случаѣ не говорятъ въ пользу Ксенофонта, какъ историка. Его интересуютъ преимущественно отдѣльныя личности; онъ — прекрасный авторъ мемуаровъ, и, какъ таковой, онъ внесъ новый элементъ въ греческую исторіографію, хотя еще раньше его Іонъ писалъ свои „Путевыя воспоминанія“ (см. дальше). Ксенофонтъ былъ очень плодотовитъ и написалъ 14 сочиненій на самыя разнообразныя темы, начиная съ исторіи и философіи и кончая хозяйствомъ, лошадьми и охотой. Но его воззрѣнія не отличались глубиной. Его называли въ древности „аттическою пчелою“ [3]) за пріятность слога и онъ считался типичнымъ представителемъ греческой *καλοκἀγαθία;* но, какъ историкъ, онъ несравненно ниже двухъ своихъ великихъ предшественниковъ, Геродота и Ѳукидида. Онъ не проникаетъ въ глубь явленій, въ ихъ внутреннюю связь и смыслъ; онъ не всегда умѣетъ отличить существенное отъ несущественнаго. Оттого и нѣтъ у него надлежащей исторической перспективы; оттого находитъ онъ возможнымъ въ „Греческой исторіи“ игнорировать или обходить молчаніемъ факты, имѣвшіе крупное, рѣшающее значеніе.

Благочестіе Ксенофонта.

Нельзя не коснуться здѣсь еще одной черты Ксенофонта — его благочестія.

Ксенофонтъ признаетъ непосредственное вмѣшательство божества въ ходъ событій: по его словамъ IV, 4, 12, богъ предалъ въ руки лакедемонянъ ихъ враговъ; въ несчастіяхъ, обрушившихся на Спарту послѣ захвата Кадмеи, онъ видитъ божескую

---

[1]) E. Schwartz, стр. 126, 178.

[2]) Ср. Breitenbach, Lange и друг.—Подробный свой разсказъ о подвигахъ фліунтцевъ (VII, 2, 1) Ксенофонтъ самъ мотивируетъ такъ: „о большихъ городахъ, если они совершатъ что-либо доблестное, всѣ историки упоминаютъ; мнѣ же кажется, если небольшой городъ совершитъ много доблестныхъ дѣяній, то тѣмъ болѣе это достойно сообщенія“.

[3]) Diog. Laert., Suid.

кару, доказательство того, что боги не оставляютъ безнаказанными содѣянныя преступленія (V, 4, 1); по поводу приказанія, даннаго Клеомброту не распускать войска, а изъ Фокиды прямо двинуться противъ ѳиванцевъ, онъ замѣчаетъ, что уже само божество вело спартанцевъ къ катастрофѣ (VI, 4, 3). Вмѣшательству божества приписываетъ Ксенофонтъ то, что Эпаминондъ, во время своего послѣдняго похода, отбитъ былъ отъ Спарты; но и спартанцы при дальнѣйшемъ преслѣдованіи потерпѣли неудачу: „казалось", говоритъ онъ, „божествомъ начертанъ былъ предѣлъ, до какого могла быть дарована имъ побѣда" (VII, 5, 12—13). А въ концѣ Hellenica, по поводу сраженія при Мантинеѣ, Ксенофонтъ замѣчаетъ, что исходъ этого сраженія былъ противоположенъ тому, какого всѣ ожидали: каждый надѣялся, что побѣдители будутъ властвовать, а побѣжденные будутъ въ подчиненіи; но богъ сдѣлалъ такъ, что обѣ стороны очутились въ положеніи и побѣдителей, и побѣжденныхъ (VII, 5, 26—27). Землетрясеніе производитъ богъ (IV, 7, 4) и т. д.

Ксенофонтъ—очень благочестивъ, но это не та простодушная вѣра, которую мы видимъ у Геродота; это—скорѣе благочестіе практическаго человѣка, разсчитывающаго получить пользу и выгоды, по правилу: do ut des [1]), благоразумно старающагося заранѣе, на всякій случай, расположить въ свою пользу боговъ и заручиться ихъ поддержкой. Въ иныхъ случаяхъ Ксенофонтъ не прочь прибѣгнуть даже къ уловкѣ. Напр., Сократъ совѣтовалъ ему спросить дельфійскаго оракула, принимать ли участіе въ экспедиціи Кира? Ксенофонтъ дѣйствительно обратился въ Дельфы, но, чтобы избѣгнуть возможнаго отрицательнаго отвѣта, для него нежелательнаго, онъ спрашиваетъ оракула не о томъ, принимать ли ему участіе въ экспедиціи, а о томъ, какимъ богамъ принести жертву, чтобы благополучно возвратиться. Ксенофонтъ не только благочестивъ, но и суевѣренъ. Различнымъ гаданіямъ и предзнаменованіямъ, благопріятнымъ или неблагопріятнымъ жертвамъ, снамъ,—всему этому онъ придаетъ громадное значеніе. Вспомнимъ, сколько разъ говорится въ Анабасисѣ о благопріятныхъ или неблагопріятныхъ жертвахъ. Ни одного дѣла Ксенофонтъ не предпринимаетъ, не узнавъ, каковы показанія жертвъ. Онъ рѣшается стать во главѣ отступающихъ грековъ по внушенію сна. Тоже мы видимъ и въ Hellenica, напр. IV, 7, 2, или III, 3, 4: въ послѣднемъ

[1]) Магаффи, II, 248; Gutschmid, IV, 329; Gomperz, II, 109—110.

случаѣ онъ считаетъ нужнымъ сообщить о томъ, какъ предсказатель, на основаніи принесенныхъ Агесилаемъ жертвъ, пришелъ къ заключенію, что боги указываютъ на страшный заговоръ, и какъ вслѣдъ затѣмъ дѣйствительно открытъ былъ заговоръ Кинадона. Чрезвычайно характерныя замѣчанія мы встрѣчаемъ также въ трактатахъ Ксенофонта: „О доходахъ“ и „О начальникѣ конницы“. Въ первомъ онъ предлагаетъ между прочимъ предварительно обратиться въ Додону и Дельфы и вопросить боговъ, будутъ ли полезны государству рекомендуемыя имъ мѣры. Во второмъ трактатѣ онъ совѣтуетъ прежде всего начинать съ жертвоприношеній, а въ концѣ оправдываетъ столь частое упоминаніе о нихъ: кто испытывалъ опасности, тотъ, полагаетъ онъ, не удивится такимъ упоминаніямъ; боги все знаютъ и напередъ показываютъ, кому хотятъ, посредствомъ жертвъ, полета птицъ и снова, и охотнѣе помогаютъ тѣмъ, кто не только спрашиваетъ ихъ совѣта въ моментъ необходимости, но кто и въ счастьѣ почитаетъ ихъ.

„Анабасисъ“. Одинъ изъ эпизодовъ, относящійся къ описываему въ Hellenica періоду и упоминаемый тамъ лишь кратко, именно экспедиція Кира Младшаго и отступленіе 10000 грековъ, составляетъ, какъ извѣстно, предметъ особаго сочиненія Ксенофонта—знаменитаго „Анабасиса“ [1]). Раньше на эту тему писалъ другой участникъ похода—Софайнетъ Стимфаліецъ (изъ Аркадіи) (его сочиненіе не сохранилось), и, повидимому, это и побудило Ксенофонта выступить съ своимъ „Анабасисомъ“.

Онъ издалъ его не подъ своимъ именемъ, а подъ псевдонимомъ: въ Hellen., III, 1, 2, онъ самъ ссылается на него, какъ на сочиненіе, написанное Θемистогеномъ Сиракузцемъ [2]). Очевидно, Ксенофонтъ избралъ псевдонимъ, какъ болѣе удобную форму,—для того, чтобы свободнѣе говорить о себѣ и о своихъ заслугахъ и больше внушить къ своимъ словамъ довѣрія [3]). Дѣло въ томъ, что „Анабасисъ“ не только своего рода мемуары, но и

---

[1]) K. Koch, Der Zug der Zehntausend nach Xenophon, geographisch erläutert. Leipz. 1850; этюдъ Тэна въ его Essais de critique et d'histoire; Dürrbach, L'apologie de Xénophon dans l'Anabase (Rev. des ét. grecques, 1893, VI).

[2]) Ср Suid., s. v. Θεμιστογένης. Словамъ этого лексикографа о принадлежности Θемистогену и другихъ сочиненій едва-ли слѣдуетъ придавать вѣру. Однако Магаффи дѣлаетъ предположеніе, не существовалъ-ли первоначальный, болѣе краткій, „Анабасисъ“, дѣйствительно принадлежавшій Θемистогену (II, 255). Ср Friedrich, N. Jahrb., 151 B..

[3]) Таково обычное теперь мнѣніе. Такъ еще и Plut., De gloria Athen., 1.

апологія [1]): Ксенофонтъ написалъ его въ цѣляхъ самозащиты, чтобы реабилитировать себя, напомнить о своихъ заслугахъ, о той роли, которую игралъ онъ во время знаменитаго отступленія 10000, и выставить ихъ въ яркомъ свѣтѣ. Отсюда—и достоинства, и недостатки „Анабасиса". Во многихъ отношеніяхъ это наиболѣе удачное, лучшее изъ произведеній „аттической пчелы": здѣсь Ксенофонтъ является вполнѣ въ своей сферѣ и могъ проявить наиболѣе сильныя свои стороны. Это—одинъ изъ интереснѣйшихъ разсказовъ участника-очевидца о смѣломъ предпріятіи, опасномъ отступленіи, во время котораго такъ наглядно обнаружилось все превосходство грековъ надъ варварами, о природѣ и жителяхъ далекихъ, невѣдомыхъ грекамъ странахъ, съ ихъ нравами и обычаями; въ общемъ—разсказъ правдивый, съ довольно яркими портретами и характеристиками отдѣльныхъ лицъ. Но тамъ, гдѣ Ксенофонтъ говоритъ о себѣ, къ его словамъ нужно относиться осторожно: не впадая въ сознательное, грубое извращеніе фактовъ и въ вымыслъ, Ксенофонтъ однако нѣсколько преувеличиваетъ свое участіе въ событіяхъ и свою роль [2]). О нѣкоторыхъ фактахъ онъ благоразумно умалчиваетъ или смягчаетъ ихъ, а иногда въ щекотливыхъ для него случаяхъ отвлекаетъ вниманіе читателя сообщеніемъ о какомъ-нибудь сновидѣніи или предзнаменованіи [3]). Цѣлями апологіи можно объяснить и нѣкоторую непропорціональность,—то непомѣрно большое мѣсто, которое отводится въ „Анабасисѣ" кампаніи во Ѳракіи [4]).—Написанъ Анабасисъ много лѣтъ спустя послѣ экспедиціи, когда Ксенофонтъ жилъ въ Скиллунтѣ. имѣя уже взрослыхъ сыновей,—въ „Анабасисѣ" (V, 3) онъ самъ упоминаетъ о своемъ пребываніи въ Скиллунтѣ—, въ 70-хъ годахъ IV в., а, можетъ быть, даже и позже, послѣ оставленія Скиллунта [5]). Въ основаніи его лежатъ, однако, по

---

[1]) Это подробно доказывается въ ст Durrbach'a Ср. и Dittrich-Fabricius, Philol., 1890, 59 B., S. 575—6.

[2]) Магаффи, II, 256; Durrbach, l. c; Lange, стр. 33.—Другіе источники—ни Исократъ (Phl., 90—92), ни Діодоръ, у котораго имѣется довольно подробный разсказъ объ отступленіи 10000 (XIV, 19—31), ничего не говорятъ о такой роли Ксенофонта.

[3]) Durrbach, стр. 377, прим.

[4]) Dürrbach, стр. 359 сл.

[5]) Основаніемъ для послѣдняго мнѣнія служитъ то, что Ксенофонтъ, говоря о жизни своей въ Скиллунтѣ, употребляетъ прошедшее время. Dürrbach, стр. 364 сл.

всей вѣроятности, болѣе раннія замѣтки или записки; иначе трудно объяснить точность нѣкоторыхъ сообщеній [1]).

Въ „Анабасисѣ“ мы имѣемъ идеализацію Кира Младшаго; другаго Кира—Старшаго, основателя Персидской монархіи, Ксенофонтъ идеализируетъ въ „Киропедіи“, т. е. „Воспитаніи Кира“ (*Κύρου παιδεία*). На этомъ произведеніи я не буду подробно останавливаться, такъ какъ, во-первыхъ, оно не имѣетъ прямого отношенія къ греческой исторіи, а во-вторыхъ—это не исторія, а тенденціозный, историко-политическій романъ: въ „Киропедіи“ Ксенофонтъ желаетъ дать образъ „добраго и счастливаго царя“ [2]). Факты здѣсь искажены до крайности: напр. Египетъ оказывается покореннымъ при Кирѣ; Киръ умираетъ естественною смертью, въ кругу своихъ, и т. п. „Киропедія“ важна, конечно, въ историко-литературномъ отношеніи, какъ образецъ греческаго романа (съ этой точки зрѣнія важенъ въ частности эпизодъ любви Панѳеи къ своему мужу Абрадату, смерть котораго она не можетъ пережить) и прототипъ послѣдующихъ нравоучительныхъ произведеній, въ родѣ Фенелонова „Телемака“ [3]); для насъ же въ данномъ случаѣ она интересна лишь въ томъ отношеніи, что характеризуетъ политическіе, нравственные и педагогическіе идеалы Ксенофонта, служитъ свидѣтельствомъ его монархическихъ симпатій [4]) и нѣкотораго увлеченія Востокомъ, восточными обычаями и нравами.

„Киропедія“

Агесилаю, которому отведено такое видное мѣсто въ Hellenica, Ксенофонтъ посвятилъ особую, еще характеристику или біографію [5]), мѣстами близко совпадающую съ текстомъ Hellenica и представляющую панегирикъ или некрологъ этого спартанскаго царя, казавшагося Ксенофонту олицетвореніемъ идеала человѣка и полководца. Въ историко-литературномъ отношеніи произведеніе это можно сопоставить съ „Евагоромъ“ Исократа.

„Агесилай“

О государственномъ строѣ столь любимой Ксенофонтомъ Спарты есть особый его трактатъ—*Λακεδαιμονίων Πολιτεία*, „Лаке-

„Лакедемонская Политія“.

---

[1]) Lange, стр. 33.

[2]) Dionys. Halic., ep ad Pomp., 4, p. 777 sq. Еще Цицеронъ говорилъ о „Киропедіи“, что она написана „non ad historiae fidem, sed ad effigiem iusti imperi“ (Ep. ad Quint., I, 18).

[3]) Croiset, IV, 361.

[4]) Симпатіи Ксенофонта къ монархіи обнаруживаются и въ его діалогѣ „Гіеронъ“.

[5]) Принадлежность ея Ксенофонту нерѣдко отвергалась (Valckenaer, Магаффи, Э Р. ф. Штернъ), но въ настоящее время принимается большинствомъ.

демонская Политія“ [1]), по этому вопросу весьма важный источникъ: имъ широко пользовались послѣдующіе авторы—Плутархъ (въ біографіи Ликурга) и Аристотель (въ „Политикѣ“ и въ „Политіяхъ“); онъ главнымъ образомъ легъ въ основу ихъ сообщеній, такъ-что наши свѣдѣнія о внутреннемъ строѣ Спарты большею частью восходятъ, посредственно или непосредственно, къ Ксенофонту [2]).

Ксенофонту, кромѣ того, принадлежитъ цѣлая группа сочиненій, въ которыхъ выведенъ Сократъ [3]), и такимъ образомъ произведенія этого трезваго, прозаическаго ума, въ сущности мало способнаго къ отвлеченному философскому мышленію, больше склоннаго къ практической дѣятельности, этого знатока и любителя военнаго дѣла и сельскаго хозяйства, лошадей и охоты, являются для насъ едва-ли не важнѣйшимъ источникомъ при знакомствѣ съ ученіемъ и личностью одного изъ величайшихъ и оригинальнѣйшихъ философовъ [4]).

„Memorabilia“.

Здѣсь на первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить, разумѣется, извѣстныя „Memorabilia“ *(Ἀπομνημονεύματα)*—„Воспоминанія о Сократѣ“. При этомъ, естественно, возникаетъ вопросъ, насколько Ксенофонтовъ Сократъ соотвѣтствуетъ дѣйствительному? Въ желаніи автора вѣрно изобразить личность своего учителя и воспроизвести его воззрѣнія можно не сомнѣваться; но [5]), во-первыхъ, Ксенофонтъ сравнительно мало пользовался уроками Сократа, сравнительно недолго былъ его ученикомъ; въ теченіе послѣднихъ лѣтъ жизни великаго философа, его процесса и смерти, онъ находился далеко отъ Аѳинъ; онъ не могъ самъ слышать большую

---

[1]) Naumann, De Xenophontis libro qui Λακεδ. Πολιτεία inscribitur. 1876; Bazin, La républ. des Lacédém. de Xénoph. 1885; Ulr. Kohler, Ueber die Πολιτεία Λακεδαιμ. Xenophons (Sitz.-ber. d. Berl. Akad. d. Wiss., 1896, XV, 361 сл.). Объ этомъ трактатѣ Ксенофонта на русск. языкѣ есть сочин. проф. Харьк. унив. Рославскаго-Петровскаго, „Очеркъ быта и правленія древней Спарты. Соч. Ксенофонта Λακεδαιμ. Πολ., разобранное и представленное въ связи съ другими источниками“. Харьк. 1838.

[2]) Существовали сомнѣнія и относительно принадлежности этого сочиненія Ксенофонту.

[3]) Krohn, Sokrates und Xenophon. 1875; Richter, Xenophon-Studien (N. Jahrb., XIX Suppl.-band, 1892; ср. его-же, ibid., VI Suppl.-b.); Joël, Xenophons Verhältnis zur echten Sokratik. 1889; Der echte u. d. Xenophontische Sokrates. Berl. 1893—1901. 2 B.; Lincke, Sokrates und Xenophon (N. Jahrb., 1896).

[4]) Ср. Gomperz, II, 112.

[5]) См. главн. обр. у Richter'a.

часть тѣхъ бесѣдъ, которыя онъ приводитъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ“: во-вторыхъ, Memorabilia писались сравнительно поздно, много лѣтъ спустя послѣ смерти Сократа, и въ нихъ встрѣчаются нѣкоторыя анахронизмы, указываются напр. такіе поводы къ бесѣдамъ, которыя относятся уже ко времени послѣ смерти философа; въ-третьихъ, нужно имѣть въ виду свойства самого Ксенофонта: онъ не былъ въ состояніи проникнуть въ глубину, въ самую суть ученія Сократа и не всегда вѣрно понималъ его воззрѣнія; онъ больше улавливалъ внѣшность, скользилъ, такъ сказать, по поверхности. Онъ нерѣдко приписывалъ Сократу свою собственную философію, полагая, что воспроизводитъ дѣйствительное ученіе великаго философа: въ его уста онъ влагаетъ свои собственныя мысли по наиболѣе интересовавшимъ его излюбленнымъ темамъ о благочестіи, справедливости, дружбѣ, стратегіи и т. под. [1]) Въ общемъ геніальная и оригинальная личность Сократа у Ксенофонта является подчасъ слишкомъ обыденною...

„Симпосій“ „Апологія“.

То же слѣдуетъ сказать и о другихъ двухъ сочиненіяхъ Ксенофонта—о „Симпосіи“, гдѣ Сократъ выводится среди веселаго общества, во время пира, и объ „Апологіи Сократа“, защитительной рѣчи, обращенной къ судьямъ [2]). Не останавливаясь на нихъ, замѣчу только, что небезъинтересно было бы сравнить произведенія Платона на тѣ же темы и сопоставить Ксенофонтова Сократа съ Платоновымъ [3]).

„О хозяйствѣ“.

Къ „Memorabilia“ примыкаетъ оригинальный и интересный во многихъ отношеніяхъ діалогъ Ксенофонта: „О хозяйствѣ“ *(Οἰκονομικός)* [4]). Это—греческій „Домострой“: Сократъ бесѣдуетъ въ немъ о томъ, какъ лучше устроить и вести домашнее и сельское хозяйство, причемъ передаетъ мнѣнія на этотъ счетъ нѣкоего Исхомаха, устами котораго, очевидно, говоритъ самъ Ксенофонтъ Сочиненіе это знакомитъ съ характеромъ и положеніемъ тогдашняго хозяйства и содержитъ указанія на нѣкоторые соціально-экономическіе недуги той эпохи. Земледѣліе выставляется въ немъ, какъ наилучшее, наиболѣе полезное и благородное занятіе.

---

[1]) Bruns, стр. 375; Christ, стр 353, ср. также Richter, Dürrbach.

[2]) Ее нѣкоторые считаютъ неподлинною.

[3]) Такое сравненіе отчасти можно найти у Bruns'a. Ср. и Christ, стр. 354.

[4]) Vogel, Die Oekonomik des Xenoph. Erlangen. 1895: Hodermann, Xenophons Wirtschaftslehre unter dem Gesichtspunkte sozialer Tagesfragen betrachtet. Wernigerode (Progr.). 1899.

Οἰκονομικός замѣчателенъ по тому гуманному духу, которымъ проникнуты проводимые въ немъ взгляды; въ особенности этимъ отличаются тѣ страницы, гдѣ рѣчь идетъ о томъ, какъ обращаться съ молодою женою, пріучая ее къ хозяйству, о положеніи ея, какъ хозяйки въ домѣ, и объ отношеніи къ слугамъ.—Замѣтимъ, что діалогъ этотъ переведенъ былъ Цицерономъ на латинскій языкъ.

„О доходахъ" и проч.

Въ небольшомъ трактатѣ „О доходахъ" *(Πόροι ἢ περὶ προσόδων)* Ксенофонтъ [1]) касается аѳинскихъ финансовъ: онъ говоритъ о томъ, какъ помочь имъ и какъ увеличить государственные доходы, не отягощая союзниковъ; въ концѣ авторъ проповѣдуетъ мирную политику въ духѣ Евбула. Трактатъ содержитъ между прочимъ интересныя свѣдѣнія о положеніи метэковъ, о торговлѣ, о способѣ эксплуатаціи и доходахъ съ Лаврійскихъ рудниковъ.

На остальныхъ небольшихъ сочиненіяхъ Ксенофонта — на діалогѣ „Гіеронъ" (разговоръ между сиракузскимъ тиранномъ и поэтомъ Симонидомъ о преимуществѣ положенія частнаго лица въ сравненіи съ положеніемъ тиранна), на трактатахъ объ обязанностяхъ начальника конницы *(Ἱππαρχικός)*, о томъ, какъ обращаться съ лошадьми *(Περὶ ἱππικῆς)*, и объ охотѣ *(Κυνηγετικός)* [2]),—здѣсь не мѣсто останавливаться.

Псевдо-Ксенофонтова „Аѳинская Политія".

Въ числѣ Ксенофонтовыхъ сочиненій издавна обыкновенно помѣщаютъ и политическій трактатъ или, лучше сказать, памфлетъ объ аѳинской демократіи, *Ἀθηναίων Πολιτεία* [3]) (которую,

---

[1]) Если только трактатъ этотъ дѣйствительно принадлежитъ ему: нѣкоторые относительно этого сомнѣваются.

[2]) Относительно принадлежности его Ксенофонту тоже иногда высказываютъ сомнѣніе (напр. Christ).

[3]) А. Н Шварцъ, [Ξενοφῶντος] Ἀθην. Πολιτεία.—О государствѣ Аѳинскомъ, соч. неизвѣстнаго автора V в. до Р. Хр. М 1891 (критическое изслѣдованіе, съ обзоромъ предшествующей литературы, текстъ и объяснительныя примѣчанія); Kalinka, Xenophontis de re publica Athen. qui inscribitur libellus. Wien. 1898 (ср его-же, Prolegomena zu einer neuen Ausgabe der Ps.-Xenoph. Ἀθ. Πολ., въ Wiener Studien, XVIII, 1896); Scholl, Die Anfänge einer politischen Literatur bei den Griechen. Festrede. Munchen. 1890; Kirchhoff, Ueber die Schrift vom Staate der Athen. (Abhandl. d. Berl. Ak d. Wiss. 1874) и Ueber die Abfassungszeit der Schrift vom Staate d. Athen. (ibid., 1878); Muller-Strubing, Ἀθην. Πολιτεία. Die attische Schrift vom St. d. Athen. (Philologus, IV Suppl.-b. 1880). См. также Faltin, Quaestiones de libello Ἀθην. Πολιτεία. Breslau 1872, и Ueber Geist und Tendenz der Ps.-Xenoph. Schrift vom St. d.

разумѣется, не слѣдуетъ смѣшивать съ недавно открытою Аристотелевою „Аѳинскою Политіею“). Но въ настоящее время почти никто не сомнѣвается [1]) въ томъ, что это произведеніе не Ксенофонта: ни по времени написанія, ни по языку и изложенію, ни по возрѣніямъ оно не подходитъ къ сочиненіямъ „аттической пчелы“ и обнаруживаетъ въ авторѣ такое политическое пониманіе и проницательность, такую глубину мысли, на какія врядъ-ли былъ способенъ Ксенофонтъ. Трактатъ написанъ, повидимому, въ первые годы Пелопоннесской войны, до 424 г. [2]), во всякомъ случаѣ еще тогда, когда демократія и морское могущество Аѳинъ были въ полной силѣ, и принадлежитъ несомнѣнно перу олигарха, по кому именно,—неизвѣстно: его авторомъ считаютъ то Критія (Векъ), то Фриниха, извѣстнаго олигархическаго дѣятеля 411 г. (напр. Мюллеръ-Штрюбингъ), то наконецъ Алкивіада или Ѳукидида Алопекскаго, сына Мелесія, политическаго противника Перикла.

Вообще это небольшое, но во многихъ отношеніяхъ любопытное произведеніе, являющееся древнѣйшимъ памятникомъ аттической литературной прозы и первымъ дошедшимъ до насъ политическимъ памфлетомъ, послужило предметомъ довольно многочисленныхъ изслѣдованій и подало поводъ къ самымъ разнообразнымъ мнѣніямъ. Въ виду усматриваемыхъ какъ-бы противорѣчій съ основною мыслью и отступленій отъ главной темы одни полагаютъ, что въ основѣ нашего текста лежитъ діалогъ между защитникомъ и противникомъ аѳинской демократіи (Cobet, C. Wachsmuth); другіе видятъ въ немъ собраніе перепутанныхъ фрагментовъ, произвольно соединенныхъ какимъ-то редакторомъ (Kirchhoff); по предположенію же А. Н. Шварца (стр. 44—46), въ разсматриваемомъ трактатѣ можно выдѣлить главную часть, на-

---

Athen. Progr. Barmen. 1882; C. Wachsmuth, Commentatio de Xenoph. qui fertur libello 'Aθ. Πολ. Götting. 1874; M. Schmidt, Memoire eines Oligarchen in Athen uber die Staatsmaximen des Demos. Jena. 1876; Ю. А. Кулаковскій, Политія Аѳинянъ (Кіевск Унив. Изв., 1881, № 7), и друг.

[1]) За исключеніемъ развѣ Belot, La république d'Athènes, lettre sur le gouvernement des Athéniens, adressée par Xénophon au roi de Sparte Agésilas. P 1880.

[2]) До похода Брасида во Ѳракію. Вообще доказательства см. главн. обр. у Kirchhoff'a. Gutschmid (Kl. Schr., IV), Faltin и M. Schmidt пріурочиваютъ этотъ памфлетъ къ 430 и 429 г.; къ болѣе позднему времени относятъ его Bergk, Muller-Strübing (къ 417—414 г.), Maas (къ концу V в.).

писанную въ умѣренномъ тонѣ и принадлежащую олигарху той фракціи, которая считала необходимымъ примириться съ существовавшимъ строемъ, и противорѣчащія ей мѣста, составляющія злобныя замѣтки и возраженія крайняго олигарха, вызванныя чтеніемъ трактата и сдѣланныя на поляхъ или подъ строкой; а переписчикъ смѣшалъ вмѣстѣ разсужденія перваго автора и эти замѣтки. На трактатъ этотъ смотрятъ то какъ на простое письмо къ другу-лакедемонянину, то какъ на своего рода консульское донесеніе или на мемуаръ, предназначенный для единомышленниковъ, то какъ на публицистическое произведеніе, набросокъ рѣчи (такъ назыв λόγος), подобной тѣмъ, которыя впослѣдствіи писалъ Исократъ [1]). По одному мнѣнію, авторъ желалъ побудить своихъ единомышленниковъ къ полному ниспроверженію аѳинской демократіи, возможному не иначе, какъ при помощи Спарты; это—программа партіи, не останавливающейся ни предъ какими послѣдствіями [2]); по другому мнѣнію, наоборотъ—авторъ старается отсовѣтовать всякую попытку противъ этой демократіи, какъ безнадежную; а по Шеллю Псевдо-Ксенофонтова „Аѳинская Политія“—чуждый практической тенденціи, научный трактатъ.

Но главная основная мысль автора памфлета ясна: по его собственнымъ словамъ, онъ не можетъ, конечно, одобрить выбранную аѳинянами форму правленія, но признаетъ, что разъ уже они ее выбрали, они прекрасно поддерживаютъ ее и вообще поступаютъ цѣлесообразно, и если остальные греки думаютъ, будто аѳиняне заблуждаются и дѣлаютъ грубыя ошибки, то это неосновательно, что̀ и намѣренъ онъ показать въ своемъ трактатѣ (I, 1). Авторъ въ дальнѣйшемъ изложеніи останавливается преимущественно на причинахъ предпочтенія, оказываемаго бѣднымъ, на сравнительно привилегированномъ положеніи метэковъ и рабовъ въ Аѳинахъ, на послѣдовательности аѳинской политики по отношенію къ союзнымъ городамъ и преимуществахъ морскаго могущества Аѳинъ. Онъ объясняетъ, какъ недостатки и темныя стороны, которые ставятся въ вину аѳинской администраціи и суду, неразрывно связаны съ самымъ строемъ и положеніемъ Аѳинъ. Рядомъ идутъ побочныя замѣчанія, историческія справки и примѣры.

Въ общемъ, авторъ показываетъ, какъ сама сила вещей заставляетъ аѳинянъ поступать такъ, какъ они поступаютъ, и

---

[1]) Послѣднее мнѣніе принадлежитъ А. Н. Шварцу (стр. 59—62).

[2]) E. Meyer, Forsch., II, 404.

выясняетъ внутреннюю, неразрывную связь между состояніемъ общества, демократическими учрежденіями и демократическою политикою, между развитіемъ демократіи и ростомъ морскаго могущества. Онъ старается понять эту, въ сущности ненавистную ему, демократію, понять причины и условія ея прочности и выставляетъ на видъ глубокую цѣлесообразность ея учрежденій и принимаемыхъ аѳинянами мѣръ. Онъ выводитъ изъ болѣе общихъ причинъ тѣ черты и явленія, которыя его современникамъ и единомышленникамъ казались случайными или результатомъ произвола. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ можно замѣтить большую аналогію съ Ѳукидидомъ, въ особенности тамъ, гдѣ говорится о преимуществахъ полуостровнаго положенія Аттики (I, 19—20; II, 4—5, 14—16 и рѣчь Перикла Thuc., I, 133 сл.), да и въ другихъ случаяхъ, даже въ содержаніи и самой манерѣ [1]). Вообще трактатъ этотъ, подобно Ѳукидидову труду, можетъ служить яркимъ свидѣтельствомъ того, какой быстрый шагъ сдѣлала историческая и политическая мысль въ Греціи въ короткій промежутокъ послѣ Геродота.

Псевдо-Ксенофонтова „Аѳинская Политія“ — плодъ борьбы политическихъ партій и мнѣній [2]). Она отличается подчасъ макіавеллистическимъ тономъ. Повидимому, авторъ вполнѣ объективно разсматриваетъ аѳинскую демократію; но мѣстами, наряду съ этимъ внѣшнимъ спокойствіемъ и опроверженіемъ какъ-бы неосновательныхъ обвиненій противъ аѳинскаго демоса, проявляется большая страстность, вырываются замѣчанія, полныя ироніи и злобы, въ которыхъ сказывается вся ненависть олигарха къ этой демократіи, что̀, какъ мы видѣли, и даетъ поводъ къ разнымъ толкованіямъ. Но мнѣ кажется, что видимыя противорѣчія въ разсматриваемомъ памфлетѣ тѣмъ именно и объясняются, что авторъ—принципіальный врагъ демократіи: какія-либо отдѣльныя, частичныя исправленія и измѣненія въ строѣ, по его мнѣнію, ни къ чему не ведутъ; они безцѣльны и невозможны; нужно или принимать эту демократію, какъ она есть, или же вырвать ее съ корнемъ. Гомперцъ сравниваетъ автора этого памфлета съ офицеромъ, который принимается за изслѣдованіе верковъ не-

---

[1]) См. А. Н. Шварцъ, стр. 56—57. Roscher едва-ли не готовъ былъ отождествить автора Псевдо-Ксенофонтовой Политіи съ историкомъ Ѳукидидомъ (Klio.—Leben, Werk und Zeitalter des Thukyd., стр. 252).

[2]) О политической литературѣ см. дальше, въ отдѣлѣ объ Аристотелѣ.

пріятельскаго укрѣпленія, чтобы высмотрѣть слабыя мѣста и придумать подходящій способъ нападенія, но котораго такъ поражаетъ искусное расположеніе укрѣпленія и цѣлесообразное соединеніе частей, что онъ не только настоятельно предостерегаетъ своихъ отъ слишкомъ поспѣшнаго нападенія, но не обинуясь выражаетъ удивленіе предъ планомѣрной постройкой и такимъ образомъ становится почти восхвалителемъ ненавистнаго врага. Именно ненависть сообщила особую остроту его глазу и помогла ему открыть нѣкоторыя, дотолѣ неизвѣстныя, основныя политическія истины... [1]).

Историки V—IV в., произведенія которыхъ сохранились лишь въ отрывкахъ.

Нужно имѣть въ виду, что далеко не вся литература грековъ дошла до насъ: отъ нея осталась только часть; масса же произведеній или утрачена совершенно, такъ-что намъ извѣстны лишь имена авторовъ, да и то не всѣ, или же сохранилась только въ отрывкахъ, благодаря ссылкамъ и цитатамъ другихъ, обыкновенно болѣе позднихъ, писателей. Фрагменты эти, какъ они ни скудны подчасъ, все-таки даютъ нѣкоторое понятіе о богатствѣ и разнообразіи греческой исторической литературы второй половины V и IV в., и въ обзорѣ источниковъ необходимо ихъ коснуться.

Прежде всего упомяну о Дамастѣ [2]) (V в.), ученикѣ Гелланика, по темѣ и характеру своихъ произведеній скорѣе принадлежащемъ еще къ логографамъ (О предкахъ греческихъ вождей подъ Троей, Каталогъ народовъ и городовъ, О поэтахъ и мудрецахъ, *Περίπλους*). *Дамастъ.*

Въ V в. въ Греціи уже пробуждается интересъ къ личности и на этой почвѣ возникаетъ литература мемуаровъ. Такъ, поэтъ Іонъ Хіосскій [3]), лирикъ и трагикъ, современникъ и другъ Кимона, написалъ, кромѣ исторіи основанія Хіоса, еще „Воспоминанія“ (*Ἐπιδημίαι* или *Ὑπομνήματα*), въ которыхъ, говоря о *Іонъ.*

---

[1]) Gomperz, Gr. Denker, I, 398; E. Meyer, Forsch., II, 404; въ сущности такъ еще у Roscher'a, стр. 247—252; Scholl, стр. 23.

[2]) F. H. G., II.

[3]) F. H. G., II.—Köpke, De Ionis Chii vita et fragmentis. Berlin 1836; ст. Scholl'я, Rh. Mus., XXXII B.; Kirchhoff, Hermes, V B.; Kohler, ibid., XXIX B.

пребываніи въ разныхъ городахъ и странахъ, разсказываетъ о своихъ встрѣчахъ съ различными выдающимися людьми, напр. съ Кимономъ, Софокломъ, причемъ рисуетъ ихъ индивидуальность, ихъ наружность, вкусы и привычки, приводитъ черты изъ ихъ частной, обыденной жизни, ихъ шутки и остроты и т. под. Насколько можно судить по немногимъ отрывкамъ, въ этихъ „Воспоминаніяхъ“ заключались небезъинтересныя подробности касательно греческихъ дѣятелей на различныхъ поприщахъ и значительный культурно-историческій матеріалъ.

Стесимбротъ.

О Ѳемистоклѣ, Ѳукидидѣ (Алопекскомъ) и Периклѣ существовалъ памфлетъ Стесимброта Ѳасосскаго (V в.)[1]). Въ качествѣ уроженца Ѳасоса и аристократа по симпатіямъ, Стесимбротъ относился съ страстною ненавистью къ Аѳинамъ и Периклу, старался очернить великаго вождя аѳинской демократіи и воспроизвелъ тѣ невыгодные для него слухи, которые распространялись о немъ въ извѣстныхъ кругахъ аѳинскаго общества.

Ктесій

Многихъ изъ тѣхъ лицъ и событій, что̀ и Геродотъ, касается Ктесій, грекъ, попавшій въ плѣнъ къ персамъ и занявшій почетную должность придворнаго врача, авторъ „Исторіи Персіи“ *(Περσικά)*, въ 23 книгахъ[2]), изъ коихъ первыя содержатъ исторію Ассиро-Вавилоніи и Мидіи. Ктесій однако во многомъ отступаетъ отъ Геродота и вообще относится къ послѣднему съ презрѣніемъ, старается уличить его въ ошибкахъ и во лжи. Можно было бы думать, что у него имѣется туземная, персидская версія, тѣмъ болѣе, что онъ прожилъ въ Персіи около 17 лѣтъ (415—398 г.), близокъ былъ ко двору персидскаго царя и самъ ссылается на персидскіе оффиціальные источники *(βασιλικαὶ διφθέραι)*. Но Ктесій—историкъ въ высшей степени недостовѣрный; достаточно сказать, что Мараѳонскую битву онъ связываетъ съ Скиѳскимъ походомъ, а Платейскую помѣщаетъ раньше Саламин-

[1]) F. H. G., II.—Ad. Schmidt большую часть своей 2-томной монографіи о Периклѣ (Das Perikl. Zeitalter. Jena. 1877—9) посвятилъ доказательству, будто Стесимбротъ служилъ главнымъ источникомъ Плутарху и другимъ для исторіи Перикловa вѣка, — мнѣніе, для котораго нѣтъ основаній. См. Gutschmid, Kl. Schr., IV.

[2]) Phot., Bibl., p. 44 b.; Bähr, Ctesiae reliquiae. Frankf. a. M. 1824; отрывки Ктесія имѣются также въ приложеніи къ изд. Геродота въ коллекціи Didot (1858). Болѣе новое изданіе Gilmore, The fragm. of the Persica of Ctesias. London. 1888,—неудовлетворительно (см. A. Bauer, Die Forschungen, стр. 257). — О Ктесіи — Gutschmid, Kl. Schr, II; Lanzani (Riv. di storia antica, 1901).

ской. „Исторію Персіи“ Ктесія еще имѣлъ въ рукахъ патріархъ Фотій, который и сдѣлалъ изъ нея извлеченія [1]).

Въ IV вѣкѣ, въ періодъ развитія наемничества и военнаго искусства, обнаруживается интересъ къ теоріи этого искусства. Это замѣтно у Ксенофонта. Въ греческой литературѣ того времени имѣлось и особое, спеціальное сочиненіе, посвященное военному дѣлу, съ приведеніемъ многочисленныхъ примѣровъ изъ исторіи, и написанное современникомъ Ксенофонта, Энеемъ. До насъ дошелъ отдѣлъ о тактикѣ и осадномъ искусствѣ [2]). *Эней*

Извѣстно, какую роль играло въ Греціи, въ частности въ Аѳинахъ, краснорѣчіе. Риторическое направленіе въ IV в. преобладаетъ въ литературѣ; оно проникло и въ историографію. Историки начинаютъ гнаться за чисто внѣшнимъ эффектомъ, за красивою, гладкою фразою; въ цѣляхъ риторики сочиняютъ и вставляютъ рѣчи, искажаютъ факты; стремленіе къ точному, достовѣрному знанію, къ отысканію истины, отходитъ на второй планъ. Въ особенности могущественно было вліяніе извѣстнаго публициста того времени — Исократа, создавшаго цѣлую школу [3]). Его учениками были самые выдающіеся историки второй половины IV в., Эфоръ и Ѳеопомпъ. Говорятъ, что Исократъ далъ имъ и темы для ихъ историческихъ произведеній, сообразно способностямъ, склонностямъ и темпераменту каждаго. *Риторическое направленіе и вліяніе Исократа*

Тема Эфора [4]) — „Всеобщая исторія Греціи“. Трудъ его состоитъ изъ 30 книгъ и, начинаясь „Возвращеніемъ Гераклидовъ“, доходитъ до осады Перинѳа Филиппомъ Македонскимъ, т. е. до 340 г. Самъ Эфоръ, дожившій до похода Александра въ Азію, не окончилъ его, и послѣдняя книга, излагающая исторію Священной войны, написана его сыномъ Демофиломъ. Каждая книга имѣла особое вступленіе и представляла нѣчто цѣльное: событія излагались въ связи, такъ сказать по группамъ, а не въ строго син- *Эфоръ*

---

[1]) Ктесію принадлежало еще сочиненіе объ Индіи и Περίπλους.

[2]) Изд. Herscher'a. Berl. 1870; Hug'a. Leipz. 1874; его-же, Aeneas v. Stymphalos. Zurich. 1877.

[3]) Rud. v Scala, Isokrates und die Geschichtschreibung. Vortrag. Leipz. 1892.

[4]) F. H. G., I и IV.—Endemann, Beitrage z. Kritik d. Ephoros. 1881; Bruchmann, Beiträge z. Ephoroskritik. Programm. Breslau. I—II. 1889/90—1892/3.— Подробную характеристику Эфора можно найти у Wachsmuth, Einleitung, стр. 498—507; Blass, Die att Beredsamkeit, II²; см. также E. Meyer, Forschungen, I, и Gesch. d. Alterth., III, 254 сл.

хронистическомъ порядкѣ. Есть основаніе думать, что Эфоръ свой трудъ выпускалъ въ свѣтъ по частямъ, по мѣрѣ обработки.

Произведеніе Эфора имѣло огромный успѣхъ; для его современниковъ и послѣдующихъ поколѣній оно служило главнымъ источникомъ по исторіи Греціи: Эфоръ создалъ какъ-бы вульгату этой исторіи [1]). На него часто ссылается Полибій, ставящій его вообще очень высоко, называющій его „первымъ и единственнымъ историкомъ, представившимъ опытъ всеобщей исторіи“ (V, 33); у него немало черпалъ Страбонъ; Діодоръ въ нѣкоторыхъ книгахъ своей „Библіотеки“ даетъ извлеченіе изъ Эфора; стихотвореніе географическаго содержанія такъ назыв. Скимна Хіосскаго представляетъ ничто иное, какъ стихотворное переложеніе изъ Эфора, и т. д. Нѣкоторые новые изслѣдователи ставятъ Эфора тоже чрезвычайно высоко. Нибуръ напр. называетъ его основателемъ всеобщей исторіи Греціи и въ этомъ отношеніи признаетъ его въ высшей степени замѣчательнымъ, а потерю его произведенія—величайшею утратою, какая только постигла древнюю историографію. Извѣстный англійскій историкъ Гротъ находился подъ сильнымъ вліяніемъ Эфора и во многихъ случаяхъ слѣдовалъ за нимъ.

Эфоръ писалъ, когда разрозненный греческій міръ объединялся подъ властью Македоніи, и его „Исторія“, какъ показываетъ самое заглавіе—*Ἱστορία κοινῶν πράξεων*—, отличалась характеромъ универсальнымъ. Это была исторія не того или другаго событія или государства, а всего греческаго міра,—не только Эллады, но и колоній на востокѣ и на западѣ. Но, строго говоря, едва-ли можно проводить въ этомъ отношеніи слишкомъ рѣзкую, принципіальную разницу между Эфоромъ и Геродотомъ и противопоставлять перваго его предшественникамъ: вѣдь, и „Исторія“ Геродота до извѣстной степени носитъ характеръ универсальный. Эфоръ собралъ громадный матеріалъ, пользовался не только трудами предшественниковъ, въ особенности Геродота, но и надписями, и далъ обработанный сводъ предшествовавшей исторической литературы; онъ представилъ связное изложеніе всей греческой исторіи, и въ этомъ его заслуга.

Эфоръ держался раціоналистической точки зрѣнія. Онъ порицалъ тѣхъ, кто въ исторіи любитъ разсказывать миѳы (fr. 70). Самъ онъ исключилъ изъ своей исторіи миѳическій періодъ и

[1]) Wachsmuth, стр. 498.

начинаетъ свое изложеніе съ возвращенія Гераклидовъ, т. е. съ вторженія дорянъ въ Пелопоннесъ, — событія, которое и понынѣ принято считать концомъ миѳическаго и началомъ историческаго періода. Но въ отдѣльныхъ мѣстахъ Эфору все-же приходилось касаться миѳовъ и тогда онъ старается раціонализировать ихъ, напр. змѣя Пиѳонъ у него превращается въ жившаго въ окрестностяхъ Парнаса разбойника, прозваннаго змѣей за свой лютый нравъ. Такой пріемъ раціонализаціи, стремящійся устранить въ миѳѣ чудесный элементъ и удержать остальное, въ сущности напоминаетъ намъ пріемъ еще Гекатея (см. стр. 47).

Вообще теоретическія воззрѣнія Эфора въ области исторической критики и отдѣльныя замѣчанія его иногда вполнѣ правильны и заслуживаютъ вниманія. Когда рѣчь идетъ о современныхъ событіяхъ, тогда, по его мнѣнію, самый обстоятельный разсказъ — самый достовѣрный; относительно же древнѣйшихъ временъ наоборотъ: подобные подробные разсказы онъ считаетъ самыми ненадежными, ибо ни всѣхъ дѣяній, ни рѣчей нѣтъ возможности помнить въ теченіе столь долгаго времени (fr. 2). Полную доказательную силу Эфоръ признаетъ только за свидѣтельствомъ очевидца: если бы историки, говоритъ онъ, могли лично присутствовать при всѣхъ событіяхъ, это былъ бы наилучшій способъ пріобрѣсти свѣдѣнія (fr. 3). Но на практикѣ Эфоръ не всегда умѣетъ какъ слѣдуетъ примѣнить свои воззрѣнія и оказывается историкомъ не столь ужъ выдающимся, какимъ казался онъ напр. Нибуру. Правда, трудъ его универсаленъ, въ немъ богатый матеріалъ не только историческій, но и географическій—Эфоръ придаетъ немалое значеніе природнымъ условіямъ и умѣетъ отмѣтить связь между ними и исторіей страны—; но вообще объясненіе историческихъ явленій, ихъ связи и причинъ, у него неудовлетворительно. Слишкомъ большая роль отводится мелочнымъ, личнымъ причинамъ. Напр., происхожденіе Пелопоннесской войны объясняется тѣмъ, что Периклъ не желалъ давать отчетъ въ употребленіи денегъ и хотѣлъ спасти своихъ друзей отъ преслѣдованія (fr. 119).

Эфоръ не былъ практическимъ государственнымъ или военнымъ дѣятелемъ. Это былъ скорѣе ученый въ нашемъ смыслѣ, и его кабинетная ученость, неопытность въ государственныхъ и военныхъ дѣлахъ, сказывается хотя бы напр. въ описаніи битвъ.

Эфоръ расположенъ въ пользу аѳинянъ. Наоборотъ, другой знаменитый историкъ второй половины IV в., тоже ученикъ Исократа и современникъ Эфора, Ѳеопомпъ [1]), уроженецъ Хіоса, относился къ аѳинянамъ крайне неблагосклонно и въ особенности былъ страстнымъ врагомъ демагоговъ; его симпатіи—на сторонѣ аристократіи и Спарты: Кимона напр. онъ изображалъ совершеннѣйшимъ образцомъ доблести, возвеличивалъ Лисандра и Агесилая и т. под. Эти спартанско-аристократическія симпатіи Ѳеопомпъ получилъ какъ-бы въ наслѣдіе отъ своего отца, который вслѣдствіе своего „лаконизма“, т. е. приверженности къ Спартѣ, долженъ былъ покинуть родной островъ Хіосъ, когда послѣдній примкнулъ ко Второму аѳинскому союзу, и котораго еще ребенкомъ (Ѳеопомпъ родился около 380 г. до Р. Хр.) онъ сопровождалъ въ изгнаніи. Вообще его жизнь полна скитаній. 45 лѣтъ отъ роду Ѳеопомпъ, благодаря содѣйствію Александра Македонскаго, вернулся на родину, но вскорѣ вступилъ здѣсь въ борьбу съ вождемъ демократической партіи, Ѳеокритомъ; плодомъ борьбы были его „Хіосскія письма“ къ Александру, изобличавшія противника въ разныхъ злоупотребленіяхъ и беззаконіяхъ. По смерти Александра Ѳеопомпъ долженъ былъ опять покинуть Хіосъ. Снова начались его странствованія. Между прочимъ былъ онъ и въ Египтѣ, гдѣ, по всей вѣроятности, и умеръ (въ концѣ IV в.).

Ѳеопомпъ

Но эта безпокойная, странствующая жизнь послужила хорошей подготовительной школой для Ѳеопомпа, дала ему возможность посѣтить почти всѣ значительные города и страны Греціи, встрѣтиться и лично познакомиться съ выдающимися дѣятелями, собрать громадный матеріалъ для своихъ историческихъ трудовъ, тѣмъ болѣе, что онъ располагалъ и большими денежными средствами.

Въ Аѳинахъ Ѳеопомпъ имѣлъ возможность пользоваться уроками Исократа и вскорѣ самъ пріобрѣлъ славу замѣчательнаго оратора. На ораторскомъ состязаніи, устроенномъ вдовою Мавсола, онъ одержалъ побѣду надъ соперниками и получилъ премію за панегирикъ умершему владѣтелю Галикарнасса. Ѳеопомпъ самъ говоритъ, что не было публичнаго мѣста и значительнаго

[1]) F. H. G., I и IV; Wichers, Theopompi fragm. Leyden. 1829; Hachtmann, De Theop. vita et scriptis. Progr. Detmold. 1872; Bünger, Theopompea. Strassb. 1874; Dellios, Zur Kritik des Geschichtschreibers Theop. Diss. Jena. 1880; Blass, Die att. Beredsamkeit, II². Ст. о Ѳеопомпѣ—Riese, N. Jahrb., 1870; Hirzel, Rh. Mus., 47 B. (1892); Rohde, ibid, 48 B. (1893).

города въ Греціи, которыхъ онъ не посѣтилъ бы, гдѣ бы не произнесъ рѣчи и не оставилъ послѣ себя великой славы, какъ ораторъ. Вообще Θеопомпъ отличался большимъ самомнѣніемъ. Онъ хвастался тѣмъ, что написалъ не менѣе 20000 строкъ рѣчей и болѣе 150000 строкъ, въ которыхъ можно прочитать о дѣяніяхъ грековъ и варваровъ вплоть до его времени (fr. 26).

Такимъ образомъ, скитанія не помѣшали писательской дѣятельности Θеопомпа. Напротивъ, это — одинъ изъ самыхъ плодовитыхъ историковъ; его дѣятельность въ этомъ отношеніи удивительна.

Θеопомпу принадлежатъ, во-первыхъ, Ἑλληνικά (въ 12 кн.), въ которыхъ онъ, подобно Ксенофонту, является продолжателемъ Θукидида и излагаетъ исторію Греціи съ конца 411 г. до битвы при Книдѣ (394 г.); во-вторыхъ, — *Φιλιππικά*, т. е. Исторія Филиппа Македонскаго, въ 58 кн., главное произведеніе Θеопомпа. Центральною фигурою здѣсь является Филиппъ, историческое значеніе котораго Θеопомпъ своевременно оцѣнилъ; но при этомъ дѣлаются большія отступленія отъ главной темы, экскурсы въ область болѣе отдаленнаго прошлаго, такъ-что исторія Филиппа расширяется въ болѣе или менѣе общую исторію Греціи того времени. Особый отдѣлъ былъ посвященъ аѳинскимъ демагогамъ. Θеопомпу, кромѣ того, принадлежало или, по крайней мѣрѣ, приписывалось epitome изъ Геродота въ 2 кн. Слѣдовательно, въ общей сложности, если признать это epitome за трудъ Θеопомпа, его историческія сочиненія состояли изъ 72 книгъ (въ древнемъ смыслѣ слова).

Θеопомпъ — историкъ съ горячимъ темпераментомъ. Это — была натура страстная, особенно склонная къ инвективамъ и къ злословію, что̀ отмѣчено еще древними: по словамъ Корнелія Непота (Alcib., 11), Θеопомпъ и Тимей—duo maledicentissimi scriptores. Θеопомпъ не щадитъ даже своихъ героевъ и выставляетъ ихъ пороки и недостатки. Такъ поступаетъ онъ и въ отношеніи къ Филиппу [1]), не говоря уже объ аѳинскихъ демагогахъ. Θеопомпа интересовала больше всего человѣческая личность, и историческихъ дѣятелей онъ разсматривалъ преимущественно съ точки зрѣнія ихъ нравственныхъ свойствъ. Онъ старается проникнуть въ тайники ихъ души, раскрыть глубоко скрытые мотивы дѣйствій [2]) Онъ внесъ такимъ образомъ въ исторію—гораздо въ бо́ль-

[1]) Polyb., VIII, 11—13.

[2]) См. Dionys. Halic., Ad Cn. Pomp., 6, p. 782—7.

шей степени, нежели Ксенофонтъ—элементъ психологическій. У Ѳеопомпа—значительный элементъ и культурный: онъ давалъ картину нравовъ и обычаевъ какъ цѣлыхъ народовъ, такъ и отдѣльныхъ лицъ [1]). Подобно Эфору, удѣлялъ онъ видное мѣсто и географическимъ факторамъ, вполнѣ сознавая связь съ ними исторіи.

Ѳеопомпу нечуждо критическое отношеніе къ матеріалу. Онъ, напр., на основаніи, такъ сказать, палеографическихъ соображеній отвергалъ подлинность текста Кимонова мира. Но вмѣстѣ съ этимъ его интересовалъ и элементъ чудесный: въ его сочиненіяхъ цѣлый отдѣлъ былъ посвященъ „удивительнымъ вещамъ“ *(περὶ θαυμασίων)*. А по словамъ Цицерона (De leg., I, 1, 5), Ѳеопомпъ, какъ и Геродотъ, разсказывалъ безчисленныя басни. Самъ онъ, впрочемъ, гордился тѣмъ, что разсказывалъ ихъ лучше своихъ предшественниковъ. Немало было у Ѳеопомпа и анекдотовъ.

Не смотря на это, нѣкоторые изслѣдователи ставятъ Ѳеопомпа чрезвычайно высоко: напр. одинъ изъ новѣйшихъ историковъ Греціи, Белохъ, считаетъ его „Исторію Филиппа“ едвали не главнымъ произведеніемъ греческой историографіи (II, 334). Въ древности Ѳеопомпомъ много пользовались. Изъ обширныхъ Philippica македонскій царь Филиппъ III сдѣлалъ извлеченіе въ 16 книгахъ, подобравъ тѣ мѣста, которыя касались исторіи Филиппа. Но особенное вниманіе обращалъ на себя отдѣлъ объ аѳинскихъ демагогахъ; имъ часто пользовались послѣдующіе историки, напр. Плутархъ, какъ источникомъ для біографіи и характеристики аѳинскихъ дѣятелей V в. Вообще сочиненія Эфора и Ѳеопомпа служили въ древности главнымъ источникомъ и принадлежали къ наиболѣе читаемымъ книгамъ. Геродотъ и Ѳукидидъ почти были забыты: ихъ заслонили собой Эфоръ и Ѳеопомпъ. Можетъ быть, благодаря этому, частымъ ссылкамъ и цитатамъ, и сохранилось сравнительно много ихъ фрагментовъ (за исключеніемъ, впрочемъ, Helleniса Ѳеопомпа, изъ коихъ до насъ дошло немного отрывковъ).

Нѣсколькихъ выдающихся историковъ имѣла Сицилія.

Антіохъ Сиракузскій

Древнѣйшимъ ея историкомъ былъ Антіохъ Сиракузскій (V в.), котораго можно причислить къ логографамъ; сочиненіе его *(Σικελιῶτις συγγραφή)* [2]) доводило исторію Сициліи до конгресса въ Гелѣ (424 г.) и служило источникомъ между прочимъ Ѳукиди-

---

[1]) Ср Croiset, IV, 670, 668.

[2]) F. H. G., I.

ду (стр. 85)[1]). Другой болѣе поздній историкъ Сициліи Филистъ[2]), повидимому, былъ однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ представителей греческой исторіографіи. Филистъ

Въ юности онъ былъ свидѣтелемъ осады Сиракузъ аѳинянами; впослѣдствіи игралъ важную роль въ исторіи роднаго острова, какъ приверженецъ и полководецъ обоихъ Діонисіевъ, Старшаго и Младшаго, и погибъ во время борьбы Діона съ Діонисіемъ Младшимъ (357/6 г.) Его „Исторія Сициліи“ (*Σικελικά*) состояла изъ нѣсколькихъ частей: первая часть, въ 7 книг., доводила изложеніе до 406 г.; вторая часть, первоначально въ 4 кн., обнимала исторію правленія Діонисія Старшаго; затѣмъ къ ней прибавлена была исторія Діонисія Младшаго за 367—363 г. въ 2 кн. Замѣчательно, что для древнѣйшаго періода Филистъ пользовался карѳагенскими извѣстіями. По сжатости изложенія, глубокому пониманію государственныхъ и военныхъ дѣлъ и по нѣкоторымъ другимъ чертамъ его еще въ древности[3]) сравнивали съ Ѳукидидомъ. Къ сожалѣнію, отъ его труда до насъ дошли лишь ничтожные отрывки, и эту почти совершенную утрату Э. Мейеръ не безъ основанія считаетъ одною изъ самыхъ чувствительныхъ потерь въ области древней исторіографіи[4]).

Наиболѣе же извѣстнымъ сицилійскимъ историкомъ является Тимей[5]). Хотя литературная дѣятельность его принадлежитъ большею своею частью уже III в., но такъ какъ рѣчь идетъ объ историкахъ Сицилии и въ виду близости Тимея къ риторическому направленію, я здѣсь же коснусь его. Тимей.

Тимей, родомъ изъ Тавроменія, сынъ основателя послѣдняго, родился около 345—340 г. до Р. Хр. и въ молодости при-

---

[1]) См. также Steup, Thukydides, Antiochos und die angebliche Biographie d. Hermocrates (Rh. Mus., N. F., LVI).

[2]) F. H. G., I и IV; Körber, De Philisto rerum Sicularum scriptore. Breslau 1874; ст. Rubl'я въ N. Jahrb., 1886.

[3]) Dion. Halic., Ad Cn. Pomp., 5, p. 779 сл.

[4]) Gesch. d. Alterth., III, 285—6.

[5]) F. H. G., I и IV; Kothe, De Timaei Tauromenitae vita et scriptis. Breslau. 1874; Beloch, Die Oeconomie d. Gesch. des Timaios (N. Jahrb., 123 B., 1881), Clasen, Histor.-kritische Untersuch. zu Timaios von Tauromenion. Kiel. 1883; Geffcken, Timaios, Geographie des Westens (Philol. Untersuch., hrsg. von Kiessling. u. Wilamowitz-Mollendorff, XIII, 1892); ст. E. Schwartz'a въ Hermes, XXXIV, 1899; Susemihl, Gesch. d. griech. Litteratur in der Alexendrinerzeit. Leipz. 1891, I, 563 сл. См. также Christ, Wachsmuth и друг.

нималъ дѣятельное участіе въ той политической борьбѣ, которая происходила на островѣ Сициліи, какъ сторонникъ Тимолеона и противникъ Агаѳокла. Предъ Тимолеономъ онъ преклонялся, а тираннію, въ особенности же въ лицѣ Агаѳокла, ненавидѣлъ, и далъ выраженіе этой ненависти впослѣдствіи въ своемъ историческомъ трудѣ. Изгнанный Агаѳокломъ (ок. 317 г.) Тимей поселился въ Аѳинахъ, гдѣ и прожилъ болѣе 50 лѣтъ; по мнѣнію однихъ, онъ тамъ и умеръ; по мнѣнію другихъ, онъ подъ конецъ жизни возвратился на родину (при Гіеронѣ II); вѣроятнѣе первое. Дожилъ Тимей до глубокой старости (умеръ ок. 250 г. до Р. Х.).

Его трудъ (*Ἱστορίαι*)—главный источникъ свѣдѣній по исторіи не только Сициліи, но и вообще западныхъ эллиновъ, отчасти и Карѳагена. Состоялъ онъ изъ 38 книгъ, изъ коихъ 33 обнимали исторію Сициліи съ древнѣйшихъ временъ до Агаѳокла, а 5—содержали исторію этого тиранна. Кромѣ того, въ видѣ какъ-бы приложенія, Тимей написалъ исторію Пирра и его войнъ въ Италіи и Сициліи.

Тимей предпринималъ далекія путешествія, вообще съ большимъ трудолюбіемъ и стараніемъ собралъ богатый матеріалъ, воспользовался между прочимъ надписями—списками проксеновъ—, изучалъ даже документы карѳагенянъ и финикіянъ. Въ особенности замѣчателенъ его трудъ въ отношеніи хронологической системы: Тимей положилъ за основу списокъ побѣдителей на Олимпійскихъ играхъ и ввелъ такимъ образомъ тотъ счетъ по Олимпіадамъ, который потомъ надолго сдѣлался общепринятымъ; къ этой обще-эллинской системѣ Тимей свелъ отдѣльныя, мѣстныя системы—счетъ по эфорамъ, по архонтамъ и т. под. Зато еще Полибій ставилъ ему въ упрекъ отсутствіе взгляда практическаго государственнаго дѣятеля. Вообще трудъ Тимея—продуктъ кабинетной учености, подобно „Исторіи“ Эфора. Тимей принадлежалъ въ значительной степени тоже къ риторическому направленію, получившему господство въ Греціи со временъ Исократа. Пространныя рѣчи занимали въ его трудѣ видное мѣсто. Тимей далеко не чуждъ былъ суевѣрія, придавалъ значеніе снамъ, предзнаменованіямъ и различнымъ совпаденіямъ. Это вліяло и на фактическую сторону его изложенія: напр. оба великіе соперники, Римъ и Карѳагенъ, у него оказываются основанными въ одинъ и тотъ же годъ [1]). Въ ходѣ событій онъ усматривалъ дѣйствіе судьбы или *δαιμόνιον*'а.

[1]) Cf. Wachsmuth, Einleitung., стр. 552.

Трудъ Тимея оказалъ большое вліяніе на послѣдующихъ историковъ: изъ него черпали Діодоръ, Плутархъ, Трогъ Помпей и др. Можно сказать, что ему мы обязаны большею частью тѣхъ свѣдѣній по исторіи, географіи и этнографіи древней Сициліи и Италіи, которыми мы располагаемъ.

Тимей и его предшественники—представители отчасти мѣстной исторіи, хотя и построенной на широкомъ основаніи, охватывающей обширный районъ. Вообще, на-ряду съ трудами общаго, болѣе или менѣе универсальнаго характера, въ Греціи существовала и развивалась исторія мѣстная: многіе города и области имѣли свою историческую традицію и своихъ историковъ, свои хроники или лѣтописи [1]). Выше (стр. 42, 49) о нихъ было уже упомянуто. Здѣсь же особенно слѣдуетъ отмѣтить такъ наз. Аттиды (*Ἀτθίδες*), лѣтописи или хроники Аттики [2]). Въ основѣ ихъ, очевидно, лежатъ списки архонтовъ, къ которымъ присоединялись записи или замѣтки о важнѣйшихъ происшествіяхъ и природныхъ явленіяхъ. Виламовицъ высказалъ предположеніе [3]), что прототипомъ или схемою для Аттидъ служила хроника „экзегета", хранителя старины, старинныхъ священныхъ обычаевъ и права. По крайней мѣрѣ, среди сочиненій одного изъ древнѣйшихъ аттидографовъ, Клидема или Клитодема, встрѣчаемъ *Ἐξηγητικόν* и самъ онъ былъ экзегетъ, а знаменитѣйшій изъ аттидографовъ, Филохоръ, былъ предсказателемъ, *μάντις* и *ἱεροσκόπος* [4]). Но Аттиды проникнуты не консервативнымъ духомъ, а демократическимъ, приверженностью аѳинской демократіи и большимъ патріотизмомъ; въ нихъ находятся свѣдѣнія, не только имѣющія отношеніе къ миѳамъ и сагамъ, культу и святынямъ: ихъ содержаніе было гораздо шире и касалось многихъ чисто свѣтскихъ вещей, въ сущности мало интересныхъ для экзегета: Аттиды касались хронологіи и топографіи, политической и литературной исторіи, въ особенности же исторіи государственныхъ

Аттиды и аттидографы.

---

[1]) См. Wilamowitz-Möllendorff, Arist. und Athen., II, 21 сл.

[2]) F. H. G., I и IV. Объ Аттидахъ см. преимущественно у Wilamowitz, Arist. u. Athen, I, 277 сл.; а также—ст. E. Schwartz'a въ Pauly-Wissowa, Real-Encyclopädie d. classischen Altertumswiss., s. v.

[3]) Его раздѣляетъ и E. Schwartz, l. c.; не соглашается Ad. Bauer, Die Forschungen, стр. 180—181.

[4]) На это обстоятельство еще раньше Виламовица обратилъ вниманіе Köhler, мимоходомъ, въ ст. Zur Gesch. d. amphiloch. Krieges, Hermes, XXVI (1891), 45, прим.

учрежденій [1]). Напр. если еще до открытія „Аѳинской Политіи“ Аристотеля мы имѣли хотя нѣкоторое понятіе о сущности Эфіальтовой реформы ареопага, то этимъ мы обязаны были только сохранившейся цитатѣ, очень краткой, изъ Аттиды Филохора.

Аттиды отличаются болѣе или менѣе документальнымъ характеромъ; въ нихъ обнаруживается стремленіе къ точной хронологіи; датой служитъ обыкновенно имя архонта-эпонима. Встрѣчаются нерѣдко цитаты изъ псефизмъ и законовъ. Многія замѣтки и извѣстія, очевидно, восходятъ къ древнимъ записямъ, современнымъ упоминаемымъ въ нихъ событіямъ. Въ Аттидахъ преобладаетъ историко-антикварный элементъ; изложеніе обыкновенно сухое, фактическое, безъ риторическихъ прикрасъ, но анедоктическія подробности не исключаются.

Этотъ видъ историческихъ произведеній достигъ своего развитія во второй половинѣ IV в.

Древнѣйшимъ аттидографомъ, если не считать Гелланика, котораго причисляютъ еще къ логографамъ, но у котораго уже имѣется *Ἀτθίς*, называютъ Клидема или Клитодема (Paus., X, 15, 5). Судя по тому, что въ одномъ изъ его отрывковъ упоминается о симміріяхъ (fr. 8), Клидемъ написалъ свою Аттиду не раньше половины IV в. Затѣмъ можно назвать Фанодема, Демона и Меланѳія [2]), которые извѣстны намъ лишь по весьма немногимъ фрагментамъ. Болѣе извѣстны Адротіонъ и Филохоръ. Первый, по всей вѣроятности, то самое лицо, противъ котораго имѣется рѣчь Демосѳена, слѣдовательно,—современникъ послѣдняго. Филохоръ, самый выдающійся аттидографъ, принадлежитъ уже концу IV и первой половинѣ III в.: изъ fr. 146 мы знаемъ, что въ 306 г. онъ былъ *ἱεροσκόπος;* во время такъ наз. Хремонидовской войны онъ боролся противъ Антигона Гоната и послѣ занятія послѣднимъ Аѳинъ былъ казненъ (261 г.). Его Аттида [3]) состояла изъ 17 книгъ и обнимала всю исторію Аттики съ древнѣйшихъ временъ и до 261 г. Отъ нея сохранилось значительное число фрагментовъ, болѣе 200.—Впослѣдствіи, уже въ са-

---

[1]) A. Bauer, l. c.

[2]) Время его жизни въ точности неизвѣстно; Виламовицъ относитъ его къ первой половинѣ IV ст., а Susemihl—къ III в. (Gesch. d. gr. Litt. in der Alexandr.-zeit, I, 622).

[3]) Bockh, Ueber den Plan der Atthis d. Philochoros. 1832 (Kl. Schr., V); Strenge, Quaestiones Philochoreae. Gott. 1868.— По свидѣтельству Suid., Филохору, кромѣ того, принадлежало собраніе - *ἐπιγράμματα Ἀττικά*.

момъ концѣ III в. до Р. Хр., Истръ [1]), ученикъ извѣстнаго александрійскаго ученаго и поэта Каллимаха, интересовавшійся всякими археологическими вопросами, особенно касавшимися Аттики, составилъ сводъ или собраніе Аттидъ, *συναγωγὴ τῶν Ἀτθίδων*.

Ни одна изъ Аттидъ, къ сожалѣнію, не дошла до насъ цѣликомъ, и до послѣдняго времени общій характеръ и значеніе этого рода историческихъ произведеній для насъ оставался неяснымъ; мы лучше узнали, что̀ такое были Аттиды, лишь недавно, благодаря вновь открытой „Аѳинской Политіи“ Аристотеля.

Аристотель

Начало политической литературы.

Мы видѣли (стр. 28), что уже въ греческой лирикѣ былъ силенъ политическій элементъ. эта лирика отличалась, такъ сказать, боевымъ характеромъ, и въ ту эпоху лирическія произведенія отчасти играли роль послѣдующихъ политическихъ памфлетовъ и прессы нашего времени. Они затрогивали вопросы и о государственномъ устройствѣ; напр. схема трехъ государственныхъ формъ намѣчена Пиндаромъ [2]). Политическій элементъ въ этомъ смыслѣ мы найдемъ и въ произведеніяхъ историковъ, у Геродота (напр. рѣчи персидскихъ вельможъ о преимуществахъ и недостаткахъ демократіи, олигархіи и монархіи, III, 80 сл.) и Ѳукидида (рѣчь Перикла надъ павшими воинами и проч.). Но самостоятельное значеніе греческая политическая литература [3]) получила лишь въ концѣ V в., въ эпоху „просвѣщенія“ и дѣятельности софистовъ. Со времени Пелопоннесской войны вопросы о формахъ правленія и о наилучшемъ государственномъ устройствѣ, внутренней и внѣшней политики особенно привлекаютъ къ себѣ вниманіе. Въ бесѣдахъ софистовъ, въ различныхъ политическихъ трактатахъ, памфлетахъ и рѣчахъ вопросы эти съ жаромъ дебатировались; описывалась или критиковалась существующая форма, вспоминался прежній строй, *πάτριος πολιτεία*, выставлялись идеалы совершеннѣйшаго государства, обсуждалась проблема объ отношеніи человѣка къ государству и обществу и т. д. Безъ

[1]) F. H. G., I.—Wellmann, De Istro Callimachio. Greifsw. 1886.

[2]) Schöll, Die Anfange einer politisch. Literatur, стр. 8.

[3]) Henkel, Studien zur Gesch. d. griech. Lehre vom Staat. Leipz. 1872; Schöll, Die Anfange einer polit. Liter.; Wilamowitz-Möllendorff, Arist. und Athen, I, 169 сл.; Dummler, Prolegomena zu Platons Staat Progr. 1891; E. Meyer, Gesch. d. Alterth., III, 255 сл.

сомнѣнія, историкъ не можетъ игнорировать этотъ родъ произведеній. для него они служатъ важнымъ и любопытнымъ источникомъ; но, къ сожалѣнію, политическая литература грековъ до насъ дошла далеко не вся

Политическими памфлетами въ духѣ олигархической партіи особенно богаты были послѣдніе годы V в., когда подверглись сомнѣнію достоинства и цѣлесообразность демократическаго строя, когда олигархи подняли голову, выступили противъ ненавистной имъ демократіи и дважды торжествовали побѣду (въ 411 и 404 г.). Вопросы о политическомъ устройствѣ, о старинномъ строѣ (*πάτριος πολιτεία*), служившемъ въ Аѳинахъ для всѣхъ девизомъ, являлись тогда животрепещущими и модными. Съ площадей и изъ народнаго собранія борьба мнѣній и партій перенесена была и въ литературу: въ послѣдней она находила себѣ не только выраженіе, но и орудіе, средство для воздѣйствія на общественное мнѣніе. Псевдо-Ксенофонтова „Аѳинская Политія", о которой мы уже говорили (стр. 135 сл.),—одинъ изъ образцовъ подобнаго рода литературы. Остальныя политическія произведенія того времени погибли или дошли лишь въ отрывкахъ.

Извѣстно напр., что Критій [1]), одинъ изъ Тридцати тирановъ, поэтъ, ораторъ и философъ, написалъ: „Политію Лакедемонскую", „Ѳессалійскую" и, есть основаніе думать,—„Аѳинскую" [2]) (нѣкоторые отрывки изъ нихъ сохранились): онъ былъ, по словамъ Гутшмида, послѣднимъ трактовавшимъ о политическихъ вопросахъ въ элегической формѣ и первымъ написавшимъ прозаическое произведеніе о „Политіяхъ", т. е. о государственныхъ устройствахъ, конституціяхъ. Его „Политіи" были, повидимому, произведенія тенденціозныя: Критій взводилъ обвиненія на Ѳемистокла и Клеона въ чудовищномъ казнокрадствѣ и лихоимствѣ. Крайній олигархъ, онъ отличался однако безпощаднымъ радикализмомъ. Его отрывки показываютъ, что онъ обращалъ вниманіе на утварь, на нравы и обычаи и отмѣчалъ внутреннюю связь между ними и государственнымъ строемъ [3]).

---

[1]) F. H. G., II; Gutschmid, Kl. Schriften, IV.

[2]) Th. Reinach, Aristote ou Critias? (Rev. des Études grecques, 1891, IV); Dummler, Die Ἀθηναίων Πολιτεία des Kritias (Hermes, XXVII, 1892); см. также М. М. Покровскій, „Этюды по Аѳинской Политіи Аристотеля". М. 1893.

[3]) Gutschmid, IV, 326—8.

Къ политическимъ произведеніямъ конца V и начала IV в. принадлежитъ также памфлетъ, приписываемый новѣйшими учеными [1]) спартанскому царю Павсанію и направленный противъ происковъ Лисандра; имъ пользовался, повидимому, Эфоръ.—О „Лакедемонской Политіи“ Ксенофонта было уже раньше упомянуто (стр. 132—3).

Къ политическимъ произведеніямъ публицистическаго характера должны быть отнесены и рѣчи Исократа, о которыхъ тоже мы уже говорили (стр. 37—38).

Политическія сочиненія IV в. вообще можно раздѣлить на двѣ категоріи: одни—болѣе или менѣе характера спекулятивнаго и даже утопическаго, которыя строили идеалъ наилучшаго государства, исходя изъ идеи: таковы произведенія Платона (см. выше, стр. 35); другія трактовали о политическихъ отношеніяхъ и строѣ, каковы они въ дѣйствительности, о ихъ возникновеніи и развитіи, т. е. касались исторіи. Эти послѣднія для насъ въ данномъ случаѣ важнѣе, а среди нихъ первое мѣсто, разумѣется, занимаютъ „Политика“ и „Политіи“ Аристотеля.

Аристотель.

Аристотель [2]) близко стоялъ и къ Македоніи, и къ Аѳинамъ. Онъ родился (384/3 г.) въ Стагирѣ, на полуостровѣ Халкидикѣ, былъ сыномъ придворнаго врача при македонскомъ царѣ Аминтѣ II; онъ былъ другомъ Антипатра и одно время наставникомъ Александра Македонскаго. Но большую часть своей жизни Аристотель провелъ въ Аѳинахъ: въ молодости цѣлыхъ 20 лѣтъ, съ 367 по 347 г., онъ былъ въ школѣ Платона; въ 335 г. онъ снова поселился въ Аѳинахъ, гдѣ и основалъ свою школу перипатетиковъ въ Ликеѣ, рощѣ Аполлона Ликейскаго, и только въ 323 г., когда по смерти Александра вспыхнуло въ Аѳинахъ возстаніе противъ македонянъ, Аристотель, въ виду грозившаго ему гоненія, бѣжалъ въ Халкиду (на о. Евбеѣ) и тамъ вскорѣ умеръ (322 г.). Аристотель жилъ въ то время, когда заканчивался циклъ

[1]) Въ особенности—E. Meyer'омъ, Forsch, I, 213 сл. Противъ этого—Schwartz (Quaestiones ex historia graeca saec. IV desumptae. Index lect. Rostok. 1893), по которому имя Павсанія—лишь маска, а настоящій авторъ—софистъ, и Эфоръ имъ не пользовался. См. Wachsmuth, Einleitung, стр. 501, прим. 5; Ad. Bauer, Die Forschungen, стр. 244, прим. 339.

[2]) Объ Аристотелѣ см. общія сочиненія по исторіи философіи—Zeller'a, Вильденбанда, Ueberweg'a, Eucken'a (Die Lebensanschauungen d. gross. Denker. Leipz. 1890) и друг. Біографія Аристотеля — у Wilamowitz, Arist. u. Athen, I (въ концѣ) и Pauly-Wissowa, Real-Encyclopädie (ст. Gercke).

независимой политической жизни Эллады и наступала новая эпоха—эпоха эллинизма, когда Греція и Персія, Западъ и Востокъ, объединялись подъ властью Македоніи и подъ воздѣйствіемъ греческой культуры.

Аристотель охватывалъ всѣ отрасли, всю сумму тогдашняго *знанія (за исключеніемъ, можетъ быть, математики и медицины, хотя самъ онъ былъ Асклепіадъ и сынъ врача)*. Онъ завершилъ предшествующее развитіе, подвелъ итогъ всему, что сдѣлала тогдашняя наука и философія, что знали греки. По своимъ политическимъ воззрѣніямъ онъ принадлежалъ всецѣло прошлому; онъ, казалось, не замѣчалъ или не понималъ тѣхъ новыхъ формъ, которыя возникали въ его время: Аристотель стоитъ на прежней, чисто-эллинской точкѣ зрѣнія и видитъ типъ государства попрежнему въ городѣ, въ *πόλις*. Онъ даже одобряетъ рабство; слѣдовательно, дѣлаетъ шагъ назадъ, по сравненію съ софистами и Платономъ [1]). Его „Политика“ — какъ-бы „предсмертное завѣщаніе умирающаго эллинскаго міра“ [2]) и служитъ весьма важнымъ источникомъ для историка: на существовавшія въ эллинскомъ мірѣ государственныя формы, на ихъ развитіе и на перемѣны въ нихъ она бросаетъ болѣе яркій свѣтъ, чѣмъ какое бы то ни было другое произведеніе греческой литературы изъ дошедшихъ до насъ, и вообще содержитъ массу историческаго матеріала [3]).

Политика

Первыя книги (I—III) „Политики“ содержатъ основныя положенія ученія о государствѣ и его формахъ. Сначала говорится

---

[1]) Белохъ, Исторія Греціи. М. 1899, II, 328 (рус. пер.).

[2]) Кн. Е. Н. Трубецкой, Политич. идеалы Платона и Аристотеля въ ихъ всемірно-историч. знач. (Вопр. филос. и психол., 1890, кн. 4).

[3]) Изданія „Политики„—Göttling'a (1824), въ особенности же Im. Bekker'a (I—II т. [1831] „Aristotelis Opera“, издаваем. Берлинскою Академіею Наукъ) и Susemihl'я (новѣйш. изд. въ Biblioth. Teubneriana), первыя 2 кн. „Политики“ имѣются въ изд. Newman'a (Oxford. 1887. 2 v.) съ обширнымъ предисловіемъ, этюдами и примѣч. на англійск. яз.—Переводы: франц. Barthélémy Saint Hilaire (1837); нѣмец.—Susemihl'я, съ греч. текстомъ, введеніемъ и примѣч. (Leipz. Engelmann. 1878. 2 Bde). Важнѣйшая монографія — Oncken, Die Staatslehre d Aristot. Leipz. 1870—75. 2 Bde; см. также Bradley, Die Staatslehre d. Aristoteles. Berlin. 1886 (пер. съ анг.); Hildenbrand, Gesch. und System der Rechts-und Staatsphilosophie. Leipz. 1860. I-er B.; Krohn, Zur Kritik Aristot. Schriften. Brandenburg. I. 1872 (Progr.); Bernays, Gesam. Abhandlungen. Berl. 1885. I, Thurot, Études zur Aristote. P. 1860; Dareste, La science du droit en Grèce. P. 1893. На русск. яз.—Б. Н. Чичеринъ, Ист. полит ученій. М 1896, ч. I; П. Г. Рѣдкинъ, Изъ лекцій по ист. филос. права. Спб. 1889—91, т. V—VII, и проч.

о цѣли, основахъ и элементахъ государства (I кн.); затѣмъ Аристотель останавливается на идеальныхъ построеніяхъ наилучшаго государства, принадлежащихъ мыслителямъ-теоретикамъ, и подвергаетъ ихъ теоріи критическому разбору; такимъ образомъ благодаря Аристотелевой „Политикѣ“ мы знакомимся со взглядами и такихъ авторовъ, сочиненія коихъ до насъ не дошли (напр. Гипподама Милетскаго); далѣе Аристотель разсматриваетъ строй Спарты и Крита, съ его темными и свѣтлыми сторонами, какъ государствъ, которыя пользовались славою наилучше устроенныхъ; характеризуетъ законодательство Солона и проч. (II кн.). Въ III кн. опредѣляется понятіе гражданина и говорится о „правильныхъ“ и „неправильныхъ“ формахъ правленія; къ первымъ Аристотель относитъ монархію, аристократію и политію, представляющую средину между олигархіей и демократіей, смѣшеніе той и другой, а ко вторымъ—тираннію, олигархію и демократію, представляющія извращенія соотвѣтствующихъ правильныхъ формъ. Подробное разсмотрѣніе этихъ формъ и отдѣльныхъ ихъ видовъ составляетъ содержаніе IV кн., гдѣ рѣчь идетъ о государствѣ, возможно лучшемъ въ дѣйствительности, при данныхъ обстоятельствахъ V кн. говоритъ о перемѣнахъ въ государственныхъ устройствахъ, политическихъ переворотахъ и причинахъ, ихъ вызывающихъ; VI кн. содержитъ дополнительныя замѣчанія, главнымъ образомъ о томъ, какъ поступать при введеніи и для сохраненія упомянутыхъ въ IV книгѣ государственныхъ устройствъ, а VII и VIII трактуютъ о наилучшемъ, идеальномъ государствѣ и о воспитаніи.

Въ такомъ порядкѣ дошли до насъ книги „Политики“; но уже давно высказывалось предположеніе [1]) и въ настоящее время почти всѣми принято, что VII и VIII кн. находятся не на своемъ мѣстѣ: онѣ должны слѣдовать непосредственно за III; а нѣкоторые [2]) полагаютъ, что и V—VI кн. нужно переставить одну на мѣсто другой. Есть даже мнѣніе, будто большая часть книгъ „Политики“ представляетъ отдѣльные, совершенно самостоятель-

---

[1]) Еще въ XIV в. Nicolas d'Oresme и въ XVI—Segni; доказалъ это Barthélémy-Saint-Hilaire и въ особенности Spengel (Abhandl d bayer. Akad. d. Wiss., V. 1849).

[2]) Barthélémy S. Hilaire, Spengel, Susemihl (въ прежн. изд. съ нѣм пер.) и друг.; противъ такой перестановки изъ новѣйшихъ ученыхъ—Wilamowitz, Ar. u. Athen., I, 355.

ные трактаты, которые лишь впослѣдствіи включены въ общую схему [1]).

Вообще текстъ „Политики“ далекъ отъ исправности: мы встрѣтимъ въ немъ немало вставокъ, повтореній или варіантовъ одной и той же мысли, противорѣчій и пропусковъ [2]); VIII кн., очевидно, не окончена. Можно считать теперь несомнѣннымъ, что текстъ „Политики“ не былъ окончательно обработанъ Аристотелемъ, что нынѣшняя редакція не принадлежитъ самому философу, а болѣе или менѣе искажена постороннею рукою [3]).

Въ данномъ случаѣ для насъ важны, конечно, не столько теоретическія воззрѣнія Аристотеля, хотя и здѣсь для историка немало интереснаго [4]), сколько его наблюденія надъ развитіемъ формъ и учрежденій греческихъ государствъ и тѣ многочисленные историческіе примѣры и аналогіи, которые онъ приводитъ въ видѣ иллюстрацій своихъ положеній или изъ которыхъ онъ

---

[1]) Wilamowitz, I, 355, и въ особенности А. Н. Шварцъ, Изъ наблюденій надъ Политикой Арист. (Χαριστήρια.— Сборникъ въ честь Ѳ. Е. Корша. М 1896).

[2]) Къ такому заключенію пришелъ еще въ XVII ст. Conring: въ своемъ изданіи „Политики“ онъ отмѣтилъ звѣздочками всѣ казавшіяся ему въ этомъ отношеніи подозрительными мѣста, но онъ зашелъ ужъ слишкомъ далеко, и звѣздочекъ у него оказалось такъ много, что въ насмѣшку его изданіе сравнивали съ звѣзднымъ небомъ.

[3]) Разногласіе можетъ быть только въ частностяхъ: тогда какъ по мнѣнію однихъ, „Политика“ въ нынѣшнемъ ея видѣ не что иное, какъ рядъ предварительныхъ, черновыхъ набросковъ, служившихъ Аристотелю пособіемъ при изложеніи предмета ученикамъ, своего рода конспектомъ (Bernays, Stahr), по мнѣнію другихъ—это записи слушателей (Скалигеръ. Онкенъ), причемъ нѣкоторыми допускается, что составитель могъ пользоваться, между прочимъ, и бумагами своего учителя (Онкенъ); а по мнѣнію третьихъ, Аристотель самъ принялся за обработку своего труда, въ основѣ котораго лежали лекціи, но не успѣлъ окончить своей работы, и его учебникъ подвергся вставкамъ и переработкѣ со стороны другихъ лицъ (Hildenbrand, Zeller, Windelband, Susemihl).

[4]) Напр. признаніе цѣлесообразности въ дѣйствіяхъ природы, которая ничего не дѣлаетъ понапрасну (1253a 9—10, 1253b 21—22), и закономѣрности въ развитіи государственныхъ формъ; взглядъ на государство, какъ на организмъ, какъ на естественное, органическое явленіе (1253a 1 сл.); признаніе важности надлежащаго урегулированія имущественныхъ отношеній (1266a 36 сл.) и правильной постановки воспитанія (VIII кн.), различеніе трехъ отраслей власти (1298a 1 сл.); указаніе на вліяніе природныхъ условій и народнаго характера (1285a 20 сл.), на связь между развитіемъ демократіи и морскаго могущества и т. д.

исходитъ въ своихъ теоретическихъ воззрѣніяхъ. Особенно богата ими V книга, трактующая о переворотахъ [1]). По вычисленію А. Н. Шварца, „она даетъ болѣе 130 примѣровъ изъ исторической жизни около 54 государствъ—и притомъ изъ всѣхъ областей эллинскаго и варварскаго міра, начиная отъ Кирены до Амфиполя, отъ Массаліи до Хіоса и отъ Сиракузъ и Сибариса до Аполлоніи и Гераклеи на Понтѣ". Наряду съ такими государствами, какъ Аѳины, Сиракузы, Коринѳъ въ этой книгѣ упоминаются „небольшіе городишки въ родѣ Ореоса, Герэи и Амбракіи"; доказательства заимствуются изъ исторіи и быта такихъ областей тогдашняго міра, которыми, по всей вѣроятности, до Аристотеля никто не занимался [2]).

Когда Аристотель работалъ надъ „Политикою", онъ, очевидно, долженъ былъ уже располагать тѣмъ громаднымъ фактическимъ матеріаломъ, который онъ впослѣдствіи обработалъ въ другомъ своемъ трудѣ—„Πολιτίαхъ", представлявшихъ исторію и описаніе строя 158 государствъ. Но составлена „Политика", повидимому, раньше „Политій": послѣднія, какъ увидимъ, написаны послѣ 329 г.; въ „Политикѣ" же имѣются указанія на то, что она написана во второй половинѣ 30-хъ годовъ: въ ней (1311b 1—3) упоминается объ умерщвленіи Филиппа Павсаніемъ (336 г.); Персидское царство предполагается еще существующимъ [3]). Впрочемъ, вопросъ о времени составленія „Политики"—довольно сложный и запутанный; разныя части ея могли быть написаны въ разное время. Находятъ въ ней признаки, указывающіе на составленіе ея раньше 336 г.; а въ послѣднее время нѣкоторыми учеными высказано мнѣніе, что „Политика" писалась Аристотелемъ въ послѣдніе годы его жизни [4]), что нѣкоторыя книги ея могли быть написаны раньше „Политій" (напр. VII—VIII), а дру-

---

[1]) Lutoslavski, Erhaltung und Untergang der Staatsverfassungen nach Plato, Aristot. und Macchiavelli. Dorp 1887.

[2]) А. Н. Шварцъ, Изъ наблюденій надъ Политикой Арист. (Χαριστήρια, стр. 408—9).

[3]) Въ томъ, какъ упоминается о Θивахъ въ 1321a 26 сл., иногда усматриваютъ доказательство того, что Θивы тогда еще не были разрушены (Keil, Die Solon. Verfassung in Aristoteles Verfassungsgesch. Athens. Berl. 1892, стр. 123); но этому мѣсту можетъ быть противопоставлено другое — 1278a 25 (ἐν Θήβαις δὲ νόμος ἦν, а не ἐστίν), изъ котораго выводятъ обратное заключеніе (Zeller, А. Н. Шварцъ).

[4]) Susemihl, Quaestiones Aristoteleae. Greifsw. 1892/3. II.

гія (IV—VI)—позже, и что, слѣдовательно, оба труда составлялись какъ-бы одновременно [1]).

„Политіи“ Другое произведеніе Аристотеля, служащее въ высшей степени важнымъ источникомъ для историка,—„Политіи“, о строѣ греческихъ и отчасти варварскихъ государствъ, трудъ колоссальный по объему и содержанію: если вѣрить индексамъ или спискамъ Аристотелевыхъ произведеній, всѣхъ „Политій“ было не менѣе 158 [2]). До 1891 г. онѣ были извѣстны намъ лишь по ссылкамъ и отрывкамъ. Въ древности и въ первые вѣка нашей эры ихъ неразъ цитировали, напр. Плутархъ (быть можетъ, изъ вторыхъ рукъ), и въ особенности лексикографы—Гарпократіонъ, Поллуксъ и друг.; но затѣмъ—какъ есть основаніе думать, между VI и IX в.—„Политіи“ были утрачены, и хотя цитаты и ссылки на нихъ встрѣчаются и позже, но едва-ли онѣ были результатомъ непосредственнаго знакомства съ произведеніемъ Аристотеля. Аристотелевы фрагменты издавались неразъ, и въ послѣднемъ изданіи [3]) число отрывковъ изъ „Политій“ доходило до 223; изъ нихъ на долю одной только „Аѳинской Политіи“ приходилось 91.

„Аѳинская Политія“. Только въ самомъ началѣ 90-хъ годовъ истекшаго столѣтія найдена была среди папирусовъ, пріобрѣтенныхъ въ Египтѣ Британскимъ Музеемъ, важнѣйшая изъ Аристотелевыхъ „Политій“—„Аѳинская“ и издана впервые въ Лондонѣ Кеніономъ (1891), съ предисловіемъ и комментаріями [4]). Въ виду важности этого, хотя и небольшаго по объему, источника, съ открытіемъ котораго

---

[1]) А. Н. Шварцъ, Къ вопросу о времени написанія Политики Арист. (Филол. Обозр., VIII. 1895). Ср. и упомянутую раньше ст. его въ Χαριστήρια, а также Wilamowitz, I, 355—6.

[2]) У Діог. Лаэрція и Анонима; а по Птолемею—161 (171 или даже 191), по свидѣтельству нѣкоторыхъ біографовъ и комментаторовъ Аристотеля—250 и 255. Цифра, приводимая Діогеномъ Лаэрціемъ и Анонимомъ, заслуживаетъ предпочтенія.

[3]) Принадлежащемъ Валентину Розе, Aristotelis qui ferebantur librorum fragmenta. Leipz. 1886 (въ Bibl. Teubneriana); это—новѣйшее и наиболѣе полное изданіе; раньше Розе редактировалъ собраніе фрагментовъ въ 5-мъ т. „Aristotelis Opera“, 1870, издав. Берлинскою Акад. Наукъ; ср. его-же, Arist. Pseudepigraphus. Leipz. 1863.

[4]) Ἀθηναίων Πολιτεία.—Aristotle on the Constitution of Athens, edited by F. G. Kenyon. 1891; 3-е изд. — 1892. — Facsimile папируса издано имъ-же: Ἀθηναίων Πολιτεία. — Aristotle on the Constit. of Athens. Facsimile of Papyrus CXXXI in the British Museum etc 1891.

изученіе аѳинской исторіи вступило въ новый фазисъ, и возбужденнаго имъ интереса, я остановлюсь на немъ подробнѣе [1]).

Рукопись трактата

Текстъ изданнаго Кеніономъ трактата написанъ на оборотной сторонѣ папируса, состоящаго изъ 4 кусковъ, неодинаковой величины; сохранился папирусъ довольно удовлетворительно, за исключеніемъ 4 свитка, очень попорченнаго. Текстъ писанъ 4-мя почерками, изъ коихъ второй, судя по грубымъ ошибкамъ и опискамъ, принадлежитъ человѣку необразованному, по всей вѣроятности, рабу или наемному переписчику. Въ рукописи имѣются поправки, сдѣланныя первою рукою, какъ полагаетъ Кеніонъ, но не всегда удачныя и далеко не тщательныя. Ни заглавія, ни начала трактата въ нашемъ папускриптѣ нѣтъ и, повидимому, не было: по крайней мѣрѣ, въ началѣ перваго столбца оставлено пустое мѣсто: вѣроятно, экземпляръ, съ котораго списывался дошедшій до насъ текстъ, былъ дефектнымъ или слишкомъ неразборчивымъ въ этомъ мѣстѣ, и переписчикъ или то лицо, для котораго переписывался трактатъ, быть можетъ разсчитывали добавить недостающее начало впослѣдствіи. Въ серединѣ 10 столбца (въ 25 главѣ.) текстъ прерываютъ hypothesis и объяснительныя примѣчанія къ рѣчи Демосѳена противъ Мидія, занимающія полтора столбца и написанныя въ обратномъ направленіи, очевидно раньше трактата; затѣмъ опять идетъ текстъ послѣдняго. На лицевой сторонѣ папируса находится счетъ прихода и расхода какого-то управляющаго, помѣченный „одиннадцатымъ годомъ царствованія императора Веспасіана“, что̀ соотвѣтствуетъ 78—79 г.

---

[1]) См. мою книгу: „Аѳинская Политія Аристотеля, какъ источникъ для исторіи государствен. строя Аѳинъ до конца V в. до Р. Хр“. Харьк. 1895.—Важнѣйшій трудъ объ „Аѳинской Политіи“ — Wilamowitz, Aristoteles und Athen. Berlin. 1893, 2 В.—Изданія. Кромѣ упомянутыхъ изд. Kenyon'a,—изд. Herwerden'a и Leeuwen'a (Lugd. Batav. 1891), интересное въ томъ отношеніи, что въ немъ на лѣвой страницѣ идетъ текстъ въ транскрипціи, причемъ сохраняются строки рукописи и тѣ сокращенія и поправки, которыя въ ней имѣются, а буквы, которыя не разобраны, обозначены точками; на правой же страницѣ идетъ текстъ возстановленный и исправленный издателями; лучшія изд.—Кайбеля и Виламовица (тоже совмѣстное) и Blass'a (въ Bibl. Teubner., въ 1898 г.—3-е изд.), оба—безъ комментарія, а въ особенности—Sandys'a, съ подробнѣйшимъ комментаріемъ и введеніемъ (о немъ—см. ниже). Переводы: нѣм.—Poland'a (Berl. 1891,—лучшій) и Erdmann'a (Leipz 1892); франц.—Th. Reinach'a (P. 1891) и Haussoullier (P. 1891); русск.—Н. Я. Шубина (въ Ж. М. Н. Пр., 1891, май—авг., и отдѣльно) и въ особенности А. М. Ловягина, съ греч. текстомъ en regard (Спб. 1895)

нашей эры. Это служитъ основаніемъ предполагать, что рукопись самаго трактата относится къ концу I или къ началу II в. послѣ Р. Хр. Все показываетъ, что она едва-ли была приготовлена профессіональными переписчиками, предназначалась не для продажи, а для частнаго употребленія, что списокъ сдѣланъ былъ для лица, повидимому, не обладавшаго средствами или очень экономнаго. Касаюсь этихъ подробностей, такъ какъ онѣ могутъ объяснить нѣкоторыя особенности дошедшаго до насъ трактата и при критической оцѣнкѣ послѣдняго ихъ слѣдуетъ имѣть въ виду.

Въ нынѣшнемъ своемъ видѣ трактатъ начинается фразой, касающейся подавленія Килопова возстанія; онъ содержитъ въ себѣ исторію аѳинской политіи до конца V вѣка, кончая низложеніемъ Тридцати и возстановленіемъ демократіи въ 403 году (гл. 1—41) [1]), и затѣмъ—описаніе самаго строя, какимъ онъ былъ во времена автора, въ IV в. Такимъ образомъ, по содержанію трактатъ распадается на двѣ части — историческую и систематическую.

Что это есть „Аѳинская Политія“, приписываемая въ древности Аристотелю, явствуетъ изъ совпаденія уже раньше извѣстныхъ фрагментовъ этой „Политіи“ съ опубликованнымъ Кеніономъ текстомъ: изъ 91 отрывка только 11 или 12 совсѣмъ не встрѣчаются или не находятъ себѣ соотвѣтствія въ нашемъ текстѣ и 3—лишь отчасти, причемъ ихъ отсутствіе, за однимъ исключеніемъ, можно болѣе или менѣе легко объяснить или тѣмъ, что они относятся къ началу трактата, въ найденномъ папирусѣ не имѣющемуся, или къ концу его, сильно попорченному, такъ-что его нельзя вполнѣ возстановить, или, наконецъ, тѣмъ, что нѣкоторые изъ отрывковъ на самомъ дѣлѣ не имѣютъ никакого отношенія къ *Ἀθ. Πολ.* и къ ея автору. Остальныя фрагменты, т. е. огромное большинство, почти $^{8}/_{9}$ всего числа ихъ, болѣе или менѣе совпадаютъ съ текстомъ открытаго папируса.

Изданный Кеніономъ трактатъ Аристотеля вызвалъ чрезвычайно обширную, можно сказать необозримую, литературу и оживленную борьбу мнѣній [2]).

---

[1]) Дѣленія на главы нѣтъ въ рукописи: оно принадлежитъ Кеніону.

[2]) Подробный обзоръ (до начала 1895 г.) — въ моей книгѣ „Аѳинская Политія Аристотеля...“, гл. I. См. также обзоръ В. А. Шеффера (въ Jahresbericht f. Alterthumswissensch. hrsg. v. Iw. Muller, LXXV, 1893. I; LXXXIII, 1896. I) и П. Г. Виноградова („Русск. Мысль“, 1892, ноябрь).

Вопросъ объ „Аѳ. Пол.“ въ современной литературѣ.

Нужно замѣтить, что еще задолго до открытія этого трактата высказаны были сомнѣнія относительно принадлежности „Политій“ Аристотелю, и высказаны тѣмъ ученымъ, который такъ много сдѣлалъ по части собранія и изученія фрагментовъ изъ утраченныхъ сочиненій Аристотеля, — Валентиномъ Розе: именно онъ явился иниціаторомъ скептическаго отношенія къ „Политіямъ“, доказывая, что онѣ—произведеніе не великаго стагирита, а какого-нибудь перипатетика, больше историка и филолога, нежели философа [1]). Противъ скептицизма Розе выступилъ Heitz [2]), и на его сторону стало большинство изслѣдователей, находя, что нельзя такъ суммарно, огульно отвергать принадлежность Аристотелю всѣхъ утраченныхъ сочиненій, извѣстныхъ подъ его именемъ, и то, что̀ справедливо по отношенію къ отдѣльнымъ, частнымъ случаямъ, распространять на цѣлую категорію.

Первый издатель „Аѳинской Политіи“, Кеніонъ, безъ колебаній призналъ ее за произведеніе Аристотеля и прицавалъ ей, какъ источнику, громадное значеніе, ставя очень высоко ея безпристрастіе и достовѣрность. Подъ первымъ впечатлѣніемъ находки лучшіе знатоки Аристотеля — Дильсъ [3]), Гомперцъ [4]), Бартелеми-С.-Илеръ [5])—привѣтствовали опубликованный Кеніономъ трактатъ, какъ несомнѣнно Аристотелево произведеніе, и восторженно отзывались о немъ. Дильсъ напр. сравнивалъ открытый источникъ съ восходящимъ солнцемъ, при свѣтѣ котораго исчезаютъ тысячи историческихъ гипотезъ, словно стая летучихъ мышей. Бартелеми-С.-Илеръ восклицалъ: „Аѳины, Аристотель! Великое произведеніе, найденное вновь черезъ 15 вѣковъ послѣ того, какъ считалось утраченнымъ! Конституціонная исторія города Минервы, написанная философомъ! Какое открытіе, какая неожиданность, какое сокровище! Аѳины, Аристотель! Въ лѣтописяхъ человѣческаго духа нѣтъ ничего выше этихъ двухъ именъ, окруженныхъ такимъ удивленіемъ, уваженіемъ и благодарностью!“ и т. д. Болѣе трезвое и критическое отношеніе къ найденному памятнику находимъ въ статьяхъ Вейля, Дареста, Кейля и

---

[1]) De Aristotelis librorum ordine et auctoritate. Berl. 1854, и особенно—Aristot. Pseudepigraphus. Leipz. 1863.

[2]) Die verlorenen Schriften des Aristoteles. Leipz. 1865.

[3]) Deutsche Litteraturzeitung, 1891, № 7.

[4]) Deutsche Rundschau, 1891, Mai.

[5]) Revue Bleue, 1891, t. 47, № 12—13 (и въ Séances et travaux de l'Académie des sciences mor. et polit., 1891, août).

Шелля [1]); но и въ нихъ критическія замѣчанія терялись среди похвалъ. Слѣпымъ еще довѣріемъ къ трактату и преклоненіемъ предъ авторитетомъ Аристотеля проникнуты и „Изслѣдованія" Бауэра [2]), самый обширный трудъ изъ появившихся въ первый годъ послѣ открытія; достаточно сказать, что Бауэръ не усумнился въ достовѣрности анекдотическаго разсказа объ участіи Оемистокла въ реформѣ ареопага и на основаніи его перестроилъ хронологію эпохи Кимона и Перикла до 445 г., не смотря на то, что тогда уже была доказана недостовѣрность этого разсказа и его хронологическая несообразность.

Но въ нашъ вѣкъ критики и даже гиперкритики, когда раздавались страстныя нападки даже на Θукидида и предпринимались попытки развѣнчать этого величайшаго историка древности, странно было бы, если бы неожиданно найденный памятникъ не подвергся безпощадному критическому разбору и не вызвалъ скептическаго отношенія къ себѣ. И замѣчательно, что такое отношеніе къ нему прежде всего обнаружилось въ Англіи, среди соотечественниковъ Кеніона [3]), а затѣмъ уже на континентѣ. Здѣсь главными представителями скептическаго направленія [4]) явились Cauer и въ особенности Ruhl.

Кауэръ въ небольшой, но живо, остроумно и талантливо написанной книжкѣ ставитъ вопросъ: „Hat Aristoteles die Schrift vom Staate d. Athen. geschrieben?" (Stuttg. 1891), и приходитъ къ заключенію, что такъ какъ въ трактатѣ находятся составныя части совершенно различнаго достоинства, то не самъ Ари-

---

[1]) Weil, Journ. des Savants. 1891, avr.; Dareste, ibid., mai (и въ Séances et trav. de l'Acad. des sciences mor. et polit., 1891, sept.-octoь; Keil, Berl. Phil Wochenschr., 1891, № 17—20; Scholl, Beil. z. Allgem. Zeitung, 1891, № 107—108.

[2]) Literar. und histor. Forschungen zu Aristot. Ἀθην. Πολιτεία. München. 1891.

[3]) Wyse, The Athenaeum, 1891, № 3303 и 3310; Richards, The Academy, 1891, № 980; списокъ „Не-Аристотелевыхъ словъ" въ Ἀθ. Πολ., Class. Rev., 1891, № 3—6; ст. Newman, ibid., № 4; Whybley, ibid., № 5; Macan, Journ. of Hellen. Stud., XII, 1 (1891); а въ особенности—статьи (безъ имени авторовъ) въ The Edinb. Review, 1891, Apr., и The Quart. Rev., 1891, Apr.

[4]) Можно назвать также голландскихъ ученыхъ Herwerden'a и Leeuwen'a, озаглавившихъ свое совмѣстное изданіе Ἀθ. Πολ. такъ: Aristotelis qui fertur liber etc.; см. и ст Leeuwen'a въ Mnemosyne, 1891, N. S., XIX; ср. De Sanctis, Studi sulla costituzione d'Atene attribuita ad Aristotele. Torino. 1891 (изъ Rivista di Filologia).

стотель написалъ „Аѳ Пол.“, а поручилъ это какому-нибудь малоспособному ученику, давъ ему нѣкоторыя указанія; сочиненіе, возникшее такимъ образомъ, говоритъ Кауэръ, не заслуживаетъ, конечно, тѣхъ хвалебныхъ гимновъ, которые отовсюду раздались, когда появилось Лондонское изданіе; далѣе однако Кауэръ показываетъ на нѣсколькихъ примѣрахъ, какъ, благодаря новому для насъ источнику, наши свѣдѣнія подтверждаются, расширяются или какія вносятся въ нихъ поправки

Но самымъ рьянымъ порицателемъ опубликованной Кеніономъ *Ἀθ. Πολ.* выступилъ Ruhl. Никто въ своей критикѣ этого трактата не заходилъ такъ далеко, какъ онъ въ своей первой статьѣ [1]); никто не впадалъ въ такія крайности, не говорилъ такимъ страстнымъ и раздраженнымъ тономъ: почти въ каждомъ извѣстіи „Аѳ. Пол.“ Рюль открывалъ то безсвязность, сбивчивость, путаницу, то нелѣпость и безсмыслицу: по его мнѣнію, всѣ историческія извѣстія трактата, если они не подтверждаются остальнымъ преданіемъ, недостовѣрны. Неразъ мы встрѣчаемъ въ статьѣ Рюля такія восклицанія: „Развѣ могъ Аристотель написать подобную вещь?“ или: „Нѣтъ! Аристотель не могъ этого сказать!“ И на этомъ основаніи Рюль отвергъ авторство Аристотеля по отношенію къ изданному Кеніономъ трактату.

Понятно, что столь скептическіе взгляды не остались безъ возраженій со стороны панегиристовъ открытаго трактата [2]). Но скептики не молчали: они въ свою очередь выступили съ возраженіями и въ защиту своихъ мнѣній [3]), причемъ Рюль выставилъ гипотезу [4]), что изданный Кеніономъ трактатъ — передѣлка Аристотелевой „Аѳ. Пол.“, принадлежащая Гераклиду [5]), извлеченія изъ коей были уже давно извѣстны. Къ крайнимъ скептикамъ, по крайней мѣрѣ, въ оцѣнкѣ *Ἀθ. Πολ.*, какъ историческаго источника, примкнулъ въ сущности и Niese [6]), который, однако, въ противоположность Рюлю, считалъ эту „Политію“ произведеніемъ

---

[1]) Rh. Mus., 1891, S. 426—464.

[2]) Отмѣтимъ напр. ст Diels'a, Zwei Funde (Archiv f. Gesch. d Philos., 1891, IV) и брошюру Gomperz'a противъ Рюля, Die Schift v. Staatswesen d. Athener und ihr neuester Beurtheiler. Wien. 1891.

[3]) Напр. Cauer, Aristoteles als Historiker (Deutsche Zeitschrift. f. Geschichtswissensch., VIII, 1892).

[4]) Der Staat. d Athen. und kein Einde (N. Jahrb., XVIII, Suppl.-b., 1892)

[5]) О Гераклидѣ см. ниже.

[6]) См. въ Histor. Zeitschr., N. F. 33 B., 1892.

Аристотеля и, указывая на ненадежность и малую достовѣрность ея извѣстій, дѣлалъ это спокойно, безъ полемическаго задора и крайностей: по его мнѣнію, трактатъ имѣетъ цѣну больше какъ литературное произведеніе, нежели какъ историческое: Аристотель въ глазахъ Низе не историкъ, а антикварій; его „Политика“ и отрывки изъ „Политій“ показываютъ, что ему недостаетъ критики и пониманія прошлаго; даже Геродотъ, какъ историкъ, стоитъ выше Аристотеля. Болѣе умѣренъ въ своихъ отзывахъ Nissen[1]), разсматривавшій Аристотелевъ трактатъ съ точки зрѣнія его тенденціи и назначенія: по Ниссену, литературная дѣятельность Аристотеля въ области политики шла рука объ руку съ политическою дѣятельностью Филиппа и Александра: великій философъ посвятилъ македонскому двору свои знанія и силы: „Политіи“— это энциклопедія государствовѣдѣнія, написанная по порученію Александра; это—„eine politische Gelegenheitsschrift“, „ein politisches Receptbuch“.

Я остановился на этихъ отзывахъ и мнѣніяхъ, въ настоящее время большею частью уже не имѣющихъ значенія и признанныхъ неосновательными, потому, что они представляютъ довольно любопытную страницу изъ новѣйшей исторіи нашей науки, и для того, чтобы показать каково было отношеніе къ Аристотелевой „Аѳинской Политіи“ въ первые годы послѣ ея опубликованія, какъ велико было тогда разнообразіе и противорѣчіе взглядовъ на нее. Одни считали опубликованный Кеніономъ трактатъ произведеніемъ несомнѣнно самого Аристотеля, другіе — какого-либо бездарнаго его ученика или перипатетика; третьи видѣли въ немъ эксцерптъ, работу позднѣйшаго редактора, въ основѣ которой лежитъ Аристотелевъ трактатъ. Одни допускали, что Аристотель могъ пользоваться матеріаломъ, собраннымъ его учениками; другой доказывалъ, что Аристотель предоставилъ свой матеріалъ бездарному ученику. Въ глазахъ однихъ—это былъ чрезвычайно важный источникъ, съ открытіемъ котораго наступила новая эра въ изученіи внутренней исторіи Аѳинъ и свидѣтельство котораго непреложно; по мнѣнію другихъ—это было негодное произведеніе, полное нелѣпостей, источникъ мутный, въ которомъ что̀ ново, то невѣрно, а что̀ вѣрно, то неново. Одни видѣли въ „Аѳинской Политіи“ истинно художественное, цѣльное произведеніе, отличающееся изящной простотой и чарующей прелестью разсказа; по другимъ,—изложе-

[1]) Rh. Mus., 1892.

ніе тутъ неумѣлое, сбивчивое и безсвязное; авторъ не способенъ связать и двухъ фразъ. Одни отвергали всякую тенденцію въ трактатѣ, другіе именно тенденціей объясняли нѣкоторыя его особенности. Что въ глазахъ однихъ составляло достоинство этого произведенія, то въ глазахъ другихъ являлось непростительнымъ недостаткомъ. Одни ставили выше первую часть „Аѳ. Пол.“, другіе—вторую. По одному мнѣнію, описаніе Драконовой конституціи—нелѣпость, по другому—драгоцѣнное извѣстіе, основанное на документальныхъ данныхъ и представляющее развитіе аѳинской демократіи безъ скачковъ, въ болѣе постепенномъ, такъ сказать, органическомъ видѣ. „Немало и усердно работаютъ ученые, особенно нѣмецкіе, надъ интересною находкою“, замѣчалъ проф. П. Г. Виноградовъ въ своей статьѣ, появившейся въ 1892 г.[1]). „Приступаютъ къ ней со всѣми предписанными наукой предосторожностями, сплошь и рядомъ начинаютъ съ правильныхъ и цѣнныхъ наблюденій. Но затѣмъ всѣми овладѣваетъ какое-то загадочное безуміе, которое прямо уноситъ изслѣдователей въ область нелѣпаго. Одни поражены фанатическимъ увлеченіемъ и непрерывно славословятъ, другіе проникаются берсеркерскою яростью; третьи думаютъ разгадать всѣ тайны автора съ помощью простой подстановки политическихъ понятій современной Германіи; четвертые во имя критики пытаются стяжать славу Герострата и Колумба, разрушить и создать новую исторію Аѳинъ V вѣка. Кто знаетъ, можетъ быть, старый папирусъ, пролежавшій восемнадцать вѣковъ въ египетской гробницѣ и непочтительно вынесенный на свѣтъ Божій англичанами, заколдованъ и приноситъ несчастіе всѣмъ, кто имъ занимается?“ Слова эти вѣрно и мѣтко характеризуютъ положеніе литературы по вопросу объ „Аѳинской Политіи“ до половины 1892 г.

Но среди этой полемики и борьбы противоположныхъ воззрѣній крайности стали сглаживаться; съ обѣихъ сторонъ сдѣланы были значительныя уступки и въ результатѣ возобладало болѣе умѣренное направленіе и вмѣстѣ болѣе вѣрная оцѣнка открытаго трактата. Большинство, признавая этотъ трактатъ произведеніемъ Аристотеля и высоко ставя его, уже не считало его непогрѣшимымъ источникомъ и, въ основномъ расходясь со скептиками, по нѣкоторымъ отдѣльнымъ пунктамъ болѣе или менѣе сходилось съ ними. Даже такой напр. защитникъ трактата, какъ Дильсъ, уже не отрицалъ, что Аристотель могъ дѣлать крупныя

[1]) Русск. Мысль, 1892, ноябрь.

ошибки и что въ его произведеніи есть „апоріи“; многое ужъ и ему казалось ошибочнымъ, отрывочнымъ, небрежнымъ и даже „невыносимымъ“ [1]). Бауэръ сознался, что подъ первымъ впечатлѣніемъ сказалъ слишкомъ много, назвавъ Аристотеля однимъ изъ величайшихъ историковъ эллиновъ [2]). Замѣчательно, что Кеніонъ въ 3-мъ изданіи *Ἀθ. Πολ.* (1892), въ предисловіи и въ примѣчаніяхъ съ большою осторожностью и умѣренностью разбираетъ воззрѣнія скептиковъ; тутъ его тонъ далеко не такъ увѣренъ и рѣшителенъ, какъ въ первыхъ двухъ изданіяхъ. Въ свою очередь, и ярые противники, подобные Рюлю, не останавливавшемуся даже предъ намеками на фальсификацію, нѣсколько измѣнили и смягчили свой отзывъ, признавъ, что извѣстія открытаго источника все-же не сплошная нелѣпость, что здѣсь есть и цѣнныя вещи, которыя слѣдуетъ выдѣлить и собрать, и что въ основѣ трактата все-таки лежитъ произведеніе Аристотеля.

Умѣреннымъ направленіемъ отличается цѣлый рядъ работъ, вышедшихъ во второй половинѣ 1892 г. и въ 1893 г.[3]). Къ этому направленію принадлежатъ и изслѣдованія на русскомъ языкѣ, занимающія, нужно замѣтить, вообще видное мѣсто въ литературѣ объ „Аѳинской Политіи“. Здѣсь первою сравнительно болѣе крупною работою по этому вопросу былъ рефератъ проф. Э. Р. ф.-Штерна [4]) (а едва-ли не первою по времени была брошюра проф. А. Н. Деревицкаго) [5]). В. А. Шефферъ [6]) выступалъ противъ крайняго скептическаго направленія въ оцѣнкѣ *Ἀθ. Πολ.*, хотя и сознавался, что трактатъ производитъ на него впечатлѣніе труда, авторомъ неоконченнаго. Противъ крайностей въ сужденіяхъ объ открытомъ произведеніи Аристотеля очень опредѣленно высказался, какъ мы видѣли, и проф. П. Г. Виноградовъ въ своей

---

[1]) Götting. gelehr. Anz., 1894, Apr.

[2]) Schles. Zeitung, 1891, № 711.

[3]) Напр ст. Bérard въ Rev. histor., 1892, juillet.-août.

[4]) „Новооткрытая Аѳ Политія Аристотеля“. Одесса. 1892 (оттискъ изъ „Лѣтописи Ист.-Филол. Общ. при Имп. Новорос. Унив.“, вып. II).

[5]) „О новомъ трактатѣ Аристот. и его знач. для исторіи аѳ. демокр.“. Харьк. 1891, его-же замѣтка въ „Истор. Вѣстн.“ 1891, апр. См. также ст. Д. Ѳ. Бѣляева (Уч Зап. Каз Ун., 1891, кн. 2) и мою („Историч. Обозр.“, 1891, т. II).

[6]) См., кромѣ его обзора литерат. на нѣм. яз. (въ „Jahresbericht“ и въ Berl. Phil. Woch.), его введеніе въ книгѣ „Аѳинск. гражданство и нар. собр.“ М. 1891, и „Афоризмы и замѣтки“ („Фил. Обозр.“, VII, 1894)

яркой характеристикѣ главныхъ явленій въ области обширной литературы объ „Аѳ. Пол.“. (до середины 1892 г.) [1]).

Умѣренностью и трезвымъ отношеніемъ къ Аристотелеву трактату отличаются и наиболѣе крупные труды, ему посвященные: „Die solonische Verfassung in Aristoteles Verfassungsgeschichte“ Бруно Кейля (Berlin. 1892), „Aristoteles und Athen“ Виламовица (2 Bde. Berlin. 1893), „Stil und Text der *Πολιτεία Ἀθηναίων* des Aristoteles“ Кайбеля (Berlin. 1893), и изданіе трактата, принадлежащее Sandys'y (London. 1893). Во всѣхъ отношеніяхъ, и по объему, и по своему научному значенію, труды эти являются самыми важными изъ работъ, какія до сихъ поръ имѣются объ открытомъ трактатѣ, не считая, разумѣется, изданій Кеніона.

Содержаніе труда Кейля гораздо шире его заглавія: это—изслѣдованіе, касающееся не только отдѣла о Солонѣ, но и всего трактата. По Кейлю [2]), „Аѳ. Пол.“—произведеніе не оконченное, не получившее послѣдней отдѣлки, обнародованное не самимъ Аристотелемъ, а изданное послѣ его смерти, какъ и другія его сочиненія, въ томъ видѣ, въ какомъ оно осталось. Аристотель обращался съ исторіей какъ философъ. Это сказывается въ его критикѣ источниковъ, и въ пользованіи ими; проведеніе философскихъ идей должно было имѣть вліяніе на привлеченіе и обработку историческаго матеріала. Отсюда вытекали слабыя стороны Аристотеля, какъ историка. Впрочемъ, по мнѣнію Кейля, понятно, если Аристотель-историкъ не выдерживаетъ сравненія съ Аристотелемъ-философомъ: именно то, что̀ составляло силу послѣдняго, должно было обусловливать слабость перваго. Аристотель не есть абсолютный авторитетъ тамъ, гдѣ онъ излагаетъ древнѣйшую аѳинскую исторію: свѣдѣнія о ней онъ почерпнулъ только изъ литературныхъ источниковъ, и его показанія ровно настолько цѣнны, насколько цѣнны его источники. И Кейль указываетъ на недостатокъ матеріала, какъ на обстоятельство, которое въ свою очередь должно было невыгодно вліять на авторитетъ Аристотеля, какъ историка. Аристотель полагаетъ основаніе реальному изслѣдованію въ области древнѣйшей греческой исторіи въ противоположность софистической и риторической обработкѣ историко-антикварнаго преданія, часто извращающей или насилующей факты.

---

[1]) Русская Мысль, 1892, ноябрь.

[2]) См. преимущественно заключеніе, стр. 194 сл., 226 сл.

Онъ указываетъ методу путь, научая узнавать и искать источники для историческаго знанія, которые до тѣхъ поръ не были привлечены. Онъ показалъ путь и видѣлъ цѣль, но самой цѣли не могъ достичь, и т. д.

Но самымъ крупнымъ изслѣдованіемъ о новооткрытой „Политіи“ является 2-томный трудъ Виламовица: „Aristoteles und Athen“. Впрочемъ, какъ ни важенъ этотъ трудъ, какъ ни богатъ онъ содержаніемъ, какъ ни блещетъ остроуміемъ и оригинальностью, но вызванныя имъ ожиданія онъ, кажется, не вполнѣ оправдалъ. Во всякомъ случаѣ автору, по нашему мнѣнію, не удалось достичь того, къ чему онъ стремился,—дать полную и цѣльную, въ самой себѣ гармоническую картину, „ein ἓν“. Что касается взгляда Виламовица на „Политію“, то взглядъ этотъ отличается большою умѣренностью и трезвостью. Виламовицъ въ сущности судитъ неблагопріятно объ Аристотелѣ, какъ историкѣ, и во всякомъ случаѣ отказывается отъ своего прежняго высокаго мнѣнія о немъ, въ чемъ самъ сознается. Теперь онъ утверждаетъ, что Аристотель не былъ настоящимъ историкомъ и изслѣдователемъ (напр. I, 306). „Можно было бы“, говоритъ онъ, „отпустить великаго философа, какъ какого-нибудь школьника, сказавъ свысока: «ты представилъ не что иное, какъ компиляцію; ты взвѣшенъ и найденъ слишкомъ легкимъ». Конечно, важно и вѣрно то, что онъ не былъ историкомъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ это имя заслуживаютъ Геродотъ или Ѳукидидъ или Полибій... Но съ книгой мы вовсе еще не покончили. Нужно только ее читать, еще разъ снова предаться этому бьющему ключемъ потоку періодовъ, чистому какъ серебро, чтобы весьма скромно вспомнить о томъ, что̀ анализъ источниковъ собственно отнимаетъ у славы писателя. „Dies buch will etwas und wirkt etwas; meiner empfindung nach erreicht es das auch. es will in dem leser ein urteil über die verfassung erzeugen, die es beschreibt, und zwar um überhaupt politisches urteil in ihm zu erzeugen. die geschichtliche belehrung ist nicht der zweck...“ И далѣе Виламовицъ неразъ замѣчаетъ, что Аристотель—не историкъ и указываетъ, какъ бы тотъ поступилъ, если бы счелъ заслуживающимъ труда самому изслѣдовать. Онъ говоритъ о недостаткахъ и пробѣлахъ, обнаруживающихся въ трактатѣ, о несправедливомъ отношеніи Аристотеля къ великой эпохѣ аѳинскаго могущества, даже объ ограниченности его кругозора. Но не смотря на это, Виламовицъ, какъ мы только-что видѣли, придаетъ извѣстное—и при томъ немалое—значеніе трак-

тату. Между прочимъ, подобно Низе, онъ говоритъ, что теперь мы получили несравненно болѣе ясное понятіе объ Аттидахъ, что это—прогрессъ въ методѣ и должно повести къ богатымъ положительнымъ результатамъ. Онъ отмѣчаетъ важность того факта, что теперь мы можемъ отбросить прочь массу цитатъ грамматиковъ, ибо владѣемъ оригиналомъ; говоритъ, какъ несравненно надежнѣе стала почва у насъ подъ ногами. Немалый прогрессъ онъ видитъ также въ томъ, что „множество ложныхъ ученій, которыя, несмотря на опроверженія, снова заводились, теперь окончательно устранено". Вообще, и по словамъ Виламовица, открытіе „Политіи" должно составить эпоху въ изученіи аттической исторіи (I, 373—4). „Аристотель", говоритъ онъ далѣе (II, 33), „для насъ болѣе не источникъ, онъ оказался только каналомъ; но то, что́ онъ даетъ,—по большей части ключевая вода, и теперь, какъ назадъ тому нѣсколько лѣтъ, я даю пароль для изслѣдованія греческой исторіи: не „Всемірная исторія" Эфора, а „Политіи" Аристотеля—образецъ для нашей собственной работы".

Стиль и языкъ трактата послужили предметомъ спеціальнаго изслѣдованія для друга Виламовица, Кайбеля (Stil und Text der *Πολιτεία Ἀθηναίων* des Aristoteles), которое вышло почти одновременно съ трудомъ Виламовица и является естественнымъ его добавленіемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и комментаріемъ къ изданному обоими учеными тексту *Ἀθ. Πολ.* Книга Кайбеля состоитъ изъ двухъ отдѣловъ: въ первомъ дается анализъ языка и стиля Аристотеля въ „Аѳ. Пол." (стр. 1—111); второй представляетъ подробный комментарій, объясненіе текста со стороны языка (стр. 117—272). Ставя вообще черезчуръ высоко литературныя достоинства трактата, Кайбель во второмъ отдѣлѣ, въ тщательномъ комментаріи, обнаруживаетъ умѣренность и критическое отношеніе къ тексту.

Трудомъ, который бы подводилъ итогъ тому, что́ сдѣлано по вопросу объ „Аѳ. Пол.", является изданіе послѣдней, принадлежащее англійскому ученому Сандису. Для всѣхъ занимающихся трактатомъ Аристотеля трудъ Сандиса долженъ служить настольною книгою. По ученому аппарату, по обширности, обстоятельности и всесторонности комментарія, по внимательному отношенію къ обширной литературѣ, это изданіе превосходитъ всѣ предшествующія. Нигдѣ еще свидѣтельства древнихъ и византійцевъ въ пользу авторства Аристотеля по отношенію къ „Политіямъ" не были собраны въ такой полнотѣ и не были разсмотрѣны

съ такою обстоятельностью, какъ у Сандиса; нигдѣ не было такого полнаго и такъ тщательно составленнаго перечня новѣйшей литературы къ *Ἀθ. Πολ.* (до конца 1892), какъ у Сандиса (указаны и русскія работы). Какъ въ „Введеніи“, такъ и въ своемъ комментаріи къ тексту, Сандисъ обнаруживаетъ чрезвычайную осмотрительность и осторожность. Мы не найдемъ у него смѣлыхъ, но шаткихъ и произвольныхъ гипотезъ. Крайности и натяжки ему чужды; спокойно и безпристрастно относится онъ къ новооткрытому памятнику, и его соображенія и доводы обыкновенно такъ основательны и убѣдительны, что большею частью съ ними нельзя не соглашаться. Осторожность Сандиса иногда доходитъ даже до крайности: сопоставивъ различныя рѣшенія вопроса, представивъ соображенія pro и contra, онъ избѣгаетъ дѣлать рѣшительный и окончательный выводъ, предоставляя это самому читателю, такъ-что подчасъ приходится недоумѣвать, какого же мнѣнія держится самъ Сандисъ.

На изслѣдованіяхъ отдѣльныхъ сторонъ или извѣстій „Аѳ. Пол.“ я не буду останавливаться [1]), равно какъ и на общихъ трудахъ по исторіи Греціи, въ которыхъ болѣе или менѣе приняты въ соображеніе свидѣтельства Аристотеля.

„Политія“ — произведеніе Аристотеля

Съ 1895 число работъ, посвященныхъ открытой „Политіи“, сразу и значительно уменьшается: интересъ къ ней замѣтно ослабѣваетъ. Вопросъ объ авторѣ трактата былъ въ сущности исчерпанъ; скептицизмъ Розе и новѣйшихъ не въ мѣру строгихъ критиковъ трактата оказался неосновательнымъ, и въ настоящее время едва-ли кто-либо сомнѣвается въ принадлежности опубликованной Кеніономъ *Ἀθ. Πολ.* Аристотелю, такъ-что мы можемъ на этомъ вопросѣ больше не останавливаться. Общая традиція древности, рядъ свидѣтелей, начиная съ поколѣнія, непосредственно слѣдовавшаго за Аристотелемъ, и до временъ византійскихъ, единогласно называетъ „Политіи“ произведеніемъ Аристотеля. Но нельзя, конечно, ручаться, что „Политіи“ вышли непремѣнно изъ-подъ пера самого Аристотеля, а не записаны только подъ его непосредственнымъ наблюденіемъ, руководствомъ и отвѣтственностью; принимая авторство Аристотеля, необходимо

[1]) Слѣдуетъ только отмѣтить, что и здѣсь изслѣдованія на русск. языкѣ занимаютъ почетное мѣсто (П. Г. Виноградова, М. О. Гершензона, Р. Х. Лепера, В. А. Маклакова, Ѳ. Г. Мищенка, М. М. Покровскаго, В. А. Шеффера, Э. Р. ф-Штерка, Г. Ѳ. Шульца и друг.). См. о нихъ въ моей книгѣ.

во всякомъ случаѣ допустить и извѣстную долю участія его учениковъ въ составленіи труда, подобнаго „Политіямъ“. Иначе—безъ участія учениковъ—трудно себѣ и представить самую возможность составленія такого огромнаго собранія, какимъ, повидимому, были Аристотелевы *Πολιτεῖαι*. Ниссенъ, судя по дошедшему до насъ трактату, сдѣлалъ приблизительный разсчетъ, по которому выходитъ, что все собраніе должно было обнимать собою около 16 томовъ нашей обыкновенной печати и обыкновеннаго формата, въ 30 листовъ каждый. Да и вообще обширная и многосторонняя авторская дѣятельность Аристотеля, колоссальность матеріала, собраннаго и болѣе или менѣе обработаннаго имъ въ своихъ сочиненіяхъ, были бы непостижимы, если не предположить, что у великаго философа были многочисленные и опытные сотрудники. И въ самомъ дѣлѣ, Аристотель не былъ только мыслитель и ученый, стоящій одиноко: онъ находился въ то же время во главѣ цѣлой школы, цѣлой фаланги руководимыхъ имъ учениковъ, и былъ для своего времени великимъ организаторомъ научныхъ работъ, какъ это показано Узенеромъ [1]). Участіе Θеофраста и вообще школы въ работахъ Аристотеля подтверждается теперь и прямымъ свидѣтельствомъ Филодема [2]). Въ частности, по отношенію къ нашей „Аθ. Пол.“, конечно, трудно въ точности опредѣлить, въ чемъ и въ какой степени выразилось здѣсь участіе учениковъ, гдѣ кончалась работа сотрудниковъ и гдѣ начиналась работа Аристотеля; мы не имѣемъ возможности заглянуть въ самый процессъ этой работы; но естественнѣе всего предположить, что участіе учениковъ выражалось по преимуществу въ собираніи матеріала.

Время написанія.

„Аθинская Политія“ написана Аристотелемъ между 329/328 и 325/324 или 324/323 гг. На это имѣется цѣлый рядъ указаній въ самомъ трактатѣ [3]). По мнѣнію, правда, В. А. Шеффера, основа трактата написана около середины IV вѣка, а впослѣдствіи самимъ авторомъ сдѣланы добавленія и вставки. Но противъ принятія 329 г., какъ terminus post quem, и въ пользу болѣе ранняго составленія „Политій“, повидимому, говорятъ лишь два обстоятельства, на которыя и ссылается В. А. Шефферъ.

---

[1]) Organisation der wissenschaftlichen Arbeit (Preuss. Jahrb., 1884, 53 B., S. 1—25); см. также Θ. Ф. Зѣлинскаго, Геродъ, Филолог. Обозр., т. II, кн. 2, стр. 118.

[2]) Sudhaus, Rh. Mus., 1893, S. 555, 558.

[3]) См. мою книгу, стр. 122 сл.

Во-первыхъ,—краткость срока для составленія такого громаднаго труда, какъ „Политіи“, одною лишь изъ коихъ—и при томъ, по всей вѣроятности, первою—была наша *Ἀθηναίων Πολιτεία*. Но въ этомъ ничего не будетъ невозможнаго, если допустить, что матеріалъ для „Политій“, какъ и для „Политики“, былъ собранъ раньше [1]), что Аристотель имъ уже пользовался, когда работалъ надъ „Политикой“, и что къ послѣднимъ годамъ жизни философа относится только обработка этого матеріала, а для обработки готоваго уже матеріала могло быть достаточно нѣсколькихъ лѣтъ, тѣмъ болѣе, что у Аристотеля, конечно, были помощники. Наконецъ, принимаемая большинствомъ дата какъ нельзя лучше соотвѣтствуетъ тому впечатлѣнію, какое производитъ трактатъ: есть основаніе думать, что онъ написанъ именно наскоро, что авторъ не успѣлъ тщательно просмотрѣть и отдѣлать его. Во-вторыхъ, въ нашемъ трактатѣ нигдѣ не упоминается очень важная должность *ὁ ἐπὶ τῇ διοικήσει*. Для В. А. Шеффера это служило однимъ изъ основаній, чтобы въ упоминаніи (гл. 54) объ архонтѣ Кефисофонтѣ (329/8) видѣть послѣдующее добавленіе и считать трактатъ составленнымъ задолго до 329 г. Но было бы странно, если бы Аристотель, дѣлая добавленія при послѣдующемъ пересмотрѣ своего труда, счелъ нужнымъ отмѣтить архонтство Кефисофонта, что̀ для его цѣли въ сущности не имѣло значенія, и не счелъ нужнымъ упомянуть о такой важной должности, какъ *ὁ ἐπὶ τῇ διοικήσει*, разъ она была ему извѣстна. Поэтому намъ кажется болѣе вѣроятнымъ предположеніе, по которому въ 329 г. оффиціально еще не существовало должности *ὁ ἐπὶ τῇ διοικήσει* [2]), а что касается Ликурга (который у Гиперида называется *ταχθεὶς ἐπὶ τῇ διοικήσει*, а у Плутарха (?)—*ταμίας τῆς κοινῆς προσόδου* [X or. v., p. 841, 852]), то онъ, быть можетъ, исполнялъ обязанности сановника, впослѣдствіи носившаго титулъ *ὁ ἐπὶ τῇ διοικήσει*, но самъ еще не былъ таковымъ. Быть можетъ, должность *ὁ ἐπὶ τῇ διοικήσει* во времена

---

[1]) По справедливому замѣчанію Diels'a (Arch. für Gesch. d. Philos., IV, 480), „Политіи“ не слѣдуетъ отождествлять съ самымъ матеріаломъ.

[2]) Надписи, впервые упоминающія объ этой должности,—C. I. A., II, 251 и 167, въ которой въ качествѣ *ὁ ἐπὶ τῇ διοικήσει* является сынъ Ликурга, Габронъ. Первая относится къ 307—300 г., а дата второй въ точности неизвѣстна (ср. Keil, Busolt, Altert.[2], 237). Замѣтимъ, что и въ „Политикѣ“ (напр., даже при перечисленіи должностей въ VII [VI] кн.) не упоминается вовсе *ὁ ἐπὶ τῇ διοικήσει*. Молчатъ о немъ и лексикографы, пользовавшіеся нашимъ трактатомъ, за исключеніемъ одного Поллукса.

автора „Политій“ не была еще постоянною, окончательно установленною [1]), а потому Аристотель, описывающій аѳинскій строй IV вѣка, какимъ онъ былъ вообще, и не упомянулъ о ней.

Характеристика „Аѳ. Пол.“

И Аристотель проникнутъ былъ идеей міроваго развитія. Отсюда—его обыкновеніе начинать съ исторіи того предмета, о которомъ онъ трактуетъ. Изслѣдуя явленіе, онъ старается уловить ступени его развитія, изучить его исторію, хотя бы въ главныхъ ея моментахъ [2]). Это мы видимъ и въ „Аѳ. Пол.“: прежде чѣмъ представить описаніе существующаго строя, Аристотель даетъ намъ очеркъ исторіи этого строя и въ особомъ резюмэ отмѣчаетъ главные періоды въ его развитіи (гл. 41).

Уже самая тема и планъ обращаютъ на себя вниманіе: мы видимъ у автора интересъ къ явленіямъ внутренней исторіи, стремленіе изобразить общій ходъ развитія государственнаго строя Аѳинъ и дать описаніе его, какъ онъ наконецъ сложился послѣ ряда перемѣнъ. При этомъ внѣшнюю исторію Аристотель оставляетъ въ сторонѣ. Правда, онъ отмѣчаетъ вліяніе успѣшной борьбы съ персами на возвышеніе ареопага, а съ другой стороны—на ростъ демоса (гл. 23—24); онъ указываетъ, какъ дѣйствовала война и неопытность полководцевъ на порѣдѣніе рядовъ состоятельныхъ и умѣренныхъ и на демократизацію строя послѣ Эфіальтовой реформы (гл. 26); онъ говоритъ, какъ послѣ сицилійской катастрофы надежда на помощь персидскаго царя способствовала паденію демократіи и установленію олигархіи въ 411 г. (гл. 29); онъ упоминаетъ о неудачной попыткѣ Четырехсотъ заключить со Спартою миръ (гл. 32). Но, за исключеніемъ развѣ послѣдняго случая, все это—лишь намеки, мимоходомъ сдѣланные. Вслѣдствіе игнорированія внѣшней исторіи нѣкоторые факты, конечно, должны были остаться недостаточно выясненными, явиться въ не совсѣмъ вѣрномъ освѣщеніи, а историческіе дѣятели — получить не всегда справедливую оцѣнку.

Дотолѣ въ Греціи господствовало два рода сочиненій, посвященныхъ внутренней исторіи, — Аттиды и политическіе памфлеты. Открытая „Политія“ занимаетъ особое положеніе: чуждая риторики и морализирующей тенденціи, она въ то же время, говоря вообще, далека отъ сухости строго фактическихъ Аттидъ (по

---

[1]) Ср. Busolt², стр. 238.

[2]) Ѳ. А. Зеленогорскій, Ж. М. Н. Пр., 1892, апр., стр. 407—408.

крайней мѣрѣ, въ первой части) и отъ страстности или рѣзкой тенденціозности политическихъ памфлетовъ.

Правда, какъ мы видѣли, есть изслѣдователи, которые считаютъ нашъ новый источникъ произведеніемъ тенденціознымъ (напр. Ниссенъ). Но для всякаго безпристрастнаго читателя „Ао. Пол." очевидно, какъ произвольны подобные взгляды. Во всемъ трактатѣ нѣтъ и слѣда симпатіи къ Македоніи и ея царямъ, подобно тому, какъ не замѣтно такой симпатіи и въ „Политикѣ". Смотрѣть на *Ἀθ. Πολ.*, какъ на произведеніе тенденціозное,— значитъ вырывать ее изъ ряда другихъ „Политій", забывать, что она составляетъ лишь часть, отрывокъ громаднаго собранія. Какую, спрашивается, тенденцію могъ преслѣдовать авторъ въ остальныхъ „Политіяхъ"? Если *Ἀθ. Πολ.*—произведеніе тенденціозное, то какой смыслъ имѣетъ чисто фактическое изображеніе современнаго Аристотелю строя, съ подробнѣйшимъ перечисленіемъ должностныхъ лицъ, съ описаніемъ судебныхъ порядковъ и проч.? Такимъ образомъ, гипотезы о тенденціозномъ характерѣ „Политіи" лишены основанія. Аристотель вовсе не имѣлъ въ виду служить орудіемъ македонской политики. Имъ руководили иныя побужденія, прежде всего—интересы знанія. Его „Политіи", хотя написаны и послѣ „Политики", по самой своей сущности, по своей темѣ примыкаютъ къ послѣдней и стоятъ въ связи съ нею. Въ своихъ „Политіяхъ" Аристотель, по выраженію одного изъ его старинныхъ комментаторовъ, просто хотѣлъ показать, „какъ управлялись древніе", или по выраженію другаго, „въ... „Политіяхъ" онъ учитъ не тому, какъ слѣдуетъ управляться, а тому, какъ до него управлялись люди" (Rose, Arist. Fragm., p. 259). То было время, когда закончился циклъ развитія большинства греческихъ государствъ и когда уже можно было подвести итогъ. Правда, составляя свои „Политіи", предназначая ихъ для широкаго круга читателей, Аристотель могъ преслѣдовать при этомъ и цѣль практическую, но вовсе не ту, на которую указываетъ напр. Ниссенъ: онъ имѣлъ въ виду не удовлетворить потребности завоевателя Азіи, а научить современниковъ „политикѣ", способствовать политическому образованію общества, распространить здравые, съ его точки зрѣнія, политическіе взгляды и сознательное отношеніе къ существующему строю, какъ естественному результату предшествовавшаго развитія.

Аристотель не задается заранѣе цѣлью однихъ во что бы то ни стало восхвалить, другихъ—осудить. У него есть свои поли-

тическія симпатіи; но при всемъ томъ Аристотель въ оцѣнкѣ историческихъ фактовъ и дѣятелей доходитъ иногда до высокаго безпристрастія, проникается духомъ справедливости и гуманности. Онъ не скрываетъ тяжелаго положенія народной массы передъ Солоновой реформой и, видимо, сочувствуетъ ея бѣдствіямъ. Его нѣсколько консервативныя или, лучше сказать, антидемократическія симпатіи не мѣшали ему отмѣтить снисходительное отношеніе аѳинянъ къ друзьямъ тирановъ (гл. 22), мягкость законовъ касательно послѣднихъ (гл. 16), и упомянуть даже объ „обычной кротости демоса“ (гл. 22). Аристотель съ большимъ сочувствіемъ и похвалою относится къ Солону и Архину, къ тѣмъ вождямъ и защитникамъ демоса, дѣятельность которыхъ направлена была главнымъ образомъ къ примиренію партій, къ установленію мира и порядка, къ забвенію прошлаго. Онъ выставляетъ на видъ, какъ честно выполнили аѳинскіе демократы обязательства по отношенію къ Спартѣ послѣ низложенія Тридцати (гл. 40). Не сочувствуя реформѣ ареопага, Аристотель однако не скрываетъ, что главный дѣятель этой реформы и вождь демоса, Эфіальтъ, слылъ за человѣка неподкупнаго и честнаго въ политическомъ отношеніи (гл. 25). Къ Периклу онъ не питаетъ симпатіи и все-таки отмѣчаетъ, что пока онъ былъ живъ, дѣла шли хорошо (гл. 28). Если введеніе платы дикастамъ Аристотель объясняетъ личными побужденіями Перикла, то, при всемъ несочувствіи къ господству демоса и къ крайней димократіи, къ системѣ денежнаго вознагражденія, онъ однако признаетъ, что сама необходимость, сама, такъ сказать, сила вещей вела къ установленію платы за посѣщеніе экклесіи (гл. 41). Съ другой стороны, симпатіи къ знатнымъ (*γνώριμοι* и *ἐπιεικεῖς*) не помѣшали автору высказать неодобреніе тому, что начальство надъ войскомъ (около середины V вѣка) поручалось людямъ неопытнымъ, благодаря только ихъ происхожденію—„славѣ предковъ“ (гл. 26), хотя самый отзывъ о неопытности и неспособности полководцевъ и несправедливъ: вспомнимъ, что то было время Кимона, Миронида, Толмида. Наконецъ, антидемократическія симпатіи не помѣшали Аристотелю описать произволъ и жестокость Тридцати.

Аристотель не индифферентенъ; но онъ судитъ спокойно и болѣе или менѣе объективно; онъ чуждъ партійной страстности; онъ стоитъ какъ-бы выше партій, не становится въ ряды ихъ. Такого отношенія мы и можемъ ожидать отъ этого философа, уроженца далекой Стагиры, сына македонскаго придворнаго врача,

наставника Александра В., мыслителя и ученаго, для котораго исторія Аѳинъ являлась не болѣе, какъ интереснымъ объектомъ для наблюденія и изслѣдованія.

Трактатъ отличается чисто фактическимъ содержаніемъ. Мѣстами изложеніе переходитъ даже въ голый, сухой перечень фактовъ, безъ внутренней связи, и тогда напоминаетъ какую-нибудь хронику или лѣтопись. Такова напр. 22 глава, не говоря уже о второй части трактата. Быть можетъ, между нѣкоторыми изъ приводимыхъ здѣсь фактовъ существовала внутренняя связь, но изъ отрывочнаго, безсвязнаго, чисто лѣтописнаго изложенія „Политіи" этого не видно. Вообще, философскій элементъ въ ней отсутствуетъ, если не считать двухъ-трехъ обобщеній или резюмэ и сентенцій въ-родѣ, напр., того, что несправедливо судить о Солонѣ съ точки зрѣнія настоящаго (гл. 9), или наблюденія, что всѣ имѣютъ обыкновеніе откладывать на послѣдній день (гл. 40). Отсутствуютъ не только теоретическія разсужденія, которыя, какъ справедливо замѣтилъ Кеніонъ (p. XLVII[2]), и не входили въ программу этого трактата — ихъ мѣсто было въ „Политикѣ"—, но иногда и надлежащее, такъ сказать историко-философское, объясненіе фактовъ.

Такъ, съ одной стороны, причины и связь явленій не всегда выясняются какъ слѣдуетъ: подчасъ все сводится къ мелкимъ случайнымъ поводамъ, личнымъ мотивамъ и т. под.; вообще личности придается громадное значеніе, ея вліяніемъ объясняется иногда то, что было результатомъ цѣлаго ряда причинъ, цѣлаго историческаго процесса. Напр., главнымъ виновникомъ непомѣрнаго развитія демократіи и того, что жители покинули поля, переселились въ городъ, стали получать содержаніе отъ государства и т. п., по словамъ трактата, оказывается не кто другой, какъ Аристидъ (гл. 24). Плата дикастамъ, по свидѣтельству того же трактата, введена Периклэмъ потому, что иначе онъ, не имѣя собственнаго большаго состоянія, не могъ соперничать въ щедрости съ Кимономъ (гл. 27). Объ основныхъ причинахъ реформы Эфіальта и паденія ареопага не говорится; зато разсказывается анекдотъ о томъ, какъ Ѳемистоклъ по личнымъ мотивамъ, путемъ двуличія и хитрости, съумѣлъ устроить это дѣло (гл. 25). Вообще Аристотель любитъ характерныя біографическія подробности и даже анекдоты, и они занимаютъ сравнительно видное мѣсто въ „Аѳ. Пол." Въ то время, какъ сообщаются мелкія и даже анекдотическія подробности, существенное подчасъ опускается. Такъ, напр., о самой

сущности Эфіальтовой реформы ареопага сказано буквально нѣсколько словъ, а въ чемъ состояли мѣры Перикла относительно ареопага, совсѣмъ даже не поясняется; Аристотель ограничивается неопредѣленнымъ выраженіемъ: *τῶν Ἀρεοπαγιτῶν ἔνια παρείλετο*, „у ареопагитовъ отнялъ нѣкоторыя права“ (гл. 27).

Съ другой стороны, не смотря на то, что въ „Аѳ. Пол“ личному элементу, анекдотамъ и мелочамъ отведено сравнительно такъ много мѣста, въ общемъ все-таки мы получаемъ представленіе о послѣдовательномъ, такъ сказать, органическомъ развитіи аѳинскаго государственнаго строя. На-ряду съ подробностями мы видимъ тутъ подчасъ и своего рода обобщенія, нѣкоторое умѣнье подмѣтить и резюмировать самое существенное, смыслъ и значеніе явленій, схватить основныя черты отдѣльныхъ періодовъ, указать главныя дѣйствующія силы и общее направленіе событій. Таковы замѣчанія о демократическихъ элементахъ въ Солоновой конституціи, причемъ совершенно основательно отмѣчено великое значеніе геліэи въ дѣлѣ развитія демократіи (гл. 9); таково наблюденіе, что упорная борьба изъ-за архонтства послѣ Солона служитъ доказательствомъ важнаго значенія архонта въ тѣ времена (гл. 13); таково въ особенности резюмэ въ 41 гл., гдѣ вкратцѣ отмѣчены главнѣйшія ступени или періоды въ послѣдовательномъ развитіи аѳинской демократіи. Насколько вѣрно представленное Аристотелемъ дѣленіе на періоды, это другой вопросъ; но важна уже самая попытка установить эти періоды, разобраться въ массѣ фактовъ и выдѣлить главные, основные моменты.

Аристотель подмѣчаетъ взаимодѣйствіе между такими явленіями, тѣсная связь между которыми можетъ сразу и не броситься въ глаза, напр. связь между ростомъ демоса и развитіемъ морскаго могущества Аѳинъ. Ему присуще сознаніе причинности и непрерывности развитія; настоящее и прошедшее у него связаны неразрывно, органически, и настоящее служитъ какъ-бы ключемъ къ пониманію и объясненію далекой древности. Отъ современныхъ ему порядковъ, законовъ и обычаевъ, отъ „переживаній“ онъ дѣлаетъ заключеніе къ прошлому: онъ пользуется аналогіей и тутъ подчасъ обнаруживаетъ тонкую наблюдательность и проницательность.

Такими пріемами особенно богата 3-я глава,—по вполнѣ понятной причинѣ: здѣсь Аристотелю приходилось описывать „древнюю политію“, періодъ, для котораго не имѣлось надежныхъ источниковъ и гдѣ методъ реконструкціи, заключенія отъ на-

стоящаго къ прошедшему, по необходимости являлся однимъ изъ главныхъ средствъ. Такъ, касаясь вопроса о томъ, когда возникло архонтство, при Медонтѣ или Акастѣ, Аристотель — правда, со словъ другихъ — приводитъ клятву, даваемую еще въ его время 9 архонтами. „Признакомъ“ сравнительно поздняго происхожденія должности архонта (эпонима) для него служитъ то обстоятельство, что этотъ архонтъ не завѣдывалъ старинными культами и учрежденіями, подобно басилевсу и полемарху; а то, что „еще и теперь“ (т. е. въ IV вѣкѣ) обрядъ бракосочетанія супруги басилевса („царя“) съ Діонисомъ совершается въ буколіонѣ, въ его глазахъ указываетъ, что буколіонъ былъ нѣкогда мѣстопребываніемъ архонта-царя (гл. 3). Далѣе, то, что оеты по Солонову закону не могли занимать должности, сопоставляется съ тѣмъ, что „и теперь“, когда кандидату, намѣревающемуся подвергнуться жеребьеванію, предлагается вопросъ, къ какому классу онъ принадлежитъ, никто не скажетъ, что — къ классу оетовъ (гл. 7). Въ обычаѣ, чтобы каждая изъ 10 филъ избирала по жребію кандидатовъ, изъ которыхъ затѣмъ посредствомъ жребія-же избираются 9 архонтовъ, Аристотель видитъ слѣды порядка, введеннаго Солономъ (гл. 8), а доказательствомъ того, что должности распредѣлены были Солономъ соотвѣтственно имущественнымъ классамъ, по его мнѣнію, служитъ „еще доселѣ существующій законъ“, повелѣвающій „казначеевъ избирать по жребію изъ пентакосіомедимновъ“ (гл. 8).

Подобными пріемами Аристотель чрезвычайно напоминаетъ Θукидида (см. выше, стр. 88 слл.), съ которымъ онъ обнаруживаетъ сходство и въ нѣкоторыхъ другихъ отношеніяхъ. У обоихъ мы видимъ изложеніе прагматическое и, такъ сказать, раціоналистическое объясненіе историческихъ фактовъ: о вмѣшательствѣ божества въ „Аѳ. Пол.“ нѣтъ рѣчи; элементъ миѳическій, чудесный совершенно устраняется. Мы видимъ въ трактатѣ, не смотря на всѣ его промахи и недостатки, нерѣдко чрезвычайно вѣрныя сужденія, критическое отношеніе къ фактамъ и взглядамъ. Таковы замѣчанія по поводу обвиненія Солона въ соучастіи въ безчестномъ поступкѣ его друзей (гл. 6) и въ томъ, что онъ будто бы намѣренно издалъ неясные законы (гл. 9). Подчасъ Аристотель возвышается до широкаго взгляда и умѣетъ раскрывать существенныя причины, лежащія въ основаніи излагаемыхъ имъ явленій; напр., онъ ясно понимаетъ, въ чемъ коренились причины народныхъ смутъ и бѣдствій, предшествовавшихъ законодательству

Солона; онъ указываетъ, что однѣ политическія реформы не могли положить конецъ кризису (гл. 2, 4, 5). Этими критическими сужденіями и иногда умѣньемъ отдѣлить глубокія, основныя причины отъ болѣе или менѣе случайныхъ поводовъ Аристотель въ „Аѳ. Пол.“ опять-таки напоминаетъ Ѳукидида. Наконецъ, и тотъ, и другой обращаются иногда къ документальнымъ даннымъ и вносятъ ихъ въ текстъ своихъ произведеній, Ѳукидидъ — напр. Никіевъ договоръ, Аристотель — псефизму Пиѳодора (гл. 29 сл.), договоръ между демократами и сторонниками Тридцати (гл. 39), цитаты и выраженія изъ законовъ (гл. 8, 16, 26, 35, 45, 49, 53) и проч.

Но „Аѳ. Пол.“ представляетъ аналогію не только съ трудомъ Ѳукидида: пріемы ея автора тоже до нѣкоторой степени сходны и съ пріемами современныхъ ученыхъ.

Подобно тому, какъ это принято въ нынѣшнихъ руководствахъ по греческимъ древностямъ, Аристотель раздѣляетъ свой трактатъ на двѣ части—историческую и систематическую. „Переживанія“, современные ему порядки и обычаи, свидѣтельства документовъ и надписей (хотя бы и изъ вторыхъ рукъ), археологическіе памятники, стихотворенія, какая-нибудь застольная пѣсня, изреченіе—все это входитъ въ кругъ и его источниковъ, хотя не въ одинаковой и не въ должной мѣрѣ; изъ всего этого подчасъ онъ умѣетъ извлечь фактическій матеріалъ и сдѣлать надлежащій выводъ. Трактатъ отличается обиліемъ хронологическихъ датъ; Аристотель большею частью отмѣчаетъ, въ чье архонтство совершилось описываемое имъ событіе или перемѣна въ строѣ Аѳинскаго государства, изданъ упоминаемый имъ законъ, или указываетъ, черезъ какой промежутокъ произошелъ одинъ фактъ послѣ другаго, и хотя тутъ въ его хронологіи, по крайней мѣрѣ въ дошедшемъ до насъ текстѣ, бываетъ иногда и путаница, но характерно одно уже это стремленіе къ хронологической опредѣленности. Правда, изложеніе мѣстами переходитъ, какъ мы видѣли, въ сухой перечень или лѣтопись событій; но именно эти краткія и сжатыя, сухія замѣтки лѣтописнаго характера, безъ внутренней связи, являются для насъ особенно драгоцѣнными, какъ дающія наиболѣе достовѣрный и надежный матеріалъ.

Но историческая перспектива въ трактатѣ не соблюдена: наоборотъ, замѣчается непропорціональность частей и неравномѣрность въ изложеніи. Столь важный въ исторіи Аѳинъ періодъ „Пятидесятилѣтія“ очерченъ лишь нѣсколькими краткими

штрихами. Особенно же поразительный контрастъ съ тою краткостью, которою въ нѣкоторыхъ частяхъ отличается изложеніе трактата, представляетъ разсказъ объ олигархіи 411 г. (гл. 29—32). Тутъ самымъ подробнымъ образомъ говорится объ эфемерномъ созданіи олигарховъ, о томъ даже, что было ими лишь проэктировано, что осталось, такъ сказать, только на бумагѣ, но не было осуществлено; тутъ дословно приводится псефизма и т. д. Сравнительно подробно излагается и исторія правленія Тридцати, равно какъ и ихъ паденія, причемъ съ особенною обстоятельностью Аристотель останавливается на договорѣ между возвратившимися демократами и сторонниками олигархіи (гл. 39).

Есть въ трактатѣ пробѣлы или пропуски, по крайней мѣрѣ съ нашей — нынѣшней — точки зрѣнія: объ игнорированіи внѣшней исторіи мы уже говорили; но не сообщается, напр., ничего и о нѣкоторыхъ важныхъ и интересныхъ законахъ Солона, хотя бы относительно установленія извѣстнаго максимума для земельныхъ владѣній.

Аристотель не соблюдаетъ строгой послѣдовательности въ своемъ изложеніи: иногда онъ возвращается назадъ, иногда забѣгаетъ слишкомъ впередъ. Въ этомъ отношеніи очень характерны первыя главы дошедшаго до насъ текста [1]). Между прочимъ, здѣсь упоминаніе о Килоновомъ возстаніи и его ближайшихъ послѣдствіяхъ предшествуетъ описанію соціальныхъ бѣдствій, какъ главной причины кризиса и борьбы партій, а то и другое предшествуетъ описанію перехода отъ монархіи къ республикѣ. Казалось бы, слѣдовало ожидать иного порядка изложенія. Наоборотъ, въ 24 главѣ, упомянувъ о томъ, что Аристидъ склонилъ населеніе Аттики покинуть поля и переселиться въ Аѳины, обнадеживая, что всѣмъ будетъ содержаніе, Аристотель тутъ же перечисляетъ, сколько гражданъ содержалось на счетъ государства и союзниковъ, причемъ упоминаетъ и о дикастахъ, какъ о получающихъ плату, между тѣмъ какъ, по его же свидѣтельству (въ гл. 27), введеніе этой платы есть дѣло Перикла. Очевидно, Аристотель заходитъ здѣсь впередъ: онъ говоритъ уже о послѣдствіяхъ Аристидовой политики; онъ описываетъ то, что существовало не при Аристидѣ, а во времена Перикла.

---

[1]) О первыхъ главахъ см. преимущественно статьи: Г. Ѳ. Шульца (Фил. Обозр., IX, 1892) и П. Г. Виноградова (ibid, III, 1893).

Такимъ образомъ, нѣкоторыя извѣстія стоятъ не на своемъ мѣстѣ. Отсюда — повторенія. Напр., въ тѣхъ же первыхъ главахъ два раза и даже въ одинаковыхъ почти выраженіяхъ говорится о борьбѣ между аристократами и демосомъ, о томъ, что земля была въ рукахъ немногихъ, и о кабалѣ бѣдныхъ (во 2-й главѣ и въ концѣ 4-й и началѣ 5-й).

Иногда одно съ другимъ плохо вяжется, одно къ другому пришито бѣлыми нитками. Между предыдущимъ и послѣдующимъ, между указываемою причиною и ея слѣдствіемъ, не всегда видна необходимая логическая связь (напр. въ 3-й главѣ — объ ареопагѣ).

Отсюда — сбивчивость и неясность въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, увеличивающаяся еще отъ того, что въ трактатѣ есть и видимыя противорѣчія, пропуски и недомолвки. Такъ, въ дошедшемъ до насъ текстѣ, при описаніи Драконовой конституціи, въ 4 гл. уже упоминаются пентакосіомедимны, всадники и *зевгиты*; а 7 гл. гласитъ, что Солонъ „раздѣлилъ гражданъ на 4 класса, какъ они дѣлились и раньше, на пентакосіомедимновъ, всадниковъ, зевгитовъ и θетовъ“; если принимать оба свидѣтельства и не сомнѣваться въ подлинности 4 гл. и фразы „какъ они дѣлились и раньше“, то выходитъ путаница; спрашивается, какъ это Солонъ дѣлилъ гражданъ на классы, существовавшіе уже и раньше? Или напр. въ 8 гл. съ введеннымъ Солономъ порядкомъ избранія архонтовъ Аристотель сопоставляетъ прежній, замѣчая, что „таковы были постановленія Солона относительно 9 архонтовъ, въ древности же ареопагъ вызывалъ и по собственному усмотрѣнію назначалъ“ ихъ; между тѣмъ, если вѣрить 4 гл. нашего трактата, оказывается, что до Солона, по Драконовой конституціи, архонтовъ избирали „имѣющіе вооруженіе граждане“. Такое противорѣчіе можетъ служить однимъ изъ аргументовъ противъ подлинности 4 гл. Тѣмъ же, кто признаетъ эту главу подлинною, ничего другого не остается, какъ предположить, что въ 8 гл. Аристотель подразумѣвалъ не непосредственно предшествовавшій Солоновой реформѣ порядокъ, а болѣе древній, до Дракона, но ясно не указалъ на это, почему-то—намѣренно или ненамѣренно—игнорируя порядокъ, существовавшій при Драконѣ. Цѣлый рядъ пропусковъ и пробѣловъ замѣчаемъ мы также въ сообщеніяхъ относительно жребія. Напр. въ 22 гл. сказано, что въ архонтство Телесина (487/6) впервые послѣ тираніи стали выбирать архонтовъ по жребію, а что „всѣ прежніе были изби-

раемы посредствомъ голосованія"; между тѣмъ изъ 8 гл. мы знаемъ, что уже при Солонѣ примѣнялся жребій при избраніи архонтовъ. Можно думать, слѣдовательно, что такой порядокъ былъ отмѣненъ въ промежутокъ между Солономъ и Клисѳеномъ, въ эпоху смутъ и тираніи; но Аристотель объ этомъ не сказалъ, и такимъ образомъ вышла неясность и какъ-бы противорѣчіе. Противорѣчіе и путаница оказываются въ хронологіи относительно Писистрата. Явное противорѣчіе обнаруживается между 15 и 18 гл. относительно правъ совѣта и т. д.

Наконецъ, есть въ „Аѳ. Пол." сообщенія невѣрныя или невѣроятныя, крупныя неточности, преувеличенія и ошибки. Таковъ разсказъ объ участіи Ѳемистокла въ дѣлѣ реформы ареопага (гл. 25), противорѣчащій хронологіи и свидѣтельству цѣлаго ряда источниковъ, въ томъ числѣ Ѳукидиду, и являющійся вымышленнымъ анекдотомъ, все равно будемъ ли мы считать его за вставку или нѣтъ. Таково сообщеніе, будто бы всѣ 10 стратеговъ-побѣдителей при Аргинусскихъ островахъ были осуждены на смерть однимъ общимъ голосованіемъ (гл. 34), и, повидимому, основанное на недоразумѣніи, на непониманіи сущности дѣла сообщеніе 10 гл. нашего текста объ измѣненіи Солономъ системы мѣръ, вѣсовъ и монетъ, объ ихъ „увеличеніи".

Что касается изложенія трактата, то оно отличается въ общемъ легкостью и простотою, но далеко отъ того изящества и совершенства, о которомъ такъ много говорили его панегиристы, особенно въ первые моменты увлеченія находкой. Изложеніе въ первой части еще довольно гладкое и плавное, но во второй— болѣе сухое, слишкомъ однообразное и даже подчасъ нескладное, хотя при этомъ въ самомъ расположеніи матеріала виденъ выдержанный планъ и извѣстная система.

Причины недостатковъ.

Таковы въ общихъ чертахъ особенности Аристотелевой „Аѳ. Пол.", ея достоинства и недостатки. Послѣднихъ немало, но многіе изъ нихъ могутъ быть такъ или иначе объяснены и даже оправданы; многому можно найти аналогію въ другихъ извѣстныхъ намъ произведеніяхъ великаго философа. Я не буду здѣсь останавливаться на этихъ объясненіяхъ [1]); скажу только, что при оцѣнкѣ и пользованіи „Аѳ. Пол." необходимо между прочимъ имѣть въ виду слѣдующее.

---

[1]) Подробности см. въ моей книгѣ, стр. 182 сл.

Во-первыхъ, историческая часть трактата есть только введеніе къ систематической: это лишь очеркъ, краткій абрисъ общаго хода развитія аѳинской политіи, да и весь трактатъ въ сущности только отрывокъ громаднаго труда—*Πολιτεῖαι* Авторъ не могъ, да и не думалъ исчерпать тутъ предметъ: въ его планъ вовсе не входило давать полный компендіумъ, подробную и обстоятельную исторію государственнаго строя Аѳинъ. Притомъ онъ долженъ былъ предполагать у своихъ читателей извѣстную сумму знаній, онъ писалъ не для XIX вѣка по Р. Хр. и не могъ знать, чѣмъ мы будемъ интересоваться.

Во-вторыхъ, есть основаніе думать, что Аристотелъ не успѣлъ тщательно просмотрѣть свою „Политію“, переработать и отдѣлать ее: трактатъ производитъ впечатлѣніе произведенія, написаннаго спѣшно, на основаніи заранѣе собраннаго матеріала. Въ пользу такого предположенія, кромѣ общаго впечатлѣнія, говоритъ и самая дата новооткрытаго памятника: если онъ былъ написанъ Аристотелемъ подъ конецъ жизни, послѣ 329 г., то естественно, что великій стагиритъ не могъ какъ слѣдуетъ просмотрѣть и отдѣлать его: вѣдь *Πολιτεῖαι* были обширнымъ произведеніемъ. Мы не знаемъ въ точности, въ какомъ порядкѣ слѣдовали тутъ политіи, въ алфавитномъ ли, по категоріямъ ли или въ смѣшанномъ; но во всякомъ случаѣ „Аѳ. Пол.“ была написана одною изъ первыхъ, если не первою, и составляла только начало. Если мы допустимъ, что трактатъ написанъ былъ наскоро и не подвергся окончательной отдѣлкѣ, тогда легко объясняются многія изъ тѣхъ его особенностей, о которыхъ мы говорили выше, и то сочетаніе крупныхъ недостатковъ съ несомнѣнными достоинствами, на которое указывалъ Кауэръ.

Въ-третьихъ, одна изъ причинъ указанныхъ выше недостатковъ кроется въ неисправности и неудовлетворительномъ состояніи дошедшей до насъ рукописи и редакціи. Вспомнимъ то, что намъ извѣстно о манускриптѣ дошедшей до насъ „Политіи“,—что онъ находится на оборотной сторонѣ папируса, на лицевой сторонѣ котораго помѣщенъ счетъ, что онъ написанъ не профессіональными писцами, что въ срединѣ прерывается „аргументомъ“ и объяснительными примѣчаніями къ одной изъ рѣчей Демосѳена, что въ немъ нѣтъ начала, и мы заранѣе можемъ быть увѣрены въ томъ, что этотъ списокъ очень далекъ отъ совершенства и исправности, а между тѣмъ онъ — нашъ единственный. Въ подобномъ спискѣ мы, естественно, должны встрѣтить немало описокъ, разнаго рода

ошибокъ и искаженій, а мѣстами даже, быть можетъ, перестановки, пропуски или постороннія вставки, интерполяціи. Къ числу подозрительныхъ съ точки зрѣнія подлинности мѣстъ я отношу анекдотъ объ Эфіальтѣ и Ѳемистоклѣ (гл. 25) и конституцію Дракона (гл. 4)[1]).

Противъ принятія крупныхъ постороннихъ вставокъ въ нашемъ текстѣ говоритъ, повидимому, отсутствіе замѣтной разницы въ языкѣ (Э. Р. Штернъ). Но, вѣдь, то же мы видимъ и въ „Политикѣ“: и тамъ языкъ заподозрѣнныхъ мѣстъ не отличается замѣтно отъ языка остальнаго текста; тѣмъ не менѣе это не мѣшаетъ находить въ ея нынѣшнемъ текстѣ болѣе или менѣе значительныя интерполяціи, и едва-ли кто въ настоящее время станетъ отвергать существованіе ихъ.

Возврѣнія Аристотеля въ „Политіи“ и въ „Политикѣ“.

„Политіи“ близко примыкаютъ къ „Политикѣ“; оба произведенія внутренно связаны между собой, и интересно взглянуть, насколько воззрѣнія Аристотеля въ „Аѳинской Политіи“ совпадаютъ съ воззрѣніями его въ „Политикѣ“[2]).

Политическія воззрѣнія Аристотеля, его симпатіи и антипатіи въ „Аѳ. Пол.“ обнаруживаются довольно ясно. Такъ, онъ видимо относится съ большимъ сочувствіемъ къ Солону и его дѣлу. Солонъ не удовлетворилъ ожиданій обѣихъ крайнихъ партій, аристократовъ и демоса, выступилъ противникомъ ихъ и, хотя имѣлъ возможность, соединившись съ любою изъ нихъ, захватить въ свои руки тираннію, предпочелъ навлечь на себя ненависть той и другой партіи и спасти отечество, давъ наилучшіе законы (гл. 11). По „Аѳ. Пол.“, Солонъ былъ первымъ „предстателемъ демоса“ (гл. 2); отъ него ведетъ начало демократія (гл. 41). Наиболѣе демократическими Аристотелю здѣсь кажутся слѣдующія его мѣры: первая и важнѣйшая—запрещеніе займовъ подъ залогъ тѣла, за-

---

[1]) Вопросъ о Драконовой конституціи—одинъ изъ самыхъ спорныхъ; здѣсь можетъ быть три рѣшенія: 1) 4-я гл. принадлежитъ Аристотелю и описанная въ ней конституція дѣйствительно существовала; 2) хотя эта глава и принадлежитъ Аристотелю, но подобной конституціи не существовало; 3) 4-я глава есть посторонняя вставка.

[2]) См ст. П. Г. Виноградова, „Развитіе демократіи въ трактатѣ Аристотеля о государствѣ ае“ („Истор. Обозр.“, V, 1892), и мою книгу, стр. 132 сл. Ср еще книгу P. Meyer'a, Des Arist Politik und die 'Aθ. Pol. Bonn, 1891; примѣчанія Haussoullier къ его переводу 'Aθ. Pol., гдѣ приводятся соотвѣтствующія мѣста изъ „Политики“, и кн. М. М. Покровскаго, „Этюды по Аѳинской Политіи Аристотеля“. М. 1893.

тѣмъ предоставленіе права каждому желающему заступаться за обиженныхъ, въ третьихъ—„благодаря чему, говорятъ, особенно усилился демосъ“—аппелляція въ дикастерій: *κύριος γὰρ ὢν ὁ δῆμος τῆς ψήφου κύριος γίγνεται τῆς πολιτείας* (гл. 9)

Обратимся къ „Политикѣ“, и мы найдемъ здѣсь такой же взглядъ на Солона и его реформы. Солонъ причисляется къ лучшимъ законодателямъ (1296a 18—20). Его, очевидно, подразумѣваетъ Аристотель, когда говоритъ, что „только одинъ человѣкъ согласился дать такой строй“, который составлялъ „середину“ между олигархіей и (крайнею) демократіей (1296a 38—40). Солонъ положилъ основаніе старинной демократіи, учредивъ суды изъ всѣхъ гражданъ. За это нѣкоторые порицаютъ его: сдѣлавъ избранный по жребію судъ верховнымъ господиномъ надъ всѣмъ, онъ лишилъ значенія другіе — аристократическіе и олигархическіе—элементы аѳинскаго государственнаго строя; съ развитіемъ народнаго суда строй этотъ превратился въ „нынѣшнюю“ демократію и т. д. Но, возражаетъ на такія обвиненія Аристотель, произошло это не сообразно намѣреніямъ Солона, а скорѣе вслѣдствіе самаго хода вещей: Солонъ же далъ народу только самую необходимую власть, а именно— право вибирать должностныхъ лицъ и требовать отъ нихъ отчета, ибо если бы народъ не имѣлъ и этихъ правъ, то онъ былъ бы рабомъ и врагомъ существующаго строя (1274a; ср. и 1318b 21).

Въ „Аѳ. Пол.“ (подобно тому, какъ и въ „Политикѣ“) сообщается, что право занимать должности предоставлено было Солономъ тремъ высшимъ классамъ, соотвѣтственно ихъ имуществу (гл. 7), а „Политика“ говоритъ, что хорошее правленіе—необходимое слѣдствіе такого порядка, когда избираютъ должностныхъ лицъ, требуютъ отъ нихъ отчета и засѣдаютъ въ судѣ всѣ; высшія же должности замѣщаются по избранію (а не по жребію) и согласно цензу, тѣмъ болѣе высокому, чѣмъ важнѣе должность (1318b 27 сл.). По „Аѳ. Пол.“ (гл. 8), Солонъ установилъ, чтобы каждая изъ четырехъ филъ избирала предварительно посредствомъ голосованія по 10 кандидатовъ въ архонты; „Политика“ же видитъ въ избраніи должностныхъ лицъ отдѣльными филами, а не всѣмъ народомъ, спасительное средство противъ крайней демократіи (1305a 32—34).

О Писистратѣ „Аѳ. Пол.“ отзывается очень хорошо. По ея словамъ, онъ правилъ умѣренно и больше какъ гражданинъ, чѣмъ какъ тираннъ (гл. 16; ср. гл. 14). Писистратъ выставляется

здѣсь гуманнымъ, мягкимъ и снисходительнымъ: онъ оказываетъ помощь людямъ недостаточнымъ и поддерживаетъ земледѣльческій классъ, заботится о правосудіи и соблюденіи законовъ, о мирѣ и спокойствіи; по словамъ трактата, сложилась даже поговорка, что во время тиранніи Писистрата жилось, какъ при Кроносѣ (гл. 16).

Такого отношенія къ Писистрату мы и можемъ ожидать отъ автора „Политики". Правда, Аристотель говоритъ въ ней о тираніи, какъ о наихудшей изъ „извращенныхъ" формъ правленія (1289a 38 сл.); въ мрачномъ свѣтѣ изображаетъ онъ правленіе и пріемы тиранна (напр. 1311a). Но это могло не помѣшать ему отозваться благопріятно о Писистратѣ, даже съ точки зрѣнія „Политики", подобно тому, какъ упомянутая выше сочувственная характеристика Писистрата и нелюбовь къ крайней демократіи не помѣшали ему въ „Аѳ. Пол." выставить всю жестокость и произволъ Тридцати. Дѣло въ томъ, что въ „Политикѣ" Аристотель придаетъ особое значеніе сельскому классу, видя въ немъ необходимую и лучшую основу здоровой государственной жизни. По его словамъ, лучшій демосъ — земледѣльческій: онъ разсѣянъ по странѣ и не имѣетъ достаточно свободнаго времени для частыхъ народныхъ собраній; онъ занятъ своимъ дѣломъ и не заботится о чужихъ; для него пріятнѣе работать, чѣмъ принимать участіе въ правленіи и занимать должности, если только отъ послѣднихъ нѣтъ прибыли. А по Аѳ. Пол.", этому-то классу и покровительствовалъ Писистратъ. Соотвѣтствіе тутъ между „Аѳинскою Политіей" и „Политикою" доходитъ до буквальнаго сходства (*Аѳ. Пол* 16 и Pol., 1318b сл., 1319a 30 сл., 1310b 7 сл., 1311a 14—15).

Вообще, Писистратъ дѣйствуетъ именно такъ, какъ по словамъ „Политики", долженъ дѣйствовать благоразумный тиранъ для упроченія своей власти. Сравнимъ напр слова „Аѳ. Пол." объ обезоруженіи аѳинянъ Писистратомъ (гл. 15), о его мѣрахъ, направленныхъ къ поддержкѣ земледѣльческаго класса и противъ скопленія народа въ городѣ, о его старапіи заставить населеніе заниматься своими частными дѣлами и отвлечь его отъ дѣлъ государственныхъ (гл. 16) съ соотвѣтствующими на этотъ счетъ правилами, рекомендуемыми въ „Политикѣ", и мы найдемъ большее сходство. Вообще Писистратова тираннія, какъ изображаетъ ее „Аѳ. Пол.", приближалась къ истинной монархіи, а это, согласно „Политикѣ,"—лучшій способъ для тиранна упрочить свою власть (Pol., 1311a 12—15, 1313b 20 сл., 1314a 30 сл., особенно 1315b).

Взглядомъ Аристотеля на сельскій классъ и на *ναυτικὸς ὄχλος* (1327b 7—8) легко объяснить и враждебное отношеніе „Аѳ. Пол.“ къ Аристиду, который, по словамъ трактата, посовѣтовалъ аѳинянамъ взять въ свои руки гегемонію надъ союзниками и, покинувъ поля, переселиться въ городъ, говоря, что для всѣхъ найдется содержаніе. По „Аѳ. Пол.“ онъ оказывается виновникомъ деспотическаго обращенія аѳинянъ съ союзниками и содержанія гражданъ на счетъ государства (гл. 24); Эфіальтъ лишь довершилъ то, чему начало положено было Аристидомъ (гл. 41), тогда какъ послѣ отраженія персовъ, при господствовавшемъ вліяніи ареопага, аѳиняне, по отзыву трактата, управлялись хорошо (гл. 23).

Перикловъ вѣкъ Аристотель въ „Аѳ. Пол.“ не выдѣляетъ въ особый періодъ. Кратко, сдержанно и холодно говоритъ онъ о Периклѣ, къ которому, очевидно, не благоволитъ (гл. 27). Такъ, лучшими политическими дѣятелями Аѳинъ „послѣ древнихъ“ онъ называетъ Никія, Ѳукидида (сына Мелесія) и даже Ѳерамена (гл. 28) и не называетъ при этомъ Перикла, не находя, повидимому, возможнымъ причислить его къ тѣмъ „*καλοὶ κἀγαθοί*“, которые являлись государственными людьми, „отечески правившими всѣмъ государствомъ“. Такое отношеніе къ Периклу, извѣстное намъ еще раньше, благодаря цитатѣ у Плутарха (Nic., 2), казалось Онкену столь невѣроятнымъ, что онъ предполагалъ, будто отзывъ этотъ принадлежитъ не „Аѳинской Политіи“, а почерпнутъ Плутархомъ изъ вторыхъ и третьихъ рукъ и переданъ имъ неточно (II, 507—508). Но съ точки зрѣнія какъ трактата, такъ и „Политики“, подобное отношеніе къ Периклу вполнѣ понятно. По „Аѳ. Пол.“ (гл. 27, 41), при Периклѣ государственный строй сдѣлался еще болѣе демократическимъ; Периклъ отнялъ нѣкоторыя права у ареопага; онъ побудилъ государство къ развитію преимущественно морскихъ силъ, и масса, сдѣлавшись поэтому смѣлѣе, все болѣе и болѣе забирала въ свои руки власть и вліяніе. Периклъ же первый ввелъ плату дикастамъ, вслѣдствіе чего, по мнѣнію нѣкоторыхъ, суды стали хуже; домогались избранія въ судьи больше первые встрѣчные, нежели люди достойные; начались подкупы и т. д. Это вполнѣ соотвѣтствуетъ тому, что̀ говоритъ и „Политика“, а именно, что въ крайней демократіи, при существованіи платы, богатые часто не участвуютъ ни въ народномъ собраніи, ни въ судѣ, и неимущая масса дѣлается властелиномъ въ государствѣ (Pol., 1293a 5—10). Подобно тому, какъ въ „Аѳ. Пол.“ (гл. 24, 27, 41), и въ „Политикѣ“ (1274a 12—15, 1304a 21 сл.)

неразъ указывается на связь между развитіемъ морскаго могущества съ одной стороны и ростомъ демократіи съ другой.

По смерти Перикла, по словамъ „Аѳ. Пол.“, положеніе дѣлъ измѣнилось къ худшему; началось господство крайней демократіи; впервые выступили демагоги, не пользовавшіеся хорошей славой у знатныхъ и умѣренныхъ (гл. 28). Къ этимъ демагогамъ, рядъ которыхъ открывается Клеономъ, Аристотель обнаруживаетъ явную антипатію. Клеонъ у него характеризуется совершенно такъ, какъ и у Ѳукидида,—развращающимъ народъ своими „порывами“, кричащимъ и ругающимся на каѳедрѣ, являющимся для произнесенія рѣчей опоясаннымъ (гл. 28). Клеофонтъ противится миру, предложенному на выгодныхъ условіяхъ лакедемонянами, причемъ приходитъ въ народное собраніе пьянымъ и въ панцырѣ (гл. 34). Вообще, демагоги деморализуютъ демосъ, льстятъ и потворствуютъ ему, вводятъ и постепенно увеличиваютъ „діобелію“ (гл. 28) и плату за посѣщеніе народнаго собранія (гл. 41); они имѣютъ въ виду лишь ближайшіе, минутные интересы и не заглядываютъ въ будущее. Но обманутая толпа обыкновенно ненавидитъ впослѣдствіи тѣхъ, кто наводитъ ее на безславные поступки, и жестоко наказываетъ ихъ (гл. 28). Въ такой крайней демократіи демосъ является верховнымъ господиномъ; онъ всѣмъ управляетъ посредствомъ псефизмъ и дикастеріевъ, въ которыхъ онъ госпудствуетъ; судебныя права совѣта ограничиваются и переходятъ къ демосу и т. д. (гл. 41).

Все это чрезвычайно напоминаетъ намъ характеристику демагоговъ и крайней демократіи въ „Политикѣ“: полная аналогія здѣсь доходитъ иногда до буквальнаго сходства выраженій [1]).

Зато къ вождямъ партіи аристократической Аристотель въ „Аѳ Пол.“ относится сочувственно. Правда, отзывы о Писандрѣ и Антифонтѣ, какъ о людяхъ „хорошаго происхожденія и выдающихся умомъ и дарованіями“ (гл. 32), еще не доказываютъ этого: Аристотель могъ воздавать имъ лишь должное, хотя и тутъ бросается въ глаза то, что наравнѣ съ умственными дарованіями онъ отмѣчаетъ и хорошее происхожденіе. Но весьма характерно отношеніе Аристотеля къ Никію, Ѳукидиду Алопекскому и въ особенности къ Ѳерамену. Этихъ трехъ лицъ онъ удостоиваетъ, какъ мы видѣли,

---

[1]) ’Αθ. Πολ., 41 и Pol., 1292a 5—7, 34—36, 1293a 1 сл., 1299b 38—1300a 4, 1317b 30—34, ’Αθ. Πολ., 28 и Pol., 1274a 14—15, 1320a 4—6, 29 сл., 1292a 6, 1313b 40—41.

такой чести, какой не удостоиваетъ Перикла: онъ признаетъ ихъ лучшими государственными людьми Аѳинъ „послѣ древнихъ“. А что касается Ѳерамена, относительно коего, по его же словамъ, существовало разногласіе и сомнѣніе, то онъ беретъ его подъ свою защиту, а самое разногласіе объясняетъ тѣмъ, что дѣятельность Ѳерамена совпала съ временемъ смутъ и переворотовъ въ государственномъ строѣ: по словамъ Аристотеля, Ѳераменъ, „если судить не поверхностно, не ниспровергалъ всѣхъ формъ правленія, какъ его упрекаютъ, а старался довести ихъ до такого состоянія, чтобы не совершалось противозаконій, какъ человѣкъ, могущій заниматься политическою дѣятельностью при всякихъ формахъ государственнаго устройства (какъ это и подобаетъ хорошему гражданину), не подчиняясь, а борясь съ противозаконіями“ (гл. 28). И такой отзывъ совершенно согласуется съ „Политикой“: Аристотель самъ не придавалъ особеннаго значенія формѣ правленія, лишь бы достигалась главная цѣль — общее благо; по его мнѣнію, всѣ государственныя устройства, которыя имѣютъ въ виду общую пользу, правильны, а имѣющія въ виду только пользу самихъ правящихъ — неправильны (Pol., 1279a 17—21 и 28 сл.).

Но Аристотель въ „Аѳ. Пол.“ — не сторонникъ и крайней олигархіи. Такое впечатлѣніе, по крайней мѣрѣ, производитъ его довольно подробный разсказъ о правленіи Тридцати, о ихъ жестокости и тиранніи (гл. 35 сл.). Это слѣдуетъ даже и изъ его хвалебнаго отзыва о Ѳераменѣ, который, по „Аѳ. Пол.“, оказывается противникомъ крайностей олигархіи и ея беззаконій.

Вообще симпатіи Аристотеля — на сторонѣ середины, партіи умѣренной. Онъ врагъ крайностей. Это видно и изъ его отношенія къ Солону, какъ бы олицетворяющему середину, которому онъ ставитъ въ заслугу, между прочимъ, то, что онъ былъ противъ обѣихъ крайнихъ партій, и изъ его одобрительнаго отзыва о той умѣренной и ограниченной демократіи, которая установлена была въ Аѳинахъ послѣ низверженія олигархіи Четырехсотъ, когда власть была предоставлена 5000 вооруженныхъ, и когда было постановлено, что всѣ должности должны быть безплатными (гл. 33), отзыва, который такъ напоминаетъ намъ похвалу Ѳукидида этой же демократіи (VIII, 97). Аристотель одобряетъ образъ дѣйствій Архина (гл. 40), бывшаго вмѣстѣ съ Ѳрасибуломъ вождемъ демократовъ въ 403 г. и стремившагося къ примиренію партій, къ тому, чтобы „не поминать прошлаго“. Во-

обще Аристотель признаетъ, что тогда аѳинскіе демократы воспользовались предшествовавшими несчастіями самымъ лучшимъ и благоразумнымъ образомъ: они не только предали забвенію прошлыя вины, но и уплатили общими силами лакедемонянамъ деньги, взятыя взаймы Тридцатью на войну (хотя по договору каждая сторона отдѣльно должна была платить свои долги), полагая, что этимъ должно быть положено начало единодушію; тогда какъ въ другихъ государствахъ, замѣчаетъ онъ, демократическая партія не только не жертвовала своимъ, но и устраивала передѣлы земли (гл. 40). Аристотелю кажется вполнѣ справедливымъ, если демосъ, ставъ тогда господиномъ, установилъ „нынѣ существующій строй“ (т. е. современный Аристотелю) и захватилъ въ свои руки власть, такъ какъ своимъ возвращеніемъ демократы обязаны были только самимъ себѣ (гл. 41).

Любовь къ серединѣ [1]), несочувствіе крайностямъ, умѣренность обнаруживаетъ Аристотель и въ „Политикѣ“. Такъ, онъ отдаетъ здѣсь предпочтеніе среднему классу, какъ лучшей опорѣ государственнаго порядка (*ἡ κοινωνία ἡ πολιτικὴ ἀρίστη ἡ διὰ τῶν μέσων*) [2]); онъ находитъ, что строй хорошъ и проченъ, если средній классъ многочисленъ; онъ говоритъ, что всѣ лучшіе законодатели были изъ „среднихъ“ по положенію гражданъ; на олигархію онъ смотритъ (1289a 26 сл.), какъ на „извращенную“ форму правленія и притомъ худшую, нежели даже крайняя демократія (1289b 2 сл.); допускаетъ, что если править и большинство, но согласно общей пользѣ, то это будетъ политія „правильная“ (1279a 28—30), и иногда даже высказываетъ благопріятныя мнѣнія о демосѣ [3]). Аристотель, напр., признаетъ, что въ большихъ городахъ его времени трудно быть другой формѣ правленія, кромѣ демократіи [4]); что бѣдные, если даже и не имѣютъ участія въ почетныхъ правахъ, склонны вести себя спокойно лишь бы съ ними не поступали насильственно и ничего не отымали [5]); что

---

[1]) Ср Oncken, II, 222, 224, Rud. Eucken, Die Lebensansch. d. gr. Denker, стр 91 сл., Keil, стр. 204 сл.

[2]) Pol., 1295a 35—1296a, 1308b 30, 1309b 19 сл.; ср. Bernays, Aristoteles uber den Mittelstand (Hermes, 1871, VI B., 118 сл., и Ges. Abh., I, 179 сл.); Keil, l c.

[3]) Объ отношеніи Аристотеля къ народоправству см. Oncken, II, 165 сл., 220, 260, 519

[4]) Pol., 1286b 20—22, Oncken, II, 172—173.

[5]) Pol, 1297b 6—8; ср. 1318b 19—20.

демократія прочнѣе и менѣе подвержена смутамъ, нежели олигархія [1]); что больше губятъ государственный строй жадность и властолюбіе богатыхъ, нежели демоса [2]): онъ подробно описываетъ тѣ уловки и хитрости, посредствомъ которыхъ олигархи умѣютъ обойти народъ.

Такія извѣстія „Аѳ. Пол.“, какъ—находящійся, по крайней мѣрѣ, въ дошедшемъ до насъ текстѣ—анекдотъ о Ѳемистоклѣ и Эфіальтѣ или сообщеніе о смертномъ приговорѣ, постигшемъ всѣхъ 10 стратеговъ, побѣдителей при Аргинусахъ, возбуждаютъ понятное недовѣріе къ этому новому нашему источнику, не позволяютъ безусловно полагаться на него, и нужно сознаться, что противники трактата не безъ основанія говорятъ, что разъ мы встрѣчаемъ въ немъ такія крупныя и вопіющія ошибки, то гдѣ же ручательство, что и въ остальныхъ его свидѣтельствахъ нѣтъ большихъ промаховъ и искаженій? Очевидно, слѣдовательно, что необходимо съ большою осмотрительностію относиться къ показаніямъ „Аѳ. Пол.“ и въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ подвергать ихъ тщательной провѣркѣ и критикѣ.

Источники „Аѳ. Пол.“.

Само собою понятно, что достовѣрность Аристотелева трактата находится въ зависимости отъ его источниковъ [3]). Необходимо поэтому по возможности опредѣлить послѣдніе и выяснить самые пріемы Аристотеля, его способъ обращенія съ находившимся въ его распоряженіи матеріаломъ. Въ особенности это важно по отношенію къ первой части „Аѳ. Пол.“, такъ какъ здѣсь Аристотель писалъ не какъ современникъ-очевидецъ. Относительно же второй части едва-ли могутъ быть значительныя разногласія и сомнѣнія: хотя и въ ней встрѣчаются неясности, противорѣчія и ошибки, но все-таки Аристотель здѣсь описываетъ строй, современный ему, слѣдовательно—какъ очевидецъ, а если и пользуется литературными произведеніями, то все-же главнымъ источникомъ для него тутъ являются въ концѣ концовъ данныя документальныя и личныя наблюденія.

---

[1]) Pol., 1302a 8–9; Oncken, II, 244.

[2]) Pol., 1297a 12–13; Oncken, II, 237.

[3]) См. гл. обр. Wilamowitz, Arist. und Athen, I; объ источникахъ „Аѳ Пол.“ спеціальная работа—Heller, Quibus auctoribus Aristoteles in republ. Atheniens. conscribenda et qua ratione usus sit Berl. 1893, ср и ст М. М Покровскаго, Къ вопросу объ авторѣ новооткрытаго трактата Ἀθ. Πολ. (Ж. М. Н. Пр., 1892, окт.—ноябрь); мою книгу, стр. 196 сл.

Ссылки Аристотеля на источники большею частью довольно неопредѣленны: „большинство“, „нѣкоторые“, „почти всѣ“, „прочіе всѣ“, „одни—другіе“, „приверженцы демоса“, „говорятъ“,—вотъ его болѣе или менѣе обычныя выраженія въ „Аѳ. Пол.“. Тѣмъ не менѣе его источники могутъ быть обнаружены иногда безъ особаго труда, особенно когда ими служатъ произведенія древности, дошедшія и до насъ. Путемъ сличенія „Аѳ. Пол.“ съ такими источниками мы наглядно знакомимся съ пріемами Аристотеля: имѣя передъ собою оба текста, мы имѣемъ полную возможность наблюдать, какъ Аристотель обращается съ своимъ источникомъ и въ какой степени онъ зависитъ отъ него: рабски ли подчиняется ему или относится свободно? что̀ беретъ изъ него и что̀ опускаетъ? какія вноситъ добавленія, въ чемъ слѣдуетъ за нимъ и въ чемъ отступаетъ? пользуется ли онъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ однимъ источникомъ, или одновременно нѣсколькими, комбинируя ихъ? и т. д. А отсюда мы можемъ дѣлать выводъ и относительно того, какъ обращается Аристотель съ источниками, до насъ не дошедшими, ибо мы должны предположить, что и тутъ его пріемы были тѣ-же; другими словами, мы можемъ составить себѣ представленіе объ общихъ пріемахъ Аристотеля при пользованіи источниками [1]). Это же даетъ намъ возможность рѣшить, на какомъ объясненіи слѣдуетъ остановиться въ тѣхъ сомнительныхъ случаяхъ, когда въ текстѣ „Аѳ. Пол.“ есть очевидная нелѣпость, и возникаетъ вопросъ, имѣемъ ли мы тутъ дѣло съ простою опискою, или же съ такимъ промахомъ, который долженъ быть поставленъ въ вину самому автору, не съумѣвшему справиться съ своими источниками и ихъ противорѣчіями.

Аристотель несомнѣнно пользовался трудами предшествовавшихъ ему историковъ, и тутъ, въ числѣ тѣхъ его источниковъ, которые дошли и до насъ, первое мѣсто занимаетъ Геродотъ. Его имя цитируетъ самъ Аристотель въ 14 гл. по поводу разсказа о той женщинѣ, которая, переодѣтая богиней Аѳиной, ввела Писистрата въ городъ. Вообще Аристотель пользуется Геродотомъ преимущественно въ отдѣлѣ о Писистратѣ и о Клисѳенѣ. Изъ предшествовавшихъ отдѣловъ трактата только два-три мѣста (*Аѳ. Пол.*, 11, 13, и Herod., I, 29—30) могутъ быть сопоставлены съ извѣстіями Геродота; но въ этихъ случаяхъ непосредственная

[1]) Ср. вѣрныя замѣчанія М. М. Покровскаго, Ж. М. Н. Пр., стр. 48—49.

зависимость Аристотеля отъ „отца исторіи“ не можетъ быть прочно установлена. Зато тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о Писистратѣ и о Клисѳенѣ, зависимость Аристотеля отъ Геродота вполнѣ очевидна. Но, какъ она ни тѣсна, она все-таки не переходитъ въ рабское подчиненіе источнику, въ механическое и дословное, простое списываніе его: извѣстія, взятыя у Геродота, Аристотель комбинируетъ съ данными, почерпнутыми изъ другихъ источниковъ.

Съ трудомъ Ѳукидида Аристотель, безъ сомнѣнія, былъ знакомъ. Правда, онъ не цитируетъ имени великаго историка Пелопоннесской войны, какъ онъ цитируетъ Геродота [1]); но, говоря о заговорѣ Гармодія и Аристогитона и умерщвленіи Гиппарха, онъ опровергаетъ „передаваемый разсказъ“, будто Гиппій приказалъ участвовавшимъ въ процессіи положить оружіе и отойти въ сторону и такимъ образомъ открылъ тѣхъ, кто былъ съ кинжалами (гл. 18), т. е. заговорщиковъ, а этотъ разсказъ находимъ именно у Ѳукидида (VI, 50). Такимъ образомъ, не называя Ѳукидида, Аристотель однако съ нимъ полемизируетъ и исправляетъ его.

Въ другихъ случаяхъ очевидно, что Аристотель пользуется Ѳукидидомъ: у нихъ встрѣчается немало сходныхъ мѣстъ, близкихъ частью по содержанію, частью даже и по формѣ, и въ томъ же отдѣлѣ о Писистратидахъ и заговорѣ Гармодія и Аристогитона, гдѣ мы встрѣчаемъ косвенную полемику Аристотеля противъ Ѳукидида, послѣдній служитъ однимъ изъ основныхъ источниковъ для перваго. И тѣмъ не менѣе Аристотель во многомъ расходится съ Ѳукидидомъ, такъ-что, очевидно, въ основаніи 17 и 18 гл. „Аѳинской Политіи“ лежитъ не одинъ Ѳукидидъ, но и другіе источники.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи Аристотеля (до 32 гл.) замѣтно лишь отрывочное пользованіе Ѳукидидомъ; сходство ограничивается отдѣльными мѣстами и фразами; въ основу же положены другіе источники.

Но особенно замѣтно различіе между Ѳукидидомъ и Аристотелемъ въ ихъ разсказѣ о переворотѣ 411 года [2]). Здѣсь самыя

---

[1]) Уже Гомперцъ (Deutsche Rundschau, 1891, Mai, S. 220) отмѣтилъ симпатію Аристотеля, какъ автора „Аѳ. Пол.“, къ Геродоту, а не къ Ѳукидиду, хотя, какъ онъ замѣчаетъ, скорѣе можно было бы предполагать противоположное.

[2]) Ср. Bauer, Lit.-hist. Forsch., 150 сл.; Wilamowitz, Ar. und Athen, I, 101 сл.; Kohler, D. thukyd. Bericht über die oligarch. Umwaltzung in Athen i. J. 411 (Sitz.-ber. d. Berl. Ak. d Wiss., 1900); E. Meyer, Forsch., II, 401 сл.

точки зрѣнія ихъ иныя: Θукидидъ разсказываетъ объ этомъ переворотѣ въ связи съ другими событіями того времени и подробно и живо излагаетъ, какъ олигархи путемъ интригъ и террора подготовили coup d'état (VIII, 47 сл., 53 сл.); Аристотель же интересуется только тѣмъ, какъ и какіе конституціонные проекты были тогда выработаны; остальное онъ игнорируетъ, если не считать имѣющагося у него указанія, что успѣху замысла олигарховъ содѣйствовала болѣе всего надежда аѳинянъ на союзъ съ персидскимъ царемъ. Говоря о самой сущности переворота, Аристотель (гл. 29—31) во многомъ расходится съ Θукидидомъ, и разница между послѣднимъ и „Аѳ. Пол.“ — огромная, ясно свидѣтельствующая, что не Θукидидъ служилъ тутъ источникомъ для Аристотеля. Въ нѣсколькихъ отдѣльно взятыхъ мѣстахъ есть, правда, и здѣсь между ними нѣкоторое сходство, но оно объясняется не заимствованіемъ, а самымъ существомъ извѣстій—общностью первоначальнаго источника, каковымъ въ концѣ концовъ являлись псефизмы и проэкты 411 г.

Въ слѣдующихъ 32 и 33 гл., гдѣ рѣчь идетъ о началѣ правленія 400 и ихъ паденіи, Аристотель, на-ряду съ другими источниками, пользуется и Θукидидомъ. Но подобно тому, какъ по отношенію къ Геродоту, онъ и тутъ сохраняетъ извѣстную самостоятельность: комбинируетъ свидѣтельства и выраженія Θукидида съ свидѣтельствами другихъ своихъ источниковъ, отчасти опускаетъ подробности, отчасти дополняетъ и т. д. Напр., у Аристотеля упомянуто не только имя архонта, при которомъ совершился переворотъ, но и имя предсѣдателя народнаго собранія, который пускалъ проэктъ на голоса, и самымъ точнымъ образомъ, съ обозначеніемъ мѣсяца и числа, опредѣляется, когда распущенъ былъ прежній совѣтъ и когда вступили въ должность Четыреста. Такихъ точныхъ указаній у Θукидида мы не найдемъ.

Если пользованіе Геродотомъ и Θукидидомъ со стороны Аристотеля въ „Аѳ. Пол.“ является фактомъ очевиднымъ и безспорнымъ, то далеко не такъ ясно отношеніе Аристотеля къ третьему историку, къ Ксенофонту. Здѣсь возможны сомнѣнія и разногласія, и по мнѣнію однихъ, напр. Виламовица[1]) и Гильберта[2]), Аристотель не пользовался „Hellenica“; по мнѣнію другихъ[3]), онъ

[1]) Arist u. Athen (напр. I, 166).

[2]) Handbuch. d. griech. Staatsalterth. Leipz. 1893, 1^2, стр. XXII.

[3]) Bauer, Lit. u. hist. Forsch., стр. 151 сл.; Heller, p. 44 sq.; Keil, стр. 200 (считаетъ „возможнымъ“).

„навѣрное“ имѣлъ въ виду Ксенофонта и у него заимствовалъ нѣкоторыя извѣстія. Дѣло въ томъ, что между изложеніемъ Аристотеля и изложеніемъ Ксенофонта вообще обнаруживается большая разница и разногласіе, а если мѣстами и замѣчается сходство, то оно или слишкомъ отрывочно, или можетъ объясняться тѣмъ, что у того и у другаго былъ общій источникъ.

Въ первой части Hellenica лишь одно мѣсто, именно конецъ I книги (I, 7, 35), обнаруживаетъ несомнѣнное по содержанію, хотя по формѣ и довольно отдаленное, сходство съ „Аѳ Пол.“, гл. 28 и 34,—съ ея замѣчаніями объ отношеніи демоса къ тѣмъ демагогамъ, которые его обманываютъ и наводятъ на дурное. Но и тутъ трудно сказать, подъ вліяніемъ ли Ксенофонта написаны эти строки Аристотелемъ, или же взяты имъ изъ какого-либо тенденціознаго источника, или, наконецъ, представляютъ его собственный выводъ изъ извѣстныхъ ему фактовъ.

Въ сущности во всемъ трактатѣ есть только одна глава, гдѣ близость къ Ксенофонту бросается въ глаза. Это—гл. 36, въ которой рѣчь идетъ о „трехъ тысячахъ“ и объ оппозиціи Ѳерамена. Именно это мѣсто дало поводъ Heller'у (p. 45) утверждать, что Аристотель „навѣрное“ пользовался Hellenica. И дѣйствительно, сходство между ними здѣсь значительное и очевидное. Тѣмъ не менѣе въ данномъ случаѣ оно ничего не доказываетъ. Дѣло въ томъ, что наиболѣе яркое и характерное сходство между Аристотелемъ и Ксенофонтомъ обнаруживается тамъ, гдѣ оба они приводятъ собственныя слова Ѳерамена. Эти же слова могли быть дѣйствительно произнесены послѣднимъ и многими услышаны, а затѣмъ они легко могли сдѣлаться достояніемъ преданія, переходя изъ устъ въ уста или изъ одного сочиненія въ другое, и такимъ образомъ Аристотель могъ ихъ взять и не у Ксенофонта, а у кого-либо другаго. Если же исключить слова Ѳерамена, то во всей разсматриваемой главѣ „Аѳ. Пол.“ остается лишь двѣ-три отдѣльныхъ и не особенно характерныхъ фразы, напоминающихъ Ксенофонта.

Вообще во всей „Аѳ. Пол.“ мы находимъ лишь нѣсколько отдѣльныхъ мѣстъ или фразъ, напоминающихъ Hellenica и какъбы служащихъ ихъ слабымъ отголоскомъ. По всей вѣроятности, Аристотель читалъ Ксенофонта, кое-что могъ удержать въ памяти; но не его онъ полагалъ въ основу той части своего трактата, которая посвящена 411—403 годамъ.

Не безспорнымъ является и вопросъ объ отношеніи Аристотеля къ Эфору [1]). Возникъ онъ еще раньше открытія „Аѳ. Пол.“, по поводу не только „Политій“, но и „Политики“, именно въ виду сходства нѣкоторыхъ извѣстій, находящихся какъ у Аристотеля, такъ и у Эфора, напр. касательно Крита (Eph. fr. 64), и пока дата „Аѳ. Пол.“ намъ была неизвѣстна, пока думали, что составленіе „Политій“ предшествовало составленію „Политики“, возможно было предположеніе, не Эфоръ ли черпалъ у Аристотеля [2]). Теперь, со времени открытія „Аѳ. Пол.“, подобное предположеніе, конечно, уже немыслимо: если первая (или одна изъ первыхъ) „Политія“ составлена только въ 20-хъ годахъ IV вѣка, то Эфоръ никоимъ образомъ не могъ пользоваться Аристотелевымъ собраніемъ: для него оно появилось слишкомъ поздно Такимъ образомъ, если признавать извѣстную долю сходства между Аристотелемъ и Эфоромъ и не считать такого сходства простою случайностью, то остается объяснить его или тѣмъ, что Аристотель пользовался Эфоромъ, или тѣмъ, что оба они черпали изъ общаго источника. Бауэръ доказываетъ первое: разногласіе между Аристотелемъ и Ксенофонтомъ онъ тѣмъ и объясняетъ, что Аристотель отдавалъ предпочтеніе другому источнику, которому онъ преимущественно слѣдовалъ въ исторіи 411—403 г., и такимъ источникомъ, по утвержденію Бауэра, былъ именно Эфоръ. Гильбертъ же считаетъ его доводы неубѣдительными (стр. XXII, прим.); а Виламовицъ говоритъ, что въ „Аѳинской Политіи“ Аристотель Эфоромъ „конечно“ (freilich) не пользовался. Правда, онъ не отрицаетъ, что „Аристотель могъ заглядывать въ толстую книгу Эфора для какой-нибудь своей „Политіи“ или для лекцій“, но все-таки „лично онъ скорѣе думаетъ, что Аристотель Эфора не читалъ“, и считаетъ немыслимымъ видѣть въ Эфорѣ изслѣдователя, а въ Аристотелѣ—переписчика (I, 305—306). Но допускать, что Аристотель, наряду съ другими источниками, пользовался и Эфоромъ, еще не значитъ низводить его до уровня переписчика. Вообще доводы Виламовица въ сущности чисто апріорные: „здѣсь“ (т. е. у Аристотеля), говоритъ онъ, „Политіи—сумма отдѣльныхъ подробностей“; „тамъ“ (т. е. у Эфора)—„универсальная исторія; что̀ прежде—не по времени, а *πρότερον φύσει?*“ Но, вѣдь, поль-

[1]) Отношенію Аристотеля къ Эфору посвящена работа М. О. Гершензона, составляющая вторую часть „Изслѣдованій по греч. исторіи“. М. 1894.

[2]) Напр. Ferd. Dümmler, Zu den histor. Arbeiten der altesten Peripatetiker (Rh. Mus., 42 B., S. 187—188, 193).

зовался же Аристотель Геродотомъ, трудъ котораго отличается тоже общимъ, до извѣстной степени универсальнымъ характеромъ; почему же онъ не могъ пользоваться Эфоромъ? Притомъ, нельзя сказать, чтобы историческая часть Аристотелевой „Политіи“ отличалась особенною детальностью. Скорѣе можно было бы сослаться на то, что Эфоръ дожилъ до похода Александра въ Азію, что онъ умеръ, не окончивъ труда своего (см. выше, стр. 141); что, слѣдовательно, „Исторія“ Эфора въ свою очередь появилась слишкомъ поздно для того, чтобы Аристотель могъ ею пользоваться. Но весьма вѣроятно, что обширный трудъ Эфора выходилъ въ свѣтъ по частямъ [1]), и первыя книги его могли появиться значительно раньше Аристотелевыхъ „Политій“, а если такъ, то вполнѣ естественно, что Аристотель долженъ былъ пользоваться имъ, какъ произведеніемъ извѣстнымъ, составлявшимъ тогда литературную новость и дававшимъ въ обработанномъ видѣ обширный историческій матеріалъ [2]).

Какъ бы то ни было, но сходства между Аристотелемъ и Эфоромъ отрицать нельзя [3]), хотя въ „Аѳинской Политіи“ оно и не такъ велико, какъ думалъ Бауэръ. Въ этомъ убѣждаетъ насъ сличеніе ея съ Діодоромъ, излагавшимъ исторію Греціи по Эфору.

Но допуская, что Аристотель былъ знакомъ съ трудомъ Эфора, мы не видимъ однако, чтобы онъ въ „Аѳ. Пол.“ пользовался имъ въ широкихъ размѣрахъ. Нельзя, впрочемъ, забывать того, что мы имѣемъ изложеніе Эфора не въ подлинномъ видѣ, а въ передачѣ и въ передѣлкѣ Діодора, который, конечно, его сокращалъ и измѣнялъ.

Что касается Ѳеопомпа, котораго Рейнакъ считаетъ тоже источникомъ Аристотеля [4]), то можно было бы сопоставить его разсказъ о щедрости Кимона (fr. 94) съ свидѣтельствомъ „Аѳ. Пол.“ (гл. 27), въ деталяхъ, впрочемъ, нѣсколько отличающимся, и въ особенности его характеристику Клеона, дословно совпадающую съ характеристикой этого демагога въ „Аѳ. Пол.“ (Theop. fr. 99 и *Ἀθ. Πολ.*, гл. 28), если бы не было внѣ всякаго сомнѣнія, что Ѳеопомпъ не могъ служить источникомъ для Аристотеля,

---

[1]) Ed. Meyer, Forschungen, I, 215, прим 2; Busolt, Griech. Gesch., Gotha, 1893, I², 156.

[2]) Ed. Meyer, I, 214—215.

[3]) Ср. Ed. Meyer, Lit. Centralbl., 1894, № 3, S. 76; М. О. Гершензонъ, Арист. и Эфоръ.

[4]) Aristot. La rép. Ath. (франц. перев.), Préf., p. XXIV.

такъ какъ его „Исторія Филиппа“ появилась, какъ это видно изъ fr. 334, послѣ похода Александра въ Индію (324 г.), т. е. послѣ „Политіи“ Аристотеля [1]).

Въ „Аѳ. Пол“ есть не только отдѣльныя сообщенія, но и цѣлыя главы или отдѣлы, для которыхъ дошедшіе до насъ авторы, очевидно, не были источникомъ.

Такъ, въ ней, даже въ первой ея части, видное мѣсто занимаютъ данныя документальнаго характера. Въ особенности это нужно сказать о главахъ, посвященныхъ перевороту 411 г. и возстановленію демократіи въ 403 г. Напр. 39 гл. представляетъ, повидимому, дословный текстъ договора между демократами и сторонниками олигархіи; въ 29 гл. Аристотель не только отмѣчаетъ, что „Мелобій держалъ рѣчь, а Пиѳодоръ внесъ предложеніе“, но и передаетъ дословно самую псефизму Пиѳодора съ прибавкой Клитофонта, причемъ выраженія и стиль тутъ совершенно напоминаютъ обычный оффиціальный языкъ протоколовъ, извѣстный намъ изъ надписей. Достаточно указать, напр., на такую фразу, какъ: *τὰ μὲν ἄλλα καθάπερ Ποθόδωρος εἶπεν, προσαναζητῆσαι δὲ* и т. д., въ поправкѣ Клитофонта. Затѣмъ, какъ мы видѣли, Аристотель приводитъ обширный проэктъ олигархической конституціи (гл. 30—31), или, говоря точнѣе, цѣлыхъ три проэкта: 1) предложеніе тридцати *συγγραφεῖς*, 2) проэктъ ста, составленный на будущее время и 3) проэктъ составленный ими для настоящаго. Кромѣ того, въ „Аѳ. Пол.“ упоминается, хотя и не приводится дословно, еще нѣсколько псефизмъ и предложеній, съ обозначеніемъ лица, ихъ внесшаго (въ гл. 14, 34, 40). Въ разныхъ мѣстахъ трактата Аристотель цитируетъ формулы, постановленія и законы или, по крайней мѣрѣ, ссылается на нихъ. Наконецъ, мы видѣли, что Аристотель часто вставляетъ имя архонта, при которомъ совершилось упоминаемое имъ событіе. Такихъ случаевъ въ первой части насчитывается не менѣе 25, не считая того, что говорится объ избраніи Солона въ архонты (гл. 5) и объ архонтствѣ Дамасія (гл. 13). Особенно обильна подобными хронологическими указаніями 22 гл. А въ гл. 32 точно обозначены не только мѣсяцъ, но и число, когда распущенъ былъ прежъ-

[1]) Ср. Bauer. Lit-hist. Forsch., 155, прим. Упомянутое совпаденіе въ характеристикѣ Клеона Бауэръ объясняетъ тѣмъ, что въ схоліи цитата собственно изъ Ѳеопомпа начинается со словъ *καθὼς Θεόπομπος ἱστορεῖ*, предшествующія же слова составляютъ цитату изъ Аристотеля.

ній совѣтъ, когда вступилъ въ должность олигархическій и когда долженъ былъ вступить совѣтъ обычный, избранный по жребію.

Въ основѣ всѣхъ подобныхъ сообщеній, какъ первоисточникъ, въ концѣ концовъ должны, разумѣется, лежать документальныя данныя. Вопросъ состоитъ только въ томъ, откуда ихъ бралъ Аристотель, обращался ли онъ непосредственно къ архивному матеріалу, надписямъ, спискамъ архонтовъ и т под., или же заимствовалъ эти данныя изъ вторыхъ и третьихъ рукъ.

Хотя Аристотель и имѣлъ возможность пользоваться документами и, быть можетъ, взялъ ту или другую цитату, то или другое извѣстіе непосредственно изъ нихъ [1]), онъ, однако, не пользовался ими систематически и болѣе вѣроятнымъ представляется мнѣніе, что Аристотель черпалъ документальный матеріалъ преимущественно изъ вторыхъ рукъ. Относительно большинства документальныхъ данныхъ, находящихся въ первой части трактата, есть полное основаніе думать, что они взяты изъ Аттидъ.

Въ особенности напоминаютъ намъ послѣднія употребленіе имени архонта, какъ даты. Какъ мы видѣли (стр. 150), стремленіе къ хронологической опредѣленности, датировка событій по архонтствамъ—черта, характеризующая Аттиды, первоначальную основу коихъ составляли списки архонтовъ и связанныя съ ними записи или замѣтки о современныхъ событіяхъ. А такія мѣста Аристотелевой „Политіи“, какъ конецъ 26 гл. и особенно 22-я гл., съ ихъ обиліемъ датъ, съ ихъ сухими, краткими и безсвязными перечисленіями фактовъ, совершенно напоминаютъ какую-нибудь лѣтопись или хронику, какъ это было уже нами замѣчено. Между „Политіей“ Аристотеля и Аттидами есть еще и другія общія черты, напр. стремленіе объяснить происхожденіе существующихъ учрежденій и обычаевъ, а также словъ и поговорокъ. Не чужды Аттидамъ также и анекдоты. У аттидографовъ Аристотель могъ найти и цитаты изъ законовъ. Съ нѣкоторыми псефизмами Аристотель могъ быть знакомъ тоже по Аттидамъ.

Что между „Аѳ. Пол.“ и Аттидами есть немало общаго, что Аристотель былъ знакомъ съ трудами предшествовавшихъ ему аттидографовъ и ими пользовался,—это явствуетъ и изъ сличенія трактата съ сохранившимися фрагментами Аттидъ. Напр., есть

---

[1]) Пользованіе документальнымъ матеріаломъ допускаютъ—Diels, Gomperz, M. Frankel, Nissen, F. Dummler, Busolt, Gilbert и друг., раньше открытія трактата—Oncken, II, 435, 519.

основаніе полагать, что Аристотель имѣлъ подъ рукою трудъ Клидема или Клитодема, этого „древнѣйшаго“ изъ аттидографовъ, и пользовался имъ (ср. слова Аристотеля въ концѣ 14 гл. о первомъ возвращеніи Писистрата и Clid. fr. 24).

Гораздо больше сходства обнаруживается между Аристотелемъ и Андротіономъ, и въ настоящее время едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что Аристотель имѣлъ подъ руками Аттиду Андротіона и пользовался ею, хотя не всегда слѣдовалъ ея свидѣтельству и иногда совершенно расходился съ нею. Въ этомъ убѣждаетъ сопоставленіе нѣкоторыхъ мѣстъ изъ „Аѳ. Пол.“ съ сохранившимися отрывками Андротіона [1]).

Немало аналогіи можно найти между Аристотелевою „Аѳ. Пол.“ и Аттидою Филохора; ихъ часто цитируютъ рядомъ [2]). Но Филохоръ, этотъ наиболѣе извѣстный аттидографъ, разумѣется, не могъ служить источникомъ для Аристотеля, такъ какъ жилъ и писалъ свою Аттиду позже его (см. выше, стр. 150). Совпаденія же ихъ извѣстій приходится объяснить тѣмъ, что Филохоръ заимствовалъ у Аристотеля или что оба они черпали изъ одного общаго источника.

Зависимость Аристотеля отъ аттидографовъ не ограничивается тѣми лишь случаями, которые выше отмѣчены: въ настоящее время можно считать доказаннымъ [3]), что вообще Аттиды служили главнѣйшимъ источникомъ для „Аѳ. Пол.“ Аристотеля. Именно изъ нихъ онъ черпалъ бо́льшую часть дополненій къ извѣстіямъ Геродота и Ѳукидида. Къ нимъ, какъ источнику, слѣдуетъ возвести, по всей вѣроятности, всѣ тѣ сообщенія „Аѳ. Пол.“, въ которыхъ мы встрѣчаемъ, какъ дату, имя архонта. Въ основаніи такихъ отдѣловъ трактата, какъ гл. 13, разсказывающая о смутахъ во время отсутствія Солона и о Дамасіи, т. е. о 594—580 годахъ; какъ столь богатая датами и фактическимъ матеріаломъ

---

[1]) О первомъ случаѣ примѣненія остракизма—’Αθ. Πολ., 22, и Androt. fr. 5, о Палленскомъ сраженіи—’Αθ. Πολ., 14, и Androt. fr. 42; число συγγραφεῖς у Аристотеля и Андротіона показано одно и то-же (Philoch. fr. 122); у того и другаго—2 коллегіи „десяти“ (Androt. fr. 10). Но относительно Соломоновой сисахѳіи они расходятся совершенно.

[2]) Замѣтимъ, что неразъ и Андротіонъ цитируется вмѣстѣ съ Филохоромъ.

[3]) См. главн. обр. Niese въ Hist. Zeitschr., 1892; Gilbert, стр. XIV—XVII; Reinach, стр. XXII—XXIV; Wila'mowitz—еще до открытія трактата—въ Phil. Untersuch., I, 118, 122, а теперь въ особенности I т. „Arist. u. Athen“, passim преимущественно же гл. 8: „Die Atthis“ (стр. 260—290).

гл. 22, посвященная періоду отъ Клисѳена до Саламинской битвы; какъ конецъ 26 гл., гдѣ рѣчь идетъ о реформахъ и законахъ 50-хъ годовъ V вѣка, — въ основаніи такихъ отдѣловъ лежатъ, очевидно, Аттиды. Можно полагать также, хотя и съ меньшею увѣренностью. что Аттиды въ значительной мѣрѣ являлись источникомъ и для разсказа о древнѣйшихъ временахъ, для исторіи перехода отъ монархіи къ республикѣ и для описанія древнѣйшей политіи (гл. 3), для отдѣла о Солоновой конституціи (гл. 5 сл.), о Писистратѣ и его сыновьяхъ, гл. 14—20 (за исключеніемъ того, что̀ основано на Геродотѣ и Ѳукидидѣ), о Клисѳеновыхъ реформахъ (гл. 21), о началѣ Аѳинскаго союза (конецъ 23 гл.); возможно даже, что нѣкоторыя данныя въ отдѣлѣ о переворотѣ 411 г., о Тридцати и возстановленіи демократіи заимствованы изъ Аттидъ.

Такъ какъ ни одна изъ Аттидъ не дошла до насъ цѣликомъ, то мы не беремся рѣшать вопросъ, какой именно аттидографъ служилъ преимущественно источникомъ для Аристотеля, изъ какой именно Аттиды взято то или другое извѣстіе (исключая нѣкоторыя изъ упомянутыхъ выше мѣстъ), а тѣмъ болѣе не беремся возстановлять предполагаемую Аттиду, вполнѣ раздѣляя на этотъ счетъ мнѣніе Виламовица (I, 260, 276).

При составленіи своего трактата Аристотель пользовался не только трудами чисто историческими: въ числѣ его источниковъ находимъ и сочиненія публицистическія, явно тенденціознаго и полемическаго характера. Самъ Аристотель неразъ упоминаетъ о версіи, принадлежащей, очевидно, врагамъ демократіи — олигархамъ, и противополагаетъ ей другую версію—демократическую (гл. 6, 18).

Слѣды пользованія тенденціознымъ источникомъ обнаруживаются и въ 23—28 гл. „Аѳ. Пол.“, касающихся Пятидесятилѣтія и времени Пелопоннесской войны до 411 г.[1]). Вспомнимъ, напр., что у Аристотеля Аристидъ—не прославленный своею справедливостью дѣятель, а виновникъ деспотическаго обращенія аѳинянъ съ союзниками и развитія крайней демократіи, съ ея системой содержанія гражданъ на счетъ государства. Въ гл. 23 заслуга раздачи денегъ бѣднымъ аѳинскимъ гражданамъ, въ моментъ нашествія персовъ, приписана ареопагу, а не Ѳемистоклу (какъ въ другихъ источникахъ). Но тенденція, враждебная Ѳемистоклу, а также и Эфіальту, еще рѣзче обнаруживается въ пикантномъ анекдотѣ въ 25 гл. нашего трактата: здѣсь ярко обрисовываются дву-

[1]) См. преимущественно Wilamowitz, I, 121 сл.

личіе и вѣроломство перваго; Эфіальтъ играетъ роль обманутаго и орудія въ рукахъ ловкаго и неразборчиваго на средства Ѳемистокла. Онъ представленъ даже въ нѣсколько комичномъ видѣ: онъ приходитъ въ страхъ предъ воображаемой опасностью и въ одномъ хитонѣ бросается къ жертвеннику [1]). Пора побѣдъ Кимона, апогей аѳинскаго могущества, представляется временемъ, когда аѳиняне терпѣли огромныя потери по неопытности полководцевъ. Периклъ (въ 27 гл.), вводя плату судьямъ, дѣйствуетъ по личнымъ, эгоистическимъ мотивамъ, не будучи въ состояніи иначе соперничать съ Кимономъ, обладавшимъ „царскимъ состояніемъ“, и притомъ не самъ онъ придумываетъ это средство, а Дамонидъ, который вообще „во многомъ былъ его вдохновителемъ“. Периклъ, по „Аѳ. Пол.“, оказывается, такимъ образомъ, несамостоятельнымъ. При этомъ Аристотель уже прямо ссылается на „нѣкоторыхъ“, которые обвиняютъ Перикла въ томъ, что, благодаря его нововведеніямъ, суды стали хуже, явились подкупы, и, какъ первый примѣръ, онъ приводитъ подкупъ судей Анитомъ (случившійся, замѣтимъ, 20 лѣтъ спустя послѣ смерти Перикла). Если весь отдѣлъ „Аѳ Пол.“, обнимающій періодъ отъ 480 до 411 г., можетъ быть озаглавленъ, по словамъ Виламовица, *περὶ τῶν Ἀθήνησι δημαγωγῶν*, „О демагогахъ въ Аѳинахъ“ (I, 125), то въ особенности это можно сказать о 28 гл., въ которой перечисляются преемственные вожди той и другой партіи, демоса и знатныхъ, и въ которой отмѣчается, какъ послѣдующіе демагоги вводили въ обманъ демосъ и угодничали передъ нимъ. Напомнимъ еще, что въ 34 гл. говорится, между прочимъ, о томъ, какъ Клеофонтъ воспротивился миру съ Спартой и явился въ народное собраніе „пьянымъ“ и „въ панцырѣ“.

Конечно, можно думать, что и въ разсматриваемыхъ главахъ подборъ фактовъ принадлежитъ самому Аристотелю, что здѣсь мы имѣемъ передъ собою его собственные взгляды и сужденія; но все-таки очевидно, что матеріалъ Аристотель беретъ тутъ преимущественно изъ источника, болѣе или менѣе враждебнаго демократіи и ея вождямъ, скорѣе публицистическаго, нежели чисто историческаго характера. На это указываетъ и замѣтная скудость фактическаго матеріала касательно самой исторіи государственнаго строя Аѳинъ въ теченіе 480 — 411 г., и то обстоятельство, что почти всѣ сообщаемые здѣсь факты, за немногими исключеніями,

[1]) Въ принадлежности этого анекдота Аристотелю можно, впрочемъ, сомнѣваться. См. мою статью: „Ѳем. и Эф. реф. ареопага“, въ Ж. М. Н. Пр., 1891, іюль, и мою книгу, стр. 418 сл.

кладутъ тѣнь на блестящую пору аѳинской демократіи и на ея представителей.

Въ виду сказаннаго и послѣ изслѣдованій Рейнака, Ферд. Дюммлера, М. М. Покровскаго, Виламовица не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что Аристотель, кромѣ историческихъ произведеній, имѣлъ подъ рукою и сочиненія тенденціозныя, напр. политическіе памфлеты въ духѣ олигархической партіи, и что касается источника, содержавшаго клеветы на Солона, то его тенденція и происхожденіе ясны и могутъ считаться установленными прочно: это былъ, по всей вѣроятности, политическій памфлетъ, исходившій изъ лагеря крайнихъ олигарховъ конца V вѣка [1]).

Но не всѣ изслѣдователи довольствуются такимъ результатомъ; нѣкоторые не останавливаются на этомъ и пытаются пріурочить олигархическую версію къ опредѣленному имени—открыть автора памфлета. И вотъ Дюммлеръ [2]) называетъ Критія, на котораго еще раньше указывалъ Рейнакъ [3]) и (правда, мимоходомъ) Ниссенъ. Догадка эта представляется правдоподобною и довольно основательною, поскольку она касается источника нападокъ и клеветъ на Солона, хотя не всѣ доказательства Дюммлера убѣдительны. Гораздо дальше Дюммлера заходитъ М. М. Покровскій въ своихъ „Этюдахъ по Аѳинской Политіи Аристотеля“ (М. 1893). По его мнѣнію, Критій служилъ источникомъ для Аристотеля не только въ отдѣлѣ о Солонѣ, но и въ отдѣлѣ о тиранніи и Пятидесятилѣтіи; и не только былъ онъ источникомъ тутъ для автора, но и для Плутарха, хотя бы и не непосред-

[1]) Кромѣ Дюммлера, М. М. Покровскаго и Виламовица, ср. Keil, Die Sol. Verf., 48, Ad Bauer, B. Ph. W., 1893, № 16. Ed. Meyer, въ отзывѣ о трудѣ Виламовица (Lit. Centralbl., 1894, № 3, S. 76), указываетъ на политическую литературу первой половины IV вѣка. Но это мнѣніе, правдоподобное по отношенію къ источнику Аристотеля въ 23—28 гл., едва-ли можетъ быть допущено по отношенію къ источнику клеветъ и нападокъ на Солона. такая вражда къ Солону въ IV столѣтіи врядъ-ли была возможна; такъ относиться къ великому законодателю могли лишь Критій и крайніе олигархи въ разгаръ борьбы партій.

[2]) Die 'Aθ. Πολ. des Kritias (Hermes, XXVII, 1892).

[3]) Aristote ou Critias? (Rev. des Études gr., IV. 1891). Онъ считалъ его источникомъ, изъ котораго могли быть заимствованы три крупныхъ интерполяціи, принимаемыя имъ въ текстѣ нашей 'Aθ. Πολ.: описаніе Драконовой конституціи (гл. 4), введеннаго Солономъ способа избранія архонтовъ (нач. 8 гл.) и анекдотъ о Ѳемистоклѣ и Эфіальтѣ (гл. 25); кромѣ того онъ полагалъ, что и Аристотель читалъ произведеніе своего предшественника и пользовался имъ.

ственнымъ, и даже для Θукидида! Но при всей находчивости и при всемъ остроуміи автора, его гипотеза остается недостаточно обоснованною и недоказанною [1]), за исключеніемъ развѣ того, что̀ касается Солона. Что Критій не могъ быть положительнымъ источникомъ, основою для „Аθ. Пол.“, напр. въ отдѣлѣ о Пятидесятилѣтіи, показываетъ критика Аристотеля, направленная противъ „клеветниковъ“ (*βουλόμενοι βλασφημεῖν*), и его отношеніе къ тиранніи Тридцати: отсюда видно ясно, что Аристотель не сталъ бы довѣрять и слѣдовать Критію, а слѣдовъ той косвенной полемики, о которой говоритъ М. М. Покровскій, мы не видимъ въ трактатѣ. Что же касается описанія конституцій 411 г., то оно во всякомъ случаѣ основано не на Критіи [2]): тогдашніе проэкты были не его дѣломъ; они были въ духѣ Θерамена, и имъ сочувствовать, ими интересоваться и до мельчайшихъ подробностей воспроизводить ихъ едва-ли бы сталъ Критій [3]). Различіе въ программахъ партіи Критія и партіи Θерамена Аристотель отмѣчаетъ ясно: первая стремилась къ крайней олигархіи, вторая—къ возстановленію *πάτριος πολιτεία* (гл. 34).

Иную гипотезу выставилъ Виламовицъ. Онъ, вообще столь не сочувствующій погонѣ за именами предполагаемыхъ авторовъ, произведенія коихъ до насъ не дошли, на этотъ разъ измѣнилъ своему обыкновенію: онъ не только попытался возстановить приблизительно содержаніе олигархическаго памфлета, служившаго основой для Аристотеля, преимущественно для исторіи V вѣка (I, 161 сл.), но и рѣшается назвать его автора. По его мнѣнію, это не Критій, а Θераменъ, написавшій свое произведеніе въ видѣ политической программы, во время Тридцати, осенью 404 г. Въ подтвержденіе своего предположенія Виламовицъ указываетъ на то, что Аристотель восхваляетъ Θерамена и видитъ въ немъ „послѣдняго хорошаго государственнаго дѣятеля“; что Аристотель думаетъ, какъ Θераменъ, слѣдуетъ его сужденіямъ, находитъ у него выраженіе своихъ собственныхъ политическихъ убѣжденій; что въ оцѣнкѣ *πάτριος πολιτεία* Аристотель примыкаетъ къ Θерамену и исторію 411 и 404 г. излагаетъ въ его духѣ, такъ-что „имя Θерамена само собой напрашивается на уста“. Главнымъ же

---

[1]) См мою книгу, стр. 251, прим. 2; рец. Θ. Г. Мищенка, Уч. Зап. Каз. Унив., 1894, мартъ—апр.; В. А. Шеффера, Berl. Phil. Wochenschr., 1894, № 49.

[2]) Этого, впрочемъ, не утверждаетъ и М. М. Покровскій.

[3]) Ср. Wilamowitz, I, 165.

основаніемъ для Виламовица служитъ то, что Аристотель приводитъ собственныя слова Ѳерамена по поводу 3000 (гл. 36).

Но изъ того, что Аристотель приводитъ слова Ѳерамена, еще не слѣдуетъ, что онъ пользовался его сочиненіемъ. По этому поводу мы можемъ повторить то, что́ сказано нами раньше, по поводу совпаденія словъ „Аѳ. Пол.“ съ словами Ксенофонта: приводимыя Аристотелемъ слова могли быть произнесены Ѳераменомъ (предположеніе, не чуждое и самому Виламовицу) и затѣмъ сдѣлаться достояніемъ традиціи; ихъ могли хранить въ памяти; они могли быть записаны, попасть въ какое-либо сочиненіе и такимъ образомъ дойти до Аристотеля. Затѣмъ, совершенно вѣрно замѣчаніе, что Аристотель относится къ Ѳерамену и къ его идеямъ съ симпатіей, что онъ излагаетъ событія 411 и 404 г. съ точки зрѣнія, близкой къ Ѳераменовой; но, напр., рѣзкія нападки и клеветы на Солона врядъ-ли могли исходить отъ Ѳерамена: напротивъ, насколько мы можемъ судить о его программѣ на основаніи словъ самого же Аристотеля и по поправкѣ Клитофонта (*προσαναζητῆσαι δὲ... καὶ τοὺς πατρίους νομούς οὓς Κλεισθένης ἔθηκεν... ὡς οὐ δημοτικὴν ἀλλὰ παραπλησίαν οὖσαν τὴν Κλεισθένους πολιτείαν τῇ Σόλωνος*, гл. 29), онъ и его партія стояли за *πάτριος πολιτεία*, и отъ нихъ скорѣе можно было бы ожидать преклоненія предъ Солономъ; нападки на послѣдняго могли исходить только отъ крайнихъ олигарховъ, и, ища ихъ автора въ средѣ Тридцати, естественнѣе всего остановиться на Критіи, какъ сдѣлалъ это Дюммлеръ. Къ Ѳерамену, какъ источнику, Виламовицъ, повидимому, возводитъ и исторію Тридцати; но это уже значитъ приписывать ему изложеніе даже тѣхъ событій, которыя случились послѣ его смерти, такъ какъ до конца правленія Тридцати Ѳераменъ, вѣдь, не дожилъ. Наконецъ, объ авторской дѣятельности Ѳерамена намъ ничего неизвѣстно, кромѣ того, что ему принадлежатъ сочиненія по риторикѣ [1]). Такимъ образомъ гипотеза Виламовица не имѣетъ сколько-нибудь твердаго основанія.

Уже одно разногласіе, существующее по вопросу объ авторѣ политическаго памфлета, которымъ пользовался Аристотель, способно возбудить, въ свою очередь, недовѣріе къ высказаннымъ на этотъ счетъ гипотезамъ. И въ самомъ дѣлѣ, для надлежащаго рѣшенія вопроса недостаетъ данныхъ; здѣсь у изслѣдователя нѣтъ

---

[1]) Suid., s v. Θηραμένης; ср (Plut.) X orat. v., p. 837a; Sittl, Geschichte d. griech. Literatur Munchen. 1886, II, 76, 89.

почвы. Въ данномъ случаѣ рѣшеніе вопроса еще болѣе осложняется и затрудняется тѣмъ, что Аристотель вообще не слѣдуетъ рабски за своимъ источникомъ, не списываетъ его механически и пользуется обыкновенно не однимъ, а одновременно нѣсколькими источниками, комбинируя ихъ.

М. М. Покровскій и Виламовицъ говорятъ объ одномъ политическомъ памфлетѣ, какъ Аристотелевомъ источникѣ; но съ этимъ, во-первыхъ, не совсѣмъ согласуются только-что упомянутые обычные пріемы Аристотеля. Во-вторыхъ, памфлетъ, содержавшій обвиненія противъ Солона, и источникъ, которымъ пользовался Аристотель въ главахъ, посвященныхъ 480—411 годамъ, по нашему мнѣнію, никоимъ образомъ нельзя смѣшивать и считать за одно произведеніе. Къ первому Аристотель относится съ полнымъ недовѣріемъ: въ его глазахъ это—слова „желающихъ клеветать", и онъ горячо и рѣшительно опровергаетъ ихъ. Совершенно иначе относится Аристотель ко второму источнику: онъ не опровергаетъ его, напротивъ—кладетъ за основу и слѣдуетъ ему.

Такимъ образомъ, въ противоположность другимъ изслѣдователямъ, мы полагаемъ, что подъ рукою у Аристотеля былъ не одинъ, а нѣсколько болѣе или менѣе тенденціозныхъ источниковъ. Къ одной категоріи относится политическій памфлетъ, съ рѣзко выраженною тенденціею, съ нападками на Солона, исполненный ненависти къ демократіи и принадлежавшій крайнему олигарху конца V вѣка изъ лагеря Тридцати, можетъ быть Критію. Ко второй категоріи относятся произведенія съ болѣе умѣренной тенденціей, съ воззрѣніями, близко подходившими къ взглядамъ и симпатіямъ самого Аристотеля, въ духѣ скорѣе Ѳерамена и олигарховъ 411 года, нежели Критія, съ сочувствіемъ къ *πάτριος πολιτεία*. Сочиненія эти тоже могли принадлежать концу V вѣка, но ничто не мѣшаетъ отнести ихъ и къ первой половинѣ IV столѣтія [1]). По крайней мѣрѣ, и въ IV вѣкѣ мы встрѣчаемъ сходныя идеи, напр. у Платона, Исократа, „Ареопагитикъ" котораго является восхваленіемъ *πάτριος πολιτεία*, и друг.

Наконецъ, говоря о памфлетахъ, слѣдуетъ упомянуть и о комедіи, которая, какъ мы видѣли (стр. 33), являлась также произведеніемъ тенденціознымъ и выраженіемъ духа партіи: всѣ комики были врагами демократіи и демагоговъ. Ихъ свидѣтельства и

[1]) Ср. Ed. Meyer, Lit. Centralbl., 1894, № 3.

нападки могли найти нѣкоторый отголосокъ и въ Аристотелевомъ трактатѣ. Можно сопоставить напр. перечисленіе различныхъ категорій лицъ, получавшихъ содержаніе отъ государства, въ 24 гл „Аѳ. Пол.“ и стихи Аристофана въ „Осахъ“ (656 сл., особенно 661—662) [1]); обѣщаніе Аристида, что на всѣхъ хватитъ содержанія, и приводимое Аристотелемъ общее число получающихъ содержаніе, также напоминаютъ намъ совѣтъ Бделиклеона у Аристофана—на каждый изъ 1000 платящихъ форосъ городовъ возложить обязанность содержать по 20 аѳинскихъ гражданъ (Vesp. v. 706 sq.). Нѣкотораго сходства тутъ между „Аѳ. Пол.“ и комедіей нельзя отрицать: извѣстно, что система вознагражденія, которой такъ не сочувствовалъ Аристотель, составляла предметъ насмѣшекъ и для комиковъ. Затѣмъ, Аристотель въ 28 гл. отмѣчаетъ то обстоятельство, что „въ прежнія времена“ во главѣ демоса всегда стояли знатные и что послѣ смерти Перикла впервые избранъ былъ вождемъ человѣкъ незнатнаго происхожденія—Клеонъ. И въ глазахъ комиковъ незнатность происхожденія—существенный недостатокъ: она служитъ предметомъ немалыхъ насмѣшекъ и глумленій съ ихъ стороны.

Замѣчается аналогія и въ характеристикѣ отдѣльныхъ лицъ. Такъ, съ выраженіемъ Аристотеля о Кимонѣ—*νωθρότερος* (если держаться поправки въ текстѣ, вмѣсто *νεώτερος*)—можно сопоставить стихъ Евполида:

κακὸς μὲν οὐκ ἦν, φιλοπότης δὲ καὶ μελής (Plut., Cim., 15).

Периклъ у Аристотеля — не вполнѣ самостоятельный дѣятель; его вдохновителемъ является Дамонидъ. И въ комедіи Периклъ, не говоря уже о другихъ насмѣшкахъ, которымъ онъ подвергается со стороны комиковъ, изображается нерѣдко дѣйствующимъ подъ чужимъ вліяніемъ, напр. Аспазіи (Plut., Pericl., 24, 30) и того же Дамонида, или Дамона; послѣдній служилъ предметомъ нападокъ комедіи, какъ воспитатель и руководитель Перикла (Plut., Per., 4). Характеристика Клеона у Аристотеля совершенно соотвѣтствуетъ характеристикѣ этого демагога не только у Ѳукидида, но и въ комедіи. Съ тѣмъ, что̀ говоритъ Аристотель о Клеофонтѣ въ 34 гл., можно сопоставить намеки Аристофана [2]) и нападки комика Платона, написавшаго особую комедію подъ

---

[1]) Köhler, Die Zeiten der Herrschaft d Peisistratos in der πολ 'Aθ. (Sitz.-ber. d. Berl. Ak. d. Wiss., 1892, S. 33 сл.).

[2]) См. напр. Ranae, v 678—679 и v. 1532.

заглавіемъ: „Клеофонтъ“. Аристотель (гл. 28) причисляетъ Никія къ лучшимъ государственнымъ дѣятелямъ. И комики относятся къ Никію вообще съ симпатіей [1]). Наконецъ, даже отзывъ Аристотеля о Θерамент̀, замѣчанія о противодѣйствіи послѣдняго противозаконіямъ, находятъ себѣ нѣкоторое соотвѣтствіе въ намекѣ Аристофана [2]).

Все это показываетъ, насколько распространены были извѣстія и воззрѣнія, подобныя тѣмъ, какія находимъ у Аристотеля въ отдѣлѣ о Пятидесятилѣтіи и Пелопоннесской войнѣ, и какъ трудно пріурочить къ одному опредѣленному имени антидемократическую тенденцію, нашедшую себѣ отраженіе въ Аристотелевомъ трактатѣ.

Еще труднѣе сказать что-либо опредѣленное относительно демократической версіи, на которую ссылается Аристотель, и пріурочить ее къ какому-либо имени. Существуетъ даже мнѣніе, не лишенное вѣроятія, что версія эта принадлежитъ не какому-либо особому тенденціозно-политическому произведенію, а Аттидамъ, носившимъ, какъ извѣстно, національную, а слѣдовательно и демократическую окраску, писаннымъ въ духѣ демократіи [3]).

Къ числу тенденціозныхъ публицистическихъ произведеній принадлежатъ въ сущности и рѣчи Исократа, съ которымъ у Аристотеля какъ въ „Политикѣ“, такъ и въ „Аѳ. Пол.“ оказывается немало точекъ соприкосновенія [4]). Сходство обнаруживается нерѣдко и въ содержаніи, и въ выраженіяхъ, такъ-что въ нѣкоторыхъ случаяхъ близость Аристотеля къ Исократу, несомнѣнно, бросается въ глаза. Таковы напр. замѣчанія объ ареопагѣ (*Ἀθ. Πολ.*, гл. 3, 4, 8 и Isocr., Areopag., § 37, 39, 42, 46, 55), о древнемъ строѣ и его упадкѣ, о гегемоніи (*Ἀθ. Πολ.*, 23 и Isocr., Areop., § 17) и проч. Но ораторъ-публицистъ даетъ самыя общія характеристики; его свидѣтельства часто неточны, сбивчивы и противорѣчивы, тѣмъ болѣе, что свои взгляды и убѣжденія онъ

---

[1]) См. напр. слова Телеклида (φίλος γὰρ ἀνήρ, σοφρονεῖν δέ μοι δοκεῖ), а также Евполида у Plut., Nic. 4.

[2]) См. Aristoph. fr. 466 (Didot): ἐγὼ γὰρ ἀπὸ Θηραμένους δέδοικα τὰ τρία ταυτί, и къ этому объясненіе Hesych.: τῶν τριῶν ἕν· Θεραμένης ἐψηφίσατο τρεῖς τιμωρίας κατὰ τῶν παράνομόν τι δρώντων. Ср. Suid., Phot. s. v. τῶν τριῶν ἕν.

[3]) Wilamowitz, I, 277

[4]) См. сопоставленія въ моей книгѣ (стр. 261 сл.) и Keil, Die Sol. Verf., 78 сл., 220—221, прим., Newman, Class. Rev., 1891, стр. 160 сл.; Gilbert, стр. XXXVIII, прим.

мѣнялъ. Исократъ не различаетъ и смѣшиваетъ эпохи, отождествляетъ Солонову и Клисѳенову конституцію, черты, характеризующія правленіе Писистрата, переноситъ на демократію Солона и т. д. Аристотель же различаетъ періоды; его изложеніе въ общемъ гораздо болѣе точное и опредѣленное, болѣе обстоятельное и фактическое, и немногое могъ онъ почерпнуть непосредственно у Исократа: скорѣе же онъ пользовался нерѣдко тѣми же источниками, что́ и послѣдній. Но, какъ это доказываетъ и его „Риторика“, Аристотель, безъ сомнѣнія, былъ знакомъ съ столь извѣстными и распространенными произведеніями, какъ рѣчи Исократа, и въ своемъ изложеніи исторіи аѳинской политіи иногда имѣлъ ихъ въ виду, то косвенно опровергая, то пополняя ихъ свидѣтельства. Вражда и соперничество не служили тутъ препятствіемъ, подобно тому, какъ не мѣшали они Аристотелю и въ „Риторикѣ“ приводить примѣры изъ Исократа. Самые взгляды ихъ нерѣдко совпадаютъ какъ нельзя болѣе: и Аристотель, и Исократъ — напр. въ рѣчи „О мирѣ“, § 64 (гдѣ онъ забываетъ то, что́ говорилъ раньше въ „Панегирикѣ“),—видятъ въ развитіи аѳинскаго морскаго могущества начало и причину зла, извращенія прежней демократіи, и оба сочувственно отзываются о порѣ преобладанія и могущества ареопага, замѣчая, что аѳиняне имѣли тогда хорошее правленіе и прославились среди эллиновъ.

Отдѣльныя точки соприкосновенія найдутся у Аристотеля и съ другими ораторами: Андокидомъ, Лисіемъ, Эсхиномъ, Демосѳеномъ. Но, по крайней мѣрѣ въ первой части трактата, онѣ такъ отрывочны и незначительны или обнаруживаются въ такихъ случаяхъ, что едва-ли можно сдѣлать какой-либо выводъ: это—или упоминаніе объ однѣхъ и тѣхъ же личностяхъ и объ однихъ и тѣхъ же фактахъ, болѣе или менѣе общеизвѣстныхъ, или цитаты изъ законовъ и договоровъ [1]), или варіанты ходячихъ разсказовъ [2]). Только два мѣста у Демосѳена обращаютъ на себя вниманіе своимъ сходствомъ со словами „Аѳ. Пол.“: это—замѣчаніе о „кротости“ демоса (Demosth., c. Timocr, § 51 и *Аѳ. Пол*, § 22), встрѣчающееся также въ аналогичной формѣ у Исократа (De permut., § 20), и разсказъ объ уплатѣ демократами долга спартанцамъ, сдѣланнаго олигархами (Demosth., adv. Lept,

[1]) Напр. условія мира между демократами и олигархами—’Αθ. Πολ., гл. 39, и Andoc., De myst., § 90 sq

[2]) Напр, о Клеофонтѣ—’Αθ. Πολ., 34, и Aesch., De f. leg., § 76.

§ 11—12; *Ав. Пол.*, гл. 40). Въ послѣднемъ случаѣ сходство такъ велико, что едва-ли его можно объяснить простою случайностью: возможно, что Аристотель удержалъ въ памяти слова Демосоена, но вѣроятнѣе, что тутъ въ основѣ изложенія того и другаго лежитъ общій источникъ [1]), тѣмъ болѣе, что и у Исократа мы встрѣчаемъ нѣчто подобное (Areopag., § 68).

Какъ ученикъ Платона, Аристотель не только былъ знакомъ съ его произведеніями, но и вообще изъ его школы могъ вынести нѣкоторыя свѣдѣнія, которыя сообщаетъ въ своей „Ав. Пол.". Такъ, въ 27 гл. Аристотель передаетъ, что „Периклъ первый установилъ плату дикастамъ", отчего, по мнѣнію „нѣкоторыхъ", составъ судей сдѣлался хуже; а подобное обвиненіе мы встрѣчаемъ именно у Платона, въ „Горгіи", гдѣ говорится, что Периклъ развратилъ аѳинянъ, первый введя плату (Plat., Gorg., 516e). Напомнимъ также объ одномъ интересномъ совпаденіи: и у Аристотеля, и у Платона мы встрѣчаемъ одну и ту-же на первый взглядъ грубую ошибку—сообщеніе о смертномъ приговорѣ надъ всѣми 10 стратегами, участвовавшими въ битвѣ при Аргинусахъ. И замѣчательно, что и въ Псевдо-Платоновомъ діалогѣ „Аксіохъ" повторяется та-же ошибка (Plat., Apol. Socr., 32b; *Ав. Пол.* 34; Ps.-Plat., Axioch., 368d—e). Можно, пожалуй, подумать, что такова была традиція или версія Платоновой школы. Изъ этой школы Аристотель могъ вынести и свѣдѣнія, касающіяся личности Гиппарха и его отношеній къ Анакреону и Симониду [2]). По крайней мѣрѣ, характеристика Гиппарха въ „Аѳин. Пол." (гл. 18) сходна съ тою, которая находится въ діалогѣ „Гиппархъ", принадлежащемъ если не самому Платону, то все-таки лицу, близко стоявшему къ его школѣ. Далѣе, отзывъ о тиранніи, какъ о золотомъ вѣкѣ, мы встрѣчаемъ и тамъ, и здѣсь (хотя съ нѣкоторою разницею). Заимствовалъ ли Аристотель что-либо непосредственно изъ діалога „Гиппархъ",—сомнительно, въ виду значительной разницы въ подробностяхъ, да и дата этого діалога намъ неизвѣстна, и мы не можемъ даже сказать положительно, что онъ появился раньше трактата Аристотеля. Но у нихъ могъ

---

[1]) Ѳ. Г. Мищенко, Политія Арист., гл. 40 (Ж. М. Н. Пр., 1894, апр., стр. 4). Онъ полагаетъ, что почти тождественныя по формѣ выраженія заимствованы, по всей вѣроятности, изъ оффиціальнаго документа.

[2]) Heller, p. 18; Wilamowitz, I, 118—120; ср. М. М. Покровскій, „Этюды", стр. 24 сл.

быть одинъ источникъ—общее преданіе, свѣдѣнія, распространенныя въ школѣ Платона.

Вообще источники Аристотеля — очень разнообразны. Такъ, онъ пользовался и стихотвореніями, въ особенности произведеніями Солона. Изъ нихъ онъ приводитъ болѣе или менѣе обширныя выдержки, которыя занимаютъ въ его трактатѣ гораздо болѣе видное мѣсто, чѣмъ цитаты изъ Солоновыхъ законовъ. Въ гл 5 Аристотель цитируетъ начало элегіи, подавшей поводъ къ избранію Солона въ архонты и законодатели, и цитатами же подтверждаетъ сообщеніе, что Солонъ по состоянію своему принадлежалъ къ среднимъ гражданамъ (ibid.). На произведенія Солона ссылается Аристотель (не приводя, впрочемъ, на этотъ разъ отрывковъ) въ опроверженіе тѣхъ клеветъ, которыя „нѣкоторые“ распространяли о великомъ законодателѣ, и въ доказательство того, что Солонъ имѣлъ возможность сдѣлаться тираномъ (гл. 6) Особенно же богата цитатами изъ Солоновыхъ стихотвореній гл. 12, почти сплошь состоящая изъ нихъ: Аристотель приводитъ выдержки въ подтвержденіе того, что Солонъ не принадлежалъ ни къ одной изъ враждовавшихъ партій, а выступилъ посредникомъ между ними; цитатами изъ его стихотвореній характеризуетъ онъ его взглядъ на различные, жгучіе для того времени, вопросы — на управленіе демосомъ, на раздѣлъ земли; самая обширная выдержка говоритъ объ освобожденіи бѣдныхъ путемъ сисахѳіи, а въ послѣднемъ изъ приводимыхъ Аристотелемъ отрывковъ мы имѣемъ отвѣтъ Солона на тѣ упреки, которымъ съ разныхъ сторонъ онъ подвергался.

Не пренебрегаетъ Аристотель и застольными пѣснями, и изъ нихъ онъ извлекаетъ указанія на нѣкоторые историческіе эпизоды и лица. Онъ приводитъ двѣ пѣсни: одну—по поводу наудачи Алкмеонидовъ при Лейпсидріи (гл. 19), другую—по поводу Кедона, неудачнаго предшественника Алкмеонидовъ въ борьбѣ съ тиранніей (гл. 20).

Археологическіе памятники—напр. статуи съ надписями—тоже служатъ источникомъ для Аристотеля. Ихъ свидѣтельства онъ иногда приводитъ въ случаѣ разногласія; такъ напр. по поводу ценза втораго класса, ἱππάς, онъ упоминаетъ о принесенномъ въ даръ богамъ нѣкіимъ Анѳеміономъ изображеніи коня и цитируетъ находившуюся на этомъ изображеніи надпись (гл. 7), хотя нужно замѣтить, что онъ приводитъ это со словъ другихъ *(σημεῖον δὲ φέρουσι...)*

О томъ, что Аристотель пользовался личными наблюденіями надъ современными ему порядками и обычаями и такъ называемыми „переживаніями“, какъ источникомъ для исторіи прошлаго, мы уже говорили: мы приводили и примѣры подобныхъ заключеній отъ настоящаго къ далекому прошедшему. Здѣсь замѣтимъ только, что не всѣ такія заключенія принадлежатъ самому Аристотелю: нѣкоторыя уже имѣлись въ тѣхъ источникахъ, которыми онъ пользовался, какъ это видно изъ его собственныхъ словъ (напр. относительно начала архонтата).

Наконецъ, источникомъ для Аристотеля, даже для нѣкоторыхъ изъ тѣхъ сообщеній, которыхъ намъ приходилось касаться уже выше, могла служить просто устная традиція ходячіе разсказы и версіи, анекдоты и т. под., распространенные въ тогдашнемъ аѳинскомъ обществѣ и представлявшіе собою нѣчто общеизвѣстное, происхожденіе котораго даже не поддается точному опредѣленію.

Отношеніе Аристотеля къ источникамъ, его пріемы при пользованіи ими достаточно выясняются изъ предыдущаго.

Своему источнику Аристотель никогда не слѣдуетъ рабски, не придерживается его всюду дословно, не копируетъ его и не относится къ нему механически. Онъ обращается съ нимъ свободно, относится къ нему самостоятельно, и рядомъ даже съ фразой, почти буквально заимствованной, встрѣчаемъ и иной оборотъ, и сокращенія, и дополненія. Аристотель излагаетъ обыкновенно болѣе сжато, избѣгаетъ многословія и опускаетъ подробности, особенно эпизодическія, а вставляетъ указанія хронологическія и т. п. Большею частью Аристотель пользуется не однимъ источникомъ, а нѣсколькими одновременно, комбинируя ихъ или сопоставляя. Это доказывается, не говоря уже о сличеніи „Аѳ. Пол.“ съ Геродотомъ, Ѳукидидомъ и другими дошедшими до насъ ея источниками,—ссылками и указаніями, имѣющимися въ самомъ трактатѣ: Аристотель неразъ приводитъ разнорѣчивыя мнѣнія и сообщенія, напр. относительно времени возникновенія архонтата и времени брака Писистрата съ аргивянкой, различныя версіи касательно Солона и его друзей и касательно Аристогитона. Вообще, Аристотель относится къ своимъ источникамъ критически.

Значеніе „Политіи“

Значеніе Аристотелевой „Политіи“, какъ историческаго источника, говоря вкратцѣ, состоитъ въ слѣдующемъ. До открытія „Политіи“ мы не имѣли особаго, такъ сказать спеціальнаго, источника, который давалъ бы намъ исторію аѳинской демократіи въ

связномъ видѣ. Приходилось довольствоваться имѣющимися у разныхъ авторовъ и въ надписяхъ данными, иногда, правда, очень важными и интересными, но разбросанными, и мимоходомъ лишь сдѣланными, случайными указаніями. Теперь мы располагаемъ произведеніемъ, представляющимъ болѣе или менѣе связную исторію и связное описаніе аѳинскаго государственнаго строя. Источникъ этотъ даетъ рядъ новыхъ фактовъ и проливаетъ свѣтъ на многіе вопросы. Таковы его сообщенія относительно перехода отъ монархіи къ аристократіи, о смутахъ послѣ Солона, о жребіи, роли совѣта, его обильныя хронологическія даты и проч.; онъ рѣшаетъ споръ о Солоновой сисахѳіи, выясняетъ сущность Клисѳенова дѣленія на филы, триттіи и демы, и т. д. Многіе моменты и подробности въ исторіи аѳинской демократіи представляются намъ теперь въ иномъ видѣ, нежели прежде. Однѣ гипотезы, иногда казавшіяся наиболѣе правдоподобными и достаточно твердо установленными, напр. хотя бы относительно ареопага и эфетовъ, рушились, и то, что̀ считалось общепризнаннымъ и несомнѣннымъ, опровергается или подвергается сомнѣнію. Наоборотъ, нѣкоторыя изъ прежнихъ свидѣтельствъ нашихъ источниковъ, повидимому сомнительныя и непонятныя, пріобрѣли теперь иное значеніе и иной смыслъ въ нашихъ глазахъ. Такимъ образомъ съ полнымъ основаніемъ можно сказать, что съ открытіемъ Аристотелева трактата изученіе внутренней исторіи Аѳинъ вступило въ новый фазисъ (Ад. Бауэръ, В А. Шефферъ и друг.). Исторію аѳинской демократіи пришлось во многомъ передѣлывать. И какъ отразилось открытіе „Аѳ. Пол.“ на разработкѣ исторіи Аѳинъ, какой оно дало толчекъ, это можно судить хотя бы по сравненію новыхъ изданій извѣстныхъ руководствъ по греческимъ древностямъ Бузольта и Гильберта съ прежними изданіями ихъ.—Благодаря новооткрытому произведенію, мы лучше узнали также, чѣмъ были Аттиды и каково ихъ значеніе; мы убѣдились въ сравнительной достовѣрности нашего преданія и точности хронологіи, въ основаніи которой лежатъ ведшіеся издавна списки архонтовъ.

Но важно не только то, что нашъ новый источникъ сообщаетъ рядъ новыхъ отдѣльныхъ фактовъ изъ внутренней исторіи Аѳинъ; важно также и то, какъ представляется въ немъ общій ходъ развитія аѳинской демократіи: „Политія“ изображаетъ постепенное, чрезвычайно послѣдовательное, чисто органическое развитіе государственнаго строя Аѳинъ, безъ особенно рѣзкихъ скачковъ.

Въ изложеніи „Аѳинской Политіи“ постепенность напр. перехода отъ монархіи къ аристократіи представляется намъ еще рельефнѣе, нежели въ прежней традиціи, которою мы располагали до открытія трактата. Какого-либо переворота, формальной отмѣны царской власти нашъ новый источникъ не знаетъ. Мы видимъ тутъ не революцію, а эволюцію (Белохъ). Паденіе монархіи и переходъ къ аристократіи совершается медленно, съ замѣчательною послѣдовательностью: архонтъ, первоначально лицо менѣе важное, занимавшее третье мѣсто, возвышается мало-по-малу до положенія первенствующаго, становится выше не только полемарха, но и самого басилевса, совѣтникомъ и помощникомъ котораго онъ, быть можетъ, сначала былъ, а басилевсъ изъ монарха превращается во второстепенное лицо, во втораго архонта, завѣдывающаго преимущественно дѣлами, касающимися культа. Слѣдовательно, второй архонтъ есть прямой, непосредственный преемникъ прежнихъ царей; но фактически главная власть перешла въ руки сановника, сначала стоявшаго на третьемъ мѣстѣ, а затѣмъ возвысившагося надъ басилевсомъ и заслонившаго его собою.

Затѣмъ такъ же постепенно демократія занимаетъ мѣсто аристократіи. Вспомнимъ, какъ лишь мало-по-малу открывался низшимъ классамъ доступъ къ должностямъ, какъ совершалась демократизація Аѳинъ послѣ Клисѳена, какъ своего рода „переживанія“, въ родѣ двойнаго жребія, сохранились въ послѣдующемъ строѣ Аѳинъ. Не говоря о сомнительной конституціи Дракона, вспомнимъ, что̀ напр. даетъ намъ „Политія“ относительно тираніи Писистрата, реформы Клисѳена и дѣятельности Перикла. Тираннъ Писистратъ во многомъ является продолжателемъ и даже завершителемъ дѣла „перваго предстателя демоса“, Солона, а въ исторіи внѣшняго могущества Аѳинъ — предшественникомъ Ѳемистокла и Аристида, Кимона и Перикла, ибо уже при немъ было какъ-бы намѣчено то, что̀ совершено Аѳинами V в., въ пору расцвѣта ихъ демократіи и гегемоніи. Клисѳенова реформа, при всемъ своемъ видимо радикальномъ характерѣ и искусственности, имѣла уже извѣстную аналогію въ предшествовавшемъ строѣ и являлась дальнѣйшимъ развитіемъ, въ широкихъ размѣрахъ, началъ, которыя въ зачаткахъ уже существовали, ибо Клисѳеновы демы имѣли своего рода предшественниковъ въ навкраріяхъ, а его 30 триттій — въ прежнихъ 12 триттіяхъ, являвшихся тоже подраздѣленіемъ филъ, и эти 12 триттій, равно какъ отчасти и самыя родовыя филы, были территоріальными

единицами. Периклъ оказывается вовсе не такимъ новаторомъ, какимъ его иногда изображаютъ новѣйшіе историки. Словомъ, нашъ недавно открытый источникъ еще яснѣе показываетъ намъ, что аѳинская демократія была чисто народнымъ созданіемъ, результатомъ работы цѣлаго ряда дѣятелей и поколѣній, а не результатомъ честолюбія и интригъ отдѣльныхъ личностей...

Эксцерпты Гераклида

Изъ Аристотелевыхъ „Политій“ впослѣдствіи нѣкій Гераклидъ сдѣлалъ эксцерпты [1]). Давно уже было извѣстно, что эти эксцерпты имѣютъ очень близкое отношеніе къ названному труду Аристотеля [2]), а теперь, послѣ открытія „Аѳинской Политіи“, стало ясно до очевидности, что они взяты именно изъ „Политій“.

---

[1]) Ἐκ τῶν Ἡρακλείδου περὶ Πολιτειῶν (см. напр. у Rose, Aristot. fragm. и въ приложеніи къ изд. Ἀθ. Πολ Kaibel-Wilamowitz). Какому Гераклиду принадлежатъ эти эксцерпты, вопросъ спорный, одни полагаютъ, что—Гераклиду Понтійскому, платонику (см., напр., C. Muller, F. H. G., II, 197 sq.), другіе—Гераклиду, по прозванію Лембосъ (Unger, Heraklides Pontikos der Kritiker, Rh. Mus., 1883, 38 B., S. 481 сл., 488, 504—506; ср Schrader, Heraclidea, Philol., 44 Bd., 1885, стр 236 сл., Ruhl, Der St. d. Ath u. kein Ende, 702—703, Sandys, p. XXI; Christ[3], стр. 587; противъ этого—Susemihl, Gesch. d. gr. Litt. in Alex., I, 501—502, прим. 53, II, 1—3); третьи—Гераклиду Младшему, грамматику (Rose, Arist. fragm., 260; Holzinger, Aristoteles' Athenische Politie und die Herachidischen Excerpte, Philol., L B., 442), а по мнѣнію Schneidewin'a (Heraclidis Politiarum quae extant, Gottingae, 1847, p XIX)—какому-то неизвѣстному Гераклиду.

[2]) Доказалъ это еще Шнейдевинъ (въ предисловіи къ изд. Гераклидовыхъ эксцерптовъ, Her. Pol. quae extant. Gottingae. 1847). Различныя мнѣнія на этотъ счетъ приведены у Muller'a, Fr. Hist Gr., II, 202 sq., и у Henkel'я, Studien zur Gesch. der griech. Lehre vom Staat. Leipzig, 1872, стр. 19. По мнѣнію Шнейдевина, обширныя Аристотелевы „Политіи“ сократилъ нѣкій Гераклидъ, и то, что̀ принадлежало этому Гераклиду, подверглось, въ свою очередь, сокращенію со стороны неизвѣстнаго по имени лица (p. XIX), это и есть дошедшіе до насъ эксцерпты. По Гольцингеру (Philol., L, 444), это не excerpta excerptorum, какъ выражался Шнейдевинъ, а, выражаясь точнѣе,—fragmenta excerptorum, т. е. эксцерпты, изъ которыхъ нѣкоторыя части до насъ не дошли, такъ какъ иначе, въ случаѣ неоднократнаго эксцерпированія, слова Аристотеля подверглись бы бо̀льшимъ измѣненіямъ. Противъ этого—М. О Гершензонъ („Изсл. по греч. ист.“, стр. 6—8); но тутъ разногласіе скорѣе въ словахъ: и г. Гершензонъ допускаетъ, „что первый эксцерпторъ, т. е. Гераклидъ, близко держался текста: эпитоматоръ не могъ въ сколько-нибудь значительной степени измѣнять этотъ текстъ, потому что имѣлъ дѣло съ конспектомъ“ (стр. 8, прим. 5). Наконецъ, Рюль, какъ мы видѣли, высказалъ гипотезу, что открытый трактатъ есть именно извлеченіе Гераклида.

Другіе труды Аристотеля

Аристотелю принадлежалъ сродный съ „Политіями“ трудъ—*Νόμιμα βαρβαρικά*, новые отрывки изъ котораго найдены были Флиндерсомъ Петри тоже среди египетскихъ папирусовъ [1]).

„Политика“ Аристотеля имѣетъ довольно тѣсную связь съ его „Этикой“ [2]), въ которой онъ тоже касается государственныхъ формъ: дѣло въ томъ, что по Аристотелю, добродѣтель гражданина составляетъ часть добродѣтели человѣческой: качество гражданина обусловливается качествомъ его города или государства *(πόλις)*, и кто хочетъ создать совершенныхъ людей, долженъ создать совершенныхъ гражданъ, а для совершенныхъ гражданъ необходимо совершенное государство [3]).

Аристотель занимался и списками побѣдителей на Олимпійскихъ и Пиѳійскихъ играхъ (см. выше, стр. 41).

Что касается „Экономики“ (*Οἰκονομικά*, въ 3 кн.) ,приписываемой Аристотелю, то это, вѣроятно, произведеніе позднѣйшаго перипатетика (второй половины III в. до Р. Хр.) [4]).

Перипатетики и ихъ современники

Ученики Аристотеля (перипатетики) и его современники вообще обнаруживали большой интересъ съ одной стороны къ антикварнымъ изслѣдованіямъ и даннымъ документальнымъ, къ изученію государственнаго строя и законовъ, съ другой—къ біографіямъ и изслѣдованіямъ историко-литературнымъ [5]).

Такъ, не говоря уже объ аттидографахъ, о которыхъ было упомянуто раньше (стр. 149 сл.), Кратеръ [6]) составилъ обшир-

---

[1]) См. въ изд. Mahaffy, On the Flinders Petrie Papyri. Dublin. 1891, tab. IX.

[2]) „Никомаховой“, въ 10 кн.

[3]) Wilamowitz, II, 342—3.

[4]) Таково мнѣніе Susemihl'я (Christ, стр. 481). Ср. Wilcken, Zu den Pseudo-Aristotelischen Oeconomica (Hermes, XXXVI, 1901).

[5]) Нужно имѣть въ виду, что отъ всей позднѣйшей истор. литературы сохранились, за немногими исключеніями, лишь отрывки, изданные большею частью въ упомянутыхъ Fragm. Histor. Graec. Изъ пособій—см. главн. образ. Christ, C. Wachsmuth и A. Schäfer. О трудахъ историко-литературнаго содержанія—А. Н. Деревицкій, О началѣ историко-литерат. занятій въ древн. Греціи. Харьк. 1891.

[6]) По распространенному мнѣнію,—сынъ полководца Кратера и сводный братъ македонскаго царя Антигона Гоната. Но есть и возраженія противъ этого мнѣнія; см. напр. указываемую въ слѣдующемъ примѣчаніи ст. Keil'я.

ный сборникъ народныхъ постановленій *(ψηφισμάτων συναγωγή)* [1]), преимущественно — если не исключительно — V вѣка, расположенныхъ въ хронологическомъ порядкѣ. Знаменитому ученику Аристотеля Θеофрасту [2]) принадлежалъ трудъ о законахъ *(νόμοι)*, имѣвшій такое же значеніе для исторіи права вообще, какъ „Политіи" Аристотеля для исторіи политической и государственнаго права. Θеофрастъ занимался и политическими вопросами: онъ написалъ „Политику сообразно времени" или „обстоятельствамъ" [3]) (*Πολιτικὰ τὰ πρὸς καιρούς*, въ 4 кн.), повидимому, отличавшуюся богатымъ историческимъ матеріаломъ [4]) и служившую какъ-бы дополненіемъ къ „Политикѣ" Аристотеля.

Другому ученику Аристотеля, Дикеарху [5]), если держаться текста Цицерона [6]), принадлежалъ трудъ тоже о политіяхъ, подобный Аристотелеву. Въ своемъ діалогѣ *Τριπολιτικός* Дикеархъ развивалъ теорію смѣшаннаго государственнаго устройства—изъ монархіи, аристократіи и демократіи—и примѣромъ выставлялъ Спарту; а въ „Жизни Эллады" (*Βίος Ἑλλάδος*, въ 3 кн.) [7]) онъ представилъ очеркъ культурной исторіи Греціи, начиная съ „золотаго вѣка" и до Александра Македонскаго, причемъ обращалъ вниманіе не только на государственную жизнь, но и на игры, поэзію, музыку.

Фаній, тоже перипатетикъ и современникъ Александра Македонскаго, писалъ о пританахъ Эреса, своего роднаго города

---

[1]) F. H. G, II. — Krech, De Crateri ψηφισμ. συναγ. et de locis aliquot Plut. ex ea petitis. Greifsw. 1888, ср. Keil, Der Perieget Heliodoros von Athen (Hermes, XXX, 1895).

[2]) Изд. Wimmer'a (1862—6).

[3]) Цицеронъ (De fin, V, 11) такъ опредѣляетъ ея содержаніе: Theophrastus (docuisset), quae essent in re publica inclinationes rerum et momenta temporum, quibus esset moderandum, utcunque res postularet.

[4]) F. Dummler, Zu den historischen Arbeiten der altesten Peripatetiker (Rh. Mus., XLII, 1887); Usener, Analecta Theophrastea. Leipz. 1858.

[5]) F. H. G, II.

[6]) Въ ep ad Attic., II, 2, Цицеронъ говоритъ, что имѣлъ въ рукахъ Πελληναίων Πολιτεία, и замѣчаетъ: et hercule magnum acervum Dicaearchi mihi ante pedes exstruxeram. Бергкъ (Zur Aristot. Politie der Athener, Rh. Mus, 1881, XXXVI, 114, прим.) вмѣсто Dicaerchi предполагалъ однако чтеніе Dicaearchiae, „d. h. in der Villa bei Puteoli, wo Cicero damals verweilt haben wird." Противъ этого см. возраженія у Sandys'a (въ его изд. Аристотелевой Ἀθ. Πολ., стр XXI, прим. 4).

[7]) Heitz полагаетъ, что упомянутыя выше „Политіи" входили въ составъ этого сочиненія.

(на о. Лесбосѣ), о сицилійскихъ тираннахъ, о послѣдователяхъ Сократа и т. под.

Димитрій Фалерскій (или Фалерейскій), одна изъ интереснѣйшихъ личностей той эпохи, близкій ученикъ Оеофраста, ставленникъ Кассандра, правившій Аѳинами въ теченіе 10 лѣтъ (317 — 307), а затѣмъ переселившійся въ Александрію, ко двору Птолемеевъ, и принявшій тамъ дѣятельное участіе въ основаніи знаменитой библіотеки [1]), явившійся такимъ образомъ какъ-бы соединительнымъ звеномъ между прежнимъ культурнымъ центромъ, Аѳинами, и новымъ, Александріей,—этотъ Димитрій Фалерскій былъ авторомъ многочисленныхъ сочиненій, имѣвшихъ отношеніе къ исторіи: Хронологическаго списка аѳинскихъ архонтовъ [2]), объ аѳинскомъ законодательствѣ [3]), объ аѳинскихъ политіяхъ [4]), отчета о его 10-лѣтнемъ управленіи въ Аѳинахъ [5]), біографіи Сократа.

Ученикъ Аристотеля, Клеархъ (изъ г. Солъ на о. Кипрѣ), въ сочиненіи подъ заглавіемъ *Βίοι* описалъ образъ жизни различныхъ народовъ и классовъ населенія, а другой позднѣйшій перипатетикъ Сатиръ (ок. 200 г. до Р. Хр.) составилъ „Біографіи знаменитыхъ людей“ [6]), большею частью философовъ и поэтовъ.

На поприщѣ этого рода литературы подвизались, впрочемъ, не одни перипатетики: такъ, въ концѣ IV и въ началѣ III стол. до Р. Хр. Идоменей изъ Лампсака, ученикъ и другъ Эпикура, писалъ о послѣдователяхъ Сократа и о демагогахъ, приводя пикантные анекдоты и всякія сплетни.

Перипатетики и ихъ современники брались и за болѣе широкія темы: имъ принадлежали и общіе труды по исторіи Греціи, которые, какъ и большинство историческихъ произведеній того времени, до насъ не дошли въ цѣломъ видѣ.

Такъ, племянникъ Аристотеля, Каллисѳенъ изъ Олинѳа [7]) въ своихъ *Ἑλληνικά* (10 кн.) излагалъ греческую исторію отъ Анталкидова мира (387/6) до начала Священной войны (356/5 г.);

---

[1]) См. названную уже книгу проф. А. Н. Деревицкаго, О нач. ист.-лит. зан. въ др. Гр.

[2]) Ἡ τῶν ἀρχόντων ἀναγραφή.

[3]) Περὶ τῆς Ἀθήνησι νομοθεσίας, 5 кн.

[4]) Περὶ τῶν Ἀθήνησι πολιτειῶν, 2 кн.

[5]) Ὑπομνήματα περὶ τῆς δεκαετείας.

[6]) Βίοι ἐνδόξων ἀνδρῶν.

[7]) E. Schwartz, Kallisthenes Hellenica (Hermes, XXXV, 1900).

къ этому труду примыкала исторія послѣдней, вышедшая подъ особымъ заглавіемъ [1]). Каллисѳенъ, какъ историкъ, пользовался немалою славою и оказалъ сильное вліяніе на послѣдующихъ авторовъ; между прочимъ, отъ него идетъ общепринятая хвалебная традиція о Пелопидѣ и Эпаминондѣ. Каллисѳенъ принималъ участіе въ составленіи списка побѣдителей на Пиѳійскихъ играхъ, и декретъ, недавно найденный въ Дельфахъ, называетъ по этому поводу его имя рядомъ съ именемъ Аристотеля. Онъ сопутствовалъ Александру во время похода его въ Азію и описалъ его подвиги (повидимому, до 329 года) въ крайне панегирическомъ тонѣ [2]). Дальнѣйшая печальная судьба его извѣстна. Впослѣдствіи Каллисѳену была приписана романическая, сказочная исторія Александра, которая въ первоначальной основѣ возникла, повидимому, еще въ Александрійскую эпоху, но была развита и дополнена въ III в. по Р. Хр, когда господствовалъ своего рода культъ Александра Вел. (вспомнимъ напр. Каракаллу и Александра Севера) и увлеченіе востокомъ. Она получила особенно широкое распространеніе въ средніе вѣка и была переведена на многіе языки (латинскій, греческій, армянскій, славянскій).

„Исторія“ [3]) перипатетика Дуриса (родомъ изъ Самоса, род. ок. 340 г.), ученика Ѳеофраста и впослѣдствіи самосскаго владѣтеля, начиналась битвою при Левктрахъ и доведена была до 281 г. Дурисъ, кромѣ того, былъ авторомъ „Исторіи Агаѳокла“ и „Лѣтописей Самоса“ *(ὧροι Σαμίων)*. Онъ стремился главнымъ образомъ къ изобразительности и занимательности, причемъ образцомъ для него служила трагедія. Видное мѣсто въ его произведеніи занимали эффектныя, театральныя сцены и сенсаціонные анекдоты; однимъ изъ главныхъ мотивовъ, вліяющихъ на ходъ историческихъ событій, являлась любовь..

---

[1]) Нѣкоторые приписываютъ Каллисѳену еще Περσικά (напр. Christ, стр. 363). E. Schwartz въ указанной выше статьѣ, наоборотъ, утверждаетъ, что такого сочиненія Каллисѳенъ никогда не писалъ.

[2]) Muller, Script. Alex. Magni (въ кол. Didot, въ прибавленіи къ изд. Appiana Dubner'a).—E. Schwartz (см. названную уже его ст.) полагаетъ, что эта Исторія Александра тоже носила заглавіе Hellenica, подобно другому болѣе раннему труду Каллисѳена по исторіи Греціи Возраженія противъ этого—у C. Wachsmuth, Bemerkungen zu griech. Historikern (Rh. Mus., LVI, 1901), по которому сочиненіе это называлось „Дѣянія Александра“ (αἱ Ἀλεξάνδρου πράξεις).

[3]) Ἱστορίαι (F. H. G., II); цитир. также подъ заглавіемъ Ἑλληνικά и Μακεδονικά.

Діиллъ изъ Аѳинъ (въ концѣ IV и нач. III вѣка) въ своей „Исторіи Греціи и Сициліи“ являлся продолжателемъ Эфора и велъ изложеніе отъ Священной войны до смерти Кассандра (297 г.).

Современнику Аристотеля и первыхъ перипатетиковъ Анаксимену изъ Лампсака также принадлежала „Исторія Греціи“ (*Ἑλληνικά*, 12 кн.), но болѣе обширная: если вѣрить древнимъ (Diod., XV, 89), она обнимала почти всѣ дѣянія какъ эллиновъ, такъ и варваровъ, начиная съ осогоніи, происхожденія боговъ, и до битвы при Мантинеѣ. Анаксимену же принадлежали „Исторія Филиппа“ (*Φιλιππικά*, 8 кн.) и эпосъ въ честь Александра Македонскаго.

О Тимеѣ, по времени жизни относящемся къ этой же эпохѣ, я говорилъ уже раньше (стр. 147 сл.).

Упомяну здѣсь также о недавно найденномъ въ числѣ папирусовъ изъ Оксиринха трактатѣ хронологическаго содержанія, излагающемъ событія персидской, греческой и римской исторіи за 355—315 годы до Р. Хр. по Олимпіадамъ и архонтамъ [1]).

Но я не имѣю въ виду перечислять здѣсь всѣхъ греческихъ историковъ. Я отмѣчаю только болѣе или менѣе выдающіяся явленія и имена въ области исторіографіи. Поэтому я не буду подробно останавливаться на источникахъ по исторіи Александра Македонскаго и его преемниковъ, діадоховъ и эпигоновъ, и вообще эпохи такъ наз. эллинизма.

Источники по исторіи Александра В и его преемниковъ.

Тутъ въ числѣ источниковъ слѣдуетъ прежде всего упомянуть о корреспонденціи Александра, хотя не всѣ эти письма [2]), конечно, подлинныя, и о такъ называемыхъ царскихъ эфемеридахъ (*βασίλειοι ἐφημερίδες*) [3]),—придворномъ дневникѣ или журналѣ. который велъ Евменъ и который, между прочимъ, легъ въ основу нѣкоторыхъ историческихъ сочиненій. Къ эфеме-

---

[1]) Grenfell and Hunt, The Oxyrhynchus Papyri. 1898. I.

[2]) Adler, De Alex. Magni epistol. commercio. Leipz. 1891; E. Pridik, De Alex. Magni epistol. commercio. Berl. 1893; Zumetikos, De Alexandri Olympiadisque epistolarum fontibus et reliquiis. Berl. 1894; Kaerst, Forsch. z. Gesch. Alexanders d. Gr. Stuttg. 1887; его-же ст. въ Philol., LI, 1892 и LVI, 1897.

[3]) Wilcken, Ὑπομνηματισμοί (Philol., LIII, 1894); Kaerst, Ptolemaios und die Ephemeriden (ibid., LVI, 1897); C. Wachsmuth, Bemerkungen z. griech. Historikern (Rh. Mus., N. F., LVI, 1901); Lehmann, Die Ephemeriden Alex. d. Grosz. (Hermes, XXXVI, 1901).

ридамъ этимъ возводится напр. разсказъ о болѣзни и смерти Александра у Арріана и Плутарха. Ими пользовался Птолемей Лагъ, писавшій свои мемуары, повидимому, частью на основаніи личныхъ воспоминаній, частью на основаніи этихъ эфемеридъ.

Птолемей и Аристобулъ [1]), по отзыву позднѣйшаго историка Александра В., Арріана,—самые достовѣрные писатели о знаменитомъ македонскомъ царѣ. Птолемей— полководецъ Александра, впослѣдствіи царствовалъ въ Египтѣ и основалъ здѣсь цѣлую династію. Аристобулъ сопутствовалъ Александру въ Азію и за свой трудъ принялся въ глубокой старости, въ самомъ концѣ V в У Птолемея преобладала военная исторія, у Аристобула же— элементъ географическій и этнографическій; слѣдовательно, оба труда взаимно дополняли другъ друга. Къ этимъ двумъ наиболѣе достовѣрнымъ историкамъ надо присоединить Неарха, извѣстнаго адмирала, котораго Александръ послалъ во главѣ флота изслѣдовать водный путь отъ Инда до Евфрата и который въ знаменитомъ рапортѣ или отчетѣ о своемъ плаваніи сообщаетъ свѣдѣнія, касающіяся и похода сухопутнаго войска.

Къ числу историковъ Александра Вел. принадлежатъ также Клитархъ, писавшій въ концѣ IV в., Каллисѳенъ, о которомъ я уже упоминалъ, и извѣстный географъ Страбонъ. Объ Александрѣ Македонскомъ во времена императора Клавдія писалъ Квинтъ Курцій Руфъ (historiarum Alexandri Magni libri X), стремившійся къ внѣшнему, риторическому эффекту; но его произведеніе интересно въ томъ отношеніи, что въ немъ сохранились извѣстія, исходившія, повидимому, изъ источника, стоявшаго въ оппозиціи и враждебно настроеннаго къ Александру. Большая часть сочиненія Квинта Курція сохранилась.

Но нашимъ главнымъ источникомъ по исторіи Александра Македонскаго — кромѣ Діодора и Плутарха — служитъ Арріанъ [2]), писатель уже II-го вѣка по Р. Хр., который пользовался

[1]) Geier, Alexandri Magni historiarum scriptores. Leipz. 1844; Muller, Scriptores rerum Alex. Magni. P. 1846 (Didot, въ прибавленіи къ изд. Appiana); S.-Croix, Examen critique des anciens historiens d'Alexandre le Grand. 2-me ed. P. 1804; Frankel. Die Quellen der Alexanderhistoriker. Breslau 1883, Susemihl, Gesch. d. griech. Litterat. in d. Alexand.-zeit (I, 532 сл.). См. также краткій перечень у Pohlmann, Grundzüge, стр. 200—201, и въ приложеніи у Droysen, Gesch d. Hellenismus. I (объ этомъ трудѣ подробнѣе—ниже, въ обзорѣ пособій).

[2]) О немъ см. между прочимъ у Pauly-Wissowa, s. v., и E. Meyer, Arrians Gesch. Alex. d. Gr. (Hermes, XXXIII, 1898).

преимущественно Птолемеемъ и Аристобуломъ. Его „Исторія Александра", написанная на греческомъ языкѣ (въ 7 кн.), дошла до насъ. Другой большой трудъ Арріана—„Исторія времени послѣ Александра" (*τὰ μετ' Ἀλέξανδρον*, въ 10 кн.)—утраченъ [1]). Арріанъ—подражатель Ксенофонта. Это видно даже изъ заглавія его „Исторіи Александра", которую онъ назвалъ *Ἀνάβασις Ἀλεξάνδρου*, въ подражаніе Ксенофонтову „Анабасису". Подобно Ксенофонту, онъ очень интересовался военнымъ дѣломъ (написалъ „Тактику"); подобно ему, онъ писалъ и объ охотѣ... Тѣмъ не менѣе Арріанъ принадлежитъ къ выдающимся греческимъ историкамъ.

Въ настоящее время мы располагаемъ еще отрывкомъ неизвѣстнаго автора (найденнымъ въ одномъ іерусалимскомъ кодексѣ) [2]), въ которомъ разсказывается о дѣяніяхъ Александра отъ битвы при Граникѣ до битвы при Арбелѣ, а также эпитомэ на латинскомъ языкѣ, тоже неизвѣстнаго автора [3]), повидимому, принадлежащей IV—V в. по Р. Хр и излагающей событія отъ смерти Дарія Кодомана до смерти Александра.

Исторію діадоховъ и эпигоновъ до смерти Пирра (272 г.), если не до 266 г. [4]), написалъ Іеронимъ изъ Кардіи, соотечественникъ и вѣрный сторонникъ Евмена, занимавшій вліятельныя должности, прекрасно знавшій политическія и военныя событія того времени, въ которыхъ онъ принималъ дѣятельное участіе; въ его распоряженіи были оффиціальные источники, мемуары и т. под. Неудивительно поэтому, что его трудъ отличался богатствомъ матеріала и фактическою точностью. К. Ваксмутъ называетъ Іеронима „достойнымъ предшественникомъ Полибія" и считаетъ утрату его труда одною изъ самыхъ тяжкихъ потерь. Его сообщенія лежатъ въ основѣ изложенія Діодора и Плутарха [5]).

---

[1]) Онъ извѣстенъ былъ въ извлеченіи Фотія. Reitzenstein'у удалось открыть въ одной Ватиканской рукописи, подъ позднѣйшимъ текстомъ, отрывки изъ 7-й книги этого сочиненія (Reitzenstein, Arriani *τῶν μετ' Ἀλέξανδρον* libri septimi fragmenta. Breslauer Philol. Abhandl., III, 3 Breslau. 1888).

[2]) Изданъ впервые А. И. Пападопуло-Керамевсомъ („Отрывокъ неизвѣстн. греч историка объ Александрѣ Вел.", Ж. М. Н. Пр., 1892, іюнь); ср. ст. Th. Reinach'a въ Rev. des Ét. gr., V.

[3]) Издана O. Wagner'омъ, по Мецской рукописи: Incerti auctoris epitome rerum gestarum Alex. Magni. Leipz. 1900 (Jahrb. f. Phil., 26 Suppl.-b.). См. ст. C. Wachsmuth, Rh. Mus, N. F, LVI, 1901, Landgraf, Berl. Phil. Wochenschr, 1901, № 13.

[4]) См. C. Wachsmuth, Einleitung, стр. 581. Отрывки—въ F. H. G., II.

[5]) По утвержденію Susemihl'я,—черезъ посредство Дуриса (о немъ—выше, стр. 219), который слѣдовалъ Іерониму въ соотвѣтствующей части своей

Іеронимъ, повидимому, пользовался между прочимъ мемуарами Пирра. Вообще въ ту пору было нерѣдкостью, что видные дѣятели писали свои воспоминанія. Кромѣ мемуаровъ Пирра и раньше уже упомянутыхъ—Птолемея Лага, слѣдуетъ въ особенности отмѣтить обширныя (болѣе нежели въ 30 книгахъ) „Воспоминанія“ Арата Сикіонскаго, извѣстнаго полководца Ахейскаго союза. Полибій называетъ ихъ чрезвычайно правдивыми и ясными (II, 40) и въ соотвѣтствующей части своего труда придерживается изложенія Арата.

Современникъ Арата, Филархъ, написалъ Исторію Греціи (въ 28 кн.), служившую какъ бы продолженіемъ труда Іеронима: она обнимала приблизительно 270—220 годы. Въ ней Филархъ высказывается, какъ патріотъ, одушевленный панэллинскими стремленіями; онъ противникъ Арата и преклоняется предъ личностью спартанскаго царя Клеомена. Полибій, не сочувствовавшій Филарху и державшійся иныхъ воззрѣній, отмѣчаетъ его страсть къ необычайному, чудовищному, любовь къ чувствительнымъ или трагическимъ сценамъ (что̀ напоминаетъ намъ отчасти Дуриса). По словамъ Полибія, Филархъ старался разжалобить и тронуть читателя: желая напр. изобразить несчастіе мантинейцевъ, подпавшихъ подъ власть македонянъ, онъ рисовалъ такую картину: объятія женщинъ съ распущенными волосами, съ обнаженною грудью, плачъ и рыданія ихъ и мужчинъ, уводимыхъ толпами вмѣстѣ съ дѣтьми и престарѣлыми родителями, и т. под. Словомъ, Филархъ любилъ рисовать ужасы. Полибій называетъ это „женскою чертою“ (II, 56).

Агаѳархидъ, перипатетикъ, жившій въ Александріи въ концѣ II в., въ своемъ обширномъ трудѣ (*Ἱστορικά*) излагалъ отдѣльно исторію азіатскихъ и исторію европейскихъ событій, начиная отъ смерти Александра В.

Представители Александрійской образованности.

Александрійская эпоха, какъ извѣстно[1]), характеризуется упадкомъ творчества. Въ области историографіи—это періодъ попреимуществу собиранія матеріала, кропотливаго труда, узкой спеціальной учености, гоняющейся за мелочами, за подробностями.

„Исторіи“ (I, 562, 590, прим. 341) Зуземиль въ данномъ случаѣ соглашается съ Roessler'омъ, De Duride Diodori, Hieronymo Duridis in rebus a successoribus Alexandri Magni gestis auctore. Götting. 1876; ср. Roesiger, De Duride Diodori Siculi et Plutarchi auctore. Gott. 1874.

[1]) См. напр. Christ; А. Н. Деревицкій, О нач. ист.-литер зан. въ древней Греціи, и друг.

Зато богатыя книгохранилища, подобныя библіотекамъ Александріи и Пергама, въ которыхъ было собрано все, что произвела греческая мысль въ области литературы и науки [1]), давали полную возможность удовлетворить этому интересу къ кропотливому изученію прошлаго, и исторія переходитъ большею частію въ руки грамматиковъ.

Такъ, главнаго представителя спартанской историографіи Сосибія изъ Лакедемона, автора сочиненія *Περὶ τῶν ἐν Λακεδαίμονι θυσιῶν* и *χρόνων ἀναγραφή*, гдѣ въ основу хронологіи положены списки спартанскихъ царей и побѣдителей на Карнейскихъ празднествахъ, обыкновенно принимаютъ за одно лицо съ грамматикомъ Сосибіемъ [2]), жившимъ въ Александріи при Птолемеѣ II (285—246). Извѣстный ученый, Александрійскій библіотекарь Каллимахъ составилъ такъ назыв. „Таблицы“ *(πίνακες)*, въ 120 книгахъ, представлявшихъ реэстръ представителей науки и различныхъ родовъ литературы, съ указаніемъ заглавій ихъ сочиненій, объема и проч. Онъ „поставилъ своею задачею пересмотрѣть, привести въ стройную, отвѣчающую научнымъ требованіямъ систему и регистрировать всѣ произведенія греческой литературы и греческой науки,—другими словами, выразить осязательно, при помощи наглядной формулы всю силу научной и литературной производительности греческой націи“ [3]). На поприщѣ историографіи немало подвизались его ученики (такъ наз. „Каллимаховцы“), напр. Истръ, о которомъ было раньше упомянуто (стр 151), Гермиппъ изъ Смирны [4]) (ок. 200 г. до Р. Хр.), составившій списки Аристотелевыхъ и Ѳеофрастовыхъ трудовъ и біографіи знаменитыхъ людей; біографіями этими много пользовались позднѣйшіе авторы. А однимъ изъ главныхъ представителей Пергамской школы въ историографіи того времени былъ Антигонъ изъ Кариста [5]) (III в.). Ему принадлежали Историческія воспоминанія *(ἱστορικὰ ὑπομνήματα)* и біографіи философовъ *(βίοι φιλοσόφων)*; въ этихъ біографіяхъ Антигонъ давалъ живыя и

[1]) А. Н Деревицкій, О нач. ист.-литер. зан., стр. 222.

[2]) Противъ этого однако возстаетъ C. Wachsmuth, отличающій историка отъ грамматика. о времени жизни перваго мы, по его словамъ, ничего не знаемъ.

[3]) А. Н. Деревицкій, l. c.

[4]) О немъ см. между прочимъ А. Н. Деревицкій, стр. 210 сл.

[5]) Wilamowitz, Antigonos von Karystos (Philol. Untersuchungen, IV, 1881).

болѣе или менѣе вѣрныя характеристики представителей разныхъ философскихъ направленій, своихъ современниковъ, которыхъ онъ большею частью лично зналъ, въ томъ числѣ скептика Пиррона, академика Аркесилая и стоика Зенона. Кромѣ того, Антигону приписывается „Собраніе странныхъ исторій“ *(ἱστοριῶν παραδόξων συναγωγή)*.

Типичными представителями сухой, но громадной эрудиціи, являются такіе—правда, позднѣйшіе—авторы (уже римской эпохи), какъ Александръ Полигисторъ (современникъ Суллы), о которомъ Свида говоритъ, что онъ написалъ больше книгъ, чѣмъ можно пересчитать, и который представилъ какъ-бы инвентарь всего того, что̀ было извѣстно относительно странъ и народовъ древняго міра [1]), и грамматикъ Дидимъ, современникъ Цицерона, также отличавшійся необыкновеннымъ трудолюбіемъ и плодовитостью, авторъ многочисленныхъ комментарій, сочиненія: „О поэтахъ“ *(περὶ ποιητῶν)*, о таблицахъ Солоновыхъ законовъ и проч.

Но въ числѣ представителей Александрійской образованности былъ и такой ученый, какъ знаменитый Эратосѳенъ [2]) (275—195 до Р. Хр.). Его имя должно быть отмѣчено также и среди историковъ: его можно назвать творцомъ исторической хронологіи, какъ научной дисциплины. Въ своей „Хронографіи“ *(χρονογραφίαι)* [3]) Эратосѳенъ далъ хронологическую таблицу [4]) и обзоръ эпохъ исторіи. Здѣсь онъ примѣнилъ методическіе пріемы и, установивъ Троянскую эру, отъ нея ведетъ свою хронологію. Въ связи съ этимъ стоятъ его занятія надъ спискомъ побѣдителей на Олимпійскихъ играхъ, которому онъ посвятилъ спеціальный трудъ *(Ὀλυμπιονῖκαι)*.

Систему Эратосѳена продолжилъ и популяризировалъ Аполлодоръ изъ Аѳинъ (II в. до Р. Хр.), ученикъ извѣстнаго грамматика Аристарха [5]). Его „Хроника“ [6]) (въ 4 кн.), которую онъ

[1]) C. Wachsmuth, Einleitung, стр. 239.

[2]) C. Wachsmuth, De Eratosthene, Apollodoro, Sosibio chronographis. 1892; E Schwartz, Die Konigslisten des Eratosthenes und Kastor (Abhandl. d. Götting. Gesellschaft d. Wissensch., 40 B., 1894/5); Niese, Die Chonographie d. Eratosthenes (Hermes, XXIII).

[3]) См. приложеніе къ изд. Геродота въ коллекціи Didot.

[4]) Она сохранилась у Климента Александрійскаго (Strom, I, 21, 138).

[5]) C. Wachsmuth, Einleitung, стр. 136 сл.

[6]) F. H. G., I.—Diels, Chronologische Untersuchungen uber Apollod. Chronika (Rh. Mus., XXXI, 1876); Unger, Die Chronik des Apollod. (Philol., XL), Pauly-Wissowa, Real-Encycl., s. v.

посвятилъ пергамскому царю Атталу II (159—138), написана стихами—ямбическими триметрами. Она начиналась взятіемъ Трои и въ хронологическомъ порядкѣ излагала политическую и литературную исторію до 144 г. до Р. Хр. Въ древности она была очень распространена; К. Непотъ перевелъ ее по-латыни. Аполлодору—совершенно ошибочно—приписывалась еще такъ назыв „Библіотека“ [1]), компендіумъ, составленный гораздо позже и представлявшій обзоръ миѳовъ и сказаній о происхожденіи боговъ, генеалогію родовъ и т. под.

Другой, болѣе поздній хронистъ, Касторъ [2]) (I в. до Р. Хр.) впервые сопоставилъ исторію восточную, греческую и римскую, давъ образецъ для послѣдующихъ синхронистическихъ обозрѣній, и, начавъ съ Бела, довелъ свою хронику (въ 6 кн.) до 61/60 г. до Р. Хр.

Полибій.

Во II-мъ столѣтіи мы встрѣчаемъ одного изъ самыхъ замѣчательныхъ историковъ древности, который рѣшительно выдается изъ ряда своихъ ближайшихъ предшественниковъ и современниковъ,—Полибія [3]). Его имя достойно занять мѣсто рядомъ съ

---

[1]) Изд.—Westermann, Mythogr. gr.; новѣйшее—Wagner, Mythogr. gr. I. Leipz (1894). Robert, De Apollodori bibliotheca. Berl. 1873.—А. И. Пападопуло-Керамевсъ обнародовалъ новые отрывки изъ этого компендіума (Rh. Mus, 46 B.; Ж. М. Н. Пр, 1892, апр—май).

[2]) C. Wachsmuth, Einleitung, стр. 139 сл. Кастора-хрониста обыкновенно отождествляютъ съ зятемъ галатскаго царя Дейотара; C. Wachsmuth считаетъ это ошибкой.

[3]) Изданія – Schweighauser'a, Leipz. 1789—95 (съ коммент.); I. Bekker'a, Berl., 1844. 2 v.; Dindorf'a въ Bibl. Teubner. (нов. обраб.—Büttner-Wobst'a, 1882 сл) и въ особенности Hultsch'a, Berl. 1867—1871. 4 v. (2-е изд.—1888). Переводы: русск.—Ѳ Г. Мищенка, съ предисл. и примѣч. (М 1890—1899. 3 т.), франц.—Bouchot (1853), нѣм.—Campe (1861 - 3), въ коллекц. Griech. Prosaiker, hrsg. von Osiander u. Schwab. О Полибіи см. у Ѳ. Г. Мищенка, въ Предисловіи къ перев., и его-же ст. въ Энциклоп. Слов. Брокгауза-Ефрона; Fustel de Coulanges, Polybe ou la Grèce conquise par les Romains. P. 1858; Nissen, Kritische Untersuchungen üb. die Quellen der 4 und 5-ten Dekade des Livius Berl. 1863; Rud. v. Scala, Die Studien des Polybios I. Stuttg. 1890 (ср. рец. Niese, въ Gott. gel. Anz, 1890, стр. 890 сл., и А. И. Покровскаго, въ Ж. М. Н. Пр., 1891, іюль); O. Cuntz, Polybius und sein Werk. Leipz. 1902; Max Budinger, Die Universalhistorie im Alterthume. Wien. 1895; Susemihl, Gesch. d. griech. Litter. in der Alexandr.-Zeit. II, 80 сл;

именами Геродота и Θукидида, и хотя его произведеніе больше касается римской исторіи, нежели греческой, но въ развитіи исторической науки ему принадлежитъ такое видное мѣсто, что на немъ слѣдуетъ остановиться подробно.

Среди представителей греческой исторіографіи мы знаемъ трехъ, произведенія которыхъ отличаются болѣе или менѣе универсальнымъ характеромъ,—Геродота, Эфора и Полибія. Всѣ трое соотвѣтствуютъ такимъ историческимъ моментамъ, когда самыя событія пріобрѣтали болѣе или менѣе универсальный характеръ и выходили изъ рамокъ исторіи отдѣльныхъ народовъ. Геродотъ—современникъ періода, наступившаго съ столкновенія міра персидскаго и міра греческаго; онъ воспитался на воспоминаніяхъ о столкновеніи этихъ двухъ міровъ. Эфоръ—современникъ Филиппа Македонскаго и начала дѣятельности Александра В., когда раздробленный греческій міръ объединялся подъ главенствомъ Македоніи и готовилось его сліяніе съ восточнымъ въ міръ эллинистическій. Наконецъ Полибій—современникъ одного изъ знаменательныхъ моментовъ всемірной исторіи,—начала римскаго міроваго владычества, когда Западъ и эллинистическій Востокъ должны были соединиться въ одно цѣлое и когда теченіе историческихъ судебъ разныхъ странъ должно было слиться въ одно русло. Но если относительно Геродота и даже Эфора еще можно спорить, были ли они дѣйствительно всеобщими историками, то о Полибіи такого спора быть не можетъ: его трудъ есть несомнѣнно всеобщая исторія.

Полибій былъ поставленъ въ самыя благопріятныя условія для того, чтобы написать подобный трудъ. По своей личной судьбѣ онъ явился какъ-бы посредникомъ и звеномъ между Греціею и Римомъ.

Полибій [1]) родился въ аркадскомъ городѣ Мегалополѣ ок.

Niese, Gesch. d. griech. und makedon Staaten seit d. Schlacht bei Chaeronea. Gotha. 1899, II, 350 сл; превосходная характеристика Полибія у Mommsen'a, Romische Gesch., II^7, 449 сл. На русск. яз. см еще—В. Г. Васильевскій, Полит. реформа и социальн. движеніе въ древней Греціи въ періодъ ея упадка. Спб 1869, стр. 40 сл. Изъ болѣе раннихъ сочиненій о Полибіи можно назвать: K. W. Nitzsch, Polybius. Kiel 1842; La Roche, Charakteristik d. Polyb. Leipz 1857; Markhauser, Der Geschichtschreiber Polybius, seine Weltanchauung und Staatslehre. Munchen. 1858.

[1]) Кромѣ раньше упомянутыхъ соч. о Полибіи см. еще Werner, De Polybii vita et itineribus quaestiones chronologicae. Leipz. 1877.

Біографія Полибія.

210—205 г. до Р. Хр. [1]) и происходилъ изъ вліятельной фамиліи. Его отецъ, Ликортъ, былъ стратегомъ Ахейскаго союза, который въ ту эпоху преобладалъ въ Греціи. Въ своей юности Полибій лично зналъ извѣстнаго вождя этого союза Филопемена [2]) Послѣдній былъ его наставникомъ въ государственномъ и военномъ дѣлѣ и когда онъ погибъ въ Мессеніи, то Полибій, вмѣстѣ съ другими знатными ахейцами, участвовалъ въ торжественной процессіи перенесенія его праха на родину и несъ погребальную урну. Въ 181 г. Полибій, вмѣстѣ съ отцомъ, былъ избранъ въ число пословъ къ египетскому царю Птолемею V Эпифану (за смертью послѣдняго посольство это, впрочемъ, не состоялось). Во время Третьей Македонской войны Полибій игралъ видную роль: онъ служилъ національному дѣлу грековъ и, подобно отцу своему, стоялъ сначала за нейтралитетъ ахейцевъ. Въ 169 году онъ занялъ должность начальника конницы (гиппарха) Ахейскаго союза; въ качествѣ уполномоченнаго отправленъ былъ въ лагерь къ римскому консулу и т. д. Словомъ, онъ близко стоялъ къ тогдашнимъ дѣламъ Греціи. Послѣ пораженія Персея при Пиднѣ Полибій навлекъ на себя подозрѣніе и недовольство римлянъ и долженъ былъ отправиться въ Италію въ качествѣ заложника, въ числѣ 1000 благородныхъ ахейцевъ. Но тогда какъ его соотечественники разселены были по разнымъ городамъ, онъ, по ходатайству сыновей Павла Эмилія—Фабія и Сципіона—, оставленъ въ самомъ Римѣ.

Здѣсь, въ центрѣ тогдашней міровой политики, Полибій провелъ 16 лѣтъ (166—150). Онъ ближе узналъ Римъ и преклонился предъ нимъ. Онъ вступилъ въ римское патриціанское общество, въ среду вліятельныхъ лицъ и руководителей Римскаго государства. Онъ жилъ въ домѣ Павла Эмилія; онъ сдѣлался какъ-бы наставникомъ и другомъ его сыновей, въ особенности Сципіона Эмиліана, будущаго завоевателя Карѳагена, въ то время еще 18-лѣтняго юноши. Такъ образовался тотъ знаменитый кружокъ

---

[1]) По словамъ самого Полибія, когда онъ былъ назначенъ посломъ въ Египетъ, т. е. въ 181 г., онъ не имѣлъ „законнаго возраста“ (XXV, 7,5 по стар. изд., XXIV, 6,3—по новымъ, дѣленіе на книги и главы въ разныхъ изданіяхъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ не одно и то-же), а такимъ возрастомъ былъ 30-лѣтній, судя по тому, что членомъ народнаго собранія можно было быть, начиная съ 30 лѣтъ (XXIX, 9 [24], 6) — Unger, основывался на упоминаніи у Полибія via Domitia, относитъ время его жизни къ 198—117/6. Такъ и O. Cuntz.

[2]) Это явствуетъ между проч. и изъ XXIII, 10a (XXII, 14).

Сципіона Младшаго, къ которому, кромѣ Полибія, принадлежали Лелій и извѣстный философъ Панетій. Полибій жилъ, окруженный удобствами, рабами, предаваясь любимымъ занятіямъ, охотѣ и проч. Онъ пользовался вліяніемъ. Онъ помогъ во-время бѣжать изъ Рима претенденту на сирійскій престолъ, Димитрію (сыну Антіоха); благодаря его содѣйствію, локряне освобождены были отъ военной службы въ Испаніи и Далматіи (XII, 5, 1).

Въ 150 г. Полибій вмѣстѣ съ остальными заложниками получилъ возможность вернуться на родину. Но вскорѣ потомъ мы видимъ его снова въ обществѣ Сципіона: онъ присутствуетъ при взятіи Карѳагена; затѣмъ спѣшитъ въ Грецію, куда онъ прибылъ немного спустя послѣ разрушенія Коринѳа (146 г.). Онъ старается предотвратить дальнѣйшую катастрофу и разореніе родины. Онъ выступаетъ посредникомъ между побѣдителемъ Римомъ и побѣжденною Элладою, ходатаемъ за своихъ соотечественниковъ. На него римлянами возложено было порученіе—дать устройство греческимъ городамъ, упорядочить ихъ отношенія, умиротворить страну. По дѣламъ своихъ соотечественниковъ ему пришлось побывать въ Римѣ еще разъ. Полибій съ большимъ успѣхомъ выполнилъ свою нелегкую задачу и снискалъ себѣ общую благодарность [1]); ему воздавались почести во многихъ городахъ Пелопоннеса, воздвигались въ честь его статуи, колонны съ надписями и т. под., и еще недавно въ Олимпіи найдена подобнаго рода надпись. Впослѣдствіи, при осадѣ Нуманціи, Полибій опять сопутствовалъ Сципіону.

Ко всему этому надо еще прибавить многочисленныя путешествія Полибія. Онъ старался лично ознакомиться съ театромъ описываемыхъ дѣйствій. Онъ совершилъ путешествіе черезъ Альпы, былъ въ Южной Галліи, Испаніи [2]), Ливіи. Въ Африкѣ онъ видится съ Масиниссой [3]). Во время осады Карѳагена Сципіономъ Полибій получаетъ отъ него флотъ и изслѣдуетъ берега Африки. Въ Египтѣ, въ Александріи, онъ побывалъ въ царство-

---

[1]) Polyb., XL, 10 (XXXIX, 16),—мѣсто, принадлежащее, очевидно, не самому Полибію а какому-либо его другу (O. Cuntz).

[2]) По Ниссену,—сопровождая Сципіона въ 151 г. (Nissen, Die Oekonomie der Geschichte des Polybios, Rh. Mus, XXVI, 1871, стр. 271 сл.). Время Полибіевыхъ путешествій опредѣлить съ полною достовѣрностью едва-ли можно. O. Cuntz (Polyb. und sein Werk) относитъ путешествія Полибія въ Испанію и Галлію къ 134 г.

[3]) Слѣдовательно, до 149 г. Nissen, l. c.

ваніе Птолемея Фискона (ок. 136 г.) [1]). Понтъ Полибію извѣстенъ, очевидно, по личнымъ наблюденіямъ. Онъ былъ въ Сардахъ и видѣлся тамъ съ галатскою царицею Хіомарою [2]) и т. д.

Полибій дожилъ до глубокой старости и умеръ 82 лѣтъ (ок. 128—123 г.), отъ паденія съ лошади.

Я остановился нѣсколько на біографіи Полибія для того, чтобы показать, какъ близко стоялъ онъ къ тогдашнимъ лицамъ и событіямъ, какимъ широкимъ кругозоромъ, какимъ богатымъ запасомъ личнаго опыта и наблюденій могъ располагать этотъ историкъ.

„Исторія" Полибія.

Главный трудъ Полибія—„Исторія" (въ 40 кн.), которую онъ самъ называетъ „всеобщею" и „всемірною" [3]). Окончательно написалъ онъ ее и обработалъ уже послѣ 146 г. [4]). Но подготовлялъ онъ ее, безъ сомнѣнія, уже раньше; попытки же опредѣлить, когда и въ какомъ порядкѣ написаны различныя части Полибіева труда, не приводятъ къ прочнымъ результатамъ [5]).

Ея содержаніе

Главная тема Полибія—какъ, когда и почему всѣ извѣстныя части обитаемой земли, въ теченіе 53 лѣтъ, подпали подъ власть рамлянъ (III, 1, 4; ср I, 1). Изложеніе этой главной темы онъ, по собственнымъ словамъ (I, 3), начинаетъ съ 140-й Олимпіады (220 г. до Р. Хр.), причемъ за исходныя событія принимаетъ для Греціи такъ наз. „Союзническую войну", для Азіи—войну между Антіохомъ и Птолемеемъ Филопаторомъ за Койле-Сирію, а для Италіи и Ливіи—Аннибалову войну; ибо, по его мнѣнію, предшествовавшія событія совершались отдѣльно, не имѣли между собою тѣсной связи, и каждое изъ нихъ имѣло свою особую цѣль и ко-

---

[1]) Можетъ быть, тоже въ качествѣ спутника Сципіона.

[2]) Моммзенъ полагаетъ, что Полибій еще въ 189 году сопутствовалъ римлянамъ въ ихъ походѣ противъ малоазіатскихъ кельтовъ. Такое предположеніе однако не совсѣмъ соотвѣтствуетъ хронологіи: Полибій былъ тогда еще слишкомъ молодъ.

[3]) Напр. I, 4, 2: τῇ τῶν καθόλου πραγμάτων συντάξει; VIII, 4, 11: τῆς καθολικῆς καὶ κοινῆς ἱστορίας.

[4]) Уже въ III кн. онъ самъ упоминаетъ, что его „Исторія" представляетъ обширный трудъ въ 40 книгахъ (III, 32, 2).

[5]) Thommen, Ueber die Abfassungszeit d. Gesch. d. Polyb. (Hermes, XX); противъ него—Hartstein (Philologus, XLV); ср. Nissen, Die Oekonomie d. Gesch. d. Polyb. (Rh. Mus, XXVI, 1871). O. Cuntz полагаетъ, что Полибіевъ трудъ, въ главныхъ чертахъ, написанъ между 167—150 г. (кн. 1–29) и между 144—134 г. (кн 30—40), а позже, въ эпоху Гракховъ, авторомъ сдѣланы вставки, отчасти въ формѣ экскурсовъ.

нецъ; начиная же съ указаннаго времени исторія составляетъ какъ-бы одно цѣлое, италійскія и ливійскія событія переплетаются съ азіатскими и эллинскими и всѣ ведутся къ одному концу. Этой главной темѣ посвящены книги III—XXX, обнимающія событія съ 220 по 168 г. Но чтобы подготовить читателя къ надлежащему уразумѣнію главнаго предмета и познакомить съ общимъ положеніемъ дѣлъ, Полибій счелъ нужнымъ предпослать „Введеніе" (*προπαρασκευή*), составляющее первыя двѣ книги, въ которомъ онъ—сравнительно кратко (I, 13)—обозрѣваетъ предшествующія событія, начиная съ того момента, на которомъ остановился Тимей (III, 32, 2), т. е. со временъ Пирра, и съ первой Пунической войны (I, 5). Введеніе это заканчивается битвою при Селласіи. Изложивъ затѣмъ въ III—XXX кн. исторію времени съ 220 г. по 168 г., Полибій въ послѣднихъ 10 книгахъ (XXXI—XL) говоритъ о томъ, какъ римляне воспользовались своею властью, какъ они удержали и упрочили за собою свои завоеванія и каково было положеніе отдѣльныхъ народовъ. Свою „Исторію" Полибій заканчиваетъ разрушеніемъ Карѳагена и Коринѳа, или, точнѣе говоря, умиротвореніемъ Греціи и своимъ посольствомъ въ Римъ по дѣламъ родины.

При изложеніи всѣхъ этихъ событій Полибій, подобно Тимею, какъ хронологическую основу, кладетъ Олимпіады [1]), но прибѣгаетъ иногда и къ другимъ, болѣе точнымъ датамъ—по римскимъ консуламъ, по стратегамъ Ахейскаго или Этольскаго союзовъ, по пританамъ Родоса или даже по временамъ года. События до 216 г. разсказываются послѣдовательно одно за другимъ; съ VII-й же книги начинается болѣе строго выдержанный синхронистическій обзоръ по годамъ [2]).

Уже изъ предыдущаго видно, что Полибій служитъ главнымъ источникомъ отъ времени Пирра и до окончательнаго подчиненія Эллады Риму, т. е. для эпохи господства Ахейскаго союза. Полибій иногда касается и прошлой исторіи Греціи, приводитъ изъ нея эпизоды и примѣры, и проч.

---

[1]) Въ подробности хронологической системы и порядка изложенія у Полибія я не вхожу. См преимущественно Nissen, Rh. Mus., XXIV, а также Niese, Gesch. d. gr. und maked St., II, 353—4; Wachsmuth, Einleitung, 645—6; Susemihl, II, 123 сл.; ср. Strehl, Die chronologischen Daten bei Polybios. Leipz. 1879.

[2]) Susemihl, II, 123—4.

Отъ обширнаго труда Полибія до насъ дошли цѣликомъ лишь первыя 5 книгъ; отъ нѣкоторыхъ книгъ ничего не осталось [1]), отъ большинства сохранились болѣе или менѣе обширные отрывки или эксцерпты [2]). Нужно однако имѣть въ виду, что у Тита Ливія, тамъ, гдѣ у него рѣчь идетъ объ эпохѣ, составляющей предметъ Полибіевой „Исторіи“, мы имѣемъ въ сущности версію Полибія.

Исторія Греціи у Полибія излагается не особнякомъ, не отдѣльно, а въ связи съ общею исторіею того времени. Его трудъ обнимаетъ исторію Греціи и Македоніи, Малой Азіи съ Сиріей и Египта, Рима и Карѳагена, причемъ преобладающее мѣсто занимаетъ исторія римская.

Ея универсальность.

Произведеніе Полибія отличалось такимъ образомъ характеромъ универсальнымъ. По его собственнымъ словамъ, онъ вознамѣрился писать исторію не отдѣльнаго какого-нибудь народа, но обнять событія всего извѣстнаго тогда историческаго міра (II, 37). Онъ прямо противополагаетъ свою „Исторію“, какъ всеобщую, другимъ, частнымъ, принадлежавшимъ его предшественникамъ. Никто раньше, по его словамъ, не брался за составленіе такой всеобщей исторіи, за исключеніемъ развѣ лишь Эфора (V, 33, 2) Между тѣмъ, по убѣжденію Полибія, изъ отдѣльныхъ исторій невозможно „обнять и узрѣть духовнымъ взоромъ прекраснѣйшее зрѣлище прошлыхъ событій“ (IX, 45, 7 [21, 14]), невозможно понять общій ходъ всемірной исторіи, устроеніе и распорядокъ цѣлаго *(τὴν τῶν ὅλων οἰκονομίαν)*, уразумѣть тотъ „поразительный“ и „небывалый дотолѣ фактъ“, объясненію котораго посвященъ преимущественно трудъ Полибія,—какимъ образомъ римляне достигли міроваго господства и всѣ извѣстныя части

---

[1]) Напр. 17, 19, 37 и 40 кн. Впрочемъ относительно распредѣленія существующихъ эксцерптовъ и фрагментовъ по отдѣльнымъ книгамъ и порядка ихъ расположенія мы встрѣчаемъ разногласія (по этому вопросу есть даже спеціальныя работы, напр. Metzung, De Polybii librorum XXX—XXXIII fragm. ordine collocandis. Marburg 1871): разныя изданія въ этомъ отношеніи не вполнѣ согласуются между собою. Напр. въ прежнихъ изданіяхъ на долю 17-й кн. приходится нѣсколько отрывковъ, относимыхъ позднѣйшими издателями къ началу 18-й кн.; отъ 40-й кн., по новѣйшимъ изданіямъ, ничего не осталось: по мнѣнію Ниссена, изложеніе заканчивалось собственно 39-й кн., а 40-я содержала индексъ.

[2]) Главнымъ образомъ — эксцерпты, сдѣланные при Константинѣ Багрянородномъ.

вселенной подчинились единой власти. Полибій считаетъ своимъ долгомъ заявить это тѣмъ, кто воображаетъ, будто посредствомъ отдѣльныхъ повѣствованій можно пріобрѣсти знаніе „всемірной и всеобщей исторіи“ (VIII, 4). По его мнѣнію, достичь этого можно только посредствомъ сдѣпленія и сопоставленія всѣхъ частей; тогда только и можно извлечь изъ исторіи пользу и удовольствіе (I, 4, 11).

У Полибія — обширная тема, есть и отступленія, но его „Исторія“ есть нѣчто единое, составляетъ одно цѣлое, какъ онъ самъ заявляетъ (III, 1, 4). „Особенность нашего труда и удивительная черта нашего времени“, говоритъ онъ, „та, что почти всѣ событія міра судьба склонила въ одну сторону, направила къ одной и той же цѣли“ (I, 4, 1)—къ господству римлянъ, и главное вниманіе Полибія обращено на то, чтобы выяснить постепенный ростъ могущества Рима, объяснить и разумно оправдать фактъ міроваго владычества римлянъ, все значеніе котораго онъ вполнѣ сознавалъ.

Планомѣрность историческаго процесса

Фактъ этотъ представлялся Полибію не дѣломъ случая, а результатомъ предшествовавшихъ событій (I, 63, 9). Онъ видѣлъ здѣсь совершенно естественный, закономѣрный и цѣлесообразный процессъ, столь же необходимое, какъ и разумное слѣдствіе историческаго развитія.

Вообще въ ходѣ всемірной исторіи Полибій усматривалъ извѣстную планомѣрность: событія направляются въ одну сторону, къ одной цѣли, и историческій процессъ совершается по твердымъ и цѣлесообразнымъ законамъ.

Въ VI кн., излагая свое ученіе о формахъ правленія, Полибій выставляетъ законъ круговорота *(ἀνακύκλωσις)* человѣческихъ судебъ: формы правленія мѣняются, переходятъ одна въ другую и снова возвращаются по извѣстному круговороту, по извѣстному „порядку природы“ (*φύσεως οἰκονομία*, VI, 9, 10). Перемѣны эти совершаются необходимо *(ἀναγκαίως)* и естественно *(φυσικῶς)* (VI, 10, 2), согласно природѣ (*κατὰ φύσιν*, VI, 9, 13). Такъ, напр., всякій простой и основанный на одномъ началѣ видъ государственнаго устройства—непроченъ: онъ быстро вырождается въ родственную и по природѣ сопутствующую ему извращенную форму. Ибо какъ для желѣза ржавчина, а для дерева черви составляютъ сросшуюся съ ними язву, отъ которой они погибаютъ, хотя бы извнѣ и не подвергались никакому поврежденію, такъ и каждому государственному устройству отъ при-

роды присуще и сопутствуетъ ему извѣстное извращеніе (VI, 10). Все существующее подлежитъ порчѣ и перемѣнамъ; это — естественная необходимость (φύσεως ἀνάγκη, VI, 57, 1), и всякая форма правленія портится двоякимъ образомъ—или отъ внѣшней, или отъ врожденной язвы (VI, 57, 2) [1]).

Убѣжденный въ планомѣрности и законосообразности историческаго развитія, въ силѣ дѣйствія извѣстныхъ законовъ, Полибій считаетъ нетруднымъ на основаніи прошлаго предсказывать будущее (VI, 3, 1—2).

На этомъ сознаніи закономѣрности событій основываются обобщенія или, по крайней мѣрѣ, общія замѣчанія и наблюденія, которыя мы довольно часто встрѣчаемъ у Полибія (подобно тому, какъ и у Θукидида). Напр., если въ битвѣ между Маханидомъ и Филопеменомъ, сначала побѣдили было наемники перваго, то „такъ именно и должно было быть“: наемники тирановъ обыкновенно превосходятъ наемниковъ свободнаго государства, ибо свободныя государства послѣ побѣды не нуждаются въ нихъ, а тираннія наоборотъ: чѣмъ дальше идутъ ея стремленія, тѣмъ больше нуждается она въ наемникахъ (XI, 13). Въ Мегалополѣ обнаружились недовольство, распри, взаимное озлобленіе. „Такъ всегда бываетъ“, замѣчаетъ Полибій, „когда не хватаетъ средствъ на предпріятія“ (V, 93, 4). Вслѣдствіе превратностей судьбы и подъ вліяніемъ друзей люди часто говорятъ и поступаютъ вопреки своему характеру (IX, 22, 10). Въ войнахъ въ Греціи и въ Азіи дѣло рѣшалось обыкновенно одною или двумя битвами, причемъ въ битвѣ одинъ моментъ былъ рѣшающимъ; въ войнахъ римлянъ съ кельтиберами было наоборотъ (XXXV, 1).

Судьба

Выставляя планомѣрность хода событій, Полибій неразъ упоминаетъ о судьбѣ *(τύχη)*: по его словамъ, судьба, напр., склонила почти всѣ событія его времени въ одну сторону и направила ихъ къ одной цѣли; онъ избираетъ началомъ своего главнаго изложенія 140 Олимпіаду потому, что „тогда какъ-бы сама судьба придала совершенно новый видъ обитаемой землѣ: повсемѣстно въ тотъ моментъ произошла перемѣна правителей, а вмѣстѣ съ тѣмъ и въ положеніи дѣлъ“ (IV, 2).

---

[1]) Вообще природѣ вещей Полибій придавалъ большое значеніе. Напр. XVI, 1b (10), 1—2, онъ спрашиваетъ: „что помѣшало движенію Филиппа къ Александріи послѣ битвы при Ладѣ?“ и отвѣчаетъ: „ничто иное, какъ природа вещей“ (ἡ φύσις τῶν πραγμάτων).

Но надо замѣтить, что взгляды Полибія на судьбу и на ея роль въ исторіи довольно противорѣчивы [1]). То судьба представляется у него направляющей событія цѣлесообразно и разумно, по твердымъ законамъ; то она дѣйствуетъ какъ-будто по капризу, вопреки всякимъ ожиданіямъ и разумнымъ разсчетамъ. Часто она является у Полибія могущественной силой, постоянно дѣйствующей въ жизни человѣческой (I, 4, 5); ея удары неотвратимы, ея пути неисповѣдимы (VIII, 22, 10); она какъ-бы намѣренно даетъ людямъ почувствовать свое могущество (II, 4), напр какъ-бы нарочно выводитъ на сцену одновременно рядъ несчастій. Филопемена сразили удары судьбы, хотя раньше всегда казалось, что судьба ему благопріятствуетъ, и по этому поводу Полибій вспоминаетъ изреченіе, что если счастье и возможно, то невозможно непрерывное счастье (XXIV, 9 [XXIII, 12, 3—4]). Поэтому, среди побѣдъ и при видѣ несчастій врага слѣдуетъ помнить о собственной судьбѣ и о превратности счастья. О превратности судьбы напоминаетъ Аннибалъ во время свиданія съ Сципіономъ предъ роковою битвою при Замѣ (XV, 6—7). Иногда судьба неожиданно, подобно ловкому устроителю состязанія, выводитъ воюющихъ изъ ихъ затруднительнаго положенія (I, 58). По словамъ Полибія II. 70, важнѣйшія дѣла она обыкновенно рѣшаетъ вопреки ожиданіямъ, и если бы спартанскій царь Клеоменъ отложилъ битву (при Селласіи) на нѣсколько дней или же послѣ битвы немного выждалъ, то онъ бы сохранилъ власть.

Но этого мало: въ иныхъ мѣстахъ у Полибія судьба совершенно отвергается. Такъ, повторивъ неразъ, что созданіе римскаго владычества, — дѣло судьбы, онъ въ I, 63, 9 рѣзко устраняетъ ее и говоритъ, что Римъ достигъ господства не благодаря судьбѣ *(τύχη)* и не случайно, а весьма естественно, благодаря изощренію въ великихъ предпріятіяхъ [2]). Въ другомъ мѣстѣ (II, 38, 4—5) Полибій ставитъ вопросъ: какимъ образомъ различные народы согласились вступить въ Ахейскій союзъ? и отвѣчаетъ, что говорить о судьбѣ совсѣмъ не подобаетъ — ибо это было бы нелѣпо —, а лучше поискать причины.

---

[1]) Новѣйшіе изслѣдователи объясняютъ это тѣмъ, что воззрѣнія Полибія на судьбу съ теченіемъ времени мѣнялись. C. Wachsmuth, 648; Scala, 178 сл.; Susemihl, II, 98—100.

[2]) По мнѣнію Скалы, подобныя мѣста Полибіемъ вставлены въ текстъ позже, когда онъ уже измѣнилъ свой взглядъ на судьбу (ср. и O. Cuntz).

Иногда Полибій употребляетъ слово судьба просто для обозначенія причинъ, неизвѣстныхъ или не поддающихся точному опредѣленію, или когда дѣйствіе закономѣрности неясно [1]). Задача историка въ такихъ случаяхъ—стремиться къ ограниченію сферы дѣйствія судьбы путемъ изслѣдованія дѣйствительныхъ причинъ явленій [2]).

Божество. Въ связи съ этимъ находятся воззрѣнія Полибія и на боговъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ Полибій какъ-будто раздѣляетъ обычныя, народныя вѣрованія въ боговъ. Онъ сообщаетъ напр., что Гераклъ не принялъ принесенныхъ ему жертвъ и не услышалъ моленій (XXIX, 6, 17 [17, 5]). По его мнѣнію, привычка не лгать предъ богами служитъ источникомъ правдивости во взаимныхъ отношеніяхъ людей (VI, 59, 4). Важнѣйшимъ отличіемъ римскаго государственнаго устройства въ хорошую сторону Полибій считаетъ воззрѣнія римлянъ на боговъ: что̀ у другихъ народовъ ставится въ упрекъ, именно богобоязненность, то у римлянъ служитъ основою государства. Вообще Полибій признаетъ вѣру въ боговъ полезною, какъ средство для обузданія толпы. Если бы государство, думаетъ онъ, состояло изъ однихъ только мудрыхъ, то, можетъ быть, въ ней не было бы нужды; но толпу можно обуздывать только таинственнымъ ужасомъ и трагическими зрѣлищами, и древніе, по мнѣнію Полибія, не безъ намѣренія ввели понятія о богахъ и представленіе о преисподней; нынѣшнее же поколѣніе отвергло ихъ, необдуманно и неблагоразумно. Этимъ объясняетъ онъ отсутствіе честности у грековъ; напр. завѣдующіе общественными деньгами, если имъ ввѣрятъ талантъ, то хотя бы было 10 финансовыхъ секретарей и столько же печатей и вдвое больше свидѣтелей, оправдать довѣрія не могутъ (VI, 56, 6 сл.).

Въ виду всего этого Полибій готовъ, пожалуй, отнестись снисходительно къ нѣкоторымъ историкамъ, разсказывающимъ о чудесахъ и подобныхъ предметахъ, насколько это способствуетъ поддержанію въ толпѣ благочестія, но, по его мнѣнію, тутъ нужно соблюдать мѣру и нельзя позволять того, что̀ превышаетъ мѣру. По поводу нѣкоторыхъ неправдоподобныхъ разсказовъ онъ заявляетъ, что во всемъ своемъ сочиненіи самымъ рѣшительнымъ образомъ возстаетъ противъ такихъ сообщеній и постоянно негодуетъ: ибо всѣ подобные разсказы, выходящіе за

---

[1]) Ср. Scala, 180, 214.

[2]) См. объ этомъ и ниже.

предѣлы не только вѣроятнаго, но даже возможнаго, принадлежатъ, по его словамъ, къ разряду дѣтскихъ сказокъ (XVI, 12). Говоря о переходѣ Аннибала черезъ Альпы, Полибій порицаетъ своихъ предшественниковъ между прочимъ за то, что они вводятъ боговъ и сыновей боговъ въ прагматическую исторію (III, 47, 8). Критикуя Тимея, онъ замѣчаетъ, что его изложеніе полно сновидѣній, чудесъ и невѣроятныхъ басенъ, вообще грубаго суевѣрія и женской страсти къ чудесному (XII, 24). По поводу тщательной подготовки похода Сципіона въ Испанію Полибій говоритъ, что историки все это признаютъ, и однако, когда доходятъ до конца предпріятія, то успѣхъ приписываютъ не человѣку и его предусмотрительности, а богамъ и судьбѣ, и это вопреки не только вѣроятности и свидѣтельству современниковъ, но и утвержденію самого Публія въ письмѣ къ Филиппу (X, 9, 2—3). А по поводу того, какъ Публій достигъ эдильства, Полибій дѣлаетъ такое замѣчаніе: „Тѣ люди, которые по природной ли ограниченности, или невѣжеству, или же наконецъ по нерадѣнію, не въ состояніи постигнуть въ точности всѣхъ обстоятельствъ, причинъ и положеній въ каждомъ дѣлѣ, видятъ въ богахъ и въ судьбѣ виновниковъ того, что̀ совершено благодаря разсчету и предусмотрительности“ (X, 5).

И Полибій въ концѣ своей „Исторіи“ (XXXVII, 4 [9]) нападаетъ на тѣхъ, кто вводитъ судьбу и боговъ при объясненіи частныхъ и общественныхъ перипетій. По его мнѣнію, гдѣ человѣку невозможно или трудно распознать причины, тамъ въ своемъ затрудненіи онъ можетъ сваливать на бога или на судьбу, напр. при физическихъ бѣдствіяхъ или эпидеміяхъ. Въ такихъ случаяхъ мы основательно слѣдуемъ мнѣнію толпы, умилостивляемъ боговъ молитвами и жертвоприношеніями, вопрошаемъ, что̀ намъ говорить и дѣлать, чтобы улучшить положеніе и прекратить бѣдствія. Но гдѣ, напротивъ, можно открыть причину, тамъ не слѣдуетъ привлекать боговъ. Въ поясненіе этого Полибій приводитъ любопытный примѣръ. Въ наше время, говоритъ онъ, во всей Греціи господствуетъ бездѣтность и малолюдство, города опустѣли, настали неурожаи, хотя и нѣтъ постоянныхъ войнъ и эпидемій. Но обращаться въ этомъ случаѣ къ богамъ за совѣтомъ было бы глупо: здѣсь нѣтъ надобности ни въ предсказателяхъ, ни въ чудесныхъ знаменіяхъ, такъ какъ причина зла ясна и средство къ устраненію его въ нашей власти: люди впали въ тщеславіе, любостяжаніе и изнѣженность, не желаютъ вступать въ

бракъ, а если и вступаютъ, то не хотятъ воспитывать дѣтей, съ трудомъ развѣ одного или двухъ, ради того, чтобы оставить ихъ богатыми и воспитать въ роскоши, и вотъ зло незамѣтно быстро выросло...

Личность

Признавая планомѣрность историческаго процесса, отводя очень часто „судьбѣ“ чрезвычайно видную роль, Полибій въ то же время считаетъ личность важнымъ факторомъ. По его мнѣнію, исходъ, напр., военныхъ дѣйствій зависитъ отъ умѣнья или неумѣнья полководца (XI, 14, 2). Говоря о сраженіи при Мантинеѣ (между Филопеменомъ и Маханидомъ), онъ замѣчаетъ: „все вышесказанное произошло не само собой и не случайно, а благодаря предусмотрительности вождя“ (XI, 16, 4). По поводу катастрофы Марка Регула Полибій вспоминаетъ „прекрасныя“, по его мнѣнію, „слова Еврипида: одинъ мудрый совѣтъ побѣждаетъ много рукъ“. Изреченіе это, говоритъ онъ, оправдалось теперь на дѣлѣ. Ибо одинъ человѣкъ (Ксанѳиппъ) и одинъ совѣтъ уничтожили полчища, казавшіяся неодолимыми и храбрыми, подняли государство, повидимому павшее, и удрученный духъ войска (I, 35, 4—5).

Государственное устройство

Но особенно важное значеніе придаетъ Полибій государственному устройству. Успѣхъ римлянъ, ихъ всемірное господство въ значительной мѣрѣ объясняется самыми учрежденіями Римскаго государства. Во всякомъ дѣлѣ, говоритъ Полибій, важнѣйшею причиною исхода какъ въ счастливую сторону, такъ и въ противную, слѣдуетъ считать государственный строй (VI, 59, 4a [VI, 1]).

Полибій разсматриваетъ исторію скорѣе какъ механическій процессъ; невѣсомыя, идеальныя силы онъ какъ-бы игнорируетъ [1]). Зато большое вниманіе обращалъ онъ на природныя условія.

Природныя условія.

Въ географіи Полибій видѣлъ вспомогательную науку, безъ которой остаются неясными причины и ходъ историческихъ событій, въ особенности военныхъ предпріятій. Поэтому мы находимъ у него множество географическихъ свѣдѣній (не всегда, правда, вѣрныхъ) [2]), наблюденій и замѣчаній. Цѣлая книга (34-я) посвящена имъ главнымъ образомъ географіи.

---

[1]) Mommsen. II^7, 452; C. Wachsmuth, 644

[2]) О географическихъ свѣдѣніяхъ Полибія—Berger, Gesch. d. Erdkunde d Griechen; Schmidt. De Polybii geographia. Berl. 1875. Объ ошибкахъ Полибія въ географіи—Budinger, 99—100. Ср. и O. Cuntz, по мнѣнію котораго эти ошибки находятъ себѣ объясненіе въ исторіи возникновенія Полибіева труда: первые отдѣлы его, въ своей основѣ, написаны были историкомъ во

Полибій отмѣчаетъ связь между природой данной мѣстности и населеніемъ Суровость нравовъ, говоритъ онъ, бываетъ слѣдствіемъ холоднаго и угрюмаго климата; „ибо мы, люди, всѣ уподобляемся ему“. Ничѣмъ инымъ, какъ именно этимъ объясняются національныя особенности, различіе въ нравахъ, наружности, цвѣтѣ кожи и въ занятіяхъ (IV, 21, 1—2). Давая географическое описаніе Италіи (II, 14, сл.), Полибій между прочимъ сообщаетъ интересныя свѣдѣнія объ ея плодородіи, о цѣнахъ на хлѣбъ и вообще на жизненные продукты. Выгодами географическаго положенія Тарента онъ объясняетъ его благосостояніе, такъ какъ всякій направляющійся изъ Сицили или Эллады долженъ бросать якорь въ Тарентской гавани, совершать здѣсь обмѣнъ товаровъ и торговыя сдѣлки со всѣми народами этой полосы Италіи (X, 1). По поводу войны Родоса съ Византіей Полибій знакомитъ насъ съ географическимъ положеніемъ послѣдней и особенно подробно говоритъ о Понтѣ (IV, 38 сл.). Имѣя въ виду разсказать объ осадѣ и завоеваніи Новаго Карѳагена (въ Испаніи) Публіемъ Сципіономъ, онъ считаетъ нужнымъ предварительно познакомить читателей съ положеніемъ города и съ его окрестностями (X, 9, 8 сл.). Вообще для ясности и пользы разсказа Полибій признаетъ необходимымъ присоединять описаніе природы и расположенія мѣстности. При изложеніи событій, особенно военныхъ, говоритъ онъ, нельзя этимъ пренебрегать, ибо большую часть сраженій губитъ незнаніе особенностей мѣстности [1]) (V, 21, 6).

„Прагматическая исторія“.

Самъ Полибій называетъ свою „Исторію“ прагматическою (*πραγματικός, πραγματεία*), — терминомъ, который потомъ сталъ такимъ употребительнымъ; но у него прагматическая исторія— это въ сущности исторія политическая и притомъ назидательная, поучительная [2]). По Полибію, есть три рода прагматической исторіи: одинъ состоитъ въ изученіи историческихъ сочиненій и накопленіи извлекаемаго изъ нихъ матеріала, другой состоитъ въ обозрѣніи городовъ и мѣстностей, рѣкъ и гаваней и вообще достопримѣчательностей, третій же имѣетъ дѣло съ политическими дѣяніями, съ событіями. У Полибія преобладающее

время его интерпированія въ Римѣ, когда онъ еще не посѣтилъ лично западныхъ странъ. Указанія на автопсію относятся уже ко времени Гракховъ.

[1]) Мѣсто это понимается нѣкоторыми и иначе: большую часть сраженій дѣлаетъ сбивчивою (непонятною) незнаніе особенностей мѣстности

[2]) Moritz Ritter, Studien uber die Entwickelung der Geschichtswissenschaft (Hist. Zeitschr., N. F., XVIII, 1885), стр. 24; Susemihl, II. 94, прим. 59.

мѣсто занимаютъ войны и внѣшняя политика. Онъ самъ объясняетъ почему. Кто ищетъ въ исторіи развлеченія, говоритъ онъ, того привлекаютъ генеалогіи родовъ, кропотливаго и слишкомъ ученаго занимаютъ основанія колоній, городовъ, родство народовъ; политическаго же дѣятеля привлекаетъ исторія дѣяній народовъ, государствъ и ихъ властителей. На эту сторону Полибій и обратилъ вниманіе, ею одною и ограничился въ своемъ трудѣ. Ибо, поясняетъ онъ, такъ какъ многіе уже писали о генеалогіяхъ и миѳахъ, объ основаніи колоній и городовъ и о сродствѣ народовъ, то пришлось бы или выдавать чужое за свое, или предпринимать безполезный трудъ, повторяя сказанное предшественниками. Прагматическая же исторія избрана имъ во-первыхъ потому, что безпрерывно совершаются новыя событія, о которыхъ древніе не могли сообщать, такъ какъ они совершились уже послѣ нихъ, и во-вторыхъ потому, что этотъ родъ исторіи наиболѣе полезенъ, въ особенности въ наше (т. е. Полибіево) время, когда науки и искусства настолько подвинулись впередъ, что люди любознательные могутъ какъ-бы методически обращаться со всѣмъ случающимся. Вотъ почему онъ, имѣя въ виду не столько забаву, сколько пользу, оставилъ безъ вниманія прочее и обратился къ политической сторонѣ исторіи (IX, 1—2).

Польза исторіи.

Итакъ Полибій въ исторіи ищетъ прежде всего пользы (III, 4; I, 1). Цѣль исторіи, по его мнѣнію,—правдивымъ изложеніемъ дѣлъ и словъ научить и убѣдить любознательныхъ людей (II, 56, 10—12). Если изъять изъ исторіи то, чѣмъ она можетъ быть намъ полезна, то въ ней останется одно безполезное (XII, 25h [25g], 2). Знаніе прошлаго не только прекрасно, но болѣе того — необходимо (III, 31, 4), и Полибій подробно объясняетъ, какую пользу можетъ приносить это знаніе. Нѣтъ лучшаго средства къ исправленію людей. Исторія — самая дѣйствительная и единственная наставница въ жизни (I, 1, 2); изъ предлагаемаго труда, говоритъ Полибій, будетъ видно, какъ велика и разнообразна польза отъ этого рода прагматической исторіи (I, 2. 8).

На основаніи прошлаго весьма легко дѣлать заключенія относительно будущаго (IX, 30, 8; ср. XII, 25f, 2 [25e, 6]). Изъ прошлаго можно почерпнуть полезные уроки: исторія обогащаетъ насъ опытомъ, и напр. люди дѣлаются жертвами обмана потому, что забываютъ о бѣдахъ, раньше постигавшихъ другихъ (V, 75). Есть два способа измѣненія къ лучшему—путемъ собственныхъ испытаній и путемъ чужихъ; первое — дѣйствительнѣе, второе — без-

вреднѣе. И вотъ, самою лучшею школою слѣдуетъ считать опытъ, извлекаемый изъ прагматической исторіи (I, 35, 7—10).

Этою точкою зрѣнія и руководится Полибій въ своемъ изложеніи. Неразъ онъ разсказываетъ о событіяхъ и ихъ подробностяхъ, чтобы „преподать урокъ любознательнымъ читателямъ“ (I, 35), въ поученіе (II, 7, 12), особенно правителямъ (IX, 9, 9) Онъ увѣренъ, что изъ его труда читатель извлечетъ и нѣчто весьма пріятное, и нѣчто весьма полезное; послѣднее, по его мнѣнію, заключается въ знаніи того, какъ и какимъ способомъ политической дѣятельности Римъ достигъ господства надъ всѣми народами. Полибій описываетъ государственныя учрежденія Рима, такъ какъ это принесетъ пользу государственнымъ людямъ въ дѣлѣ усовершенствованія и устроенія государства [1]). Онъ считаетъ входящимъ въ задачу исторіи сохранить въ памяти такіе „эпизоды судьбы“, какъ война римлянъ съ галлами (въ Верхней Италіи), дабы грядущія поколѣнія не теряли мужества при внезапныхъ вторженіяхъ варваровъ (II, 35, 5—6). Изъ примѣра Ахея, сдѣлавшагося жертвою вѣроломства, потомство, по мнѣнію Полибія, извлечетъ двойной весьма полезный урокъ: во-первыхъ,—тотъ, что не слѣдуетъ быть довѣрчивымъ, и, во-вторыхъ,—тотъ, что не слѣдуетъ заноситься въ счастьѣ, помня, что мы — люди и насъ могутъ постигнуть всякія бѣдствія (VIII, 23, 11). Полибій очень подробно говоритъ о сигнальныхъ огняхъ (X, 43—48), такъ какъ свѣдѣнія эти, по его словамъ, составляютъ весьма полезную часть исторіи, и т. д. По поводу битвы при Капнахъ историкъ замѣчаетъ, что побѣдѣ карѳагенянъ болѣе всего способствовала многочисленность ихъ конницы: будущимъ поколѣніямъ этимъ былъ преподанъ урокъ, что выгоднѣе имѣть рѣшительное превосходство въ конницѣ надъ врагомъ (III, 117, 5). Онъ сообщаетъ подробности о разграбленіи Сиракузъ римлянами ради всѣхъ тѣхъ, кому достанется на долю владычество, дабы они, грабя города, не воображали, что чужія страданія могутъ служить украшеніемъ ихъ отечеству (IX, 10, 13).

Вообще у Полибія мы нерѣдко встрѣчаемъ наставленія и сентенціи, напр. о томъ, какъ слѣдуетъ дѣйствовать военачальнику, чтобы избѣгнуть неудачи (V, 98); какъ долженъ полководецъ беречь свою жизнь и не подвергать ея напрасно опасности (X, 32—33); въ чемъ искусство полководца и какія необходимы ему зна-

[1]) Ѳ. Г. Мищенко, стр. V.

нія (IX, 12 сл.). Мессенянамъ и мегалопольцамъ Полибій даетъ совѣтъ жить между собою въ согласіи (IV, 32, 10) и т. под.

Полибію кажется страннымъ, что историки распространяются объ основаніи городовъ, ихъ расположеніи и условіяхъ существованія и въ то же время обходятъ молчаніемъ воспитаніе и наклонности государственныхъ дѣятелей, между тѣмъ какъ это, по его мнѣнію, гораздо полезнѣе (X, 21). Такимъ образомъ изъ требованія отъ исторіи пользы и поучительности вытекаетъ необходимость подробностей относительно воспитанія и характера выдающихся дѣятелей.

Съ другой стороны, исходя изъ той же идеи, Полибій находитъ лишнимъ останавливаться подробно на нѣкоторыхъ эпизодахъ, какъ напр. на катастрофѣ такой личности, какъ Агаѳоклъ[1]), вліятельный совѣтникъ Птолемея Филопатора, сдѣлавшійся жертвою народной расправы, и вообще на потрясающихъ сценахъ, потому что всѣ такія событія возбуждаютъ вниманіе только въ первый моментъ, пространные же разсказы о нихъ или продолжительное зрѣлище ихъ бываютъ не только безполезны, но и тягостны; цѣль чтенія или зрѣлища—двоякая: польза или удовольствіе; излишество при изображеніи потрясающихъ происшествій не достигаетъ ни той, ни другой цѣли (XV, 36).

Правда Но приносить пользу можетъ, конечно, только исторія достовѣрная, правдивая. Возставая противъ Филарха за его страсть къ трагическому и чудовищному, Полибій указываетъ на разницу между трагедіей и исторіей и говоритъ: Историкъ долженъ не потрясать читателей, сочиняя чудесные случаи, не подыскивать словъ, которыя могли бы быть произнесены, и не перечислять всѣхъ побочныхъ обстоятельствъ, какъ это дѣлаютъ сочинители трагедій; онъ долженъ сообщать о дѣйствительныхъ дѣяніяхъ и словахъ, хотя бы они были и обыкновенны. Ибо цѣль исторіи и трагедіи противоположна. Тамъ, въ трагедіи, наиболѣе правдоподобными словами требуется въ данный моментъ потрясти и увлечь слушателей; здѣсь же, въ исторіи, посредствомъ изложенія дѣйствительныхъ событій и словъ требуется на всякое время научить и убѣдить любознательнаго читателя. Тогда какъ тамъ, у трагическаго писателя, господствуетъ правдоподобіе, хотя бы оно было и ложью, съ цѣлью ввести въ обманъ зрителей;

---

[1]) Его, конечно, не слѣдуетъ смѣшивать съ извѣстнымъ сиракузскимъ тираномъ того-же имени.

здѣсь, у историка, господствуетъ истина, для пользы людей любознательныхъ (II, 56, 10—12). Какъ бы оправдываясь въ тѣхъ отзывахъ, которые онъ даетъ о грекахъ, Полибій замѣчаетъ, что тотъ, кто боится откровеннаго слова, не можетъ считаться истиннымъ другомъ, и тотъ не есть хорошій гражданинъ, кто ради временнаго неудовольствія умалчиваетъ истину; ни въ коемъ случаѣ нельзя одобрить историка, который что-либо ставитъ выше истины. Изложеніе происшедшихъ событій, предназначенное для потомства, должно быть чисто отъ партійности, дабы читатель получилъ не минутное удовольствіе, а поученіе для ума, чтобы не впадать въ ошибки (XXXVIII, 1d [6]).

Вообще во многихъ мѣстахъ своего обширнаго труда, въ особенности тамъ, гдѣ онъ критикуетъ Тимея (кн. XII), Полибій высказываетъ свое profession de foi, выражая взглядъ на истину, какъ на необходимую принадлежность исторіи.

Онъ вѣритъ въ могущество истины. „Природа“, говоритъ онъ, „явила людямъ, какъ величайшую богиню, истину и сообщила ей величайшую силу. Ибо когда даже противъ нея борятся всѣ и на сторонѣ лжи вся вѣроятность, истина сама собою, невѣдомо какъ, проникаетъ въ душу людей и то сейчасъ же проявляетъ свою силу, то, оставаясь долгое время затемненной, въ концѣ концовъ сама собою беретъ верхъ и одолѣваетъ ложь“ (XIII, 5, 4—6).

Въ наше время, замѣчаетъ Полибій, въ исторіи, какъ и въ прочихъ искусствахъ и занятіяхъ, правдивое и полезное находится въ пренебреженіи; показное же и наружный блескъ служатъ предметомъ похвалы и подражанія, какъ нѣчто великое и удивительное (XVI, 20, 3—4). Заботиться о хорошемъ изложеніи и слогѣ необходимо, но это не первая и не главная задача историка (XVI, 17, 9—11). Историкъ больше всего долженъ стремиться къ истинѣ (XVI, 20). По Полибію, если исторія уклоняется отъ истины, то она не заслуживаетъ и названія исторіи. Въ историческомъ сочиненіи должна господствовать правда. Какъ живое существо, если отнять у него зрѣніе, становится все ни на что негоднымъ, такъ и отъ исторіи, если отнять отъ нея истину, останется только безполезный разсказъ (I, 14, 6; ср. XII, 12, 3).

Но неправда бываетъ двоякая — невольная, по невѣдѣнію, или преднамѣренная; къ первой слѣдуетъ относиться снисходительно и исправлять ошибки благосклонно, ко второй — съ безпощадною строгостью. Такого отношенія Полибій требуетъ и къ

себѣ: онъ проситъ современниковъ и потомковъ, если они найдутъ въ его сочиненіи преднамѣренную ложь, осудить его безъ всякой пощады, къ ошибкамъ же, сдѣланнымъ по невѣдѣнію, быть снисходительными, особенно принявъ во вниманіе обширность его труда и объемъ его содержанія (XVI, 20, 8—9).

Со стороны историка, по Полибію, необходимо безпристрастіе по отношенію какъ къ врагамъ, такъ и къ друзьямъ. „Въ частной жизни", говоритъ онъ (I, 14, 4), „честный человѣкъ можетъ любить своихъ друзей, свое отечество, ненавидѣть заодно съ друзьями ихъ враговъ. Но если кто берется быть историкомъ, тотъ долженъ забыть обо всемъ этомъ. Ему придется отдавать справедливость, даже воздавать величайшую хвалу, врагамъ, когда этого требуютъ факты, часто порицать и рѣзко обличать самыхъ близкихъ людей, если ихъ ошибки заслуживаютъ этого". Полибій готовъ еще извинить, если историки склоняются въ пользу своего отечества, но онъ не допускаетъ, чтобы они сообщали извѣстія, противорѣчащія фактамъ. Достаточно ужъ ошибокъ, происходящихъ отъ незнанія, которыхъ человѣку трудно избѣгнуть. Если же мы станемъ писать неправду преднамѣренно ради отечества или друзей, то чѣмъ же мы будемъ отличаться отъ тѣхъ, кто этимъ добываетъ себѣ средства къ жизни (XVI, 14, 6—8)? Въ панегирикѣ, какимъ напр. было и его собственное (отдѣльное) произведеніе о Филопеменѣ, Полибій допускаетъ преувеличенія, но сочиненія историческія должны соединить въ себѣ и похвалы, и осужденіе (X, 21, 8).

Рядомъ съ темными сторонами дѣятеля не слѣдуетъ утаивать и его достоинствъ: „Историкъ долженъ сообщать потомкамъ не только то, что̀ служитъ къ опороченію или осужденію, но и то также, что̀ служитъ къ похваламъ; таково свойство исторіи" (XII, 15, 9). Въ ней одинаково почитается за ложь какъ измышленіе, такъ и утаиваніе фактовъ (XII, 15, 11).

Полибій находитъ необходимымъ однихъ и тѣхъ же лицъ разъ хвалить, другой разъ порицать, и въ этомъ, по его мнѣнію, нѣтъ никакого противорѣчія: въ историческомъ повѣствованіи надо отрѣшиться отъ лицъ и имѣть въ виду дѣйствія (I, 14, 7—8; ср. XVI, 28). Сочиненія напр., въ коихъ дѣянія Филиппа V изображаются только въ привлекательномъ видѣ,—„вовсе не историческія; это—скорѣе похвальное слово Филиппу". По Полибію, необходимо, чтобы характеръ каждаго изображаемаго лица оцѣнивался въ разсказѣ по достоинству (VIII, 10). Поэтому Полибій

возмущается грубостью и непристойностью Θеопомпа, слишкомъ ужъ распространяющагося о порокахъ другаго Филиппа, побѣдителя при Херонеѣ, отца Александра (VIII, 12).

Если мы примемъ во вниманіе всѣ эти взгляды Полибія, то поймемъ его затрудненія и нерѣшительность, когда ему приходится говорить о тайныхъ переговорахъ между Персеемъ и Евменомъ (XXIX, 1b [XXIX, V, 5]): съ одной стороны, подробно писать о такихъ вещахъ ему кажется рискованнымъ; съ другой—, по его мнѣнію, было бы величайшимъ нерадѣніемъ и недостаткомъ мужества обойти молчаніемъ то, что́ было наиболѣе существеннымъ въ той войнѣ и въ чемъ находили себѣ объясненіе многія изъ послѣдующихъ событій, возбуждающихъ недоумѣніе. Въ концѣ концовъ онъ рѣшается высказать въ общихъ чертахъ свое мнѣніе и на основаніи какихъ соображеній и признаковъ онъ пришелъ къ нему, въ виду того, что онъ жилъ въ то время и. пораженный удивленіемъ, болѣе, чѣмъ кто-либо другой, слѣдилъ за каждымъ событіемъ.

Понятно также, что Полибій былъ противъ риторики и риторическаго направленія, господствовавшаго передъ тѣмъ въ греческой исторіографіи, противъ частыхъ, совершенно вымышленныхъ рѣчей. Нападая на Тимея, онъ между прочимъ напоминалъ объ извѣстномъ чувствѣ мѣры. Кто обходитъ молчаніемъ дѣйствительно произнесенныя слова и причины событій, а вмѣсто того даетъ вымышленныя школьныя упражненія и пространныя рѣчи, тотъ, по мнѣнію Полибія, уничтожаетъ самое существо исторіи (XII, 25b). *Рѣчи.*

Но Полибій не отвергаетъ совершенно употребленія рѣчей въ историческомъ сочиненіи; онъ лишь полагаетъ, что подобно тому, какъ государственному дѣятелю не пристало при всякомъ обсужденіи пускаться въ пространныя рѣчи, а слѣдуетъ говорить лишь столько, сколько требуетъ данный моментъ, такъ и историкъ не долженъ упражняться въ краснорѣчіи предъ читателями и выставлять на показъ свое искусство, а долженъ ограничиваться возможно точнымъ сообщеніемъ лишь дѣйствительно сказаннаго, да и то только наиболѣе существеннаго и наиболѣе полезнаго (XXXVI, 1).

У Полибія поэтому мы видимъ умѣренное употребленіе рѣчей [1]); нерѣдко онъ ограничивается краткой передачей общаго

[1]) С. П. Шестаковъ, Краснорѣчіе у древнихъ грековъ въ его вліяніи на ихъ историческую литературу. Казань. 1901, стр. 73 сл.

смысла и содержанія ихъ. Вообще у него преобладаютъ рѣчи косвенныя; а прямыя большею частью приводятся на основаніи слышаннаго имъ и даже на основаніи документовъ и письменнаго изложенія [1]). Рѣчи, влагаемыя Полибіемъ въ уста представителямъ тогдашнихъ греческихъ союзовъ, являются вѣрнымъ отголоскомъ одушевлявшихъ ихъ идей и чувствъ [2]). Но есть рѣчи и далеко не подлинныя; таковы длинныя рѣчи акарнанца Ликиска и этолійца Хленея (IX кн.): онѣ содержатъ оцѣнку, съ противоположныхъ точекъ зрѣнія, политики по отношенію къ грекамъ македонскихъ царей, начиная съ Филиппа и Александра Вел. [3]).

Важность причинъ. Изъ убѣжденія въ поучительности исторіи должно было вытекать и признаніе важности причинъ событій.

Развивая мысль о пользѣ исторіи, Полибій указываетъ на то, что надо заботиться объ изложеніи не столько самыхъ дѣяній, сколько того, что̀ имъ предшествовало, что̀ было одновременно и что̀ слѣдовало за ними; ибо если у исторіи отнять объясненіе почему, какъ и ради чего что-либо было совершено и имѣло ли совершенное соотвѣтствующій намѣренію результатъ, то отъ исторіи останется одна забава, а не наука: временное удовольствіе это доставляетъ, но для будущаго никакой пользы не приноситъ (III, 31, 11—13). По мнѣнію Полибія, самыя необходимыя части въ исторіи — это послѣдствія событій, то, что̀ событіямъ сопутствуетъ, а въ особенности—причины (III, 32, 6). Важнѣе всего понять причины, по которымъ каждое событіе происходитъ и развивается (XXII, 22b, 1 [XXII, 8, 6]).

Эту мысль Полибій повторяетъ и развиваетъ много разъ.

Необходимо, говоритъ онъ, объяснять причины, происхожденіе превратностей судьбы, ибо окончательная оцѣнка зависитъ не отъ дѣяній, а отъ причинъ и намѣреній дѣйствующихъ лицъ (II, 56, 16). Голый разсказъ о случившемся скорѣе забавляетъ читателя, чѣмъ приноситъ пользу. Чтеніе исторіи становится по-

---

[1]) M. Budinger (стр. 58) говоритъ, что произнесенныя при переговорахъ Филиппа V, Фламинина и ихъ союзниковъ (197 г.) рѣчи („alle gehaltenen Reden“) всѣ были въ письменномъ видѣ вручены подъ конецъ македонскому царю; но рѣчи представителей ахеянъ и этолійцевъ произнесены не были, за позднимъ временемъ, и у Полибія (XVII [XVIII], 7, 7) говорится о письменномъ изложеніи не рѣчей, а требованій или условій.

[2]) С. П. Шестаковъ, стр 80.

[3]) С П. Шестаковъ, стр. 81—82. Подробности о рѣчахъ у Полибія—у него-же

лезнымъ только тогда, когда въ ней выяснены и причины событій. Сближая положенія, подобныя нашимъ собственнымъ, мы получаемъ опору и указанія относительно будущаго, можемъ взять прошлое за образецъ и мужественнѣе встрѣчать опасность (XII, 25b). Всѣ мы желаемъ знать не столько, что̀ произошло, сколько—, ка̀къ оно происходило (V, 21, 6).

Поэтому высшимъ достоинствомъ своей „Исторіи“ Полибій признаетъ то, что изъ нея можно узнать и понять, какимъ образомъ и благодаря какому государственному устройству римляне въ теченіе неполныхъ 53 лѣтъ покорили почти весь міръ (VI, 1a, 3). Какую пользу можетъ извлечь читатель изъ разсказовъ о войнахъ, битвахъ, о покоренiяхъ и осадахъ городовъ, спрашиваетъ Полибій, если при этомъ не уясняетъ себѣ причины, по которой въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ одна сторона выигрывала дѣло, а другая теряла (XI, въ концѣ [XI, 19])? Какая польза больному отъ врача, который не знаетъ причины болѣзни? какая польза отъ государственнаго дѣятеля, который не въ силахъ сообразить, какимъ образомъ, почему и откуда возникли событія? Какъ врачъ не примѣнитъ надлежащаго лѣченія, если онъ не знаетъ причины болѣзни, такъ и государственный человѣкъ будетъ безсиленъ, если онъ не умѣетъ опредѣлить причины событій. Поэтому ничѣмъ не надо такъ дорожить, какъ знаніемъ причины каждаго факта. Ибо часто изъ ничтожныхъ случайностей происходятъ очень важныя событія и во всякомъ дѣлѣ легче справиться съ первыми приступами и проявленіями (III, 7, 7).

Мы видѣли, что Полибій судьбѣ придавалъ большое значеніе Но причину онъ ставитъ иногда еще выше. Я приводилъ уже его слова, когда онъ на вопросъ, почему пелопоннесцы примкнули вдругъ къ Ахейскому союзу, отвѣчаетъ, что говорить здѣсь о судьбѣ было бы нелѣпо; скорѣе слѣдуетъ, замѣчаетъ онъ, поискать причину; ибо безъ нея, добавляетъ онъ, ничто не можетъ совершиться (II, 38, 5). И Полибій какъ въ этомъ случаѣ, такъ и въ другихъ, старается доискаться причины. Но излагать причины, говоритъ онъ по поводу Тимея, — дѣло трудное, — болѣе трудное, нежели сочинять рѣчи (XII, 25n [i]).

Онъ жалуется, что большинство историковъ имѣютъ очень сбивчивое понятіе о причинахъ: они не понимаютъ, чѣмъ поводъ и начало разнится отъ причины (XXII, 8, 6). Напротивъ, Полибій различаетъ эти понятія, подробно останавливается на выясненіи ихъ и возражаетъ тѣмъ, кто не понимаетъ, что причина

занимаетъ первое мѣсто, а начало—лишь третье (III, 6 сл.). Свое опредѣленіе этихъ понятій Полибій поясняетъ примѣромъ. Такъ, причиной войны Александра Македонскаго съ персами, по его мнѣнію, было возвращеніе эллиновъ съ Ксенофонтомъ во главѣ и походъ Агесилая, обнаружившіе слабость варваровъ, предлогомъ служило желаніе Филиппа будто бы отмстить персамъ за нанесенныя нѣкогда эллинамъ обиды, а началомъ—переходъ Александра Македонскаго въ Азію.

Требованія отъ историковъ.

Изъ воззрѣнія на исторію, какъ на наставницу жизни, вытекаетъ необходимость и той подготовки, какую требуетъ Полибій отъ историковъ. Свой взглядъ на этотъ счетъ онъ высказываетъ главнымъ образомъ по поводу Тимея (кн. XII). Тимей, говоритъ Полибій, перечитавъ труды предшественниковъ, вообразилъ, что онъ имѣетъ всѣ данныя для того, чтобы быть историкомъ. Но, по мнѣнію Полибія, одной книжной, кабинетной учености для этого недостаточно и перечитать предшествующихъ историковъ еще не значитъ самому сдѣлаться историкомъ (XII, 25d сл.).

На эту тему Полибій говоритъ подробно. Онъ считаетъ лишнимъ распространяться о тѣхъ, которые берутся за писаніе политической исторіи, соблазняемые славою или выгодами, и не привносятъ ничего честнаго, а только легкомысліе, наглость и обманъ. Но нѣкоторые приступаютъ къ занятіямъ исторіей серьезно и, проработавъ въ библіотекахъ и вообще усвоивъ изъ книгъ массу свѣдѣній, воображаютъ, что они способны справиться съ своею задачей, да и постороннимъ кажется, что они достаточно подготовлены. Но книжная подготовка—это только одна сторона Конечно, очень полезно заглядывать въ прежнія сочиненія, чтобы знать воззрѣнія древнихъ и ихъ представленія о нѣкоторыхъ странахъ, народахъ, государственныхъ устройствахъ и дѣяніяхъ, а также, чтобы познакомиться съ превратностями и судьбою отдѣльныхъ государствъ, ибо это помогаетъ намъ судить о будущемъ. Но было бы, по мнѣнію Полибія, совершенною наивностью, опираясь на такое знаніе, воображать, что способенъ прекрасно описать и послѣдующія событія. Это похоже на то, какъ если бы кто-нибудь, осмотрѣвъ произведенія старинныхъ живописцевъ, счелъ бы себя способнымъ художникомъ и мастеромъ въ искусствѣ.

Свои замѣчанія Полибій подкрѣпляетъ рядомъ примѣровъ и затѣмъ продолжаетъ развивать свою мысль. Не можетъ прекрасно писать о военныхъ событіяхъ, кто не имѣетъ никакой опытности въ военныхъ дѣлахъ, или о государственныхъ дѣлахъ,

кто не искушенъ опытомъ въ этихъ дѣлахъ, и такъ какъ буквоѣдами ничто не можетъ быть написано съ знаніемъ дѣла или живо, то такая исторія безполезна читателямъ. Тимей напоминаетъ Полибію тѣхъ живописцевъ, которые пишутъ свои картины съ набитыхъ чучелъ: внѣшнія очертанія сохраняются, но недостаетъ жизни и силы; такъ бываетъ и у тѣхъ, кто полагается на одну книжную ученость: ихъ описаніямъ недостаетъ наглядности, которая пріобрѣтается только собственнымъ опытомъ.

Усердное книжное изученіе составляетъ, по Полибію, лишь третью часть труда и занимаетъ третье мѣсто (XII, 25m, 1 [i 2]). Черпать свѣдѣнія изъ книгъ можно безъ опасности и безъ всякихъ неудобствъ; для этого нужно только избрать городъ, богатый книгами, или библіотеку гдѣ-нибудь по-сосѣдству, затѣмъ—прилечь и отыскивать искомое, сличать ошибки предшествующихъ историковъ, безъ всякихъ хлопотъ. Изслѣдованіе же на основаніи собственныхъ наблюденій требуетъ многихъ трудовъ и издержекъ; зато оно и даетъ многое и составляетъ самую важную часть исторіи (XII, 27, 4—6) Полибій признаетъ громадную разницу между извѣстіями, основанными на собственномъ опытѣ, и извѣстіями, основанными на слухахъ и чужомъ изложеніи; эта разница больше, чѣмъ какая существуетъ между настоящимъ зданіемъ и театральными декораціями (XII, 28a, 5 [6]).

Такимъ образомъ Полибій требовалъ отъ историка собственнаго, личнаго опыта, опытнаго знанія военныхъ и государственныхъ дѣлъ. По его мнѣнію, дѣло съ исторіей будетъ обстоять хорошо только тогда, когда примутся писать ее опытные въ государственныхъ дѣлахъ люди, и не мимоходомъ, какъ теперь, а, считая это необходимѣйшимъ и прекраснѣйшимъ дѣломъ, посвятятъ себя ему, не отвлекаясь ничѣмъ, на всю жизнь, или когда тѣ, кто рѣшается писать исторію, будутъ признавать обладаніе собственнымъ опытомъ въ дѣлахъ необходимымъ условіемъ для историка. А до тѣхъ поръ не прекратится невѣжество историографовъ (XII, 28, 3—5).

Таковы взгляды Полибія на историческій процессъ, на исторію, ея задачи и требованія. Многія изъ его замѣчаній могутъ показаться теперь, пожалуй, тривіальными, — старыми, избитыми истинами; но вспомнимъ, что Полибій писалъ назадъ тому болѣе 2000 лѣтъ. Съ этой точки зрѣнія, я думаю, его взгляды представляютъ глубокій интересъ: немало въ нихъ такого, отъ чего не откажется и историческая наука начала XX в. и что̀ сохра-

нило свое значеніе и по настоящую пору. Мало того: приходится сознаться, что сравнительно съ промежуткомъ времени, отдѣляющимъ насъ отъ Полибія, мы, историки, не такъ далеко ушли впередъ, какъ бы можно было ожидать.

Сужденія о предшественникахъ

Свои взгляды и замѣчанія Полибій высказываетъ преимущественно по поводу Тимея, котораго онъ подвергаетъ подробной и суровой, чтобы не сказать придирчивой, критикѣ. Этому онъ посвящаетъ почти всю XII книгу. Между прочимъ Полибій порицаетъ Тимея за его строгость къ Аристотелю; извѣстія послѣдняго о Локрахъ (служащія предметомъ спора) кажутся ему болѣе правдоподобными; но если бы Тимей былъ даже и правъ, то и тогда онъ не долженъ былъ бы подвергать другаго писателя оскорбленію и хулѣ (XII, 7). Злобный и безпощадный порицатель по отношенію къ другимъ, Тимей, говоритъ Полибій, заслуживаетъ подобнаго же безпощаднаго осужденія (XII, 11).

У Полибія мы встрѣчаемъ сужденія и о другихъ греческихъ историкахъ. Онъ подвергаетъ разбору извѣстія Каллисѳена, касающіяся Александра Македонскаго. Онъ строго критикуетъ не только Тимея, но и Ѳеопомпа, Филарха, двухъ современныхъ ему историковъ Родоса — Зенона и Антисѳена. По поводу послѣднихъ Полибій между прочимъ разсказываетъ, какъ онъ обратился къ Зенону съ письмомъ, въ которомъ указывалъ на сдѣланную имъ ошибку касательно топографіи Пелопоннеса; тотъ глубоко сожалѣлъ, что не можетъ исправить ее, такъ какъ уже издалъ свой трудъ, и сердечно благодарилъ Полибія за участіе и указаніе (XVI, 20, 5 сл.).

Говоря вообще, къ своимъ предшественникамъ и современнымъ ему историкамъ Полибій относился очень строго. Мы видѣли однако, что и къ себѣ онъ требовалъ безпощадной строгости, если у него окажутся сознательныя ошибки.

Но, говоря словами Полибія же, легко осуждать ближнихъ,— трудно самому оказаться непогрѣшимымъ (XII, 25c, 4—5). Посмотримъ же, насколько онъ самъ удовлетворялъ тѣмъ требованіямъ, которыя онъ предъявлялъ историкамъ.

Подготовка, личный опытъ и источники Полибія.

Полибій, несомнѣнно, обладалъ тѣмъ личнымъ опытомъ, который, по его мнѣнію, былъ такъ необходимъ историку: онъ зналъ на практикѣ государственное и военное дѣло. Онъ, движимый любознательностью и желаніемъ пріобрѣсти точныя свѣдѣнія, предпринималъ далекія путешествія и на мѣстѣ знакомился съ театромъ военныхъ дѣйствій, тѣмъ болѣе, что, какъ онъ самъ за-

являетъ, его время благопріятствовало такимъ точнымъ изысканіямъ, ибо, благодаря объединенію міра подъ властью Рима, всѣ моря и земли сдѣлались доступны. Полибій считаетъ уже неприличнымъ ссылаться на поэтовъ и миѳографовъ, какъ на свидѣтелей невѣдомаго, и отступаетъ отъ обыкновенія своихъ предшественниковъ, которые, говоря словами Гераклита, приводили ненадежныхъ свидѣтелей въ подтвержденіе сомнительныхъ извѣстій (IV, 40, 2—3).

Далѣе, большинство описываемыхъ Полибіемъ событій совершилось или въ его время, или во времена отцовъ, такъ-что или онъ самъ былъ свидѣтелемъ ихъ, или узнавалъ отъ очевидцевъ (IV, 2, 1—2). Но, какъ онъ самъ заявляетъ, онъ былъ не только самоочевидцемъ излагаемыхъ событій, но нерѣдко и участникомъ и даже руководителемъ ихъ (III, 4, 13). Полибій жилъ долгое время въ Римѣ, гдѣ сходились нити тогдашней міровой политики, и былъ близокъ съ наиболѣе вліятельными и выдающимися дѣятелями той эпохи.

Такимъ образомъ Полибій, безъ сомнѣнія, могъ хорошо знать многое.

Но онъ не ограничивался личными наблюденіями и устными сообщеніями современниковъ [1]). Онъ обращался и къ инымъ источникамъ. Особенно заслуживаетъ вниманія отношеніе Полибія къ документальному или архивному матеріалу. Полибій пользуется напр. договорами, протоколами, донесеніями или отчетами, оффиціальными постановленіями, письмами и т. под. документами изъ различныхъ архивовъ — римскаго, ахейскаго, родосскаго, македонскаго [2]). Какъ извѣстно, онъ приводитъ договоръ римлянъ съ карѳагенянами. Онъ нашелъ перечень Аннибаловыхъ войскъ въ надписи на мѣдной доскѣ въ Лациніи и воспользовался имъ (III, 33, 18); онъ ссылается на письма Сципіона (X, 9, 3). Опровергая показаніе родосскихъ историковъ, уже раньше упомянутыхъ

---

[1]) Съ точностью опредѣлить свидѣтелей Полибія едва-ли можно: Скала предполагаетъ, что этолійскимъ источникомъ Полибія служили сообщенія Никандра изъ Трихонія (стр. 275—6), пергамскимъ—о переговорахъ Евмена съ Персеемъ, о разсчетахъ перваго и т. д.—врачъ Стратій, бывшій посломъ Евмена въ Римѣ (стр. 277—8), что разсказъ о нѣкоторыхъ подробностяхъ послѣдующей борьбы грековъ, во времена Критолая и Діэя, принадлежитъ другому Стратію (изъ Тритэи), ахейцу, который былъ интернированъ въ Римѣ. Но все это—однѣ догадки.

[2]) C. Wachsmuth, 641—2.

Зенона и Антисѳена, приписывающихъ родосцамъ побѣду при Ладѣ, Полибій ссылается на то, что въ пританеѣ хранится еще письмо объ этомъ событіи, отправленное наварxомъ совѣту и пританамъ и подтверждающее слова не Зенона и Антисѳена, а его, Полибія (XVI, 15, 8).

Полибій пользовался и историческими сочиненіями.

Въ первыхъ книгахъ, трактующихъ о событіяхъ, предшествовавшихъ его времени, Полибій пользовался напр. Филархомъ, съ которымъ расходится и довольно рѣзко полемизируетъ, и въ особенности Аратомъ (см. выше, стр. 223), котораго онъ, по собственному сознанію (II, 56 сл.), главнымъ образомъ и придерживается въ исторіи Ахейскаго союза и Клеомена и отъ котораго, слѣдовательно, находится въ зависимости: его точку зрѣнія онъ раздѣляетъ, его извѣстія признаетъ правдивыми и достовѣрными (хотя и считаетъ само собою понятнымъ (II, 47, 11), что Аратъ сообщаетъ не о всѣхъ своихъ поступкахъ); да и главную часть своего труда Полибій начинаетъ именно съ того момента, на которомъ останавливается Аратъ. Источникомъ по исторіи Египта во время Птолемея Филопатора, Полибію, можетъ быть, служилъ его соотечественникъ—Птолемей изъ Мегалополя [1])

Полибій пользовался и болѣе ранними историками—Ѳеопомпомъ, Эфоромъ, Тимеемъ; ссылается также на Каллисѳена. Но пользовался ли онъ еще болѣе старинными историками — Геродотомъ, Ѳукидидомъ, Ксенофонтомъ, это не совсѣмъ ясно. Имени Геродота самъ Полибій не упоминаетъ; а изъ нѣкоторыхъ его географическихъ сообщеній и замѣчаній, повидимому, слѣдуетъ заключить, что ему совершенно незнакомы были свѣдѣнія Геродота, равно какъ и Гекатея [2]). Ѳукидида и Ксенофонта Полибій называетъ, но ихъ трудовъ самъ онъ не читалъ или читалъ давно, поверхностно и невнимательно [3]). Болѣе основательно освѣдомленъ онъ былъ вообще въ современной исторіи, составлявшей его главную тему; предшествующую онъ глубоко не изучалъ [4]).

Знакомство Полибія съ Платономъ и съ Аристотелемъ, на которыхъ у него имѣются ссылки, возможно и даже вѣроятно.

---

[1]) Scala, стр 259 сл.; ср. А. И Покровскій, Ж. М. Н. Пр., 1891, іюль.

[2]) Max Büdinger, 98.

[3]) По отношенію къ Ксенофонту такъ можно заключить изъ замѣчаній Полибія о Лаконскомъ строѣ, а по отношенію къ Ѳукидиду — изъ общихъ замѣчаній объ исторіи.

[4]) Niese, Gött. gel. Anz., 1890, стр. 893; M. Budinger, стр. 91—93.

Онъ защищаетъ свидѣтельство Аристотеля въ „Политіяхъ“ относительно Локровъ противъ нападокъ Тимея; слѣды вліянія Аристотелева ученія о государствѣ замѣтны, особенно въ VI кн. [1]). Но все-таки существуетъ предположеніе, что Полибій непосредственно не пользовался Платономъ и Аристотелемъ и что между нимъ и этими послѣдними былъ какой-либо посредствующій источникъ. Можно отмѣтить вліяніе на Полибія перипатетика Димитрія Фалерскаго, преимущественно во взглядахъ на судьбу [2]), хотя и относительно этого мнѣнія не вполнѣ согласны [3]).

Вліяніе стои

Зато сильное вліяніе на Полибія стоической школы ужъ несомнѣнно. Въ особенности нужно сказать о вліяніи Панэтія [4]), друга Лелія и Сципіона, извѣстнаго философа-стоика изъ Родоса, поклонника Платона, въ своемъ государственномъ ученіи немало черпавшаго изъ „Политики“ Аристотеля [5]). Больше всего вліяніе это обнаруживается въ VI кн. Полибія, гдѣ излагается ученіе о государствѣ и о формахъ правленія. Главнымъ источникомъ для Полибія служило здѣсь ученіе стоиковъ; по крайней мѣрѣ, трудно допустить, чтобы сходство было случайное и чтобы практическій государственный дѣятель и солдатъ, каковымъ въ сущности былъ Полибій, былъ совершенно самостоятеленъ въ этой части своего труда, гдѣ обнаруживается обширное философское образованіе и гдѣ мысли Платона и Аристотеля встрѣчаются въ свободной переработкѣ. Да и все міровоззрѣніе Полибія, нѣкоторый его космополитизмъ, взгляды на международное право,—все это близко подходитъ къ воззрѣніямъ стоиковъ. Сходство обнаруживается и въ частностяхъ. И если Полибій нападаетъ на тѣхъ, кто пишетъ о снахъ, то и это въ духѣ стоиковъ или, по крайней мѣрѣ, Панэтія. Наконецъ и взглядъ на роль судьбы въ историческомъ процессѣ тоже сближаетъ Полибія со стоическою школою, съ тою

---

[1]) Chodniček, Die politischen Ansichten d. Polyb im Zusammenhange mit Plato und Aristoteles. Wien. 1877 (Progr).

[2]) Scala, стр. 153 сл.

[3]) А. И. Покровскій, находящій и сближеніе Полибія съ Псевдо-Гипподамомъ у Скалы тоже крайне искусственнымъ.

[4]) Еще Creuzer, Die histor. Kunst d. Griechen, указывалъ на сходство воззрѣній Полибія и стоической школы. Еще болѣе подтвердилъ это Hirzel, Untersuchungen zu Cicero's philosophischen Schriften. Leipz. 1882, а также—v. Scala (напр. стр. 87, 201, 214, 246, 250, 253).

[5]) Susemihl, II, 73 сл.

разницею, что стоики говорятъ о *πρόνοια*, а Полибій, подобно Димитрію Фалерскому.—о *τύχη* [1]).

Съ ученіемъ стоиковъ Полибій познакомился, повидимому, уже въ Римѣ и не столько, вѣроятно, по ихъ сочиненіямъ [2]), сколько инымъ путемъ: въ кружкѣ Сципіона онъ встрѣтился съ упомянутымъ выше Панэтіемъ, изъ бесѣдъ съ которымъ онъ и могъ ознакомиться съ идеями стоиковъ и усвоить ихъ.

Мы вкратцѣ обозрѣли источники Полибія; особенно начитаннымъ едва ли онъ былъ; это не кабинетный ученый, а больше практикъ, военный и дипломатъ. Тѣмъ не менѣе мы можемъ повторить, что о тѣхъ событіяхъ, о которыхъ пишетъ, онъ могъ знать правду. Но спрашивается, насколько онъ былъ правдивъ и безпристрастенъ?

Безпристрастіе Полибія.

Восхваляя римлянъ, Полибій воздаетъ должное ихъ врагу, Аннибалу, а по поводу его пораженія при Замѣ замѣчаетъ: Аннибалъ сдѣлалъ все, что только долженъ былъ сдѣлать доблестный вождь (XV, 15, 4), и если, дотолѣ непобѣдимый, онъ, не смотря на это, былъ теперь пораженъ, то его нельзя осуждать (XV, 16, 5). Вообще, по Полибію, нужно высоко цѣнить благоразумную рѣшимость, рѣдкую проницательность и благородный образъ мыслей, безразлично, удалось ли предпріятіе или нѣтъ, лишь бы оно велено было разумно (IX, 9, 10).

Но для насъ въ данномъ случаѣ важнѣе отношеніе Полибія къ греческимъ событіямъ и дѣятелямъ.

Не смотря на преклоненіе предъ Римомъ, на признаніе исторической необходимости и благотворности такого факта, какъ подчиненіе ему міра, Полибій съ печалью и состраданіемъ говоритъ о несчастіяхъ эллиновъ, о покореніи ихъ римлянами. Это—какъ-бы „Плачъ“ надъ Элладой-рабой [3]) (XXXVIII кн., начало [3 сл.]).

Симпатіи Полибія на сторонѣ Ахейскаго союза и его стратега, Арата. Это такъ очевидно, что не нуждается въ подробныхъ доказательствахъ. Въ Ахейской федераціи Полибій видитъ осуществленіе равноправія, свободы, истинной демократіи, и этимъ объясняетъ распространеніе союза (II, 38). Онъ защищаетъ образъ дѣйствій ахеянъ и Арата противъ Филарха и напр. по поводу казни нѣкоего Аристомаха замѣчаетъ, что такого человѣка слѣ-

---

[1]) v. Scala, l. c.

[2]) А. И. Покровскій, Ж. М. Н. Пр., 1891, іюль, стр. 201—202.

[3]) С. П. Шестаковъ, стр. 80.

довало казнить не въ Кенхреяхъ и не ночью, какъ передаетъ Филархъ, а водить по всему Пелопоннесу, пытать въ примѣръ другимъ и затѣмъ лишить жизни (II, 60). И тѣмъ не менѣе Полибій не скрываетъ того, что ахейцы потерпѣли три раза пораженіе отъ Клеомена, что они пришли въ страхъ и города одинъ за другимъ стали переходить на сторону спартанскаго царя (II, 51, 3, 4; 52, 1), что ахейцы одно время оказывались нерадивыми въ военныхъ упражненіяхъ (IV, 7, 6) или что роскошь и расточительность распространились въ ихъ средѣ (XI, 8, 4); говоритъ о дурномъ веденіи дѣлъ ахейскими вождями, неразуміе которыхъ „не можетъ быть превзойдено“ (IV, 11, 1), и о неспособности стратеговъ, подобныхъ Эпарату (V, 30) и Евримедонту (X. 21, 1), и пр.

Аратъ, „Записокъ“ котораго Полибій, какъ было упомянуто, придерживается въ своемъ изложеніи, по его словамъ—во всѣхъ отношеніяхъ совершенный государственный дѣятель (IV, 8, 1); но Полибій не закрываетъ глаза на его недостатки. Онъ говоритъ, что Аратъ проявлялъ изобрѣтательность при взятіи городовъ, но въ открытомъ полѣ онъ оказывался вялымъ въ замыслахъ, несмѣлымъ въ предпріятіяхъ и неспособнымъ устоять предъ лицомъ опасности (IV, 8, 5); во всѣхъ начинаніяхъ обнаруживалъ онъ недостатокъ рѣшимости и смѣлости (IV, 60, 7). И по словамъ Полибія, такое сочетаніе казалось бы противоположныхъ свойствъ наблюдается въ дѣйствительности очень часто. Свой планъ союза съ македонскимъ царемъ Аратъ осуществилъ тайно, стараясь скрыть его; поэтому и въ своихъ „Запискахъ“, говоритъ Полибій, онъ разсказываетъ не все относящееся къ этому дѣлу (II, 47, 10—11). Полибій вообще не скрываетъ явныхъ промаховъ и ошибокъ Арата (IV, 14, 1; 19, 11—12) и признаетъ, что отвѣтственность за раздоры въ Ахейскомъ союзѣ падаетъ на него (IV, 60, 7).

Слѣдовательно, при всемъ расположеніи къ Ахейскому союзу и къ Арату Полибій не умалчиваетъ объ ихъ недостаткахъ и слабыхъ сторонахъ. „Все, что̀ можно замѣтить“, справедливо говоритъ русскій изслѣдователь „Политической реформы и соціальнаго движенія въ древней Греціи въ періодъ ея упадка“ [1]),—„это тѣ легкіе оттѣнки, тотъ болѣе теплый или менѣе холодный тонъ рѣчи, то безсознательное стремленіе болѣе выставить свѣтлую сторону, короче, все то, что̀ обличаетъ человѣка и писателя неравнодушнаго и непосторонняго предмету“.

---

[1]) В. Г. Васильевскій, стр. 44.

Полибій не на сторонѣ Спарты того времени. Законы Ликурга, правда, онъ восхваляетъ, но онъ отличаетъ позднѣйшее поведеніе спартанцевъ по отношенію къ остальнымъ эллинамъ, ихъ честолюбіе, жажду власти, алчность, ихъ поступки съ ѳиванцами и мантинейцами. Полибій далеко не сочувствуетъ Клеомену и не одобряетъ его дѣйствій и его стремленій. Но онъ не повторяетъ неосновательныхъ обвиненій, которыя взводила на спартанскаго царя народная молва и о которыхъ мы узнаемъ отъ другихъ писателей [1]). Полибій признаетъ, что при Селласіи Клеоменъ ничего не упустилъ, что онъ всюду готовъ былъ встрѣтить врага и что въ лицѣ Клеомена и Антигона судьба свела двухъ вождей равно даровитыхъ (II, 65—66). А по поводу смерти Клеомена такъ отзывается о немъ: „Такъ кончилъ жизнь Клеоменъ, — человѣкъ, ловкій въ обращеніи, способный къ веденію государственныхъ дѣлъ, словомъ—вождь и царь по природѣ“ (V. 39, 6).

Къ этолянамъ Полибій особенно строгъ. Онъ изображаетъ ихъ въ самомъ дурномъ свѣтѣ, постоянно выставляя ихъ „врожденную“ нечестность, алчность, жестокость (напр. II, 45) Но въ этомъ отношеніи Полибій стоитъ не одиноко: еще раньше его въ Аѳинахъ пѣли, что грабежъ и хищничество—постоянное занятіе этолянъ. Съ Полибіемъ въ данномъ случаѣ сходится и Плутархъ.

Говоря вообще, мы можемъ вполнѣ присоединиться къ отзыву В. Г. Васильевскаго, что, безспорно, „политическія убѣжденія и взгляды Полибія имѣли вліяніе на изложеніе и представленіе въ его исторіи; но нѣтъ также сомнѣнія, что за Полибіемъ всегда долженъ остаться эпитетъ самаго совѣстливаго писателя древности“ [2]). Недаромъ этотъ историкъ — добавимъ отъ себя — такъ высоко ставилъ правду и говорилъ, что „нѣтъ свидѣтеля болѣе страшнаго, нѣтъ обвинителя болѣе ужаснаго, какъ совѣсть, живущая въ душѣ каждаго“ (XVIII. 26, 13 [43, 13]).

Но Полибій не былъ такъ объективенъ и такъ сдержанъ въ своихъ личныхъ сужденіяхъ, какъ Ѳукидидъ, и открыто высказывалъ свои мнѣнія и чувства. Одну войну (напр. Союзническую, IV, 26) онъ называлъ справедливою, другую — несправедливою. Онъ подробно распространяется о поведеніи Филиппа V, предавшаго Ѳермъ (въ Этоліи) разоренію, и не одобряетъ его не-

---

[1]) Напр. будто бы Клеоменъ отравилъ Евридамида, сына Агиса. Объ этомъ обвиненіи упоминаетъ Павсаній.

[2]) Полит. реф. и соц. движ. въ древн. Греціи, стр. 46.

истовствъ и кощунства. По поводу избранія Скопаса въ стратеги Этолійскаго союза Полибій „не знаетъ, что́ и сказать“: такой поступокъ кажется ему верхомъ коварства, „ибо какъ иначе назвать такія гадости“ *(κακίας)?* Вспоминая о поведеніи спартанцевъ по отношенію къ Ѳивамъ и къ Мантинеѣ, онъ замѣчаетъ: „Глупо и вмѣстѣ подло думать, что если самъ закроешь глаза, то и окружающіе ничего не видятъ“. Какъ спартанцы упомянутымъ поведеніемъ, такъ и этоляне (избраніемъ Скопаса въ стратеги) навлекли на себя бѣды: никто ни въ частной, ни въ общественной жизни, кто желаетъ себѣ добра, не долженъ подражать имъ (IV, 27). Вообще у Полибія мы встрѣчаемъ немало поученій и сентенцій. Выше мы видѣли примѣры (стр. 241).

Но Полибій противъ голословныхъ утвержденій и считаетъ необходимымъ свое мнѣніе или свою версію подтверждать доказательствами.

Политическія воззрѣнія

Открыто высказываетъ Полибій и свои политическія воззрѣнія, свои идеалы государственнаго строя [1]).

Свое ученіе о государствѣ онъ кратко, „въ главныхъ чертахъ“, изложилъ въ VI кн [2]) Здѣсь онъ трактуетъ о формахъ правленія, о ихъ возникновеніи, зарожденіи, и превращеніи одной въ другую, причемъ любопытно, что, говоря о первоначальномъ бытѣ, онъ прибѣгаетъ къ аналогіямъ изъ животнаго царства (VI, 5, 8 сл.) Полибій насчитываетъ шесть формъ правленія: три, „о которыхъ всѣ говорятъ“, именно царская власть *(βασιλεία)*, аристократія и демократія, и три, происходящія изъ общаго съ ними источника, но являющіяся какъ-бы извращеніемъ ихъ,— монархія *(μοναρχία)*, олигархія и охлократія (VI, 4). Самымъ лучшимъ государственнымъ устройствомъ онъ признаетъ такое, которое представляетъ смѣшеніе первыхъ трехъ формъ, т. е. царской власти, аристократіи и демократіи (VI, 3, 7). По его мнѣнію, это подтверждаетъ и опытъ: Ликургъ первый устроилъ Лакедемонское государство именно по такому способу. Эти воззрѣнія Полибія на смѣшанное государственное устройство и на Спарту, какъ на осуществленіе его, напоминаютъ взгляды упомянутаго раньше ученика Аристотеля, Дикеарха (стр. 217). Законы и мѣры

[1]) Chodnicek, Die politischen Ansichten d. Polyb. im Zusammenhange mit Plato und Aristot Wien. 1877 (Progr.); M. Ritter, Studien über die Entwickelung der Geschichtswissenschaft (Hist. Zeitschr., N. F., XVIII, 1885).

[2]) О VI кн. есть особая ст. Ѳ. Г. Мищенка, Къ Полибію (Ж. М. Н. Пр., 1891, апр., авг; 1892, мартъ).

Ликурга въ глазахъ Полибія превосходны: это дѣло скорѣе божескаго, нежели человѣческаго разума (VI, 48, 2), и если пѣль государственнаго общежитія полагать въ охранѣ собственныхъ владѣній и въ удержаніи свободы, то нѣтъ и не было лучшаго государственнаго строя, какъ лаконскій (VI, 50) Но онъ не былъ пригоденъ для главенства надъ Греціей; Ликургъ не приспособилъ его къ завоеванію, къ господству надъ другими. Полибій стоитъ за эфоратъ. Онъ—правда, устами другаго (Филиппа V)—говоритъ, что цари спартанскіе сохранили за роднымъ городомъ главенство до тѣхъ поръ, пока, повинуясь эфорамъ, какъ родителямъ, сносили совмѣстное правленіе. Но когда они возмечтавъ обратили правленіе въ Спартѣ въ „монархію“, тогда начались для государства всевозможныя тяжелыя испытанія (XXIV, 8b, 1—2 [XXIII, 11, 4—5]). Критское государственное устройство Полибій не считалъ заслуживающимъ похвалы и опровергалъ мнѣніе о сходствѣ его со спартанскимъ (VI, 45 сл.).

Объ аѳинскомъ и ѳиванскомъ государственномъ строѣ не стоитъ, по его мнѣнію, подробно и говорить. Ибо возростаніе обоихъ государствъ не имѣло правильнаго хода, цвѣтущее состояніе ихъ не было продолжительно, перемѣны не совершались постепенно. Какъ-бы по капризу судьбы они блеснули на мгновеніе и вдругъ, когда еще казалось, что они пользуются и будутъ пользоваться благополучіемъ, подверглись противоположной перемѣнѣ. Причиной блеска Ѳивъ должно считать не государственное устройство, а Эпаминонда и Пелопида. Аѳинское государство высшаго блеска достигло благодаря доблести Ѳемистокла, но быстро испытало противоположную перемѣну вслѣдствіе „аномаліи своей природы“. Полибій сравниваетъ аѳинскій народъ съ судномъ безъ кормчаго. Когда изъ страха предъ врагомъ или среди опасностей бури экипажъ дѣйствуетъ согласно и повинуется кормчему, онъ отлично исполняетъ свою обязанность; а по минованіи опасности начинаетъ презирать начальниковъ, между собою вступать въ несогласія и распри: одни желаютъ дальше плыть, другіе понуждаютъ кормчаго пристать и т. д. Такіе корабли, говоритъ Полибій, часто терпятъ крушеніе у пристани, у самаго берега, послѣ того, какъ спаслись отъ сильнѣйшихъ бурь. То же случилось и съ Аѳинскимъ государствомъ: вслѣдствіе доблести народа и правителей оно неразъ спасалось отъ величайшей опасности и потомъ неожиданно какъ-то, безразсудно, снова приходило въ бѣдственное состояніе среди мира. Поэтому и не стоитъ распространяться о

государственномъ устройствѣ аѳинянъ и ѳиванцевъ, гдѣ всѣмъ по собственному побужденію заправляетъ толпа, въ одномъ мѣстѣ отличающаяся подвижностью и жестокостью, въ другомъ — свыкшаяся съ насиліемъ и раздраженіемъ (VI, 43—44).

Вообще Полибій не поклонникъ демократіи. Когда народъ, говоритъ онъ (VI, 57, 8—9), отказываетъ властямъ въ повиновеніи и всѣ дѣла берется самъ рѣшать, тогда государственный строй присваиваетъ самое лучшее названіе—свободы и демократіи, а на дѣлѣ становится самымъ худшимъ изъ всѣхъ—охлократіей.

Въ одномъ изъ своихъ экскурсовъ въ сторону — на тему о томъ, кого можно называть предателемъ — Полибій касается Демосѳена и высказываетъ взглядъ, близкій къ воззрѣніямъ новѣйшихъ обвинителей великаго аѳинскаго оратора и патріота: онъ обвиняетъ его въ узкомъ аѳинскомъ патріотизмѣ и близорукости. „Когда Демосѳенъ", говоритъ Полибій, „все мѣряетъ пользой роднаго города, полагая, что взоры всѣхъ эллиновъ должны быть обращены на аѳинянъ, и называя предателемъ всякаго, кто этого не дѣлаетъ, то онъ, мнѣ кажется, заблуждается, уклоняется отъ истины, тѣмъ болѣе, что и тогдашнія событія въ Элладѣ свидѣтельствуютъ не въ пользу Демосѳена", именно, что не онъ вѣрно предусматривалъ будущее, а тѣ, кого онъ называлъ предателями (XVII [XVIII], 14). Зато Полибій превозносилъ великодушіе Филиппа. Устами Ликиска и Фламинина онъ называетъ Македонію оградою Эллады отъ сѣверныхъ варваровъ. Онъ проводитъ мысль, что эллинамъ необходимо было слиться съ Македоніею подъ властью македонскихъ царей [1]).

Полибій противъ того, чтобы, когда рѣчь идетъ о лучшемъ государственномъ строѣ, приводить Платоново государство, „восхваляемое иными философами": этого, по его мнѣнію, не слѣдуетъ допускать до тѣхъ поръ, пока пригодность Платонова государства не будетъ испытана на дѣлѣ (VI, 47, 7 сл.). Онъ сравниваетъ его съ безжизненною статуею, которую можно хвалить лишь съ точки зрѣнія искусства [2]).

Полибій былъ горячимъ эллинскимъ патріотомъ и приверженцемъ Ахейскаго союза [3]); онъ проникнутъ сознаніемъ того, что греки высоко стоятъ надъ другими народами (V, 90, 8). Но

---

[1]) Ѳ. Г. Мищенко, Предисл., стр. XIX.

[2]) Ibid. А. И. Покровскій, стр. 179, прим. 3.

[3]) Ср. Ѳ. Г. Мищенко, стр. LXXXV—VI.

впослѣдствіи Полибій пришелъ къ убѣжденію, что завоеваніе Эллады римлянами окажется благотворнымъ: до такой степени состояніе родины представлялось ему печальнымъ и безнадежнымъ [1]). Объединеніе міра римлянами онъ называетъ „прекраснѣйшимъ и благотворнѣйшимъ дѣяніемъ судьбы“ (I, 4).

Въ этомъ дѣлѣ громадное значеніе Полибій придавалъ, какъ мы уже видѣли, римскому государственному устройству, которое, по его словамъ, остается „почти совсѣмъ неизвѣстнымъ по винѣ историковъ“ (I, 64), почему онъ и счелъ своимъ долгомъ остановиться на немъ. Немалое значеніе Полибій придаетъ и военному строю римлянъ: онъ подробно останавливается на македонской фалангѣ и объясняетъ, почему она не могла устоять противъ военнаго строя римлянъ (XVIII, 28—32).

По мнѣнію Полибія, воспользоваться надлежащимъ образомъ успѣхомъ труднѣе, нежели его достигнуть; завоеватели лучше удерживаютъ за собою власть, если остаются вѣрны тѣмъ правиламъ поведенія, какими они пріобрѣли власть: люди достигаютъ господства добрымъ обращеніемъ съ другими и умѣньемъ вселить въ нихъ надежду на лучшую долю (X, 36). Онъ—противъ жестокостей на войнѣ, поступающе жестоко впадаютъ, по его мнѣнію, въ ошибку: они ожесточаютъ людей и дѣлаютъ непримиримымъ врагомъ того, кто разъ поднялъ на нихъ оружіе (XXIII, 15).

Полибій сочувствуетъ, когда спасаютъ не только друзей, но и враговъ (XXXI, 15a [17, 6]), и въ этомъ взглядѣ сказывается вліяніе стоиковъ [2]). Полибій, не смотря на весь свой эллинскій патріотизмъ и преклоненіе предъ Римомъ, не чуждъ космополитическихъ воззрѣній, свойственныхъ, какъ извѣстно, стоѣ: онъ представляетъ себѣ моральное единство человѣчества заключающимся въ греко-римскомъ мірѣ [3]). Полибій говоритъ объ общечеловѣческихъ законахъ. Знатокъ и любитель военнаго искусства, онъ однако видѣлъ въ войнѣ скорѣе зло, бѣдствіе, нарушеніе права. Онъ признавалъ необходимость свято соблюдать договоры и принадлежитъ къ тѣмъ писателямъ, сочиненія которыхъ даютъ довольно богатый матеріалъ для знакомства съ воззрѣніями древнихъ въ области международнаго права [4]).

---

[1]) Ѳ. Г. Мищенко, стр. IX.

[2]) Scala, 221.

[3]) Scala, 254.

[4]) По словамъ Скалы, Полибій далъ стройное, продуманное во всѣхъ подробностяхъ ученіе о международномъ правѣ (стр. 319). „Какъ въ самомъ

Характеристика Полибія, какъ писателя.

У Полибія немало чисто теоретическихъ разсужденій, много отступленій и повтореній, иногда чрезвычайно пространныхъ. Въ особенности часто распространяется онъ о темѣ и о планѣ своего труда, о ихъ достоинствахъ и преимуществахъ. Вообще Полибій—не художникъ, не мастеръ слова; это трезвый, прозаическій умъ, хотя и нельзя отрицать того, что онъ стремится къ ясному и точному, такъ сказать наглядному, распредѣленію своего обширнаго матеріала [1])—эта ясность и точность входили въ его задачу (V, 31), были естественнымъ слѣдствіемъ требованія пользы и поучительности отъ исторіи—. Въ особенности обнаруживается это въ построеніи и расчлененіи его „Исторіи“ [2]).

Несомнѣнно, Полибій былъ противъ риторики, но онъ не пренебрегалъ совершенно стилемъ: объ этомъ свидѣтельствуетъ его стараніе избѣгать hiatus'a [3]). Полибій умѣетъ въ нѣсколькихъ словахъ опредѣлить смыслъ событій; напр. онъ отлично понимаетъ, о чемъ дѣло шло въ битвѣ при Замѣ. карѳагенянамъ, говоритъ онъ, предстояло бороться за свое существованіе и за господство надъ Ливіей, римлянамъ — за міровое владычество (XV, 9, 2). У него попадаются сильныя выраженія, мѣткія сравненія, своего рода „крылатыя слова“ [4]), нерѣдко, конечно, ходячія или заимствованныя. Мѣстами изложеніе Полибія живо и производитъ сильное впечатлѣніе; но въ общемъ оно сухо, лишено воодушевленія, а многократныя длинныя повторенія — особенно о планѣ и темѣ его „Исторіи“ и ея преимуществахъ — способны навести скуку. И Полибій самъ сознавалъ, что его „Исторія“ покажется сухою, лишенною занимательности. Подобно Ѳукидиду, онъ говоритъ, что

началѣ эллинскаго государственнаго развитія“, говоритъ Скала, „поднимается изъ земли простое строеніе созданнаго амфиктоніей позитивнаго греческаго племеннаго права; такъ на исходѣ эллинской государственной жизни, въ концѣ длинной, облитой кровью, обильной ошибками дороги, высится горделивое зданіе новаго раціональнаго международнаго права,—дивный памятникъ государственнаго паденія“ (стр. 323—4). Но заслуги Полибія въ этой области Скала преувеличиваетъ. См. А. И. Покровскій, стр. 199.

[1]) См. замѣчанія Ниссена (Rh Mus., XXVI, 281—2), который возражаетъ Моммзену, находящему у Полибія сознательную оппозицію противъ „обычной художественно-стилизированной греческой исторіографіи“ (gegen die ubliche kunstlerisch stilisirte griechische Historiographie).

[2]) Подробности напр. у Niese и Nissen'a.

[3]) Susemihl, II. 126.

[4]) Wunderer, Polybios-Forschungen. 2 Th.: Citate und geflügelte Worte bei Polyb. Leipz. 1901.

она большинству не доставитъ удовольствія, такъ какъ имѣетъ въ виду „изложеніе безъ прикрасъ“ и преслѣдуетъ не столько забаву, сколько пользу (IX, 1—2).

Сначала, быть можетъ, Полибій писалъ для своихъ соотечественниковъ и только ихъ имѣлъ въ виду; но потомъ, въ послѣдующихъ книгахъ, онъ разсчитываетъ преимущественно на римскихъ читателей (XXXII, 8, 8).

Его трудъ принадлежалъ впослѣдствіи къ наиболѣе извѣстнымъ и распространеннымъ: его читали, имъ пользовались и ему подражали [1]). Философъ-стоикъ Посидоній былъ его продолжателемъ; Цицеронъ изучалъ Полибія и отзывался о немъ, что въ изысканіи прошлаго никто не былъ тщательнѣе „нашего Полибія“ (De rep. II, 14, 27). Страбонъ немало былъ ему обязанъ. О Титѣ Ливіи и говоритъ нечего. Діонъ Хрисостомъ называетъ Полибія „вторымъ Ѳукидидомъ“ (Orat. XVIII, p. 256c).

Значеніе Полибія

Полибій расширилъ задачи исторіи; онъ стремился къ точному, достовѣрному знанію и воспроизведенію фактовъ еще въ бо́льшей степени, нежели Ѳукидидъ. Онъ стремился проникнуть въ ихъ смыслъ и причинную связь; онъ старался охватить умственнымъ взоромъ событія, совершавшіяся въ разныхъ концахъ историческаго міра и узрѣть въ ихъ теченіи и направленіи извѣстную планомѣрность и законосообразность. Его „Исторія“—трудъ вполнѣ универсальный, „одно изъ величественнѣйшихъ историческихъ произведеній всѣхъ временъ“ [2]). А въ области тогдашней исторіографіи она, по выраженію Моммзена (II, 453), подобна солнцу: гдѣ она начинается, тамъ подымается завѣса тумана, который еще покрываетъ самнитскія и Пиррову войны, и гдѣ она оканчивается, тамъ начинается новый, если только возможно — еще болѣе тяжелый, сумракъ...“ [3]).

---

[1]) Скала полагаетъ, что греческая публика, повидимому, отвернулась отъ Полибія и что его читали больше римляне (стр. 288—290). Противъ перваго положенія возражаетъ Niese (Gott. gel. Anz., стр. 894) и А. И. Покровскій.

[2]) Susemihl, II, 90.

[3]) Кромѣ „Исторіи“, Полибію принадлежали еще и другія сочиненія (до насъ не дошедшія) — о Филопеменѣ, въ 3 кн., по характеру хвалебное (см. выше, стр. 244), о тактикѣ (о нихъ онъ самъ упоминаетъ въ „Исторіи“) и о Нумантинской войнѣ Christ предполагаетъ, что послѣднее сочиненіе, можетъ быть, было отдѣльно изданною частью „Исторіи“. Но едва-ли это вѣрно. Нумантинская война выходила за предѣлы той темы, которой посвящена была Полибіева „Исторія“.

Продолжателемъ Полибія былъ извѣстный философъ-стоикъ, ученикъ Панэтія,—Посидоній [1]). Посидоній (ок. 130—45 до Р. Х.) родился въ Апамеѣ, въ Сиріи, но жилъ впослѣдствіи на о-вѣ Родосѣ. Здѣсь онъ основалъ школу, славившуюся въ свое время. Его слушателемъ былъ Цицеронъ; его посѣщалъ Помпей. Вообще Посидоній имѣлъ большія связи съ Римомъ и его дѣятелями Въ дѣлахъ своей второй родины, Родоса, онъ принималъ дѣятельное участіе, занимая высшія должности, отправляясь посломъ въ Римъ и т. под. Посидоній предпринималъ далекія путешествія не только въ Италію, но и въ Галлію и Испанію. О его любознательности достаточно свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что онъ напр. прожилъ въ Гадесѣ около мѣсяца, собирая свѣдѣнія объ океанѣ и прилегающихъ къ нему странахъ Его воззрѣнія и свѣдѣнія въ области географіи обращаютъ на себя вниманіе Подобно Эратосѳену, онъ держался ученія о шаровидности земли и полагалъ, что „изъ Иберіи можно было бы отправиться въ Индію, если бы этому не препятствовала величина Атлантическаго океана“; онъ предполагалъ существованіе на земной поверхности многихъ населенныхъ острововъ или континентовъ. *Посидоній.*

Обширный историческій трудъ Посидонія, писателя многосторонняго, „Исторія послѣ Полибія“, въ 52 книгахъ, обнимаетъ періодъ съ 145/4 г. до диктатуры Суллы; замѣчателенъ онъ между прочимъ тѣмъ, что въ немъ заключались богатыя географическія и этнографическія свѣдѣнія и обращено было немалое вниманіе на учрежденія, положеніе населенія, хозяйственныя отношенія и нравы. Посидоній служилъ однимъ изъ главныхъ источниковъ для Діодора и нѣкоторыхъ другихъ послѣдующихъ историковъ, въ соотвѣтствующихъ отдѣлахъ.

Другимъ продолжателемъ Полибія является знаменитый географъ древности, Страбонъ, которому принадлежало и историческое сочиненіе (ὑπομνήματα ἱστορικά, въ 43 кн.), къ сожалѣнію, до насъ не дошедшее (за исключеніемъ нѣсколькихъ отрывковъ); изложеніе доведено было до 27 г. до Р. Хр. *Страбонъ.*

Ко II в. до Р. Хр., можетъ быть, принадлежитъ и историкъ Кратиппъ, продолжатель Ѳукидида. Впрочемъ, по поводу его существуетъ большое разногласіе: одни считаютъ Кратиппа современникомъ Цицерона, другіе готовы отнести его къ III в. *Кратиппъ.*

[1]) Unger, Umfang und Anordnung der Geschichte des Poseidonios (Philol. N. F, IX).

до Р. Хр.; третьи считаютъ его современникомъ Ѳукидида [1]). Извѣстно, что Кратиппъ возставалъ противъ приведенія рѣчей въ историческихъ трудахъ и порицалъ Ѳукидида за его рѣчи [2]).

Тимагенъ. Тимагенъ [3]) изъ Александріи, современникъ Помпея, написалъ „Исторію царствъ“ или „царей“, которую расположилъ по народамъ. Въ ней онъ сообщалъ много этнографическихъ и культурно-историческихъ подробностей.

Трогъ Помпей Имъ, можетъ быть, пользовался Трогъ Помпей, современникъ Августа, въ своей всемірной хроникѣ (на латинскомъ яз.). Но еще въ большей зависимости Трогъ Помпей находится отъ Эфора и Ѳеопомпа. Послѣднему онъ, очевидно, подражаетъ въ самомъ даже заглавіи своего труда: свою всемірную исторію онъ называетъ „Historiae Philippicae“ [4]). Здѣсь, въ 48 кн., Трогъ Помпей, по греческимъ источникамъ, излагаетъ исторію всего неримскаго міра, причемъ средоточіемъ служитъ исторія Македонскаго царства въ самомъ широкомъ смыслѣ, т. е. Трогъ Помпей говоритъ о всѣхъ тѣхъ монархіяхъ, которыя выдѣлились изъ державы Александра, и излагаетъ ихъ исторію до того момента, когда онѣ вошли въ составъ римской державы. Онъ касался и предшествующей греческой исторіи.

Въ подлинномъ видѣ трудъ Трога Помпея до насъ не дошелъ. Но сохранилось извлеченіе изъ него (эпитома), довольно жалкое, сдѣланное Юстиномъ (во II или III в. по Р. Хр.).

Николай Дамасскій Въ числѣ „всемірныхъ исторій“ слѣдуетъ отмѣтить трудъ Николая Дамасскаго [5]). Николай Дамасскій жилъ при дворѣ іудейскаго царя Ирода Вел. и по побужденію послѣдняго составилъ обзоръ всемірной исторіи (*Ἱστορίαι*), въ 144 кн, начиная съ древнѣйшихъ временъ и до его времени, причемъ изложеніе

---

[1]) См. выше, стр. 84, прим. 4, и Susemihl. Gesch d. griech. Litteratur in der Alexandrinerzeit, I, 646—7; W. Schmid, Kratippos zum dritten Mal (Philol., LIX)

[2]) См. выше, стр. 90, прим. 2.

[3]) Gutschmid, Trogus und Timagenes (Kl. Schr); C. Wachsmuth, Timagenes und Trogus (Rh. M., N. F., 46 B); Kaerst, Untersuchungen über Timagenes von Alexandreia (Philol. N. F., X).

[4]) M. Juniani Justini epitoma historiarum Philippicarum Pompei Trogi ex recens. F. Ruehl. Leipz. 1886.

[5]) Кромѣ Fr. Hist. Gr., см. Historici graeci minores, ed. Dindorfius. Lips. (Teubner). 1870, v. I—II.

къ концу было подробнѣе [1]). Николай Дамасскій много пользовался между прочимъ логографомъ Ксанѳомъ Лидійскимъ [2]).

„Всемірная хроника“ составлена была и Корнеліемъ Непотомъ [3]) (I в. до Р. Хр.), который такъ извѣстенъ біографіями замѣчательныхъ дѣятелей [4]) (на латинскомъ языкѣ)—„De illustribus viris“,—древнѣйшее сохранившееся біографическое сочиненіе съ именемъ автора [5]). Въ біографіяхъ этихъ немало неточностей и ошибокъ; авторъ старался собрать побольше пикантныхъ и эффектныхъ извѣстій и представить своихъ героевъ въ наибольшемъ блескѣ [6]). *Корнелій Непотъ.*

Изъ писателей того времени слѣдуетъ упомянуть и о Діонисіи Галикарнасскомъ (современникѣ Августа), у котораго—въ письмахъ къ Гн. Помпею и Аммэю [7]) и въ трактатѣ „О характерѣ Ѳукидида“—найдемъ образцы историко-литературной критики и характеристику древнихъ историковъ, въ особенности Ѳукидида.

Но наиболѣе важными для насъ греческими историками временъ римской имперіи являются Діодоръ Сицилійскій и Плутархъ уже потому, что сочиненія ихъ дошли до насъ не въ обрывкахъ. На нихъ слѣдуетъ остановиться нѣсколько подробнѣе.

Діодоръ Сицилійскій.

Діодоръ Сицилійскій [8]) — современникъ Юлія Цезаря и Августа. Онъ самъ сообщаетъ нѣкоторыя біографическія данныя о себѣ (I, 4). Родомъ онъ былъ изъ Сициліи; долгое время жилъ въ Римѣ; объѣздилъ, если вѣрить ему, большую часть Азіи и *Біографія.*

---

[1]) C. Wachsmuth, Einleitung, стр. 104 сл.

[2]) См. выше, стр. 49.

[3]) Peter, Fr. Hist. Rom.

[4]) Объ этихъ біографіяхъ см. между прочимъ у Friedrich Leo, Die griechisch-römische Biographie nach ihrer litterarischen Form. Leipz. 1901

[5]) Leo, стр. 193.

[6]) C. Wachsmuth, Einleitung, стр. 212—213

[7]) Греческій текстъ этихъ писемъ, съ англійскимъ переводомъ, примѣчаніями и введеніемъ—въ изд. W. Rhys Roberts'a: Dionysius of Halicarnassus, The three literary letters. Cambridge. 1901.

[8]) Изданія: Wesseling'a (Amstelod. 1746, 2 v. in f.), Dindorf'a (Lips. 1828—31. 5 v.) и Vogel'я (новѣйш. изд.—въ коллекціи Тейбнера). О Діодорѣ см. главнымъ образ.—двѣ академическія программы C. Wachsmuth'a (Ueber das Geschichtswerk des Sikelioten Diodoros. I—II. Leipz. 1892) и его же, Einleitung, стр. 81—103; Max Budinger, Die Universalhistorie im Al-

Европы; въ 180 Олимпіаду, т. е. между 60 и 57 г. до Р. Хр., былъ въ Египтѣ. Свой обширный трудъ, носящій характерное заглавіе: „Историческая Библіотека“, Діодоръ составилъ во второй половинѣ I в. до Р. Хр.: въ I кн. упоминается объ Юліи Цезарѣ, какъ о причисленномъ къ сонму боговъ; слѣдовательно, она написана не раньше 44—43 г.; а въ XIV кн. упоминается событіе, относящееся къ 21 г. до Р. Хр. (основаніе колоніи въ Тавроменіи). Но, разумѣется, эта „Историческая Библіотека“ требовала большой подготовительной работы, и Діодоръ въ самомъ началѣ съ видимою гордостью отмѣчаетъ, что онъ употребилъ на свой трудъ 30 лѣтъ.

Содержаніе „Исторической Библіотеки“

По собственному заявленію Діодора, сдѣланному въ началѣ же, планъ и распорядокъ его сочиненія таковъ: первые 6 книгъ обнимаютъ миѳы и событія до Троянской войны, причемъ 3 книги посвящены негреческимъ народамъ (начиная съ Египта), а 3— грекамъ. Въ слѣдующихъ 11 книгахъ (т. е. VII—XVII) излагается „всеобщая исторія“ отъ Троянской войны до смерти Александра Вел. а въ остальныхъ 23 книгахъ сопоставлялись событія до начала войнъ Ю. Цезаря въ Галліи или до перваго года 180 Олимпіады и архонтства въ Аѳинахъ Ирода, т. е. до 60/59 года, если держаться счета Діодора [1]).

Итакъ, все сочиненіе состояло изъ 40 кн. и обнимало исторію Востока, Греціи и Рима, большею частью въ параллельномъ, синхронистическомъ обозрѣніи, отъ миѳическихъ временъ и до завоеванія Галліи Цезаремъ. Изъ этого обширнаго труда до насъ дошли въ подлинномъ, цѣломъ видѣ (если не считать нѣкоторыхъ небольшихъ дефектовъ) книги I—V и XI—XX, т. е., другими словами,—половина первой декады и вся вторая декада. Отъ осталь-

---

terthume; Volquardsen, Untersuchungen uber die Quellen d. griech. und sicilisch. Geschichten bei Diodor. Buch XI—XVI. Kiel. 1868; Holzapfel, Untersuchungen uber die Darstellung der griechischen Gesch. von 489 bis 413 v. Chr. bei Ephoros, Theopomp u. a. Leipz. 1879; Brocker, Untersuchungen über Diodor. 1879; его-же, Moderne Quellenforscher und antike Geschichtschreiber Innsbr. 1882; Schönle, Diodorstudien. Berlin. 1891; Holm, Griech. Gesch., III (здѣсь—экскурсъ о Діодорѣ). На рус. яз. недавно появилась обширная диссертація М. И Мандеса, Опытъ историко-критическаго комментарія къ греческой исторіи Діодора — Отношеніе Діодора къ Геродоту и Ѳукидиду. Одесса. 1901 (ср. отзывъ о ней проф. Э. Р. ф. Штерна, въ „Зап. Имп. Новорос. Универ.“, 1902, т. 87).

[1]) По другому счету, Иродъ былъ архонтомъ Ol. 179, 4, т. е. въ 61/60 г. См. Pauly-Wissowa, Real-Encyclopädie, s. v. Archontes, p. 592.

ныхъ книгъ сохранились лишь извлеченія (напр. у Фотія, изъ XXXI—XL кн., и въ эксцерптахъ Константина Багрянороднаго) и фрагменты (у разныхъ позднѣйшихъ авторовъ, преимущественно у Евсевія, Синкелла и проч.). Такимъ образомъ, въ изложеніи Діодора мы имѣемъ, во-первыхъ, исторію Греціи отъ похода Ксеркса до конца ѳиванской гегемоніи (кн. XI—XV) и, во-вторыхъ, исторію Филиппа Македонскаго (вся XVI кн.), Александра (вся XVII) и діадоховъ, равно какъ и сицилійскихъ тирановъ.

Взглядъ Діодора на исторію

Діодоръ имѣлъ въ виду составить всемірную исторію. Повторяя космополитическія воззрѣнія стоиковъ [1]), онъ въ своемъ вступленіи (I, 1 слл.) говорилъ, что всѣ люди суть члены одной и той-же общины или государства, между собою близкіе по родству, хотя и отдѣленные пространствомъ и временемъ, и что всемірные историки, которые стремятся всѣхъ людей соединить въ одинъ и тотъ-же строй и собрать прошлыя событія въ одномъ общемъ обозрѣніи, служатъ какъ-бы сотрудниками божественнаго Провидѣнія, которое управляетъ міромъ—видимыми звѣздами и людьми—какъ однимъ организованнымъ цѣлымъ, держа его постоянно въ круговращеніи и удѣляя каждому что̀ опредѣлено ему судьбою.

Но хотя Діодоръ имѣлъ въ виду всемірную исторію, все-же въ дошедшихъ до насъ книгахъ, начиная съ XI, на первомъ мѣстѣ стоитъ сначала исторія греческая, затѣмъ – исторія Македоніи и эллинистическихъ государствъ и лишь съ XXIII кн. на первый планъ выступалъ Римъ.

Діодоръ чрезвычайно высокаго мнѣнія о призваніи историковъ, о той пользѣ, которую они приносятъ. Люди, говоритъ онъ, должны быть имъ благодарны, такъ какъ они своими частными трудами служатъ общему благу. Вслѣдъ за Полибіемъ онъ повторяетъ, что изъ разсказовъ о чужихъ опытахъ можно безопаснымъ путемъ научиться тому, что̀ хорошо. Онъ утверждаетъ, что нѣтъ ничего полезнѣе исторіи. Исторія побуждаетъ къ подвигамъ надеждою на славу и безсмертное имя (I, 1); она поощряетъ къ добродѣтели, дурныхъ порицая, хорошихъ возсхваляя Діодоръ называетъ исторію „блюстительницею доблести достославныхъ“, „свидѣтельницею негодности ничтожныхъ“, „благодѣтельницею всего рода человѣческаго“, „провозвѣстницею истины“, „метрополіей всей философіи“ (I, 2).

---

[1]) Busolt, Diodors Verhältnis z. Stoicismus (N Jahrb., CXXXIX, 1889).

И вотъ Діодоръ „почувствовалъ призваніе“ взяться за подобную работу, т. е. за всемірную исторію. Онъ находилъ, что его предшественники, при всѣхъ своихъ благихъ намѣреніяхъ, составили свои труды не такъ цѣлесообразно, какъ было бы можно, и что труды эти въ разныхъ отношеніяхъ не вполнѣ удовлетворительны. Притомъ, никто, по его словамъ, не доводилъ исторіи далѣе македонской эпохи, въ виду трудности и обширности предмета. Поэтому онъ, Діодоръ, рѣшился составить такое историческое сочиненіе, которое доставило бы читателямъ наиболѣе пользы и наименѣе тягости, именно—собрать извѣстія о событіяхъ всего міра и изложить ихъ, какъ исторію одного государства, въ возможной полнотѣ, начиная съ древнѣйшихъ поръ и до его времени. По словамъ Діодора, къ задуманному предпріятію побуждала его любовь къ подобной работѣ, а всемірное владычество Рима, простершееся до крайнихъ предѣловъ земли, облегчило его осуществленіе (I, 4).

Характеръ и недостатки „Истор Библіотеки“

Итакъ взглядъ Діодора на исторію и историковъ возвышенный; но онъ не проникаетъ органически всего его труда. Его программа и задача—обширны, можно сказать—грандіозны; но имъ не соотвѣтствовали его способности; какъ слѣдуетъ выполнить ихъ онъ былъ не въ силахъ: ему не доставало ни опытности государственнаго дѣятеля или полководца, ни широкаго историческаго взгляда, ни критическаго таланта, и его Всемірная исторія вышла въ сущности лишь огромной компиляціей, „аггрегатомъ эксцерптовъ“ [1]); это была дѣйствительно „Библіотека“, въ которой собраны были эксцерпты изъ историческихъ сочиненій и помѣщены въ хронологическія рамки.

Діодоръ съ видимою гордостью говоритъ о себѣ, что онъ объѣздилъ большую часть Европы и Азіи, побывалъ въ Египтѣ, но источникомъ для египетской исторіи ему служили не столько собственныя изслѣдованія и наблюденія, сколько Манеѳонъ и въ особенности Гекатей изъ Абдеры или Теоса [2]). послѣдователь скептика Пиррона, авторъ „Египетской исторіи“, жившій при дворѣ Птолемея I. Діодоръ заявляетъ, что онъ, благодаря частымъ сношеніямъ съ римлянами, пріобрѣлъ хорошее знаніе латинскаго

---

[1]) C. Wachsmuth, Einleitung, стр. 94.

[2]) Этого Гекатея не слѣдуетъ смѣшивать съ извѣстнымъ логографомъ, Гекатеемъ Милетскимъ.

языка, но на дѣлѣ это знаніе оказывается далеко не удовлетворительнымъ.

Хронологія Діодора

Діодоръ придавалъ большое значеніе хронологіи; онъ распредѣляетъ событія по Олимпіадамъ, архонтствамъ и консульствамъ, что̀ очень важно, такъ какъ это—точныя хронологическія даты, но въ его хронологіи много путаницы. Объясняется это во-первыхъ тѣмъ, что Діодоръ, придерживаясь своего, такъ сказать анналистическаго, изложенія, событія, длившіяся многіе годы, пріурочиваетъ къ одному какому-либо году, а во-вторыхъ—тѣмъ, что начала годовъ Олимпіадъ, архонтствъ и консульствъ не совпадали между собою. Такимъ образомъ, Діодоръ иногда соединяетъ событія многихъ лѣтъ подъ однимъ годомъ; или же наоборотъ—мы встрѣчаемъ у него нерѣдко „дублеты“: объ одномъ и томъ же событіи говорится два раза подъ разными годами или въ разныхъ мѣстахъ [1]). Для примѣра можно указать на разсказъ объ анархіи или правленіи Тридцати: объ этомъ говорится частью подъ 404/3 г., частью подъ 401/400. Иногда путаница въ хронологіи Діодора объясняется еще тѣмъ, что онъ различныя версіи объ одномъ и томъ-же фактѣ принималъ за различныя, отдѣльныя событія. Были попытки разобраться въ этой хронологической путаницѣ, старались уяснить себѣ тотъ, такъ сказать, общій принципъ, который будто-бы полагалъ Діодоръ въ основу своей хронологической системы, въ особенности въ отдѣлѣ, посвященномъ исторіи „Пятидесятилѣтія“ [2]); но эти попытки оказались въ большинствѣ тщетными и ни къ чему не приводили [3]).

Источники Діодора и его отношеніе къ нимъ

Но свойства Діодора, какъ историка, особенно обнаруживаются въ его отношеніи къ своимъ источникамъ [4])

Долго господствовало убѣжденіе, что едва-ли не единственнымъ источникомъ греческой исторіи у Діодора въ XI—XV кн.

---

[1]) Krumbholz, Wiederholungen bei Diodor (Rh. M., N. F., 44 B).

[2]) Krüger, Histor.-philol. Studien. Berlin. 1836, I; Arn. Schafer, De rerum post bellum persicum.... gestarum temporibus. Lips 1865; Unger, Die Jahresepoche des Diod. (Philol., 39—41 B), Reuss, Die Chronologie des Diod. (N. Jahrb., 1896).

[3]) C. Wachsmuth, Einleitung, стр. 91; Ed. Meyer, Gesch. d. Alterth., III, 254—5.

[4]) Объ источникахъ Діодора въ греческой исторіи, кромѣ названныхъ на стр 266 работъ Volquardsen'a, Holzapfel'я, Bröcker'a и М. И. Мандеса, см еще—Heyne, De fontibus et auctoribus historiarum Diod. 1872 (въ 5 т изд. Dindorf'a); Unger, Die Quellen Diod. für die Diadochenzeit (Sitz.-ber. d. Berl Ak. d. Wiss., 1878. I).

былъ Эфоръ. По этому воззрѣнію, у Діодора мы имѣемъ здѣсь предъ собою изложеніе въ сущности Эфора, хотя бы и нѣсколько сокращенное; Діодоръ является простымъ переписчикомъ. Если же у него въ этой части греческой исторіи замѣчается мѣстами сходство или совпаденіе съ другими историками, напр. съ Геродотомъ или Ѳукидидомъ, то между ними предполагалось посредствующее звено: не самъ Діодоръ пользовался непосредственно Геродотомъ или Ѳукидидомъ—говорятъ эти критики—, а онъ находилъ заимствованія изъ ихъ сочиненій уже у своего единственнаго источника, т. е. Эфора.

Такой взглядъ высказанъ былъ, главнымъ образомъ, Volquardsen'омъ, въ концѣ 60-хъ годовъ прошлаго вѣка, и это мнѣніе было принято какъ своего рода аксіома. Въ ту пору вообще господствовала такъ наз. Einquellentheorie, теорія единаго источника, которой намъ еще придется коснуться по поводу Плутарха и по которой древніе авторы, подобные Плутарху и Діодору, клали въ основу своего изложенія извѣстнаго отдѣла лишь одинъ какой-нибудь источникъ, слѣпо слѣдуя ему, дословно, механически списывая его, а не сличая и не комбинируя другихъ данныхъ. На распространеніе такого взгляда оказало огромное вліяніе изслѣдованіе Ниссена объ источникахъ Тита Ливія (1863).

Ошибочность этой теоріи вообще въ настоящее время ясна [1]). Что же касается въ частности Діодора, то въ защиту его бо́льшей самостоятельности выступили напр. Bröcker, Гольмъ [2]), а у насъ недавно М. И. Мандесъ въ своей обширной монографіи. Они доказываютъ, что утвержденіе Volquardsen'а невѣрно, что Діодоръ пользовался не однимъ Эфоромъ и не списывалъ его механически, а иногда расходился съ нимъ и пользовался непосредственно другими источниками, Геродотомъ и Ѳукидидомъ; словомъ, по мнѣнію ихъ, Діодоръ не переписчикъ, а писатель, обладавшій значительнымъ образованіемъ и эрудиціей. Брекеръ между прочимъ указываетъ на то, что Діодоръ считаетъ длинныя и частыя рѣчи неидущими къ историческому труду, т. е. высказываетъ мысль, которую до него не высказывалъ ни одинъ греческій или римскій историкъ [3]), и остается вѣренъ этому положенію, за немногими отдѣльными исключеніями.

---

[1]) См. далѣе, по поводу Плутарха.

[2]) См. также Neubert, Spuren selbständiger Thatigkeit bei Diodor. Bautzen. 1890.

[3]) Добавимъ отъ себя—если не считать Кратиппа; см. стр. 90, прим. 2.

Новыя изслѣдованія показываютъ, что составъ Діодорова труда нѣсколько сложнѣе, чѣмъ думалъ напр. Volquardsen [1]). Но защитники Діодора въ свою очередь заходятъ слишкомъ далеко, стараясь выставить обширное образованіе, начитанность и самостоятельность автора „Исторической Библіотеки". Если Эфоръ не былъ единственнымъ, то, несомнѣнно, онъ былъ главнымъ источникомъ Діодора при изложеніи греческой исторіи до 361 г. Для хронологіи Діодора, какъ-бы рамкой, послужила хроника Аполлодора, о которой я выше упоминалъ (см. стр. 225—6). Діодоръ пользовался Геродотомъ и Ѳукидидомъ, по мнѣнію однихъ—посредственно [2]), по мнѣнію другихъ—непосредственно [3]). Есть слѣды пользованія или вліянія Ѳеопомпа [4]). Въ исторіи Сициліи Діодоръ много пользовался Тимеемъ. Въ географіи источникомъ для него служили Агаѳархидъ [5]) и Артемидоръ. Исторія Александра Македонскаго составлена по Аристобулу и Клитарху, какъ полагаютъ одни, или Діиллу, какъ думаютъ другіе [6]), а исторія діадоховъ—по Іерониму и Дурису. Для позднѣйшаго періода Діодоръ пользовался Полибіемъ и Посидоніемъ. Его зависимость отъ нихъ велика. Подражаніе Полибію сказывается не только въ заимствованіи извѣстій и выраженій, но и во многомъ другомъ: подобно Полибію Діодоръ дѣлитъ свое сочиненіе на 40 кн.; говоритъ о трудностяхъ изслѣдованія и о своихъ путешествіяхъ, дабы на мѣстѣ ознакомиться съ театромъ дѣйствій и избѣжать ошибокъ, повторяя слова Полибія; точно также слова Діодора о пользѣ исторіи напоминаютъ намъ Полибія; наконецъ, подобно послѣднему, онъ находится подъ нѣкоторымъ вліяніемъ стоиковъ; въ этомъ отношеніи на него вліялъ, повидимому, Посидоній.

[1]) Ср. Э. Р. ф. Штернъ, Отзывъ о диссертаціи М. И. Мандеса („Зап Имп. Новорос. Унив.", 1902, т. 87, стр. 16).

[2]) Напр. A. Bauer, Die Benutzung Herodots durch Ephoros bei Diodor (N. Jahrb. f. Phil., Suppl.-b. X).

[3]) Объ отношеніи Діодора къ Геродоту и Ѳукидиду см. у М И Мандеса (Оп. ист.-критич. коммент. къ греч. ист. Діод.); ср. и M. Budinger, стр. 155 сл.

[4]) Reuss, Diodoros und Theopompos (Neue Jahrb., 153 B), W. Schmidt считаетъ Ѳеопомпа даже главнымъ источникомъ Діодора (Theopompos eine Hauptquelle des Diod. Strassb. 1889).

[5]) См. выше, стр. 223 и ниже.—Leopoldi, De Agatharchide Cnidio. Rostock. 1892; Wagner, Zu Diodors I u. III Buch (N. Jahrb, 151 B); его-же, Der Philosoph Agatharchidas in der ersten Hexade Diodors (ibid., 153 B).

[6]) Противъ гипотезы о Клитархѣ высказался между проч Ranke въ своей Weltgeschichte, III, 2, 44 сл.

Выборъ источниковъ, нужно сознаться, въ общемъ былъ удаченъ. Но пользовался ими Діодоръ почти безъ всякой критики и чрезвычайно небрежно, что̀ признаютъ даже его защитники [1]). Когда онъ пользуется стоиками, онъ вѣритъ предзнаменованіямъ и предсказаніямъ; когда предъ нимъ авторъ-раціоналистъ, тогда онъ относится къ нимъ скептически и смотритъ на нихъ, какъ на хитрыя выдумки [2]). Нерѣдко Діодоръ дважды и различнымъ образомъ разсказываетъ объ одномъ и томъ-же: изъ различныхъ версій объ одномъ событіи онъ дѣлаетъ два отдѣльныхъ событія. Иногда Діодоръ дословно воспроизводитъ свои источникъ, не пропуская даже ссылокъ и выраженій, которыя въ устахъ его источника понятны и умѣстны, а въ его устахъ оказываются безсмысленными. Напр., воспроизводя одно изъ свидѣтельствъ Агаѳархида, онъ повторяетъ и его ссылку на предыдущее (*προειρήκαμεν*, III, 41); у Агаѳархида такая ссылка вполнѣ умѣстна, такъ какъ въ другомъ мѣстѣ у него дѣйствительно было соотвѣтствующее упоминаніе; у Діодора же ничего подобнаго раньше не было и тѣмъ не менѣе онъ удерживаетъ фразу. Онъ повторяетъ слова Посидонія о продолжающихся „до нашихъ временъ“ дружественныхъ отношеніяхъ между эдуями и Римомъ, что̀ для времени Діодора является нелѣпымъ. О Люцеріи онъ говоритъ, что она „до сихъ поръ“ служитъ римлянамъ операціоннымъ базисомъ въ войнѣ съ сосѣдними народами, замѣчаніе, вполнѣ умѣстное въ устахъ древняго анналиста, Фабія Пиктора или его современника; но въ устахъ Діодора, писателя I в. до Р. Хр.,—явный анахронизмъ.

И все-таки, при всѣхъ ея недостаткахъ, „Историческая Библіотека“ Діодора очень важна. Это—обширный источникъ, богатый содержаніемъ. Безъ Діодора, при изученіи древней исторіи, почти нигдѣ нельзя обойтись [3]). Его источники, какъ мы видѣли, большею частью хороши, и Діодоръ, хотя до нѣкоторой степени, является замѣной утраченныхъ большихъ историческихъ сочиненій, подобныхъ труду Эфора. О нѣкоторыхъ источникахъ мы знаемъ только благодаря Діодору. Особенно онъ важенъ для исторіи Сицилии и для исторіи Эллады съ конца V в.: тутъ онъ служитъ необходимымъ дополненіемъ къ „Hellenica“ Ксенофонта и во многомъ исправляетъ извѣстія послѣдняго: Діодоръ досто-

[1]) См напр. у М. И. Мандеса, который многія отступленія Діодора отъ Геродота и Ѳукидида объясняетъ именно его небрежностью.

[2]) C. Wachsmuth, Einleitung, стр. 97.

[3]) М. И. Мандесъ, стр. I.

вѣрнѣе и точнѣе Ксенофонта во многихъ случаяхъ. Далѣе, мы находимъ у него связный разсказъ объ эпохѣ Филиппа, объ Александрѣ и о войнахъ преемниковъ послѣдняго. Благодаря Діодору, мы имѣемъ предъ собою списокъ аѳинскихъ архонтовъ за большой промежутокъ времени, и его хронологія, не смотря на всю ея путаницу, представляетъ для насъ немалый интересъ [1]).

Плутархъ.

Плутархъ [2])—одинъ изъ популярнѣйшихъ и любимѣйшихъ писателей во всемірной литературѣ. Жанъ Поль называетъ его „біографическимъ Шекспиромъ всемірной исторіи". Въ новое время Плутархъ оказывалъ сильнѣйшее вліяніе. Его „Жизнеописанія" служили образцомъ для этого рода произведеній; изъ нихъ брали сюжеты для драмъ (напр. Шекспиръ—для своего „Коріолана" и „Юлія Цезаря") [3]). Они дѣйствовали могущественнымъ образомъ на воображеніе: его героями увлекались, имъ стремились подражать; на Плутархѣ воспитывались цѣлыя поколѣнія.

Біографія и личность Плутарха.

Плутархъ родился около 46—48 г. по Р. Хр. По крайней мѣрѣ извѣстно, что въ 66 г., во время посѣщенія Нерономъ Греціи, онъ былъ молодымъ человѣкомъ, изучавшимъ науки и философію. Родился Плутархъ въ Херонеѣ; слѣдовательно, онъ былъ беотіецъ, соотечественникъ Гесіода и Пиндара, предъ которыми онъ особенно преклонялся. Происходилъ онъ изъ состоятельной, уважаемой семьи и получилъ прекрасное, широкое образованіе. Въ молодости Плутархъ побывалъ въ Аѳинахъ, гдѣ слушалъ философа Аммонія; былъ и въ другомъ центрѣ тогдашней образованности—въ Александріи, но недолго: впослѣдствіи посѣщалъ и Римъ, а также и Италію, частью съ образовательными цѣлями, частью исполняя порученія, возлагаемыя на него соотечественни-

---

[1]) Ср. Белохъ, Ист. Гр., I, 16—17.

[2]) Кромѣ коллекцій Didot и Teubner, см. изданія Vitae—Sintenis'a (Leipz. 1839—46); важны изданія отдѣльныхъ біографій, напр. Plut. Pericles, ed. Sintenis. Lips. 1835; Plutarchs Themistokles für quellenkritische Uebungen kommentiert und hrsg. von Ad. Bauer, Leipz. 1884. — О Плутархѣ см. Volkmann, Leben, Schriften und Philosophie des Plutarch von Chaeronea. Berl. 1869 (касается преимущественно философіи Плутарха); C. Wachsmuth, Einleitung; Friedrich Leo, Die griechisch-romische Biographie nach ihrer litterarischen Form. Leipz. 1901. Объ обширной литературѣ, посвященной источникамъ Плутарховыхъ біографій, см. ниже.

[3]) Christ, стр. 655.

ками. Здѣсь онъ сблизился съ лицами, близко стоявшими къ императору Траяну. Подобно Полибію, Плутархъ преклонялся предъ величіемъ Рима и не скорбѣлъ, не смотря на весь свой мѣстный патріотизмъ, объ утратѣ Греціей самостоятельности [1]): въ римскомъ владычествѣ онъ видѣлъ нѣчто провиденціальное; это владычество, казалось ему, создано было Провидѣніемъ, дабы вывести человѣчество изъ хаотическаго состоянія, непрерывной борьбы и установить прочный миръ и безопасность.... Плутархъ выучился латинскому языку, но поздно, и владѣлъ имъ, по собственному сознанію, не въ совершенствѣ.

Если исключить сравнительно непродолжительныя пребыванія въ тогдашнихъ центрахъ умственной и политической жизни и временныя отлучки, то можно сказать, что всю свою жизнь Плутархъ провелъ въ своемъ родномъ городѣ, Херонеѣ. Онъ былъ большимъ беотійскимъ и въ частности херонейскимъ патріотомъ и съ любовью служилъ своей родинѣ, занимая самыя разнообразныя муниципальныя должности; между прочимъ онъ былъ архонтомъ и, можетъ быть, беотархомъ. Кромѣ того, Плутархъ очень близко стоялъ къ Дельфамъ и былъ тамъ жрецомъ Аполлона, на что̀ есть указанія и въ надписяхъ [2]).

Всѣ эти обязанности, въ сущности несложныя, оставляли Плутарху немало досуга, который онъ посвящалъ главнымъ образомъ философскимъ и литературнымъ занятіямъ и преподаванію. Формальной школы онъ не основывалъ, но учениковъ имѣлъ. Время Плутарха—время начинающагося возрожденія платонизма, и Плутархъ—предшественникъ неоплатониковъ [3]).

Среди любимыхъ занятій, въ своемъ родномъ городѣ, въ кругу семьи и близкихъ, окруженный почетомъ и уваженіемъ [4]),

[1]) Volkmann, I, 44—45.

[2]) Pomtow, Beiträge z. Topographie von Delphi. Berlin. 1889; его-же, Fasti Delphici (N. Jahrb., 139 т. [1889], стр. 551—4); ср. А. В. Никитскій, Дельфійскіе эпиграфическіе этюды. Одесса. 1894/5, стр. 140, 154.

[3]) Volkmann, I, 10 сл., 15. О философіи Плутарха см. еще Zeller, III, 2 Abth; на русск. яз.—г. Елпидинскій, Религіозно-нравствен. воззрѣн. Плутарха Херон. Спб. 1893.

[4]) Аѳиняне внесли его въ списокъ своихъ гражданъ; ему даровано было и римское гражданство; есть извѣстіе, что Траянъ даровалъ ему званіе консуляра и предписалъ намѣстнику Ахаи держаться его указаній, а Адріанъ былъ будто-бы его ученикомъ. Если эти разсказы и неточны и преувеличены, то все-же несомнѣнно, что Плутархъ занималъ почетное положеніе и пользовался расположеніемъ какъ Траяна, такъ въ особенности Адріана, извѣстнаго поклонника греческой образованности.

Плутархъ чувствовалъ себя вполнѣ удовлетвореннымъ, счастливымъ, и мирно дожилъ до глубокой старости. Онъ умеръ 80 лѣтъ съ лишкомъ, вѣроятно въ концѣ 20-хъ годовъ II в по Р. Хр.

Личность Плутарха, его благодушіе и гуманность, тотъ душевный миръ и довольство, которымъ онъ пользовался, наложили ясный отпечатокъ на его многочисленныя сочиненія [1]).

Его сочиненія.

Плутархъ—одинъ изъ самыхъ плодовитыхъ греческихъ писателей. Уже въ древности „безпредѣльное число составленныхъ имъ книжекъ“ (*τὸ τῶν συνταττομένων βιβλίων ἄπειρον*) вызывало удивленіе и соревнованіе (Suid.). По такъ называемому каталогу Лампрія [2]) всѣхъ сочиненій Плутарха насчитывается болѣе 200. Большая часть изъ нихъ дошла до насъ. Въ нашемъ собраніи, которое возникло, вѣроятно, не раньше X в, они раздѣлены на два крупныхъ разряда—на сочиненія „Моральныя“ (*Ἠθικά*, Moralia) и „Біографіи“.

Moralia.

Объемъ и содержаніе такъ назыв. Moralia [3])—самый разнообразный, начиная съ философскихъ проблемъ и кончая наставленіями касательно здоровья [4]). Среди нихъ есть политическія сочиненія, напр. наставленія объ управленіи государствомъ (*Πολιτικὰ παραγγέλματα*, Praecepta rei publicae gerendae) [5]), почерпнутыя изъ исторіи—изъ жизни государственныхъ дѣятелей прошлаго; затѣмъ—трактатъ (въ отрывкахъ) о монархіи, демократіи и олигархіи, въ которомъ Плутархъ отдаетъ предпочтеніе первой, исходя изъ современнаго ему положенія. Есть сочиненіе, касающееся экономіи—*Περὶ τοῦ μὴ δεῖν δανείζεσθαι*—, въ которомъ рекомендуется простая, скромная жизнь. Довольно видное мѣсто среди Moralia занимаютъ посвященныя разнообразнымъ темамъ „Застольныя рѣчи“ (*Συμποσιακά*). Что касается „Пира семи мудрецовъ“, то принадлежность его Плутарху нѣкоторыми оспаривается; другіе полагаютъ, что если это и его произведеніе, то оно принадлежитъ порѣ его молодости (Christ). Извѣстный современ-

---

[1]) Mommsen, Röm. Gesch., V, 252.

[2]) Каталогъ этотъ сдѣлался извѣстенъ съ XVI в., со времени открытія его Hoschel'емъ, и принадлежитъ будто-бы Плутархову сыну, Лампрію, на самомъ дѣлѣ онъ составленъ позднѣйшимъ византійскимъ грамматикомъ. Изслѣдованія о немъ—C. Wachsmuth'a (Philol., XVIII) и Treu (Waldenburg. 1873).

[3]) Новѣйшее изданіе—Bernardakis'a (въ коллекціи Тейбнера).

[4]) Самъ Плутархъ велъ чрезвычайно правильный и умѣренный образъ жизни.

[5]) Привожу заглавія и полатыни въ виду того, что при ссылкахъ они употребляются большею частью въ этой формѣ.

ный ученый Виламовицъ считаетъ его подлиннымъ произведеніемъ Плутарха [1]).

Для историка важна „Жизнь десяти ораторовъ“, тоже въ отдѣлѣ Moralia, въ которой находятся цитаты изъ документовъ, почерпнутыя, какъ думаетъ Keil [2]), не только изъ „Собранія псефизмъ“ Кратера (см. выше, стр. 216—217), но и изъ сочиненія періэгета Геліодора. Но „Жизнь десяти ораторовъ“ едва-ли принадлежитъ Плутарху. Въ Moralia мы найдемъ и „Изреченія царей и полководцевъ“ (*Ἀποφθέγματα βασιλέων καὶ στρατηγῶν*), по содержанію примыкающія къ „Жизнеописаніямъ“, но, повидимому, не принадлежащія перу самого Плутарха, составляющія, быть можетъ, компиляцію изъ его сочиненій (Christ); тутъ же—о доблестяхъ женщинъ (*Γυναικῶν ἀρεταί*),—произведеніе, принадлежность котораго тоже спорна. Упомянемъ еще о полуисторическомъ, полуриторическомъ разсужденіи о славѣ аѳинянъ (*Πότερον Ἀθηναῖοι κατὰ πόλεμον ἢ κατὰ σοφίαν ἐνδοξότεροι;* De gloria Atheniensium), и о критическомъ трактатѣ противъ Геродота (*Περὶ τῆς Ἡροδότου κακοηθείας*), трактатѣ, о которомъ намъ приходилось уже упоминать (стр. 72). Въ принадлежности его Плутарху прежде сомнѣвались; въ настоящее время эту принадлежность можно считать доказанною [3]). Здѣсь сказался беотійскій патріотизмъ Плутарха: онъ возмущенъ тѣмъ, что Ѳивы являются въ изложеніи Геродота въ такомъ невыгодномъ свѣтѣ, и нападаетъ на „отца исторіи“, обвиняя его въ пристрастіи, искаженіи истины и т. под. Трактатъ написанъ живо и, не смотря на горячность тона, промахи и несправедливость большинства нападокъ, содержитъ однако немало отдѣльныхъ мѣткихъ замѣчаній.

Въ сочиненіяхъ даже на религіозныя и философскія темы мы находимъ у Плутарха иногда нѣкоторыя любопытныя историческія подробности. Напр. въ діалогѣ о даймоніонѣ Сократа очень живо изображаются событія времени освобожденія Ѳивъ отъ спартанцевъ, собраніе заговорщиковъ и т. д. [4]). Но для насъ изъ всѣхъ сочиненій Плутарха самыя важныя — знаменитыя его „Біографіи“, къ составленію которыхъ побудили его другіе, какъ онъ самъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ (Timol., 1). До насъ дошло болѣе 20 „Параллельныхъ жизнеописаній“ (*Βίοι παράλληλοι*), на-

„Жизнеописанія“.

[1]) Zu Plutarch's Gastmahl der sieben Weisen (Hermes, XXV).

[2]) Der Perieget Heliodoros von Athen (Hermes, XXX).

[3]) Busolt, Gr. Gesch., II², 616, прим. 2.

[4]) Christ, стр 661.

зываемыхъ такъ потому, что за каждою біографіей греческаго героя идетъ біографія соотвѣтствующаго героя римскаго. Здѣсь мы имѣемъ жизнеописаніе слѣдующихъ греческихъ дѣятелей: 1) Тезея, 2) Ликурга, 3) Солона, 4) Ѳемистокла, 5) Перикла, 6) Алкивіада, 7) Тимолеона, 8) Пелопида, 9) Аристида, 10) Филопемена, 11) Пирра, 12) Лисандра, 13) Кимона, 14) Никія, 15) Евмена, 16) Агесилая, 17) Александра Македонскаго, 18) Фокіона, 19) Агиса и 20) Клеомена, 21) Демосѳена, 22) Димитрія Полиоркета и 23) Діона. Біографіи Эпаминонда и нѣкоторыхъ другихъ не сохранились. Съ Тезеемъ сопоставленъ Ромулъ, съ Ликургомъ—Нума, съ Солономъ—Валерій Публикола, съ Ѳемистокломъ—Камиллъ, а напр. съ Перикломъ—Фабій Максимъ. Въ концѣ большей части такихъ парныхъ или параллельныхъ біографій имѣется еще особое „сравненіе“ *(σύγκρισις)*, въ которомъ отмѣчается, въ чемъ сходны или несходны сопоставляемые герои. Но, кромѣ „параллельныхъ“, у Плутарха есть нѣсколько и отдѣльныхъ біографій, въ томъ числѣ Арата. Полагаютъ, что это были болѣе раннія произведенія, нежели „Параллельныя жизнеописанія“. Вообще же большая часть біографій написана Плутархомъ въ Херонеѣ, повидимому въ сравнительно позднюю пору его жизни, но въ какомъ порядкѣ,—сказать трудно, во всякомъ случаѣ—не въ томъ, въ какомъ онѣ расположены въ дошедшемъ до насъ собраніи [1]): тутъ напр. на первомъ мѣстѣ стоитъ біографія Тезея, между тѣмъ какъ она написана была подъ конецъ, послѣ другихъ. У Плутарха есть указаніе, что его собраніе біографій дѣлилось на книги; напр. у него упоминается, что жизнеописанія Демосѳена и Цицерона составляли V-ю книгу, Перикла и Фабія—X, Діона и Брута—XII.

Характеристика Плутарха, какъ біографа.

Плутархъ, какъ мыслитель, не возвышался надъ духовнымъ уровнемъ своего вѣка [2]); онъ и не ученый изслѣдователь, не историкъ, не критическій талантъ: онъ—чрезвычайно начитанный, широко образованный дилеттантъ и прежде всего—популярный философъ-моралистъ. Съ этой точки зрѣнія должны быть разсматриваемы и его біографіи. Этическій элементъ стоитъ въ нихъ на первомъ планѣ. Плутархъ имѣетъ въ виду прежде всего истину моральную, а не истину историческую; послѣдняя для него только средство [3]): онъ преслѣдуетъ моральныя цѣли [4]). Отсюда морали-

[1]) Собраніе это принадлежитъ не самому Плутарху.

[2]) Volkmann, I, 12 - 13.

[3]) Gréard, De la morale de Plutarque. P. 1866.

[4]) Holm, Gr. Gesch, II, 128—9.

зирующая тенденція въ біографіяхъ Плутарха, отсюда обиліе въ нихъ этическихъ размышленій. Герои его біографій большею частью—образцы извѣстныхъ качествъ и путемъ изображенія такихъ образцовъ Плутархъ старается воздѣйствовать на своихъ читателей и въ особенности на юношество [1]).

Во вступленіи къ біографіямъ Тимолеона и Павла Эмилія Плутархъ замѣчаетъ, что сначала онъ былъ побуждаемъ другими къ составленію жизнеописаній, но потомъ и самъ пристрастился къ этой работѣ. Ибо въ исторію онъ смотритъ какъ въ зеркало и стремится уподобить свою жизнь добродѣтелямъ своихъ героевъ. Это—своего рода совмѣстная жизнь: путемъ исторіи мы каждаго изъ нихъ какъ-бы принимаемъ у себя и созерцаемъ, какой онъ великій мужъ. Бо́льшаго удовольствія и болѣе дѣйствительнаго средства къ улучшенію нравовъ и быть не можетъ.

Плутархъ интересуется своими героями не какъ историческими дѣятелями. а какъ людьми, какъ личностями, обладающими извѣстными достоинствами или слабостями; онъ останавливается преимущественно на ихъ человѣческихъ, индивидуальныхъ чертахъ; свойство, характеръ, ἦθος,—вотъ что привлекаетъ его вниманіе.

Приступая къ жизнеописанію Александра Македонскаго, Плутархъ напередъ проситъ читателей не осуждать его, если они не найдутъ у него подробнаго изложенія всѣхъ событій. „Мы пишемъ не исторію“, заявляетъ онъ, „а біографію“. Въ самыхъ выдающихся дѣяніяхъ или событіяхъ не всегда выражаются добродѣтели или пороки; часто какой-нибудь незначительный поступокъ, слово или шутка лучше обнаруживаетъ характеръ, чѣмъ самыя кровавыя сраженія, величайшій боевой строй и осады городовъ. „Какъ живописцы, не заботясь объ остальныхъ частяхъ, стараются схватить сходство въ лицѣ и въ глазахъ, въ чертахъ, въ которыхъ выражается характеръ,—такъ да будетъ позволено и намъ“, говоритъ Плутархъ, „глубже проникнуть въ проявленія души и такимъ образомъ изобразить жизнь каждаго“ изъ выводимыхъ героевъ, „а описаніе великихъ дѣяній и битвъ предоставимъ другимъ“.

И Плутархъ въ своемъ изложеніи, дѣйствительно, опускаетъ многіе—даже важные—факты или лишь бѣгло касается ихъ. Во введеніи къ біографіи Никія Плутархъ замѣчаетъ, что онъ собы-

[1]) Ad. Bauer, Die Forschungen, стр. 326.

тій *(πράξεις)* касается только кратко, да и то преимущественно тѣхъ, въ которыхъ открывается нравъ и настроеніе лица *(τὸν τρόπον καὶ τὴν διάθεσιν τοῦ ἀνδρός)*,—что онъ составляетъ не безполезную исторію, а передаетъ такую, которая служитъ къ пониманію характера и нрава [1]).

Стремленіе дать въ біографіяхъ воплощенные образцы тѣхъ или другихъ качествъ, естественно, вело Плутарха часто къ излишней идеализаціи своихъ героевъ, къ смягченію ихъ темныхъ сторонъ и вообще къ отступленію отъ исторической правды. Онъ сравниваетъ свое положеніе съ положеніемъ художника, рисующаго портретъ съ прекраснаго лица: если встрѣтится какой-либо мелкій недостатокъ въ наружности, мы требуемъ, чтобы художникъ его не пропускалъ совершенно, но и не передавалъ тщательно; такъ и здѣсь: такъ какъ невозможно выставить жизнь человѣка безупречною и чистою, то нужно съ особенною полнотою и въ вѣрномъ изображеніи представить славныя черты; слабости же и ошибки, происходящія отъ страсти или политической необходимости, слѣдуетъ считать скорѣе отсутствіемъ какой-либо добродѣтели, нежели порокомъ; ихъ слѣдуетъ выставлять въ исторіи не слишкомъ усердно и сильно, а скорѣе стыдясь за человѣческую природу, которая не можетъ представить ничего въ чистомъ видѣ, ни одного безусловно доблестнаго характера (Cim., 2).

Но иногда Плутархъ отмѣчаетъ и темныя стороны своихъ героевъ; въ нѣкоторыхъ біографіяхъ (напр. Красса) такія стороны даже преобладаютъ; иные герои должны служить наглядным примѣромъ „дурной и достойной порицанія жизни“ [2]). Плутархъ приводитъ въ иныхъ случаяхъ противорѣчивые свидѣтельства и отзывы, сопоставляя ихъ, но не всегда примиряя противорѣчія. Вслѣдствіе этого получается какая-то двойственность въ изображеніи лица. Напр. Периклъ у него является то демагогомъ, очень неразборчивымъ на средства для своего возвышенія, то образцомъ безкорыстнаго государственнаго дѣятеля, благороднаго патріота [3]). При описаніи борьбы Перикла съ Ѳукидидомъ, Мелесіевымъ сыномъ, у Плутарха проглядываетъ тенденція, именно та, что пер-

[1]) οὐ τὴν ἄχρηστον ἀθροίζων ἱστορίαν, ἀλλὰ τὴν πρὸς κατανόησιν ἤθους καὶ τρόπου παραδιδοὺς (Nic., 1).

[2]) τῶν φαύλων καὶ ψεγομένων βίων. См. Leo, стр. 148.

[3]) Sauppe, Die Quellen Plut. f. d. Leben d. Perikles. Gottingen. 1867. (Abhandl. d. Kön. Gesellschaft d. Wiss. zu Gotting. XIII B.); В. Бузескулъ, Периклъ, стр. 59, прим.

вый, т. е., Периклъ,—демагогъ, всячески старающійся пріобрѣсти народное расположеніе, тогда какъ Θукидидъ получаетъ тутъ эпитетъ „мужа разумнаго“, *ἀνὴρ σώφρων* [1]).

Стремленіе представить историческаго дѣятеля преимущественно какъ личность, изобразить его характеръ, схватить его человѣческія, индивидуальныя черты, которыя, по замѣчанію Плутарха, иногда лучше всего проявляются въ незначительномъ поступкѣ, въ какомъ-нибудь словѣ или шуткѣ,—это стремленіе должно было вести къ анедоктичности, къ погонѣ за мелочными подробностями, тѣмъ болѣе, что Плутархъ заботится не только о назидательности, но и о занимательности, пикантности разсказа. И дѣйствительно, анекдоты, нерѣдко отзывающіеся сплетней, мелочныя подробности, чисто личные мотивы, внѣшніе, случайные моменты, все это занимаетъ весьма видное мѣсто въ біографіяхъ Плутарха. При отсутствіи надлежащей критики (что такъ часто замѣчается у Плутарха) слухи и сплетни принимались нерѣдко за фактъ достовѣрный или, по крайней мѣрѣ, приводились наряду съ другими данными. Достаточно прочитать нѣсколько главъ „Перикла“, напр. 13-ю, чтобы видѣть, какія подробности приводитъ иногда Плутархъ. Впрочемъ, онъ самъ сознается здѣсь, какъ трудно найти правду въ исторіи: послѣдующія поколѣнія отъ времени забываютъ прошлое, а современники извращаютъ истину подъ вліяніемъ то зависти и ненависти, то расположенія и лести.

Своихъ героевъ Плутархъ не связываетъ надлежащимъ образомъ съ ихъ временемъ, съ условіями или обстоятельствами, среди которыхъ они дѣйствуютъ. Онъ не проникаетъ въ глубь причинъ; обыкновенно онъ объясняетъ событія самыми мелочными, случайными обстоятельствами. Причинами напр. Самосской или Пелопонесской войны у него выставляются чисто личные мотивы Перикла, вліяніе Аспазіи и т. под.

Вообще, критики, точности и большой степени достовѣрности нельзя ждать отъ Плутарха. Онъ не прочь даже иногда изукрасить событія и лица.

Что касается источниковъ Плутарха, то это вопросъ весьма спорный. По поводу Діодора намъ приходилось уже упоминать о

---

[1]) Holzapfel, Untersuchungen über die Darstellung der Griechischen Geschichte von 489 bis 413 vor Chr. bei Ephoros, Theopomp u. a. Autoren. Leipz. 1879, стр. 147. Ср. мою книгу. „Периклъ“, стр. 59, прим. 1.

Вопросъ объ источникахъ Плутарха и несостоятельность „теоріи единаго источника“.

такъ называемой Einquellentheorie, „теоріи единаго источника“. Приверженцы ея исходятъ—или, вѣрнѣе, исходили—изъ взгляда на древнихъ авторовъ, какъ на дословныхъ переписчиковъ, и думали, что любой текстъ можно чисто механически разложить на его составныя части или источники. Въ сущности это было распространеніе на античную исторіографію того положенія, которое съ большимъ успѣхомъ примѣнялось по отношенію къ средневѣковой, и въ Германіи, преимущественно въ 60-хъ и 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія, появился цѣлый легіонъ диссертацій, программъ и статей, посвященныхъ опредѣленію источниковъ той или другой Плутарховой біографіи [1]), причемъ авторы старались, по насмѣшливому выраженію одного нѣмецкаго ученаго, „для каждой строчки пріискать отца“, „für jede Zeile den Vater ausfindig zu machen“, т. е. отыскать, у кого именно взялъ Плутархъ то или другое извѣстіе, ту или другую фразу, и назвать по имени этотъ источникъ. Одинъ, напр., доказывалъ, что такая-то глава или фраза взята у Ѳеопомпа, другой съ неменьшей увѣренностью утверждалъ, что — у Эфора или Стесимброта; третій называлъ Фанія, Истра или Идоменея и проч. И на подобныя разысканія потрачено было немало кропотливаго труда, остроумія и находчивости!

Но по большей части это была безплодная работа, „погоня за тѣнями“, лишь своего рода умственная гимнастика. Дѣло въ томъ, что всѣ подобныя гипотезы лишены почвы: большинство авторовъ, служившихъ источникомъ Плутарху, до насъ не дошло, извѣстно намъ лишь по однимъ именамъ или по небольшимъ отрывкамъ, и при такихъ условіяхъ пускаться въ точныя опредѣленія, у кого взята та или другая фраза или глава, все равно, что́ рѣшать уравненіе со многими неизвѣстными [2]). Ад. Шмидтъ

---

[1]) Изъ этой массы заслуживаютъ быть выдѣленными слѣдующія работы: Sauppe, Die Quellen Plutarchs für das Leben d. Perikles. Göttingen. 1867; Ruhl, Die Quellen Plutarchs im Leben des Kimon. Marburg. 1867, и его-же, Ueber die Quellen des Plutarchischen Perikles (N. Jahrb., 97 B., 1868); Heikel, Beiträge zur Erklärung von Plutarchs Biographie des Perikles. Helsingfors. 1881; Busolt, Plutarchs Nikias und Philistos (Hermes, XXXIV, 1899), и его обзоры источниковъ въ Griech. Gesch. См. также Holzapfel, Untersuchungen uber die Darstellung der Griech. Geschichte von 489 bis 413 vor Chr.... Leipz. 1879, и Ad. Bauer, Themistokles. Studien und Beitrage zu Griech. Historiographie. Merseburg. 1881.

[2]) Вѣрныя замѣчанія относительно этого см. у М. И. Мандеса, О филологическомъ методѣ изученія источниковъ (Филол. Обозр., XIV, 2, 1898). Ср.

дошелъ напр. до того, что большую часть своей 2-томной монографіи о Перикловомъ вѣкѣ, т. е. нѣсколько сотъ страницъ, посвятилъ доказательству, будто главнымъ первоисточникомъ извѣстій объ этомъ вѣкѣ служитъ Стесимбротъ Θасосскій; между тѣмъ мы располагаемъ лишь нѣсколькими жалкими отрывками Стесимброта. Какъ опасна подобная погоня за именами, за точнымъ опредѣленіемъ источника по имени, показываетъ примѣръ столь извѣстнаго ученаго, какъ Виламовицъ, который раньше самъ насмѣхался надъ подобною погонею, но въ своемъ трудѣ „Aristoteles und Athen“ почему-то измѣнилъ своему правилу и такъ неудачно, выставивъ гипотезу о Θерамент, какъ авторѣ того политическаго памфлета, которымъ пользовался Аристотель (см. выше, стр. 204—205).

Въ самой Германіи обнаружилась реакція противъ такихъ пріемовъ въ изученіи источниковъ. Однимъ изъ первыхъ выступилъ Гутшмидъ [1]); затѣмъ Гольмъ, Ад. Бауэръ, въ послѣднее время Эд. Мейеръ, высказали немало здравыхъ замѣчаній [2]), и теперь тамъ все менѣе и менѣе появляется диссертацій и программъ въ родѣ тѣхъ, о которыхъ мы говорили выше. Einquellentheorie можно считать оставленною. Эд. Мейеръ справедливо говоритъ, что „мнѣніе, будто древніе ученые работали иначе, чѣмъ современные, есть басня, принесшая очень много вреда“ [3]), и представленіе, будто каждый послѣдующій историкъ просто списывалъ своихъ предшественниковъ, совершенно невѣрно [4]). Древніе историки, по крайней мѣрѣ лучшіе, пользовались обыкновенно многими источниками, комбинировали ихъ, болѣе или менѣе свободно обращались со своимъ матеріаломъ; качественно ихъ работа отличалась отъ современной, но это не было механическое списываніе.

Если Einquellentheorie не вполнѣ примѣнима даже къ Діодору, то тѣмъ менѣе къ Плутарху. Начитанность Плутарха была очень велика. Мы встрѣчаемъ у него ссылки на большую часть историковъ, упомянутыхъ въ нашемъ предшествующемъ обзорѣ.

мою книгу: „Аеинск. Политія Аристотеля“, стр. 257, прим., и статью въ „Рус. Мысли“, 1900, февр.: „Характерныя черты научнаго движенія въ области греческой исторіи за послѣднее 30-лѣтіе“.

[1]) Въ рѣчи, относящейся еще къ 1878 г. (см. его Kl. Schriften).

[2]) Въ русск. литературѣ—М. И. Мандесъ. См. примѣч. на предыд стр.

[3]) Экономич. развитіе древн. міра. Спб. 1898, стр. 75, прим. (рус. пер.).

[4]) Gesch. d. Alterth., I, 18.

Говоря вообще, Плутархъ пользовался Геродотомъ, Ѳукидидомъ [1]), Эфоромъ, Ѳеопомпомъ (въ особенности), Филистомъ, Тимеемъ, Дурисомъ, Полибіемъ, аттидографами Филохоромъ, Андротіономъ и друг., мемуарами Іона, Арата, біографами Германпомъ, Фаніемъ, Аристоксеномъ, философами Аристотелемъ и проч., собраніемъ псефизмъ въ родѣ Кратерова, и т. д. Особенно онъ былъ начитанъ въ поэтахъ и любилъ ссылаться на нихъ.

Правда, многими изъ этихъ источниковъ Плутархъ пользуется изъ вторыхъ рукъ; въ настоящее время напр. считаютъ несомнѣннымъ, что онъ непосредственно не пользовался Аристотелевою „Политіей", на которую онъ ссылается. Но это вполнѣ понятно: не говоря уже объ обыкновеніи древнихъ (которымъ чуждо было понятіе плагіата), Плутархъ не имѣлъ въ виду, да и едва ли бы могъ, каждый разъ обращаться къ источникамъ, такъ сказать, отдаленнымъ, своего рода первоисточникамъ, и съ ними справляться, хотя раньше онъ могъ ихъ знать и прочитывать [2]). Э. Мейеръ принимаетъ за главный источникъ Плутарха біографическую традицію, біографическую литературу, до насъ не дошедшую, въ которой были уже обработаны болѣе ранніе историки [3]). Кромѣ того, нужно имѣть въ виду, что по количеству положенныхъ въ основу источниковъ Плутарховы біографіи могли отличаться одна отъ другой; такъ, напр., біографія Кимона въ этомъ отношеніи, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ, значительно уступала біографіи Перикла. Самая, такъ сказать, техника составленія біографій могла быть неодинакова [4]). Наконецъ, слѣдуетъ замѣтить, что съ своимъ матеріаломъ Плутархъ обращался, какъ художникъ...

[1]) Есть нѣсколько работъ объ отношеніи Плутарха къ Ѳукидиду: Siemon, Quo modo Plutarchus Thucydidem legerit. Berlin. 1881, Heidingsfeld, Quo modo Plut. Thucydide usus sis in componenda Niciae vita. Liegnitz. 1890.

[2]) По поводу этого Э. Мейеръ (Forschungen, II, 22 сл.) приводитъ сравненія изъ новѣйшей исторіографіи: Плутархъ, по его мнѣнію, поступалъ такъ, какъ поступилъ бы какой-либо современный писатель, пишущій біографію напр. Карла V или Фридриха В. для большой публики, ради этого такой писатель не станетъ справляться, за немногими исключеніями, съ оригинальными источниками, хотя бы они были у него подъ рукою. Э. Мейеръ ссылается на примѣръ Лампрехта (извѣстнаго автора „Исторіи нѣмецкаго народа"), который откровенно сознается, что для повѣствовательной части своего труда онъ пользуется общими сочиненіями, напр. для времени Карла V—Баумгартеномъ и Бецольдомъ.

[3]) Forschungen, II, 66 сл. Мнѣніе это раздѣляетъ и развиваетъ Fr. Leo.

[4]) Fr. Leo, стр. 155—6, 176.

Итакъ, не будемъ искать у Плутарха точныхъ извѣстій или вѣрныхъ наблюденій, исторической критики, строгаго безпристрастія или замѣчательнаго по глубинѣ мысли выясненія причинъ событій. Нужно помнить, что онъ не столько историкъ, сколько философъ-моралистъ. Для насъ Плутархъ—неоцѣнимый источникъ, потому что онъ намъ замѣняетъ утраченную литературу; онъ пользовался этою обширною литературою, до насъ не дошедшею, и передалъ намъ богатый и характерный біографическій матеріалъ, и притомъ въ увлекательномъ изложеніи. О многихъ именахъ и дѣятеляхъ мы узнаемъ подробности только благодаря Плутарху.

Діогенъ Лаэртскій.

У Плутарха мы находимъ жизнеописанія государственныхъ дѣятелей и полководцевъ. Жизнеописанія знаменитыхъ философовъ мы найдемъ въ другомъ, дошедшемъ до насъ, большомъ біографическомъ трудѣ, принадлежащемъ Діогену Лаэртію (или Лаэртскому), время жизни котораго въ точности неизвѣстно; полагаютъ, что онъ писалъ въ III в., при Александрѣ Северѣ. Одинъ изъ новѣйшихъ изслѣдователей „греко-римской біографіи“ называетъ трудъ Діогена Лаэртія „важнѣйшимъ памятникомъ литературной біографіи“ [1]). Это—обширная компиляція, носящая заглавіе *βίοι φιλοσόφων*, въ 10 кн.; философы расположены здѣсь по школамъ. Матеріалъ обиленъ; но главное мѣсто занимаютъ анекдоты и подробности, касающіяся частной жизни философовъ. Источникомъ Діогену Лаэртію служили преимущественно компендіумы [2]).

Трудъ Діогена—лишь остатокъ громадной литературы этого рода [3]). Мы уже упоминали напр. объ Антигонѣ изъ Кариста (стр. 224—5). Можно указать еще на предшественника Діогена Лаэртія—Филодема, жившаго въ I в. до Р. Хр. и составившаго очеркъ философскихъ школъ и ученій, и на его современника Филострата (въ концѣ II и нач. III в. по Р. Хр.), автора *βίοι σοφιστῶν*.

---

[1]) Fr. Leo, Die griechisch-romische Biographie, стр. 35 сл.

[2]) Объ источникахъ Діогена Лаэртія — статья столь извѣстнаго нынѣ Нитче въ Rh. Mus., 24—25 т. (1869—70). Ср. также Maass, De biographicis graecis quaestiones selectae (Philol. Untersuchungen, hrsg. von Kiessling und Wilamowitz-Mollendorff, 3-tes Heft. 1880); Wilamowitz, Antigonos von Karystos (Philol. Unters., 4 H., 1881); Fr. Leo, Die griech.-röm. Biogr.

[3]) Белохъ, I, 19.

Изъ современниковъ Плутарха, при обзорѣ источниковъ греческой исторіи, мы не можемъ не назвать Діона Хрисостома, ритора и философа второй половины I и начала II в. по Р. Хр., родомъ изъ Прусы, въ Виѳиніи, славившагося своимъ краснорѣчіемъ, какъ это явствуетъ и изъ его прозванія (Хрососто́мъ—Златоустъ). Онъ особенно интересенъ тѣмъ, что у него мы встрѣчаемъ идеи, напоминающія намъ Руссо и Л. Н. Толстого,—проповѣдь противъ лжи и утонченности изысканной культуры, призывъ къ опрощенію [1]). Но для насъ въ данномъ случаѣ важна его рѣчь Boristhenitica, въ которой онъ описываетъ положеніе греческихъ колонистовъ на сѣверномъ побережьѣ Чернаго моря; эту мѣстность Діонъ лично посѣтилъ во время своего изгнанія. Его сочиненіе, посвященное гетамъ *(Γετικά)*, основанное тоже на личныхъ наблюденіяхъ, къ сожалѣнію, не сохранилось; но имъ пользовался извѣстный историкъ готовъ Іорданъ (или, какъ прежде его называли, Іорнандъ). *Діонъ Хрисостомъ*

Ученику этого Діона, тоже современнику Плутарха, Фаворину, съ которымъ авторъ „Сравнительныхъ жизнеописаній“ былъ въ дружественныхъ отношеніяхъ, принадлежали сочиненія разнообразнаго содержанія — философскаго, историческаго и проч.; въ числѣ ихъ—„Всяческая исторія“ *(παντοδαπὴ ἱστορία)* и „Воспоминанія“ *(ἀπομνημονεύματα)* [2]). Изъ нихъ черпалъ Діогенъ Лаэртскій (посредственно или непосредственно), а „Всяческая исторія“ послужила однимъ изъ источниковъ для той смѣшанной или „пестрой“ литературы, которою такъ была богата эпоха римской имперіи и въ которой обнаруживается интересъ къ разнаго рода достопримѣчательностямъ, удивительнымъ разсказамъ, всевозможнымъ экцерптамъ и проч. Главными представителями этого рода источниковъ для насъ являются Аѳиней и Эліанъ. *Фаворинъ.* *Аѳиней и Эліанъ.*

Между Аѳинеемъ и Эліаномъ много общаго, вопросъ только въ томъ, объясняется ли это тѣмъ, что Эліанъ пользовался Аѳинеемъ или наоборотъ или, наконецъ, тѣмъ, что у обоихъ былъ общій источникъ [3]).

[1]) Въ послѣднее время на Діона Хрисостома обращено вниманіе. Проф. А. И. Сонни посвятилъ ему цѣлую диссертацію и статью въ „Филол. Обозр.“, XIV, 1898 („Къ характеристикѣ Діона Хрисостома“); на нѣм. яз. см Arnim, Leben und Werke des Dio von Prusa. Berl. 1898; его-же, Entstehung und Anordnung der Schriftensammlung Dios von Prusa (Hermes, XXVI). Новѣйшее изданіе—того-же Арнима (Berlin. 1893—6, I—II).

[2]) Fr. Hist. Gr., III.

[3]) О состояніи вопроса въ настоящее время см. Christ, стр. 732; Ad. Bauer, Die Forschungen, 331 сл, и у Pauly-Wissowa, Real-Encyclopädie, s. v.

Аѳинею изъ Навкратиса принадлежитъ сочиненіе подъ заглавіемъ „Обѣдъ софистовъ“ *(Δειπνοσοφισταί)*, въ 15 кн., написанное, повидимому, въ началѣ III в. по Р. Хр и дошедшее до насъ частью въ цѣломъ видѣ, частью въ извлеченіи. Здѣсь описывается обѣдъ, который давалъ одинъ богатый римлянинъ своимъ друзьямъ, и передаются веденные при этомъ разговоры (повидимому, сочиненные). Участниками являются лица различныхъ профессій — врачи, юристы, грамматики, философы различныхъ школъ и направленій, музыканты и т. д. Трактуются самыя разнообразныя темы. Матеріалъ собранъ громадный, преимущественно изъ той литературы, которая утрачена. Этимъ опредѣляется значеніе для насъ произведенія Аѳинея. Ему принадлежало еще сочиненіе *περὶ τῶν ἐν Συρίᾳ βασιλευσάντων*, но оно не сохранилось.

Эліанъ, софистъ конца II и начала III в., написалъ „Пеструю исторію“ (*Ποικίλη ἱστορία*, Historia varia), въ 14 кн., преимущественно собраніе разныхъ анекдотовъ. Первыя двѣ книги ея и начало III-й дошли до насъ въ подлинномъ видѣ, остальныя—въ извлеченіи [1]).

Къ подобнаго же рода источникамъ относятся и „Аттическія ночи“ (Noctes Atticae) — на латинскомъ языкѣ — Авла Геллія, жившаго при Антонинахъ,—плодъ пребыванія автора въ Аттикѣ, его бесѣдъ съ философами и извлеченій изъ прочитанныхъ книгъ. Онѣ имѣютъ значеніе преимущественно для исторіи литературы.

Стобей Болѣе позднему времени принадлежитъ „Антологія“ *(Ἀνθολόγιον)*, въ 4 кн., Іоанна Стобея. Въ ней, для доказательства или иллюстраціи того или иного положенія, приводятся—и при томъ дословныя—выдержки изъ поэтовъ и философовъ, историковъ, ораторовъ, медиковъ; всѣхъ писателей, для насъ большею частью уже утраченныхъ, цитируется болѣе 500. „Антологія“ эта дошла до насъ не совсѣмъ въ цѣломъ видѣ.

Поліэнъ Одинъ изъ писателей II в., Поліэнъ, собралъ около 900 примѣровъ военныхъ хитростей или стратегемъ (*στρατηγήματα*, въ 8 кн.), главнымъ образомъ изъ греческой исторіи. Сборникъ его представляетъ нѣкоторый интересъ, слѣдовательно, для военной исторіи; но нужно имѣть въ виду, что Поліэнъ былъ плохой критикъ: онъ смѣшиваетъ одноименныхъ лицъ и наоборотъ,—разсказываетъ иногда два раза объ одномъ и томъ же эпизодѣ, пользуясь разными источниками.

[1]) Отъ этого Эліана нужно отличать другого, автора учебника по теоріи тактики (въ концѣ I и началѣ II в. по Р. Хр.).

Слѣдуетъ назвать еще двухъ авторовъ II столѣтія, нѣкоторыя произведенія которыхъ имѣютъ близкое отношеніе къ исторіи,—ритора Элія Аристида и извѣстнаго сатирика Лукіана Самосатскаго.

Элій Аристидъ

Въ своей „Панаѳинейской“ рѣчи *(Παναθηναϊκός)*, составленной, очевидно, въ подражаніе знаменитой Исократовой рѣчи, Аристидъ рисуетъ картину славнаго прошлаго Аѳинъ; это—какъ-бы родъ учебника греческой исторіи для школы. Въ другой рѣчи—*ὑπὲρ τῶν τεττάρων*—онъ выступаетъ противъ Платона въ защиту четырехъ великихъ дѣятелей—Мильтіада, Ѳемистокла, Кимона и Перикла, о которыхъ Платонъ такъ неодобрительно отзывался въ „Горгіи“.

Лукіанъ

Лукіану принадлежитъ, между прочимъ, трактатъ о томъ, какъ слѣдуетъ писать исторію (*Πῶς δεῖ ἱστορίαν συγγράφειν;* Quo modo historia sit conscribenda). По его словамъ, писать исторію не такое простое дѣло, какъ ходить, смотрѣть или ѣсть, и, пожалуй, ни одинъ родъ произведеній не требуетъ столько глубокаго размышленія, какъ исторіографія [1]). Историкъ долженъ быть безстрашенъ, неподкупенъ, свободенъ, другъ истины. Онъ долженъ, говоря словами комика, смокву называть смоквой, чашку—чашкой и т. д.

Хронографы.

Нѣкоторые христіанскіе церковные писатели и хронографы служатъ тоже источникомъ при изученіи греческой исторіи. Они стремились сопоставить и согласовать священную исторію и исторію свѣтскую, языческую, дать синхронистическій обзоръ той и другой. Поэтому они важны для хронологіи. Таковы Секстъ Юлій Африканъ и Евсевій.

Юлій Африканъ

Юлій Африканъ [2]), александрійскій пресвитеръ начала III в. по Р. Хр., составилъ всемірную хронику въ 5 кн., *χρονογραφίαι*, или, какъ впослѣдствіи принято было ее называть „Хронологическое Пятикнижіе“ *(πεντάβιβλον χρονολογικόν)*. Это—какъ-бы руководство всемірной исторіи, съ христіанской точки зрѣнія: въ хронологическомъ порядкѣ сопоставляются событія изъ исторіи евреевъ, грековъ и римлянъ, начиная отъ сотворенія міра (или 5500 г. до Р. Хр.) до 221 г. по Р. Хр. Самую важную для насъ часть ея составляетъ списокъ Олимпіадъ, *Ὀλυμπιάδων ἀναγραφή*, какъ основа греческой хронологіи,—списокъ,

[1]) Н. И. Карѣевъ, Идея всеобщей исторіи. Вступ. лекц. Спб. 1885, стр. 3.

[2]) Gelzer, Sextus Iulius Africanus und die byzantinische Chronographie. Leipz. 2 Bde. 1880—5.

сохранившійся у Евсевія, который вообще пользовался трудомъ Юлія Африкана.

Евсевій Евсевій, епископъ Цесарійскій въ первой половинѣ IV в., церковный историкъ и біографъ Константина В.,—въ то же время и авторъ хроники [1]). Раздѣляется она на двѣ части, различныя по содержанію и характеру. Первая—краткій очеркъ исторіи, изъ разнообразныхъ извлеченій. Вторая представляетъ хронологическую таблицу или „канонъ“ (*χρονικὸς κανών*). Эта часть для насъ очень важна въ отношеніи хронологіи. Это—какъ-бы хронологическій остовъ древней исторіи. Сюда вошелъ и „списокъ Олимпіадъ“ Юлія Африкана. Евсевій сопоставляетъ и согласуетъ различныя эры, хронологію библейскую и языческую. Посерединѣ этой таблицы идутъ столбцы разныхъ эръ, прежде всего Авраамовой, причемъ рожденіе Авраама пріурочено къ 2017 г. до Р. Хр. Потомъ къ этой эрѣ присоединяется столбецъ съ годами царствованій разныхъ царей (fila regnorum), ассирійскихъ, сикіонскихъ, египетскихъ, аргивскихъ, спартанскихъ, постепенно, а далѣе, уже на первомъ мѣстѣ, т. е. передъ цифрами Авраамовой эры, начинаютъ идти годы Олимпіадъ и съ основанія Рима. По бокамъ этихъ эръ, направо и налѣво, помѣщаются историческія замѣтки и даты (spatium historicum), по одну сторону—касающіяся свѣтской исторіи, а по другую—касающіяся священной исторіи.

Такимъ образомъ, тутъ предъ нами наглядная сравнительная хронологическая таблица событій всемірной исторіи. Само собою понятно, что текстъ такой таблицы при перепискѣ могъ легко подвергаться порчѣ и искаженіямъ. Въ довершеніе мы не имѣемъ подлиннаго, греческаго текста Евсевіевой хроники (если не считать фрагментовъ ея у позднѣйшихъ хронографовъ, напр. у Георгія Синкелла). Она дошла до насъ въ армянскомъ переводѣ, найденномъ въ концѣ XVIII стол. и изданномъ въ 1818 г.[2]), и затѣмъ въ сирійской версіи, сдѣлавшейся извѣстной еще позже[3]). Къ этому нужно присоединить еще латинскую переработку (съ нѣкоторыми добавленіями) Іеронима.

---

[1]) Изд. Schöne (Berlin. 1875).

[2]) Aucher'омъ (армянскій текстъ съ латинскимъ переводомъ). Въ томъ же году, немного раньше, появилось изданіе Mai и Zohrab'a, дающее лишь латинскій переводъ.

[3]) Издана впервые въ 1850 г.; а латинскій переводъ ея—въ изд. Siegfrid'a и Gelzer'a, 1884.

Византійцы сохранили намъ много отрывковъ и извлеченій изъ древнихъ писателей. Въ особенности мы обязаны патріарху Фотію и его знаменитой „Библіотекѣ“, иначе называемой *Μυριόβιβλος*, въ виду многочисленности тѣхъ авторовъ, изъ которыхъ сдѣланы извлеченія. Фотій имѣлъ подъ рукою многихъ изъ тѣхъ историковъ, которые потомъ были утрачены и до насъ не дошли, напр. Ктесія, почти всего Θеопомпа, всего Діодора и проч. По порученію Константина Багрянороднаго составленъ былъ сборникъ эксцерптовъ *(κεφαλαιωδῶν ὑποθέσεων βιβλία ιγ')* изъ разныхъ историковъ, причемъ эксцерпты распредѣлялись по группамъ или рубрикамъ, напр. о посольствахъ *(περὶ πρέσβεων)*, о добродѣтеляхъ и порокахъ *(περὶ ἀρετῆς καὶ κακίας)*, сентенціяхъ *(περὶ γνωμῶν)* и т. под. Этому сборнику мы обязаны между прочимъ многими отрывками изъ нынѣ утраченныхъ книгъ Полибія

Фотій

Сборникъ эксцерптовъ

Византійской эпохѣ принадлежитъ компиляція нѣкоего Аристодема [1]). Отрывки изъ нея впервые опубликованы во второй половинѣ XIX в.; начинаются они съ разсказа о хитрости Θемистокла (передъ Саламинскимъ сраженіемъ); о персидскихъ войнахъ разсказывается по Геродоту, о Пятидесятилѣтіи — по Θукидиду, съ нѣкоторыми прибавленіями; это, повидимому, школьный компендіумъ [2]), очень плохой и, какъ источникъ, не имѣющій значенія.

Аристодемъ

Немало цѣнныхъ извѣстій находится въ схоліяхъ, напр., къ Аристофану, и у лексикографовъ. Начало лексикографіи относится еще къ Александрійской эпохѣ, разцвѣтъ же—къ римской и византійской.

Лексикографы

Наиболѣе выдающіеся лексикографы слѣдующіе:

Юлій Поллуксъ (или Полидевкъ) изъ Навкратиса (въ концѣ II и началѣ III в. по Р. Хр.), современникъ императора Коммода, которому онъ и посвятилъ свой словарь *(Ὀνομαστικόν)* [3]); Гарпократіонъ изъ Александріи (II или IV в.), составившій объяснительный словарь къ 10 аѳинскимъ ораторамъ *(Λέξεις τῶν δέκα ῥητόρων)*; Гесихій, тоже изъ Александріи (въ концѣ IV или въ V в.); Свида, относящійся уже къ византійской эпохѣ (X в.), и Стефанъ Византійскій, авторъ географическаго сло-

---

[1]) Fr. H. Gr., V.

[2]) Busolt, II², 626; Pauly-Wissowa, Real-Encyclopadie, s. v.

[3]) Stojentin, De Iulii Pollucis in publicis Athenienſium antiquitatibus enarrandis auctoritate. Breslau. 1875.

варя. Къ числу лексикографовъ долженъ быть отнесенъ и патріархъ Фотій, составившій также словарь (*Λέξεων συναγωγή*). Кромѣ того, имѣется нѣсколько безъимянныхъ лексиконовъ, напр. такъ назыв. Lexica Segueriana [1]), Etymologicum Magnum и недавно (1892) обнародованный А. И. Пападопуло-Керамевсомъ Lexicon Sabbaiticum.

Въ большей части изъ названныхъ словарей мы найдемъ объясненія различныхъ выраженій, терминовъ, съ историческими справками, съ цитатами изъ многихъ сочиненій, до насъ не дошедшихъ. Нѣкоторые изъ нихъ поэтому весьма важны для знакомства съ греческими государственными и правовыми древностями, и безъ нихъ никоимъ образомъ здѣсь обойтись нельзя. Въ особенности это нужно сказать о Поллуксѣ и Гарпократіонѣ. Достаточно указать, что напр. *многія цѣнныя сообщенія второй (систематической) части „Аѳинской Политіи“ Аристотеля были давно* намъ извѣстны, еще до открытія трактата, благодаря названнымъ лексикографамъ; что съ помощью преимущественно цитатъ Гарпократіона удалось возстановить текстъ конца трактата, гдѣ папирусъ сильно попорченъ. Правда, съ открытіемъ „Политіи“ теперь эти свидѣтельства Поллукса и Гарпократіона теряютъ прежнюю цѣну, но, кромѣ нихъ, остается немало еще другихъ важныхъ данныхъ. А у Свиды мы найдемъ богатый матеріалъ, напр. историко-литературный, многочисленныя имена, цитаты и указанія. Его словарь, подобно нѣкоторымъ другимъ сборникамъ, о которыхъ раньше шла рѣчь, служитъ замѣной, хотя въ слабой степени, тѣхъ произведеній греческой литературы, которыя до насъ не дошли.

Географы и путешественники-періэгеты.

При обзорѣ источниковъ греческой исторіи нельзя обойти молчаніемъ географовъ и путешественниковъ-періэгетовъ. Географы близко примыкаютъ къ историкамъ; иногда между ними трудно даже провести черту. Первоначально исторія и географія не были даже раздѣлены и первые историки-логографы нерѣдко были въ то-же время и географами, какъ это мы уже видѣли. При изученіи греческой исторіи особенно приходится имѣть въ виду изъ географовъ Страбона, а изъ періэгетовъ—Павсанія;

[1]) Bekker, Anecdota graeca. Berlin. 1814.

изъ ихъ предшественниковъ назовемъ лишь нѣкоторыхъ [1]). Имѣется, напр., описаніе (*Περίπλους*) береговъ Чернаго моря, приписываемое Скилаксу, который по порученію Дарія Гистаспа оплылъ эти берега, но на самомъ дѣлѣ принадлежащее какому-то неизвѣстному составителю, жившему въ IV в. Для насъ былъ бы очень интересенъ отчетъ Неарха (см. стр. 221) о его плаваніи отъ береговъ Индіи къ Персидскому заливу; но онъ до насъ не дошелъ; имъ пользовались Страбонъ и Арріанъ Ниѳей, родомъ изъ Массиліи, предпринялъ путешествіе на сѣверъ къ Британскимъ островамъ и далѣе (ок. 300 г. до Р. Хр.) [2]). Упомянутый уже раньше Агаѳархидъ (см. стр. 223) написалъ сочиненіе о Красномъ морѣ, въ 5 кн., до насъ не дошедшее. Знаменитый Эратосѳенъ замѣчателенъ какъ географъ. Въ своемъ великомъ трудѣ *Γεωγραφικά* (3 кн.), гдѣ онъ высказалъ свой взглядъ на шарообразность земли, онъ между прочимъ давалъ и критическій обзоръ исторіи географіи, начиная съ Гомера до временъ Александра (I кн.) Къ сожалѣнію, и этотъ трудъ извѣстенъ намъ лишь по фрагментамъ [3])

Зато „Географія“ (*Γεωγραφικά*) Страбона дошла до насъ [4]). Страбонъ. Страбонъ [5])—современникъ Августа (род. въ 60-хъ годахъ до Р. Хр. и умеръ въ 20-хъ послѣ Р. Хр.), родомъ изъ Азіи (изъ г. Амасіи); получилъ хорошее образованіе, слушалъ въ молодости философовъ и грамматиковъ, вообще обнаруживалъ нѣкоторую склонность къ философіи и даже на географію смотрѣлъ какъ на ея лишь отдѣлъ: географія, говоритъ онъ въ началѣ своего труда, не менѣе всякой другой науки входитъ въ кругъ занятій философа. Въ Римъ Страбонъ прибылъ въ 29 г. до Р. Хр., но часто отлучался изъ него; между прочимъ онъ въ свитѣ Элія Галла посѣтилъ Египетъ и отъ Александріи проѣхалъ до Филы. Во-

---

[1]) C. Müller, Geographici Graeci minores (кол. Didot). 1855; о географическихъ свѣдѣніяхъ грековъ—трудъ Berger'a, Gesch. d. wissenschaftl. Erdkunde d Griechen Leipz. 1887—93.

[2]) Трудъ Ниѳея не дошелъ до насъ. Объ его открытіяхъ мы узнаемъ главнымъ образомъ изъ латинскаго стихотворенія Авіена (IV в. по Р. Хр.), Ora maritima.

[3]) Berger, Die geographischen Fragmenta des Eratosthenes Leipz 1880.

[4]) Есть и въ русск. перев. — Ѳ. Г. Мищенка (М. 1879). О Страбонѣ, кромѣ Бергера, см. Dubois, Examen de la géographie de Strabon. Étude critique de la méthode et des sources. Paris. 1891; Niese, Beitrage zur Geographie Strabos (Hermes, XIII; Rh. Mus., 38 B.; 42 B.).

[5]) Christ, стр 682 сл.

обще, по его словамъ, онъ посѣтилъ земли отъ Арменіи до Сардиніи и отъ Понта Евксинскаго до Эѳіопіи. О странахъ, которыхъ онъ не посѣщалъ, Страбонъ собиралъ свѣдѣнія у тѣхъ, кто ихъ видѣлъ и описалъ. Главными источниками Страбона были Эратосѳенъ, географъ Артемидоръ и грамматикъ Аполлодоръ, затѣмъ Полибій и Посидоній; онъ пользовался также Антіохомъ Сицилійскимъ, Неархомъ, Мегасѳеномъ, Ѳеофаномъ Милетскимъ и проч.

Страбонъ вообще цитируетъ многихъ авторовъ, но съ нѣкоторыми изъ нихъ онъ, повидимому, знакомъ былъ лишь изъ вторыхъ рукъ; быть можетъ, онъ не пользовался даже Геродотомъ непосредственно [1]). Но во всякомъ случаѣ обширный трудъ Страбона—плодъ работы многихъ лѣтъ и содержитъ массу драгоцѣнныхъ свѣдѣній. По справедливому замѣчанію Виламовица, его „непозволительно низко цѣнить“ [2]), въ особенности историку: вся географія Страбона носитъ, такъ сказать, историческій характеръ [3]), и безъ нея нельзя обойтись при занятіяхъ греческою исторіею. Состоитъ она изъ 17 книгъ; I—II кн. содержатъ физико-математическую географію, VII—X—географію Европы, XI—XVI—Азіи, XVII—Африки.

Сохранился и трудъ великаго астронома и географа древности Птолемея (II в. по Р. Хр.)—*Γεωγραφικὴ ὑφήγησις*, въ 8 кн., своего рода руководство древней географіи, весьма важное для картографіи [4]).

Periegetы. Изъ періэгетовъ-путешественниковъ, сочиненія которыхъ служили какъ-бы путеводителями, назовемъ Геліодора изъ Аѳинъ (II в. до Р. Хр.) [5]), Діонисія (II в. по Р. Хр.), написавшаго гекзаметрами *Περιήγησις τῆς οἰκουμένης*,—стихотвореніе, переведенное потомъ на латинскій языкъ Авіеномъ и Присціаномъ. Отъ этого Діонисія слѣдуетъ отличать другаго Діонисія (тоже II в. по Р. Хр.), автора описанія береговъ Босфора [6]). Важнѣе Полемонъ и въ особенности Павсаній.

---

[1]) E Meyer. Forschungen, II, 233, прим.

[2]) Hermes, XXX (1895), стр. 180.

[3]) Ср. Christ, стр. 686.

[4]) См. напр. Ю. А. Кулаковскій, Карта Европейской Сарматіи по Птолемею. Кіевъ. 1899. Ср. ст. В. В Латышева („Филол. Обозр.“ XVI. 1899) и отвѣтъ Ю. А. Кулаковскаго (ibid., XVII. 1899).

[5]) В Keil, Hermes, XXX.

[6]) Wescher, Dionysii Byzantini de Bosphori navigatione. Paris. 1874.

Полемонъ—періэгетъ II в. до Р. Хр., изъѣздившій Грецію, Переднюю Азію, Сицилію и Италію, — родомъ изъ окрестностей Иліона, авторъ многочисленныхъ сочиненій, напр. описанія Иліона, о городахъ Фокиды, Понта, о священныхъ дарахъ въ Лакедемонѣ, объ аѳинскомъ акрополѣ (4 кн.), о священной дорогѣ—изъ Аѳинъ въ Элевсинъ—, о Сикіонскихъ таблицахъ, о сокровищахъ въ Дельфахъ, о Самоѳракіи и проч. [1]). Какъ видно отчасти уже изъ этого перечисленія, Полемонъ описывалъ различнаго рода древности и памятники искусства, священныя приношенія, надписи посвятительныя, надгробныя и т под., словомъ, различныя достопримѣчательности. Полемонъ былъ однимъ изъ главныхъ источниковъ и Павсанія.

О личности Павсанія мы очень мало знаемъ; біографія его почти неизвѣстна. Извѣстно лишь его путешествіе по Греціи, которое онъ описываетъ въ своемъ трудѣ—*Περιήγησις τῆς Ἑλλάδος* [2]); кромѣ того, мы узнаемъ изъ его же словъ, что онъ былъ родомъ изъ Передней Азіи, изъ окрестностей Сипила, и что жилъ онъ во II стол. по Р. Хр.: въ его „Описаніи Эллады“ есть указанія на памятники временъ Адріана и на 173 г.; очевидно, самый трудъ написанъ былъ при Антонинахъ; извѣстно также, что Павсаній посѣтилъ Италію, Сардинію, Корсику, Аравію, оракулъ Аммона и хорошо зналъ Сирію. Но возникаетъ напр. вопросъ, можно ли періэгета Павсанія отождествлять съ его современникомъ, софистомъ Павсаніемъ, или съ историкомъ Павсаніемъ, авторомъ „Исторіи Антіохіи“? едва-ли [3]). *Павсаній*

Павсанія не безъ основанія называютъ „Бедекеромъ древности“. Его „Описаніе Эллады“ состоитъ изъ 10 книгъ: 1-я книга посвящена Аттикѣ (*Ἀττικά*), 2-я—Коринѳу (*Κορινθιακά*), а так-

---

[1]) Fr. H. Gr., III; Egger, Polémon le voyageur archéologue (Mém. d'hist. anc. et phil. P. 1863).

[2]) Новѣйшее изданіе, съ комментаріями,— Hitzig'a и Blumner'a (Berlin 1896 сл.), еще не оконченное. Замѣчательный англійскій переводъ, съ обширными комментаріями, иллюстраціями и планами,—Frazer'a (London. 1898. 6 v). Русскій переводъ — г. Янчевецкаго (ср. ст о немъ А. Н. Деревицкаго въ „Фил. Обозр.“, I, 1891). Литература о Павсаніи: Brunn, Pausanias und seine Anklàger (N Jahrb. 1884); Kalkmann. Pausanias der Perieget. Untersuchungen uber seine Schriftstellerei und seine Quellen. Berlin. 1886; Gurlitt, Ueber Pausanias. Graz. 1890; Heberdey, Die Reisen des Pausanias in Griechenland Wien. 1894 (Abh. d. arch.-epigr. Seminars. X).

[3]) Christ, стр 694—5

же Аргосу, Микенамъ, Тиринѳу, Эпидавру; 3-я—Лаконіи (*Λακωνικά*), 4-я—Мессеніи (*Μεσσηνικά*), 5-я и 6-я—Элидѣ (*Ἠλιακά*), 7-я—Ахаѣ (*Ἀχαικά*), 8-я—Аркадіи (*Ἀρκαδικά*), 9-я—Беотіи (*Βοιωτικά*) и 10-я—Фокидѣ (*Φωκικά*). Павсаніемъ, слѣдовательно, описана большая часть Греціи, именно страны, болѣе важныя въ культурномъ и политическомъ отношеніи, наиболѣе богатыя памятниками древности и искусства.

Дѣло въ томъ, что Павсаній интересовался преимущественно стариной—вещественными памятниками всякаго рода, развалинами, надписями, изображеніями, предметами, хранящимися въ святилищахъ, преданіями и разсказами, связанными со всѣмъ этимъ, обычаями и т. д. Поэтому его трудъ чрезвычайно важенъ для греческой миѳологіи, археологіи, исторіи искусства, быта, а отчасти и политической. Въ наше время, когда такъ энергично идутъ изслѣдованія на мѣстѣ, раскопки, Павсаніево „Описаніе Эллады“ пріобрѣтаетъ особое значеніе: изслѣдователю, работающему въ этихъ областяхъ, можно сказать, не приходится выпускать Павсанія изъ рукъ. Какое значеніе могутъ имѣть нѣкоторыя его свидѣтельства, достаточно показываетъ тотъ фактъ, что именно слова Павсанія натолкнули знаменитаго Шлимана на мысль—искать гробницы Агамемнона и его спутниковъ внутри микенскаго акрополя, неподалеку отъ Львиныхъ воротъ, и предпринять здѣсь свои раскопки, составившія эпоху и имѣвшія результатомъ открытіе цѣлой культуры—Микенской.

Но одно обстоятельство можетъ смутить читателя Павсанія: послѣдній путешествовалъ по Греціи, лично осматривалъ памятники, между тѣмъ у него встрѣчаются подчасъ странные пропуски, умолчанія о памятникахъ и предметахъ, которыхъ онъ не могъ не видѣть, разъ онъ путешествовалъ по тѣмъ мѣстамъ, которыя онъ описываетъ, и замѣчательно, что онъ упоминаетъ даже о мелочахъ, когда дѣло идетъ о памятникахъ древнѣе 150 г. до Р. Хр., а систематически умалчиваетъ о тѣхъ, которые позже этого года. Спрашивается, чѣмъ же это объяснить? Отчасти пристрастіемъ Павсанія къ старинѣ, а главное—тѣмъ, что хотя онъ и путешествовалъ по Элладѣ, но писалъ онъ по возвращеніи, больше на основаніи книжнаго матеріала. Данныя своихъ источниковъ онъ сливалъ съ личными воспоминаніями и впечатлѣніями [1]). Такими источниками Павсанія были его предшественникъ

[1]) Wilamowitz, Hermes, XII.

Полемонъ, географъ Артемидоръ, историкъ Истръ и другіе; для исторіи, напр., Мессенскихъ войнъ Павсаній пользовался поэтомъРіаномъ и историкомъ Мирономъ. а для исторіи Лаконіи—, можетъ быть, Сосибіемъ. И все-таки, повторяемъ, трудъ Павсанія—цѣлая сокровищница свѣдѣній относительно греческой старины и древностей.

Этимъ я заканчиваю обзоръ источниковъ и перехожу къ обозрѣнію пособій или, точнѣе, къ очерку разработки греческой исторіи въ новое время, преимущественно въ XIX стол.

II.

Очеркъ разработки греческой исторіи въ XIX в.

Литература: Curt Wachsmuth, Einleitung in d. Studium d. alten Gesch. Leipz 1895 (особенно въ началѣ, стр. 1--66): Bursian, Geschichte d. classischen Philologie in Deutschland. München-Leipz. 1883; Wegele, Gesch. d. deutschen Historiographie. München-Leipz. 1885 (то и другое въ коллекціи „Gesch. d Wissenschaften in Deutschland"); Urlichs, Grundlegung und Geschichte d. klassischen Altertumswissenschaft². Munchen. 1892 (въ коллекціи Iw. v. Muller, Handb. d. Altertumswiss.); Pohlmann, Griech Geschichte im XIX Jahrh. (Beilage z. Allgem Zeitung, 1902, № 69—71), Kaerst, Die Gesch. d. Altertums im Zusammenhange d. allgemeinen Entwickelung der modernen historischen Forschung. (Neue Jahrb. f. d. klass. Altertum, Gesch. u. deutsche Litteratur, IX, 1902), Schneidewin, Etwas uber Geist und Art d. alten Philologie, wie sie heute ist und wie sie vor zwei Menschenaltern war (ibid. II, 1898); Hagen, Die Richtungen der klassischen Philologie seit Fr. A. Wolf. Rectoratsrede. Bern. 1895; обзоры въ общихъ трудахъ по исторіи Греціи, напр Holm, Gesch. Griechenlands. Berlin. 1886, I. 10—15; E. Meyer, Gesch. des Alterthums, т. II—V (1893—1902); Pohlmann, Grundriss d. griech Geschichte². Munchen. 1896 (въ коллекціи Iw. v. Müller), Einleitung; Wilamowitz-Mollendorff, Aristoteles und Athen. Berlin, 1893, I, 375 сл.; Mahaffy, Problems in greek history. London. 1882 (перв. и нач второй гл.); Ad. Bauer, Die Forschungen zur Griechischen Geschichte 1888—1898 Munchen. 1899; статьи: Vischer, Ueber die neueren Bearbeitungen der griechischen Geschichte (Kleine Schriften. Leipz. 1877, I); А. И. Покровскій, Новыя явленія въ области разработки древнегреч. исторіи („Историч. Обозр.". Спб. 1890, I); Ѳ. Г. Мищенко, Изученіе античнаго міра въ зависим. отъ успѣх. науки и просвѣщ. Казань. 1893; В. Бузескулъ, Научн. литература по греч. исторіи за послѣдніе годы (1880—1892) въ ея главн. явленіяхъ („Филол. Обозр.", 1893, IV, и отдѣльно), и его-же: Характерн. черты научн. движ. въ области изученія

греч. исторіи за послѣднее 30-лѣтіе („Русская Мысль“, 1900, февраль); Б. Ф Бурзи, О новѣйш. трудахъ по греч. исторіографіи („Кіевск. Унив. Изв.“, 1897, дек.); О Ѳ. Базинеръ, О новѣйшихъ успѣхахъ классич. филологіи (Ж. М. Н Пр., 1901, янв.); Niese, Ueber einige neuere Erscheinungen d griech Geschichtschreibung (Neue Jahrb. f d klass. Altertum..., III, 1899), A. Bauer, Neue Bucher z. griech. Gesch (ibid., IV, 1902); отчеты о текущей литературѣ см преимущественно въ Jahresberichte der Geschichtswissenschaft, въ Jahresb. uber die Fortschritte d. class Wissenschaft (органѣ, основанномъ Бурзіаномъ, затѣмъ издаваем Ив Миллеромъ, а теперь — Gurlitt'омъ и Kroll'емъ), въ Revue historique, Histor. Zeitschr., Berl Philol Wochenschrift, Wochenschr. f klass. Philol., и проч.; а на русск. яз —въ „Филол. Обозр “. Изъ справочн. пособій см. Hubner, Bibliographie d. klass. Alterthumswissenschaft[2] (Grundriss). Berl. 1889; на русск. яз. есть прекрасный „Систематическій указатель книгъ и статей по греческой филологіи, напечатанныхъ въ Россіи“ П. И. Прозорова (Спб 1898); добавленія и поправки къ нему см въ рецензіи г. Малеина въ „Филол Обозр.“, XV, 1 (1898).

„Факты прошлаго“, говоритъ Гизо, „заключаютъ въ себѣ безчисленныя тайны, которыя раскрываются человѣку лишь тогда, когда онъ способенъ познать ихъ.... Такъ какъ все въ человѣкѣ и вокругъ него безпрерывно мѣняется—и точка зрѣнія, съ которой онъ изучаетъ факты, и настроеніе, которое онъ вноситъ въ это изученіе, — то можно бы сказать, что прошлое мѣняется вмѣстѣ съ настоящимъ.... Факты открываются наблюдателю неизвѣстною дотолѣ стороною и говорятъ съ нимъ на другомъ языкѣ. Онъ самъ примѣняетъ въ изслѣдованіи ихъ другіе принципы, наблюденія и сужденія.... Зрѣлище осталось то-же, но зритель—другой, и онъ занимаетъ другое мѣсто; въ его глазахъ все измѣнилось“ [1])

Въ своемъ развитіи, въ своемъ движеніи къ завѣтной, конечной цѣли—истинѣ—наука далеко не всегда идетъ непрерывно и неуклонно въ одномъ направленіи, прямою дорогою [2]), и если бы мы попытались изобразить графически это движеніе, то у насъ получилась бы не прямая линія, а нѣчто въ родѣ зигзаговъ. Большею частью наука, съ ея теоріями и взглядами, уклоняется то въ ту, то въ другую сторону: одна крайность обыкновенно вызы-

---

[1]) Ср. Р. Ю. Виппера, Очерки историч. мысли XIX в. („Міръ Божій“, 1901, мартъ)

[2]) См. мою ст. „Научн. литерат. по греч ист за послѣдн. годы...“, стр. 1.

ваетъ другую, за одною реакціею слѣдуетъ другая, противоположная. Въ особенности это нужно сказать объ исторіи: духъ и запросы времени, различныя теченія въ сферѣ философской и политической мысли, настроеніе и идеалы общества, личные взгляды и симпатіи автора нигдѣ не отражаются такъ ярко и не вліяютъ такъ могущественно, какъ въ области изученія явленій прошлаго, даже такого отдаленнаго отъ насъ, какъ исторія Греціи.

Это обстоятельство, эту тѣсную связь съ современнымъ историку настроеніемъ и положеніемъ дѣлъ необходимо имѣть въ виду при обзорѣ новѣйшей исторической литературы. Кромѣ того, слѣдуетъ замѣтить, что говоря о томъ, какъ разрабатывалась въ XIX в. греческая исторія, придется часто касаться успѣховъ классической филологіи; дѣло въ томъ, что до послѣдняго времени разработка исторіи Греціи, особенно въ Германіи, находилась большею частью въ рукахъ филологовъ-классиковъ.

Новое „Возрожденіе классической древности“ въ XVIII и началѣ XIX в

Ученые XVI—XVII в

Я не буду останавливаться на гуманистахъ и на трудахъ ученыхъ XVI и XVII в.—Сигонія, Меурзія, Убо Эммія, Перицонія—, трудахъ, обильныхъ ученостью, но сухихъ, устарѣлыхъ и давно забытыхъ, къ которымъ даже спеціалистамъ почти никогда не приходится обращаться. Но среди этихъ ученыхъ слѣдуетъ все-же отмѣтить Скалигера, какъ основателя научной хронологіи [1]), и Бентлея, какъ провозвѣстника новаго критическаго метода, доказавшаго подложность такъ называемыхъ писемъ Фаларіса (1699).

Вико

Въ XVIII в. въ Италіи Вико, авторъ знаменитой „Новой науки“, высказалъ замѣчательные и оригинальные для своего времени взгляды. По гомерическому вопросу онъ явился предшественникомъ Вольфа: путемъ дивинаціи онъ пришелъ къ выводу, что Гомера на самомъ дѣлѣ не было, что это—собирательная личность, символъ, олицетвореніе народнаго эпоса, что Иліада и Одиссея возникли изъ различныхъ, отдѣльныхъ пѣсенъ, распространяемыхъ устами народа, и что между обѣими поэмами долженъ быть промежутокъ, по крайней мѣрѣ, въ 100 лѣтъ. Но Вико

---

[1]) De emendatione temporum (1583); Thesaurus temporum. 1606 (2-е изд.—1658).

остался незамѣченнымъ своими современниками, и его взгляды не оказали вліянія на послѣдующую разработку греческой исторіи.

Начало новаго „Возрожденія“

Какъ-бы новое, вторичное „Возрожденіе классической древности“ обнаружилось во второй половинѣ XVIII и началѣ XIX в. въ Германіи [1]). Оно совпало съ расцвѣтомъ нѣмецкой литературы, съ эпохой Гете и Шиллера и романтизмомъ, и въ значительной мѣрѣ обусловливало этотъ расцвѣтъ

Подобно тому, какъ въ XIV—XVI стол., это новое „Возрожденіе древности“ удовлетворяло новымъ зародившимся потребностямъ. Оно стоитъ въ связи съ развитіемъ индивидуализма, „человѣческой личности“; классическая литература и искусство содѣйствовали и національному возрожденію Германіи, развитію самосознанія въ обществѣ, онѣ помогли нѣмцамъ освободиться отъ подражанія французскимъ образцамъ. Пробудился интересъ къ народному творчеству. Вспомнимъ, что то было время Гердера, собиравшаго памятники народной поэзіи („Голоса народовъ“), открытія Нибелунговъ, а за предѣлами Германіи—поэзіи Бернса и такъ назыв. Оссіана.

На первыхъ порахъ особенно увлекались эстетикой: искали законовъ художественнаго творчества, а въ Греціи видѣли источникъ истинной художественности и культуры.

Винкельманъ

Громадное вліяніе на новое „Возрожденіе древности“ оказалъ Винкельманъ [2]) своею знаменитою „Geschichte der Kunst des Alterthums“ [3]) (1764), въ основу которой положена мысль о связи искусства съ общею судьбою народа, съ окружающею его природой, съ его нравами, государственнымъ устройствомъ и вообще культурой. Винкельманъ явился, можно сказать, основателемъ исторіи искусства; онъ открылъ Европѣ греческое искусство. Его трудъ внесъ новую, сильную, свѣжую струю въ изученіе древности и могущественнымъ образомъ повліялъ на пробужденіе интереса къ ней.

---

[1]) Breysig, Die letzte Wiedergeburt der Antike (Neue Deutsche Rundschau, 1902, Iuni); Herm. Fischer, Der Neuhumanismus in der deutschen Litteratur Rektoratsrede. Tubingen. 1902.

[2]) Iusti, Winkelmann und seine Zeitgenossen. 2-te Aufl. Leipz 1898. 3 Bde; Н М. Благовѣщенскій, Винкельманъ и позднія эпохи греческой скульптуры. Спб. 1891.

[3]) Русск. пер.—„Исторія искусства древности“. Ревель. 1890 (прилож. къ журн. „Гимназія“, 1888–1890).

Лессингъ и другіе

Въ томъ же направленіи дѣйствовали: Лессингъ такими своими трудами, какъ „Лаокоонъ или о границахъ между живописью и поэзіей“ (1766) и „Гамбургская драматургія“ (1767—69), въ которой онъ проводилъ свои взгляды на драматическую поэзію, причемъ касался греческой трагедіи и взглядовъ Аристотеля: Гердеръ своими историко-философскими идеями [1]), своими статьями о греческой литературѣ (напр. Homer als Günstling der Zeit) и взглядами на народную поэзію, и Фоссъ, своимъ переводомъ (1781—93) сдѣлавшій Гомера доступнымъ массѣ образованной нѣмецкой публики.

Гете и Шиллеръ

Произведеніе Винкельмана и „Лаокоонъ“ Лессинга, какъ извѣстно, произвели сильное впечатлѣніе на молодого Гете: всю жизнь потомъ онъ находился подъ нѣкоторымъ обаяніемъ античнаго міра. Великій „Олимпіецъ“, какъ называли иногда Гете, проникнутъ былъ эллинскимъ духомъ; его геній былъ какъ-бы родственнымъ генію грековъ. Классическую древность Гете зналъ и понималъ прекрасно [2]). Вспомнимъ его Ифигенію, вторую часть Фауста съ „классическою Вальпургіевою ночью“, его „Ueber Kunst und Alterthum“ и проч. Его отношеніе къ грекамъ лучше всего видно изъ извѣстныхъ словъ: „Пусть всякій будетъ грекомъ, хотя бы по-своему, но пусть будетъ“. Для Гете грекъ—типъ человѣка. образецъ высоко и всесторонне развитой человѣческой личности.

То-же, хотя и въ меньшей мѣрѣ, можно сказать и о другомъ великомъ поэтѣ Германіи — Шиллерѣ, переводившаго (не зная даже языка) „Ифигенію въ Авлидѣ“ и „Финикіянокъ“ Еврипида и въ своихъ статьяхъ по эстетикѣ касавшагося древности.

Романтизмъ

Вліяніе Винкельмана сказывается еще на такихъ представителяхъ романтизма, какъ братья Шлегели. Оба они извѣстны трудами по исторіи греческой литературы [3]).

---

[1]) „Auch eine Philosophie der Geschichte zur Bildung der Menschheit“ (1774) и въ особенности знаменитыми „Ideen z. Philosophie der Geschichte der Menschheit (1784—91, 4 ч.).

[2]) Объ отношеніи Гете къ античному міру есть много статей. напр. рѣчь Классена на собраніи нѣмецк. филологовъ и учителей во Франкфуртѣ на М. въ 1861 г. (изд Leipz. 1863); Urlich, Göthe und die Antike (Göthe-Jahrbuch, hrsg. von Geiger, III-es B. [1882]); F. Schmidt, Göthe und Altertum (Preuss. Jahrb 105 B., 1901); см. также Thalmayr, Göthe und d. klass. Altertum.

[3]) Августу Вильгельму Шлегелю принадлежатъ лекціи „О драматическомъ искусствѣ и литературѣ“ (1809—11) и исторія греч. эпоса и лирики, а Фридриху Шлегелю — Die Griechen und Romer. Hist. und kritische Ver-

Во всемъ этомъ немало было, конечно, односторонняго увлеченія, идеализаціи древности. Въ Германіи XVIII в., при слабомъ развитіи общественно-политической жизни, при отсутствіи живого интереса къ ней, на первомъ планѣ стояли вопросы эстетики: вниманіе привлекали искусство и литература грековъ, но не ихъ политическая исторія, не общественный и государственный строй [1]) „Въ исторіи человѣческаго сознанія есть эпохи". говоритъ акад. А. Н Веселовскій [2]), „когда, при упадкѣ общественности, личная жизнь получаетъ особую цѣнность и требованія разсудка уступаютъ вожделѣніямъ сердца. Сентиментальныя эпохи—эпохи общественнаго затишья, ожиданія или реакціи; широкія цѣли дѣятельности заказаны или еще не раскрылись, прогрессъ ограниченъ предѣлами личности. Идеаломъ каждаго становится развитіе въ себѣ „человѣка", присущихъ ему нравственныхъ началъ". Эта прекрасная характеристика вполнѣ примѣнима къ тогдашней Германіи. Но все-же интересъ къ древности, хотя и съ односторонней, эстетико-романтической точки зрѣнія, былъ пробужденъ.

Франція

Въ то время, какъ въ нѣмецкой литературѣ XVIII в. мы видимъ такое увлеченіе греческимъ искусствомъ и поэзіей, во Франціи увлекались преимущественно Плутархомъ и его героями, античными республиками, Аѳинами и въ особенности Спартою, доблестями и республиканскими добродѣтелями ихъ гражданъ, причемъ представляли себѣ ихъ въ болѣе или менѣе идеальномъ свѣтѣ. Достаточно вспомнить о дѣятеляхъ и ораторахъ временъ французской революціи. Греціи касалась иногда и политическая литература Франціи XVIII в. Изъ сочиненій же, воспроизводившихъ греческую древность, во французской литературѣ мы отмѣтимъ лишь одно, пользовавшееся большимъ успѣхомъ; это—„Voyage du jeune Anacharsis en Grèce" аббата Бартелеми (Barthélemy),

---

suche uber das class. Alterthum (1797); Geschichte der Poesie der Griechen und Römer (1798) и лекціи, читанныя въ 1812 г.,—Gesch. d. alten und neuer Litteratur (1815, 2 т.).

[1]) Исключеніе составляетъ выдающееся для своего времени сочиненіе Heeren'a: Ideen uber Politik, den Verkehr und den Handel d. vornehmsten Völker d. alten Welt (1-й т.—1793) и Handbuch der Staaten d Altertums mit besonderes Rucksicht auf ihre Verfassungen, ihre Handel und ihre Kolonien (1-й т.—1797). Здѣсь обращено большое вниманіе на политическое и торговое развитіе древняго міра. О Вольфѣ скажу далѣе

[2]) „В. А. Жуковскій". Чтеніе. Спб. 1902, стр 3 (изъ „Изв. отдѣл. русск. яз. и слов. Имп Акад. Наукъ", VII, кн. 2).

полуисторія, полуроманъ, гдѣ въ формѣ путешествія молодого скиѳа описывается бытъ и строй Греціи. Изъ работъ спеціальнаго характера мы должны въ особенности отмѣтить открытіе и изданіе Villoison'омъ (1788) венеціанскаго кодекса Иліады со схоліями, значительно отличавшагося отъ вульгаты, что послужило толчкомъ къ поднятію гомерическаго вопроса и опорой для выводовъ Ф. А. Вольфа въ его Prolegomena.

Англія Зато въ Англіи въ XVIII ст. появилось уже нѣсколько общихъ „Исторій Греціи"—Goldsmith'a, Gillies, Mitford'a; но на нихъ мы можемъ не останавливаться, такъ какъ въ настоящее время труды эти не имѣютъ никакого значенія; отмѣтимъ развѣ „Исторію Греціи" Митфорда, замѣчательную своею торійскою точкою зрѣнія и въ особенности тѣмъ, что она дала поводъ Гроту взяться за свой знаменитый трудъ по исторіи Греціи.—Затѣмъ, нужно замѣтить, что въ Англіи раньше еще, нежели въ Германіи, въ XVIII в. оцѣнили Гомера: извѣстный переводъ Попа появился еще въ 1715 г. Нѣмцы въ этомъ отношеніи пошли лишь по слѣдамъ англичанъ.

Отъ Вольфа, Нибура и Бека до Грота.

Начало новой эпохи Французская революція, владычество Наполеона, разгромъ и послѣдовавшее затѣмъ возрожденіе Германіи, пробужденіе національныхъ и политическихъ стремленій, все это должно было отразиться и на развитіи исторической науки, возбудить интересъ не къ одной только эстетической, но и къ другимъ сторонамъ древности—къ ея политической жизни, къ внутреннему, государственному и экономическому строю. То была пора, когда среди наступившаго послѣ долгихъ Наполеоновскихъ войнъ мира различныя націи Европы вступили какъ-бы въ соревнованіе между собою на научномъ поприщѣ; но въ сферѣ историко-филологическихъ наукъ первое мѣсто принадлежало тогда, безспорно, Германіи. Здѣсь мы видимъ кипучую дѣятельность, обиліе талантовъ. Корифеями въ области изученія древности въ началѣ XIX в. являются Вольфъ, Нибуръ и потомъ Бекъ. Съ ними начинается новая эпоха въ разработкѣ древней исторіи.

Вольфъ. Фридрихъ Августъ Вольфъ (1759—1824) лучшею порою своей дѣятельности принадлежитъ еще XVIII в.: свои знаменитыя

Prolegomena ad Homerum [1]) онъ издалъ въ 1795 г., будучи профессоромъ въ Галле (впослѣдствіи онъ перешелъ въ Берлинъ). Эти Prolegomena составили эпоху въ классической филологіи; они положили начало гомерическому вопросу (см. выше, стр. 25) и болѣе того — методическому изученію памятниковъ древности: изслѣдованіе Вольфа важно не столько по своимъ выводамъ, сколько по методу, какъ образецъ тщательнаго и критическаго разбора ряда свидѣтельствъ касательно гомерическихъ поэмъ, начиная съ глубокой древности.

Нибуръ (1776—1831) своею „Римскою исторіею“ (1811) открываетъ новую эру въ развитіи исторической науки (подобно тому, какъ Вольфъ своими Prolegomena—въ филологіи) Его критическій методъ, его стремленіе очистить историческую дѣйствительность отъ легенды и преданія, представить древность въ живомъ видѣ, его пріемы, его универсально-историческая точка зрѣнія, уясненіе аграрныхъ и экономическихъ отношеній древности путемъ сближеній и сопоставленій,—все это не могло не отразиться на разработкѣ и другихъ отдѣловъ исторіи, въ томъ числѣ и греческой. Это общее значеніе Нибурова метода и пріемовъ прекрасно опредѣлилъ Гете, писавшій послѣ смерти Нибура, что всѣ эти аграрные законы его нисколько не касаются, но что для него важны способъ, какимъ Нибуръ ихъ объясняетъ, и то, какъ онъ запутанныя, сложныя отношенія дѣлаетъ ясными. *Нибуръ*

Но Нибуръ имѣетъ и болѣе прямое отношеніе къ разработкѣ греческой исторіи. Онъ содѣйствовалъ осуществленію такого изданія, какъ Corpus Inscriptionum Graecarum, и даже принималъ нѣкоторое участіе въ его подготовкѣ; а будучи профессоромъ въ Боннѣ, онъ въ 1825/6 и 1829/30 гг. читалъ лекціи по исторіи Востока и Греціи, включая и Македонскій періодъ. Лекціи эти—Vorträge uber alte Geschichte—впослѣдствіи, спустя уже много лѣтъ послѣ смерти Нибура, были изданы его сыномъ (1847—51), въ 3 томахъ, на основаніи записокъ слушателей [2]). Въ нихъ сохранился характеръ живой, устной рѣчи. Онѣ богаты сопоставле-

[1]) Полное заглавіе: Prolegomena ad Homerum sive de operum Homericorum prisca et genuina forma variisque mutationibus et probabili ratione emendandi 1795 (новое 2-е изданіе—въ Calvary's Philolog und archaolog. Bibliotheck Berlin. 1876, 3-е изд.—Peppmuller'a, Halle. 1884).

[2]) О чтеніяхъ Нибура на русск. яз. есть статья Т. Н Грановскаго (Соч., т. II).

ніями съ дѣятелями и событіями новаго времени (Нибуръ стоитъ, какъ упомянуто, на универсально-исторической точкѣ зрѣнія). Въ нихъ сказываются политическія воззрѣнія знаменитаго историка, его симпатія къ Аѳинамъ, антипатія къ Спартѣ, Ѳивамъ, а въ особенности къ Македоніи и Александру В., въ чемъ онъ иногда открыто сознается. По поводу напр. упрековъ, дѣлаемыхъ Плутархомъ Геродоту, Нибуръ говоритъ, что Плутарха къ этимъ упрекамъ побуждалъ его беотійскій патріотизмъ, и это правда— Геродотъ питалъ ненависть къ Беотіи. „Но", продолжаетъ Нибуръ, „если это преступленіе, то я его раздѣляю: я не люблю Спарты; тѣмъ не менѣе думаю, что величайшимъ несчастіемъ для Греціи было то, что ѳиванцы въ своемъ правомъ дѣлѣ получили верхъ надъ Спартой и достигли гегемоніи" (I, 388). Въ симпатіи къ Аѳинамъ и антипатіи къ Македоніи, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ отношеніяхъ, Нибуръ являлся предшественникомъ Грота, съ которымъ у него было немало общаго. Въ письмѣ къ Гроту онъ самъ говоритъ, что между ихъ принципами и ихъ историческими воззрѣніями существуетъ духовное сродство [1]).

На лекціяхъ Нибура лежитъ печать оригинальности. Но все-же онѣ, не говоря уже объ ихъ устарѣлости, нѣкоторой неравномѣрности изложенія и ошибкахъ въ деталяхъ—вполнѣ понятныхъ, такъ какъ Нибуръ читалъ на-память и безъ особенной подготовки—, конечно, не могутъ быть и сравниваемы съ его „Римскою Исторіею" [2]).

Бекъ. Но ближайшее участіе въ разработкѣ греческой исторіи принималъ Бекъ [3]), ученикъ Вольфа.

---

[1]) Harriete Grote, George Grote. Sein Leben und Wirken (перев. съ англ.), стр. 60. Письмо Нибура писано въ 1827 г., задолго до появленія History of Greece Грота; но Нибуръ основывался на его статьѣ по поводу „Исторіи Греціи" Митфорда.

[2]) Нибуру принадлежитъ еще дѣтская книжка: „Разсказы о греческихъ герояхъ", составленные имъ для сына; есть русскій переводъ (М. О. Гершензона. М. 1897)

[3]) Max Hoffmann, August Bockh. Lebensbeschreibung und Auswahl aus seinem wissenschaftlichen Briefwechsel. Leipz. 1901. Большую часть книги занимаетъ переписка Бека съ различными учеными (Велькеромъ, Нибуромъ, Шеманомъ, Александромъ Гумбольдтомъ и проч.); переписка его съ любимымъ ученикомъ, К. О. Миллеромъ, издана еще въ 1883 г. отдѣльною книгою (по поводу ея см. ст. И. В. Помяловскаго въ Ж. М. Н. Пр., 1884). О Бекѣ см. также ст. Stark'a въ Allgem. Deutsche Biographie; Reiter'a, Aug. Bockh, въ N. Jahrb f. d. klass. Altertum., IX, 1902, и Harnack, Gesch. d. Königl. Preuss. Akad d. Wissensch. zu Berlin. Berlin. 1900 (есть и другое, дешевое изд., безъ прилож.).

Онъ родился въ 1785 г. въ Карлсруэ; слушалъ лекціи въ университетѣ въ Галле; сначала занимался теологіей, но потомъ подъ вліяніемъ Шлейермахера и въ особенности Вольфа предался изученію филологіи. Въ 1807—11 г. Бекъ занималъ каѳедру въ Гейдельбергскомъ университетѣ и стоялъ близко къ кружку романтиковъ. Въ ту пору будущій авторъ „Государственнаго хозяйства аѳинянъ“ и основатель современной эпиграфики съ особеннымъ увлеченіемъ изучалъ Платона, трагиковъ и Пиндара; ими впрочемъ и впослѣдствіи онъ не переставалъ интересоваться (особенно Платономъ). Кромѣ того, уже тогда его занимала мысль написать сочиненіе подъ заглавіемъ „Hellen“, въ которомъ была бы изображена греческая жизнь и культура со всѣхъ ея сторонъ.

Въ 1811 г. Бекъ былъ приглашенъ въ Берлинскій университетъ. Университетъ этотъ, какъ извѣстно, былъ основанъ послѣ разгрома Пруссіи и долженъ былъ служить средствомъ къ поднятію и возрожденію ея, дабы, выражаясь словами Фридриха Вильгельма III, „духовными силами возмѣстить потерю въ силахъ физическихъ“, матеріальныхъ. На первыхъ же порахъ въ немъ преподавали такія свѣтила тогдашней науки и философіи, какъ Нибуръ, Савиньи, Фихте, учителя Бека — Вольфъ и Шлейермахеръ, перешедшіе изъ Галле, и друг. Въ ихъ среду вступилъ и Бекъ. Кромѣ того, въ 1814 г. онъ дѣлается членомъ Берлинской Академіи Наукъ и сближается съ знаменитыми братьями Гумбольдтами.

Бекъ былъ того мнѣнія, что Академія должна взять на себя такія задачи и предпріятія, которыя не по силамъ отдѣльнымъ лицамъ, и какъ только кончилась война за освобожденіе Германіи, въ началѣ 1815 г. онъ внесъ въ Академію предложеніе издать собраніе всѣхъ аттичныхъ надписей—Thesaurus inscriptionum— и начать изданіе съ греческихъ [1]). Предложеніе было принято съ воодушевленіемъ. Самое предпріятіе казалось сравнительно нетруднымъ: съ изданіемъ греческихъ надписей надѣялись справиться въ теченіе какихъ-нибудь 4 лѣтъ и обойтись всего 6000 талеровъ; предполагалось, что все изданіе займетъ одинъ толстый фоліантъ или два небольшихъ. Съ тѣхъ поръ, по справедливому

Corpus Inscrpi. Graec.

[1]) Кромѣ упомянутыхъ на предыд стр., въ прим., біографій Бека и труда Гарнака, см. Larfeld, Griechische Epigraphik² (1892), въ коллекціи Iw. v. Muller.

замѣчанію историка Берлинской Академіи, Гарнака, прошло болѣе 80 лѣтъ; изданіе превратилось въ цѣлую библіотеку и осуществленіе его стоитъ вдесятеро дороже предположенной суммы; оно не окончено еще и теперь, да, собственно говоря, никогда и не можетъ быть окончено, такъ какъ постоянно находится все новый и новый матеріалъ.

Для осуществленія предпріятія избрана была коммиссія (Нибуръ, Шлейермахеръ, Буттманъ, Беккеръ и Бекъ) и рѣшено было вступить въ сношенія съ иностранными учеными и учрежденіями, въ особенности съ греческими обществами на о-вѣ Корфу, въ Θессаліи и въ Аѳинахъ. Предполагалось переиздать по одному общему плану надписи, уже опубликованныя раньше, но разсѣянныя въ разныхъ изданіяхъ, критически очистивъ ихъ текстъ, устранивъ фальсификаціи и т. д. О списываніи надписей, о точныхъ снимкахъ съ нихъ, провѣркѣ и сличеніи ихъ на мѣстѣ, о командированіи ученыхъ въ Грецію въ то время и не думали: до 20-хъ годовъ прошлаго вѣка Греція находилась подъ турецкимъ игомъ, въ 20-хъ годахъ происходила ожесточенная борьба за ея освобожденіе и страна была малодоступна для европейцевъ. Душою всего дѣла по изданію греческихъ надписей былъ Бекъ: на него возложена была редакція; на него легла и главная тяжесть работы. Въ 1817 г. онъ на время ее прервалъ, отчасти вслѣдствіе различныхъ затрудненій и непріятностей, отчасти отвлеченный другими занятіями; но съ 1820 г. онъ снова принимается за нее энергично: въ концѣ 1821 г. имъ было собрано уже болѣе 5000 надписей и въ 1823—4 г. можно было уже приступить къ печатанію. Первый выпускъ появился въ 1825 г., а въ 1828 г. вышелъ весь I томъ знаменитаго „Corpus Inscriptionum Graecarum".

Трудность предпріятія при тогдашнихъ условіяхъ, многочисленныя обязанности и работы самого Бека, все это задерживало изданіе продолженія: II томъ вышелъ лишь въ 1843 г. Впослѣдствіи Бекъ привлекъ къ этому дѣлу сотрудника въ лицѣ Franz'a, автора руководства по греческой эпиграфикѣ (Elementa epigraphices Graecae. 1840), который подъ его руководствомъ обработалъ собранный имъ матеріалъ, именно бо́льшую часть III-го тома (3 выпуска его вышли въ 1845—51), а послѣ смерти Франца продолженіе его работы возложено было на Эрнста Курціуса (издавшаго 4-й выпускъ III т. въ 1853 г. и 1-й выпускъ IV т.). Преемникомъ Курціуса, перешедшаго въ Геттингенъ, явился Ад.

Кирхгофъ. выпустившій въ 1859 г. второй фасцикулъ IV т. Регистръ къ Corp. Inscr. Graec., какъ было упомянуто (стр. 19), изданъ лишь въ 1877 г., т. е. уже 10 лѣтъ спустя послѣ смерти Бека.

Такъ оконченъ былъ монументальный Corpus Inscriptionum Graecarum, послѣ почти полувѣковой работы, хотя и съ большими промежутками. Этимъ положено было начало цѣлому ряду подобныхъ же сборниковъ эпиграфическаго матеріала. О значеніи надписей, какъ историческаго источника, я не буду здѣсь распространяться, такъ какъ касался этого уже раньше (на стр. 14 и слѣд.). Бекъ явился такимъ образомъ основателемъ современной эпиграфики. Самъ онъ никогда не былъ въ Греціи или на островахъ Архипелага, въ отличіе отъ большинства послѣдующихъ эпиграфистовъ, не изучалъ и не сличалъ надписей самъ на мѣстѣ, не открывалъ новыхъ; въ его Corp. Inscr. Graec. есть немало ошибокъ и недостатковъ, что̀ и подало поводъ къ рѣзкой критикѣ и нападкамъ со стороны одного изъ тогдашнихъ корифеевъ классической филологіи въ Германіи, Готфрида Германа и другихъ противниковъ Бека. И тѣмъ не менѣе работа Бека была колоссальная и результаты въ общемъ блестящи. Бекъ положилъ начало надлежащему собиранію, изданію и изученію надписей; онъ созналъ все значеніе послѣднихъ и во всеуслышаніе заявилъ (въ предисловіи къ 1-му изданію своего „Государственнаго хозяйства аѳинянъ“), что только послѣ того, какъ будутъ собраны надписи, можно будетъ приняться за изображеніе внутренней исторіи эллинскаго народа. Онъ собралъ громадный эпиграфическій матеріалъ; онъ добылъ лучшія, болѣе точныя списки многихъ надписей и доказалъ подложность нѣкоторыхъ (собранныхъ Фурмономъ); во многихъ случаяхъ установилъ болѣе правильный текстъ, причемъ обнаружилъ замѣчательное и всестороннее знаніе древности, обширную ученость, критическій талантъ и даръ дивинаціи; онъ далъ образцовыя объясненія надписей, опредѣляя время каждой и ея историческій смыслъ. Въ Corp. Inscr. Graec. мы встрѣчаемъ иногда цѣлыя изслѣдованія Бека. Можно указать напр. во II т. на исторію греческихъ колоній у Боспора и комментарій къ Парросской хроникѣ.

Въ связи съ работами Бека надъ Corp. Inscr. Graec. стоитъ замѣчательная монографія его о государственномъ хозяйствѣ аѳинянъ (Die Staatshaushaltung der Athener), для которой главный матеріалъ дали ему надписи. Монографія эта вышла въ свѣтъ

„Государственное хозяйство аѳинянъ“

впервые въ 1817 г.[1]). Бекъ посвятилъ ее Нибуру, какъ великому знатоку древности, „dem scharfsinnigen und grossherzigen Kenner des Alterthums“.

Какъ было упомянуто, Бекъ давно уже имѣлъ въ виду въ одномъ трудѣ подъ заглавіемъ „Hellen“ охватить всю греческую жизнь; но оказалось, что предварительно необходимо изслѣдовать отдѣльныя части. Изученіе греческихъ древностей, говоритъ Бекъ въ предисловіи къ 1-му изданію „Die Staatshaushaltung der Athener“, находится еще въ зародышѣ; имѣется большой матеріалъ, но большинство не умѣетъ имъ пользоваться. Изложеніе цѣлаго, обработаннаго въ научномъ духѣ и съ широкой точки зрѣнія, а не такъ, какъ до сихъ поръ, составляетъ по мнѣнію Бека, потребность времени; это не должно быть грубой и безсвязной грудой,—это должно быть произведеніе не какого-нибудь собирателя, а изслѣдователя и знатока. Но прежде чѣмъ такая потребность можетъ быть удовлетворена, должны быть обработаны отдѣльныя части не по мелкому масштабу.

И вотъ Бекъ изслѣдуетъ предметъ, на который до него менѣе всего обращали вниманіе,—хозяйство аттическаго государства, „величайшаго и благороднѣйшаго изъ всѣхъ эллинскихъ“. Но онъ понимаетъ задачу широко. „Ни жизнь древности безъ знанія ея финансовъ“, замѣчаетъ онъ, „ни ея финансовая система безъ болѣе точнаго изученія внутренняго строя государства и публичной жизни не могутъ быть поняты“. Сообразно съ этимъ въ I томѣ мы имѣемъ изслѣдованіе о цѣнѣ, заработной платѣ и процентѣ въ Аттикѣ (1-я кн.); о финансовомъ управленіи и расходахъ (2-я кн.); объ обыкновенныхъ доходахъ (3-я кн.) и доходахъ чрезвычайныхъ Аѳинскаго государства, а также объ особыхъ финансовыхъ мѣрахъ грековъ (4-я кн.). II томъ содержитъ приложенія—надписи (списки дани аѳинскихъ союзниковъ) и ихъ разборъ. Въ III томѣ, который вышелъ лишь въ 1840 г., подвергнуты изслѣдованію надписи (преимущественно списки кораблей въ IV в. и т. под.), собранныя Ludw. Ross'омъ во время пребыванія его въ Греціи и доставленныя имъ Беку; онѣ, такъ

---

[1]) Первые два тома (III томъ, содержащій Urkunden über das Seewesen d. Attisch. Staates, появился въ 1840 г.); 2-е изданіе вышло въ 1851 г., а 3-е—, въ обработкѣ Макса Френкеля, почти 20 лѣтъ спустя послѣ смерти автора, въ 1886 г.

сказать, документально знакомятъ насъ съ состояніемъ морскихъ силъ и морскаго дѣла въ Аѳинахъ.

„Die Staatshaushaltung der Athener“ Бека принадлежитъ къ тѣмъ трудамъ, которые нѣмцы называютъ epochemachend, „дѣлающими эпоху“. Прежде всего замѣчательна здѣсь самая тема. Лишь въ недавнее время вполнѣ сознана важность экономическихъ факторовъ въ исторіи, въ томъ числѣ и древней, и лишь въ трудахъ новѣйшихъ изслѣдователей этимъ факторамъ удѣляется надлежащее мѣсто; прежде же, особенно въ концѣ XVIII и началѣ XIX в., обыкновенно восхищались стремленіемъ грековъ къ прекрасному, ихъ литературой и искусствомъ, но мало были знакомы съ самымъ механизмомъ ихъ государственнаго строя, съ условіями его существованія; грековъ склонны были представлять себѣ въ идеальномъ видѣ, какими-то неземными существами. Бекъ остановилъ свое вниманіе на самой прозаической сторонѣ и назадъ тому болѣе 80 лѣтъ заговорилъ о такихъ вещахъ, какъ цѣна, заработная плата, проценты, финансовое управленіе, расходы, доходы... По темѣ и содержанію трудъ Бека опередилъ его эпоху и стоитъ въ уровень съ современными требованіями и задачами исторической науки. Бекъ чрезвычайно расширилъ рамки классической филологіи, какъ науки, и, самъ филологъ, далъ трудъ, чрезвычайно важный и для историка, и для политико-эконома. Въ своемъ трудѣ онъ затрогиваетъ множество вопросовъ изъ экономической и финансовой жизни Аттики; онъ поинтересовался узнать, что́ ѣли аѳиняне? что́ стоили у нихъ предметы первой необходимости, хлѣбъ, жилища? какъ велико было населеніе Аттики, въ частности—число рабовъ? каковы были источники благосостоянія и какъ велико богатство отдѣльныхъ лицъ? какъ функціонировалъ государственный механизмъ у аѳинянъ въ самыхъ его мелочахъ и т. д. Онъ касается всего хозяйственнаго организма Аѳинскаго государства, самыхъ основъ его существованія, его внутренней жизни, административнаго и политическаго строя, его механизма. Такимъ образомъ трудъ Бека важенъ для знакомства не только съ хозяйствомъ и финансами, но и вообще съ жизнью и строемъ Аѳинскаго государства.

Не слѣдуетъ однако думать, чтобы Бекъ стоялъ на той односторонней точкѣ зрѣнія, на какой стоитъ современный „экономическій матеріализмъ“. Напротивъ, онъ признавалъ все значеніе духовныхъ факторовъ, всю важность того „духа, который оживляетъ государство“. „Духу все подчинено“, говоритъ Бекъ, „онъ

обезпечилъ аѳинянамъ высокое мѣсто среди народовъ всемірной исторіи... Но духъ нуждается, кромѣ доблести души, для внѣшней дѣятельности еще и въ матеріальныхъ силахъ, которыя всѣ продаются за деньги: эта могущественная пружина приводитъ въ движеніе весь механизмъ человѣческой дѣятельности". Бекъ называетъ Аѳинское государство „величайшимъ и благороднѣйшимъ изъ всѣхъ эллинскихъ"; но онъ далекъ отъ столь распространенной въ его время идеализаціи древнихъ. „Цѣлью", говоритъ онъ, „я поставилъ себѣ истину и не сожалѣю, если безусловное почитаніе древнихъ должно быть умѣрено, ибо оказывается, что гдѣ они касались золота, тамъ и къ ихъ рукамъ приставала грязь. Или исторія прошлаго должна писаться только для воодушевленія юношества? долженъ ли изслѣдователь древности скрывать, что и тогда, какъ теперь, все подъ солнцемъ было несовершенно?" „Признаемся лучше", продолжаетъ Бекъ, „что многіе изъ превосходнѣйшихъ людей древности страдали недостатками, общими человѣческому роду". „Мы признаемъ", говоритъ онъ далѣе, въ концѣ I-го тома, „великое и возвышенное въ исторіи грековъ; мы согласны, что иное у нихъ было лучше, чѣмъ въ нашихъ государствахъ, лучше, чѣмъ въ испорченной до отвращенія римской имперіи, въ рабски согбенномъ Востокѣ; но многое было также и хуже, чѣмъ у насъ. Только односторонность или поверхностность видитъ въ древности всюду идеалы... Всмотритесь во внутрь эллинской жизни, государственной и семейной: вы найдете даже у самыхъ благородныхъ племенъ глубокую нравственную порчу проникнутою до мозга костей народа... Эллины въ блескѣ искусства и въ расцвѣтѣ свободы были несчастнѣе, чѣмъ большинство думаетъ: они носили гибель въ самихъ себѣ, и дерево должно было быть срубленнымъ, когда оно стало гнилымъ". Такой взглядъ на грековъ былъ тоже новостью для того времени. И при всемъ этомъ еще необыкновенная „солидность" работы [1]), новизна—опять-таки для того времени—и документальность положеннаго въ основу матеріала: всѣ поставлен-

---

[1]) Извѣстный современный нѣмецкій ученый Виламовицъ-Меллендорффъ говоритъ. „Es wird uberhaupt Bockhs wissenschaftliche Grösse unverantwortlich wenig gewurdigt. Wer ihm einmal ein Stück nachgearbeitet hat, kann sich gar nicht genug thun in der Bewunderung von solcher Solidität der Arbeit: mir ist nichts Vergleichbares begegnet" (Reden und Vorträge. Berlin. 1901, стр. 71, прим.).

ные вопросы Бекъ разсматриваетъ тщательно, съ великимъ знаніемъ дѣла; онъ привлекъ новый, дотолѣ неиспользованный и малоизвѣстный, источникъ — надписи, съ ихъ документальными данными. Прошло уже 86 лѣтъ со времени появленія монографіи Бека, но она до сихъ поръ остается „основною“ („grundlegend“) по вопросамъ, касающимся аѳинскихъ финансовъ и финансоваго управленія (особенно во 2-мъ изд., не говоря уже о 3-мъ).

Другіе труды Бека.

Бекъ явился основателемъ и сравнительной метрологіи. Подготовляя второе изданіе „Государственнаго хозяйства аѳинянъ“, Бекъ естественно натолкнулся на вопросъ о системѣ мѣръ, вѣсовъ и монетъ въ древности у грековъ и на Востокѣ, и въ результатѣ получилось изслѣдованіе по метрологіи древности („Metrologische Untersuchungen über Gewichte, Munzfusse und Masse des Alterthums in ihrem Zusammenhange. 1838); здѣсь особенно пригодились Беку его математическія познанія и способности, которыми онъ отличался. Ему принадлежатъ также изслѣдованія касательно древняго календаря: „Zur Geschichte der Mondcyklen der Hellenen“ (1855) и „Ueber die vierjährigen Sonnenkreise der Alten, vorzüglich den Eudoxischen“ (изслѣдованіе окончено въ 1859 г., но издано лишь въ 1863 г.).

Изъ другихъ многочисленныхъ и разнообразныхъ трудовъ Бека назовемъ еще его работы по метрикѣ, изданіе Пиндара, переводъ Антигоны, книгу о Манеѳонѣ, гдѣ Бекъ, подобно тому, какъ и въ „Metrologische Untersuchungen“, касается исторіи Востока („Manetho und die Hundssternperiode. Ein Beitrag zur Geschichte der Pharaonen“. 1845), въ особенности же изслѣдованіе объ Аттидѣ Филохора [1]).

Посмертный трудъ Бека—„Энциклопедія и методологія филологическихъ наукъ“ [2]) — изданъ нѣсколько лѣтъ спустя послѣ его кончины, на основаніи лекцій, которыя Бекъ читалъ много разъ въ промежутокъ съ 1809 по 1865 г. и въ которыхъ онъ высказывалъ свой взглядъ на свою науку.

Бекъ чрезвычайно широко понималъ задачи классической филологіи; въ этомъ отношеніи онъ былъ истый ученикъ и по-

---

[1]) Перепечатано въ Kleine Schriften, т. V.

[2]) Encyklopadie und Methodologie der philologischen Wissenschaften, hrsg. von Bratuschek. 1877; 2-е изд. (подъ ред. Klussmann'a) — 1886. Имѣется въ русск изложеніи П И. Аландскаго, Кіев. Унив. Изв., 1878, № 8—9, 11—12, и отдѣльно (Кіевъ., 1879).

Взгляды Бека на филологию и борьба съ Германомъ.

слѣдователь Вольфа. По Вольфу, классическая филологія—наука объ общей культурѣ классической древности. Бекъ пошелъ далѣе и еще болѣе развилъ эту мысль: по его мнѣнію, цѣль и задача классической филологіи должна состоять въ изученіи, уразумѣніи и умственномъ возсозданіи жизни классическихъ народовъ во всей ея полнотѣ и во всѣхъ ея проявленіяхъ. Бекъ былъ противъ узкаго, чисто грамматическаго направленія, противъ буквоѣдства, противъ отчужденія филологіи отъ жизни. Въ предисловіи къ „Государственному хозяйству аѳинянъ“ онъ жалуется, что масса ученыхъ, занимающихся древностью, особенно изъ молодыхъ, самодовольно погружена въ мелочныя изслѣдованія и критику слоговъ и буквъ, поглощена формой и превращается въ „грамматистовъ“. Извѣстна затѣмъ его распря съ Готфридомъ Германомъ, знаменитымъ лейпцигскимъ профессоромъ, пользовавшимся громкимъ авторитетомъ, главою грамматико-критической школы, полагавшимъ задачу филологіи въ изученіи и объясненіи памятника со стороны языка и видѣвшимъ въ противникахъ дилеттантовъ. По поводу Corp. Inscr. Graec. Германъ написалъ суровую критику [1]). Завязалась горячая полемика, которая продолжалась многіе годы. Это была не только личная борьба; это было столкновеніе двухъ направленій въ филологіи—историко-антикварнаго и грамматико-критическаго. Въ борьбѣ приняли участіе ученики и послѣдователи того и другаго, Бека и Германа; но съ теченіемъ времени борьба утратила свой острый характеръ, крайности сгладились; съ обѣихъ сторонъ сдѣланы уступки, ошибки или непомѣрность требованій болѣе или менѣе сознаны, заслуги взаимно признаны, и наконецъ въ 1846 г. на собраніи филологовъ въ Галле оба противника, Германъ и Бекъ, примирились между собою и протянули другъ другу руку.

Дѣятельность Бека была чрезвычайно разнообразна. Въ университетскихъ и академическихъ дѣлахъ онъ принималъ самое дѣятельное участіе. На немъ лежала обязанность въ торжественныхъ случаяхъ произносить рѣчи отъ имени университета и академіи [2]). По смерти Шлейермахера (1834) онъ былъ избранъ въ секретари историко-филологическаго отдѣленія Академіи Наукъ. При его участіи издавались сочиненія Фридриха В. Наконецъ

---

[1]) Prof. Bockh's Behandlung der griech. Inschriften. 1826; ср. его-же De officio interpretis. 1835/6.—Отвѣтъ Bockh'a, Antikritik.

[2]) Онѣ перепечатаны въ его Kleine Schriften.

Бекъ съ живымъ интересомъ относился къ современнымъ ему политическимъ событіямъ. Онъ отстаивалъ свободу и независимость научнаго изслѣдованія отъ всякихъ посягательствъ. Вообще по своимъ убѣжденіямъ онъ принадлежалъ къ тогдашнему либеральному направленію. „Древность поучаетъ насъ истинной свободѣ и настоящимъ принципамъ ея“, говоритъ онъ въ своей „Энциклопедіи и методологіи филологическихъ наукъ“; „она показываетъ негодность абсолютизма и охлократіи; кто изучилъ политическія учрежденія древности, тотъ не будетъ потворствовать ни одной изъ этихъ крайностей, ни деспотизму, ни утопіямъ соціализма, которыя древность уже пережила и побѣдила“.

Вліяніе Бека

Бекъ дожилъ до глубокой старости и умеръ почти 82 лѣтъ, въ 1867 г. Съ какимъ уваженіемъ относились къ его знаніямъ, какъ великъ былъ его авторитетъ, показываетъ слѣдующій примѣръ: Александръ Гумбольдтъ, авторъ „Космоса“, будучи уже 65-лѣтнимъ старикомъ и извѣстнымъ ученымъ, былъ въ числѣ слушателей Бека и посѣщалъ его лекціи по греческимъ древностямъ и литературѣ (въ 1833 и 1834/5 г.), о чемъ впослѣдствіи, по поводу 50-лѣтняго докторскаго юбилея Бека, онъ съ благодарностью вспоминалъ и говорилъ, что еще и теперь (т. е. въ 1857 г.) онъ охотно, не безъ нѣкоторой гордости, показываетъ тѣ записки, которыя онъ по старинному обыкновенію тогда составлялъ, соблазненный примѣромъ остальныхъ слушателей Бека [1]).

Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ значеніе и вліяніе Бека можно сравнить съ значеніемъ и вліяніемъ историка Ранке. Оба они почти одновременно обратились къ документальнымъ даннымъ: Ранке, въ области новой исторіи,—къ тому матеріалу, который хранился въ архивахъ; Бекъ, въ области древней исторіи,—къ надписямъ, этому „каменному архиву“ Греціи. Въ 1825 г., какъ мы видѣли, вышелъ подъ редакціей Бека 1-й выпускъ Corp. Inscr. Graec., а за годъ до того, въ 1824 г., Ранке издалъ свой извѣстный трактатъ: „Zur Kritik neuerer Geschichtschreiber“, въ которомъ онъ указывалъ на архивный матеріалъ, какъ на непочатый, самый достовѣрный источникъ, къ коему слѣдуетъ обратиться. Но разница та, что архивное направленіе въ новой исторіи тогда же, можно сказать, сразу привилось и стало развиваться, а примѣръ Бека сначала находилъ мало подражателей въ этомъ отношеніи, и подобающее значеніе надписи пріобрѣтаютъ лишь съ конца

[1]) См. письмо А. Гумбольдта къ Беку, Hoffmann, стр. 452.

60-хъ и въ началѣ 70-хъ годовъ — Затѣмъ, извѣстно, что Ранке создалъ цѣлую школу; его ученики заняли большую часть каѳедръ исторіи въ нѣмецкихъ университетахъ; нѣчто подобное можно сказать и о Бекѣ: и онъ создалъ своего рода школу; онъ былъ учителемъ цѣлыхъ поколѣній; его вліяніе распространялось не только на его непосредственныхъ слушателей [1]). К. О. Миллеръ, о которомъ далѣе мы еще будемъ говорить, археологъ Gerhard, главный инициаторъ Нѣмецкаго Археологическаго Института въ Римѣ (1829); M. H. E. Meier, Дройзенъ, Максъ Дункеръ, братья Курціусы, политико-экономъ Рошеръ, все это были ученики Бека, въ бо́льшей или меньшей степени. Извѣстный совмѣстный трудъ Мейера и Шемана, „Der attische Prozess“ (1824), былъ отвѣтомъ на тему, объявленную Берлинскою Академіей Наукъ по предложенію Бека. Шеманъ, хотя и не былъ ученикомъ Бека, но находился въ дружественныхъ сношеніяхъ съ нимъ, и его работы, о которыхъ намъ придется еще говорить, всѣ болѣе или менѣе примыкаютъ къ изслѣдованіямъ Бека. Съ Велькеромъ (см. ниже) Бекъ былъ въ дружбѣ и оказывалъ ему нравственную поддержку. Цѣлый рядъ трудовъ по греческимъ древностямъ (напр. В. Вакcмута, К. Фр. Германа, котораго не слѣдуетъ смѣшивать съ Готфридомъ Германомъ, представителемъ грамматико-критическаго направленія въ классической филологіи) и по исторіи греческой литературы (напр. Bernhardy) болѣе или менѣе связаны съ трудами автора „Die Staatshaushaltung der Athener“. Монографія Arn. Schäfer'a („Demosthenes und seine Zeit“), не бывшаго слушателемъ Бека, носитъ однако слѣды вліянія послѣдняго и примыкаетъ къ его изслѣдованіямъ въ области суда, финансовъ и морскаго дѣла аѳинянъ; Шеферъ самъ сознавалъ, что основаніе, на коемъ покоится его изложеніе, положилъ Бекъ [2]). Наконецъ среди лицъ, на которыхъ вліялъ Бекъ, можемъ назвать и извѣстнаго Фердинанда Лассаля, какъ автора работы о греческомъ философѣ Гераклитѣ [3]).

Можно сказать вообще, что въ первой половинѣ XIX в. наука классической филологіи и въ частности изученіе греческой древности находились подъ вліяніемъ Бека; во многихъ отношеніяхъ его вліяніе сказывается и донынѣ.

---

[1]) Hoffmann, стр. 41, 79—80.

[2]) См. его письмо къ Беку, Hoffmann, стр. 391 (ср. стр. 41).

[3]) Hoffmann, стр. 135.

Рядомъ съ Бекомъ дѣйствовалъ его старшій современникъ и учитель Шлейермахеръ, переведшій Платона, и Иммануилъ Беккеръ, славный издатель греческихъ авторовъ, der bahnbrechende Meister der Editionen, какъ называетъ его историкъ Берлинской Академіи Наукъ, богословъ Гарнакъ. Между прочимъ съ его именемъ связано изданіе сочиненій Аристотеля со схоліями и древними комментаріями, предпринятое Берлинскою Академіею. Беккеръ подготовилъ это изданіе и подъ его редакціей издано 4 тома; его продолжатели были Тренделенбургъ, Бониць (извѣстенъ его Index Aristotelicus), а теперь—Дильсъ. *Шлейермахеръ Беккеръ*

Среди учениковъ Бека особенно выдавался высокоталантливый и разносторонній Карлъ Отфридъ Миллеръ[1]). Быстро прошелъ онъ свое земное поприще: родился онъ въ 1797 г., въ Бригѣ, въ Силезіи; 22 лѣтъ былъ уже профессоромъ въ Геттингенѣ, а 43 лѣтъ сошелъ въ могилу. Но не смотря на свою недолгую жизнь, К. О. Миллеръ оставилъ рядъ выдающихся трудовъ и глубокій слѣдъ въ наукѣ. Бекъ говорилъ о своемъ молодомъ ученикѣ: „Отфридъ Миллеръ, одаренный прекраснѣйшими и благороднѣйшими силами ума и души, еще молодой и обладающій обширною ученостью, далеко оставитъ позади себя меня, котораго онъ признаетъ своимъ учителемъ“. Въ К. О. Миллерѣ соединялись юношескій пылъ, художественныя наклонности, историческое чутіе, замѣчательныя природныя дарованія и удивительное трудолюбіе. Современники говорили о счастьѣ Миллера, и онъ самъ называлъ себя „любимымъ сыномъ счастья“; но успѣхъ достался ему недаромъ: будучи студентомъ, онъ занимался отъ 15 до 17 часовъ въ день и жалѣлъ, что сутки не имѣютъ 48 часовъ, вмѣсто 24. Въ Бреславльскомъ университетѣ онъ слушалъ лекціи не только по филологіи, но и по теологіи, оріенталистикѣ, исторіи, ботаникѣ, математикѣ и въ особенности по философіи. Въ Берлинѣ, куда онъ перешелъ изъ Бреславля, онъ былъ любимымъ ученикомъ Бека. *К. О. Миллеръ.*

Какъ видно уже изъ этого, научные интересы К. О. Миллера были очень широки; но главнымъ образомъ его вниманіе привлекало „священное и прекрасное“ древности. Его труды ка-

[1]) Forster, Otfried Muller. Rectoratsrede. Breslau. 1897. Изъ предшествовавшихъ—Ferd. Ranke, C. O. Muller. Berl. 1870, и Karl Hillebrand, Étude sur O. Müller et sur l'école historique de la philologie allem. (при перев. на франц. яз. „Исг. греч. литер.“ Миллера. P. 1865).

сались миѳологіи, можно сказать—любимой его области (Prolegomena zu einer wissenschaftlichen Mythologie. 1825), археологіи и искусства (Handbuch der Archäologie der Kunst. 1830; Denkmäler der alten Kunst. 1832) [1]), литературы (Geschichte der griech. Litteratur. 1841. 2 т.) [2]) и исторіи Греціи.

„Исторія греческой литературы" у К. О Миллера не закончена: изъ историковъ онъ коснулся лишь Геродота и Оукидида, исторія философіи доведена до Анаксагора и Эмпедокла,—краснорѣчія до Исократа, и только исторія греческой поэзіи кончается временемъ Александра В. Тѣмъ не менѣе это одинъ изъ лучшихъ трудовъ К. О. Миллера [3]). Въ немъ авторъ хотѣлъ „показать, какъ тѣ замѣчательныя произведенія, которыя мы по праву называемъ классическими сочиненіями грековъ, естественнымъ образомъ вышли изъ умственнаго склада греческихъ народностей и изъ состоянія ихъ общественной и гражданской жизни и какъ въ нихъ выразился духъ, вкусъ и вся внутренняя жизнь этой отъ природы богато одаренной, предъ всѣми другими, націи".

Къ работамъ К. О. Миллера по исторіи Греціи относится прежде всего его диссертація объ о-вѣ Эгинѣ (Aeginetica. 1817), замѣчательная между прочимъ тѣмъ, что это одна изъ первыхъ спеціальныхъ работъ по мѣстной исторіи Греціи, какъ-бы прототипъ тѣхъ монографій, которыя въ такомъ обиліи стали появляться въ исходѣ XIX в.. Затѣмъ — обширный по замыслу трудъ: „Geschichten hellenischer Stämme und Städte". Чтобы дать полное изображеніе какого-либо племени и города, К. О. Миллеръ касался и мѣстности, и климата, и языка, и культа, и искусства, и литературы, и исторіи. Первая часть названнаго выше труда посвящена Орхомену и миніямъ („Orchomenos und die Minyer. 1820), а вторая—дорянамъ (Die Dorier. 1824. 2 т.), ихъ внѣшней исторіи, религіи и миѳамъ, государственному строю, нравамъ и искусству. Нужно замѣтить, что къ дорянамъ К. О. Миллеръ питалъ особую симпатію; въ нихъ онъ видѣлъ наиболѣе типичныхъ выразителей греческаго генія. Отмѣтимъ также, что К. О. Мил-

[1]) Изданіе не было окончено при жизни Миллера; продолженіе выходило подъ редакціей Wieseler'a (см C. O. Muller und F. Wieseler, Antike Denkmaler zur griech. Gotterlehre 4-te Ausg von Wernicke, Denkmäler der alten Kunst).

[2]) Для историка важно также изданіе Эсхиловыхъ „Евменидъ"—Миллера (Göttingen. 1833), съ объясненіями.

[3]) Ср. Bursian, Gesch. d. class. Philol. in Deutschland, стр. 1022

леръ не допускалъ, чтобы въ греческой культурѣ были какіе-либо чуждые, восточные элементы: онъ стоялъ за полную самостоятельность, чистоту этой культуры и отрицалъ вліяніе Востока. Наконецъ упомянемъ еще объ одномъ трудѣ К. О. Миллера—„Die Etrusker“ (1828. 2 т.).

Но всѣ эти работы, какъ ни были онѣ важны сами по себѣ для своей эпохи, должны были служить лишь подготовкой къ другому, болѣе обширному труду, о которомъ мечталъ К. О. Миллеръ еще съ самой юности,—къ общей „Исторіи Греціи“. Написать такую исторію онъ считалъ главною задачею своей жизни. Но прежде чѣмъ приняться за этотъ трудъ, К. О. Миллеръ желалъ воочію видѣть Грецію.

Путешествія въ Грецію

Со времени геройской борьбы Греціи за освобожденіе, въ Европѣ пробуждается особенное вниманіе и интересъ къ этой странѣ, тѣмъ болѣе, что послѣдняя дѣлается гораздо доступнѣе для путешественниковъ и для изслѣдованій на мѣстѣ. Рядъ ученыхъ отправляется туда, чтобы изучить страну и ея памятники. Еще во время войны за освобожденіе французы снаряжаютъ въ Морею полувоенную, полуученую экспедицію, результаты которой обнародованы въ изданіи подъ заглавіемъ: „Expédition scientifique de Morée“ (1831—9); Le Bas, который обработалъ эпиграфическій матеріалъ, собранный этою экспедиціею [1]), предпринялъ впослѣдствіи „археологическое путешествіе“ по Греціи [2]). Въ 1846 г. французы основываютъ свою „школу“ въ Аѳинахъ (École française d'Athènes). Въ 30-хъ годахъ изданы описанія путешествій англичанина Лика (Leake), совершенныхъ имъ гораздо раньше, еще до войны за освобожденіе, по Морећ и сѣверной Греціи [3]). Кромѣ этихъ капитальныхъ сочиненій, Лику принадлежали изслѣдованія по топографіи Аѳинъ [4]) и о демахъ Аттики [5]). Изъ англійскихъ путешественниковъ назовемъ еще Mure [6]).

Но въ особенности великъ былъ наплывъ въ Грецію, послѣ ея освобожденія, нѣмецкихъ ученыхъ и путешественниковъ,

---

[1]) Inscriptions grecques et latines recueillies en Grèce par la commission de Morée (1835—7).

[2]) Le Bas et Waddington, Voyage archéologique en Grèce et en Asie Mineure pendant 1843—1844.

[3]) Travels in the Morea (1830, 3 т.), Travels in Northern Greece (1835, 4 т.).

[4]) Есть нѣмец. пер. (Zürich. 1844).

[5]) Въ подлинникѣ—1829 г.; нѣм. пер.—1840 (Braunschweig).

[6]) Journal of a tour in Greece and the Ionian Islands. 1842.

что, кромѣ научнаго интереса, объясняется отчасти и тѣми связями, которыя существовали между Греческимъ королевствомъ времени Оттона (бывшаго баварскаго принца) и Германіей, въ частности Баваріей. Изъ филологовъ однимъ изъ первыхъ посѣтилъ освобожденную Грецію Тиршъ (Thiersch). „praeceptor Bavariae“, какъ его называли, филэллинъ, поборникъ греческой свободы. При королѣ Оттонѣ состоялъ профессоръ Брандисъ, а въ семьѣ послѣдняго, въ качествѣ домашняго учителя, мы видимъ молодого Эрнста Курціуса, ученика К. О. Миллера. Побывалъ въ Греціи и Францъ, котораго мы знаемъ, какъ сотрудника Бека по продолженію Corp. Inscr. Graec. (см. выше, стр. 306). Появляются многочисленныя описанія путешествій и изслѣдованія по топографіи—австрійскаго посла при греческомъ дворѣ Прокешъ-Остена, путешествовавшаго по Востоку и Греціи и на о-вѣ Эврѣ открывшаго архаическія надписи [1]), собирателя греческихъ монетъ; Форхгаммера [2]), Ульриха [3]), Фидлера [4]), извѣстнаго историка Фалльмерайера [5]) и многихъ друг. Кипертъ издаетъ свой атласъ [6]) и свои знаменитыя карты. Но долѣе всѣхъ изъ нѣмецкихъ ученыхъ-филологовъ оставался въ Греціи Людвигъ Россъ (L. Ross). Онъ провелъ здѣсь 13 лѣтъ (1832—45); онъ состоялъ хранителемъ древностей, а затѣмъ—нѣкоторое время—профессоромъ въ только-что основанномъ тогда (1837) Аѳинскомъ университетѣ. Россъ частью самъ, частью сопровождая короля Оттона, много разъ изъѣздилъ Грецію и описалъ свои путешествія въ нѣсколькихъ сочиненіяхъ [7]); онъ дѣятельно изучалъ страну, ея населеніе и древніе памятники, собиралъ надписи [8]) и многія изъ

---

[1]) Prokesch-Osten, Erinnerungen aus Aegypten und Kleinasien (1829—31, 3 т.); Denkwurdigkeiten und Erinnerungen aus dem Orient (1836—7, 3 т.); Bockh, Ueber die von Herrn von Prokesch in Thera entdeckten Inschriften (Abhandl. d. Berl. Ak. d. Wiss., 1836).

[2]) Forchhammer, Hellenica. Griechenland im neuen das alte. 1837; Topographie von Athen. 1841; Beschreibung der Ebene von Troja. 1850.

[3]) Ulrichs, Reisen und Forschungen in Griechenland. 1840.

[4]) Fiedler, Reise durch alle Teile des Konigreichs Griechenl. 1840—1

[5]) Fallmerayer, Fragmente aus dem Orient. 1845. 2 т.

[6]) Topographisch-histor. Atlas von Hellas und d. hellenisch. Colonien.

[7]) Reisen und Reiserouten durch Griechenland. 1841; Reisen d. Königs Otto und d. Konigin Amalie von Griechenland. 1848. 2 т. (въ изд. 1851: „Wanderungen im Gefolge d. Kon. Otto“), Reisen auf den griech. Inseln d. agäisch. Meeres. 1840—52. 4 т.

[8]) Inscriptiones graecae ineditae. 1834—45.

нихъ пересылалъ Беку, въ томъ числѣ, какъ мы видѣли, и тѣ, которыя касались морскаго дѣла аѳинянъ (см. стр. 308). Часть собраннаго имъ эпиграфическаго матеріала Россъ обработалъ въ трудѣ подъ заглавіемъ: „Die Demen von Attika und ihre Vertheilung unter den Phylen“ (1846), который издалъ M. H. E. Meier, съ своими примѣчаніями. Россу принадлежатъ и другія, менѣе крупныя работы по топографіи и географіи Греціи. Онъ же руководилъ раскопками въ Аѳинахъ, въ акрополѣ, результаты которыхъ были обнародованы имъ, совмѣстно съ ахитекторами Schaubert'омъ и Hansen'омъ, въ 1839 г.[1]). На этомъ поприщѣ работали и греческіе ученые, напр. преемникъ Росса въ должности хранителя древностей, Питтаки, страстный археологъ, но не совсѣмъ добросовѣстный и ненадежный, не останавливавшійся предъ интерполяціями и фальсификаціями[2]), и Рангави, выдающійся патріотъ, государственный дѣятель, дипломатъ, поэтъ и ученый[3]). Вообще въ греческомъ обществѣ пробуждается любовь къ изученію родной старины и ея памятниковъ, стремленіе къ научнымъ изслѣдованіямъ. Въ 1837 г., по иниціативѣ Питтаки и Рангави, возникаетъ греческое „Археологическое Общество“; въ Аѳинахъ основывается университетъ и т. д.

Итакъ, связи ученаго міра Европы съ Греціей упрочивались; путешествія туда, съ научными цѣлями, предпринимались все чаще и чаще.

И вотъ К. О. Миллеръ въ свою очередь ступаетъ на священную для него почву Эллады, исполненный радостныхъ надеждъ и широкихъ плановъ. Но ему не суждено было осуществить задуманный трудъ—написать общую „Исторію Греціи“: въ Дельфахъ, въ тотъ моментъ, когда онъ списывалъ одну изъ надписей, онъ былъ пораженъ солнечнымъ ударомъ и умеръ въ Аѳинахъ (1840), на рукахъ своихъ учениковъ, Э. Курціуса и А. Шелля[4]). Послѣднія его слова были: „Какія колонны!...“

---

[1]) Die Akropolis von Athen nach den neuesten Ausgrabungen. Berlin 1839. См. еще его „Archäologische Aufsätze“. Leipz. 1855—61. 2 т.

[2]) Ero—L'ancienne Athènes ou description des antiquités d'Athènes et de ses environs. 1835; отзывъ Köhler'a о немъ въ Corp. Inscr. Attic. (Larfeld, Griech Epigraphik², стр 396).

[3]) О немъ см. А. Н. Деревицкій, Александръ Ризо Рангави. Одесса. 1896 (Изъ „Зап. Имп. Одесск. Общества Ист. и Древн.“, т. XIX)

[4]) Собранныя имъ дельфійскія надписи изданы послѣ его смерти Э. Курціусомъ (Anecdota Delphica. 1843), а A. Scholl издалъ „Archäolog.-Mitteilungen aus Griechenland“, на основаніи оставшихся послѣ Миллера бумагъ (1843)

Труды по греч. древностямъ

Въ разсматриваемый періодъ, т. е. въ первую половину XIX стол., появилось нѣсколько трудовъ по греческимъ древностямъ, которые слѣдуетъ отмѣтить: первыя изслѣдованія Шемана, о которомъ мы еще будемъ говорить, „Darstellung der griechischen Staatsverfassungen“ (1822) Титтмана, „Hellenische Alterthumskunde aus dem Gesichtspunkte des Staats“ (1826—1830. 2 т.; 2-е изд.—1843—6) В. Ваксмута, въ свое время очень цѣнимое пособіе, и особенно „Lehrbuch der griechischen Staatsalterthümer aus dem Standpuncte der Geschichte“ Карла Фридр. Германа (см. стр. 314),—учебникъ, впервые появившійся въ 1831 г. и потомъ разросшійся въ многотомный компендіумъ, „Lehrbuch der griechischen Antiquitäten“, въ коемъ государственныя древности составляютъ лишь первую часть, остальныя же части посвящены были религіознымъ, частнымъ и правовымъ древностямъ. Первоначально авторъ имѣлъ въ виду дать сжатый обзоръ того, что на основаніи остатковъ древности и новѣйшихъ изслѣдованій можно признавать достовѣрнымъ относительно государственныхъ учрежденій и внутренней исторіи главнѣйшихъ народовъ эллинской древности, и вмѣстѣ съ тѣмъ восполнить недостатокъ въ удовлетворительномъ учебникѣ по этому отдѣлу. Учебникъ Германа отличается краткимъ сжатымъ текстомъ, обширными примѣчаніями съ многочисленными ссылками и цитатами изъ источниковъ и указаніями на литературу; въ этихъ примѣчаніяхъ собранъ громадный матеріалъ. Трудъ Германа до сихъ поръ служитъ однимъ изъ основныхъ, настольныхъ пособій при занятіяхъ греческою исторіею и древностями. Неудивительно поэтому, что не смотря на свою обширность, сжатость и сухость изложенія и, слѣдовательно, малую доступность широкому кругу читателей, онъ переиздавался неразъ, подвергаясь дополненіямъ и исправленіямъ. I-й томъ еще при жизни автора выдержалъ 4 изданія. Не такъ давно учебникъ Германа вышелъ новымъ, 6-мъ изданіемъ (подъ общею редакціею Blümner'a и Dittenberger'a); отдѣлъ государственныхъ древностей обработанъ Thumser'омъ [1]), который принялъ во вниманіе новѣйшую литературу и данныя, сообщаемыя открытыми тѣмъ временемъ надписями и Аристотелевымъ трактатомъ („Аѳинскою Политіею“); для новаго изданія Hans Droysen написалъ „Военныя древности“ (ихъ не было у Германа), составившія цѣлый томъ.

К Ф. Германъ.

[1]) Staatsalterthümer. 6-te Aufl. Freib. i. Br. 1 Abth. 1889; 2 Abth. 1892.

Говоря о разработкѣ греческой исторіи въ Германіи въ первой половинѣ XIX в., мы должны еще упомянуть о Лобекѣ, Велькерѣ и І. Густ. Дройзенѣ.

Лобекъ. Лобеку принадлежитъ между прочимъ отличающееся большой ученостью изслѣдованіе о мистеріяхъ: „Aglaophamus sive de theologiae mysticae Graecorum causis libri III“ (1829. 2 т.), въ которомъ доказывалась несостоятельность теоріи Крейцера съ ея „символикой“.

Велькеръ. Велькеръ (1784—1868)—извѣстный въ свое время знатокъ поэзіи, искусства и религіи грековъ, первый профессоръ въ Германіи, начавшій преподавать исторію древняго искусства съ каѳедры [1]). Самый выдающійся его трудъ — 3-томная монографія, въ которой сведены результаты большей части его работъ. „Die griechische Götterlehre“, появившаяся въ 1857—62 г., но подготовленная раньше, въ теченіе предшествовавшихъ десятилѣтій [2]).

Дройзенъ. Дройзенъ (1808—1884), въ концѣ 30-хъ годовъ профессоръ въ Берлинѣ, затѣмъ въ Килѣ, въ Іенѣ и наконецъ опять въ Берлинѣ,—не филологъ-классикъ, а историкъ, и притомъ занимавшійся не только древностью, но и новыми вѣками: извѣстны его лекціи о войнѣ за освобожденіе (Vorlesungen über die Freiheitskriege), въ свое время (1846) производившія сильное впечатлѣніе, его біографія генерала Іорка и многотомная „Geschichte der preussischen Politik“. Онъ принадлежалъ къ тому поколѣнію, которое мечтало объ объединеніи Германіи, боролось за эту идею и возлагало свои надежды на Пруссію. Онъ — одинъ изъ главныхъ, характерныхъ представителей нѣмецкой исторической науки прошлаго вѣка.

Въ молодости Дройзенъ занимался преимущественно греческою литературою и исторіею. Онъ прекрасно перевелъ Аристофана, написалъ обширную статью объ Аристофановыхъ „Птицахъ“ и гермокопидахъ [3]) и проч.; но болѣе всего извѣстна его „Исторія эллинизма“ или исторія Александра В. и его преемниковъ,

---

[1]) И. В. Цвѣтаевъ, Поминка по Фридр. Готл. Велькерѣ. Одесса. 1888 (изъ II т. „Труд. VI Археол. Съѣзда“), Kekule, Das Leben Fr. Gottl. Welcker's. Nach seinen eignen Aufzeichnungen und Briefen Leipz 1880.

[2]) Изъ работъ Велькера по исторіи литературы извѣстны: Der epische Cyclus oder die Homerischen Dichter (1835); Die griech. Tragödien mit Rücksicht auf d episch. Cyclus. 1839; а по археологіи—Alte Denkmaler. 1849.

[3]) Des Aristophanes Vogel und die Hermokopiden (Rh. Mus., III, и отдѣльно, 1835).

принадлежащая къ числу выдающихся произведеній нѣмецкой исторіографіи XIX в. Впервые появилась она еще въ 1833—1843 г. [1]) и съ тѣхъ поръ въ теченіе болѣе полувѣка оставалась незамѣнимымъ и почти единственнымъ общимъ трудомъ въ этомъ родѣ до послѣдняго времени, т. е. до выхода въ свѣтъ IV-го тома „Griechische Geschichte“ (Berlin. 1894) Ад. Гольма [2]), „Geschichte der Griechischen und Makedonischen Staaten seit d. Schlacht bei Chaeronea“ Бенедикта Низе [3]) и „Geschichte des Hellenischen Zeitalters“ Керста (Kaerst) (I-й т.—1901), но и теперь, на ряду съ ними, она еще не утратила своего значенія. Хотя у Дройзена и были предшественники, напр. Маннертъ и Флате, но все-же какъ тогда, когда Дройзенъ работалъ надъ своей „Исторіей эллинизма“, такъ и впослѣдствіи исторіей Македонскаго періода занимались сравнительно мало: она оставлялась какъ-бы въ сторонѣ и въ пренебреженіи. Отчасти это зависѣло отъ самыхъ свойствъ предмета и отъ того, что, увлекаясь Элладой, многіе не чувствовали вовсе влеченія къ изученію исторіи ея македонскихъ завоевателей, видя въ періодѣ, наступившемъ послѣ Херонейской битвы, лишь извращеніе, паденіе и разложеніе чистыхъ эллинскихъ началъ, а въ войнахъ преемниковъ Александра—лишь безсмысленную борьбу и путаницу. Такъ, незадолго до появленія труда Дройзена, Нибуръ, обладавшій, какъ извѣстно, изумительною памятью, признавался однако (въ своихъ „Vortrage über alte Geschichte“), что для него въ цѣлой исторіи нѣтъ ничего запутаннѣе войнъ

---

[1]) Первый томъ вышелъ въ 1833 г. подъ заглавіемъ: „Gesch. Alex. d. Gross.“; второй (1836) и третій (1843), кромѣ частнаго заглавія, имѣли и общее: „Geschichte des Hellenismus“; въ 1877—8 г. все сочиненіе было переиздано, и заглавіе „Gesch. d Hellenismus“ перенесено на всѣ 3 тома. Кромѣ того, въ 1880 г. появилось отдѣльное, общедоступное по цѣнѣ, изданіе „Gesch. Alex. d. Gross“. Въ 1883—5 г, подъ редакціей А. Буше-Леклерка, появился французскій переводъ, для котораго авторъ сдѣлалъ *нѣкоторыя добавленія и исправленія*. Съ него сдѣланъ и русскій пер. (М. 3 т.). Къ сожалѣнію, переводъ этотъ крайне тяжелъ и шероховатъ, совершенно не соотвѣтствуетъ живому и яркому изложенію подлинника. Можно также пожалѣть, что опущено то введеніе, которое имѣется во французскомъ изданіи: оно даетъ прекрасную характеристику Дройзена и его взглядовъ, какъ историка (написано Буше-Леклеркомъ).

[2]) Томъ этотъ („Die griechisch-macedonische Zeit, die Zeit der Könige und der Bunde, vom Tode Alex. bis zur Einverleibung d. letzten makedonischen Monarchie in das romische Reich“) составляетъ окончаніе труда Гольма, о которомъ мы скажемъ далѣе.

[3]) Входитъ въ составъ „Handbucher der alten Geschichte“, изд. Perthes'омъ.

діадоховъ, что онъ не можетъ осилить всѣхъ подробностей и привести въ порядокъ пеструю массу событій; по его словамъ, путаница происходитъ отъ того, что предъ нами проходитъ цѣлая толпа людей, не отличающихся другъ отъ друга никакими достойными вниманія признаками. Всѣ эти македонцы оставляли Нибура равнодушнымъ; онъ называетъ ихъ даже „разбойниками“ и желалъ бы, употребляя его собственное выраженіе, „чтобы земля разверзлась и поглотила всѣхъ македонцевъ“. „Съ такими чувствами“, по сознанію самого Нибура, „конечно, не легко заниматься этою частью исторіи“.

Совершенно иначе отнесся къ Македонской эпохѣ Дройзенъ. Въ ея оцѣнкѣ онъ сталъ на противоположную точку зрѣнія. По его собственнымъ словамъ [1]), Македонскій періодъ, на который обыкновенно смотрятъ съ пренебреженіемъ, ему кажется не „большимъ пробѣломъ“, не „мертвымъ полемъ въ исторіи человѣчества“, не „отвратительнымъ отложеніемъ всякаго извращенія, гнили и мертвечины“, а напротивъ—„живымъ членомъ въ цѣпи человѣческаго развитія, наслѣдникомъ и исполнителемъ великаго завѣщанія, носителемъ величайшаго назначенія“. „Эллинизмъ“, по мнѣнію Дройзена, „есть современная эпоха язычества“ или „древности“ („Der Hellenismus ist die moderne Zeit des Heidenthums“). Сквозь безконечныя войны и распри Александровыхъ преемниковъ, сквозь эту путаницу Дройзенъ усмотрѣлъ важное, всемірно-историческое значеніе эпохи—развитіе новаго „принципа“, который онъ назвалъ „эллинистическимъ“, и съ тѣхъ поръ слово „эллинизмъ“ стало общеупотребительнымъ въ смыслѣ термина для обозначенія того періода, который наступилъ со времени Александра Македонскаго и „распространенія греческаго господства и образованности среди отжившихъ культурныхъ народовъ Востока“, и той культуры, которая возникла изъ сліянія началъ греческихъ и восточныхъ, хотя противъ умѣстности и правильности такого названія и возражаютъ иногда [2]).

---

[1]) См. предисловіе къ II т. Gesch. des Hellenismus (изд. 1843 г.), перепечатанное теперь въ Kleine Schriften zur alten Geschichte. Leipz. 1893, I, 298 сл. Предисловіе это интересно для характеристики взгляда Дройзена на исторію вообще и на „эллинизмъ“ въ частности.

[2]) См. рецензію A. Schmidt'a, помѣщенную въ N. Jahrbucher f. Phil. u. Padag., B. XIX (1837), и перепечатанную въ его Abhandlungen zur alten Geschichte. Leipz. 1888, стр. 131; Ad. Holm, Gr. Gesch., IV, 40 сл.

Благодаря той любви и интересу, съ которыми Дройзенъ изучалъ исторію не только Александра В., но и его преемниковъ, онъ достигъ того, чего не могъ достичь даже Нибуръ,—осилилъ подробности, вполнѣ справился съ неблагодарнымъ и труднымъ матеріаломъ, съ путаницею лицъ и событій и далъ наглядное изображеніе не только великой дѣятельности Александра, но и борьбы его преемниковъ; не смотря подчасъ на скудость и сухость источниковъ, представилъ рядъ яркихъ портретовъ-характеристикъ этихъ „діадоховъ“ и „эпигоновъ“, изъ которыхъ каждый Пердикка, Евменъ, Полисперхонтъ, Лисимахъ, не говоря уже о Димитріи Полоркетѣ и многихъ другихъ,—предстаетъ предъ нами со своими индивидуальными чертами, такъ-что трудно смѣшать одного съ другимъ. Борьбу, казавшуюся безсмысленною, и путаницу, представлявшуюся неопреодолимою, Дройзенъ съумѣлъ осмыслить и освѣтить, указалъ на господствующія идеи, проявляющіяся въ этой борьбѣ, отмѣтилъ ея главныя стадіи и выставилъ въ яркомъ свѣтѣ, на первомъ планѣ, главныхъ дѣятелей и главные мотивы. Онъ чрезвычайно подробно описываетъ войны діадоховъ и эпигоновъ; но излагаетъ такъ мастерски, съ такимъ воодушевленіемъ, что сочиненіе его, не смотря на тему, столь мало, повидимому, способную заинтересовать читателя, и матеріалъ, столь трудно поддающійся обработкѣ, представляется интереснымъ и доступнымъ не для однихъ спеціалистовъ, но и вообще для лицъ, любящихъ исторію. Съ другой стороны, при недостаточности разработки исторіи той эпохи и самихъ источниковъ, Дройзену вмѣстѣ съ тѣмъ приходилось нерѣдко самому, такъ сказать, прокладывать дорогу, изслѣдовать детали, собирать и подвергать критическому разбору источники.

Конечно, трудъ Дройзена имѣетъ и свои недостатки [1]). Въ немъ есть промахи, неточности и пробѣлы, тѣмъ болѣе понятные, что, какъ было упомянуто, періодъ этотъ сравнительно мало изслѣдовался, а показанія источниковъ часто слишкомъ скудны и сбивчивы. Желаніе дать, не смотря на эту скудость, отрывочность и сухость матеріала, наглядное и яркое изображеніе событій, представить мотивы дѣйствующихъ лицъ, иногда увлекало Дройзена слишкомъ далеко, и онъ слишкомъ предавался своей творческой фантазіи, а его стиль не чуждъ иногда риторики. Съ самымъ взглядомъ Дройзена, съ тою „философіей исторіи“, кото-

[1]) См. упомянутую выше обширную рецензію Адольфа Шмидта

рая проглядываетъ въ его трудѣ. съ его нѣкотораго рода фатализмомъ не всегда можно согласиться. Вторую книгу „Исторіи діадоховъ“ онъ начинаетъ напр. такими словами: „Говорятъ, что исторія справедлива; она справедлива относительно принциповъ, борьба между которыми составляетъ ея содержаніе, но не относительно лицъ, которыя являются ихъ носителями. Развѣ это справедливость, что родъ Александра долженъ былъ искупить ужасной и позорной гибелью свое величіе? Это тяжелая и потрясающая роковая необходимость, которая шагъ за шагомъ съ холодною послѣдовательностью ведетъ царскій домъ навстрѣчу неизбѣжной гибели и дѣлаетъ его виновнымъ въ разныхъ преступленіяхъ, чтобы онъ, блуждая, спотыкаясь и взывая къ возмездію, тѣмъ вѣрнѣе нашелъ себѣ конецъ“ (рус. пер., II, 97—98). Притомъ, на Дройзенѣ, очевидно, сильно отразилось вліяніе господствовавшей тогда въ Германіи философіи Гегеля. Какъ фатализмъ, такъ и гегеліанство Дройзена особенно замѣтны въ первомъ изданіи; въ послѣдующихъ они значительно сглажены. Сужденія и оцѣнка историческихъ дѣятелей у Дройзена не совсѣмъ безпристрастны. Такъ, онъ не только восторгается дѣятельностью Александра В. и его политикой по отношенію къ покореннымъ народамъ и къ македонянамъ, но онъ обнаруживаетъ неизмѣнное преклоненіе и предъ самою личностью Александра; онъ во всемъ оправдываетъ его [1]). Достаточно указать, съ какимъ невозмутимымъ спокойствіемъ, видимо вполнѣ одобряя образъ дѣйствій Александра, описываетъ Дройзенъ умерщвленіе Парменіона, совершенное по приказанію царя „украдкой“, „in der Stille“. Зато онъ слишкомъ строгъ и несправедливъ по отношенію къ Греціи, къ аѳинской демократіи и Демосѳену. Послѣдній, по его мнѣнію, долженъ былъ оставить свои патріотическія стремленія, преклониться предъ могуществомъ Македоніи, знать, что ей принадлежитъ будущее, и не бороться съ нею! образъ дѣйствій Демосѳена обнаруживаетъ близорукость: онъ дѣлаетъ, „можетъ быть“, честь его сердцу, но, конечно, не уму! Подобный взглядъ на Демосѳена, но еще въ болѣе рѣзкой формѣ, недавно высказанъ былъ Гольмомъ; вообще, какъ только рѣчь заходитъ о Демосѳенѣ и Александрѣ, ученые обыкновенно оставляютъ историческую, болѣе или менѣе объективную точку

[1]) Отраженіе подобнаго же взгляда на Александра въ русской литературѣ мы видимъ въ лекціи Т. Н. Грановскаго („Сочин.“, т. I)

зрѣнія и впадаютъ въ крайность, то не въ мѣру унижая и клеймя, то не въ мѣру превознося того или другого. Дройзенъ, когда говоритъ объ отношеніи Македоніи къ Греціи, представлялъ себѣ, очевидно, отношеніе Пруссіи къ тогдашней Германіи [1]), и это вліяло на его оцѣнку фактовъ и дѣятелей далекаго прошлаго.

Наконецъ, такъ прекрасно сознавая всю важность разсматриваемаго періода въ культурномъ отношеніи, давая даже такое общее заглавіе своему сочиненію, какъ „Исторія эллинизма“, Дройзенъ однако не касается самой интересной стороны эпохи—ея культуры (если не считать нѣсколькихъ общихъ, разсѣянныхъ въ сочиненіи замѣчаній) и ограничитается только военно-политическою исторіей. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что это произошло не отъ того, чтобы Дройзенъ не считалъ нужнымъ въ „Исторіи эллинизма“ касаться культуры, а отъ того, что первоначальный планъ не былъ выполненъ авторомъ. Дройзенъ задумалъ-было свой трудъ въ гораздо болѣе широкихъ размѣрахъ. Исторія Александра должна была служить только введеніемъ, а въ „Исторіи эллинизма“, въ слѣдующихъ за II-мъ томомъ частяхъ, предполагалось „изобразить религіозное состояніе эллинизма, его смѣшеніе религій и культовъ, его теокрасію (Theokrasie) и теософію, его невѣріе и суевѣріе, до послѣдняго исчезновенія эллинистическаго язычества,—перемѣну въ общемъ образованіи и спеціальныхъ наукахъ, въ нравственныхъ отношеніяхъ и международныхъ сношеніяхъ до побѣды восточной реакціи въ лицѣ царства Сассанидовъ и магометанства, и наконецъ,—длинный ходъ увядающей литературы и искусства до послѣднихъ византійскихъ отголосковъ изъ великаго прошлаго и окончательнаго тріумфа Востока надъ родиной эллинизма“. Но отъ этого грандіознаго плана Дройзенъ впослѣдствіи отказался и ограничился только тремя томами, представляющими, по выраженію Буше-Леклерка, своего рода „трилогію“,—1) исторію Александра, 2) діадоховъ и 3) ихъ эпигоновъ.

Отъ Грота до конца 60-хъ годовъ.

Мы видѣли, что уже въ XVIII в. въ Англіи появилось нѣсколько общихъ „Исторій Греціи“. Въ XIX стол. первая замѣчательная общая „Исторія Греціи“ выходитъ тоже въ Англіи.

---

[1]) Kaerst, Die Gesch. d. Altertums in Zusammenhange der allgemeinen Entwickelung der modernen historischen Forschung (N. Jahrb., 1902, IX, 47).

И это не простая случайность. Дѣло въ томъ, что многія черты и явленія въ исторической жизни древнихъ грековъ—политическая свобода и самоуправленіе, такія учрежденія, какъ народное собраніе и судъ присяжныхъ, развитіе политическаго и судебнаго краснорѣчія, мореходства и торговли, многочисленныя колоніи,—все это дѣлало ихъ исторію особенно близкою, интересною и понятною именно для англичанъ. *Англія и Греція.*

Въ 1835—8 гг. вышла „History of Greece“ Thirlwall'я, въ 8 томахъ, отличавшаяся немалыми достоинствами; Гротъ говоритъ о ней, что если бы она появилась нѣсколькими годами раньше, ему бы и въ голову не пришла мысль писать свою „Исторію Греціи“. Но эта послѣдняя, вышедшая вскорѣ послѣ труда Thirlwall'я, совершенно затмила его. *Thirlwall*

Гротъ не былъ профессіональнымъ ученымъ — онъ долгое время былъ банкиромъ и парламентскимъ дѣятелемъ—, и его ученая карьера шла не обычнымъ путемъ [1]), что впрочемъ въ Англіи не составляетъ рѣдкости. *Гротъ*

Георгъ Гротъ, дѣдъ котораго, нѣмецъ изъ Бремена, въ серединѣ XVIII стол. переселился въ Англію и основалъ тамъ въ Лондонѣ банкирскій домъ, родился въ 1794 г. Шестнадцати лѣтъ онъ уже закончилъ свое школьное образованіе и, по волѣ отца, долженъ былъ посвятить себя занятіямъ въ банкирской конторѣ. Банкиромъ онъ оставался въ теченіе цѣлыхъ 32 лѣтъ. Свой досугъ Гротъ употреблялъ на изученіе столь любимыхъ имъ классиковъ, политической экономіи, которою тогда въ Англіи очень интересовались, философіи, не только древней—Платона и Аристотеля—, но и новой, въ томъ числѣ и нѣмецкой (напр. Канта), и т. д.

Такимъ образомъ, разносторонними познаніями и широкимъ образованіемъ, которыми отличался знаменитый историкъ Греціи, онъ былъ обязанъ самому себѣ и затѣмъ общенію съ выдающимися умами. Три лица оказали могущественное вліяніе на развитіе идей молодаго Грота: политико-экономъ Рикардо, философъ Бентамъ, представитель утилитаризма, и въ особенности Джемсъ Милль, отецъ Джона Стюарта Милля, авторъ „Исторіи Индіи“ и „Анализа человѣческаго духа“. Гротъ усвоилъ многія воззрѣнія Милля Старшаго, между прочимъ его политическія антипатіи—къ аристократіи и къ оффиціальной церкви.

[1]) Біографія Грота написана его вдовою: Har. Grote, The Personal life of G. Grote. 1873; есть нѣм. перев. Seligmann'a, George Grote, sein Leben und Wirken. Leipz. 1874.

Первое печатное произведеніе Грота—опытъ о парламентской реформѣ, изданный въ видѣ летучаго листка въ 1821 г. Но вскорѣ Гротъ обращается къ изученію греческой исторіи. Въ 1826 г., въ Westminster Review, появляется его статья, представляющая критическій разборъ „Исторіи Греціи“ Митфорда, которая была проникнута крайними торійскими воззрѣніями, враждою къ Аѳинамъ, и по которой тогдашняя англійская публика преимущественно знакомилась съ древней Греціей. Статья произвела большое впечатлѣніе; въ ней намѣчены уже были взгляды, развитые потомъ Гротомъ въ его большомъ трудѣ—„History of Greece“—; отчасти именно желаніе исправить ошибки Митфорда и представить явленія греческой исторіи съ болѣе правильной и широкой точки зрѣнія и побудило его взяться за такой трудъ [1]).

Но въ ту пору Грота отвлекали банкирскія занятія, а затѣмъ, въ 30-хъ годахъ, сверхъ того, и напряженная парламентская дѣятельность: онъ засѣдаетъ въ парламентѣ въ качествѣ депутата отъ Лондонскаго Сити, становится въ ряды радикаловъ, пріобрѣтаетъ извѣстность, какъ выдающійся политическій дѣятель и ораторъ, работаетъ въ различныхъ коммиссіяхъ и т. д. Все это намъ объяснитъ и нѣкоторыя особенности его „Исторіи Греціи“. Лишь въ 1841 г. Гротъ навсегда отказывается отъ парламентской дѣятельности, а въ 1843 г.—и отъ банкирской, и всецѣло предается работѣ надъ opus magnum, какъ заранѣе называлъ Дж. Ст. Милль будущую „Исторію Греціи“ Грота.

„Исторія Греціи“.

Въ мартѣ 1846 г. выходятъ первые два тома ея, а ровно черезъ 10 лѣтъ, въ мартѣ 1856 г., съ выходомъ XII тома, капитальный трудъ былъ законченъ.

Гротъ начинаетъ съ миѳовъ, которые пересказываетъ подробно, такъ-что весь I и половина II тома у него приходятся на легендарную исторію. Подлинная исторія, по мнѣнію Грота, начинается лишь съ 776 г. и распадается на шесть періодовъ, изъ коихъ первый можетъ быть разсматриваемъ, какъ подготови-

---

[1]) См. предисловіе Грота къ I т. его „Ист Греціи“.—Если же вѣрить вдовѣ Грота, составившей его біографію, то мысль написать этотъ трудъ внушила ему она, еще въ 1823 г., видя, съ какою любовью и успѣхомъ онъ занимается исторіей Греціи. Нужно замѣтить, что г-жа Гротъ вообще не прочь выставить свое участіе въ созданіи великаго труда: она говоритъ напр.: „весь январь и февраль (1845) мы заняты были работой надъ opus magnum“ (т. е. надъ „Исторіей Греціи“) (стр 193 нѣм. пер.), „нашъ 9-й и 10-й томъ“ (стр. 255), „насъ занимало печатаніе 11 т.“ (стр. 262), „нашъ 11 т.“ (стр 263).

тельный: 1-й—съ 776 г. до 560 или до начала правленія Писистрата въ Аѳинахъ и Креза въ Лидіи (дѣленіе, кстати замѣтимъ, едва-ли удачное); 2-й—до изгнанія Ксеркса изъ Греціи; 3-й—до конца Пелопоннесской войны и до паденія Аѳинъ; 4-й—до битвы при Левктрахъ; 5-й—до битвы при Херонеѣ, и 6-й—до конца вѣка Александра. Пять періодовъ—отъ Писистрата до смерти Александра и его поколѣнія — составляютъ, по словамъ Грота, акты исторической драмы, которые могутъ быть переданы въ ясной послѣдовательности и стоятъ въ явной связи между собою. Въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ Гротъ включаетъ исторію сицилійскихъ и италійскихъ грековъ; онъ очень подробно останавливается на туземныхъ народахъ Азіи, Африки и Европы, съ которыми греки вступали въ тѣ или иныя отношенія; при случаѣ вводитъ замѣчанія и даже цѣлые обзоры, касающіеся греческихъ политическихъ конституцій, философіи, поэзіи и краснорѣчія, насколько это, по его мнѣнію, необходимо, чтобы изобразить многостороннюю дѣятельность греческаго народа. Свою „Исторію“ Гротъ заканчиваетъ вѣкомъ Александра и его преемниковъ, потому что послѣ этого, по его словамъ, политическая дѣятельность Греціи стѣснена и унижена, для читателя не интересна и не вліяетъ на послѣдующую судьбу міра: съ этого времени греки имѣютъ значеніе лишь какъ отдѣльныя личности, какъ философы, учителя, астрономы, математики и т. д.

Успѣхъ ея

„Исторія Греціи“ Грота была встрѣчена какъ въ Англіи, такъ и за ея предѣлами съ восторгомъ. Извѣстный историкъ Галламъ говорилъ еще по поводу первыхъ томовъ ея: „Я давно знакомъ съ ученымъ міромъ и могу смѣло утверждать, что не знаю другой книги, которая бы столь быстрымъ полетомъ достигла высочайшей вершины славы... Она вызвала поразительнѣйшую сенсацію между учеными“. Thirlwall сознавался, что произведеніе Грота затмило его собственный трудъ, что это—„достойный славы памятникъ учености, генія и мысли, подобнаго которому не представляетъ ни одна другая литература“. „Вашъ трудъ“, писалъ Льюисъ Гроту, „превзошелъ всѣ прочія „Исторіи Греціи“, и тѣ, кто тоже будетъ заниматься этимъ предметомъ, должны будутъ брать вашу работу за исходный пунктъ“. Лобекъ, тогдашній „филологическій патріархъ“ въ Кенигсбергѣ, по выраженію одного современника, „снимаетъ передъ Гротомъ шляпу, а его коллега Лерсъ преклоняетъ свои колѣни“. По мнѣнію Деллин-

гера, „History of Greece“ Грота, какъ политическая исторія, „останется, вѣроятно, навсегда единственною и недостижимою..“

Вообще, появленіе „Исторіи Греціи“ Грота было цѣлымъ событіемъ. Не смотря на большой объемъ (12 томовъ) ее читали и ею интересовались не одни спеціалисты; она возбудила вниманіе образованнаго общества Англіи, континента и Америки. Въ Англіи на ней воспитались цѣлыя поколѣнія. Не прошло и трехъ лѣтъ со времени выхода первыхъ двухъ томовъ, какъ понадобилось уже новое изданіе ихъ. Появились переводы на французскій и нѣмецкій языки и разнаго рода извлеченія [1]). Имя Грота пріобрѣло широкую, можно сказать — всемірную, извѣстность. Онъ былъ избранъ въ число иностранныхъ членовъ французскаго Института, въ почетные члены нѣсколькихъ университетовъ (между прочимъ—Петербургскаго и Харьковскаго), академій, историческихъ обществъ и т. д. Ему предложено было перство, отъ котораго однако онъ отказался

Привожу эти подробности, чтобы дать нѣкоторое понятіе о томъ успѣхѣ, какой имѣла „Исторія Греціи“ Грота, и о томъ впечатлѣніи, какое произвела она на современниковъ Успѣхъ ея одинъ изъ новѣйшихъ суровыхъ критиковъ [2]) объясняетъ тѣмъ, что Гротъ явился въ ней выразителемъ господствовавшаго духа вѣка. Конечно, въ значительной мѣрѣ это вѣрно; вѣрно и то, что распространенію славы Грота немало содѣйствовали его друзья, выдающіеся представители науки и философіи. Но успѣхъ Грота объясняется также и несомнѣнно крупными достоинствами и особенностями его труда [3]).

---

[1]) Нѣмецкій перев.—въ 6 объемистыхъ томахъ, убористой печати (1-е изд. въ 50-хъ годахъ прошлаго вѣка, 2-е—въ 1880 г.). Извлеченіе на нѣм. яз.—Fischer'a и Jacoby („Geist d. griech. Gesch.“ Berl. 1884). На рус. яз. полнаго перевода нѣтъ, но есть нѣсколько статей, написанныхъ по поводу или на основаніи труда Грота. Изъ нихъ отмѣтимъ: П. М. Леонтьева, „Миѳическая Грецiя и Италія“ („Пропилеи“, Сборн. стат. по классич. древности. М. 1851 сл., т. II) и „Историч Грецiя. Время до Персидск. войнъ“ (ibid., III); В. Г. Васильевскаго, Взглядъ Грота на исторію аѳинск демократіи (Ж. М. Н. Пр., 1867, январь).

[2]) Pohlmann, Zur Beurteilung Georg Grotes und seiner Griech. Gesch. (изъ Deutsche Zeitschr. f. Geschichtswiss., 1890; перепеч. въ сборникѣ его статей—Aus Altertum und Gegenwart. Munchen 1895.

[3]) Въ „Отеч. Запискахъ“ за 1857 г. (т. 114, № 10) была помѣщена статья о значеніи „Исторіи Греціи“ Грота для современной науки,—переводъ ст. изъ Quarterly Review.

Гротъ, какъ мы видѣли, не прошелъ, собственно говоря, строгой, правильной школы, какую проходили и проходятъ напр. нѣмецкіе ученые; но зато онъ обладалъ многими такими данными, какихъ не имѣли другіе историки и филологи и которыя дали ему возможность написать замѣчательную политическую исторію Греціи. *Ея достоинства*

Глава банкирскаго дома, одно время дѣятельный членъ парламента, выдающійся ораторъ, историкъ, философъ и критикъ, Гротъ на практикѣ былъ знакомъ съ политическою жизнью и съ финансовыми вопросами. При этомъ онъ прекрасно зналъ классиковъ и новѣйшую спеціальную ученую литературу, особенно нѣмецкую, посвященную греческой древности. Онъ былъ одинъ изъ самыхъ широко и разносторонне образованныхъ людей своего времени Онъ не замыкался въ какой-либо узкой спеціальности. Гротъ вращался въ кругу выдающихся представителей тогдашней философіи, науки и литературы; со многими изъ нихъ онъ былъ въ дружбѣ; къ раньше названнымъ именамъ — Рикардо, Бентама и Джемса Милля—можно присоединить имена младшаго Милля, Галлама, Льюиса, Токвилля, отчасти Гизо, съ которыми онъ былъ въ болѣе или менѣе близкихъ отношеніяхъ. Гротъ очень часто посѣщалъ Францію, бывалъ въ Бельгіи, Германіи, Швейцаріи, Италіи, хотя—нужно замѣтить—ни разу не былъ въ Греціи! Наконецъ онъ обладалъ литературнымъ талантомъ. Свою „Исторію Греціи“ Гротъ подготовлялъ въ теченіе 20 лѣтъ съ лишкомъ, въ теченіе 10 съ лишкомъ онъ ее писалъ и печаталъ; такимъ образомъ, можно сказать, что въ общемъ, если не считать нѣкоторыхъ перерывовъ, Гротъ посвятилъ своему труду болѣе 30 лѣтъ: это былъ трудъ какъ-бы цѣлой жизни. Немудрено, что онъ вышелъ капитальнымъ.

Прежде всего, „Исторія Греціи“ Грота отличается своими размѣрами: въ англійскомъ подлинникѣ она состоитъ, какъ сказано, изъ 12 т.; изъ всѣхъ „Исторій Греціи“, которыя доведены до конца, это—самая обширная и подробная. Вообще она вполнѣ оправдываетъ то названіе, которое заранѣе далъ ей Д С. Милль: это—въ полномъ смыслѣ opus magnum. Трудъ Грота основанъ на обширномъ знакомствѣ съ литературными памятниками древности и съ современной автору разработкой греческой исторіи. Въ немъ въ полномъ блескѣ обнаруживается громадная эрудиція и широкое образованіе Грота. Его „History of Greece“ представляетъ замѣчательное явленіе также и въ отношеніи критики и

самостоятельности. Многія сообщенія и свидѣтельства, которымъ вѣрили безусловно, многіе общепринятые разсказы и мнѣнія Гротъ подвергъ сомнѣнію или критическому разбору и частью устранилъ, частью поколебалъ довѣріе къ нимъ. На многія явленія и стороны греческой исторіи онъ высказалъ новые взгляды. Вообще въ его трудѣ было много смѣлаго и оригинальнаго. Приведу нѣсколько примѣровъ, не входя въ подробное разсмотрѣніе того, насколько правъ былъ Гротъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ.

Гротъ сознательно отказывается отъ всякаго объясненія миѳовъ; время, предшествующее 776 г., онъ выдѣляетъ изъ области исторіи; по его словамъ, это время отличается иною атмосферою— атмосферою эпической поэзіи и легенды. Соединять то и другое, миѳъ и исторію, по мнѣнію Грота, „нефилософски“. Онъ воспроизводитъ древнѣйшія времена, какъ ихъ представляли себѣ греки, и не берется мѣрить, сколько въ нихъ историческаго элемента. „Если читатель“, замѣчаетъ Гротъ, „за это будетъ меня порицать, если онъ меня спроситъ, почему я не подымаю занавѣса и не открываю картины, то я отвѣчу словами живописца Зевксиса, когда къ нему былъ обращенъ подобный же вопросъ при выставкѣ его художественнаго произведенія: „занавѣсъ и есть самая картина“. То, что̀ мы теперь читаемъ какъ поэзію и легенду, нѣкогда было исторіей, которой вѣрили..., которую древнѣйшіе греки понимали и въ которой они могли находить наслажденіе: занавѣсъ ничего не скрываетъ и онъ не можетъ быть отдернутъ при помощи какакого бы то ни было остроумія...“ Основанія и объясненія легендъ Гротъ ищетъ въ человѣческомъ духѣ и дѣлаетъ широкія сопоставленія греческихъ миѳовъ съ легендами и сказаніями современной Европы. Гомерическому эпосу онъ посвящаетъ цѣлую главу. Спору, поднятому Вольфомъ, онъ удѣляетъ большое вниманіе и выставляетъ свою гипотезу относительно состава Иліады,— гипотезу, о которой было упомянуто въ своемъ мѣстѣ (стр. 26).

Переходя ко временамъ историческимъ. Гротъ пытается, среди темныхъ и отрывочныхъ указаній, опредѣлить, каково было состояніе Греціи въ древнѣйшую пору и пользуется здѣсь своего рода реконструкціею — на основаніи достовѣрно извѣстныхъ фактовъ дѣлаетъ предположенія относительно предшествовавшихъ стадій развитія. Гротъ отвергъ достовѣрность преданія о раздѣлѣ земли Ликургомъ на равные участки и видѣлъ въ этомъ преданіи продуктъ III в. до Р. Хр, отраженіе идеаловъ Агиса III, когда Ликургу приписано было то, что̀ составляло мечту царя-реформатора.

Мы видѣли, что Гротъ имѣлъ въ виду исправить ошибки Митфорда и представить исторію Греціи въ иномъ, по его мнѣнію болѣе вѣрномъ, свѣтѣ. Вопреки господствовавшимъ до него воззрѣніямъ, онъ, какъ и Нибуръ, не преклонился передъ Спартой и, по выраженію Шемана, „первый заговорилъ объ Аѳинахъ достойнымъ ихъ образомъ“. Онъ рѣшительно взялъ аѳинскую демократію подъ свою защиту. Онъ всячески старался снять съ аѳинянъ обвиненіе въ неблагодарности къ ихъ великимъ дѣятелямъ. Гротъ объясняетъ и оправдываетъ ихъ образъ дѣйствій по отношенію къ Мильтіаду послѣ неудачной экспедиціи его къ Паросу; онъ защищаетъ даже ихъ поведеніе относительно стратеговъ, одержавшихъ побѣду при Аргинусахъ и затѣмъ преданныхъ суду и казни. Онъ доказываетъ, что Клеонъ не былъ дерзкимъ, пустымъ крикуномъ и хвастуномъ, какимъ изображаетъ его комедія и Ѳукидидъ, и проч. Гротъ съ новой точки зрѣнія посмотрѣлъ на софистовъ и на ихъ дѣятельность; въ сужденіи объ Александрѣ Македонскомъ онъ совершенно разошелся съ Дройзеномъ и примкнулъ скорѣе къ Нибуру. А главное—въ исторіи политическаго строя Аѳинъ Гротъ, парламентскій дѣятель, многое первый понялъ и освѣтилъ; въ особенности это нужно сказать относительно реформъ Перикла. „Исторія Греціи“ Грота вообще отличается большимъ реализмомъ и въ этомъ отношеніи составляетъ противоположность господствовавшему прежде, нѣсколько романтическому, взгляду на грековъ. Одинъ изъ современниковъ Грота, бывшій прусскій министръ и другъ Штейна, говорилъ: „Объ Алкивіадѣ много писали древніе и новые писатели; но его образъ былъ мнѣ неясенъ. Но вотъ выступаетъ теперь Гротъ со своей „History of Greece“ и немногими штрихами рисуетъ личность Алкивіада, которая живой стоитъ передо мною.. Какіе обманчивые образы рисовали намъ филологи, по незнакомству съ треволненіями жизни. Какъ высоко цѣнили они жизнь Леонида! Наоборотъ Перикла филологи далеко не достаточно высоко ставили. Теперь для меня онъ—первый грекъ“.

Прибавимъ ко всему этому литературныя достоинства произведенія Грота, и мы поймемъ, почему оно имѣло такой успѣхъ, почему оно обратило на себя общее вниманіе и заняло одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду историческихъ трудовъ того времени.

Но капитальный трудъ Грота, конечно, имѣетъ и слабыя стороны. Послѣдующія великія открытія Шлимана и другихъ показали, сколько невѣрнаго и односторонняго было въ отношеніи

Ея недостатки

Грота къ миѳической древности и къ древнему періоду греческой исторіи. Въ его „Исторіи Греціи" есть главы, посвященныя гомерическому эпосу, лирикѣ, іонійскимъ философамъ и Пиѳагору, драмѣ, софистамъ и Сократу; но онъ не считалъ нужнымъ систематически и, такъ сказать, органически связать исторію политическую съ исторіей умственной жизни, и дѣлалъ это отчасти сознательно, такъ какъ предполагалъ посвятить впослѣдствіи особое сочиненіе наиболѣе выдающимся греческимъ философамъ, Платону и Аристотелю, что, дѣйствительно, и исполнилъ. Но все-же въ данномъ случаѣ это пробѣлъ, и, такимъ образомъ, его „Исторія Греціи" есть попреимуществу исторія лишь политическая и, согласно тогдашнему направленію въ наукѣ, исторія лишь государства, а не общества. Существеннымъ недостаткомъ является и то, что Гротъ пренебрегалъ эпиграфическими данными и пользуется ими слишкомъ мало даже для того времени. Его скептицизмъ и критицизмъ заходитъ иногда слишкомъ далеко, какъ это можно видѣть и изъ нѣкоторыхъ приведенныхъ выше примѣровъ; а въ своемъ пристрастіи къ Аѳинамъ, въ стремленіи защитить и обѣлить ихъ онъ не знаетъ мѣры, впадаетъ въ крайности и натяжки, напр. хотя бы тамъ, гдѣ онъ говоритъ о процессѣ полководцевъ-побѣдителей при Аргинусахъ. Мѣстами трудъ Грота не столько исторія, сколько апологія Аѳинъ, и Гротъ является въ немъ не историкомъ, а скорѣе „адвокатомъ аѳинскаго демоса".

Такое отношеніе къ Аѳинской республикѣ намъ будетъ ясно, если мы примемъ во вниманіе его политическія убѣжденія и симпатіи. Гротъ принадлежалъ не только къ „философскимъ радикаламъ" (какъ называли приверженцевъ Бентама), но и къ политическимъ [1]). Гротъ питалъ особенную любовь къ республикѣ. Когда въ 1848 г. онъ поѣхалъ въ Парижъ, то его необыкновенно возбуждала одна уже та мысль, что онъ находится въ республикѣ. Правда, къ концу жизни въ его воззрѣніяхъ произошла значительная перемѣна [2]); въ своихъ прежнихъ идеалахъ онъ нѣсколько разочаровался. Республиканцемъ по своему образу мыслей Гротъ оставался до конца, но сталъ сознавать, что противъ злоупотребленія силой республиканскія учрежденія даютъ не больше гарантій, нежели монархическія. Въ 1867 г., по поводу

[1]) Въ разгаръ его парламентской дѣятельности враждебная ему газета „Times" называла его „ультрарадикальнымъ банкиромъ", олицетворявшимъ въ себѣ „систему движенія" и „деструктивный принципъ".

[2]) См. стр 383 и слѣд. нѣм пер. его біографіи.

событій въ Соединенныхъ Штатахъ, онъ говоритъ: „Я пережилъ свою вѣру въ силу республики, какъ преграды противъ низкихъ страстей большинства, и допускаю возможность, что верховная власть, когда она покоится въ республиканскихъ рукахъ, можетъ быть употреблена такъ же пагубно, какъ и деспотомъ, подобнымъ Наполеону I. Поведеніе Сѣверныхъ Штатовъ въ послѣднемъ конфликтѣ съ Южными привело меня къ этому убѣжденію, хотя мнѣ стоитъ большого усилія признаться въ этомъ даже самому себѣ". Но въ то время, когда онъ писалъ свою „Исторію Греціи", Гротъ подчасъ слѣпо преклонялся предъ демократической республикой, видѣлъ въ ней самое чистое олицетвореніе свободы и равенства и полагалъ, что воля народнаго собранія въ Аѳинахъ всегда служила вѣрнымъ выраженіемъ воли и интересовъ всей совокупности гражданъ, и такимъ образомъ въ „Исторіи Греціи", по замѣчанію одного новѣйшаго критика [1]), обнаруживается политическое доктринерство Грота, его увлеченіе республиканскими формами. Онъ не замѣчалъ той противоположности между политической свободой и дѣйствительнымъ положеніемъ массы, того фактическаго неравенства въ обществѣ, той борьбы общественныхъ классовъ и существованія пролетаріата, которые характеризуютъ Грецію съ конца V в. Отсюда у Грота невѣрное и одностороннее освѣщеніе и оцѣнка нѣкоторыхъ явленій, въ особенности борьбы партій. Въ этихъ случаяхъ, равно какъ и въ отношеніи Грота къ земледѣльческому классу, которому онъ не симпатизируетъ, сказывается капиталистъ, ученикъ Рикардо, послѣдователь Манчестерской школы, съ ея принципомъ свободной конкурренціи и правительственнаго невмѣшательства въ экономическую борьбу, съ ея формулой: „laissez faire, laissez passer..." [2]).

Едва-ли нужно, наконецъ, говорить подробно о томъ, что „Исторія Греціи" Грота въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ устарѣла, что̀ вполнѣ естественно, такъ какъ въ теченіе полувѣка, прошед-

---

[1]) См. ст. Pohlmann'a, Zur Beurteilung Georg Grotes und seiner Gr. Gesch.—Интересно сравнить эти, довольно суровыя, замѣчанія критика конца XIX в. съ тѣми отзывами, которыми встрѣченъ былъ трудъ Грота въ серединѣ прошлаго столѣтія. Въ этой разницѣ отчасти сказывается различіе въ направленіи и воззрѣніяхъ исторической науки тогда и теперь.—У Пельмана—критика основныхъ воззрѣній и направленія Грота, детальный разборъ самой исторіи аѳинскаго государственнаго строя мы найдемъ у Шемана, Die Verfassungsgeschichte Athens nach G. Grote Hist. of Greece kritisch geprüft. Leipz 1854.

[2]) Ibid.

шаго со времени ея появленія, наука быстро двинулась впередъ. Въ общемъ однако она до сихъ поръ сохранила за собою значеніе капитальнаго пособія, безъ котораго и теперь нельзя обойтись при подробномъ изученіи греческой исторіи и отъ котораго приходится исходить при этомъ изученіи.

Годы, слѣдовавшіе за выходомъ въ свѣтъ его главнаго труда—„Исторіи Греціи"—[1]), Гротъ посвятилъ двумъ своимъ монографіямъ—о Платонѣ (въ 3 т.) и Аристотелѣ (въ 2 т.); „Исторію Греціи", „Платона" и „Аристотеля" Гротъ называлъ своею трилогіею.

Гротъ умеръ въ 1871 г. и погребенъ въ усыпальницѣ великихъ людей Англіи—въ Вестминстерскомъ аббатствѣ, неподалеку отъ Гиббона и Маколея. Среди ученыхъ и поэтовъ стоитъ и его бюстъ съ надписью: „Historian of Greece", „Историкъ Греціи"...

Итакъ, бывшій банкиръ и парламентскій дѣятель написалъ первую замѣчательную „Исторію Греціи". Вообще въ Англіи нерѣдки подобные примѣры непрофессіональныхъ ученыхъ: тамъ часто случается, что дѣятели на государственномъ и иныхъ поприщахъ съ интересомъ и серьезно изучаютъ древность. Извѣстно напр., что „великій старецъ" Гладстонъ увлекался Гомеромъ, за чтеніемъ его отдыхалъ отъ государственныхъ заботъ и дѣлъ и написалъ о немъ нѣсколько сочиненій, изъ которыхъ главное—Studies on Homer and the Homeric age (Oxf. 1858. 3 т.) [2]).

Гладстонъ.

Изъ англійскихъ профессоровъ-историковъ, выступившихъ на ученое поприще позже Грота, въ концѣ разсматриваемаго періода, отмѣтимъ Фримана, который еще въ 60-хъ годахъ издалъ трудъ о федерализмѣ [3]): I-й томъ содержитъ введеніе и исторію греческихъ федерацій [4]). Впрочемъ къ Фриману мы еще вернемся.

Фриманъ

---

[1]) Издавъ первые 2 тома „Ист. Греціи", Гротъ отправился въ Швейцарію, въ которой въ то время (1847) происходили распри между кантонами, напомнившія ему борьбу между сосѣдними греческими общинами, и онъ написалъ трактатъ о Швейцаріи

[2]) Нѣмецкая обработка—Schuster'a (Leipz. 1863); другіе труды Гладстона: Iuventus Mundi. God and men of the heroic age. Lond. 1869; Homeric Synchronism. 1876; Homer. 1878.

[3]) History of Federal Government, from the Foundation of the Achaian League to the Disruption of the United States. I. 1863.—Новое изд., подъ редакціей Bury,—1893.

[4]) О немъ—большая статья Wilh. Vischer'a, базельскаго профессора, который раньше Фримана занимался тѣмъ-же вопросомъ: см. его Ueber die Bildung von Staaten und Bünden oder Centralisation und Foederation im alten Griechenland (1849); то и другое перепечатано въ его Kleine Schriften. I. 1877.

Гротъ далъ новый, сильный толчекъ къ изученію греческой исторіи [1]). Его „History of Greece“ открываетъ серію общихъ трудовъ, касающихся Греціи и принадлежащихъ большею частью Германіи. Здѣсь почти одновременно вышли труды Шемана, Э. Курціуса и Макса Дункера [2]).

Шеманъ (1793—1879), профессоръ въ Грейфсвальдѣ, извѣстный такими работами по греческимъ древностямъ, какъ De comitiis Atheniensium (1819), De sortitione judicum apud Athen. (1820), Der attische Process (1824) [3]) (*трудъ, написанный совмѣстно съ Мейеромъ*), Antiquitates juris publici Graec. (1838), по многимъ кореннымъ вопросамъ расходился съ Гротомъ. Взглядъ послѣдняго на исторію аѳинской демократіи онъ подвергъ подробному критическому разбору въ изслѣдованіи подъ заглавіемъ: „Die Verfassungsgeschichte Athens nach G. Grote Hist. of Greece kritisch geprüft“ (1854). Шеманъ—консервативнѣе Грота: онъ относится съ бо́льшимъ довѣріемъ къ традиціи, и по нѣкоторымъ пунктамъ онъ оказался правымъ: послѣдующія открытія и изслѣдованія неразъ подтверждали его мнѣніе, напр. относительно времени возникновенія геліэи. *Шеманъ.*

Но главный трудъ Шемана—Griechische Alterthümer (1855—9. 2 т.). Первый томъ ихъ появился въ то время, когда „Исторія“ Грота заканчивалась и когда еще не было „Греческой исторіи“ Э. Курціуса. Онъ содержитъ „Государственныя древности“, а второй томъ касается международныхъ отношеній и культа. Планъ изложенія „Государственныхъ древностей“ таковъ: вслѣдъ за „Введеніемъ“ и картиной Гомерической Греціи идетъ характеристика греческого государства вообще и обзоръ различныхъ формъ правленія, а затѣмъ большая часть книги посвящена обзору трехъ государствъ — Спарты, Крита и Аѳинъ, причемъ въ послѣднемъ случаѣ дается сначала историческій очеркъ аѳинскаго государственнаго строя, а потомъ слѣдуетъ спеціальный обзоръ его. Такой планъ и по настоящую пору обычный въ руководствахъ по греческимъ древностямъ.

[1]) Ревностнымъ послѣдователемъ Грота, развившимъ еще далѣе его взгляды на аѳинскую демократію, является Oncken въ своихъ этюдахъ по исторіи Греціи V в, подъ заглавіемъ. Athen und Hellas (1865—6. 2 т.), ему-же принадлежитъ прекрасная монографія о „Политикѣ“ Аристотеля: Die Staatslehre des Aristoteles. 1870—5. 2 т. (Онкенъ извѣстенъ также изданною подъ его редакціею коллекціею Allgem. Geschichte in Einzeldarstellungen).

[2]) Можно назвать еще „Geschichte Griechenlands“ Кортюма (1854 3 т.).

[3]) Есть новое изд. въ обработкѣ—Lipsius'a

„Древности“ Шемана входятъ въ составъ той серіи руководствъ, которая предпринята была издательской фирмой Вейдмана и къ которой принадлежатъ такіе замѣчательные труды, какъ „Римская исторія“ Моммзена и „Греческая исторія“ Эрнста Курціуса. Руководства эти (называвшіяся „Handbücher zum Verständniss des klassischen Alterthums“) имѣли въ виду дать живое изображеніе древности и предназначались не столько для спеціалистовъ, сколько для болѣе широкаго круга образованныхъ читателей. И Шеманъ блистательно выполнилъ свою задачу: его „Древности“ отличаются прекраснымъ изложеніемъ, написаны живымъ языкомъ и читаются легко, съ большимъ интересомъ. Особенно удалась ему характеристика Гомерической Греціи. Но этого мало: трудъ такого знатока, какъ Шеманъ, не могъ быть простою компиляціею; онъ важенъ и для спеціалистовъ и вообще занимаетъ мѣсто въ ряду лучшихъ пособій по греческой исторіи и древностямъ. Главный же недостатокъ его — невниманіе къ эпиграфическому матеріалу.

„Griechische Alterthümer“ Шемана встрѣчены были съ большимъ сочувствіемъ и еще при жизни автора выдержали нѣсколько изданій: черезъ 6 лѣтъ послѣ появленія перваго изданія понадобилось уже второе, а въ 1871 г. вышло третье. Въ виду ощущавшейся потребности въ новой переработкѣ ихъ—такъ какъ новѣйшія, въ своемъ родѣ превосходныя, руководства Бузольта и Гильберта, о которыхъ скажу далѣе, отличаются иным характеромъ и при всѣхъ своихъ достоинствахъ вполнѣ замѣнить „Древности“ Шемана не могли—, за эту переработку взялся извѣстный ученый Липсіусъ, который уже раньше такъ удачно обработалъ для новаго изданія совмѣстный трудъ Мейера и Шемана объ аттическомъ процессѣ, и въ настоящее время мы имѣемъ эти „Древности“ въ такомъ видѣ, который стоитъ на высотѣ современной науки: въ этомъ (4-мъ) изданіи (I т.—1897, II т.—1902) приняты во вниманіе результаты новѣйшихъ открытій и изслѣдованій [1]).

Имя Эрнста Курціуса останется неразрывно связаннымъ съ тѣми великими успѣхами въ дѣлѣ изученія греческой исторіи, географіи и археологіи, которыми ознаменовался XIX в.

Если Гротъ былъ финансистомъ и парламентскимъ дѣятелемъ, прежде чѣмъ стать историкомъ Греціи; если онъ никогда

[1]) Подробный разборъ—В. А. Шеффера, въ „Фил. Обозр.“, XVI, 1899.

не переставалъ интересоваться политическими вопросами и въ своей „Исторіи“ выдвигалъ на первый планъ политическую сторону; если многіе видные представители нѣмецкой исторической науки XIX ст. были въ значительной мѣрѣ политиками, борцами за объединеніе Германіи, готовыми проповѣдывать даже національную вражду и ненависть къ другимъ народамъ;—то Э. Курціусъ, наоборотъ, является типомъ идеалиста-ученаго, стоящаго далеко отъ злобы дня и политической борьбы, чуждаго національной ненависти, всецѣло преданнаго изученію столь любимой и нѣсколько идеализируемой имъ классической древности: это—какъ бы представитель прежней культурной эпохи,—эпохи Винкельмана и романтизма; это—натура художественная, съ эстетическими наклонностями, больше археологъ, нежели историкъ.

Эрнстъ Курціусъ родился въ 1814 г. въ Любекѣ, въ образованной бюргерской семьѣ. Онъ слушалъ лекціи въ Боннѣ, затѣмъ въ Геттингенѣ и наконецъ въ Берлинѣ (1833—6). Три лица были его главными учителями: въ Боннѣ—Велькеръ, въ Геттингенѣ—К. О. Миллеръ, а въ Берлинѣ—Бекъ. Ихъ вліяніе сказывается на всей послѣдующей дѣятельности Курціуса Въ особенности сильно было вліяніе К. О. Миллера: во многомъ Курціусъ явился исполнителемъ плановъ и завѣтовъ своего любимаго учителя, такъ рано сошедшаго въ могилу.

Въ 1837 г. Курціусъ отправился въ Аѳины въ качествѣ домашняго учителя въ семьѣ профессора Брандиса, который приглашенъ былъ читать лекціи греческому королю Оттону. Такимъ образомъ онъ воочію знакомится съ природою страны, съ ея топографіею, съ ея памятниками. Онъ сопутствуетъ знаменитому географу К. Риттеру въ его путешествіи по Пелопоннесу, что̀ даетъ ему впослѣдствіи возможность написать такой прекрасный трудъ, какъ его „Peloponnesos“. Вскорѣ въ Аѳины прибылъ другъ его дѣтства поэтъ Гейбель. Вмѣстѣ они гуляли „то по тихимъ берегамъ Илисса, гдѣ Сократъ искалъ уединенія, то по оливковой рощѣ и окраинѣ Колона, или по высотамъ древняго акрополя, откуда открывался видъ на Эгину; вмѣстѣ они вдумывались въ слова аттическихъ поэтовъ, стараясь уловить ихъ внутренній смыслъ

[1]) О Курціусѣ—ст A. Michaelis'a (Beil. z. Allgem. Zeitung, 1896, № 182—4), Schone (Jahrbuch d. Königl Preussisch. Kunstsammlungen, 1896, XVII B., 4 H.), Broicher (Preuss. Jahrb, 1896, Dez); рѣчь Kekule von Stradonitz (Berlin, 1896); „Воспоминанія“ Gurlitt'a (въ Jahresbericht f. Altertumswiss, CXI, 1901), моя замѣтка—въ „Фил. Обозр.“, XI, 1896

и подыскать нѣмецкое выраженіе; а по вечерамъ они записывали стихи и находили въ этой работѣ неисчерпаемое наслажденіе“ [1]). Такъ возникли „Classische Studien“, изданныя въ 1840 г.,— плодъ совмѣстной работы Курціуса и Гейбеля. Вмѣстѣ съ Гейбелемъ Курціусъ совершаетъ поѣздку на Циклады, на Паросъ и Наксосъ, и эта поѣздка оставляетъ въ немъ неизгладимое впечатлѣніе, о чемъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ его лекція о Наксосѣ, читанная имъ нѣсколько лѣтъ спустя. Въ 1840 г. въ Грецію прибылъ К. О. Миллеръ. Вмѣстѣ съ нимъ Курціусъ еще разъ посѣтилъ Пелопоннесъ. Онъ сопровождалъ своего учителя и въ его поѣздкѣ въ Дельфы, закончившейся такъ трагически, и Миллеръ умеръ, какъ мы видѣли, на рукахъ Курціуса и Шелля.

Пребываніе Курціуса въ Греціи было рѣшающимъ моментомъ въ его жизни и въ направленіи всей послѣдующей его дѣятельности. По возвращеніи въ Германію онъ избираетъ темой для своей докторской диссертаціи вопросъ по топографіи Аттики: De portubus Athenarum (1841); въ 1843 г. онъ издаетъ дельфійскія надписи, открытыя и разобранныя его учителемъ, К. О. Миллеромъ (Analecta Delphica), и нѣсколько аттическихъ (Inscriptiones Atticae nuper repertae duodecim). Онъ является дѣятельнымъ членомъ Археологическаго Общества и сотрудникомъ „Archeologische Zeitung“; онъ начинаетъ чтеніе лекцій въ Берлинскомъ университетѣ въ качествѣ приватъ-доцента, а затѣмъ— экстраординарнаго профессора.

Въ февралѣ 1844 г. въ „Научномъ ферейнѣ“ Курціусъ читалъ лекцію объ аѳинскомъ акрополѣ. Со свойственнымъ ему художественнымъ талантомъ, наглядно и живо, какъ очевидецъ, описалъ онъ акрополь, его памятники, ихъ печальную судьбу. Лекція произвела чрезвычайно сильное впечатлѣніе. Присутствовавшая на ней принцесса Августа (будущая императрица), внука Карла Августа Веймарскаго, знаменитаго покровителя Гёте и Шиллера, по иниціативѣ которой и возникъ упомянутый Научный ферейнъ, тутъ же рѣшила пригласить Курціуса въ наставники своему сыну. Такъ начались близкія отношенія между Курціусомъ и будущимъ кронпринцемъ и императоромъ Фридрихомъ, отношенія, имѣвшія немаловажное значеніе не только въ личной судьбѣ Курціуса, но и для науки, для успѣха и осуществленія

[1]) Изъ „Воспоминаній“ Курціуса о Гейбелѣ. См. ст. Michaelis'a и рѣчь Kekule.

тѣхъ плановъ, которые онъ лелѣялъ. Многимъ еще памятенъ симпатичный образъ императора Фридриха; памятны его мирныя, высокія культурныя стремленія, и безъ сомнѣнія, эти стремленія и вкусы въ значительной мѣрѣ обязаны своимъ развитіемъ именно вліянію Курціуса.

Но исполняя обязанности наставника молодого принца, ставъ человѣкомъ, близкимъ къ семьѣ Вильгельма I, Курціусъ не оставляетъ ученой дѣятельности [1]); а вскорѣ послѣ того, какъ воспитаніе принца было закончено, Курціусъ издаетъ свой первый крупный трудъ, который онъ уже давно подготовлялъ и который былъ плодомъ его путешествій по южной Греціи, — „Peloponnesos“ (2 т.. 1851—2), сочиненіе, обратившее на себя общее вниманіе: прекрасная форма, живость, художественность и точность описаній, серьезныя научныя достоинства, все это въ немъ гармонически соединяется. Здѣсь мы видимъ отраженіе вліянія К. Риттера: примѣнены его идеи о взаимодѣйствіи природы и человѣка, географіи и исторіи.

Въ 1846 г. Курціусъ въ „Научномъ ферейнѣ“ читаетъ лекцію о Наксосѣ, носящую на себѣ слѣды живыхъ, личныхъ впечатлѣній и воспоминаній объ этомъ островѣ, а въ январѣ 1852 г.—достопамятную лекцію объ Олимпіи, полную воодушевленія и благоговѣнія къ этому священному для грековъ мѣсту, въ которой онъ говорилъ о гимнастическихъ состязаніяхъ и ихъ значеніи въ Греціи, объ исторіи Олимпіи, о произведеніяхъ искусства, таящихся въ священной почвѣ, подъ иломъ Алфея, и которую онъ закончилъ восторженнымъ призывомъ извлечь эти сокровища на свѣтъ—произвести раскопки, ибо „то, что лежитъ тамъ, въ темной глубинѣ, есть жизнь отъ нашей жизни“ (ist Leben von unserm Leben). Но какъ ни было сильно впечатлѣніе, произведенное этою лекціею, прошло послѣ того почти четверть вѣка, прежде чѣмъ призывъ Курціуса нашелъ себѣ надлежащій откликъ и прежде чѣмъ его давнія мечты могли наконецъ осуществиться.

Въ 1855 г. Курціусъ выступилъ съ своею „іонійскою“ гипотезою въ изслѣдованіи: „Die Ionier vor der ionischen Wanderung“, гдѣ выдвигалъ важное значеніе іонійскаго племени и доказывалъ, что его первоначальная родина—Малая Азія и что

[1]) Къ этому времени относятся его статьи: „Ueber stadtische Wasserbauten der Hellenen“ (1847), „Ueber die Markte hellenischer Stadte“ (1848) и „Die Phonizier in Argos“ (1850).

послѣдующая іонійская колонизація мало-азіатскаго побережья является, такимъ образомъ, возвращеніемъ потомковъ на родину предковъ. Гипотеза эта вызвала немало споровъ, и Курціусу пришлось отстаивать свой взглядъ въ рядѣ статей [1]). Почти одновременно съ изслѣдованіемъ объ іонянахъ вышло (1856) начало IV т. Corpus Inscriptionum Graecarum, значительная часть котораго обработана была Курціусомъ. Кромѣ того, къ 1853—6 годамъ относится нѣсколько небольшихъ работъ и рѣчей Курціуса, преимущественно по исторіи греческаго искусства и по топографіи.

Въ 1856 г. Курціусъ переходитъ въ Гёттингенъ. Геттингенскій періодъ въ его дѣятельности ознаменованъ появленіемъ его главнаго труда, создавшаго ему европейскую извѣстность,— „Греческой исторіи“ (3 т., 1857—67).

„Греческая исторія“.

„Griechische Geschichte“ Курціуса появилась тотчасъ послѣ труда Грота и заняла мѣсто какъ-бы на-ряду съ нимъ. Отъ этого труда она однако отличается во многомъ. Прежде всего, она не такъ обширна: „Исторія Греціи“ Грота въ подлинникѣ состоитъ, какъ мы видѣли, изъ 12 томовъ, „Греческая исторія“ Курціуса—всего изъ 3. Гротъ, политическій дѣятель и членъ парламента, радикалъ по убѣжденіямъ, обратилъ особенное вниманіе на исторію политическую, на внѣшнія событія и развитіе учрежденій и многое тутъ освѣтилъ. Напротивъ, Курціусъ, археологъ и эстетикъ, а не политикъ, обращаетъ большое вниманіе на культурную сторону, на умственную и художественную жизнь; страницы, посвященныя литературѣ и искусству, въ „Греческой исторіи“ Курціуса занимаютъ немало мѣста и принадлежатъ къ лучшимъ ея частямъ. Примѣромъ можетъ служить глава: „Die Friedensjahre“, представляющая мастерскую характеристику Перикла времени. Притомъ, у Курціуса исторія и характеристика культурныхъ явленій не составляетъ простого, чисто внѣшняго придатка къ общей политической исторіи Греціи; напротивъ, въ его изложеніи та и другая соединены органически; ихъ связь и взаимодѣйствіе изображаются чрезвычайно ярко. Въ отношеніи критики Курціусъ уступаетъ Гроту. Онъ менѣе скептиченъ, зато и не впадаетъ въ такія крайности, какъ Гротъ, напр. въ вопросѣ о раздѣлѣ Лаконіи на участки. Гротъ въ своемъ трудѣ выступилъ „адвокатомъ“ аѳинской демократіи. Курціусъ болѣе умѣренъ и

[1]) Еще въ 1890 г. появляется его ст.: „Wie die Athener Ionier wurden“, Hermes.

болѣе безпристрастенъ. При нѣкоторой идеализаціи грековъ, при явной симпатіи къ Аѳинамъ, онъ расходится съ Гротомъ напр. въ отзывахъ о Клеонѣ и о процессѣ стратеговъ-побѣдителей при Аргинусскихъ островахъ, а къ Спартѣ относится безъ антипатіи. Умѣренность и безпристрастіе обнаруживается у Курціуса еще въ одномъ—и притомъ характерномъ—случаѣ. Свой трудъ онъ доводитъ до Херонейской битвы, и это понятно: для него исторія Греціи оканчивается вмѣстѣ съ независимостью послѣдней; въ установленіи македонскаго владычества онъ видитъ „не переходъ къ новой эпохѣ, которая устранила бы вымершее и вызвала бы свѣжія силы развитія, а только регрессъ, упадокъ“ и деморализацію грековъ. Тѣмъ не менѣе, говоря о Филиппѣ и Демосѳенѣ, онъ не впадаетъ въ такой страстный тонъ и въ такую крайность, какъ многіе другіе выдающіеся историки; ему удалось стать на болѣе объективную и болѣе широкую, обще-историческую точку зрѣнія, взглянуть безпристрастно на дѣятельность того и другого, воздать каждому должное.

По размѣрамъ, цѣли и художественнымъ достоинствамъ „Греческая исторія“ Курціуса можетъ быть сопоставлена съ „Римскою исторіею“ Моммзена. Подобно ей, она имѣла въ виду не однихъ спеціалистовъ, а болѣе обширный кругъ читателей; подобно ей, она входитъ въ составъ изданій, предпринятыхъ фирмой Вейдмана и долженствовавшихъ соединить въ себѣ научныя достоинства съ доступностью изложенія. Изложенію Курціуса недостаетъ, правда, той силы и того блеска, которыми такъ отличается произведеніе Моммзена, но все же оно художественно, легко и изящно; превосходно, напр., описаніе природы Греціи въ началѣ I тома—здѣсь ярко сказалось непосредственное знакомство Курціуса съ этою природою—; очень хороши также страницы, посвященныя Периклову вѣку во II т., или рядъ мастерскихъ характеристикъ отдѣльныхъ лицъ. Произведеніе Курціуса не блещетъ такою оригинальностью, какъ „Римская исторія“ Моммзена; но зато оно и не такъ субъективно, въ немъ нѣтъ такой рѣзкости въ сужденіяхъ и отзывахъ: Курціусъ мягче и какъ-бы объективнѣе Моммзена. У Курціуса мало реализма; онъ нѣсколько идеализируетъ грековъ, склоненъ смотрѣть на нихъ, какъ на героевъ, нерѣдко впадаетъ въ панегиризмъ и высокопарность. Его „Исторія“ носитъ еще сантиментально-романтическій отпечатокъ. Соціально-экономическая сторона, которая такъ выдвинута у Моммзена, на которую обращается такое вниманіе въ современной исторической наукѣ

и въ новѣйшихъ трудахъ по греческой исторіи (Белоха и Эд. Мейера), у Курціуса освѣщена слабо. Не особенно силенъ онъ и въ изложеніи событій чисто политическихъ—и въ этомъ своемъ трудѣ Курціусъ является больше эстетикомъ—; обнаруживается подчасъ недостатокъ критики; сравнительно мало пользуется онъ надписями и т. д. Но зато въ произведеніи Курціуса дается мастерская общая картина развитія греческой культуры въ разнообразныхъ ея проявленіяхъ, въ связи съ политическою исторіей; Курціусъ обнаруживаетъ тонкое пониманіе античнаго искусства и художественное чутье, прекрасное знакомство съ природою Греціи и ея вліяніемъ; его трудъ согрѣтъ любовью къ тому народу, исторію котораго онъ излагаетъ. Онъ проникнутъ „какимъ-то нѣжнымъ, элегическимъ тономъ, тихою грустью по потерянной красотѣ“ (Виламовицъ). Несмотря на нѣкоторые недостатки, „Греческая исторія“ Курціуса все-таки принадлежитъ къ замѣчательнымъ явленіямъ въ исторіографіи XIX столѣтія. Со времени выхода ея прошло уже болѣе 40 лѣтъ; съ тѣхъ поръ она выдержала немало изданій, каждый разъ являясь въ дополненномъ и исправленномъ видѣ, была переведена на многіе иностранные языки — англійскій, французскій, итальянскій, русскій [1]) — и до сихъ поръ сохранила за собою значеніе первостепеннаго пособія по общей исторіи Греціи.

Послѣдующія работы Курціуса

Но работая надъ своею „Греческою исторіей“, Курціусъ не оставлялъ и частныхъ, детальныхъ изслѣдованій въ излюбленной имъ области — въ области археологіи и топографіи. Въ 1862 г. Курціусъ вторично отправляется въ Грецію и на этотъ разъ тщательно изучаетъ топографію Аѳинъ, производитъ раскопки. Результатомъ этихъ его изслѣдованій были: „Attische Studien“ (2 вып., 1862—5) и „Sieben Karten zur Topographie von Athen“ (1868). Въ Геттингенѣ, въ дни университетскихъ торжествъ, онъ неразъ произноситъ обычныя рѣчи Для рѣчей этихъ онъ избиралъ обще-интересныя темы, болѣе или менѣе изъ области классической древности [2]).

Хотя Курціусъ, какъ уже упомянуто, не былъ политикомъ и стоялъ въ сторонѣ отъ злобы дня, но онъ близокъ былъ къ семьѣ прусскаго короля, симпатіи его были на сторонѣ Пруссіи, а потому

---

[1]) „Ист. Греціи“. М. 1880—3. 3 т.

[2]) Рѣчи эти вошли въ составъ сборниковъ подъ заглавіемъ. „Gottinger Festreden“ (1864) и „Alterthum und Gegenwart“ (1-е изд.—1875).

его положеніе въ ганноверскомъ университетѣ во время событій 1866 г. было не изъ легкихъ. Въ 1868 г. онъ совсѣмъ покидаетъ Геттингенъ и переходитъ въ Берлинскій университетъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ занимаетъ должность „археолога“ при королевскихъ музеяхъ, а съ 1872 г.—директора отдѣла „Antiquarium“. Тогда же онъ избранъ былъ въ непремѣнные секретари Берлинской академіи наукъ, членомъ которой онъ состоялъ съ 1853 г.

Наступаетъ новый періодъ въ жизни и дѣятельности Курціуса; предъ нимъ открывается болѣе широкое научное поприще и наконецъ осуществляется его давняя мечта, исполняется задача, къ осуществленію которой онъ призывалъ своихъ соотечественниковъ еще въ 1852 г. и на которую ему указывалъ еще К. О. Миллеръ во время совмѣстнаго ихъ путешествія по Пелопоннесу: по настоянію Курціуса въ 1874 г. германское правительство рѣшило произвести на свой счетъ раскопки въ Олимпіи. Но объ этой сторонѣ дѣятельности Курціуса, равно какъ объ учрежденіи въ Аѳинахъ Отдѣленія Нѣмецкаго Археологическаго Института и о связанныхъ со всѣмъ этимъ печатныхъ трудахъ Курціуса, я буду говорить далѣе. Здѣсь же опуская другія многочисленныя его статьи, касающіяся исторіи, религіи и искусства, и его рѣчи Берлинскаго періода, отмѣчу лишь третій (послѣ „Пелопоннеса“ и „Исторіи Греціи“) крупный общій трудъ, который Курціусъ издалъ уже въ глубокой старости, 77 лѣтъ,—Die Stadtgeschichte von Athen (1891); это—„топографія Аѳинъ съ исторической точки зрѣнія“, завершеніе всѣхъ прежнихъ его работъ въ этой области, результатъ болѣе чѣмъ полувѣковыхъ изслѣдованій и личныхъ наблюденій...

Умеръ Курціусъ на 82 году (1896).

Инымъ характеромъ, нежели труды Шемана и Курціуса, отличается „Geschichte des Alterthums“ Макса Дункера [1]).

Максъ Дункеръ.

Максъ Дункеръ [2]) (1811—1886), профессоръ въ Галле, затѣмъ—недолгое время—въ Тюбингенѣ, подъ конецъ—директоръ Прусскаго государственнаго архива и членъ Берлинской академіи наукъ, подобно Дройзену, занимался не только древнею, но и новою исторіею. Вообще онъ имѣетъ немало общаго со своимъ другомъ Дройзеномъ: это была, по выраженію Трейчке, „поли-

[1]) Gutschmid, Kl. Schr., I; Vischer, Kl. Schr., I.

[2]) См о немъ ст. Treitschke въ Preuss. Jahrb, 1886, LVIII B., и книгу Haym'a, Das Leben Max Dunckers. Berlin. 1891.

тическая натура", не только ученый, но и публицистъ, страстный патріотъ, принимавшій дѣятельное участіе въ борьбѣ за единство Германіи, либералъ, какъ бо́льшая часть тогдашнихъ патріотовъ, мечтавшихъ о единой Германіи, и въ то-же время монархистъ, преданный прусскому королевскому дому, врагъ демократіи и радикализма, въ молодости приговоренный къ заключенію въ крѣпости, какъ демагогъ и агитаторъ, и его „Исторія древности", доставившая ему славу, подготовлена не въ тиши кабинета, а среди политической и парламентской борьбы и агитаціи.

„Исторія древности" М. Дункера въ первомъ изданіи появилась еще въ 50-хъ годахъ (1852—7) прошлаго вѣка, причемъ она состояла тогда изъ 4 томовъ, изъ коихъ первые два содержали исторію Востока, а III и IV (1856—7)—исторію Греціи до отраженія персовъ включительно. Съ тѣхъ поръ она переиздавалась нѣсколько разъ; надъ нею Максъ Дункеръ не переставалъ работать въ теченіе 30 съ лишкомъ лѣтъ, до самой своей смерти (1886). Въ концѣ 70-хъ и въ началѣ 80-хъ годовъ онъ переработалъ свою „Исторію древности" кореннымъ образомъ: въ этомъ послѣднемъ (7-мъ, 1878 сл.) изданіи исторіи Востока посвящено уже не два, какъ было сначала, а четыре тома, исторіи Греціи до Платейской битвы—три тома, вмѣсто прежнихъ двухъ. Результаты новыхъ изслѣдованій и открытій приняты здѣсь въ соображеніе тщательнымъ образомъ [1]). Но на этомъ Дункеръ не остановился: не смотря на преклонные годы—ему было тогда уже болѣе 70 лѣтъ—, онъ рѣшился продолжать трудъ, начатый за 30 лѣтъ до того, и въ 1884 г. вышелъ 8-й томъ („Die Gründung der Macht Athens und der erste Krieg mit den Peloponnesiern"), а въ 1886—9-й („Die Staatsleitung des Perikles"), составляющіе начало „Новой серіи" (Neue Folge). Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Дункеръ умеръ, и такимъ образомъ исторія Греціи осталась у него неоконченною: она доведена до смерти Перикла.

Въ произведеніи Дункера мы видимъ соединеніе синтеза съ анализомъ. По своему замыслу и назначенію его „Исторія древности" имѣетъ преимущественно объединяющій характеръ. Дункеръ принялся за нее въ то время, когда совершены были по-

[1]) Хотя само собой разумѣется, что въ нѣкоторыхъ отдѣлахъ Gesch. d. Alterthums Дункера и въ новомъ изданіи оказывается устарѣлою, такъ какъ послѣ его выхода сдѣланы важныя открытія; Дункеръ не могъ напр. пользоваться „Ае. Политіей" Аристотеля.

разительныя открытія въ области ассиріологіи и египтологіи, но результаты этихъ открытій не были еще сведены, и историки и оріенталисты работали отдѣльно въ своихъ областяхъ. Дункеръ первый предпринялъ попытку соединить эти двѣ научныя области, воспользоваться данными ассиріологіи и египтологіи для чисто историческаго изложенія, представить въ ясной и доступной формѣ результаты открытій и изслѣдованій оріенталистовъ и освѣтить части съ точки зрѣнія цѣлаго. Что касается Греціи, то Дункеръ ставитъ въ связь ея культуру съ восточными культурами и даетъ ея общую исторію въ связи съ исторіей Востока (напомнимъ, что тогда еще не было „Исторіи Греціи“ Курціуса, вышедшей въ 1857). Въ предисловіи (къ V тому, 7-го изд.) въ отвѣтъ на могущія возникнуть сомнѣнія, не лучше ли было бы вмѣсто возобновленія такой реконструкціи предоставить слово критическому разбору источниковъ, обождать дальнѣйшихъ разъясненій и твердаго установленія традиціи, дальнѣйшихъ результатовъ открытія новыхъ памятниковъ и надписей, Дункеръ замѣчаетъ, что изслѣдованіе и критика идутъ постоянно впередъ, отъ одной стадіи къ другой; ихъ работѣ нѣтъ конца; наука основывается на критическомъ разборѣ данныхъ, на установленіи фактовъ не менѣе, чѣмъ на пониманіи ихъ, на связномъ представленіи о нихъ. Необходимо взаимодѣйствіе этихъ двухъ моментовъ, „ибо не только въ частяхъ и посредствомъ частей является цѣлое, но и части получаютъ жизнь и свѣтъ отъ цѣлаго“. Дункеръ полагалъ, что именно въ настоящее время (предисловіе писано въ 1881 г.) „близка опасность заблудиться по пути микрологіи и, обративъ весь взоръ на клочекъ поля, который со тщательностью воздѣлывается, потерять изъ виду формацію той почвы, которой онъ принадлежитъ“.—Съ другой стороны, повѣствовательный разсказъ у Дункера чередуется съ изслѣдованіемъ. Дункеръ вводитъ въ свое изложеніе цѣлые критическіе экскурсы: онъ передаетъ различныя сказанія, свидѣтельства источниковъ, сопоставляетъ ихъ, разбираетъ, старается объяснить ихъ генезисъ, отыскать въ нихъ историческую основу, зерно былой дѣйствительности.

По самому плану сочиненія изложеніе исторіи Греціи у Дункера должно отличаться полнотою и всесторонностью. И дѣйствительно, оно обнимаетъ внѣшнюю и внутреннюю исторію, политику и культуру, миѳы и религію, поэзію и науку, философію и искусство, хотя все-таки главную часть составляютъ отдѣлы, касающіеся государственнаго устройства и борьбы партій, внѣшнихъ

отношеній и войнъ. Эти отдѣлы обработаны съ особенною полнотою и любовью Трудъ Дункера очень обширенъ и подробенъ, подробнѣе не только „Griechische Geschichte“ Курціуса, но даже и многотомной „History of Greece“ Грота, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ частяхъ. Сказанія и свидѣтельства источниковъ, наиболѣе важныя и интересныя надписи, все это приводится обыкновенно въ переводѣ in extenso въ самомъ текстѣ, не говоря уже о подробностяхъ критическаго анализа. Изложеніе Дункера страдаетъ иногда растянутостью; но въ общемъ этотъ обширный трудъ читается легко и съ интересомъ благодаря воодушевленію, съ какимъ онъ написанъ, литературному таланту и полному господству автора надъ матеріаломъ. Это—произведеніе, какъ выражаются нѣмцы, „aus einem Guss“. Особенно хороши тѣ страницы, гдѣ Дункеръ говоритъ о господствѣ аристократіи въ древней Греціи. Дункеръ вообще старается оживить предъ нами древность, перенести насъ въ ту отдаленную эпоху, поставить лицомъ къ лицу съ борющимися партіями и ихъ противоположными точками зрѣнія, съ тѣми вопросами и задачами, которые приходилось разрѣшать, и съ этою цѣлью онъ влагаетъ въ уста вождямъ или сторонникамъ той или другой партіи тѣ соображенія и доводы, которые они, по его мнѣнію, могли бы выставить въ пользу своего мнѣнія. У него очень живо напр. изображено все значеніе для внутренней исторіи Аѳинъ такой мѣры, какъ созданіе Ѳемистокломъ флота, и вся противоположность взглядовъ Ѳемистокла и его противниковъ по этому вопросу. Но подобный пріемъ, конечно, довольно опасенъ и едва-ли согласуется съ требованіями строго научнаго изложенія: авторъ легко можетъ навязать свои личные взгляды, комбинаціи и предположенія историческимъ дѣятелямъ древности, далекому прошлому сообщить слишкомъ современный колоритъ. Тутъ предъ нами, такъ сказать, Dichtung und Wahrheit, соединеніе исторической правды съ вымысломъ, и пріемъ Дункера напоминаетъ до нѣкоторой степени обыкновеніе классическихъ авторовъ приводить рѣчи дѣйствующихъ лицъ.

На новой серіи, т. е. 8-мъ и 9-мъ томѣ, „Исторіи древности“ М. Дункера, во многихъ отношеніяхъ любопытной и характерной, я тутъ пока не буду останавливаться: серія эта появилась позже, въ 80-хъ годахъ, и въ ней отразились черты, которыя характеризуютъ нѣмецкую историческую науку послѣ 70-го года; я коснусь ея далѣе, въ своемъ мѣстѣ. Здѣсь же скажу лишь, что, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, трудъ Дункера принадлежитъ къ числу

выдающихся явленій нѣмецкой исторической литературы по широтѣ темы, по полнотѣ и всесторонности, по самостоятельности и прекрасному знакомству автора съ источниками и новѣйшими изслѣдованіями, по господству надъ матеріаломъ, талантливости и ясности изложенія. Онъ имѣлъ большое вліяніе на изученіе древности, на развитіе въ обществѣ интереса къ этой древности и знакомства какъ съ древнимъ Востокомъ, такъ и съ древнею Греціею.

Фюстель де Куланжъ

Во французской литературѣ за разсматриваемый періодъ особенно выдается произведеніе Фюстель де Куланжа: „La cité antique“, вышедшее въ 1864 г.[1]).

Фюстель де Куланжъ[2]) (1830—1889), питомецъ Нормальной школы, профессоръ сначала въ Амьенскомъ лицеѣ, затѣмъ въ лицеѣ Св. Людовика, потомъ въ Страсбургскомъ университетѣ (1860—70), а съ занятіемъ Страсбурга нѣмцами, съ 1870 г.,—въ Нормальной школѣ и наконецъ въ Сорбоннѣ (съ 1875 г.)[3]),—одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ и оригинальнѣйшихъ французскихъ историковъ XIX в., котораго нѣкоторые называютъ „обновителемъ гипотезъ и методовъ, великимъ новаторомъ, несомнѣннымъ главою новѣйшей французской исторической школы строгаго текстуальнаго изученія прошлаго человѣчества и генетическаго построенія эволюціи его культуры...“[4]); его иногда сравниваютъ даже съ Монтескье, по широтѣ и мощности его историческаго кругозора[5]), по вліянію на прогрессъ науки въ области исторіи и общей методологіи[6]). Но въ то время, какъ одни преклоняются предъ Фюстель де Куланжемъ и увлекаются его воззрѣніями и его методомъ, со стороны другихъ эти воззрѣнія и методъ вызываютъ горячій, даже ожесточенный протестъ...

---

[1]) На русск. яз. имѣется 3 перевода, изъ коихъ два появились въ 60-хъ годахъ прошлаго вѣка (одинъ въ Москвѣ [Е. Корша], 1867, другой въ Спб. [2 т., 1867—8]), а третій—въ 1895 („Древняя гражданская община“. М.).

[2]) О немъ—книжка Guiraud (P. 1896), имѣющаяся и въ русск. перев.; ср. ст. Guiraud и въ Rev. des Deux Mondes, 1896, 1 mars („Oeuvre historique de Fustel de Coulanges“); Pelissier, Études de littérature contemporaine. P. 1898; на русск. яз. см. ст. П. Г Виноградова, въ „Русск. Мысли“, 1890, кн. 1.

[3]) Съ небольшимъ перерывомъ (1880—1883), когда Фюстель де Куланжъ былъ директоромъ Нормальной школы.

[4]) И. М. Гревсъ, въ Предисл. къ русск. перев. „Исторіи обществен. строя древн. Франціи“ Фюстель де Куланжа, стр XII.

[5]) Такое сравненіе мы находимъ напр. въ отзывѣ Французскаго Института о трудахъ Фюстель де Куланжа (по поводу присужденія большой преміи).

[6]) См. некрологъ Фюстель де Куланжа въ Rev. hist., 1839, nov.-déc.

Въ виду этого и вообще того мѣста, которое занимаетъ Фюстель де Куланжъ среди историковъ XIX стол., я долженъ остановиться подробнѣе на его воззрѣніяхъ.

Его взгляды на исторію

Предметъ изученія въ исторіи для Фюстель де Куланжа—душа человѣка, но не человѣка отдѣльно взятаго, а человѣка въ обществѣ. Исторія [1]), говоритъ онъ, не есть нагроможденіе происшествій всякаго рода: она наука о человѣческихъ обществахъ; она должна опредѣлить, какъ соціальныя группы вѣрили, думали, чувствовали; она — сама соціологія. И какъ-бы ни была, повидимому, узка и специальна тема изслѣдованія Фюстель де Куланжа, не говоря уже о такой широко захватывающей книгѣ, какъ La cité antique, оно всегда имѣетъ глубокій, общій интересъ. Фюстель де Куланжъ устраняетъ все внѣшнее, случайное, личное. Онъ интересуется не отдѣльными личностями, а массой. Мы не найдемъ у него изложенія войнъ или историческихъ характеристикъ, встрѣтимъ очень мало именъ. Массою же у него руководятъ понятія и интересъ, и развитіе совершается не случайно, не по чьей-либо волѣ или капризу, а въ силу извѣстной, внутренней необходимости. Фюстель де Куланжъ отчасти детерминистъ (Гиро). „Государственный и общественный строй", говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ [2]), „никогда не является продуктомъ воли человѣка; даже воли цѣлаго народа недостаточно для ихъ созданія. Факторы человѣческаго существованія, которыя производятъ ихъ, не принадлежатъ къ числу тѣхъ, которые могутъ быть измѣнены прихотью одного поколѣнія. Народы управляются не такъ, какъ они того желаютъ, а такъ, какъ того требуетъ совокупность ихъ интересовъ и основа ихъ понятій..."

„La cité antique".

„La cité antique" написана Фюстель де Куланжемъ еще въ Страсбургѣ. Это—„изслѣдованіе о культѣ, правѣ и учрежденіяхъ Греціи и Рима", исторія не столько государства, сколько общества, согласно взгляду автора на исторію, какъ на „науку о человѣческихъ обществахъ". Здѣсь передъ нами „воскресаетъ античный міръ въ его цѣломъ, отъ таинственныхъ зародышей семьи и общественнаго строя до того момента, когда законы Рима и ре-

---

[1]) Чтобы составить вѣрное понятіе объ историческихъ и методологическихъ воззрѣніяхъ Фюстель де Куланжа нужно, разумѣется, имѣть въ виду не только La cité antique, но и другой капитальный трудъ его—Histoire des Institutions de l'ancienne France и статьи теоретическаго содержанія.

[2]) См. Предисл къ „Ист. обществ. строя древн. Франціи".

лигія Христа создали единое отечество изъ столькихъ враждебныхъ государствъ и разрозненныхъ вѣрованій...“ [1]).

Въ „La cité antique“ Фюстель де Куланжъ ставитъ цѣлью показать, на основаніи какихъ принциповъ и нормъ управлялось общество греческое и римское, какова, такъ сказать, „душа античной жизни“. При этомъ изслѣдованіе Фюстель де Куланжа одинаково касается и Греціи, и Рима: авторъ разсматриваетъ ихъ учрежденія вмѣстѣ, одновременно, не отдѣляя ихъ и не дѣлая между ними различія, а проводя параллель: ходъ развитія греческаго и римскаго общества, по Фюстель де Куланжу, тождественъ; въ основѣ лежали одни и тѣ-же принципы; вѣрованія, законы, управленія были аналогичны и оба общества испытали тѣ-же революціи.

Фюстель де Куланжъ настаиваетъ на коренномъ различіи между древностью и современными народами. „Въ новыя времена“, утверждаетъ онъ, „нѣтъ ничего похожаго на Грецію и Римъ; ничего похожаго не можетъ быть и въ будущемъ“. Античный міръ—это міръ sui generis. Наша система образованія, говоритъ Фюстель де Куланжъ, пріучила насъ безпрестанно сравнивать грековъ и римлянъ съ нами, судить объ ихъ исторіи по нашей, объяснять ихъ революціи нашими. Отсюда проистекаютъ многія и опасныя заблужденія. Воображали, что учрежденія древней общины можно оживить среди насъ; создавали иллюзію о свободѣ древнихъ и этимъ однимъ уже подвергали опасности свободу среди современныхъ народовъ. По мнѣнію Фюстель де Куланжа, послѣднія 80 лѣтъ—вспомнимъ, что книга появилась въ 1864 г.—ясно показываютъ, что одна изъ величайшихъ преградъ прогрессу современнаго общества есть привычка всегда имѣть передъ глазами греческую и римскую древность.

Фюстель де Куланжъ, слѣдовательно, возстаетъ противъ той республиканской легенды, которая нѣкогда была въ такомъ ходу и которою увлекались дѣятели французской революціи 1789 г. и представители либерализма: по Фюстель де Куланжу, античное общество не знало ни гражданской, ни личной свободы: въ семьѣ, родѣ, государствѣ, всюду оно было порабощено однимъ началомъ—религіей...

Причину различія между древностью и современностью Фюстель де Куланжъ видитъ въ самомъ человѣкѣ, въ его понятіяхъ.

---

[1]) Отзывъ Французскаго Института.

Исторія грековъ и римлянъ для него служитъ примѣромъ и свидѣтельствомъ той тѣсной связи, которая всегда существуетъ между понятіями, идеями, и общественнымъ строемъ. Если, говоритъ Фюстель де Куланжъ, разсматривать учрежденія древнихъ, не обращая вниманія на вѣрованія, то мы найдемъ ихъ странными и необъяснимыми; но если съ учрежденіями и законами мы сопоставимъ вѣрованія, тогда факты станутъ для насъ ясными и ихъ объясненіе представится само собою.

И всю исторію античной общины, всѣ явленія и метаморфозы въ ней Фюстель де Куланжъ выводитъ изъ одного начала—религіи. Древнее общество установлено было старою религіею, предметомъ коей были предки, а символомъ очагъ, основнымъ догматомъ коей было то, что каждый богъ покровительствовалъ исключительно одной какой-либо семьѣ или общинѣ и существовалъ только для нея; эта религія породила право; отношенія людей другъ къ другу, собственность, наслѣдство, судъ, все это освящалось и регулировалось догматами религіи и требованіями ея культа. На религіи же основывалось и правительство между людьми: власть отца въ семьѣ, царя или магистрата въ гражданской общинѣ. Все вышло изъ религіи: религія, право, управленіе, все было слито и составляло одно подъ тремя различными видами. Религія была абсолютною повелительницею какъ въ жизни частной, такъ и общественной, гдѣ государство было религіозною общиною, царь—верховнымъ жрецомъ, законъ—священною формулою; гдѣ патріотизмъ былъ благочестіемъ, изгнаніе—отлученіемъ отъ религіи, гдѣ личная свобода была неизвѣстна, гдѣ человѣкъ порабощенъ былъ государству и своею душою, и своимъ тѣломъ, и своимъ достояніемъ. Религіей объяснялъ Фюстель де Куланжъ замкнутость родовыхъ союзовъ, борьбу между различными классами, напр. патриціями и плебеями, международныя отношенія и войны и т. д. Ею объяснялъ онъ также и внутренніе перевороты: съ теченіемъ времени старыя вѣрованія измѣнились или сгладились; съ ними измѣнились и частное право, и политическія учрежденія. Рядомъ съ болѣе древнею религіею—культомъ предковъ—развивается другая, состоящая въ обожествленіи силъ природы. Тогда открылся рядъ революцій... „Вѣрованіе устанавливается, и человѣческое общество возникаетъ; вѣрованіе измѣняется, и общество проходитъ чрезъ рядъ переворотовъ; вѣрованіе исчезаетъ, и общество мѣняетъ свою физіономію; таковъ былъ законъ временъ античныхъ“, по словамъ Фюстель де Куланжа.

Итакъ, если въ наши дни представители „экономическаго матеріализма“ склонны возводить все къ одной основѣ — экономической, то Фюстель де Куланжъ въ La cité antique выводитъ всѣ явленія изъ инаго едипаго начала — религіи: религія единственный факторъ политической и соціальной эволюціи древнихъ народовъ, — вотъ тезисъ, съ неумолимою логикою и силою развиваемый Фюстель де Куланжемъ. Это выведеніе, съ такою послѣдовательностью, многообразныхъ явленій изъ одного основнаго начала, установленіе связи и какъ-бы строгой внутренней необходимости явленій, стройность и цѣльность системы, словомъ, этотъ удивительный синтезъ въ соединеніи съ тонкимъ и глубокимъ анализомъ, строгая логичность, сила мысли и аргументаціи, ясный, необыкновенно сжатый и выразительный языкъ, — все это производитъ сильное впечатлѣніе на читателя. La cité antique можно назвать въ своемъ родѣ классическимъ произведеніемъ, однимъ изъ шедевровъ исторической литературы, и чтеніе ея — особенно въ подлинникѣ, такъ какъ едва-ли какой-либо переводъ можетъ передать всю прелесть ея сжатаго, выразительнаго языка, — доставляетъ высокое умственное наслажденіе. Книга, для которой авторъ едва могъ найти издателя, имѣла блестящій успѣхъ и, не смотря на нѣкоторую спеціальность и отдаленность ея темы отъ современной жизни, выдержала уже болѣе 15 изданій. Извѣстный французскій историкъ Monod (редакторъ Revue historique) выразился, что La cité antique будетъ существовать, пока существуетъ французскій языкъ, а по словамъ ученика и біографа Фюстель де Куланжа, Guiraud, мы въ ней имѣемъ своего рода „Духъ законовъ“, ограниченный древними обществами и задуманный по методу болѣе научному.

Но Гиро заходитъ уже слишкомъ далеко. У Фюстель де Куланжа получается цѣльная картина, стройная система; онъ показалъ, какое мѣсто занимала религія въ жизни древнихъ; онъ освѣтилъ многія явленія съ поразительною рельефностью. Но его картина не полна и не совсѣмъ вѣрна; его система односторонняя и искусственна: Фюстель де Куланжъ слишкомъ ужъ упрощаетъ историческій процессъ, и убѣжденный, что нашелъ ключъ къ объясненію всѣхъ явленій въ жизни античнаго общества, онъ не замѣчаетъ тѣхъ явленій и факторовъ, которые не подходятъ къ его системѣ; онъ оставляетъ въ сторонѣ многіе тексты и свидѣтельства, беретъ доказательства безъ разбора, смѣшивая разныя эпохи и разныя общины, грековъ и римлянъ, историческую дѣйствитель-

ность и философскія теоріи, и только такою цѣною, благодаря натяжкамъ, достигаетъ той цѣльности и стройности, которою такъ отличается его система.

Противорѣчія у Фюстель де Куланжа и ихъ примиреніе

Здѣсь необходимо коснуться еще тѣхъ противорѣчій, къ которыя, повидимому, впадаетъ Фюстель де Куланжъ, какъ авторъ La cité antique и какъ авторъ другаго капитальнаго труда—Histoire des institutions de l'ancienne France: нѣкоторыя черты La cité antique стоятъ какъ-бы въ противорѣчіи съ тѣмъ, что̀ высказывалъ впослѣдствіи самъ Фюстель де Куланжъ объ исторіи, ея задачахъ и своемъ методѣ.

„Блаженны думающіе, что они все знаютъ", говоритъ въ одномъ мѣстѣ Фюстель де Куланжъ, „имъ невѣдомы муки ищущаго: полуистиной они довольствуются, общія фразы ихъ удовлетворяютъ. Они увѣрены въ себѣ. Они идутъ съ высоко поднятою головою; они—учители и они—судьи". Себя Фюстель де Куланжъ не причислялъ къ такимъ счастливцамъ. Въ исторіи, какъ и философіи, онъ считалъ необходимымъ методическое сомнѣніе. „Жюль Симонъ", говорилъ онъ незадолго до своей смерти, „назадъ тому 38 лѣтъ объяснялъ мнѣ Discours de la méthode Декарта; отсюда вышли всѣ мои работы, ибо это картезіанское сомнѣніе, которое онъ мнѣ внушилъ, я приложилъ къ исторіи".

Свой методъ онъ резюмируетъ [1]) тремя правилами: 1) изучать непосредственно и только тексты; 2) вѣрить только тому, что̀ они говорятъ, и 3) рѣшительно устранять изъ исторіи прошлаго современныя идеи. Единственное искусство историка состоитъ въ томъ, чтобы извлечь изъ документовъ все, что̀ они содержатъ, и къ нимъ не прибавлять ничего такого, чего они не содержатъ. Самый лучшій историкъ, по мнѣнію Фюстель де Куланжа, тотъ, кто какъ можно ближе держится текстовъ. Себя Фюстель де Куланжъ называлъ „простымъ копателемъ текстовъ", „un simple piocheur des textes" [2]). Онъ недовѣрчиво относился къ философіи исторіи, къ обобщеніямъ, къ такъ называемымъ „руководящимъ идеямъ" [3]): онъ готовъ былъ свести исторію къ „правильной интерпретаціи" текстовъ.

---

[1]) См. напр. Предисл. къ III т. „Hist. des instit. d. l'anc. Fr.".

[2]) Въ письмѣ къ Буассье.

[3]) „Nulle généralisation, nulle fausse philosophie, pas un ou peu de vues d'ensemble, pas ou peu de cadres" (письмо къ Geffroy, 1875 г.; см. Guiraud, стр. 96).

Казалось бы, что въ La cité antique Фюстель де Куланжъ поступаетъ какъ-разъ наоборотъ: „простой копатель текстовъ“ и противникъ системъ и обобщеній даетъ своего рода образецъ синтеза, стройной, хотя и односторонней, системы; онъ настаивалъ, что слѣдуетъ основываться только на текстахъ и исходить изъ ихъ прямаго смысла, а въ La cité antique мы видимъ немало пробѣловъ, натяжекъ, произвола; онъ говорилъ, что историкъ долженъ не смѣшивать, а различать, и самъ смѣшалъ въ одно— грековъ и римлянъ, разныя общины и разныя эпохи...

Чѣмъ же объяснить это? Помимо „est cuiusvis hominis errare“— естественныхъ ошибокъ, промаховъ и несовершенствъ—, необходимо вспомнить, что между выходомъ въ свѣтъ La cité antique и тѣмъ временемъ, къ которому относятся приведенныя выше замѣчанія Фюстель де Куланжа, прошло довольно много лѣтъ; съ теченіемъ времени воззрѣнія его измѣнились или пріобрѣли бо́льшую опредѣленность и рѣзкость, въ разгарѣ полемики [1]); а во-вторыхъ. Фюстель де Куланжъ—противъ обобщеній скороспѣлыхъ и предвзятыхъ; но при нѣкоторыхъ условіяхъ онъ допускаетъ обобщенія и извѣстную философію, лишь бы онѣ не навязывались, а естественно, сами собою, вытекали изъ фактовъ: „Извѣстная философія“, говоритъ онъ, „можетъ выходить изъ исторіи; но надо, чтобы она исходила естественно, сама собою, почти помимо воли историка. Все честолюбіе послѣдняго въ томъ, чтобы хорошо видѣть факты [2]) и точно понимать ихъ. Онъ ищетъ ихъ не въ своемъ воображеніи или логикѣ; онъ ихъ ищетъ и находитъ путемъ детальнаго наблюденія надъ текстами, какъ химикъ находитъ свои факты въ опытахъ, тщательно произведенныхъ“. Въ исторіи, какъ и во всякой другой наукѣ, анализъ долженъ предшествовать синтезу. „Исторія—не легкая наука; предметъ, который она изучаетъ, безконечно сложенъ; человѣческое общество— такое тѣло, гармонію и единство котораго можно уловить только подъ тѣмъ условіемъ, если послѣдовательно и чрезвычайно внимательно будутъ разсмотрѣны всѣ органы, его составляющіе и дающіе ему жизнь. Долгое и тщательное наблюденіе подробно

[1]) Ср. и у Guiraud.

[2]) Подъ фактами Фюстель де Куланжъ понимаетъ не только матеріальные факты, но и идеи: „Идея, которая царила въ умахъ эпохи, есть фактъ историческій“, говоритъ онъ; „способъ, какъ организована власть, есть фактъ, и способъ, какъ современники понимаютъ и принимаютъ эту власть, есть также фактъ. Историкъ долженъ изучать тотъ и другой“.

стей является, стало быть, единственнымъ путемъ, который можетъ привести къ нѣкоторымъ общимъ выводамъ". „Цѣлые годы анализа нужны для одного дня синтеза".

Самъ Фюстель де Куланжъ работалъ надъ La cité antique, сравнительно небольшою книгою, цѣлыхъ 6 лѣтъ и былъ, конечно, убѣжденъ въ безусловной правильности своей системы и своего синтеза.

Другія работы Фюстель де Куланжа по греч. исторіи

Изъ другихъ, менѣе важныхъ, работъ Фюстель де Куланжа, относящихся къ греческой исторіи, назовемъ мемуаръ объ островѣ Хіосѣ (1856), — его первая работа, явившаяся результатомъ пребыванія его въ Греціи (въ 1853 г.), во „Французской школѣ въ Аѳинахъ", и его раскопокъ на Хіосѣ; его диссертаціи: Quid Vestae cultus in Institutis veterum privatis publicisque valuerit? (1858), гдѣ онъ вкратцѣ излагаетъ мысли, подробно развитыя впослѣдствіи въ La cité antique, и о Полибіи (Polybe ou la Grèce conquise par les Romains. 1858); изслѣдованіе о жребіи (Recherches sur le tirage au sort appliqué à la nomination des archontes athéniens. 1879), гдѣ онъ отрицаетъ, чтобы жребій былъ специфическою принадлежностью той или другой формы правленія, и, придавая ему религіозное значеніе, какъ выраженію воли божества въ глазахъ древнихъ, доказываетъ исконность употребленія жребія при выборѣ архонтовъ, т. е. ближе другихъ подходитъ къ настоящему рѣшенію вопроса о времени введенія жребія; этюдъ о поземельной собственности въ Спартѣ (1880) [1]); какъ извѣстно, вопросъ о земельной собственности и отношенія соціальныя вообще привлекали Фюстель де Куланжа не менѣе, чѣмъ вопросы о религіи и культѣ, что̀ стоитъ въ согласіи съ его воззрѣніемъ, по которому народы организуются сообразно ихъ понятіямъ и интересамъ [2]).

Тэнъ

Другому замѣчательному представителю науки и философіи во Франціи во второй половинѣ XIX в., Тэну, принадлежитъ работа, касающаяся древней Греціи и появившаяся въ разсматриваемый періодъ, которую мы должны здѣсь отмѣтить; — это Philosophie de l'art en Grèce (1869) [3]).

[1]) Всѣ эти работы, кромѣ латин. диссертаціи: Quid Vestae cultus... valuerit, перепечатаны частью въ Nouvelles recherches sur quelques problèmes d'histoire (1891), частью въ Questions historiques (1893),—собраніи статей Фюстель де Куланжа, изданномъ послѣ его смерти его ученикомъ Julian'омъ.

[2]) Фюстель де Куланжу принадлежатъ еще ст Attica respubl. и Laced. resp. въ Diction des antiquités (Daremberg-Saglio).

[3]) Позже, вмѣстѣ съ другими аналогичными работами Тэна, она вошла въ его Philosophie de l'art (1880. 2 т.).

Дюрюи.

Въ 1851 г. на французскомъ языкѣ вышла „Исторія грековъ“ Виктора Дюрюи (Duruy, Histoire des Grecs), книга популярнаго характера, въ которой исторія Эллады доведена до начала римскаго господства. Впослѣдствіи она была значительно передѣлана и распространена, такъ-что послѣднія изданія ея (1887—9; новѣйшее—1892 г., уже по смерти автора, подъ редакціею Haussoullier) состоятъ изъ 3 большихъ томовъ; они прекрасно иллюстрированы (въ общей сложности около 2000 гравюръ и 50 картъ и плановъ). Все это, въ связи съ хорошимъ изложеніемъ, дѣлаетъ „Histoire des Grecs“ Дюрюи однимъ изъ лучшихъ популярныхъ пособій для общаго знакомства съ исторіей Греціи; но большаго научнаго значенія она не имѣетъ.

Разработка греч. исторіи въ Россіи.

Въ разработкѣ греческой исторіи немалое участіе начинаютъ принимать въ разсматриваемый періодъ и русскіе ученые.

М. С. Куторга.

Здѣсь первое мѣсто въ ту пору принадлежало Мих. Сем. Куторгѣ [1]) (1809—1889). Это—первый выдающійся и совершенно самостоятельный русскій изслѣдователь въ области изученія греческой исторіи, „первоначальникъ у насъ науки объ эллинствѣ“ [2]). Имя М. С. Куторги было хорошо извѣстно и западно европейскому ученому міру; многія его изслѣдованія появились въ переводахъ на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, печатались въ „Мемуарахъ Французской Академіи“ и проч. М. С. Куторга отличался самостоятельностью и оригинальностью воззрѣній, глубокимъ знаніемъ языка и литературы древнихъ, а также трудовъ ученыхъ XVI—XVII в. По справедливому выраженію Ѳ. Г. Мищенка, онъ „соединялъ въ себѣ увлеченіе гуманиста, начитанность еллинистовъ XVII в. и критическій тактъ ученаго нашего времени“ [3]). Будучи полнымъ хозяиномъ въ своей области и работая въ ней совершенно самостоятельно, М. С. Куторга къ новой, современной ему ученой литературѣ относился скорѣе отрицательно, хотя и былъ съ нею знакомъ: онъ не раздѣлялъ многихъ изъ господствовав-

---

[1]) См. между проч. некрологъ М. С. Куторги (Воспоминанія и очерки Г. С. Дестуниса) въ Ж. М. Н. Пр., 1886, іюль, и записку В. В. Бауера о трудахъ Куторги, въ книгѣ В. В. Григорьева, Импер. С.-Петерб. университетъ въ теченіе первыхъ 50 лѣтъ его существованія. Спб. 1870.

[2]) По вѣрному выраженію его племянника и редактора посмертныхъ трудовъ, Мих. Ст. Куторги. См. его Предисловіе къ „Собр. соч. Мих. Сем. Куторга“. Спб. 1894, I.

[3]) См. его рец. на „Собр. соч. М. С. Куторги“ въ Каз. Ун. Зап., 1895, январь.

шихъ въ наукѣ того времени воззрѣній, былъ вообще противъ ходячихъ мнѣній и приходилъ къ своимъ, большею частью своеобразнымъ, выводамъ. Онъ не раздѣлялъ между прочимъ и скептическаго отношенія къ исторической традиціи грековъ. Онъ не сочувствовалъ направленію Ф. А. Вольфа и полагалъ напр., что послѣдній „встрѣтилъ въ датскомъ ученомъ Нуцгорнѣ такого противника, который ниспровергъ и разрушилъ все зданіе, построенное Ф. А. Вольфомъ и казавшееся незыблемымъ“. Онъ рѣзко отзывался о скептикахъ. Новѣйшіе писатели, по его мнѣнію, „не только достигли, но и перешли крайніе предѣлы мудрствованія въ своихъ такъ называемыхъ критическихъ разысканіяхъ“ [1]). „Мы думаемъ“, писалъ М. С. Куторга въ 1872 г., въ одной изъ своихъ монографій [2]), „что исторія древнѣйшаго періода Греціи не въ такой степени недостовѣрна, какъ смотрятъ на нее теперь писатели, посвящающіе себя ею изученію; что въ повѣствованіяхъ историковъ содержится истина, основанная не на изустномъ преданіи, а на подлинныхъ историческихъ памятникахъ; что съ древнѣйшихъ временъ существовала въ Греціи письменность, доставившая историкамъ возможность пріобрѣсть положительныя данныя; и что разсмотрѣніе древнѣйшихъ событій подтверждаетъ эти положенія, нисколько ихъ не опровергая. Мы дошли до этого мнѣнія, не путемъ отвлеченныхъ соображеній и не развивая какую-либо затаенную мысль, а внимательнымъ разборомъ Эллинскихъ историковъ, стараясь отыскать въ ихъ извѣстіяхъ тотъ именно смыслъ, который они сами разумѣли, и разъясняя ихъ показанія подобными же явленіями у другихъ народовъ“. И своей точкѣ зрѣнія М. С. Куторга находилъ опору въ новѣйшихъ открытіяхъ... Въ обобщеніяхъ своихъ М. С. Куторга старался держаться „на точкѣ зрѣнія древняго Эллина“ [3]) и не переносить современныхъ идей въ древность. По словамъ Г. С. Дестуниса [4]), было „что-то сильно античное и въ хорошихъ и дурныхъ сторонахъ его личности, вполнѣ своеобразной и недѣлимой“. Замѣтимъ еще, что М. С. Куторга въ 1860—1 г. путешествовалъ по Греціи, а это среди русскихъ ученыхъ того времени было рѣдкостью.

---

[1]) „О достовѣрности древнѣйшей греческой исторіи“ (изд. въ посмертн. „Собр. соч.“, II), стр. 20.

[2]) Ibid., стр. 19—20.

[3]) Ѳ. Г. Мищенко, ibid.

[4]) Въ письмѣ къ племяннику М. С. Куторги (см. Предисл. къ „Собр. соч.“, II (Спб. 1896), стр. VI.

Первая работа М. С. Куторги, сдѣлавшая его имя извѣстнымъ и заграницею, относится еще къ 30-мъ годамъ прошлаго вѣка: это—„De antiquissimis tribubus Atticis earumque cum regni partibus nexu“ (Dorp. 1832), для того времени замѣчательное изслѣдованіе, одно изъ основныхъ по данному вопросу; оно потомъ появилось въ переводѣ на французскомъ [1]) и нѣмецкомъ [2]) языкахъ, и ссылки на него можно встрѣтить и теперь еще въ спеціальныхъ изслѣдованіяхъ на ту-же тему и въ общихъ трудахъ по греческой исторіи и древностямъ; съ мнѣніемъ М. С. Куторги до сихъ поръ приходится считаться. На русскомъ языкѣ въ 1838 г. М. С. Куторга издалъ диссертацію о „Колѣнахъ и сословіяхъ аттическихъ“ (Спб.), гдѣ онъ проводитъ мысль, что первоначальные жители Аттики, пеласги, были покорены іонянами, которые одни только составляли филы и сословіе евпатридовъ; пеласги были внѣ филъ, назывались димотами (т. е. демотами) и составляли классъ геоморовъ.

Расцвѣтъ дѣятельности М. С. Куторги совпадаетъ приблизительно съ тѣмъ періодомъ, который мы разсматриваемъ теперь. Куторга былъ тогда профессоромъ въ Петербургскомъ университетѣ (1835—69). Къ этому времени принадлежатъ: „Греческая исторія до начала Персидскихъ войнъ“ (1843), „О поэтической и философической сторонѣ аѳинской образованности“ (1843), „Исторія Аѳинской республики отъ убіенія Иппарха до смерти Мильтіада“ (1848), статья о Периклѣ (въ „Современникѣ“ за 1850 г.) и о „Законодательствѣ Алкмэонида Клисѳена“ (въ „Пропилеяхъ“, т. III, 1853) [3]), „Хронологическія разысканія, относящіяся къ событіямъ Персидскихъ войнъ“ (1853), вышедшія потомъ (1858) въ измѣненномъ и дополненномъ видѣ подъ заглавіемъ: „Персидскія войны. Критическія изслѣдованія событій этой эпохи...“ (пер на франц. яз. 1861); актовая рѣчь о раздѣленіи собственности въ Аѳинахъ и о „трапезитахъ“ или банкирахъ [4]) (1858); мемуаръ на французскомъ языкѣ о персидской партіи и о процессѣ Ѳемистокла [5])

---

[1]) Essai sur l'organisation de la tribu en antiquité. 1839.

[2]) Beitrag zur Erklarung der vier ältesten attischen Phylen. 1851.

[3]) Есть и на нѣм. яз.

[4]) На франц. яз.—Essai historique sur les trapésites ou banquiers d'Athènes (Mémoire lu à l'Acad. des sciences morales et politiques. 1859).

[5]) Mémoire sur le parti Persan dans la Grèce ancienne et le procès de Themistocle. P. 1860. (Mém. presentés par divers savants à l'Acad. des Inscript. et belles-lettres).

(1860); историческое изслѣдованіе „О днѣ и праздникѣ новаго года у аѳинянъ передъ Пелопоннесскою войною, съ объясненіемъ одной Оропской надписи“ (1865); „Введеніе въ исторію греческой образованности“ (Ж. М. Н. Пр., 1867, янв.) и проч.

Въ 1869 г. Куторга перешелъ въ Московскій университетъ, а черезъ нѣсколько лѣтъ (1874) онъ окончательно покинулъ каѳедру. Съ тѣхъ поръ и до самой смерти (1886) онъ жилъ безвыѣздно въ деревнѣ. Но и тутъ, живя въ уединеніи, онъ продолжалъ попрежнему заниматься греческою исторіею, пользуясь своею богатою библіотекою. Въ 1874—5 гг. въ „Русск. Вѣстн.“ появились его статьи: описаніе „Платеи“, отрывокъ изъ путешествія по Греціи, и „Борьба демократіи съ аристократіей въ древнихъ эллинскихъ республикахъ предъ Персидскими войнами“; затѣмъ—большая критическая статья о Периклѣ („Русск. Вѣстн.“, 1880), по поводу „Очерка государственной дѣятельности и частной жизни Перикла“ П. И. Люперсольскаго. Уже по смерти М. С. Куторги, въ „Журналѣ Мин. Нар. Просв.“ за 1891—2 г. были напечатаны нѣкоторыя его работы, оставшіяся въ бумагахъ; а въ 1894—6 г. вышло „Собраніе сочиненій“ М. С. Куторги въ 2 большихъ томахъ, куда, кромѣ только-что упомянутыхъ статей изъ Ж. М. Н. Пр., вошли и другіе посмертные труды его, дотолѣ неизданные [1]). Имъ дано одно общее заглавіе: „Аѳинская община по извѣстіямъ эллинскихъ историковъ“, но содержаніе ихъ очень разнообразно, напр. объ изученіи эллинства на западѣ съ эпохи Возрожденія, о правительственной дѣятельности аѳинскихъ гражданъ, понятіяхъ древнихъ эллиновъ о службѣ и ученіи философовъ о государствѣ; о положеніи рабовъ и вольноотпущенныхъ въ Аѳинской республикѣ (т. I); о достовѣрности древнѣйшей греческой исторіи, историкахъ и логографахъ; объ Аѳинской Политіи, какъ особомъ видѣ республики, ея происхожденіи, свойствѣ и всемірно-историческомъ значеніи; о Финикіи, Киринѣ (т. е. Киренѣ) и вліяніи Востока на развитіе греческой образованности.

По своему характеру труды эти, хотя они написаны въ 70-хъ и 80-хъ годахъ (а изданы лишь въ 90-хъ), принадлежатъ скорѣе къ разсматриваемому періоду; между прочимъ въ нихъ мало использованъ эпиграфическій матеріалъ, на который стали обращать такое вниманіе съ конца 60-хъ годовъ; вообще „Сочи-

[1]) Кромѣ изслѣдованія о Таманскомъ полуостровѣ, напечатаннаго въ 1870 г. („Рус. Вѣстн.“).

ненія“ М. С. Куторги во многихъ отношеніяхъ являются теперь ужъ устарѣлыми.

Мы видѣли, какъ многочисленны и разнообразны были труды М. С. Куторги въ области греческой исторіи. Но все-же его преимущественно интересовала Аѳинская республика. На эту республику онъ высказывалъ своеобразный взглядъ: по его мнѣнію, при Периклѣ демократія замѣнилась политіей, особымъ, высшимъ видомъ республиканскихъ учрежденій, являвшимся „существеннымъ выраженіемъ государственнаго ума эллиновъ“; „аристократія и демократія были только подготовленіемъ и переходомъ къ состоянію, увѣнчанному Политіею“. Аристотель зналъ и превозносилъ Политію, но новѣйшіе ученые, къ изумленію, ее проглядѣли: они говорятъ о демократіи въ Аѳинахъ, о Политіи же вовсе не упоминаютъ, не произносятъ даже ея имени, „какъ будто-бы такого вида древнихъ эллинскихъ республикъ и не существовало“.

„Въ своемъ постепенномъ и долговременномъ изученіи Исторіи Греціи“, писалъ М. С. Куторга незадолго до смерти [1]), какъ-бы высказывая свою profession de foi, „я дошелъ до вывода, что *Πολιτεία*, т. е. Гражданство или Гражданская Община, была высшимъ государственнымъ строемъ, до коего достигли древнія эллинскія республики; и что въ этой Политіи Эллины выработали двѣ идеи, составляющія ихъ величіе и неоспоримую собственность: идею свободы гражданина и идею свободы мысли. Эти двѣ идеи и доставили Эллинамъ всемірно-историческое значеніе, ибо онѣ послужили основаніемъ послѣдовавшаго успѣха. Перенесенныя, вслѣдствіе завоеваній Александра Македонскаго, въ Азію, онѣ преобразили Востокъ и подготовили древній міръ къ пониманію и принятію христіанства. Понятыя вновь въ Западной Европѣ въ эпоху Возрожденія, онѣ равномѣрно преобразили Западную Европу и доставили ей, всѣми нами признаваемое и какъ бы созерцаемое, первенство. Излагая эти мысли, я старался побудить своихъ слушателей къ изученію древней Греціи и къ точному уразумѣнію ея значенія. Но, кромѣ того, я указывалъ и постоянно выставлялъ необходимость изученія древней Греціи, вѣрнѣе говоря Эллинства, для знанія нашей собственной русской народности, ибо ни одно начало не произвело на русскую народность такого сильнаго вліянія и не проникло такъ глубоко, какъ начало эллин-

[1]) Письмо къ Г. С. Дестунису, 1883 г. См. „Предисл.“ къ I т. „Собр. соч.“, стр. VII.

ское". По мнѣнію М. С. Куторги, „изучая исторію древнихъ грековъ, мы изучимъ исторію своихъ, если позволено такъ выразиться, духовныхъ праотцевъ" [1]).

Другіе русскіе ученые этого періода

Въ средѣ русскихъ ученыхъ вообще обнаруживалось больше интереса и симпатіи къ древней Греціи, нежели къ древнему Риму. Греческой исторіи посвящена была и диссертація Харьковскаго профессора М. М. Лунина [2]) (1807—1844), который для Харькова былъ тѣмъ, чѣмъ Т. Н. Грановскій для Москвы. Древнею исторіею, Востокомъ и Греціею, занимался и другой профессоръ Харьковскаго университета — А. П. Рославскій-Петровскій [3]) (1816—72). Среди спеціалистовъ по греческой исторіи мы можемъ назвать также И. К. Бабста † [4]) (впослѣдствіи занимавшагося политическою экономіею), М. М. Стасюлевича [5]) (бывшаго профессора Петербургскаго университета, нынѣ редактора „Вѣстн. Европы"), В. В. Бауера [6]) (1833—1884), проф. Петерб. унив., который потомъ специализировался на новой исторіи, П. И. Люперсольскаго [7]) (бывш. проф. Нѣжинскаго Истор.-филол. институт.). Извѣстный византинистъ акад. В. Г. Васильевскій (1838—1899) началъ свою ученую дѣятельность трудами по греческой исторіи: его магистерская диссертація посвящена была „Политической реформѣ и соціальному движенію въ древней Греціи въ

---

[1]) См. критическія замѣчанія Ѳ. Г. Мищенка, Каз Ун. Зап., 1895, и „Филол. Обозр", XIII.

[2]) Prolegomena ad res Achaeorum, quibus mythica Argolidis historiae primordia breviter adumbrantur. Dorp. 1832.

[3]) Его труды по греческой исторіи: „Очеркъ быта и правленія древней Спарты. Сочин. Ксенофонта Λακεδαιμ. πολιτεία, разобранное и представленное въ связи съ другими источниками". Харьк. 1838; „Обозрѣніе исторіи древняго міра. Вып. 2-й. Исторія грековъ до начала борьбы ихъ съ персами". Харьк. 1852; „Введеніе въ курсъ исторіи главн. народовъ древн. міра и ихъ цивилизацій". Харьк. 1870; „Персидскія войны" (Ж. М. Н. Пр., 1871, ч. 154) и друг. О Рославскомъ-Петровскомъ см между проч. „Лицей кн. Безбородко", изд гр. Кушелевъ-Безбородко. Спб. 1859.

[4]) Государственные мужи Греціи въ эпоху ея распаденія. М. 1851 (объ этой книгѣ—ст. Т. Н. Грановскаго, Соч., II)

[5]) Аѳинская игемонія. Спб. 1849 (маг. дис.); Ликургъ Аѳинскій. Спб. 1851 (докт. дис.); Защита Кимонова мира. Спб. 1852.

[6]) Аѳинская игемонія. Спб. 1858 (маг. дис.); Эпоха древней тиранніи въ Греціи. Спб. 1863 (докт. дис.).

[7]) Храмовый городъ Дельфы съ оракуломъ Аполлона Пиѳійскаго въ древн. Греціи. Спб. 1869; Очеркъ госуд. дѣятельн. и частн. жизни Перикла („Изв. Инст кн. Безбородко въ Нѣж." и отдѣльно. Кіевъ. 1877)

періодъ ея упадка“ (1869) [1]). Въ концѣ разсматриваемаго періода появилась и диссертація проф. Ѳ. Ѳ. Соколова: „Критическія изслѣдованія, относящіяся къ древнѣйшему періоду исторіи Сициліи“ (Спб. 1865); но о Ѳ. Ѳ. Соколовѣ мы будемъ еще говорить далѣе, по поводу успѣховъ эпиграфики у насъ въ Россіи. Здѣсь же я остановлюсь нѣсколько на трудахъ К. Я. Люгебиля (1830—1887), профессора классической филологіи въ Петербургскомъ университетѣ, писавшаго частью на русскомъ, частью на нѣмецкомъ языкѣ.

К. Я. Люгебиль.

К. Я Люгебилю принадлежитъ, во-первыхъ, изслѣдованіе объ остракизмѣ (на нѣм. яз.) [2]), въ которомъ онъ развиваетъ далѣе мысль, высказанную нѣкогда мимоходомъ Рошеромъ [3]); по его мнѣнію, остракизмъ — это вотумъ недовѣрія; настоящею цѣлью его было удаленіе вождя одной изъ борющихся партій,— того, къ которому большинство питало недовѣріе. Во-вторыхъ, ему принадлежатъ „Историко-филологическія изслѣдованія“ (Спб. 1868), на русск. языкѣ, напечатанныя потомъ на нѣмецкомъ въ нѣсколько измѣненномъ видѣ [4]). Изъ этихъ изслѣдованій одно касается „Аѳинскаго царя Кодра и отмѣны царской власти въ Аѳинахъ“, другое — „архонтства и стратегіи въ Аѳинахъ во время Персидскихъ войнъ“. Въ первомъ К. Я. Люгебиль приходитъ къ выводу, что монархическое правленіе не было отмѣнено послѣ смерти Кодра, что пожизненные архонты были тѣ-же цари и что не только они, но и десятилѣтніе архонты носили царскій титулъ, который въ Аѳинахъ существовалъ всегда. Какъ извѣстно, изложеніе „Аѳинской Политіи“ до нѣкоторой степени подтвердило то, что̀ доказывалъ К. Я Люгебиль. Во второмъ изслѣдованіи авторъ касался столь спорнаго прежде—до открытія Аристотелева трактата—вопроса о жребіи и времени введенія его; онъ относилъ это введеніе ко времени Эфіальта,—мнѣніе, теперь опровергаемое свидѣтельствомъ „Политіи“.

---

[1]) Изъ „Ж. М. Н Пр.“ за 1868—9; В. Т. Васильевскому принадлежитъ также статья: „Взглядъ Грота на исторію аѳинской демократіи“ (ibid. 1867, ч. 134).

[2]) Ueber d. Wesen uud die histor. Bedeutung d. Ostrakismos in Athen (въ Jahrb. f. klass. Philol, IV Suppl.-band. 1861).

[3]) Leben, Werk und Zeitalter d. Thukyd. Gött. 1842, стр. 381.

[4]) Zur Gesch d. Staatsverf. von Athen, въ N. Jahrb., V Suppl.-band 1871.

Развитіе эпиграфики и раскопки 70-хъ и 80-хъ годовъ.

Семидесятые и восьмидесятые годы прошлаго столѣтія характеризуются прежде всего развитіемъ эпиграфики [1]) и великими открытіями въ области греческой археологіи.

Эпиграфика до конца 60-хъ годовъ

Бекъ, какъ мы видѣли, положилъ начало современной эпиграфикѣ. Въ 1842—55 г. уже извѣстный намъ (см. стр. 319) выдающійся дѣятель на поприщѣ науки, греческой литературы и политики Рангави (Rangabé) издалъ „Antiquités helléniques“ (2 т.), въ которыхъ собраны надписи, найденныя въ Греціи со времени ея освобожденія. Съ конца 40-хъ годовъ начали опубликовываться результаты археологической экспедиціи Le Bas въ Грецію и Малую Азію въ 1843—4 г. и собранныя при этомъ надписи, съ комментаріемъ самого Le Bas, Waddington'a и затѣмъ Foucart'a [2]). Тотъ же Foucart, вмѣстѣ съ Wescher'омъ, издалъ надписи, собранныя въ Дельфахъ, въ началѣ 60-хъ годовъ [3]). Англійскій эпиграфистъ Ньютонъ (Newton) въ 1855 г. на Константинопольскомъ ипподромѣ находитъ знаменитый треножникъ, который послѣ битвы при Платеѣ принесенъ былъ греками въ даръ въ Дельфы и на которомъ начертаны были имена греческихъ государствъ, участвовавшихъ въ борьбѣ противъ персовъ, и затѣмъ дѣлаетъ рядъ другихъ открытій по части надписей, напр. на Мало-азіатскомъ побережьѣ и т. д.

Начало новаго періода.

Но все-же со времени Бека и до конца 60-хъ годовъ по изученію надписей, говоря вообще, было сдѣлано сравнительно немного и на нихъ не обращали такого вниманія, какого онѣ заслуживали Въ концѣ 60-хъ и въ началѣ 70-хъ годовъ начинается новый періодъ. Ad. Kirchhoff издаетъ изслѣдованіе о греческомъ алфавитѣ [4]); Ulrich Köhler—свои „Urkunden und Untersuchungen zur Geschichte d. delisch-attisch. Bundes“ [5]), первостепенный трудъ по исторіи Делосско-аттическаго союза, основанный на надписяхъ, подвергнутыхъ образцовому анализу; греческій эпиграфистъ Ku-

---

[1]) Larfeld, Gr. Epigr.[2]

[2]) Voyage archéologique en Grèce et en Asie Mineure... II-me partie: Inscriptions grecques et latines. 3 v. 1847—76. Ср. выше, стр. 20, прим. 3 и 317.

[3]) Wescher et Foucart, Inscriptions recueillies à Delphes. P. 1863.

[4]) Studien zur Geschichte d. griech. Alphabets, сначала въ Abhandl. d. Berl. Akad. d. Wissensch. за 1863 г., потомъ (въ 1867 г.)—отдѣльно.

[5]) Въ Abhandl. d. Berl. Akad. d. Wissensch. за 1869.

manuals собираетъ аттическія надгробныя надписи [1]), и наконецъ, что́ главное, Берлинская Академія Наукъ приступаетъ къ изданію новаго монументальнаго собранія—Corpus Inscriptionum Atticarum—, которое начало выходить съ 1873 г. [2]) Дѣло въ томъ, что новый матеріалъ по части аттическихъ надписей такъ разросся, что его невозможно было издавать въ видѣ „добавленій" (Supplementa) къ Corpus Inscr. Graecarum, какъ нѣкогда предполагалось; достаточно сказать, что у Бека, въ I томѣ, всѣхъ аттическихъ надписей собрано менѣе 1000; а въ новомъ собраніи, т. е. въ Corp. Inscr. Atticarum, ихъ насчитывается около 10000. Притомъ желательно было дать болѣе исправный, точный текстъ уже изданныхъ надписей, по лучшимъ копіямъ. И дѣйствительно, въ этомъ отношеніи Corpus Inscript Atticarum стоитъ гораздо выше собранія Бека. *Corp Inscr. Attic.*

Иниціаторомъ новаго собранія былъ упомянутый уже раньше проф. Берлинскаго университета, Ад. Кирхгофъ (род. въ 1826 г.). Онъ-же обработалъ I томъ, содержащій надписи до архонтства Евклида, т. е. до 403 г. до Р. Хр, и часть IV тома, содержащаго дополненія (Supplementa); кромѣ того, ему принадлежатъ отдѣльныя изслѣдованія эпиграфическаго матеріала [3]). Его сотрудниками по Corpus Inscrip. Atticarum были Ulr. Köhler и Dittenberger. Келеръ (род. въ 1838 г.), авторъ упомянутаго замѣчательнаго изслѣдованія о первомъ аѳинскомъ союзѣ, бывшій секретарь прусскаго посольства въ Аѳинахъ [4]), а затѣмъ профессоръ въ Страсбургѣ, съ 1875 по 1886 г стоялъ во главѣ только-что основаннаго тогда отдѣленія Нѣмецкаго Археологическаго Института въ Аѳинахъ [5]). Бо́льшую часть надписей, входящихъ въ C. I. A., онъ собственноручно скопировалъ или сличилъ на мѣстѣ; кромѣ того онъ взялъ на себя обработку II тома (1877—88) этого собранія, т. е. надписей отъ архонтства Евклида

---

[1]) Ἀττικῆς ἐπιγραφαὶ ἐπιτύμβιοι. 1871.

[2]) См. выше, стр. 20.

[3]) Напр. Bemerkungen zu den Urkunden der Schatzmeister der anderen Götter (въ Abhandl. d. Berl. Akad. d. Wissensch., за 1864); Zur Gesch. d. Athen. Staatsschatzes im V Jahrh. (ibid., за 1876); Ueber die Tributpflichtigkeit der attischen Kleruchen (ibid., за 1873).

[4]) Прусское правительство имѣло обыкновеніе на должность секретаря посольства назначать ученыхъ.

[5]) Larfeld[2], стр. 408. Въ 1886 г. Келеръ занялъ каѳедру въ Берлинскомъ университетѣ.

до Августа, и Supplementa къ нему въ IV т.; а Диттенбергеръ обработалъ III т. (1878—82), содержащій аттическія надписи временъ римской имперіи. Диттенбергеръ извѣстенъ также своимъ сборникомъ избранныхъ надписей — Sylloge inscript. Graec. (см. выше, стр. 22) [1]).

Въ 1882 г. Берлинская же академія наукъ издаетъ сборникъ древнѣйшихъ греческихъ надписей въ обработкѣ Röhl'я [2]). Вообще изданіе Corpus Inscript. Atticarum было лишь началомъ цѣлой серіи собраній, о которыхъ я упоминалъ въ началѣ, на стр. 20—22, и которыя большею частью принадлежатъ уже послѣднему періоду.

Эпиграфика въ Англіи, Почти одновременно съ Берлинскимъ Corpus Inscr. Atticarum, въ Англіи появилась своя коллекція надписей: извѣстные знатоки эпиграфики Newton, о которомъ я уже упоминалъ, и Hicks, которому принадлежитъ A manuel of Greek historical inscriptions (1882) [3]), въ 1874 г. начали издавать собраніе надписей, имѣющихся въ Британскомъ музеѣ (Collection of ancient greek inscriptions in the British Museum) [4]).

во Франціи, Изъ французскихъ ученыхъ въ области эпиграфики въ разсматриваемый періодъ выдавались Dumont [5]) и особенно Foucart [6]), стоявшіе во главѣ французской школы въ Аѳинахъ, о дѣятельности которой мнѣ еще придется говорить. А изъ итальянскихъ ученыхъ успѣхамъ эпиграфики много содѣйствовалъ Comparetti [7]): при его посредничествѣ командированъ былъ на о-въ Критъ Halbherr, открывшій, вмѣстѣ съ нѣмецкимъ ученымъ Фабриціусомъ, въ серединѣ 80-хъ годовъ знаменитую Гортинскую надпись (см. выше, стр. 17).

Италіи,

Россіи. Въ дѣлѣ собиранія и изученія греческихъ надписей въ разсматриваемый періодъ далеко не послѣднее мѣсто принадлежитъ русскимъ ученымъ. Изъ болѣе раннихъ извѣстны напр. труды

---

[1]) 2-е изд.—въ 3 т.

[2]) См. выше, стр. 19.

[3]) Нов. изд —1901.

[4]) Аттическія надписи находятся въ 1-й ч.

[5]) Ему между проч. принадлежатъ. Essai sur la chronologie des archontes athéniens postérieures à la CXXII Olympiade. 1870; Fastes éponymiquec d'Athénes. 1874; La population de l'Attique d'après les inscriptions récemment découvertes. 1873; Essai sur l'éphébie attique. 2 v. 1875—6.

[6]) См. выше, стр. .

[7]) Larfeld², стр. 422.

Н. Н. Мурзакевича и В. Н. Юргевича по части надписей юга Россіи Но занятія эпиграфикой у насъ развились преимущественно съ конца 70-хъ и начала 80-хъ годовъ. Первый крупный сборникъ надписей у насъ принадлежитъ проф. И. В. Помяловскому; въ 1881 г., къ V Археологическому съѣзду въ Тифлисѣ, онъ издалъ „Сборникъ греческихъ и латинскихъ надписей Кавказа". На развитіе эпиграфики въ Россіи оказалъ большое вліяніе проф. Петербургскаго университета Ѳ. Ѳ. Соколовъ, какъ своими изслѣдованіями [1]), такъ въ особенности практическими занятіями со своими слушателями. Почти всѣ современные русскіе эпиграфисты вышли изъ его школы. Съ 1880 г., въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, министерство народнаго просвѣщенія посылало въ Грецію для занятій эпиграфикой и археологіей молодыхъ людей, обыкновенно на два года; такъ, командированы были В. В. Латышевъ (нынѣ академикъ), В. К. Ернштедтъ (академикъ и проф. Петербургскаго унив., сконч. въ 1902 г.), затѣмъ г. Д Корольковъ, А. В. Никитскій (теперь—проф. въ Москвѣ), Н. И. Новосадскій (проф. въ Варшавѣ), А. Н. Щукаревъ (прив.-доц. Петерб. унив., сконч. въ 1900 г.), — все ученики Ѳ. Ѳ. Соколова. Немало надписей было ими открыто, собрано и опубликовано, частью въ русскихъ изданіяхъ (напр. въ Ж. М. Н. Пр.), частью въ иностранныхъ,— въ Mittheilungen d. Deutsch. Archäolog. Institutes in Athen, Bulletin de correspondance hellénique, Ἐφημερὶς ἀρχαιολογική. Результатомъ занятій А. Н. Щукарева, такъ безвременно скончавшагося 39 лѣтъ отъ роду [2]), были между прочимъ его „Изслѣдованія въ области каталога аѳинскихъ архонтовъ III в. до Р. Хр." (1889) [3]), матеріаломъ для которыхъ послужили главнымъ образомъ надписи; А. В. Никитскій занимается преимущественно Дельфійскими надписями; результаты свои онъ обнародовалъ (если не

И. В. Помяловскій

Ѳ. Ѳ. Соколовъ и его ученики

---

[1]) Напр. „Списки дани союзниковъ аѳинскихъ" (Труды II Археолог. Съѣзда Спб. 1876), а особенно „Аѳинское постановленіе въ честь Аристомаха Аргосскаго" (Ж. М. Н. Пр., 1879, ноябрь) и рядъ статей подъ заглавіемъ: „Въ области древней исторіи" (Ж. М. Н. Пр., 1897, 1902) Вообще проф. Ѳ. Ѳ. Соколовъ въ своихъ изслѣдованіяхъ чаще всего касается III и отчасти II в. до Р. Хр.— темной, еще мало изслѣдованной поры въ исторіи Греціи. См. напр кромѣ уже упомянутыхъ статей, его рѣчь: „Третье столѣтіе до Р. Хр." (Ж. М. Н. Пр., 1886, іюль); „Кефаллины въ амфиктіоніи" (Ж. М. Н. Пр.).

[2]) См. о немъ—некрологи въ „Ж. М. Н. Пр.", 1900, ноябрь, и въ „Фил. Обозр.", XVIII, 1900.

[3]) Въ Ж. М. Н. Пр. и отдѣльно.

считать отдѣльныхъ статей) [1]) позже [2]), уже въ 90-хъ годахъ (въ „Дельфійскихъ эпиграфическихъ этюдахъ“ [Одесса. 1894—5]) [3]) и даже въ 1901 г. (въ „Изслѣдованіяхъ въ области греческихъ надписей“ [Юрьевъ. 1901], затрогивающихъ и методологическіе вопросы) [4]).

В. В. Латышевъ

Но особенно многочисленны и важны для историка, интересующагося судьбою древне-греческихъ колоній въ предѣлахъ нынѣшней Россіи, труды В. В. Латышева (род. въ 1855 г.), занимающаго одно изъ первыхъ мѣстъ среди современныхъ эпиграфистовъ [5]). Начиная съ 1880 г. имъ опубликованъ цѣлый рядъ работъ, перечислять которыя мы здѣсь, конечно, не можемъ [6]). Отмѣтимъ лишь нѣкоторыя, напр. „Эпиграфическіе этюды“ (въ Ж. М. Н. Пр., за 1880 и слѣд.), изслѣдованіе „О нѣкоторыхъ эолическихъ и дорическихъ календаряхъ“ (1883); но главный трудъ В. В. Латышева — собраніе всѣхъ сохранившихся греческихъ и латинскихъ надписей сѣвернаго побережья Чернаго моря (Inscriptiones antiquae Orae Septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae. I т.—1885) [7]), исполненное имъ по порученію Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества. Въ этомъ собраніи мы имѣемъ свой „Corpus“, занимающій мѣсто наряду съ лучшими изданіями подобнаго рода на Западѣ, сдѣлавшій имя В. В. Латышева хорошо извѣстнымъ въ ученомъ мірѣ и за предѣлами Россіи, доставившій ему званіе члена нашей Академіи Наукъ и члена-корреспондента Берлинской академіи.

Къ этому главному труду примыкаютъ и многія другія работы В. В. Латышева, болѣе или менѣе связанныя съ назван-

---

[1]) Въ Ж. М. Н. Пр., Mittheilungen, Hermes.

[2]) До нѣкоторой степени его выводы предвосхитилъ нѣмецкій ученый Pomtow (Beitrage zur Topographie von Delphi. 1889; Fasti Delphici, N. Jahrb. 1889), который поставленъ былъ въ гораздо болѣе благопріятныя условія.

[3]) Ср. рец. Ѳ. Ѳ. Соколова въ Ж. М. Н. Пр., 1895, дек., и С. А. Жебелева въ „Филол. Обозр.“, X.

[4]) Ср. ст. Ѳ. Ѳ. Соколова въ Ж. М. Н. Пр., и С. А. Жебелева въ „Филолог. Обозр.“, XX.

[5]) О немъ см. „Біографич. словарь профессоровъ и преподават. Импер. Спб. Унив. за 1869—94“. Спб. 1896, т. I.

[6]) См. перечень ихъ (до 1894 г.) въ названномъ „Біографич. Словарѣ“. Ср. И. В. Помяловскій, Отчетъ объ эпиграф. трудахъ В. В. Латышева (Зап. Имп. Русск. Арх. Общ., 1886, I).

[7]) См. выше, стр. 20; въ 1901 г. вышелъ IV т. ихъ, содержащій Supplementa за 1885—1900 г.

нымъ собраніемъ, напр. доклады В. В. Латышева на Одесскомъ Археологическомъ Съѣздѣ (1884): „Эпиграфическія данныя о государственномъ устройствѣ Херсониса Таврич.“ [1]), „О календаряхъ Тиры, Ольвіи и Херсониса Таврич.“ [2]); диссертація: „Изслѣдованія объ исторіи и государственномъ строѣ г. Ольвіи“ (1887) [3]); „Краткій очеркъ Воспорскаго царства“ (Симферопол. 1893) [4]); „Дополненія и поправки къ Собранію древн. греч. и лат. надписей сѣвер. побережья Чернаго моря“ (1889, 1891, 1893) [5]); „Греч. и латин. надписи, найденныя въ южной Россіи въ 1889—91 г.“ (1882) [6]); Сборникъ надписей, находящихся въ музеѣ г. Суручана въ Кишиневѣ (1894) [7]); „Сборникъ греч. надписей христіанскихъ временъ изъ южн. Россіи“ (1896), и проч. Отчасти въ связи съ этимъ стоитъ еще одинъ трудъ В. В. Латышева, уже не эпиграфическій: это—„Извѣстія древнихъ писателей греч. и латин. о Скиѳіи и Кавказѣ“ (Scythica et Caucasica), текстъ и русскій переводъ (1893 и слѣд.) [8]).

Наконецъ, къ области эпиграфики относится и одна изъ работъ акад. П. В. Никитина, автора извѣстнаго изслѣдованія: „Къ исторіи аѳинскихъ драматическихъ состязаній“ (Спб. 1882); я разумѣю его „Обзоръ эпиграфическихъ документовъ по исторіи аттической драмы“ [9]).

Изъ представленнаго очерка успѣховъ эпиграфики, я думаю, видно, какъ развилось собираніе, изданіе и изученіе надписей въ 70-хъ и 80-хъ годахъ. Къ началу 90-хъ годовъ всѣхъ извѣстныхъ надписей насчитывалось уже до 50000. Съ каждымъ годомъ эпи-

---

[1]) Ж. М. Н. Пр., 1884, іюнь, и на французск. яз.—въ Bulletin de corresp. hellén., IX.

[2]) Въ „Трудѣ VI Археол. Съѣзда“.

[3]) Ж. М. Н. Пр., 1887, янв.—апр., и отдѣльно.

[4]) Русск. перев. „Введенія“ (на лат. яз.) ко II т. Сборника (1890), содержащему надписи Боспорскаго царства.

[5]) IV, V и VII т. „Зап. Имп. Русск. Археол. Общ.“.

[6]) „Матер. по археологіи Россіи“, изд. Имп. Археол. Коммиссіей. Здѣсь обработана между проч. одна изъ любопытнѣйшихъ надписей, найденная К. К. Косцюшко-Валюжиничемъ въ 1890—1 г. и изданная В. В. Латышевымъ также въ Sitzungsber. d. Berl. Akad. d. Wiss., 1892, XXVII,— именно „Присяга херсонесцевъ“.

[7]) Изд. совмѣстно съ г. Суручаномъ, Surutschan-Latyschev. Inscript. graecae et latinae novissimis annis (1889—94) Museo Surutschaniano quod est Kischinevi inlatae. Спб. 1894.

[8]) Переводъ сдѣланъ В. В. Латышевымъ при сотрудничествѣ другихъ лицъ.

[9]) Ж. М. Н. Пр., 1881, дек.

графическій матеріалъ все растетъ; не проходитъ, можно сказать, дня, чтобы не открывалась новая надпись...

Раскопки Еще замѣчательнѣе успѣхи археологіи—въ широкомъ смыслѣ—въ разсматриваемый періодъ [1]). Поразительныя открытія Шлимана [2]) относятся именно къ 70-мъ и 80-мъ годамъ истекшаго вѣка.

XIX столѣтіе, подобно переходной эпохѣ, лежащей на рубежѣ среднихъ и новыхъ вѣковъ, по справедливости можетъ быть названо вѣкомъ великихъ изобрѣтеній и великихъ открытій. Но въ XV и началѣ XVI ст отважные мореплаватели, какъ Колумбъ, и смѣлые авантюристы, такъ называемые conquistador'ы, подобные Кортецу и Пизарро, открывали Новый свѣтъ и новыя страны; въ наше же время дѣйствуютъ больше открыватели другого рода: изъ нѣдръ земли, изъ-подъ слоя многовѣковаго мусора, они извлекаютъ развалины древнихъ городовъ, храмовъ и дворцовъ, гробницы и муміи знаменитыхъ царей, надписи, свитки папируса и цѣлыя библіотеки, утварь, оружіе и т. под. остатки далекаго прошлаго, и такимъ образомъ предъ нами открывается новый міръ, со своими народами, языками, съ своеобразной культурой, о существованіи которой раньше и не подозрѣвали или лишь смутно догадывались.

---

[1]) Diehl, Excursions archéologiques en Grèce. P. 1890; Sal. Reinach, Chroniques d'Orient. Documents sur les fouilles et découvertes dans l'Orient hellénique de 1883 à 1890 P. 1891; Percy Gardner, New chapters in greek history. 1892; А. А. Павловскій, Значеніе и успѣхи классической археологіи (Зап Новор. Унив., 1892, т. 57); В К. Мальмбергъ, Успѣхи современ. археологіи (Изъ „Уч. Зап Юрьевск Унив.“, 1896, № 1).

[2]) См. выше, стр. 7--10, кромѣ упомянутой тамъ, въ примѣч., литературы см. еще. Nelson, Heinr. Schliemann und seine Homerische Welt. Leipz 1900 (Biogr Volksbucher); Joseph, Heinr. Schliemann. 2-te Aufl. Berl. 1901; Furtwangler u. Loschke, Mykenische Vasen. Berlin. 1886, Furtwangler, Die antiken Gemmen. Geschichte der Steinschneidekunst im class. Alterthum. Leipz. 1900. 3 Bde, Joseph, Die Palaste des homer. Epos, mit Rucksicht auf die Ausgrabungen Schliemanns. Berl. 1893; Reichel, Ueber Homerische Waffen. Wien. 1894; Heinrich, Troja bei Homer und in der Wirklichkeit. Graz. 1895 (Progr.); Helbig, Sur la question Mycénienne. P. 1896 (Extrait des Mémoires de l'Académie des Inscript. et Belles-lettres. T. 35); ср. рец. въ Classic. Review, 1896, oct., и Б В. Фармаковскаго, Микены и Финикія (Филол. Обозр., XI, 1896); Busolt, Die alteste Culturepoche Griechenlands (Deutsche Rundschau, 1896, Mai—Juni), Hall, The oldest civilisation of Greece. 1901, Ridgeway, The earby Age of Greece. 1901, главный теперь трудъ о Троѣ—Dorpfeld'a, Troja und Ilion, 2 Bde (долженъ выйти въ скоромъ времени).

Генрихъ Шлиманъ принадлежалъ къ числу такихъ великихъ открывателей нашего времени. Имя его пользуется особенною извѣстностью и популярностью. И это вполнѣ понятно: имя Шлимана связано съ именами Трои, Микенъ, Тиринѳа, городовъ, окруженныхъ ореоломъ легендарной славы. Его находки пролили новый свѣтъ на гомерическій вопросъ и гомерическую эпоху, на древнѣйшій періодъ греческой исторіи, на давнія культурныя связи и взаимодѣйствія странъ, прилегающихъ къ восточной половинѣ Средиземнаго моря; онъ открылъ такъ называемую „Микенскую культуру“. Самая судьба Шлимана замѣчательная, почти сказочная, и его біографія полна глубокаго интереса: тутъ предъ нами новое доказательство того, что̀ значитъ энтузіазмъ, вѣра въ свое дѣло и энергія. Самъ Шлиманъ познакомилъ насъ съ своею сказочною судьбою, давъ намъ свою автобіографію въ началѣ книги „Ilios“, и каждое свое открытіе онъ сопровождалъ изданіемъ подробнаго отчета, выходившаго обыкновенно въ видѣ объемистаго тома, со множествомъ рисунковъ, съ предисловіемъ извѣстныхъ ученыхъ, большею частью одновременно на трехъ языкахъ—нѣмецкомъ, англійскомъ и французскомъ. *Шлиманъ.*

Генрихъ Шлиманъ—сынъ бѣднаго протестантскаго пастора—родился въ Мекленбургъ-Шверинѣ, въ 1822 г. Въ своей автобіографіи онъ указываетъ на тѣ впечатлѣнія дѣтства, подъ вліяніемъ которыхъ зародилась въ немъ страсть къ археологіи и мечта объ открытіи гомерической Трои. Въ мѣстечкѣ, гдѣ онъ провелъ свое дѣтство, ходило немало разсказовъ о таинственныхъ кладахъ, зарытыхъ по сосѣдству. Особенно-же любопытство ребенка возбуждалъ старинный средневѣковый замокъ, съ крѣпкими стѣнами, съ таинственными ходами, о владѣльцѣ котораго существовали разныя невѣроятныя преданія. Однажды отецъ Шлимана, любившій древнюю исторію и часто разсказывавшій сыну о Троянской войнѣ, подарилъ ему на Рождество иллюстрированную „Всемірную исторію для дѣтей“, гдѣ между прочимъ изображена была и объятая пламенемъ Троя съ ея стѣнами и Скейскими воротами, и мальчикъ пришелъ къ непоколебимому убѣжденію, что именно въ такомъ видѣ существовала нѣкогда Троя, что ея колоссальныя стѣны не могли быть окончательно разрушены, а лишь скрыты подъ мусоромъ столѣтій, и что онъ впослѣдствіи откопаетъ Трою. Ему было тогда всего только 8 лѣтъ. Но, казалось, этимъ мечтамъ не суждено было сбыться: вскорѣ семью Шлимана постигаетъ рядъ несчастій, и онъ долженъ былъ покинуть сначала гимназію, куда

онъ было поступилъ, потомъ и реальное училище, и наняться сидѣльцемъ въ мелочную лавку; ему было тогда 14 лѣтъ. Здѣсь Шлиманъ занятъ былъ съ утра до вечера,—продавалъ масло, кофе, картофель, соль, подметалъ лавку и т. д. Тутъ уже было не до образованія. Но среди этой тяжелой обстановки Шлиманъ не оставлялъ мечты о Троѣ. Онъ разсказываетъ въ своей автобіографіи, какъ памятенъ остался для него на всю жизнь тотъ вечеръ, когда однажды въ лавку вошелъ пьяный мельникъ, получившій порядочное образованіе, знавшій наизусть сотни стиховъ Гомера и начавшій ихъ декламировать съ большимъ одушевленіемъ. Шлиманъ не понималъ ни слова (онъ не зналъ греческаго языка), но мелодичный языкъ произвелъ на него сильное впечатлѣніе; слезы текли по его лицу; онъ угостилъ мельника на тѣ немногіе пфенниги, которые были у него въ карманѣ и которые составляли почти все его состояніе.

Между тѣмъ здоровье Шлимана пошатнулось; онъ сталъ страдать кровохарканьемъ; пришлось оставить мѣсто въ лавкѣ. Тогда онъ пѣшкомъ идетъ въ Гамбургъ. Но здѣсь не находитъ мѣста: больнаго никто не хотѣлъ держать. Въ отчаяніи Шлиманъ рѣшается поступить юнгой на корабль, плывшій въ Америку, въ Венецуэлу. Но у голландскихъ береговъ корабль терпитъ крушеніе, и Шлиманъ едва спасается отъ гибели. Теперь онъ очутился въ чужой странѣ, безъ всякихъ средствъ къ жизни. Но о возвращеніи на родину Шлиманъ не думалъ: такъ горька была его жизнь тамъ. Онъ рѣшился искать счастья въ Амстердамѣ, поступить тамъ хотя бы въ солдаты. По дорогѣ туда онъ долженъ былъ просить милостыню. Въ Амстердамѣ Шлиманъ долго не могъ пристроиться. Чтобы не умереть съ голоду, онъ притворился больнымъ и поступилъ въ госпиталь. Изъ такого отчаяннаго положенія его вывела помощь одного знакомаго, жившаго въ Гамбургѣ и прославшаго ему порядочную сумму денегъ, собранныхъ въ его пользу, и рекомендаціи. Благодаря этому Шлиманъ получилъ, наконецъ, мѣсто въ одной торговой конторѣ.

Здѣсь занятія его состояли въ томъ, чтобы штемпелевать векселя, сдавать и получать письма на почтѣ и т. под. Теперь свободнаго времени было у него сравнительно достаточно, и вотъ Шлиманъ принимается за свое образованіе, прежде всего за изученіе иностранныхъ языковъ. Половину своего годоваго жалованья онъ употреблялъ на это, жилъ на чердакѣ, довольствовался самымъ скуднымъ завтракомъ и обѣдомъ, работалъ же неутомимо.

Началъ онъ съ изученія языка англійскаго. Тутъ онъ держался особой методы: переводовъ не дѣлалъ, а старался побольше громко читать, писалъ упражненія на разныя темы, исправлялъ ихъ подъ руководствомъ учителя, заучивалъ потомъ ихъ наизусть и т. д. Чтобы усвоить себѣ хорошее произношеніе, Шлиманъ по воскресеньямъ посѣщалъ англійскую церковь и, слушая проповѣдь пастора, повторялъ про себя каждое ея слово. На посылкахъ онъ всегда имѣлъ при себѣ книгу, изъ которой заучивалъ что-нибудь наизусть; во время долгихъ ожиданій на почтѣ не терялъ времени и читалъ. Благодаря такому неустанному труду, Шлиманъ по прошествіи 6 мѣсяцевъ уже могъ писать и говорить по-англійски. Такимъ же способомъ онъ затѣмъ изучилъ языки французскій, голландскій, испанскій, итальянскій и португальскій. Въ 1844 г. Шлиманъ перешелъ на службу въ другую контору. Здѣсь положеніе его еще болѣе улучшилось. Теперь онъ принимается за изученіе языка русскаго. Дѣло было трудное: учителя нельзя было найти и приходилось учиться по-русски, имѣя подъ рукой лишь грамматику, лексиконъ и плохой русскій переводъ „Похожденій Телемака“. Шлиману казалось, что дѣло пойдетъ успѣшнѣе, если при немъ будетъ кто-нибудь, кому онъ можетъ пересказывать похожденія Телемака. И вотъ онъ нашелъ одного бѣднаго еврея, который за 4 франка въ недѣлю каждый вечеръ приходилъ къ нему на квартиру и слушалъ его декламаціи, изъ которыхъ не понималъ ни слова. Черезъ 6 недѣль Шлиманъ въ состояніи былъ уже написать письмо по-русски.

Еще болѣе счастливый оборотъ въ судьбѣ Шлимана наступаетъ съ переѣздомъ его въ Петербургъ (1846), гдѣ онъ поселился сначала въ качествѣ агента торговаго дома, а вскорѣ сталъ вести и самостоятельную торговлю, преимущественно индиго. Счастье необыкновенно благопріятствовало Шлиману. Во время Крымской кампаніи, когда другіе капиталисты опасались пускаться въ большія предпріятія, Шлиманъ расширилъ еще болѣе свои операціи. Въ это время онъ былъ такъ занятъ торговыми дѣлами, что изученіе имъ иностранныхъ языковъ не могло идти попрежнему. Но все-же онъ выучился по-шведски и по-польски. А въ 1856 г. взялся наконецъ за греческій языкъ, изучить который онъ давно уже страстно желалъ, но опасался, что это изученіе слишкомъ увлечетъ его и повредитъ такимъ образомъ его торговымъ дѣламъ. И тутъ онъ придерживался своей обычной, чисто практической методы. Началъ онъ съ языка новогреческаго, а по-

томъ уже перешелъ къ древнегреческому, причемъ на грамматику не тратилъ много времени, а больше читалъ авторовъ. Въ теченіе двухъ лѣтъ онъ прочелъ всѣхъ главнѣйшихъ греческихъ писателей курсорно, а Одиссею и Иліаду нѣсколько разъ. Затѣмъ Шлиманъ взялся за изученіе латинскаго языка, которому онъ учился еще въ дѣтствѣ, но съ тѣхъ поръ успѣлъ позабыть.

Раскопки на Гиссарлыкѣ

Въ 1858 г. Шлиманъ предпринимаетъ путешествіе по Европѣ, а затѣмъ ѣдетъ въ Египетъ и Сирію; по дорогѣ учится арабскому языку; лѣтомъ 1859 г. посѣщаетъ Циклады и Аѳины. Но тутъ процессъ, начатый противъ него однимъ русскимъ купцомъ, заставляетъ его возвратиться въ Петербургъ. Ведя процессъ, Шлиманъ снова принимается за торговыя операціи въ широкихъ размѣрахъ, и счастье благопріятствуетъ ему попрежнему. Въ 1863 г. онъ былъ уже милліонеромъ. Онъ рѣшается ликвидировать окончательно свои дѣла (тѣмъ болѣе, что къ тому времени и процессъ ужъ окончился въ его пользу) и приняться за осуществленіе еще съ дѣтства лелѣемой мечты—за открытіе гомерической Трои. Но прежде, чѣмъ всецѣло предаться археологіи, Шлиманъ, по собственному выраженію, хотѣлъ еще „повидѣть свѣтъ“. Въ 1864 г. онъ посѣтилъ сѣверный берегъ Африки, развалины Карѳагена, а затѣмъ отправился въ Индію, къ берегамъ Китая и Японіи и въ Америку. Дорогой онъ пишетъ первую свою книгу: „Китай и Японія“ (на франц. яз.). Въ 1866 г. Шлиманъ возвратился въ Европу и поселился въ Парижѣ. Тутъ онъ принялся за изученіе археологіи; онъ готовился наконецъ осуществить мечту всей своей жизни.

Въ 1868 г. Шлиманъ посѣтилъ Іоническіе острова, въ томъ числѣ Итаку, какъ родину Одиссея, затѣмъ Пелопоннесъ и Аѳины, а отсюда ужъ отправился въ Троаду для предварительныхъ раскопокъ на мѣстѣ Трои. Дѣло въ томъ, что прежде всего нужно было рѣшить спорный вопросъ, гдѣ искать древнюю Трою? Относительно этого, какъ мы уже говорили въ началѣ (стр. 7), существовало нѣсколько мнѣній: въ древности господствовало убѣжденіе, что гомерическая Троя находилась тамъ, гдѣ въ греко-римскую эпоху былъ „Новый Иліонъ“, а съ конца прошлаго столѣтія стало распространеннымъ мнѣніе, по которому гомерическую Трою слѣдовало искать нѣсколько южнѣе и далѣе отъ морскаго берега, у нынѣшней деревни Бунарбаши. Шлиманъ, прибывъ въ Троаду и сдѣлавъ предварительныя изслѣдованія, вскорѣ убѣдился, что послѣднее мнѣніе неосновательно, что разъ существовала въ дѣйствительности древняя Троя, то ее слѣдуетъ ис-

кать на холмѣ Гиссарликъ, т. е. тамъ, гдѣ въ греко-римскую эпоху находился „Новый Иліонъ“. И онъ рѣшилъ именно здѣсь предпринять свои грандіозныя раскопки.

За эти раскопки онъ окончательно принялся по полученіи разрѣшенія отъ турецкаго правительства—осенью 1871 г. и производилъ ихъ въ теченіе многихъ лѣтъ, исключительно на свои собственныя средства. Энергичною помощницею Шлимана въ дѣлѣ раскопокъ является его вторая жена, Софья, родомъ гречанка, такая-же почитательница Гомера, какъ и онъ самъ. Удивительны то увлеченіе, то терпѣніе и энергія, которыя обнаружили Шлиманъ и его жена въ своихъ поискахъ за гомерическою Троей. Имѣя возможность жить среди полнаго комфорта и роскоши, они добровольно взяли на себя великій трудъ, мирились съ тяжелыми условіями бивуачной жизни, переносили всевозможныя неудобства, терпѣли зной и стужу. Особенно тяжело было для Шлимана и его жены начало 1873 г., когда работы, на зиму обыкновенно прекращавшіяся, возобновлены были очень рано, въ самомъ началѣ февраля. Сквозь деревянныя стѣны дома, построеннаго Шлиманомъ, дулъ рѣзкій сѣверный вѣтеръ, нельзя было зажечь лампы, холодъ въ комнатахъ достигалъ до 4^0 по Р., вода замерзала. Днемъ все это было еще сносно, благодаря тому, что приходилось быть въ постоянномъ движеніи на воздухѣ, но вечеромъ, говоритъ Шлиманъ въ своей автобіографіи, „кромѣ нашего одушевленія къ великому дѣлу открытія Трои, мы не имѣли ничего, что согрѣвало бы насъ“. Но за то именно въ 1873 г. раскопки Шлимана шли особенно успѣшно; тогда открытъ былъ имъ большой кладъ, открытый имъ собственноручно. Любопытны подробности этого открытія. Рабочіе натолкнулись, во время раскопокъ, на золотой предметъ. Шлиманъ тотчасъ догадался, что тутъ скрывается важная находка; но онъ опасался, что рабочіе могутъ похитить вещи. И вотъ, чтобы спасти находку отъ алчности рабочихъ, онъ даетъ раньше обыкновеннаго времени сигналъ для завтрака; рабочіе удаляются, а самъ онъ собственноручно принимается за раскопку, можно сказать, съ опасностью жизни—такъ какъ стѣна, подъ которой приходилось копать, ежеминутно грозила обрушиться—; а жена Шлимана прятала отрытыя вещи подъ мантилію и уносила въ домъ. Такъ открытъ былъ и спасенъ для науки „большой кладъ“. Этотъ кладъ состоялъ изъ нѣсколькихъ серебряныхъ слитковъ, многихъ сосудовъ (мѣдныхъ, серебряныхъ, золотыхъ) разной формы и величины, причемъ въ одной изъ серебряныхъ вазъ найдено двѣ ве-

ликолѣпныхъ діадемы, головная повязка, множество мелкихъ золотыхъ вещицъ (до 8700), немало серегъ, браслетовъ, два кубка и т. д.; кромѣ того, въ составъ клада входило оружіе изъ бронзы.

Въ 1874 г. Шлиманъ на время пріостановилъ свои раскопки на Гиссарликѣ и обнародовалъ результаты своихъ изслѣдованій въ книгѣ подъ заглавіемъ: „Trojanische Alterthümer“ (потомъ вскорѣ-же вышелъ франц. и англійскій переводъ ея). Тутъ ярче всего сказался энтузіазмъ Шлимана, его благоговѣніе и преклоненіе предъ Гомеромъ. Для него гомерическія поэмы — подлинный историческій источникъ, болѣе того — священная книга, свидѣтельство которой непреложно. По Шлиману, все до мельчайшихъ подробностей должно было быть и въ дѣйствительности именно такъ, какъ говорится у Гомера. Нужно замѣтить, что впослѣдствіи онъ сдѣлался осторожнѣе въ своихъ выводахъ и гипотезахъ.

Слѣдующіе затѣмъ годы Шлиманъ проводитъ въ изслѣдованіяхъ на мѣстѣ древнихъ Микенъ, изслѣдованіяхъ, давшихъ столь поразительные результаты, въ раскопкахъ на Итакѣ, хлопотахъ о новомъ фирманѣ для дальнѣйшихъ раскопокъ на Гиссарликѣ. Сюда онъ возвратился лишь осенью 1878 г. Въ слѣдующемъ году въ Троаду, на раскопки Шлимана, прибыли извѣстные ученые — Рудольфъ Вирховъ и Эмиль Бюрнуфъ. Оба они оказали немало содѣйствія Шлиману. Въ 1881 г. Шлиманъ издалъ большой трудъ на англійскомъ языкѣ, тотчасъ-же явившійся и въ нѣмецкомъ переводѣ, трудъ, въ которомъ подробно сообщаетъ о своихъ открытіяхъ и находкахъ на Гиссарликѣ („Ilios“). Послѣ того Шлиманъ произвелъ изслѣдованія въ Орхоменѣ (въ Беотіи), гдѣ находилась знаменитая, такъ называемая, „Сокровищница царя Минія“.

Но и впослѣдствіи Троя продолжала привлекать къ себѣ Шлимана. Въ 1882 г. онъ опять возобновилъ раскопки на Гиссарликѣ, при содѣйствіи извѣстнаго ученаго архитектора Дерпфельда. Результаты новыхъ своихъ открытій Шлиманъ обнародовалъ въ книгѣ „Troja“. Большую часть своихъ троянскихъ находокъ Шлиманъ, не смотря на выгодныя предложенія Англіи, принесъ въ даръ Германіи [1]).

На результатахъ открытій Шлимана на Гиссарликѣ мы здѣсь не можемъ подробно останавливаться. Отмѣтимъ только самое существенное. По Шлиману, на Гиссарликѣ существовало 7 горо-

[1]) См. выше, стр. 9, прим. 3.

довъ, послѣдовательно возникавшихъ одинъ на мѣстѣ другаго; изъ этихъ городовъ—5 доисторическихъ, 6-й—лидійскій, а 7-й—греко-римскій „Новый Иліонъ". Наиболѣе интересны два древнѣйшихъ поселенія, первый и второй городъ, считая отъ материка.

Отъ перваго города сохранились небольшіе остатки нѣсколькихъ параллельныхъ стѣнъ, затѣмъ жилищъ, много каменныхъ орудій (между прочимъ изъ нефрита) и глиняныхъ черныхъ сосудовъ, крайне примитивныхъ. Второй городъ, по мнѣнію Шлимана, и былъ гомерическая Троя. Отъ этого города сохранилась довольно хорошо окружная стѣна, съ башнями и воротами, а внутри—остатки большаго зданія, оказавшагося дворцомъ, съ портиками, съ 2 половинами, мужской и женской, съ залой (гомерич. мегаронъ) и очагомъ. Изъ находокъ, сдѣланныхъ въ слоѣ втораго города, особенно замѣчателенъ упомянутый уже выше большой кладъ. Изъ сосудовъ обращаютъ на себя вниманіе особенно тѣ, которые имѣютъ изображеніе головы (по Шлиману, это голова совы, по Вирхову—неумѣлое изображеніе головы человѣческой). Оружіе—преимущественно бронзовое. Замѣчательно, что на Гиссарликѣ не найдено совсѣмъ мечей, а есть только копья и стрѣлы. Желѣзо составляло величайшую рѣдкость; лишь въ 1890 г. Шлиманъ нашелъ здѣсь пару желѣзныхъ предметовъ.

Но Шлиманъ ошибся, принявъ этотъ второй городъ за гомерическую Трою; онъ, всю жизнь мечтавшій объ открытіи Трои, не дожилъ до того момента, когда его сотрудникомъ Дерпфельдомъ открыты были на томъ же Гиссарликѣ древности города, который скорѣе всего можно отождествить съ Троей Гомера: это—такъ называемый шестой городъ, относящійся къ микенской эпохѣ, тогда какъ культура втораго города древнѣе не только гомерической, но и микенской.

Что касается типа и характера троянской культуры, открытой Шлиманомъ на Гиссарликѣ, то наряду съ чертами чрезвычайно своеобразными, въ ней имѣются точки соприкосновенія съ другими культурами древняго міра, въ томъ числѣ и съ микенскою.

Еще важнѣе по своимъ результатамъ открытія Шлимана въ Микенахъ. *Микены.*

Въ легендарной исторіи Греціи Микены играютъ видную роль. Преданіе гласитъ, что ихъ воздвигъ Персей, причемъ ихъ строителями были циклопы. Въ числѣ микенскихъ царей легенды называютъ Еврисѳея, на службѣ которому Геркулесъ совершилъ

свои знаменитые двѣнадцать подвиговъ, и Агамемнона, вождя грековъ подъ Троей. Микены были театромъ трагическихъ событій и сценъ—гибели Агамемнона, убитаго вмѣстѣ со своими спутниками вѣроломною своею женою Клитемнестрою и ея возлюбленнымъ Эгистомъ, горя Электры и кроваваго мщенія Ореста за смерть отца. Вообще поэтическія сказанія грековъ говорятъ намъ о былой славѣ, богатствѣ и могуществѣ Микенъ, а Гомеръ прямо называетъ ихъ „златообильными“. Въ преданіяхъ Микены являются центромъ сильнаго и богатаго царства, резиденціей могучихъ владыкъ. Открытія Шлимана блистательно подтвердили это. Давно уже извѣстны были развалины Микенъ—остатки стѣнъ, сложенныхъ изъ колоссальныхъ камней, съ знаменитыми „Львиными воротами“, и куполообразная могила, слывшая подъ именемъ „Сокровищницы царя Атрея“. Объ этихъ развалинахъ, свидѣтельствовавшихъ о быломъ величіи Микенъ, говоритъ и Павсаній, греческій писатель II в. по Р. Хр. Въ 1876 г. Шлиманъ подробнѣе изслѣдовалъ эти памятники и кромѣ „Сокровищницы царя Атрея“ открылъ еще нѣсколько подобныхъ-же куполообразныхъ могилъ.

Но главное свое вниманіе Шлиманъ сосредоточилъ на микенскомъ акрополѣ. Еще въ концѣ 60-хъ годовъ онъ пришелъ къ убѣжденію, что могилы Агамемнона и его спутниковъ, о которыхъ говоритъ Павсаній, слѣдуетъ искать не внѣ, а внутри акрополя. И вотъ онъ задался мыслью открыть эти могилы. 7 августа 1876 г. внутри акрополя, недалеко отъ Львиныхъ воротъ, раздались первые удары заступа, а черезъ нѣсколько уже недѣль передъ глазами Шлимана открылся міръ новой, дотолѣ неизвѣстной намъ культуры. Не будемъ здѣсь подробно описывать находки Шлимана; напомнимъ только (см. выше, стр. 9), что Шлиманъ открылъ тутъ кругъ, состоящій изъ двойнаго ряда или кольца каменныхъ плитъ, ниже этого круга—алтарь циклопической постройки, затѣмъ нѣсколько каменныхъ стелъ, изъ которыхъ на нѣкоторыхъ изображены сцены охоты и сраженія, напр. колесница, запряженная лошадью, вооруженный мечомъ воинъ, а внизу и вверху—спирали, обычный орнаментъ на микенскихъ памятникахъ, и, наконецъ, еще ниже открыто 5 могилъ. Въ этихъ могилахъ оказалось до 17 тѣлъ, въ томъ числѣ нѣсколько женскихъ и дѣтскихъ. Тѣла, можно сказать, были завалены драгоцѣнностями всякаго рода. Тутъ были золотыя маски, діадемы, нагрудники, перевязи, бляхи, украшавшія одежду, перстни съ прекрасными изображеніями охоты и сраженія, браслеты, масса оружія (особенно замѣчательны бронзовые

мечи съ изображеніями, напр., борьбы со львами и т. п.), множество сосудовъ металлическихъ, нерѣдко очень массивныхъ, глиняныхъ, отличавшихся легкостью, изображенія бычачьихъ головъ, разнаго рода животныхъ, натуральное страусовое яйцо, нѣсколько золотыхъ идольчиковъ, изображающихъ божество въ родѣ Астарты, и т. д. и т. д.

Таковы были открытія Шлимана въ Микенахъ. Успѣхъ былъ поразительный и превзошелъ самыя смѣлыя его ожиданія. То, что̀ раньше признавалось лишь поэтическимъ вымысломъ, оказалось дѣйствительностью: сказанія о богатствѣ и могуществѣ Микенъ нашли себѣ полное подтвержденіе. Можно даже сказать, что въ данномъ случаѣ поэтическая фантазія во многихъ отношеніяхъ оказалась ниже дѣйствительности. Поэтому намъ вполнѣ понятенъ восторгъ Шлимана, его увлеченіе, его увѣренность, что имъ открыты именно могилы Агамемнона и его спутниковъ, такъ трагически погибшихъ по возвращеніи изъ Трои, хотя мы можемъ и не раздѣлять этой увѣренности, такъ какъ противъ мнѣнія Шлимана говоритъ многое. Но несомнѣнно то, что могилы, открытыя Шлиманомъ въ Микенахъ,—могилы царскія.

О своемъ открытіи Шлиманъ поспѣшилъ извѣстить греческаго короля телеграммой и въ концѣ ея говорилъ, между прочимъ, что открытыя имъ сокровища „сами по себѣ достаточны для того, чтобы наполнить собою большой музей, который будетъ самымъ чудеснымъ въ мірѣ и который въ теченіе слѣдующихъ столѣтій будетъ привлекать въ Грецію тысячи иностранцевъ со всѣхъ концовъ свѣта“. Дѣло въ томъ, что драгоцѣнныя свои находки, сдѣланныя въ Микенахъ, Шлиманъ, согласно существующему въ Греціи закону, предоставилъ въ распоряженіе греческаго правительства, и онѣ хранятся въ настоящее время въ Аѳинахъ, въ „Политехніонѣ“.

Тиринѳа. Очень важнымъ дополненіемъ къ микенскимъ находкамъ служатъ открытія Шлимана въ другомъ древнемъ городѣ Арголиды—въ Тиринѳѣ. Тиринѳъ по преданію—тоже являлся сооруженіемъ циклоповъ; онъ считался даже древнѣе Микенъ, которыя возвысившись затмили его славу и даже подчинили его себѣ. Развалины Тиринѳа представляли груды камней, еще болѣе колоссальныхъ, нежели тѣ, какія находятся въ Микенахъ. Свои раскопки въ Тиринѳѣ Шлиманъ производилъ вмѣстѣ съ Дерпфельдомъ, главнымъ образомъ въ 1884 г. Въ результатѣ ихъ разысканій оказалось—пролитіе новаго свѣта на систему тиринѳскихъ

укрѣпленій и открытіе остатковъ громаднаго дворца, по своему плану совершенно напоминающаго дворцы, описываемые Гомеромъ. Оказывается, что въ тиринѳскихъ стѣнахъ была сѣть подземныхъ галлерей и камеръ со стрѣльчатымъ сводомъ, своего рода казематовъ, служившихъ, по всей вѣроятности, магазинами или кладовыми, что въ этихъ стѣнахъ было 2 входа или воротъ. Тутъ мы видимъ цѣлую сложную систему укрѣпленій, устроенныхъ по строго обдуманному плану. Чтобы выполнить подобный планъ, чтобы, напр., возвести стѣны изъ огромныхъ каменныхъ глыбъ, вѣсившихъ до 200 и даже до 800 пудовъ каждый, нужны были, конечно, болѣе или менѣе опытные и искусные архитекторы, цѣлые отряды рабочихъ и громадныя средства! Что касается тиринѳскаго дворца, открытаго Шлиманомъ и Дерпфельдомъ, то тутъ мы видимъ пропилеи, портики, дворъ съ алтаремъ, мужскую половину помѣщенія съ залой (гомерич. мегаронъ), посреди которой возвышался домашній очагъ, съ комнатой, служившей баней, полъ которой состоялъ изъ одного цѣльнаго камня колоссальной величины, вѣсомъ въ 1200 пудовъ; мы видимъ тутъ и гинекей, т. е. женскую половину, и т. д., словомъ видимъ прототипъ гомерическихъ дворцовъ. Стѣны тиринѳскаго дворца украшены были живописью al fresco. Въ Тиринѳѣ извѣстно было 5 красокъ: бѣлая, черная, желтая, красная, голубая. На стѣнахъ изображались не только спирали и розетки, но и цѣлыя сцены,—напр. сохранилась часть картины, представляющей мчащагося быка, а на немъ человѣка, который одной ногой касается спины быка, а другая нога его приподнята.

Таковы главнѣйшіе памятники, которые открыты были Шлиманомъ.

Послѣдніе годы Шлимана

Остается еще сказать нѣсколько словъ о послѣднихъ годахъ жизни Шлимана. Въ эти годы время, свободное отъ раскопокъ и путешествій, Шлиманъ проводилъ обыкновенно въ Аѳинахъ. Тамъ онъ выстроилъ себѣ обширный домъ или дворецъ, въ которомъ все напоминало Гомера. Увлеченіе Шлимана Гомеромъ и вообще греческими миѳами доходило до того, что онъ прислугѣ давалъ имена греческихъ героевъ и героинь, а его сынъ и дочь отъ втораго брака носятъ имена Агамемнона и Андромахи Но не подолгу проживалъ Шлиманъ въ своемъ аѳинскомъ дворцѣ. И послѣдніе годы онъ немало путешествовалъ и немало совершилъ раскопокъ, но своимъ результатамъ, конечно, далеко уступающимъ его открытіямъ на Гиссарликѣ, въ Микенахъ и Тиринѳѣ.

За годъ до смерти Шлиманъ опять посѣщаетъ Трою и принимается за новыя розысканія: ему приходилось отстаивать свое дѣло отъ нападокъ яраго противника, выступившаго съ теоріей, которая подрывала все значеніе сдѣланныхъ открытій. Этимъ противникомъ былъ Эрнстъ Беттихеръ, утверждавшій, что открытый Шлиманомъ на Гиссарликѣ „второй городъ“ есть не что иное, какъ некрополь, и обвинявшій Шлимана и Дерпфельда даже въ недобросовѣстности. Тогда Шлиманъ предложилъ Беттихеру отправиться въ Троаду, чтобы на мѣстѣ убѣдиться, кто изъ нихъ правъ, причемъ всѣ расходы по такому путешествію бралъ на себя. Противники съѣхались на Гиссарликѣ въ декабрѣ 1889 г. Тогда же составленъ былъ протоколъ осмотра Гиссарлика, а весною 1890 г. международная конференція рѣшила споръ въ пользу Шлимана. Тѣмъ не менѣе Шлиманъ рѣшился предпринять новыя раскопки на Гиссарликѣ. Эти раскопки продолжались до августа 1890 г. Шлиманъ надѣялся возобновить ихъ на слѣдующую весну. Но въ декабрѣ того-же года онъ скончался въ Неаполѣ отъ болѣзни уха, осложненной мозговыми страданіями. Похороненъ Шлиманъ въ Аѳинахъ.

Въ своемъ предисловіи къ книгѣ Шлимана: „Ilios“, Вирховъ замѣчаетъ, что въ томъ увлеченіи и фантазіи, которыя составляютъ слабую сторону Шлимана, кроется вмѣстѣ съ тѣмъ и тайна его успѣха. И въ самомъ дѣлѣ, безъ воодушевленной вѣры въ дѣйствительность своихъ грезъ, всего того, что̀ описываетъ Гомеръ, Шлиманъ не могъ бы совершить того, что онъ совершилъ. Мы можемъ отвергать его выводы и толкованія, какъ не выдерживающіе критики, какъ фантастическіе; но отъ этого не умалится значеніе сдѣланныхъ имъ открытій и находокъ: онѣ останутся неоцѣненнымъ сокровищемъ въ смыслѣ научнаго матеріала. Шлиманъ, повторяемъ, приподнялъ ту завѣсу, которая скрывала отъ насъ древнѣйшій періодъ греческой исторіи; онъ открылъ предъ нами новый горизонтъ и поставилъ рядъ проблемъ, надъ разрѣшеніемъ которыхъ придется потрудиться, быть можетъ, еще не одному поколѣнію ученыхъ.

Дальнѣйшія изслѣдованія, уже по слѣдамъ Шлимана, открыли новый матеріалъ и пролили новый свѣтъ на многіе вопросы. Во многихъ другихъ мѣстностяхъ Эллады были тоже найдены памятники микенской культуры. О результатахъ раскопокъ сотрудника Шлимана Дерпфельда и о другихъ открытіяхъ въ

области микенской культуры, относящихся уже къ 90-мъ годамъ XIX ст., я упомяну далѣе.

Послѣ открытій Шлимана важнѣйшія предпріятія въ этомъ родѣ были—раскопки нѣмцевъ въ Олимпіи и въ Пергамѣ. Онѣ происходили почти въ одно время съ тѣмъ, какъ Шлиманъ открывалъ троянскія и микенскія древности.

Раскопки въ Олимпіи.

Олимпія, священное въ глазахъ эллиновъ мѣсто, гдѣ происходили ихъ національныя игры, представляла собой своего рода музей грековъ [1]): тутъ были собраны священные дары или приношенія съ разныхъ концовъ эллинскаго міра, отъ государствъ и отдѣльныхъ лицъ; тутъ были алтари и храмы; множество статуй боговъ, героевъ и атлетовъ (въ римскую эпоху этихъ статуй насчитывали болѣе 3000), произведенія знаменитыхъ художниковъ и проч. При императорѣ Ѳеодосіи I олимпійскія игры были запрещены и многіе памятники искусства изъ Олимпіи перевезены въ Константинополь, въ томъ числѣ знаменитая статуя Зевса работы Фидія, впослѣдствіи тамъ, въ Константинополѣ, и погибшая во время пожара. Затѣмъ многое подвергли разрушенію и грабежу готы Алариха. Олимпія опустѣла. Ѳеодосій II приказалъ сжечь ея зданія. Землетрясенія и наводненія довершили дѣло разрушенія. Развалины зданій, памятники, мѣсто, гдѣ происходили состязанія, все это мало-по-малу занесено было иломъ и толстымъ слоемъ песку, на 5 или 6 метровъ въ глубину.

О раскопкахъ въ Олимпіи едва-ли не первый заговорилъ бенедиктинецъ Montfaucon, въ XVIII в. О нихъ мечталъ Винкельманъ; онъ былъ увѣренъ, что открытія въ Олимпіи превзойдутъ всякія ожиданія и прольютъ новый свѣтъ на исторію греческаго искусства, и горячо пропагандировалъ мысль о необходимости произвести раскопки въ Элидѣ. Въ 1766 г. англичанинъ Chandler посѣтилъ мѣсто, гдѣ находилась Олимпія, и нашелъ тамъ развалины храма, признаннаго вслѣдъ затѣмъ (Fauvel'емъ) за храмъ Зевса.

Собственно первыя раскопки въ Олимпіи были произведены уже извѣстною намъ (см. выше, стр. 317) французскою экспедиціею 1829 г.; найдены были нѣкоторые остатки скульптурныхъ памятниковъ, метопа съ изображеніемъ Геркулеса, усмиряющаго критскаго быка, и т. под.; но эти раскопки вскорѣ были прерваны.

---

[1]) Кромѣ указанныхъ на стр. 10, прим. 5, изданій, см. Diehl, Excursions archéologiques, P. 1890; Hachtmann, Olympia und seine Festspiele. Gütersloh, 1899 (Gymnasial-Bibliothek).

Настоящія раскопки въ Олимпіи, по широкому плану, начались въ 70-хъ годахъ и были дѣломъ прежде всего Эрнста Курціуса. Мы видѣли, что еще въ 1852 г. Курціусъ обращался съ призывомъ — произвести раскопки въ Олимпіи; но тогда обстоятельства не благопріятствовали; онъ не встрѣтилъ надлежащаго сочувствія и отклика, и только черезъ 20 съ лишкомъ лѣтъ послѣ того онъ увидѣлъ осуществленіе давней мечты своей и своего учителя, К. О Миллера.

Послѣ кровавой войны 1870—1 г. у нѣмцевъ явилось, какъ говоритъ самъ Курціусъ, благородное желаніе совершить мирное дѣло, въ интересахъ науки, и германское правительство рѣшило произвести на свой счетъ раскопки въ Олимпіи (1874 г.). Кронпринцъ Фридрихъ, воспитанникъ Курціуса, взялъ на себя иниціативу и посредничество въ этомъ дѣлѣ. Курціусу поручено было заключить договоръ съ греческимъ правительствомъ касательно раскопокъ, и германскій рейхстагъ единогласно вотировалъ сотни тысячъ на эти раскопки, не смотря на то, что всѣ найденные предметы должны были оставаться въ Греціи, а на долю Германіи доставалась лишь слава.

Въ октябрѣ 1875 г. приступлено было къ раскопкамъ, а весною 1881 г. онѣ были закончены. Велись онѣ съ замѣчательною осторожностью, по образцовому методу. Во главѣ дѣла стояли Э. Курціусъ, Адлеръ и членъ отъ министерства иностранныхъ дѣлъ. На мѣстѣ находилась коммиссія изъ археологовъ (напр. Гиршфельдъ, Фуртвенглеръ, Пургольдъ) и архитекторовъ (Беттихеръ, Дерпфельдъ). Въ ихъ распоряженіи было до 300 рабочихъ. Работы производились въ теченіе 6 лѣтъ ежегодно, съ октября по мартъ, и раскопки стоили Германіи 800000 марокъ. Раскопанъ былъ не только священный округъ (Альтисъ), но и окрестныя зданія, служившія помѣщеніемъ для лицъ, завѣдывавшихъ играми, и для гостей. Предъ нашимъ взоромъ теперь открывается весь планъ Олимпіи. О богатствѣ находокъ могутъ дать понятіе слѣдующія цифры: въ общемъ открыто было 130 статуй или барельефовъ мраморныхъ, 13000 бронзовыхъ предметовъ, 6000 монетъ, 400 надписей, 1000 предметовъ изъ терракотты, 40 памятниковъ, и въ числѣ находокъ—такія произведенія, какъ фронтоны храма и Гермесъ Праксителя! На мѣстѣ раскопокъ воздвигнутъ былъ музей на средства грека Сингроса, и въ немъ помѣщены найденныя древности.

Курціусъ съ особеннымъ интересомъ наблюдалъ за ходомъ раскопокъ. Онъ нѣсколько разъ посѣщалъ Олимпію и принималъ дѣятельное участіе въ разработкѣ тѣхъ вопросовъ, которые возникали по поводу открытій. При его участіи издавались ежегодные отчеты — „Ausgrabungen von Olympia“ и „Funden von Olympia“; совмѣстно съ Адлеромъ имъ издано топографическое описаніе Олимпіи и ея окрестностей („Olympia und Umgegend“, 1882), а въ 90-хъ годахъ предпринято огромное роскошное изданіе—„Olympia“, съ объяснительнымъ текстомъ, въ которомъ перу Курціуса принадлежитъ: „Исторія раскопокъ“ и „Исторія Олимпіи“.—Всеобщее признаніе заслугъ Курціуса въ дѣлѣ раскопокъ въ Олимпіи ярко сказалось по случаю празднованія его 80-лѣтія. По этому поводу рѣшено было поставить мраморный его бюстъ на самомъ мѣстѣ раскопокъ, въ Олимпіи, у входа въ воздвигнутый тамъ музей. Торжественное открытіе этого бюста послѣдовало въ апрѣлѣ 1895 года, и тутъ представители различныхъ странъ, не только Германіи, но и Греціи, Англіи, Америки, даже Франціи въ лицѣ директора Французской школы въ Аѳинахъ Омолля, наперерывъ воздавали заслуженную хвалу Курціусу.

Раскопки въ Пергамѣ.

Еще богаче и во всякомъ случаѣ неожиданнѣе были результаты раскопокъ въ Пергамѣ [1]), произведенныхъ при содѣйствіи и на средства Пруссіи, хотя и съ гораздо меньшими затратами. Эти раскопки открыли дивныя и грандіозныя произведенія искусства и показали, какъ процвѣтало оно въ тѣ времена, которыя считались эпохой упадка, и до какой степени реализма доходили греческіе художники.

Пергамъ — древній городъ въ Малой Азіи (въ Мизіи), въ долинѣ Каика, расположенный на возвышенности, нѣкогда столица Пергамскаго царства и центръ эллинизма въ Азіи, теперь— довольно значительный городъ Бергама (съ 18000 жителей), который находится у подножія древняго акрополя. Самостоятельная политическая жизнь Пергама продолжалась недолго, какихъ-ни-

---

[1]) См. выше, стр. 10, прим. 6. Кромѣ того, см. Pergame. Restauration des monuments de l'Acropole. Restauration par Pontremoli, texte par Collignon. P. 1900, Ussing, Pergamos, seine Geschichte und Monumente. Berlin-Stuttg. 1899 (нѣм. обработка датск. изданія); на рус. яз. ср. „Археол. хронику“ С. А. Жебелева въ „Филол Обозр.“, XVII, 2, 1899 (стр. 288 сл.); Hachtmann, Pergamon. Gutersloh. 1900 (Gymnasial-Bibliothek); Н. М. Благовѣщенскій, Винкельманъ и поздняя эпохи греческой скульптуры. Спб. 1891, и извѣстное письмо И. С. Тургенева о „Пергамскихъ раскопкахъ“ (1880).

будь 150 лѣтъ, но онъ одно время былъ важнымъ культурнымъ центромъ. При дворѣ его владѣтелей оказывалось покровительство литературѣ, наукѣ и искусству; въ Пергамѣ работали замѣчательные художники; онъ славился своею медицинскою школою; въ немъ основана была знаменитая библіотека, въ которой хранилось до 200000 свитковъ и которая уступала одной только Александрійской библіотекѣ; въ Пергамѣ же впервые сталъ употребляться новый писчій матеріалъ, въ замѣнъ папируса,—пергаментъ.

Расцвѣтъ Пергама и его культуры относится ко второй половинѣ III и къ первой половинѣ II в. до Р. Хр, ко времени Аттала I, котораго Моммзенъ называетъ Лаврентіемъ Великолѣпнымъ древности и побѣды котораго надъ галлами или галатами послужили одной изъ любимыхъ темъ для тогдашней скульптуры, и его преемника Евмена II Въ 129 г. Пергамъ превращенъ въ римскую провинцію, а со временъ византійскаго господства начинается полный упадокъ его. Памятники его подверглись разрушенію; великолѣпные мраморы, статуи и горельефы пошли на устройство крѣпостной стѣны, что впрочемъ для нихъ было спасеніемъ: замурованные въ этой стѣнѣ, подъ толстымъ слоемъ извести, они лучше сохранились отъ дальнѣйшаго разрушенія.

Какъ открытіе троянскихъ и микенскихъ древностей неразрывно связано съ именемъ Шлимана, такъ открытіе пергамскихъ древностей связано съ именемъ Карла Гумана.

Въ 1864 г. Гуманъ, въ то время еще молодой инженеръ (онъ родился въ 1839 г.), по порученію Фуада-паши строя мосты и проводя дороги въ М. Азіи, посѣтилъ Пергамъ. Со скорбью видѣлъ онъ, какъ гибнутъ сокровища древности: Пергамскій акрополь превращенъ былъ въ каменоломню; его памятники шли на постройки и на обжиганіе извести, не говоря уже о мелкихъ расхищеніяхъ. Гуманъ прежде всего употребилъ всѣ усилія, чтобы положить конецъ дальнѣйшему разрушенію. Онъ убѣдилъ знакомаго ему грека, врача Ралли, тоже любителя древностей, отправить пріобрѣтенный имъ мраморный горельефъ, изображавшій льва нападающаго на человѣка, въ Константинополь [1]). Тамъ на этотъ горельефъ обратилъ вниманіе великій визирь и турецкое правительство запретило расхищать пергамскія древности и употреблять ихъ на постройки. *Гуманъ.*

[1]) Этотъ горельефъ былъ пожертвованъ греческому „силлогу“ и впослѣдствіи переданъ въ Берлинскій музей.

Въ 1866 г. Гуманъ снова посѣтилъ Бергаму, а въ 1868 г. поселился въ ней, занятый, по порученію турецкаго правительства, проведеніемъ дороги изъ Константинополя въ Смирну. Время отъ времени ему удавалось открывать древніе горельефы; но онъ мечталъ о раскопкахъ въ широкихъ размѣрахъ, объ открытіи древняго Пергама со всѣми уцѣлѣвшими его памятниками.

Въ 1871 г. Бергаму посѣтили Э. Курціусъ и Адлеръ. Гуманъ обратилъ ихъ вниманіе на византійскую стѣну, въ которую вдѣланы были античныя скульптуры, и въ доказательство того, какъ ихъ много и какъ легко открыть, тутъ же на глазахъ извлечено было два прекрасныхъ горельефа, которые и были отправлены въ Берлинъ. Не смотря на сочувствіе Курціуса, настоянія и старанія Гумана, убѣждавшаго прусское правительство предпринять раскопки въ Пергамѣ, долго оставались безъ результата: вниманіе и средства въ то время отвлечены были раскопками въ Олимпіи. Только въ 1878 г. эти старанія наконецъ увѣнчались успѣхомъ, благодаря поддержкѣ извѣстнаго археолога Conze, недавно передъ тѣмъ назначеннаго директоромъ Берлинскаго музея, и тому интересу, который обнаружилъ и къ этому дѣлу кронпринцъ (впослѣдствіи императоръ Фридрихъ III). Конце первый пришелъ къ заключенію, что найденные горельефы принадлежатъ къ изображенію „гигантомахіи“, борьбы боговъ съ гигантами, на колоссальномъ жертвенникѣ или алтарѣ, о которомъ упоминаетъ одинъ изъ позднѣйшихъ писателей древности (нѣкій Ампелій) въ числѣ чудесъ свѣта. По побужденію Конце прусское правительство рѣшило дать средства на пергамскія раскопки, которыми долженъ былъ руководить Гуманъ, и выхлопотало необходимое разрѣшеніе турецкаго султана.

Въ сентябрѣ 1878 г. Гуманъ съ увлеченіемъ и энергіей приступилъ къ раскопкамъ, которыя сопровождались блестящимъ успѣхомъ. Вскорѣ ему удалось открыть то мѣсто, гдѣ находился алтарь, о которомъ мы выше упоминали, его фундаментъ и большое число плитъ съ изображеніемъ сценъ изъ гигантомахіи. Уже въ началѣ раскопокъ Гуманъ сообщалъ въ Берлинъ: „Мы открыли цѣлую художественную эпоху, въ нашихъ рукахъ величайшее изъ уцѣлѣвшихъ отъ древности произведеній искусства“. Съ какимъ увлеченіемъ Гуманъ относился къ раскопкамъ, лучше всего показываетъ слѣдующій эпизодъ.

Гуманъ съ особеннымъ нетерпѣніемъ ждалъ находки тѣхъ плитъ, на которыхъ должно было находиться изображеніе Зевса,

какъ главной фигуры въ борьбѣ съ гигантами. И вотъ однажды— это было въ іюлѣ 1879 г.—онъ отправился на акрополь осматривать отрытыя, но еще не очищенныя плиты, лежавшія на мусорѣ; очистили первыя 4 плиты и оказалось, что на нихъ изображенъ богъ и три гиганта. Гуманъ догадался, что это и есть изображеніе Зевса. „Я чувствую твое приближеніе, Зевсъ", воскликнулъ онъ. И дѣйствительно, плиты подходили одна къ другой и изображали главную сцену горельефа—Зевса, поражающаго трехъ гигантовъ. Для полной увѣренности въ этомъ недоставало лишь изображенія обычныхъ аттрибутовъ царя боговъ; но когда перевернули еще одну плиту, то Гуманъ, полный нетерпѣнія и ожиданія, наскоро ногтями отцарапалъ цѣлые слои извести, покрывавшіе плиту, и видитъ эгиду. „Глубоко потрясенный", разсказываетъ онъ въ своемъ дневникѣ [1]), „я приникъ къ Зевсу и залился обильными слезами радости" [2]). Мы поймемъ увлеченіе Гумана, если вспомнимъ, какъ восторженно описывалъ эти горельефы И. С. Тургеневъ въ своемъ извѣстномъ письмѣ о пергамскихъ раскопкахъ; онъ видѣлъ ихъ въ 1880 г. въ Берлинскомъ музеѣ, гдѣ они были тогда разложены на полу: „Выходя изъ музеума", говоритъ Тургеневъ въ концѣ письма, „я подумалъ: «Какъ я счастливъ, что я не умеръ, не доживъ до послѣднихъ впечатлѣній, что я видѣлъ все это!...»"

Въ помощь Гуману прусскимъ министерствомъ командированъ былъ архитекторъ Bohn для реконструкціи алтаря; вскорѣ мѣсто раскопокъ посѣтилъ и Конце. Между тѣмъ истекъ срокъ договора съ Турціей и пришлось хлопотать о новомъ разрѣшеніи. Такимъ образомъ за первою кампаніею (1878—9) послѣдовала вторая (1880—1), а за нею и третья (1883—6). Въ общемъ, кромѣ упомянутыхъ горельефовъ гигантомахіи и мелкихъ находокъ, открыты были надписи, статуи, остатки храмовъ, дворца, театра и проч. Раскопки и изслѣдованія на мѣстѣ древняго Пергама продолжались и впослѣдствіи, въ концѣ 80-хъ и въ 90-хъ годахъ (Шухгардтомъ, Фабриціусомъ, Конце, Бономъ) [3]), и еще въ 1898 г. Конце въ своей рѣчи „Pro Pergamo" призывалъ

---

[1]) Дневникъ Гумана помѣщенъ въ „Die Ergebnisse der Ausgrabungen von Pergamon" (Jahrbuch d. Kon. Preuss. Kunstsammlungen. I. 1880).

[2]) Н. М. Благовѣщенскій, Винкельманъ и поздн. эпохи греч. скульптуры, стр. 66—67.

[3]) Подробный отчетъ—въ Mittheilungen, XXIV, 1899.

къ продолженію работъ, которыя должны дать дальнѣйшіе результаты.

Въ силу договора и турецкихъ законовъ изъ пергамскихъ древностей Пруссіи должна была достаться лишь 1/3, а 2/3—Турціи [1]); но потомъ и эти двѣ трети были уступлены Пруссіи частью въ даръ, частью за денежное вознагражденіе. Такимъ образомъ всѣ найденныя пергамскія скульптуры перешли въ Берлинъ. Доставка ихъ изъ Пергама къ морскому берегу и затѣмъ на суда сопряжена была съ большими трудностями; но Гуманъ преодолѣлъ все. Большая часть древностей изъ Смирны была отправляема на пароходѣ въ Тріестъ, а оттуда по желѣзной дорогѣ въ Берлинъ. Здѣсь цѣлая коммиссія археологовъ, съ помощью итальянскихъ мастеровъ, работала надъ приведеніемъ ихъ въ порядокъ. Къ счастью, плиты снабжены были буквами или знаками, такъ-что для каждой изъ нихъ можно было опредѣлить мѣсто и надлежащимъ образомъ сопоставить ихъ. Для пергамскихъ древностей въ настоящее время устроенъ особый музей, недавно открытый; [2]) въ немъ горельефы расположены такъ, какъ онѣ были нѣкогда въ дѣйствительности. Издаются и монументальныя „Пергамскія древности“ (Alterthümer von Pergamon)—результаты раскопокъ [3]).

Успѣхамъ эпиграфики и археологіи много способствовали тѣ иностранныя учрежденія — школы или институты —, которыя основаны были въ Греціи.

Французская школа въ Аѳинахъ

По времени первымъ такимъ учрежденіемъ является Французская школа въ Аѳинахъ (École française d'Athènes) [4]), во главѣ которой стоитъ директоръ и куда посылаются стипендіаты на два или три года. Основана она была еще въ 1846 г. „для изученія языка, исторіи и древностей греческихъ“, но скорѣе по политическимъ, нежели научнымъ мотивамъ,—съ цѣлью поддержать вліяніе и престижъ Франціи, въ противовѣсъ Англіи; сначала она преслѣдовала больше литературныя и общеобразовательныя цѣли, чѣмъ спеціальныя, ученыя разыскапія, и долгое время, до 70-хъ годовъ прошлаго вѣка, мало проявляла свою дѣятельность. За этотъ періодъ можно отмѣтить лишь открытія Beulé

[1]) Собственно—1/3, а другая треть—владѣльцу участка; но въ данномъ случаѣ такимъ владѣльцемъ была Турція же.

[2]) Гуманъ не дожилъ до открытія этого музея: онъ умеръ въ 1896 г.

[3]) Сюда входятъ и пергамскія надписи (т. VIII), изданныя въ обработкѣ M. Frankel'я.

[4]) Radet, L'histoire et l'oeuvre de l'École franç. d'Athènes. P. 1901; на рус. яз. о Франц. школѣ—ст. С. О. Цыбульскаго въ „Гимназіи“, 1891.

въ акрополѣ (1852—3), изслѣдовавшаго лѣстницу, ведшую къ пропилеямъ,—открытія, въ свое время произведшія большое впечатлѣніе и вызвавшія оживленную полемику; затѣмъ—разысканія Фукара и Вешера въ Дельфахъ (1860—2), путешествія (1861) Heuzey и Daumet по сѣверной Греціи, Македоніи и Ѳракіи и Perrot—по Малой Азіи.

Новая эра въ дѣятельности Французской школы въ Аѳинахъ начинается съ середины 70-хъ годовъ, когда во главѣ ея сталъ Alb. Dumont (1875—8) и она преобразована была въ ученое учрежденіе, въ своего рода Institut de correspondance hellénique, получавшій корреспонденціи изъ Смирны, Александріи, Константинополя и т. д., служившій какъ-бы посредникомъ между Востокомъ и Западомъ. Съ 1877 г. школа издаетъ и свой органъ—Bulletin de correspondance hellénique, гдѣ сосредоточиваются сообщенія о новѣйшихъ открытіяхъ и гдѣ наряду со статьями на французскомъ языкѣ—иногда ученыхъ разныхъ національностей [1])—отведено было мѣсто и статьямъ на языкѣ ново-греческомъ. Болѣе крупные мемуары и монографіи помѣщаются въ Bibliothèque des écoles d'Athènes et de Rome (съ 1881 г.). Дальнѣйшаго развитія и процвѣтанія Французская школа достигла при преемникахъ Дюмона—Фукарѣ [2]), извѣстномъ знатокѣ надписей, при которомъ и преобладало эпиграфическое направленіе, и Омоллѣ [3]), прославившемся своими раскопками на Делосѣ и въ Дельфахъ.

Раскопки эти были самымъ выдающимся дѣломъ Французской школы.

Раскопки на Делосѣ.

Древности Делоса [4]), священнаго для грековъ острова, родины Аполлона и одно время центра аѳинскаго союза, испытали обычную, печальную участь: еще въ I в. до Р. Хр., во времена Митридата, островъ подвергся разоренію, а въ средніе и новые вѣка служилъ каменоломней. Госпиталиты и жители сосѣднихъ острововъ брали отсюда матеріалъ для построекъ; церковь на Тиносѣ, напр., вся выстроена изъ античнаго мрамора. Въ XV в. извѣстный любитель археологіи, Кириакъ изъ Анконы, обратилъ

---

[1]) Въ томъ числѣ и русскихъ эпиграфистовъ (см. выше, стр. 367 сл.).

[2]) Род. въ 1836 г., директоромъ школы былъ съ 1878 г.

[3]) Homolle род въ 1848 г.; директоромъ состоитъ съ 1891 г.

[4]) О раскопкахъ на Делосѣ—отчеты въ Bull. de corr. hell.; Diehl, Excurs. arch.; Radet, L'Hist. et l'oeuvre de l'école fr. d'Athènes; Pauly-Wissowa, Real-Encyclop., s. v. Delos; В. А. Шефферъ, De Deli insulae rebus. Berl. 1889, Э. Шульце, Нов. раск. на Делосѣ (Ж. М. Н. Пр., 1883, сентябрь).

вниманіе на Делосъ. Въ XIX в. здѣсь производилъ изслѣдованія еще L. Ross. Въ 1873 г. одинъ изъ членовъ Французской школы Lebègue началъ раскопки на горѣ Киноѣ и между прочимъ нашелъ пещеру, служившую древнѣйшимъ храмомъ. Его изслѣдованія продолжалъ, по порученію греческаго Археологическаго Общества, Стаматакисъ, и открылъ святилище иноземныхъ (египетскихъ) боговъ—Сераписа, Изиды и Анубиса. Но только съ 1877 г. Французскою школою начаты на Делосѣ систематическія, въ широкихъ размѣрахъ, раскопки, давшія богатые результаты. Руководство ими поручено было Омоллю, который повелъ ихъ по новому плану (1877—80). Въ 1885 и 1888 г. Омолль снова возвратился на Делосъ для продолженія своихъ раскопокъ. Въ промежутокъ другіе члены Французской школы (Hauvette, Sal. Reinach, Fougères и проч.) съ своей стороны изслѣдовали разныя части острова и дополнили такимъ образомъ разысканія Омолля.

Въ результатѣ открыты были остатки священнаго города, храма и различныхъ зданій—пропилеевъ, театра, гимназіи, святилищъ, помѣщеній, принадлежавшихъ разнымъ коллегіямъ или корпораціямъ, и т. под.—, въ общемъ до 60, гавани, любопытныя архаическія статуи и въ особенности надписи, числомъ болѣе 1500. Такимъ образомъ прольетъ свѣтъ на исторію храма, его управленіе, на развитіе греческой скульптуры, особенно въ болѣе древній періодъ, и т. д. Мы поймемъ все значеніе сдѣланныхъ находокъ, преимущественно надписей, если вспомнимъ, что храмъ делосскій служилъ своего рода архивомъ, казнохранилищемъ и музеемъ, что здѣсь хранились различные акты, копіи съ договоровъ и другихъ документовъ и что островъ Делосъ былъ однимъ изъ центровъ не только религіозной жизни, но и торговаго движенія.

Систематическія, сопровождавшіяся замѣчательными открытіями раскопки въ Дельфахъ относятся уже къ 90-мъ годамъ истекшаго столѣтія, а потому о нихъ я скажу далѣе.

Другія раскопки Французск. школы

Къ открытіямъ на Делосѣ и отчасти въ Дельфахъ близко стоятъ по своему характеру открытія на мѣстѣ святилища Аполлона Птоискаго, въ Беотіи. Раскопки здѣсь велъ Holleaux въ 1884—91 г. Имъ найдены развалины храма, священные дары, въ томъ числѣ интересныя статуи, бросающія свѣтъ на исторію греческаго архаическаго искусства, и надписи почти за 1000-лѣтній періодъ, начиная со второй половины VI в. до Р. Хр. Членами Французской школы производились раскопки также и въ другихъ мѣстностяхъ Греціи—въ Элатеѣ, Θеспіяхъ, въ Пелопоннесѣ; здѣсь

заслуживаютъ быть отмѣченными изслѣдованія Fougères въ Мантинеѣ [1]). А на островѣ Санторинѣ (древней Θерѣ) Gorceix открылъ (1869—71) слѣды древнѣйшихъ поселеній и архаической культуры. P. Girard изслѣдовалъ Самосъ и пріобрѣлъ для Лувръскаго музея знаменитую статую Геры Самосской. Въ Малой Азіи въ Миринѣ (близъ Смирны) подъ руководствомъ Pottier и S. Reinach'a раскопанъ некрополь [2]) со множествомъ терракоттовыхъ статуэтокъ, подобныхъ танагрскимъ. Членъ Французской школы Rayet на средства Ротшильдовъ произвелъ въ 1872—3 г. раскопки въ Милетѣ и его окрестностяхъ, на мѣстѣ оракула Аполлона Бранхидскаго, въ Магнесіи, Пріэнѣ и т. д.[3]). Во Фригіи, Лидіи, Ликіи производили изслѣдованія Radet [4]), Cousin, Diehl и друг.; найдены были, между прочимъ, интересные эпиграфическіе памятники, напр. письмо Дарія Гистаспа, рескриптъ Антіоха II (относительно культа царицы Лаодикеи) и даже цѣлый философскій трактатъ [5]).

Французск. ученые второй половины XIX в.

Членамъ Французской школы въ Аѳинахъ, кромѣ того, принадлежитъ рядъ болѣе или менѣе крупныхъ монографій и изслѣдованій по греческой исторіи, государственнымъ и частнымъ древностямъ и искусству.

Можно сказать, что большая часть выдающихся спеціалистовъ Франціи второй половины XIX в. въ этихъ научныхъ областяхъ — Фюстель де Куланжъ [6]), Перро [7]), Фукаръ [8]), Дю-

---

[1]) Mantinée et l'Arcadie orientale. P. 1898, гдѣ сведены результаты и предшествовавшихъ его работъ.

[2]) Pottier et S. Reinach, La Nécropole de Myrina. P. 1887. 2 v.

[3]) Rayet et Thomas, Milet et le golfe Latmique. Fouilles et explorations archéologiques. P. 1877—82. 3 v.

[4]) La Lydie et le monde grec au temps des Mermnades. 1892.

[5]) Cousin списалъ его въ 1889 г. (Bull. de corr hell., XVI, 1892), а затѣмъ (въ 1895 г.)—Heberdey и Kalinka (ibid., XXI, 1897).

[6]) См. выше, стр. 365 сл.

[7]) G. Perrot, Essai sur le droit public d'Athènes. 1867; Commerce des céréales en Attique au IV siècle (Rev. hist., IV, 1877) Съ 1882 г. Perrot вмѣстѣ съ Chipiez издаетъ капитальную Histoire de l'art dans l'antiquité.

[8]) Кромѣ уже раньше упомянутыхъ трудовъ, Фукару принадлежатъ напр. еще слѣдующіе: Mémoire sur l'affranchissement des ésclaves par forme de vente à une divinité. 1863; Les associations religieuses chez les Grecs, thiases, éranes, orgéones. 1873; Mém. sur les colonies athéniennes au V et au IV s. 1878; Recherches sur l'origine et la nature des mystères d'Éleusis. 1893 и проч.

монъ [1]), Карто [2]), Колиньонъ [3]), Омолль [4]), П. Жираръ [5]), Оссулье [6]), Поттье [7]), Оветтъ [8]), С. Рейнакъ [9]), Монсо [10]), Ардальонъ [11]) и друг. [12]) — вышли изъ Французской школы въ Аѳинахъ, и многія изъ ихъ монографій напечатаны въ Bibliothèque des Écoles françaises d'Athènes et de Rome.

Говоря объ участіи французскихъ ученыхъ въ разработкѣ греческой исторіи, можно отмѣтить еще, что во Франціи въ 1867 г. возникло общество для поощренія изученія Греціи (Association pour l'encouragement des études grecques), которое издаетъ и свой органъ—Revue des études grecques.

Нѣмецкій Институтъ въ Аѳинахъ.

Въ 1874 г. и нѣмцы основали въ Аѳинахъ учрежденіе, подобное Французской школѣ, въ видѣ Отдѣленія Нѣмецкаго Археологическаго Института.

Институтъ этотъ впервые основанъ былъ въ 1829 г. въ Римѣ, по иниціативѣ Gerhard'a (см. стр. 314), въ цѣляхъ оживленія сношеній въ области археологіи и скорѣйшаго обнародованія вновь открываемыхъ памятниковъ [13]). Онъ являлся первоначально частнымъ обществомъ и носилъ международный характеръ: къ нему принадлежали и въ его работахъ принимали участіе лица различныхъ національностей — не только нѣмцы, но и итальянцы, и французы; изданія его (Bulletino, Annali, Monumenti inediti) выходили большею частью на итальянскомъ языкѣ и проч. Наи-

---

[1]) См. выше, стр. 389.

[2]) Cartault, La trière athénienne. 1881.

[3]) Collignon, Hist. de la sculpture grecque. 1892–7. 2 v.

[4]) Помимо извѣстныхъ раскопокъ, Homolle принадлежитъ напр. Reglements de la phratrie des Labyades. 1895 (Bull de corr. hell., XIX).

[5]) L'éducation athénienne au V et au IV s. 1889.

[6]) Haussoullier, La vie municipale en Attique. 1884.

[7]) См. выше, стр. 391, прим. 2.

[8]) Hauvette, Les stratèges athén. 1885; Hérodote, historien des guerres médiques. 1894 (см. выше, стр. 51).

[9]) См. выше, стр. 391, прим. 2, и Chroniques d'Orient, съ 1883 (отдѣльно—1891—6. 2 v.).

[10]) Monceaux, Les proxénies grecques. 1885; La Grèce avant Alexandre. 1892.

[11]) Ardaillon, Les mines de Laurion dans l'antiquité. 1897.

[12]) Напр. Dubois (Les ligues étolienne et achéene. 1885), Durrbach (L'orateur Lycurgue. 1890), Dugit (Étude sur l'aréopage athén. 1867), Clerc (Les metèques athèn. 1893), Martha (Les sacerdoces athéniens. 1882).

[13]) *Michaelis, Die Aufgaben und Ziele des kais. deutschen Archäolog.* Instituts (Preuss. Jahrb., 63 B., 1889); Larfeld, Gr. Epigr.[2], стр. 412 сл.

большую поддержку ему оказывало прусское правительство и Берлинская академія наукъ. Въ 1871 г. институтъ превратился въ прусское учрежденіе, а въ 1874 г.—въ имперское, подъ именемъ „Императорскаго Нѣмецкаго Археологическаго Института". Почти одновременно, въ томъ же 1874 г., по проэкту Э. Курціуса, въ Аѳинахъ основано было его отдѣленіе. Каждымъ изъ двухъ отдѣленій, Аѳинскимъ и Римскимъ, завѣдуютъ по два секретаря, а центральная дирекція находится въ Берлинѣ. На обязанности секретарей лежитъ редактированіе „Извѣстій" (Mittheilungen), чтеніе лекцій или объясненіе памятниковъ, руководство занятіями стипендіатовъ, которыхъ ежегодно командируется нѣсколько, устройство археологическихъ экскурсій, веденіе засѣданій и т. под. Въ числѣ секретарей Аѳинскаго Отдѣленія мы видимъ такихъ лицъ, какъ U. Köhler (до 1886 г.), которому такъ много обязана эпиграфика (см. стр. 365), и ученый архитекторъ Dörpfeld. Институтъ располагаетъ значительнымъ бюджетомъ; онъ имѣетъ свой органъ—Mittheilungen, изъ которыхъ одинъ отдѣлъ выходитъ въ Аѳинахъ [1]), а другой—въ Римѣ. Кромѣ того, въ Берлинѣ существуетъ центральный органъ—сначала Archäol. Zeitung, а потомъ—Antike Denkmäler и Jahrbuch (съ 1886 г.), съ приложеніемъ (Archäol. Anzeiger, съ 1889 г.). Ежегодные отчеты о дѣятельности Нѣмецкаго Археологическаго Института печатаются въ Sitzungsberichte d. Berl. Akad. d. Wissensch.

Нѣмецкій Археологическій Институтъ въ Аѳинахъ очень много способствовалъ дальнѣйшему изученію исторіи, археологіи и топографіи Греціи. Между прочимъ при содѣйствіи этого учрежденія и при участіи Курціуса предпринята была громадная работа—топографическая съемка Аттики нѣмецкими офицерами генеральнаго штаба. Результатомъ этихъ изслѣдованій явились совмѣстныя изданія Курціуса и Кауперта: „Атласъ Аѳинъ" (1878) и „Карты Аттики" (1881—94/5), съ объяснительнымъ текстомъ, въ которомъ описаніе Аѳинъ и ихъ окрестностей принадлежитъ самому Курціусу, а остальное—его ученику Milchhöfer'у, извѣстному знатоку топографіи Аттики.

Въ 1886 г. возникла Англійская школа въ Аѳинахъ (British School at Athens), по побужденію Jebb'a, на частные взносы, безъ субсидіи со стороны правительства, но все-таки вы-

[1]) Въ Mittheilungen есть статьи и русскихъ ученыхъ.

Англійская школа дающая стипендію (изъ фонда, основаннаго въ честь эпиграфиста Newton'a). Она принимала дѣятельное участіе въ раскопкахъ на о. Кипрѣ (доставшемся Англіи въ 1878 г.), гдѣ еще въ 70-хъ годахъ съ большимъ успѣхомъ производилъ разысканія сѣверо-американскій консулъ графъ Cesnola [1]), а затѣмъ нѣмецкій ученый Ohnefalsch-Richter [2]), издававшій даже спеціальный органъ The Journal of Cyprian Studies. При поддержкѣ этой школы, Британскаго музея, нѣкоторыхъ ученыхъ обществъ и университетовъ, образовался особый Cyprus Exploration Fund (1887), благодаря которому раскопки продолжались далѣе, а въ Никосіи основанъ музей кипрскихъ древностей.

и общества Въ такомъ же направленіи дѣйствуютъ ученыя англійскія общества — Society for the promotion of Hellenic Studies, издающее Journal of Hellenic Studies, и въ особенности Egypt Exploration Fund [3]). Послѣднимъ, подъ руководствомъ Flinders Petrie, Gardner'a и Griffith'a, предприняты были раскопки на мѣстѣ греческой колоніи Навкратисъ (1884—6) [4]), повед шіе къ богатымъ и неожиданнымъ результатамъ; открытъ городской округъ со святилищами и немало надписей, по древности не уступающихъ надписи въ Абу-Симбелѣ Большая часть найденныхъ древностей перевезена въ Англію и лишь незначительная часть поступила въ Булакскій музей [5]).

Изъ отдѣльныхъ лицъ слѣдуетъ назвать еще англійскаго архитектора Wood'a, многолѣтнія раскопки котораго въ Эфесѣ увѣнчались наконецъ открытіемъ въ 1874 г. знаменитаго храма Артемиды [6]), и уже извѣстнаго намъ эпиграфиста Newton'a, сдѣлавшаго интересныя открытія на мѣстѣ храма Аполлона Бранхидскаго (колоссальныя статуи) и въ Галикарнассѣ (мавзолей).

Американ. школа Въ 1881 г., на счетъ Американскаго Археологическаго Института, начаты раскопки въ Ассосѣ, а въ 1882 г. учреждена Американская школа въ Аѳинахъ (American School of

---

[1]) Cesnola, Cyprus, its ancient cities, tombs and temples. London. 1877 (нѣм. пер.—Iena. 1879).

[2]) См. выше, стр. 11, прим. 11.

[3]) О немъ между проч. — ст. Ermann'a въ Berl. Philol. Wochenschr., 1890, № 29/30.

[4]) См. выше, стр. 12, прим. 2.

[5]) Larfeld[2], стр. 425.

[6]) Wood, Discoveries at Ephesus, including the site and remains of the great temple of Diana. London. 1876.

Classical Studies); ея изданіе (Papers of the American School of Classical Studies of Athen) выходило въ Бостонѣ. Наиболѣе выдающійся эпиграфистъ этой школы—Sterrett [1]). Американская школа производила раскопки въ Аттикѣ, Сикіонѣ, Платеѣ и т. д.[2]).

Изслѣдованія въ М. Азіи

Въ Америкѣ образовалось особое общество для изслѣдованія Малой Азіи—Asia Minor Exploration Fund, поддержку которому оказали и англичане. По порученію этого общества англійскій археологъ Ramsay вмѣстѣ съ упомянутымъ выше американскимъ эпиграфистомъ Sterrett'омъ предпринялъ экспедицію въ Карію и во Фригію (1883). На слѣдующій годъ Ramsay вмѣстѣ съ англичаниномъ A. H. Smith'омъ снова посѣтилъ эти страны и Писидію. Изслѣдованія эти имѣли большое значеніе въ дѣлѣ изученія топографіи и археологіи Малой Азіи [3]). A Sterrett предпринялъ экспедицію въ Малую Азію сначала на свой счетъ (1884), а потомъ (1885)—на средства, данныя Miss Wolfe [4]).

Австрійская экспедиціи.

Малая Азія служила предметомъ изученія особенно со стороны австрійскихъ ученыхъ. До послѣдняго времени Австрія не имѣла учрежденія, подобнаго упомянутымъ выше школамъ или Нѣмецкому Институту; эпиграфическія же и археологическія изслѣдованія и сообщенія австрійскихъ ученыхъ печатались обыкновенно въ Archaologisch-epigraphische Mitteilungen aus Österreich-Ungarn, гдѣ встрѣчаемъ работы такихъ спеціалистовъ, какъ Benndorf, Domaszewski, Gomperz, Hirschfeld, Szanto, Swoboda. Зато обращаютъ на себя вниманіе австрійскія ученыя экспедиціи, напр. на о-въ Самоѳракію—въ 1873 и 1879 г.—(Conze, Hauser и Niemann), а въ особенности—на юго-западъ Малой Азіи—въ 1881—2 г.—(Benndorf и друг.) [5]), въ Памфилію и Писидію—въ серединѣ 80-хъ годовъ—(гр. Лянскоронскій съ Ниманомъ, Петерсеномъ, Лушаномъ и многими молодыми сотрудниками) [6]). Князь Лихтенштейнъ въ 1890 г. открылъ Вѣн-

---

[1]) Larfeld[2], стр. 427.

[2]) Отчеты—въ American Journal of Archaeology and of the history of the fine arts (въ Балтиморѣ).

[3]) Результаты сведены Ramsay въ Historical geography of Asia Minor. 1890

[4]) Результаты опубликованы въ Papers of the American School of Class. Stud. at Athens.

[5]) Reisen im Südwestlichen Kleinasien. 1884—9. 2 Bde; И. В. Помяловскій, Австрійскія ученыя экспедиціи въ Ликію (Ж. Мин. Нар. Пр., 1883, ноябрь).

[6]) Graf Lanckoronski, Stadte Pamphylens und Pisidiens. 1890—2. 2 B.

ской академіи наукъ кредитъ на нѣсколько лѣтъ для дальнѣйшихъ археологическихъ изслѣдованій Малой Азіи.

Что касается Италіи, то и она не имѣла въ Аѳинахъ особаго учрежденія, но, какъ мы уже знаемъ, итальянскій ученый Halbherr производилъ въ серединѣ 80-хъ годовъ раскопки на Критѣ, на мѣстѣ древней Гортины, и открылъ тамъ знаменитую надпись.

Я говорилъ до сихъ поръ объ основанныхъ въ Аѳинахъ иноземныхъ учрежденіяхъ, школахъ и институтахъ и объ экспедиціяхъ. Но и мѣстное Греческое Археологическое Общество въ свою очередь немало сдѣлало по части раскопокъ и открытій [1]) Основанное впервые еще въ 1837 г., потомъ на-время прекратившее-было свое существованіе, оно въ 1858 г. вновь возникло, но лишь съ конца 60-хъ и особенно съ 80-хъ годовъ обнаружило энергичную дѣятельность. Оно издаетъ рядъ публикацій—*Ἀθήναιον* (1872—82), *Ἐφημερὶς ἀρχαιολογική* (съ 1883 г.), *Πρακτικά* (съ 1872 г.), *Δελτίον ἀρχαιολογικόν* (съ 1888 г.); оно ведетъ удачныя раскопки въ Аѳинахъ, Элевсинѣ, Оропѣ, Эпидаврѣ, Танагрѣ, Микенахъ и т. д.

Греческое Археологич. Общество

Раскопки въ Аѳинахъ,

Первое мѣсто среди этихъ раскопокъ занимаютъ открытія на аѳинскомъ акрополѣ [2]). Раньше здѣсь, какъ мы видѣли (стр. 319), производили разысканія Россъ, Питтаки, Beulé; въ 1862 г. въ Аѳины снаряжена была прусская экспедиція при участіи Э. Курціуса; тогда же Böttticher велъ раскопки на акрополѣ. Дальнѣйшія, большею частью случайныя находки указывали на то, что здѣсь подъ мусоромъ и грудой развалинъ скрываются интересные памятники древности [3]). Въ 1876—7 г. Греческое Археологическое Общество очистило южный склонъ акрополя, а въ 1882 г. оно, подъ руководствомъ эфора Каввадія, предприняло систематическія раскопки, которыя и привели въ 1885—9 гг. къ замѣчательнымъ открытіямъ. Исходя изъ убѣжденія, что среди мусора, послужившаго для уравненія площади акрополя и заполнившаго всѣ неровности его поверхности во время строительной дѣятельности

---

[1]) Καββαδίας, Ἱστορία τῆς Ἀρχαιολογικῆς Ἑταιρίας... Ἀθήνησιν. 1900.

[2]) Отчеты—въ Ἐφημ. ἀρχαιολ.; Diehl, Excurs. arch.; Böttticher, Acropolis. Berl. 1888; Collignon, Les fouilles de l'Acropole d'Athènes (Rev. des Deux Mondes. 1890, 15 févr.); А. А. Павловскій, Скульптура въ Аттикѣ до Греко-Персид. войнъ. Спб. 1896 (изъ VIII т „Зап. Имп. Русск. Арх. Общ.“).

[3]) Между прочимъ найдена была статуя, извѣстная подъ названіемъ Мосхофора.

Периклова вѣка, должно находиться немало памятниковъ, погибшихъ при нашествіи персовъ, Греческое Археологическое Общество задалось цѣлью дойти до самой скалы [1]). Ожиданія оправдались: изъ этого насыпнаго слоя извлечена масса памятниковъ, наполняющихъ теперь нѣсколько залъ Акропольскаго музея (не говоря уже объ отдѣльныхъ экземплярахъ и фрагментахъ въ различныхъ другихъ музеяхъ) и несомнѣнно относящихся ко времени до Греко-Персидскихъ войнъ [2]). Среди нихъ особенно любопытны статуи; многія изъ нихъ раскрашены. Эти находки освѣтили многое въ исторіи греческаго искусства, особенно начальнаго періода. Археологическимъ Обществомъ, кромѣ того, открыты на акрополѣ остатки „Пеласгической стѣны“ и древняго дворца микенской эпохи.

Элевсинъ.

Въ Элевсинѣ [3]) еще въ 1815 г. начаты изыскапія однимъ англійскимъ обществомъ, образовавшимся въ Лондонѣ съ цѣлью изученія античныхъ памятниковъ. Къ 1860—1 г. относятся раскопки Ленормана; но систематическія раскопки начаты только въ 1882 г. Греческимъ Археологическимъ Обществомъ. Греческое правительство экспропріировало дома, построенные на мѣстѣ развалинъ, что̀, конечно, стоило немалыхъ суммъ, но зато дало возможность надлежащимъ образомъ изслѣдовать священный округъ. Раскопки (подъ руководствомъ Филіоса) производились дѣятельно и дали немаловажные результаты въ видѣ произведеній искусства и многочисленныхъ надписей; выясненъ и планъ, и расположеніе зданій.

Эпидаврѣ.

Въ Эпидаврѣ, гдѣ было святилище Асклепія, раскопки велись подъ наблюденіемъ Каввадія (1881—7) и привели къ открытію святилища и разнаго рода памятниковъ [4]).

Микенахъ.

Изслѣдованія и раскопки Греческаго Археологическаго Общества въ Микенахъ въ. 1887—8 г., уже послѣ Шлимана, пролили новый свѣтъ на отношеніе микенской культуры къ чисто эллинской. Такъ, въ нижнемъ городѣ, т. е. у подножія акрополя,

[1]) А. А. Павловскій, стр. 2.

[2]) А. А. Павловскій, ibid.

[3]) Д. Н. Кольковъ, Нов. раск. въ Элевсинѣ (Ж. М. Н. Пр, 1884, апр.).

[4]) Καββαδίας, Τὸ ἱερὸν τοῦ Ἀσκληπιοῦ ἐν Ἐπιδαύρῳ καὶ ἡ θεραπεία τῶν ἀσθενῶν. Ἀθήνησι. 1900 (результаты раскопокъ 1881—98 г.); Defrasse et Lechat, Epidaure. Restauration et description des principaux monuments de sanctuaire d'Asclép. P. 1895, Caton, Two lectures on the temples and ritual of Asklep. at Epid. and Athens. London. 1899; на рус. яз. ср С. А. Жебелевъ, Религ. врачев. въ древн. Греціи. Спб. 1893 (изъ VI т. „Зап. Имп. Р. Арх. Общ.“).

открыто нѣсколько десятковъ небольшихъ могилъ, изъ коихъ одна куполообразная въ родѣ „сокровищницы царя Атрея“, а остальныя высѣчены въ скалѣ; при этомъ найдены бритвы, круглыя металлическія зеркала въ оправѣ изъ золотой кости, фрагментъ стекляной вазы, нѣсколько желѣзныхъ колецъ и бронзовыхъ фибулъ,—важныя находки, ибо до тѣхъ поръ именно въ отсутствіи желѣза и фибулъ видѣли одну изъ характерныхъ особенностей микенской культуры и одно изъ главныхъ ея отличій отъ культуры гомерической. Въ Микенахъ открыты также развалины дворца, подобнаго тиринѳскому.

Танагрскія фигуры.

Иного рода были находки въ Танагрѣ (въ Беотіи), относящіяся преимущественно къ 70-мъ годамъ истекшаго вѣка [1]).

Здѣсь давно уже мѣстные жители, при обработкѣ земли, наталкивались на древнія могилы, содержавшія множество статуэтокъ. Около 1870 г. начались болѣе дѣятельныя разысканія: нѣкій Георгій Анифантисъ, родомъ изъ Корфу, болѣе извѣстный подъ именемъ „стараго Георгія“, принялся за тайныя раскопки некрополя въ Θеспіяхъ, а потомъ перенесъ свою дѣятельность въ Танагру, гдѣ его ожидали еще болѣе обильныя находки, которыя онъ выгодно сбывалъ. Такъ мало-по-малу развился здѣсь цѣлый промыселъ, и танагрскія могилы подверглись массовому расхищенію, большая же часть находокъ перешла заграницу. Наконецъ греческое правительство и Археологическое Общество приняло мѣры. Въ 1873 г. посланъ былъ агентъ Общества даже съ военнымъ отрядомъ, чтобы остановить тайныя раскопки. Въ 1873—6 г. Общество предприняло раскопки, причемъ разрыто было нѣсколько тысячъ могилъ. Съ 1888 г. раскопки возобновились. Находимы были преимущественно мелкіе предметы, статуэтки. Но самая богатая коллекція ихъ собрана въ Луврѣ; затѣмъ немалое количество ихъ имѣется въ Британскомъ музеѣ и въ собраніи Сабурова (одно время бывшаго русскимъ посланникомъ въ Аѳинахъ), пріобрѣтенномъ Берлинскимъ музеемъ.

Танагрскія фигуры открываютъ намъ новую сферу или сторону греческаго искусства; онѣ вводятъ насъ въ повседневную жизнь грековъ, знакомятъ насъ съ ихъ занятіями, забавами, костюмами. Онѣ изображаютъ намъ то женщинъ, занятыхъ своимъ

[1]) Diehl, Excurs. archéol.; К. К. Герцъ, Греч. статуэтки изъ Танагры (Рус. Вѣстн., 1878, № 5); Н. П. Кондаковъ, Греч. терракот. статуэтки въ ихъ отношеніи къ искусству, религіи и быту (Зап. Одес. Общ. Ист. и Древн., XI, 1879).

туалетомъ или своимъ хозяйствомъ, печеніемъ хлѣба и т. под.; то цирульника, стригущаго своего кліента; то повара, готовящаго обѣдъ; то торговца, выкрикивающаго свой товаръ; то дѣтей, играющихъ или пищущихъ и т. д.

Открытіе Додоны

Открытіемъ развалинъ Додоны [1]), гдѣ былъ древнѣйшій оракулъ, очень почитаемый греками, наука обязана не какому-либо обществу, а отдѣльному лицу—греку Карапану. До его раскопокъ въ точности не было извѣстно даже мѣстоположеніе Додоны; слѣды нѣкогда знаменитаго оракула, казалось, исчезли навсегда, и еще Байронъ, посѣтившій эту мѣстность, говорилъ въ Чайльдъ-Гарольдѣ:

„Додона! гдѣ жъ твоя дубрава?
Ручей пророческій былъ тамъ.
Гдѣ твой оракулъ вѣщій, слава?
Гдѣ громовержца вѣчный храмъ?
Ихъ нѣтъ кругомъ...“ [2]).

Карапанъ въ 1876 г. опредѣлилъ мѣстоположеніе Додоны, открылъ ея развалины и остатки святилища, нашелъ много мелкихъ предметовъ, служившихъ обѣтными приношеніями,—бронзовыхъ треножниковъ, вазъ, а также свинцовыя таблички, на которыхъ писались обращенные къ оракулу вопросы, самые разнообразные и, такъ сказать, — житейскіе, даже напр относительно пропавшихъ вещей.

Намъ остается сказать здѣсь еще объ участіи русскихъ ученыхъ въ археологическихъ разысканіяхъ.

Открытія древностей въ южной Россіи

Россія не имѣла и не имѣетъ какой-либо школы или института въ Аѳинахъ (Русскій Археологическій Институтъ существуетъ въ Константинополѣ, да и то недавно); но, какъ мы уже видѣли (стр. 367), съ 1880 г. министерствомъ народнаго просвѣщенія командировано было въ Грецію нѣсколько молодыхъ ученыхъ, которымъ, за неимѣніемъ русскаго учрежденія, приходилось такъ или иначе пользоваться содѣйствіемъ Французской школы или Нѣмецкаго института, и ихъ работы нерѣдко помѣщались въ Bulletin de corresp. helléniqne и въ Mittheilungen. На долю Россіи выпало главнымъ образомъ изученіе тѣхъ древностей, которыя находятся въ нынѣшнихъ ея предѣлахъ, на югѣ, на мѣстѣ греческихъ колоній.

---

[1]) Karapanos, Dodone et ses ruines. P. 1878; Pomtow, Die Orakelinschriften von Dodon (N. Jahrb., 1883).

[2]) II пѣснь, 53 строфа (перев. Минаева); Diehl, Excurs arhéol., стр. 69.

Изслѣдованіе края въ археологическомъ отношеніи началось вскорѣ послѣ покоренія его Россіей [1]), причемъ въ этомъ изслѣдованіи принимали участіе не только русскіе, но и иностранцы. Въ 20-хъ годахъ истекшаго вѣка появились работы Бларамберга [2]), Рауля Рошетта [3]), Кеппена [4]). Но основаніе классической археологіи южной Россіи положилъ петербургскій академикъ Келеръ [5]) Появились затѣмъ историко-археологическіе обзоры—Спасскаго (Боспоръ Киммерійскій. М. 1846), Ашика (Воспорское царство. Од. 1848—9), В. В. Григорьева (Цари Боспора Киммерійскаго. Спб. 1851); но особенно важны были „Изслѣдованія о древностяхъ южной Россіи“ (1851—3, и на франц. яз.) незабвеннаго въ лѣтописяхъ русской археологической науки гр. А. С. Уварова; слѣдуетъ упомянуть также о работахъ Ф. К. Бруна [6]). Новѣйшій общій обзоръ классическихъ древностей южной Россіи можно найти въ I выпускѣ извѣстнаго изданія гр. И. И. Толстого и акад. Н. П. Кондакова („Русскія древности въ памятникахъ искусства“). Нумизматическій матеріалъ изслѣдованъ Кене (Köhne) [7]), П. О. Бурачковымъ [8]), А. В. Орѣшниковымъ [9]). О сборникахъ надписей И. В. Помяловскаго и В. В. Латышева и объ эпиграфическихъ изслѣдованіяхъ послѣдняго я уже говорилъ раньше (стр. 367—8).

По изслѣдованію древностей и исторіи сѣвернаго побережья Чернаго моря много сдѣлано Одесскимъ Обществомъ Исторіи и Древностей (см. его „Записки“, съ 1844 г.), Импер. Русскимъ Археологическимъ Обществомъ (его — „Запис-

---

[1]) Гр. И. И. Толстой и Н. П. Кондаковъ, Русск. древности въ памятникахъ искусства. Вып. I. Классич древн. южн. Россіи. Спб. (1-е изд.— 1889), стр. 103 сл.

[2]) Между ними напр.—Choix de medailles antiques d'Olbiopolis ou d'Olbia. 1828 (есть рус. пер.) и друг.

[3]) Raoul Rochette, Antiquités Grecques du Bosphore Cimmerien. P. 1823.

[4]) Koppen, Alterthumer am Nordgestade des Pontus. Wien. 1823 (есть на русск. яз.).

[5]) Köhler, Gesammelte Schriften. Спб. 1850—1 (см. И. И. Толстой и Н. П. Кондаковъ, Рус. древн., I. с.) Этого Келера, конечно, не нужно смѣшивать съ извѣстнымъ эпиграфистомъ Ulr. Köhler'омъ.

[6]) Черноморье. Сборникъ изслѣдов. 1852—77. Од. 1879—80.

[7]) Описаніе музея кн. Кочубея и изслѣдованіе объ исторіи и нумизматикѣ греческихъ поселеній въ Россіи. Спб. 1857. 2 т.

[8]) Общій каталогъ монетъ, принадлеж. эллинск. колоніямъ. Од. 1884.

[9]) Монеты музея гр. А. С. Уварова. М. 1888.

ки", „Мемуары" [на франц. яз.] и „Извѣстія", съ 1846 г.) и Импер. Археологическою Коммиссіею, основанною въ 1859 г. съ цѣлью разысканія и охраненія предметовъ древности; въ ея „Отчетахъ" и „Извѣстіяхъ" сообщается о новыхъ находкахъ; въ нихъ помѣщены дневники и журналы раскопокъ (напр. за 1851—81), съ приложеніемъ объясненія памятниковъ, составленнаго акад. Л. А. Стефани, монографій и изслѣдованій.

Находимые въ южной Россіи классическіе памятники важны не только съ точки зрѣнія русской исторіи; они имѣютъ немалое значеніе и для исторіи греческой. Нѣкоторыя изъ эллинскихъ колоній на югѣ Россіи были крупными культурными и торговыми пунктами; нѣкогда здѣсь процвѣтало Боспорское царство. Съ этими колоніями Эллада поддерживала тѣсныя торговыя сношенія. Изъ Припонтійскихъ странъ получались хлѣбъ (особенно пшеница), соленая рыба, ленъ, пенька, смола, строевой лѣсъ, шкуры, воскъ, медъ, даже рабы, а туда отправлялись глиняная посуда, масло, предметы роскоши, разныя бездѣлушки и т. д.[1]). Интересно также прослѣдить греческое вліяніе на сосѣднихъ скиѳовъ и вообще варваровъ. На все это археологическія данныя проливаютъ свѣтъ..

Изъ раскопокъ обращаютъ на себя вниманіе прежде всего керченскія, на мѣстѣ древней Пантикопеи, столицы Боспора. Первыя разысканія тутъ были сдѣланы французомъ Дюбрюксомъ [2]) еще въ началѣ XIX стол. Въ 1826 г. учрежденъ музей мѣстныхъ древностей [3]). Въ 1831 г. при ломкѣ камня для построекъ открыта знаменитая гробница въ курганѣ Куль-Объ, и съ слѣдующаго года начаты болѣе или менѣе постоянныя раскопки. Императорская Археологическая Коммиссія много содѣйствовала разысканію древностей. Митридатова гора и керченскій некрополь подверглись систематическому изслѣдованію; открыты катакомбы и множество предметовъ, такъ-что коллекція древностей Босфора Киммерійскаго въ Эрмитажѣ, по одному только разряду золотыхъ вещей, къ концу 80-хъ годовъ возросла до 10000 предметовъ [4]).

[1]) Ѳ. Г. Мищенко, Торговыя сношенія Аѳинской республики съ Босфоромъ. Кіевъ. 1877.

[2]) В. В. Латышевъ, Неизданн. рукопись Дюбрюкса (Зап. Од. Общ. Ист. и Древн., т. XV); гр. И. И. Толстой и Н. П. Кондаковъ, Рус древн., l. c.

[3]) Большая часть керченскихъ древностей находится однако въ Эрмитажѣ. Каталогъ ихъ составленъ акад. Стефани („Древн. Босфора Киммер., хранящ. въ Имп. музеѣ Эрмитажа". Спб. 1871. 2 т.).

[4]) Гр. И. И. Толстой и Н. П. Кондаковъ, Рус. древн., l. c.

Среди древнихъ греческихъ колоній по сѣверному побережью Чернаго моря видное мѣсто занимала также Ольвія. Ея надписи принадлежатъ къ числу наиболѣе интересныхъ среди эпиграфическаго матеріала, собраннаго въ предѣлахъ южной Россіи. Объ изслѣдованіи В. В. Латышева, посвященномъ исторіи и государственному устройству Ольвіи, я уже упоминалъ. Производились и нѣкоторыя разысканія на мѣстѣ древней Ольвіи; дѣлались иногда любопытныя находки; но правильныя, систематическія раскопки до сихъ поръ здѣсь не велись, а тѣмъ временемъ предметы древности нерѣдко расхищаются.

Съ 1888 г. начались систематическія раскопки К. К. Косцюшко-Валюжинича въ Херсонесѣ [1]), по порученію Импер. Археологической Коммиссіи, — раскопки, сопровождавшіяся, какъ извѣстно, большимъ успѣхомъ; между прочимъ въ числѣ надписей найдена любопытная „присяга херсонесцевъ“ [2]).

Раскопки велись и на Таманьскомъ полуостровѣ (проф. К. К. Герцемъ [3]), И. Е. Забѣлинымъ, барономъ В. Г. Тизенгаузеномъ). Въ 1875 г. приступлено было къ болѣе или менѣе систематическимъ разысканіямъ по р. Кубани и т. д.

Обработка греческой исторіи въ 70—80-хъ годахъ [4]).

Само собою понятно, что развитіе эпиграфики и великія открытія 70-хъ и 80-хъ годовъ должны были сильно повліять на обработку греческой исторіи. Пришлось многіе вопросы пересмотрѣть вновь, многое измѣнить въ установленныхъ мнѣніяхъ, цѣ-

---

[1]) См. его отчеты въ „Изв. Имп. Археол. Коммиссіи“ и въ „Крымскомъ Вѣстн.“ за соотвѣтствующіе годы; В К. Мальмбергъ, Описаніе клас. древн., найден. въ Херсонесѣ въ 1888 и 1889 г. (Матеріалы по археол. Россіи. 1892); А. Л. Бертье-Делагардъ, Раскопки Херсонеса (ibid. № 12, 1893). Изъ болѣе раннихъ—Кене, Изслѣдов. объ исторіи и древностяхъ Херсон. Таврич. Спб. 1848; дополненія—1850; В. В. Латышевъ, Археол. изслѣд. въ Херсон. 1879—80 (Ж. М. Н. Пр., 1882, февр.); Х. П. Ящуржинскій, Очеркъ археол. развѣдокъ и изслѣдов. въ обл. Херсон. Таврич. (Изв Таврич. Уч. Архивн. Коммис., 1888, № 5); Отчеты Одес. Общ. Ист. и Древн. (1880—6).

[2]) О ней ст. В. В. Латышева на русск. и нѣмец. яз.

[3]) Археол топографія Таманьскаго полуострова. М. 1870 (Кстати замѣтимъ, что въ настоящее время издается собраніе соч. К. К. Герца).

[4]) См. ст. А. Н. Шварца, Новѣйшія изслѣдованія въ области древнегреческой исторіи („Крит. Обозр.“, 1880, № 6—7); мою ст. „Научн. литерат. по греч. исторіи...“ въ „Филол. Обозр.“ IV, 1893.

лые отдѣлы передѣлать... Въ особенности это нужно сказать относительно древнѣйшаго періода греческой исторіи, нѣкоторыхъ отдѣловъ государственныхъ и правовыхъ древностей, археологіи и топографіи. Въ послѣдней области выдаются напр. монографія Курта Ваксмута (автора „Введенія въ изученіе древней исторіи“, на которое мнѣ приходилось такъ часто ссылаться при обзорѣ источниковъ)—Die Stadt Athen im Alterthum (I-й т.—въ 1874; II-й—1890), имѣющая значеніе и для общей исторіи Аѳинъ, и труды Lolling'a, отличнаго эпиграфиста, списавшаго массу надписей, и знатока страны написавшаго для коллекціи Iw. Muller'a очеркъ „Географіи и топографіи Эллады и эллинскихъ колоній“ (1889) и въ частности—„Топографію Аѳинъ“, а для Бедекера—„Путеводитель по Греціи“. *Труды по топографіи.*

Что касается господствовавшихъ въ ту пору направленій и воззрѣній, то 70-е годы и первая половина 80-хъ есть время крайностей критики, реакціи противъ взгляда Грота и его послѣдователей, противъ преклоненія предъ Аѳинами и ихъ демократіей, время—иногда ожесточенныхъ—нападокъ на нее, развѣнчанія ея дѣятелей, ниспроверженія того, что̀ казалось общепризнаннымъ и непоколебимо установленнымъ, отрицанія фактовъ, казалось, несомнѣнныхъ. По крайней мѣрѣ, это можно сказать о нѣмецкой исторической и филологической литературѣ. Мюллеръ-Штрюбингъ [1]), какъ мы видѣли (стр. 103 сл.), въ цѣломъ рядѣ работъ выступилъ съ нападками на Ѳукидида и подвергъ его безпощадной, но большею частью несправедливой, критикѣ. Нѣсколько ученыхъ—Pflugk-Harttung [2]), Максъ Дункеръ [3]) и отчасти Белохъ [4])—почти одновременно, но независимо одинъ отъ другаго, пытались развѣнчать Перикла, какъ государственнаго дѣятеля и полководца [5]). *Крайній критицизмъ.*

---

[1]) Тотъ самый Мюллеръ-Штрюбингъ, съ которымъ былъ друженъ И. С. Тургеневъ и о которомъ онъ упоминаетъ напр. въ письмѣ къ Віардо (1848 г.): „Я вижу отсюда, какъ къ вамъ входитъ милый Германъ Мюллеръ-Штрюбингъ съ сиреневой вѣткой въ рукахъ“.

[2]) Perikles als Feldherr. Stuttg. 1884.

[3]) Gesch. d. Arterth., Neue Folge, I –II B. Leipz. 1884—6.

[4]) Die attische Politik seit Perikles. Leipz. 1884.

[5]) Критику этихъ попытокъ можно найти въ моей книгѣ: „Периклъ“. Харьк. 1889. Ср. Delbrück, Die Strategie d. Perikles, erläutert durch Strategie Friedr. d. Gross. (Preuss. Jahrb., 64 B., 1889).

Такимъ образомъ къ этому направленію примыкаетъ и Максъ Дункеръ въ послѣднихъ двухъ томахъ своей „Geschichte des Alterthums“, составляющихъ „Новую серію“ (Neue Folge).

Послѣдніе томы „Исторіи“ Макса Дункера

Максъ Дункеръ, какъ было сказано (стр. 345—6), не былъ мирнымъ кабинетнымъ ученымъ, занятымъ исключительно наукой: онъ былъ публицистомъ и политическимъ дѣятелемъ, принимавшимъ самое живое участіе въ томъ движеніи, которое предшествовало объединенію Германіи подъ главенствомъ Пруссіи, ревностнымъ нѣмецкимъ патріотомъ и сторонникомъ германскаго единства, либераломъ, но врагомъ радикализма и демократіи. Съ пыломъ политика относился онъ и къ явленіямъ прошлаго, къ событіямъ и дѣятелямъ греческой исторіи [1]). Нерѣдко онъ судитъ о нихъ съ точки зрѣнія XIX столѣтія. При изложеніи исторіи Греціи онъ часто имѣетъ въ виду современное ему положеніе дѣлъ, тѣ политическіе вопросы и интересы, которые его занимали или волновали. Онъ самъ признавался, что при характеристикѣ Ѳемистокла, этого „основателя аттическаго могущества, прозорливѣйшаго и энергичнѣйшаго изъ всѣхъ эллиновъ“, предъ нимъ невольно носился образъ германскаго канцлера—Бисмарка, сторонникомъ котораго онъ былъ. Понятно поэтому, что мы не можемъ ожидать отъ Дункера строгой объективности.

Все это особенно бросается въ глаза въ изложеніи и оцѣнкѣ аѳинской исторіи временъ Кимона, Эфіальта и Перикла. Здѣсь Дункеръ обнаруживаетъ себя большимъ поклонникомъ побѣдъ и завоеваній, внѣшняго могущества государства, какою бы дорогою цѣною это могущество ни пріобрѣталось. У него замѣтно какъ-бы преклоненіе предъ силою, какъ-бы ея культъ, и въ этомъ, быть можетъ, слѣдуетъ видѣть вліяніе нѣмецкихъ побѣдъ и политики „крови и желѣза“, отраженіе того настроенія, которое овладѣло нѣмецкими патріотами особенно послѣ 1870 г. Этотъ культъ силы мы наблюдаемъ неразъ въ новѣйшей нѣмецкой ученой и философской литературѣ. Вспомнимъ, какъ великій Моммзенъ еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ призывалъ нѣмцевъ быть жестокими по отношенію къ чехамъ, ибо „чешская башка разумныхъ доводовъ не принимаетъ, но для ударовъ и она доступна“ [2]); не говоря

[1]) Въ характеристикѣ и оцѣнкѣ труда Дункера мы совершенно расходимся съ Mahaffy, который въ своихъ „Problems in greek history“. London. 1892, на стр. 28—29, наоборотъ, говоритъ, что Дункеръ—не политикъ, что книга его страдаетъ недостатками стиля и что въ ней нѣтъ новыхъ взглядовъ.

[2]) Письмо къ австрійскимъ нѣмцамъ, въ Neue Freie Presse, 31 окт. 1897 г.

уже о томъ, что еще въ своей „Римской исторіи“ онъ всегда на сторонѣ побѣдителя. Нѣмецкіе юристы провозглашаютъ, что сила рождаетъ право, что послѣднее есть та-же сила, но лишь дисциплинированная, словомъ — что „право есть политика силы“ (Іерингъ). Въ философіи Ницше мы видимъ тоже преклоненіе предъ силой: философія эта презираетъ слабаго и превозноситъ силу и сильнаго; ея лозунгъ: „смерть слабому!“ Она выставляетъ законъ, что природа хочетъ права сильнаго; сильная воля по праву порабощаетъ слабую въ борьбѣ за существованіе.. [1]) Для Дункера блестящая эпоха въ исторіи Аѳинъ, апогей ихъ внѣшняго могущества и славы, періодъ здоровой государственной жизни, — время вліянія Кимона, „бывшаго великимъ полководцемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ государственнымъ человѣкомъ“, всецѣло проникнутаго панэллинскими стремленіями, сторонника союза со Спартой и войны съ Персіей. О Кимонѣ онъ, между прочимъ, говоритъ, что онъ умѣлъ обращаться съ союзниками, никогда не подвергалъ ихъ тиранніи Аѳинъ, никогда не попиралъ союзнаго устройства. Времени Кимона Дункеръ противополагаетъ время Перикла, забывая, что превращеніе союзниковъ изъ равноправныхъ членовъ союза въ аѳинскихъ подданныхъ, ихъ недовольство и первыя возстанія относятся именно ко времени Кимона. Яркими красками описываетъ Дункеръ также успѣхи и могущество Аѳинъ въ началѣ 50-хъ годовъ V вѣка, въ началѣ „Первой Пелопоннесской войны“, когда аѳиняне одновременно вели борьбу въ разныхъ пунктахъ, на морѣ и на сушѣ, въ Европѣ и Африкѣ, и одерживали верхъ По его словамъ, никогда еще аѳиняне не вели такой „величественной политики“. Главную заслугу здѣсь Дункеръ приписываетъ Эфіальту, котораго онъ, какъ государственнаго дѣятеля, готовъ поставить не ниже Ѳемистокла и котораго онъ прямо называетъ руководителемъ аѳинянъ во всѣхъ ихъ тогдашнихъ предпріятіяхъ. „Эфіальтъ“, говоритъ онъ, напр., по поводу экспедиціи на помощь Инару, „рѣшилъ пойти далѣе Евримедонта и Памфилійскаго залива“; „Эфіальтъ понималъ значеніе такого шага“, какъ принятіе подъ покровительство Аѳинъ Мегары, тѣснимой Коринѳомъ; по поводу того, что аѳинскія войска не были отозваны отъ Эгины послѣ неудачной Танагрской битвы Дункеръ восклицаетъ: „и эта заслуга принадлежитъ Эфіальту!“ А между тѣмъ все это лишь однѣ его догадки, ни на

[1]) Файгингеръ, Нитцше, какъ философъ. М. 1902 (пер. съ нѣм.).

чемъ не основанныя: источники тутъ совсѣмъ не упоминаютъ даже имени Эфіальта, и Эфіальта не было тогда уже въ живыхъ (теперь, послѣ того, какъ намъ сдѣлалось извѣстно свидѣтельсто Аристотелевой „Аѳин. Политіи“ о годѣ Эфіальтовой реформы [462/1], на этотъ счетъ не можетъ быть никакихъ сомнѣній). Мы привели эти примѣры, между прочимъ, и потому, что они характеризуютъ не только взгляды, но и пріемы Дункера, его способъ обращенія съ источниками: ни на чемъ не основанныя гипотезы и совершенно произвольныя комбинаціи у него смѣшиваются съ положительными данными, съ прямымъ свидѣтельствомъ памятниковъ [1]).

Совсѣмъ иначе относится Дункеръ къ Периклу. У него мы находимъ строгую и безпощадную критику дѣйствій Перикла, какъ полководца и государственнаго человѣка: онъ открываетъ въ нихъ цѣлый рядъ ошибокъ. По его мнѣнію, слѣдовало дѣйствовать совсѣмъ иначе, нежели дѣйствовалъ Периклъ. Внѣшнюю политику послѣдняго онъ признаетъ неудачной, то не въ мѣру уступчивой, то „безумно смѣлой“ и вызывающей. Виновниками, напр., Пелопоннесской войны у Дункера оказываются аѳиняне, а ихъ вовлекъ въ эту пагубную войну не кто иной, какъ Периклъ: онъ сдѣлалъ ее неминуемою. Какъ полководецъ, Периклъ въ характеристикѣ Дункера является въ сущности бездарностью и дѣлаетъ одну ошибку за другой, причемъ особенно рѣзкой критикѣ подвергается его планъ Пелопоннесской войны; онъ оказывается виною и послѣдующихъ неудачъ аѳинянъ. Перикловы реформы признаются вредными; по отзыву Дункера, это — цѣлая система подкуповъ, еще невиданная дотолѣ въ Греціи, причемъ, вопреки прочно установленному уже въ концѣ 70-хъ годовъ мнѣнію (окончательно подтвержденному теперь свидѣтельствомъ Аристотеля въ „Аѳинск. Политіи“), Периклу попрежнему приписывается и введеніе платы за посѣщеніе народнаго собранія. И хотя общій отзывъ Дункера о Периклѣ въ концѣ концовъ болѣе благопріятенъ, чѣмъ можно ожидать, судя по предшествовавшимъ его замѣчаніямъ, тѣмъ не менѣе съ точки зрѣнія Дункера время Перикла — начало упадка Аѳинъ, и виновникомъ такого упадка является именно Периклъ.

Немало у Дункера и другихъ оригинальныхъ взглядовъ, на которыхъ мы однако не будемъ останавливаться.

---

[1]) Поразительнымъ примѣромъ произвольной комбинаціи можетъ служить также то, что Дункеръ связываетъ Понтійскую экспедицію Перикла съ присылкой изъ Египта хлѣба въ даръ аѳинянамъ и съ вопросомъ о наступательной войнѣ противъ Персіи (II, 95 сл.).

Со многими пріемами Дункера въ послѣднихъ двухъ томахъ никоимъ образомъ нельзя согласиться. Мы встрѣчаемъ у него здѣсь много гипотетическаго, много комбинацій, слишкомъ шаткихъ и слишкомъ смѣлыхъ, чтобы не сказать фантастическихъ. Обращеніе съ источниками у Дункера тоже произвольное: иногда голословно отвергается ихъ показаніе, иногда извращается смыслъ ихъ словъ или дѣлаются натяжки, не всегда обращается вниманіе на разницу въ достовѣрности извѣстій и т. под. Въ оцѣнкѣ историческихъ дѣятелей подчасъ видна какъ-бы предвзятая мысль—одного во что бы то ни стало восхвалить, въ дѣйствіяхъ другого—во что бы то ни стало найти побольше ошибокъ. У Дункера, напр., двѣ разныя мѣрки: одна по отношенію къ Кимону и Эфіальту, другая—по отношенію къ Периклу. У него замѣтно стремленіе объяснять историческіе факты не общими причинами, а ошибками или доблестями отдѣльнаго лица, которому и ставится въ вину или похвалу то, что въ сущности являлось естественнымъ слѣдствіемъ предшествующаго историческаго процесса, что создалось самою силою вещей; другими словами, роль личности не въ мѣру преувеличивается, и т. д.

Юлиусъ Шварцъ

Но самымъ крайнимъ выразителемъ критическаго, враждебнаго отношенія къ Аѳинамъ и ихъ дѣятелямъ явился недавно скончавшійся мадьярскій ученый Iulius Schvarcz въ своемъ сочиненіи о демократіи [1]). Книга эта во всякомъ случаѣ явленіе характерное и знаменательное, и въ виду ея оригинальности и того вниманія, которое она возбудила [2]), ее нельзя обойти молчаніемъ.

Авторъ задумалъ свой трудъ по чрезвычайно широкому плану: онъ предполагалъ разсмотрѣть какъ древнія, такъ и новыя демократіи, и рѣшить важныя проблемы, касающіяся государствен-

[1]) Die Demokratie. I т., посвященный аѳинской демократіи,—1877—82 (2-te Titelauflage—1884; 2-е изд.—1901). Въ предисловіи къ 1-му выпуску II тома, трактующаго о демократіи Рима, описываются, по фрагментарнымъ, конечно, даннымъ, остальныя демократіи какъ Эллады, такъ и колоній (Leipz 1891).—Шварцу принадлежитъ еще курсъ греческой исторіи (на венгерск. яз. 1900), вышедшій всего за нѣсколько недѣль до его смерти.

[2]) Доказательствомъ служатъ многочисленные, иногда даже сочувственные отзывы,—въ „Berl Philol. Wochenschrift“, 1883, № 52; „Revue histor.“, 1885, mai—juin (рец. Holm'a); „Revue de l'instruction belgique“, t. XXVIII, 2 livr., 1885; „The Academy“, 1883. 20 oct.; „De Tijdspiegel“, 1886, № 2 (обширн. статья Was'a) и т. д. На рус. яз. см. Аландскаго, „Строгій судъ надъ аѳин. демокр.“ (Кіевск. Унив. Изв., 1883, № 5), ст. А. И. Покровскаго въ „Истор. Обозр.“, т. I, стр. 192—3 По поводу 2-го изданія книги Schvarcz'a—рец. Cauer'a въ Berl. Phil. Wochenschr, 1901, № 46.

наго устройства и международныхъ отношеній. По его собственному признанію, его исторія аѳинской демократіи составляетъ плодъ 15-лѣтней работы и размышленій. Шварцъ обращается не столько къ филологамъ, сколько къ государствовѣдамъ. Онъ ставитъ вопросъ: насколько аѳинская демократія содѣйствовала или препятствовала духовному, нравственному или матеріальному развитію человѣчества или, по его выраженію, „человѣческаго капитала“, и доказываетъ, что преклоненіе предъ Аѳинами—„предразсудокъ“. Вся книга (I т.) представляетъ не что иное, какъ нескончаемый рядъ безпощадныхъ и страстныхъ нападокъ на аѳинскую демократію. Чуть не на каждой страницѣ встрѣчаемъ мы ѣдкія замѣчанія и злобныя насмѣшки [1]).

---

[1]) Приведу нѣсколько примѣровъ, чтобы ближе познакомить со взглядомъ Шварца и съ самою его манерою.

Солонъ, по словамъ Шварца, былъ изнѣженный сластолюбецъ и кутила, съ самой юности преданный педерастіи. Нечего приписывать аѳинской демократіи спасеніе эллинства и европейской образованности отъ опасности, угрожавшей будто-бы со стороны персовъ: вовсе не Аѳины были тогда средоточіемъ и фокусомъ духовной жизни Греціи и не персы—опаснымъ врагомъ цивилизаціи; такимъ врагомъ является элементъ семитическій въ лицѣ кароагенянъ, да и въ культурномъ отношеніи Сицилія стояла тогда выше Аѳинъ, а, слѣдовательно, заслуга спасенія эллинской цивилизаціи принадлежитъ побѣдителю при Гимерѣ—сиракузскому тирану Гелону. Во введеніи суда присяжныхъ Шварцъ склоненъ видѣть подражаніе египетскимъ учрежденіямъ. Въ отличіе отъ другихъ порицателей аѳинской демократіи онъ не обвиняетъ Перикла въ томъ, что тотъ положилъ начало нравственной порчѣ и паденію демоса, не обвиняетъ по той простой причинѣ, что, съ его точки зрѣнія, и портить было нечего: порча уже существовала и раньше, не лучше было и въ прославленную эпоху Аристида и Кимона; только фантазеры, laudatores temporis acti, могутъ видѣть въ той эпохѣ періодъ процвѣтанія, на самомъ же дѣлѣ тогдашняя жизнь представляетъ не что другое, какъ безсовѣстныя клеветы, убійства, хищенія, обманъ, противоестественные пороки, алчность, грабежи и подкупъ, никакого идеальнаго полета тутъ не было (см. 4-ю гл. „Die Demokratie des Aristeides“) Что касается Перикла, то онъ по отношенію къ демосу вовсе не игралъ той роли, какую приписывалъ ему Ѳукидидъ: Периклъ былъ величайшій льстецъ и подкупатель, ein Schmeichler und ein Bestecher im grossartigsten Maasstabe. Онъ противъ убѣжденія и ради популярности дѣлалъ уступки „тупому, рабскому смыслу суевѣрной, нетерпимой и необразованной массы“. Разбору знаменитой рѣчи Перикла при погребеніи павшихъ въ бою воиновъ Шварцъ посвящаетъ ровно 100 страницъ (164—264). Съ сарказмомъ и ироніей доказываетъ онъ, что тутъ въ характеристикѣ аѳинской демократіи однѣ лишь фразы и ложь, что тогдашняя дѣйствительность далеко не соотвѣтствовала описанію Перикла, что Перикловъ вѣкъ вовсе не былъ періодомъ процвѣтанія и благоденствія Своей славой Аѳины того времени обязаны единственно памятникамъ

Общій выводъ Шварца тотъ, что заслуги Аѳинъ ограничиваются областью пластики и драмы, что даже въ такъ наз. „періодъ процвѣтанія“ Аѳины не способствовали развитію талантовъ и наукъ, не знали свободы мысли, не знали истиннаго равенства; ихъ демократія не имѣла того гуманнаго характера, какой ей приписываютъ; чрезъ всю государственную и народную жизнь аѳинянъ проходитъ яркая черта по истинѣ звѣрской жестокости: всюду корыстолюбіе, алчность, подкупность; измѣна отечеству была глубоко вкоренившимся, почти обыденнымъ зломъ въ Аѳинахъ и т. д. Этой демократіи не подобаетъ занимать то мѣсто, которое фантазія цѣлыхъ столѣтій отводила ей въ исторіи человѣчества. Такими словами заключаетъ Шварцъ свой первый томъ Въ предисловіи ко II тому изложеніе болѣе объективное и тонъ болѣе спокойный.

пластики и архитектуры. Шварцъ рисуетъ въ самыхъ мрачныхъ краскахъ нравственное состояніе и умственную жизнь аѳинскаго общества того времени Онъ указываетъ на гоненія противъ Анаксагора, на преслѣдованія свободы изслѣдованія и съ негодованіемъ говоритъ о псефизмѣ Діопейѳа, запрещавшей заниматься изученіемъ небесныхъ явленій, и къ этой псефизмѣ онъ возвращается неразъ, при всякомъ удобномъ и даже неудобномъ случаѣ Еще счастье для человѣчества, говоритъ Шварцъ, что кромѣ Аѳинъ существовали другія греческія государства, гдѣ оказывали покровительство тому, что̀ аѳинская демократія попирала ногами. Разобравъ Периклову рѣчь, Шварцъ, для контраста, переходитъ къ описанію бѣдствій первыхъ лѣтъ Пелопоннесской войны, причемъ на поляхъ ставитъ заглавіе: „Конецъ пѣсни!“ („Das Ende des Liedes!“), а въ заключеніе этого описанія, упомянувъ о смерти Перикла, восклицаетъ: „Вотъ исторія того вѣка, который называютъ вѣкомъ Перикла!“. Чтобы дать „истинную“ характеристику аѳинской демократіи того времени, Шварцъ переводитъ цѣликомъ извѣстный Псевдоксенофонтовъ памфлетъ объ аѳинской политіи: по его мнѣнію, это—„eine einzige athenische Stimme Staatsmännischen Ernstes“, и хотя самъ же говоритъ, что памфлетъ этотъ дышетъ страстною ненавистью къ демократіи, тѣмъ не менѣе онъ ищетъ въ немъ подтвержденія своему приговору о „безнравственномъ и враждебномъ культурѣ организмѣ Аѳинскаго государства и общества“. Демосѳенъ, по Шварцу, чрезвычайно краснорѣчивый эгоистъ, который изъ національнаго настроенія умѣлъ сколотить неслыханный капиталъ; его политика причинила Аѳинамъ только позоръ и бѣдствія; онъ играетъ нечистую роль, клевещетъ и лжетъ, беретъ деньги за всѣ проводимыя имъ народныя постановленія и законы и т. под.

Не лучше отзывается Шварцъ и объ аѳинскихъ поэтахъ, мыслителяхъ, историкахъ. Такъ, по его словамъ, Софоклъ получилъ награду за „Триптолема“ главнымъ образомъ потому, что былъ тогда еще юношею и притомъ очень красивымъ; многіе изъ тѣхъ, кто присутствовалъ въ театрѣ, видѣли его еще мальчикомъ, танцующимъ нагимъ во время празднествъ по случаю Саламинской побѣды, а его соперникъ Эсхилъ былъ уже тогда загрубѣлымъ воиномъ. Одна строчка Менандра

Таково произведеніе Шварца. Авторъ обнаруживаетъ большую эрудицію, но еще бо́льшую страстность въ нападкахъ. Его книга написана съ большимъ пыломъ; она дышетъ ироніей и сарказмомъ, полна парадоксовъ. Въ ней есть, несомнѣнно, отдѣльныя вѣрныя и остроумныя замѣчанія Но въ общемъ, это, конечно, не „Исторія аѳинской демократіи“; это—страстная рѣчь обвинителя или памфлетъ. Тутъ нѣтъ ни чувства мѣры, ни малѣйшаго чувства справедливости, не говоря уже объ отсутствіи строгой объективности: выставляется — и притомъ безъ разбора, подчасъ въ извращенномъ видѣ и совершенно произвольномъ толкованіи—все, что́ говоритъ не въ пользу *Аѳинъ*; тщательно подбираются всѣ факты, лежащіе пятномъ на ихъ исторіи; развѣнчиваются ихъ великіе дѣятели; оттѣняются одни́ѣ темныя стороны и все прочее игнорируется; мѣркой при опредѣленіи значенія Аѳинъ въ исторіи

больше сдѣлала для будущаго, въ смыслѣ развитія чувства гуманности, нежели всѣ драмы Софокла. Сократъ былъ прежде всего—„ein kluger Lebemensch“. Платонъ былъ геній, но его несчастіе въ томъ, что онъ жилъ въ Аѳинахъ, гдѣ его способности не могли развиться, а могли быть только подавлены. Въ Аристотелевой „Политикѣ“ Шварцъ видитъ „довольно пустыя разглагольствованія“. Критическому разбору ея и выясненію ея недостатковъ онъ посвятилъ даже особыя сочиненія („Die Staatsformenlehre des Aristoteles und die moderne Staaswissenschaft“. Leipz. 1884 и болѣе подробная передѣлка — „Kritik des Staatsformen des Aristoteles“. Eisenach 1890). Геродоту, говоритъ Шварцъ, вѣрить нельзя: это—подкупленный аѳинянами свидѣтель, и т. д. Но особенно характерны замѣчанія Шварца относительно Ѳукидида; на нихъ мы уже останавливались раньше (стр. 108); тутъ вполнѣ обнаруживаются его критическіе пріемы и манера.

Зато Шварцъ очень сочувствуетъ тираннамъ, напр. Писистрату, и превозноситъ тѣ государства и города, гдѣ въ особенномъ блескѣ проявлялась культура чисто внѣшняя, неномѣрная роскошь и богатство. Напр., по поводу ссылки Перикла на военныя и денежныя средства аѳинянъ предъ Пелопоннесскою войною Шварцъ иронически замѣчаетъ: „У нихъ было войско малочисленнѣе той свиты, съ которою цари великихъ монархій (Востока) отправлялись на охоту, и едва ли бо́льшая сумма денегъ, чѣмъ сколько стоилъ—не говорю: одинъ пиръ македонскому завоевателю нѣсколько поколѣній спустя, но около того же времени, въ Италіи—одинъ парадный костюмъ Алкисѳену“. Но въ особенности Шварцъ стоитъ, повидимому, за правленіе „ученыхъ“ и „философовъ“. Его идеалъ—Димитрій Фалерскій, „этотъ сынъ раба, доставившій Аѳинскому государству миръ, благосостояніе, свободу мысли, культурный полетъ, котораго не могли доставить Аѳинамъ ни Перикл, ни Демосѳенъ, ни евпатриды, ни пентакосіомедимны . Этотъ намѣстникъ македонскаго царя, этотъ сынъ раба былъ философъ и государственный геній первой величины“. Шварцъ проводитъ параллель между дѣятельностью Перикла и Димитрія Фалерскаго и второго ставитъ гораздо выше перваго. Своимъ немногимъ излюбленнымъ героямъ, въ томъ числѣ и Димитрію, Шварцъ прощаетъ и безнравственность.

человѣческой культуры служатъ понятія XIX вѣка и т. д. Поэтому книга Шварца интересна только какъ реакція противъ другой—противоположной—крайности, противъ излишняго преклоненія предъ Аѳинами, въ которомъ повинны многіе филологи и историки, часто ставившіе ихъ дѣятелей на особый пьедесталъ, говорившіе о нихъ особымъ восторженнымъ тономъ. Удивительно не столько то, что нашелся авторъ, высказавшій подобный взглядъ, сколько то, что взглядъ этотъ нашелъ себѣ нѣкоторое сочувствіе [1]).

Въ русской литературѣ мы встрѣчаемъ взглядъ, сходный со взглядомъ Шварца, у А. И. Гилярова въ его сочиненіи: „Греческіе софисты, ихъ міровоззрѣніе и дѣятельность въ связи съ общей политической и культурной исторіей Греціи“ (М. 1888).

Вторая половина 80-хъ гг.

Подобныя увлеченія и крайности гиперкритики въ свою очередь, естественно, должны были вызвать реакцію—въ противоположномъ направленіи—, и вторая половина 80-хъ годовъ XIX в. есть время такой реакціи противъ крайностей и ухищреній критики, время болѣе спокойнаго и безпристрастнаго отношенія къ фактамъ и источникамъ греческой исторіи, возвращенія во многихъ отношеніяхъ къ прежнимъ взглядамъ.

Подобно срединѣ 50-хъ годовъ, вторая половина 80-хъ и начало 90-хъ годовъ ознаменовались появленіемъ цѣлаго ряда выдающихся общихъ трудовъ по исторіи Греціи: очевидно, являлась потребность подвести итогъ при помощи новаго матеріала.

Въ серединѣ 80-хъ годовъ, почти одновременно, начали выходить двѣ „Исторіи Греціи“—Адольфа Гольма и Георга Бузольта.

Гольмъ.

Ad. Holm [2]) (род. въ 1830 г., ум. въ 1900 г.) прежде всего пріобрѣлъ извѣстность своею „Geschichte Siciliens im Alterthum“, въ 3 т., начатою имъ еще въ то время, когда онъ былъ учителемъ французскаго языка въ гимназіи своего роднаго города Любека (I т.—1870 г.), и законченною незадолго до смерти

---

[1]) Такъ, одинъ изъ рецензентовъ считаетъ точку зрѣнія Шварца несомнѣнно вѣрною и основательною и называетъ его трудъ „грозой, очищающей воздухъ во время лѣтняго удушливаго зноя“, „ein hochbedeutendes, ein reinigendes Gewitter zur Zeit der Sommerschwule“. (G. J. Schneider, въ „Berl. Phil. Wochenschr.“, 1883, № 52). Не безъ сочувствія относится, повидимому, къ основному взгляду Шварца и А. И. Покровскій въ своей статьѣ „Нов явл. въ обл. разр древнегр. ист.“ („Ист. Обозр.“, т. I, стр. 193). Вѣрную оцѣнку труда Шварца далъ Holm въ Rev. histor, 1885, mai—juin

[2]) О немъ—некрологъ v Duhn'a въ Jahresbericht, CXI, 1901.

(III т.—1898) [1]). Трудъ этотъ доставилъ Гольму каѳедру въ Палермскомъ университетѣ (во второй половинѣ 70-хъ годовъ), а оттуда онъ потомъ перешелъ въ Неаполь. Въ связи съ „Исторіей Сициліи" находится совмѣстная работа Holm'a и Cavallari—Topographia archeologica di Siracusa (1883).

Занимая каѳедру древней исторіи въ Неаполитанскомъ университетѣ, Гольмъ написалъ—на нѣмецкомъ языкѣ—второй свой крупный трудъ—„Griechische Geschichte" (Berlin. 1886—94. 4 т) [2]).

Если у Дункера, особенно въ послѣднихъ двухъ томахъ, мы находимъ смѣлыя, но произвольныя гипотезы и комбинаціи, то въ своей „Греческой исторіи" Гольмъ старался „въ сравнительно небольшихъ рамкахъ, съ одной стороны, изложить только самое важное, а съ другой—ясно отмѣтить, что̀ можетъ считаться достовѣрнымъ и что̀—гипотеза", „гдѣ древняя традиція и гдѣ новѣйшая комбинація".

Гольмъ, слѣдовательно, имѣетъ въ виду довольно широкій кругъ читателей. Его „Греческая исторія" состоитъ изъ 4 томовъ небольшого формата и доведена до битвы при Акціи. Матеріалъ у Гольма очень расчлененъ: каждый томъ раздѣляется на небольшія главы (около 30 въ томѣ), причемъ авторъ старался, чтобы каждая изъ нихъ представляла по возможности нѣчто законченное. Крупныхъ отдѣловъ или подраздѣленій нѣтъ. Это имѣетъ свою дурную сторону: дѣленіе слишкомъ ужъ дробно, утрачивается цѣльность общаго, связь между частями больше механическая, и изложеніе оказывается нѣсколько отрывочнымъ. За каждою главою идутъ примѣчанія, обыкновенно представляющія краткія библіографическія указанія и ссылки на важнѣйшіе источники и новѣйшіе труды, а нерѣдко—и критическій разборъ источниковъ, опроверженіе мнѣній другихъ ученыхъ, обоснованіе взгляда автора, высказаннаго лишь кратко въ самомъ текстѣ и т. под. Иногда такія примѣчанія разрастаются въ цѣлые экскурсы.

Какъ и слѣдовало ожидать отъ неаполитанскаго профессора и автора „Исторіи Сициліи", Гольмъ въ своей „Греческой исторіи" обращаетъ большое вниманіе на Сицилію и южную Италію.

---

[1]) Исторія Сициліи здѣсь доведена до арабскаго завоеванія.

[2]) О ней на русск. яз. есть нѣсколько статей—А. И Нейфельда (Жур. М. Н. Пр., 1887, апр.), А. И. П—скаго (Покровскаго) (ibid., 1892. іюль), П. Г. Виноградова, Новѣйш работы по исторіи Греціи (Русск. Мысль, 1893, мартъ).

Но онъ—одинъ изъ лучшихъ знатоковъ греческой исторіи вообще, и его „Griechische Geschichte“, хотя по своему характеру и назначенію сочиненіе скорѣе популярное, представляетъ однако интересъ и для спеціалиста Это не компиляція, а самостоятельный трудъ, основанный на близкомъ изученіи источниковъ и новѣйшей литературы, трудъ, въ которомъ мы нерѣдко встрѣчаемъ и новый взглядъ, и новое освѣщеніе фактовъ.

Изъ источниковъ Гольмъ придаетъ большое значеніе монетамъ. Для него данныя нумизматики, на-ряду съ топографіей, одна изъ главныхъ основъ. Обзору монетъ посвящена большая часть его экскурсовъ въ примѣчаніяхъ; изъ данныхъ нумизматики онъ извлекаетъ матеріалъ для исторіи—новые факты. Такъ, напр., онъ говоритъ о заключеніи союза между различными греческими городами послѣ битвы при Книдѣ, союза, о которомъ, по его собственнымъ словамъ, мы узнаемъ только благодаря монетамъ. Пользованіе нумизматикой для обогащенія греческой исторіи, замѣчаетъ онъ, имѣетъ большую привлекательность: эти вещи содержатъ больше исторіи, чѣмъ иное старательное изслѣдованіе источниковъ. И въ своемъ увлеченіи нумизматикой, въ стремленіи извлечь изъ нея данныя для исторіи, Гольмъ идетъ уже слишкомъ далеко. Зато въ отличіе отъ большинства другихъ новѣйшихъ спеціалистовъ по греческой исторіи, Гольмъ сравнительно мало пользуется данными эпиграфики, имѣющей въ настоящее время такое значеніе.

Но главнымъ источникомъ для Гольма служили все-же произведенія греческихъ историковъ, причемъ на эти произведенія онъ высказывалъ иногда взглядъ, значительно уклонявшійся отъ дотолѣ господствовавшаго въ Германіи направленія. Гольмъ съ полнымъ основаніемъ вооружался противъ этого направленія. Онъ полагалъ, что „изслѣдователи въ области критики слишкомъ изолируютъ себя другъ отъ друга и вслѣдствіе этого болѣе, чѣмъ слѣдуетъ, теряютъ изъ виду цѣлое“. „Мы занимаемся“,—говорилъ Гольмъ,—„критикою источниковъ, но мы отъ этого мало получаемъ плодовъ; мы ссылаемся на основныя правила историческаго метода, но мы несогласны въ ихъ примѣненіи... Мы... анализируемъ писателей, но въ большинствѣ случаевъ не для того, чтобы на основаніи этого составить повѣствованіе, а чтобы построить идеальнаго Эфора или Θеопомпа, который скоро и исчезаетъ, такъ какъ, благодаря каждой новой диссертаціи, онъ получаетъ новый видъ“. Изслѣдованіе источниковъ, по мнѣнію Голь-

ма, должно исходить не изъ реконструкціи утраченныхъ авторовъ, а изъ изученія особенностей тѣхъ, которые на лицо.

Гольмъ возсталъ противъ мнѣнія, еще недавно очень распространеннаго, будто Плутархъ рабски списывалъ свои источники и будто мы можемъ почти дословно выдѣлить тѣ источники, коими онъ пользовался. Онъ даже Діодора ставитъ сравнительно высоко: по его мнѣнію, Діодоръ не только прагматикъ, но и художникъ; матеріалъ его нерѣдко плохъ; но значеніе Діодора заключается въ томъ, что онъ универсальный историкъ.

Но съ особенною симпатіей (которую едва ли однако можно вполнѣ раздѣлять) относится Гольмъ къ Ксенофонту, какъ историческому свидѣтелю. Подобно Брейтенбаху (въ его введеніи къ изданію Ἑλληνικά Ксенофонта) и Э. Р. ф.-Штерну (въ его извѣстной монографіи Geschichte der spartan. und theban. Hegemonie vom Königsfrieden bis zur Schlacht bei Mantinea. Dorp. 1884), онъ не считаетъ его пристрастнымъ. Это, по его словамъ, чистосердечный, симпатичный писатель, который, какъ истинный ученикъ Сократа, свободенъ отъ всякихъ фразъ, и его порицатели сами признаютъ его превосходныя качества тѣмъ, что подробно воспроизводятъ его лучшіе разсказы.

Что касается Θукидида, противъ котораго Мюллеръ-Штрюбингъ выступилъ съ такими нападками, то Гольмъ полагалъ, что въ общемъ старое воззрѣніе не поколеблено, именно, что Θукидидъ — правдолюбивый писатель. Пытались уличить его въ грубыхъ неточностяхъ, но это не удалось, и Гольмъ, между прочимъ, какъ мы видѣли (стр. 116), говоритъ, что прослѣдилъ топографически извѣстія большей части VI и VII книгъ и нашелъ, что чѣмъ точнѣе взвѣшиваешь слова Θукидида и чѣмъ точнѣе изучаешь мѣстность, тѣмъ яснѣе дѣлаются текстъ и событія. Онъ находитъ у Θукидида только нѣкоторую ограниченность горизонта: Θукидиду недостаетъ универсальнаго, обнимающаго время и страны, взгляда Геродота. Геродотово произведеніе въ глазахъ Гольма — одно изъ совершеннѣйшихъ художественныхъ созданій въ своемъ родѣ по плану и выполненію, по мысли и стилю. Геродотъ безпристрастнѣе, чѣмъ иногда принимаютъ.

Гольмъ не идеализируетъ грековъ, не преклоняется слѣпо передъ ними, какъ дѣлаютъ нерѣдко другіе историки. Онъ не смотритъ на грековъ какъ на народъ, который во всѣхъ важнѣйшихъ отрасляхъ жизни каждый разъ находилъ самое лучшее, а видитъ въ нихъ лишь „die vorzugsweise Suchenden unter den Na-

tionen". Такими греки были, по его словамъ, и въ своей политической жизни, и съ этой точки зрѣнія онъ оцѣниваетъ ихъ дѣятельность: величайшіе государственные люди Аѳинъ, говоритъ Гольмъ, не всегда въ каждомъ данномъ случаѣ находили самое вѣрное.

На Аристида Гольмъ еще въ 1889 г. (во II т.) высказалъ взглядъ, который совершенно отличался отъ общепринятаго дотолѣ и который нашелъ себѣ опору въ открытой Аристотелевой Политіи: по Гольму, мнѣніе, будто Ѳемистоклъ — демократъ, а Аристидъ, напротивъ, аристократъ, неосновательно и есть не что иное, какъ вымыселъ: на самомъ дѣлѣ Аристидъ—демократъ, завершитель начатой Клисѳеномъ демократизаціи Аѳинъ.

Не скрывая нѣкоторыхъ неудачъ Перикла, не находя въ немъ особыхъ дарованій полководца, Гольмъ однако высказывается противъ чисто субъективныхъ пріемовъ Дункера и отдаетъ Периклу должное. Клеона онъ находитъ правымъ въ дѣлѣ переговоровъ со спартанцами о мирѣ во время осады Сфактеріи и думаетъ, что подъ внѣшнею грубостью въ немъ скрывалась большая политическая хитрость. Гипербола и Евбула онъ беретъ подъ свою защиту.

Только говоря о Демосѳенѣ, Гольмъ мѣняетъ обычный объективный и спокойный тонъ. Онъ относится къ великому оратору съ явнымъ несочувствіемъ и даже ироніей. Если въ остальныхъ отдѣлахъ своей „Греческой исторіи" Гольмъ чуждъ той гиперкритики, которую мы замѣчаемъ у Дункера и которой онъ самъ не одобряетъ, то здѣсь его сужденія и самый тонъ напоминаютъ отношеніе Дункера и другихъ новѣйшихъ порицателей къ Периклу.

Зато Филиппа Гольмъ старается защитить и обѣлить. Въ его глазахъ Филиппъ не только геніальный политикъ и первостепенный полководецъ, но и съ нравственной точки зрѣнія вовсе не заслуживаетъ обычныхъ порицаній, особенно если его сравнить съ его аѳинскими противниками. На Александра Македонскаго Гольмъ смотритъ приблизительно такъ, какъ и Дройзенъ.—Но оправдывая Филиппа и осуждая Демосѳена, Гольмъ однако полагаетъ, что Дройзенъ заходилъ слишкомъ далеко, когда считалъ побѣду Македоніи соотвѣтствующею интересамъ самой Греціи, которая разлагалась „in der Verkrüppelung des Kleinlebens"; по мнѣнію Гольма, въ этомъ отношеніи македонское владычество ничего не улучшило: спасеніе заключалось въ чистосердечномъ и добровольномъ союзѣ съ Македоніей, въ духѣ Исократа.

Вообще аѳинской демократіи Гольмъ не унижаетъ и не относится къ ней такъ враждебно, какъ, напр., Юліусъ Шварцъ.

Онъ считаетъ невѣрнымъ утвержденіе одного изъ новѣйшихъ историковъ Греціи (Белоха), будто духовный уровень аѳинянъ соотвѣтствуетъ въ среднемъ уровню современныхъ рабочихъ классовъ; по мнѣнію Гольма, аѳинскій гражданинъ въ умственномъ отношеніи стоялъ выше жителя нынѣшнихъ большихъ городовъ, и въ отношеніи образованія между богатыми и бѣдными въ Аѳинахъ не было большого различія. Въ противоположность Курціусу, съ которымъ онъ вообще довольно часто полемизируетъ то открыто, то косвенно, Гольмъ доказываетъ, что никакой особенной роскоши въ Аѳинахъ IV в. не было, а что, напротивъ, въ тогдашней жизни господствовала сравнительная простота. Деморализація аѳинянъ IV в. тоже, по его мнѣнію, мнимая. Демократія въ Аѳинахъ не была элементомъ разложенія, а напротивъ—факторомъ нравственнаго спасенія города. Нравственный упадокъ обнаруживался больше въ поведеніи отдѣльныхъ народныхъ вождей, чѣмъ въ поведеніи народа, какъ цѣлаго. Причины паденія независимости Греціи лежатъ не въ нравственномъ вырожденіи народа, а въ природномъ его характерѣ, — въ стремленіи отдѣльныхъ общинъ къ изолированію и затѣмъ въ неимѣніи въ рѣшительный моментъ хорошаго полководца. А если пораженія нельзя было потомъ загладить, то тутъ причина заключается еще въ другомъ: македоняне явились представителями великаго принципа—національности. Надеждой на тріумфъ греческаго имени въ Азіи они увлекли за собою почти всѣ болѣе дѣятельныя личности греческихъ республикъ и послѣднія не имѣли больше силъ свергнуть совершенно македонское иго. Пренебреженіе національнымъ чувствомъ лишило ихъ мірового положенія.

Нужно замѣтить, что ни одинъ изъ новѣйшихъ историковъ Греціи не доводилъ такъ далеко своего изложенія, какъ Гольмъ [1]): онъ доводитъ его почти до нашей эры; цѣлый томъ (IV) посвященъ времени отъ смерти Александра до битвы при Акціи, причемъ еще имѣется глава и о „политическихъ отношеніяхъ грековъ при первыхъ императорахъ“.

Въ исторіи Греціи Гольмъ былъ скорѣе самоучкой и среди нѣмцевъ стоитъ какъ-бы особнякомъ [2]). Онъ не примыкаетъ къ

---

[1]) Если не считать втораго изданія „Очерка“ Пельмана, о которомъ—ниже и которое вышло позже „Греч. исторіи“ Гольма.

[2]) Что имѣло и свою хорошую сторону: Гольмъ отнесся ко многимъ вопросамъ, напр. къ источникамъ, безъ предвзятой идеи. См. ст. v. Duhn'a, стр. 91.

какой-либо школѣ или опредѣленному направленію. Онъ и не эпиграфистъ. По своимъ воззрѣніямъ и симпатіямъ Гольмъ скорѣе приближался къ англійскимъ историкамъ, напр. Гроту. Недаромъ его „Греческая исторія“ переведена на англійскій языкъ.

Бузольтъ.

Совсѣмъ инымъ характеромъ отличается „Griechische Geschichte bis zur Schlacht bei Chaironeia“ кильскаго профессора Георга Бузольта, входящая въ составъ издаваемой Perthes'омъ коллекціи: Handbucher d. alten Geschichte, и начавшая выходить почти въ одно время съ „Исторіей“ Гольма: первый ея томъ въ первомъ изданіи появился въ концѣ 1885, всего за нѣсколько мѣсяцевъ до выхода перваго тома „Греческой Исторіи“ Гольма, а второй („Die Perserkriege und das attische Reich“), обнимающій періодъ высшаго блеска и могущества Греціи и въ частности Аѳинъ— отъ іонійскаго возстанія до Пелопоннесской войны — изданъ въ началѣ 1888 (въ 1-мъ изд.).

Отличіе труда Бузольта отъ труда Гольма обнаруживается съ перваго же взгляда. Оно замѣтно въ самомъ планѣ и расчлененіи матеріала. Если у Гольма мы видимъ небольшія главы и слишкомъ дробное дѣленіе, то у Бузольта наоборотъ. Особенно это нужно сказать о I-мъ т. въ 1-мъ изд.: обширная книга въ 600 съ лишкомъ страницъ состоитъ всего изъ двухъ главъ, изъ коихъ каждая подраздѣляется на болѣе или менѣе крупные параграфы. Неудобство такого дѣленія созналъ потомъ самъ авторъ и поэтому во II томѣ каждый параграфъ въ видахъ наглядности разбилъ еще на мелкіе отдѣлы. Каждый параграфъ у Бузольта начинается обыкновенно обзоромъ или перечнемъ источниковъ и литературы вопроса; самый текстъ постоянно сопровождается подробнѣйшими ссылками и примѣчаніями.

„Греческая исторія“ Бузольта — плодъ больше трудолюбія, нежели таланта. Мы не найдемъ въ ней широкихъ обобщеній, глубокихъ и блещущихъ новизною взглядовъ, яркихъ и мѣткихъ характеристикъ, художественнаго изложенія. Да Бузольтъ къ этому и не стремился. Онъ пишетъ свой трудъ не для широкаго круга читателей, а для тѣхъ, кто желаетъ ознакомиться съ положеніемъ того или другого вопроса въ современной наукѣ, съ источниками и литературой предмета,— кто желаетъ имѣть подъ рукой необходимыя указанія и справки. Въ сжатомъ и систематическомъ видѣ онъ даетъ сводъ матеріала и результатовъ изслѣдованій, подводитъ итогъ тому, что́ сдѣлано въ области греческой исторіи, и помогаетъ ориентироваться въ обширной литера-

турѣ предмета. При всей ясности и точности, какими отличается изложеніе Бузольта, такую книгу, конечно, читать не легко: она слишкомъ суха; да и предназначена она, по собственнымъ словамъ автора, не столько для чтенія, сколько для штудированія, „mehr zum Lernen, als zum Lesen“. Это не популярная исторія Греціи, а справочное пособіе, настольное руководство, и, какъ таковое, она въ высокой степени полезна и незамѣнима. Въ ней, пожалуй, иногда не столько важенъ самый текстъ, сколько тѣ многочисленныя примѣчанія, которыми онъ сопровождается и которыя занимаютъ едва-ли не больше мѣста, чѣмъ текстъ: на нихъ, можно сказать, и падаетъ центръ тяжести.

Надъ своей „Греческой исторіей“ Бузольтъ началъ работать еще съ конца 1879 г.; но все-таки, какъ сознается и самъ авторъ, „матеріалъ оказался слишкомъ обширнымъ для того, чтобы съ нимъ можно было справиться и обработать равномѣрно, съ одинаковою силою и свѣжестью, съ тою же самою смѣлостью и съ тѣмъ же самымъ знаніемъ“. Лучшая часть—о Пятидесятилѣтіи, въ особенности тѣ отдѣлы, которые касаются внутренняго строя, области т. наз. „древностей“, и тутъ выдается параграфъ о положеніи союзниковъ. Бузольтъ является здѣсь вполнѣ самостоятельнымъ изслѣдователемъ; онъ — одинъ изъ лучшихъ знатоковъ этого вопроса, и его статья: „Der Phoros der athen. Bündner“, появившаяся въ печати („Philologus“, 41 В.) за нѣсколько лѣтъ до его „Греческой исторіи“, пролила новый свѣтъ на исторію Аѳинскаго союза. Очень хороши также анализы источниковъ.

Вообще трудъ Бузольта нельзя считать простою компиляціей, лишь сводомъ чужихъ мнѣній. Онъ основанъ на первоисточникахъ. Въ ряду ихъ Бузольтъ, въ противоположность Гольму, первое мѣсто отводитъ эпиграфическимъ даннымъ; онъ много и съ большимъ умѣньемъ пользуется ими. Если первый обширный трудъ Бузольта: „Die Lakedaimonier und ihre Bundesgenossen“ (Leipz. 1878) [1]), вызвалъ довольно суровые отзывы и упрекъ въ томъ, что авторъ слишкомъ склоненъ къ неосновательнымъ комбинаціямъ [2]), то въ своей „Греческой исторіи“ Бузольтъ обнару-

[1]) Бузольту принадлежатъ еще: „Forschungen zur griech. Geschichte“. Breslau. 1880.

[2]) См. критическую статью B. Niese: „Kritische Bemerkungen über ältere griechische Geschichte und ihre Überlieferung“ („Hist. Zeitschrift“, 1880, 43 В.) и примѣчаніе редакціи „Histor. Zeitschrift“ къ статьѣ самого Бузольта: „Das Ende der Perserkriege“, помѣщенной въ этомъ журналѣ (1882).

живаетъ трезвость взгляда, критическій тактъ и большую осторожность по отношенію какъ къ источникамъ, такъ и къ новѣйшей литературѣ. Онъ относится довольно скептически, напр., къ попыткамъ съ точностью опредѣлить, у кого взята Плутархомъ та или другая фраза, или къ гипотезѣ, что для каждой біографіи Плутархъ пользовался однимъ какимъ-либо источникомъ, въ родѣ Стесимброта Ѳасосскаго, и т. д. Подобно Гольму, онъ не считаетъ Плутарха простымъ переписчикомъ и думаетъ, что тотъ пользовался многими источниками. Касаясь какого-нибудь спорнаго вопроса, Бузольтъ приводитъ указанія на весь матеріалъ и на всѣ существующія на этотъ счетъ мнѣнія и самымъ осторожнымъ образомъ взвѣшиваетъ данныя. А его хронологическія опредѣленія могутъ служить образцомъ точности и осмотрительности. Бузольтъ напр. еще до открытія „Аѳинской Политіи“ Аристотеля, благодаря чрезвычайно внимательному отношенію къ словамъ Геродота, пришелъ къ заключенію, что попытка Килона должна была предшествовать Драконову законодательству,—заключенію, подтвердившемуся свидѣтельствомъ Аристотелева трактата.

Изложеніе у Бузольта строго фактическое, такъ сказать, дѣловое, сухое, но зато чисто объективное. Главное же значеніе его труда заключается, какъ было упомянуто, въ чрезвычайно подробныхъ литературныхъ указаніяхъ и ссылкахъ. Свидѣтельства источниковъ и особенно надписей, работы новыхъ ученыхъ—крупные труды, статьи, безчисленныя диссертаціи и программы,—все это отмѣчается самымъ тщательнымъ образомъ, до послѣднихъ мелочей, по каждому вопросу.

Бузольту принадлежитъ и другой трудъ, появившійся вслѣдъ за первымъ томомъ его „Греческой исторіи“ и отличающійся такими же качествами,—„Griechische Staats- und Rechtsalterthümer“, 1886 (въ извѣстной коллекціи Iw. Müller'a, „Handbuch der klassisch. Alterthumswissenschaft“. Nördlingen). Въ 1890 г. вышелъ русскій переводъ подъ заглавіемъ: „Очеркъ государственныхъ и правовыхъ греческихъ древностей. Переводъ съ нѣмецк. студентовъ Имп. Харьковск. Универс. А (М.+В.) [1]). Харьковъ“. Спеціально для этого перевода Бузольтъ вновь пересмотрѣлъ свой трудъ, пополнилъ литературныя указанія и внесъ нѣкоторыя измѣненія въ самое изложеніе, принявъ во вниманіе результаты появившихся тѣмъ временемъ изслѣдованій (преимущественно — относительно

[1]) А. Д. Малярёнка и А. С. Вязитина.

Ликурга и аттическихъ фратрій), и кромѣ того прибавилъ очеркъ Ахейскаго и Этолійскаго союзовъ, котораго не было въ нѣмецкомъ подлинникѣ; переводчики же съ своей стороны приложили перечень русскихъ сочиненій, имѣющихъ отношеніе къ греческимъ древностямъ. А въ 1892 г. вышло второе изданіе нѣмецкаго подлинника („Die griechischen Staats- und Rechtsalterthümer". München. 1892, въ той же коллекціи Iw. Müller'a). Объ этой переработкѣ, равно какъ и о второмъ изданіи „Греческой исторіи", къ которому Бузольтъ приступилъ въ началѣ 90-хъ годовъ, прежде чѣмъ окончить свой трудъ, я еще упомяну далѣе при обзорѣ работъ послѣдняго десятилѣтія, ибо эти новыя изданія являются какъ-бы новыми трудами: такъ велики въ нихъ перемѣны.

Въ первой половинѣ 80-хъ годовъ, еще раньше „Древностей" Бузольта, въ Германіи вышло другое прекрасное руководство по государственнымъ древностямъ, въ такомъ же родѣ и съ такими же подробными литературными указаніями. Это — „Handbuch der griechischen Staatsalterthümer" Густава Гильберта (Leipz. 1881—5. 2 Bde), передъ тѣмъ пріобрѣвшаго извѣстность своими: „Studien zur altspartan. Geschichte" (Götting. 1872) и „Beitrage zur innern Gesch. Athens im Zeitalter d. Pelop. Krieges" (Leipz. 1877). По своимъ достоинствамъ трудъ Гильберта не уступаетъ труду Бузольта. Тѣ упреки, которые иногда ему дѣлаются [1]), съ такимъ же правомъ могутъ быть сдѣланы и руководству Бузольта, да и почти всякому пособію, имѣющему назначеніе быть своего рода компендіумомъ. Если по систематичности, точности и основательности, по самостоятельной обработкѣ эпиграфическихъ данныхъ (по крайней мѣрѣ въ I т.), трудъ Гильберта иногда, быть можетъ, нѣсколько и уступаетъ труду Бузольта, то по богатству и разнообразію содержанія и по легкости изложенія онъ стоитъ выше его. Бузольтъ даже въ новомъ изданіи оставляетъ въ сторонѣ почти всѣ второстепенныя греческія государства, напр. Коринѳъ, Сикіонъ, Сиракузы и т. под.; онъ о нихъ или вообще не говоритъ, или упоминаетъ лишь мимоходомъ [2]). У Гильберта же во II-мъ томѣ мы находимъ свѣдѣнія объ областяхъ и городахъ всего греческаго міра: Эллады, острововъ, Малой Азіи (не исключая и Ликіи), береговъ Понта и Пропонтиды, Халкидики,

Гильберта

[1]) См. замѣчанія В. А. Шеффера („Аѳинск. гражданство и нар. собр." М. 1891, стр. 2), приводящаго и отзывъ Wilamowitz'a.

[2]) На этотъ пробѣлъ справедливо указываетъ Headlam въ своемъ отзывѣ о новомъ изданіи руководства Бузольта (Class Rev., 1893, № 4, p. 177).

Кирены и Запада—Сициліи, Великой Греціи, отдаленной Массалии. Очерку ихъ внутренней исторіи и строя посвящаетъ онъ бо́льшую часть II-го тома своего руководства. Самый планъ у Гильберта иной, нежели у Бузольта Послѣдній придерживается обычнаго порядка: сначала идетъ у него „Введеніе“, „Основы греческой государственной жизни“, „Государственныя формы и ихъ развитіе“, „Отношенія государствъ между собою“, затѣмъ „Лакедемонское государство“, „Критъ“, „Аѳины“ и наконецъ „Важнѣйшіе союзы“. У Гильберта же весь I томъ отведенъ Спартѣ и Аѳинамъ, а II-й состоитъ изъ двухъ частей—„статистической“, гдѣ, какъ было упомянуто, даются свѣдѣнія о второстепенныхъ греческихъ государствахъ, и „систематической“, гдѣ рѣчь идетъ о греческомъ государствѣ вообще, его развитіи, объ элементахъ населенія, о государственной власти, администраціи, судѣ, военномъ дѣлѣ, финансахъ, объ отношеніи греческихъ государствъ другъ къ другу, о международномъ правѣ, метрополіи и колоніяхъ, о союзахъ.

Въ 1893 г. Гильбертъ выпустилъ въ свѣтъ новое изданіе I тома своего руководства. Подобно тому, какъ у Бузольта, оно оказалось значительно переработаннымъ и дополненнымъ, причемъ и въ немъ, въ виду открытія Аристотелева трактата, измѣненіямъ особенно подвергся отдѣлъ объ аѳинскихъ древностяхъ.

Популярнымъ и живымъ, подчасъ образнымъ и въ то же время научнымъ изложеніемъ отличается „Geschichte von Hellas und Rom“ Густава Герцберга (въ извѣстной коллекціи Oncken'a: „Allgemeine Geschichte in Einzeldarstellungen“), которому принадлежитъ также монографія о Греціи подъ римскимъ владычествомъ [1]) и исторія Греціи въ средніе и новые вѣка [2]). Первый томъ посвященъ исторіи Греціи до Навпактскаго мира 217 г. и въ подлинникѣ вышелъ еще въ 1879 г.; въ 1881 г. появился его русскій переводъ („Исторія Греціи“. Перев. А. В. Прахова. Спб. 1881). Сочиненіе Герцберга какъ въ подлинникѣ, такъ и въ переводѣ, снабжено многочисленными рисунками и картами и по своему изложенію и небольшому объему (въ одномъ томѣ, какъ упомянуто, изложена вся исторія Греціи) является хорошимъ посо- *Герцбергъ.*

[1]) Hertzberg, Gesch. Griechenlands unter der Herrschaft d. Römer. 1866—75. 3 Bde.

[2]) Gesch. Griechenlands seit dem Absterben d. antiken Lebens bis zur Gegenwart. 1876–9. 4 Bde (въ коллекціи „Gesch. d. europ. Staaten“).

біемъ. Можно только сожалѣть, что въ русскомъ переводѣ слишкомъ ужъ послѣдовательно проводится рейхлиновское произношеніе, и, напр., вмѣсто обычныхъ: демосъ, демократія, Пелопоннесъ, Гера, Гомеръ, читатель здѣсь встрѣчаетъ: димъ, димократія, Пелопоннисъ, Ира, Омиръ и т. д., что дѣлаетъ чтеніе перевода утомительнымъ и даже затруднительнымъ [1]).

Говоря о нѣмецкой научной литературѣ по исторіи Греціи за 70-е и 80-е годы, слѣдуетъ упомянуть объ Ад. Гутшмидѣ, одномъ изъ самыхъ широко образованныхъ и разносторонникъ филологовъ, у котораго было немало работъ, касающихся и греческой исторіи (см. его Kleine Schriften, собранныя Fr. Rühl'емъ).

Французская литература

Во французской литературѣ послѣ La cité antique Фюстель де Куланжа не появилось новой сколько-нибудь выдающейся общей обработки греческой исторіи, если не считать передѣлки болѣе ранняго труда Дюрюи [2]).

Зато обращаетъ на себя вниманіе рядъ превосходныхъ монографій и изслѣдованій, о которыхъ было уже раньше упомянуто, по поводу дѣятельности Французской школы въ Аѳинахъ (стр. 391—2), и обширный „Словарь греческихъ и римскихъ древностей“ (Daremberg et Saglio, Dictionnaire des antiquités grecques et romaines d'après les textes et les monuments etc). Многія изъ помѣщенныхъ въ немъ статей — значительнаго объема, подробны, принадлежатъ перу спеціалистовъ и представляютъ научный интересъ. Словарь этотъ занимаетъ мѣсто наряду съ нѣмецкою „Реальною энциклопедіей по классической древности“ Pauly, выходящей теперь въ новой переработкѣ подъ редакціей Wissowa.

---

[1]) Герцбергъ написалъ и другой совершенно подобный трудъ, популярнаго характера и тоже съ иллюстраціями и картами,—„Geschichte der Griechen im Alterthum“ (Berlin. 1885).

[2]) Книга Guiraud, La vie privée et la vie publique des Grecs (P. 1890), входящая въ составъ коллекціи Lectures histor. и переведенная на русск. яз. („Частн. и обществен. жизнь грековъ“. 1897),—полезное пособіе для знакомства въ особенности съ культурною жизнью грековъ, но она не претендуетъ на самостоятельность. Это—своего рода хрестоматія, дающая отрывки изъ лучшихъ сочиненій, не только французскихъ, но и нѣмецкихъ. — Замѣтимъ кстати, что вообще въ послѣднее время французы обнаруживаютъ стремленіе къ знакомству не только съ произведеніями англійской научной литературы, интересъ къ которой у нихъ и прежде былъ (сочиненіе напр. Грота давно переведено на франц яз.), но и нѣмецкой; такъ, во Франціи появились переводы соч. Курціуса, Герцберга, Дройзена и проч., и притомъ переводы, принадлежащіе большею частью знатокамъ классической древности.

Къ сожалѣнію, изданіе словаря подвигается слишкомъ медленно: началъ онъ выходить еще въ серединѣ 70-хъ годовъ и до сихъ поръ не оконченъ; немало прекрасныхъ статей тѣмъ временемъ успѣло уже устарѣть.

Среди англійскихъ историковъ этого періода видное мѣсто занимаютъ Фриманъ и Магаффи.

Фриманъ. Фриманъ, о которомъ я уже упоминалъ по поводу его „History of Federal Governement“ (стр. 336), стоялъ вообще за примѣненіе сравнительнаго метода [1]) и за единство исторіи: онъ былъ противъ раздѣленія исторіи на древнюю и новую. Онъ находилъ, что греки, римляне, германцы имѣли много общихъ учрежденій и что историкъ не долженъ узко спеціализироваться на изученіи такъ называемой древности, совершенно отдѣляя отъ нея новое время и оставляя послѣднее въ сторонѣ [2]). Самъ Фриманъ занимался всѣми періодами и больше всего извѣстенъ своимъ обширнымъ трудомъ о норманскомъ завоеванію Англіи („The Norman Conquest“). Въ исторіи онъ слѣдитъ за развитіемъ политическихъ формъ; онъ видитъ въ ней науку о человѣкѣ, какъ существѣ политическомъ: по его опредѣленію, „исторія есть политика прошлаго и политика есть исторія настоящаго“.

Послѣдніе годы своей жизни Фриманъ занятъ былъ большимъ трудомъ по исторіи Сициліи; но онъ успѣлъ издать три тома [3]) (до Агаѳокла); IV-й томъ изданъ уже послѣ его смерти, на основаніи рукописи.

Магаффи. Магаффи, профессоръ въ Дублинѣ, издатель папирусовъ Флиндерса Петри, о которыхъ придется еще упомянуть, въ своихъ многочисленныхъ трудахъ, соединяющихъ научныя достоинства съ интересомъ темы и прекраснымъ, доступнымъ изложеніемъ, даетъ изображеніе преимущественно культурной, въ частности литературной, жизни грековъ. Русскимъ читателямъ наиболѣе извѣстна его „Исторія классическаго періода греческой литературы“, имѣющаяся въ русскомъ переводѣ (М. 1882—3. 2 т.). Но Магаффи въ теченіе послѣднихъ тридцати лѣтъ написалъ цѣ-

---

[1]) См. его лекціи по „Сравнительной политикѣ“, читанныя въ 1873 г. и имѣющіяся въ русск. перев. (Спб. 1880).

[2]) См. его „Методы изученія исторіи“,— лекціи, читанныя въ 1884 г.; рус. перев. М. 1893.

[3]) Freeman, History of Sicily. Oxf. 1891—2. 3 v.; IV т. (1894)—съ добавл. и примѣч. Evans'a. Фриману принадлежитъ и болѣе краткая обработка этой темы. То и другое имѣется въ нѣм. перев.

лую серію сочиненій, изъ которыхъ болѣе общимъ содержаніемъ отличаются его книги о соціальной жизни въ Греціи („Social life in Greece". 1874) [1]), о греческой жизни и мысли въ Александрійскій періодъ („Greek life and thought from Alex. to Roman conquest"), и „Проблемы греческой исторіи" („Problems in greek history". 1892); въ послѣдней книгѣ авторъ, охарактеризовавъ важнѣйшіе изъ прежнихъ трудовъ по греческой исторіи, трактуетъ о разнообразныхъ вопросахъ, являющихся въ исторической литературѣ болѣе или менѣе спорными или вызывающихъ разногласіе,—объ отношеніи къ миѳамъ, о теоретической хронологіи, о тираннахъ и демократіяхъ, о великихъ историкахъ Греціи, политическихъ теоріяхъ и экспериментахъ въ IV в. до Р. Хр., практическихъ политикахъ IV-же в., объ Александрѣ В., о Греціи послѣ Александра и о римлянахъ въ Греціи [2]). Книга эта появилась въ началѣ 90-хъ годовъ и, слѣдовательно, говоря о ней, я выхожу за предѣлы разсматриваемаго пока періода. Тоже слѣдуетъ сказать и по поводу наиболѣе общаго по темѣ труда Магаффи—его обзора всей греческой цивилизаціи, вышедшаго въ 1897 г. („A survey of Greek civilisation"). Въ послѣднее время, въ виду массы новаго открытаго матеріала по внутренней исторіи Египта временъ Птолемеевъ и римскаго господства, Магаффи преимущественно занимается этою исторіею [3]).

Объ Abbot'ѣ я буду говорить далѣе, такъ какъ хотя I т. его труда вышелъ въ 1888 г., но остальные относятся къ болѣе позднему времени.

П. И Аландскій.

Что касается русской литературы, то у насъ имѣется „Исторія Греціи" П. И. Аландскаго (Кіевъ. 1-е изд.—1885) [4]). Это—лекціи, читанныя имъ въ Кіевскомъ университетѣ и на высшихъ женскихъ курсахъ въ концѣ 70-хъ и началѣ 80-хъ годовъ (П. И. Аландскій умеръ въ 1883 г) и изданныя послѣ его смерти подъ редакціей проф. Ю А. Кулаковскаго и проф. А. Козлова. Онѣ начинаются обширнымъ введеніемъ—о предметѣ и задачахъ исторической науки и объ источникахъ греческой исторіи. П. И. Аландскій обнаруживалъ склонность къ соціологіи и держался направленія, такъ сказать, соціологическаго. „Научнымъ типомъ исто-

---

[1]) На русск. яз.—Древнегреч жизнь. Спб. 1879.

[2]) См. объ этой книгѣ ст. А. Н. Шварца въ „Фил. Обозр.", III.

[3]) The Empire of the Ptolemies. London. 1895; A history of Egypt under Roman rule. Oxf. 1899.

[4]) О ней—ст. Ѳ. Г. Мищенка въ Зап. Каз. Унив., 1890, I.

ріи“ онъ считалъ тотъ, который ставитъ задачею „открытіе законовъ, т. е. единообразій въ сосуществованіи и послѣдовательности явленій“, а предметъ исторіи, по его мнѣнію, составляетъ изученіе различныхъ формъ „общественности“ и измѣненія въ ихъ строеніи и отправленіяхъ, т. е. измѣненія ихъ политическаго строя. Сообразно съ этимъ, П. И. Аландскій останавливаетъ свое вниманіе на исторіи внутренней—слѣдитъ за судьбою городскихъ общинъ, преимущественно спартанской и аѳинской, какъ „средоточій политической жизни Эллады вплоть до исхода IV в.“, за тѣми метаморфозами, которыя онѣ переживали, и преимущественно этому вопросу посвящены всѣ главы, за исключеніемъ упомянутаго введенія и небольшой I-й главы: „Эллады и эллины“, представляющей прекрасный очеркъ природныхъ условій Греціи и ея этнографіи. Въ аѳинской демократіи авторъ видитъ „наиболѣе совершенную форму общиннаго быта древнихъ грековъ, представляющую собою наиболѣе полное выраженіе того идеала общежитія, который сложился въ умѣ эллиновъ“. Изложеніе доведено до конца V в. до Р. Хр., причемъ исторія упадка и разложенія общиннаго быта въ древней Греціи изложена лишь въ самыхъ краткихъ чертахъ. Внѣшняя исторія—борьба грековъ съ варварами, ихъ междоусобія и т. под.—оставлена П. И. Аландскимъ совсѣмъ въ сторонѣ, а безъ этого, конечно, и самое объясненіе внутреннихъ перемѣнъ въ строѣ греческихъ государствъ, преимущественно Аѳинъ, не можетъ быть полнымъ и точнымъ.—Изложеніе отличается историко-философскимъ характеромъ. Въ книгѣ имѣются библіографическія указанія. Лекціи Аландскаго въ настоящее время значительно устарѣли, а недавно (1899) вышедшее 2-е изданіе ихъ—повтореніе перваго, безъ всякихъ перемѣнъ и добавленій.

Историко-философскимъ характеромъ отличается и „Введеніе въ курсъ исторіи древняго міра“ Н. И. Карѣева (Варшава. 1882; 2-е изданіе—съ небольшими лишь измѣненіями—Спб. 1886). Въ этой небольшой книжкѣ, написанной живо и ясно и, безъ сомнѣнія, хорошо извѣстной русскимъ читателямъ, въ общихъ чертахъ характеризуется ходъ прогресса въ древности [1]). *Н. И. Карѣевъ.*

По древностямъ мы имѣемъ „Очеркъ“ [2]), составленный нашимъ извѣстнымъ эпиграфистомъ В. В. Латышевымъ. Это—

[1]) Полезнымъ пособіемъ, въ особенности въ своемъ послѣднемъ изданіи, съ добавленіями А. Н. Щукарева, служитъ „Ист. Греціи“ Я. Г. Гуревича.

[2]) „Очеркъ грец. древностей“. Ч. I. Государств. и воен. древности (1-е изд.—вышло въ Вильнѣ въ 1880 г. и потомъ было кореннымъ образомъ пере-

В. В. Латышевъ

учебникъ, могущій служить прекраснымъ пособіемъ для „начинающихъ филологовъ“ [1]) и—добавимъ отъ себя—историковъ, прежде всего, конечно, для студентовъ. Авторъ воспользовался новѣйшею литературою предмета, главнымъ же образомъ извѣстными трудами Бузольта и Гильберта, а также и источниками, въ особенности надписями, какъ и слѣдовало ожидать отъ такого знатока ихъ. Обыкновенно въ концѣ каждаго параграфа помѣщены библіографическія указанія; но, имѣя въ виду иную цѣль, нежели Гильбертъ и Бузольтъ, предназначая свое руководство не для спеціалистовъ, а для „начинающихъ филологовъ“ и даже „гимназистовъ старшихъ классовъ“, В. В. Латышевъ ограничивается въ ссылкахъ и указаніяхъ лишь самымъ необходимымъ, дѣлаетъ выборъ изъ множества иностранныхъ работъ по тому или иному вопросу, и такой пріемъ оказывается, конечно, вполнѣ цѣлесообразнымъ, иначе недостаточно еще подготовленныя лица не могли бы разобраться въ той массѣ литературныхъ указаній, какую находимъ, напр., у Бузольта и Гильберта. Зато В. В. Латышевъ обращаетъ большое вниманіе на русскую литературу и въ свои библіографическіе перечни внесъ указанія на русскія книги и статьи. Въ 3-мъ изданіи этого „Очерка“, пересмотрѣнномъ А. Н. Щукаревымъ (1897), приняты во вниманіе данныя вновь открытыхъ источниковъ, такъ-что это пособіе вполнѣ соотвѣтствуетъ современному состоянію науки.

Изъ другихъ нашихъ эллинистовъ здѣсь слѣдуетъ назвать Э. Р. ф.-Штерна и Ѳ. Г. Мищенка.

Э. Р. ф.-Штернъ.

Главные труды Э. Р. ф.-Штерна, профессора Новороссійскаго университета, непосредственно касающіеся греческой исторіи, написаны, впрочемъ, на нѣмецкомъ языкѣ. Это—„Исторія спартанской и ѳиванской гегемоніи“ („Geschichte der spartanischen und thebanischen Hegemonie“. Dorp. 1884), лучшее, основное сочиненіе по данному вопросу, и изслѣдованіе объ эфоратѣ (Zur Entstehung und ursprünglichen Bedeutung des Ephorats in Sparta. Berl. 1894) [2]).

работано [2-е изд.—Спб. 1888; 3-е, пересмотрѣнное А. Н. Щукаревымъ—1897]); ч. II. Богослужебн. и сценич. древн. Спб. 1889; 2-е изд.—1899 г.

[1]) Авторъ свою книгу скромно называетъ „пособіемъ для гимназистовъ старшихъ классовъ и для начинающихъ филологовъ“, но въ данномъ случаѣ мы скорѣе раздѣляемъ мнѣніе А. Н. Шукарева (см. его отзывъ въ „Ж. М. Н. Пр.“, 1889, февр., и отвѣтъ В. В. Латышева ibid., мартъ) и думаемъ, что по своему объему и серьезности—это не гимназическое пособіе

[2]) Изъ „Berliner Studien“, XV, 2, 1894.

Изъ его работъ на русскомъ языкѣ въ области греческой исторіи въ особенности нужно отмѣтить небольшую по объему, но интересную по высказаннымъ въ ней взглядамъ статью о Солонѣ и дѣленіи аттическаго гражданскаго населенія на имущественные классы, въ которой онъ старается доказать, что учрежденіе этихъ классовъ не есть результатъ законодательной дѣятельности Солона Статья эта, впрочемъ, относится уже къ 90-мъ годамъ [1]). Проф. ф.-Штерну принадлежатъ, кромѣ того, многочисленныя изслѣдованія по археологіи южной Россіи, большею частью на русскомъ языкѣ.

Ѳ. Г. Мищенко.

Ѳ. Г. Мищенко, проф. Казанскаго университета, уже болѣе тридцати лѣтъ неустанно работаетъ въ области греческой литературы, исторіи и древностей. Кромѣ извѣстныхъ переводовъ Страбона, Геродота, Ѳукидида и Полибія, ему принадлежитъ „Опытъ по исторіи раціонализма въ древней Греціи“ (1881), въ которомъ онъ касается главнымъ образомъ Ѳукидида и его мировоззрѣнія, и изслѣдованіе о Ѳукидидѣ, въ видѣ „Послѣсловія къ переводу“ (1888), представляющее всестороннюю характеристику величайшаго историка древности, критическій разборъ новѣйшихъ нападокъ на него и полную безпристрастія оцѣнку его. Многочисленныя и разнообразныя по содержанію статьи Ѳ. Г. Мищенка, которыя мы здѣсь не имѣемъ возможности перечислять, разсѣяны по разнымъ періодическимъ изданіямъ — „Кіевск. Унив. Изв.“, „Журн. Мин. Нар. Просв.“, „Зап. Казан. Унив.“, „Филолог. Обозр.“, „Русской Мысли“, а также въ „Энциклоп. Словарѣ“ Брокгауза и Ефрона.

Можно упомянуть еще о работахъ проф. Д. Ѳ. Бѣляева, касающихся Еврипида и его воззрѣній (см. выше, стр. 30, прим. 2).

Открытія 90-хъ годовъ и начала XX в.

90-е годы XIX и начало XX в. ознаменованы замѣчательными открытіями по части папирусовъ [2]), и если 70-е и 80-е годы можно назвать эпохой эпиграфики, то съ 90-хъ годовъ

[1]) Помѣщена въ Χαριστήρια, Сборн. въ честь Ѳ. Е. Корша. М. 1896.

[2]) Wilcken, Griech. Papyri. Die griech. Papyrusurkunden. Berlin. 1897; его-же, Der heutige Stand der Papyruskunde (N. Jahrb. f. d. klass. Altert., VII, 1901); Gradenwiz, Einführung in die Papyruskunde. Leipz 1900; Mitteis, Aus den griech. Papyrusurkunden. Leipz. 1900; Couvreur, Inventaire sommaire des textes grecs classiques retrouvés sur papyrus (Rev. de philol., XX. 1896). Перечень обнародованныхъ папирусовъ, содержащихъ документы, далъ Wilcken въ Archiv für Papyrusforschung, I. 1900; перечень литературныхъ текстовъ—

наступила эпоха папирологіи; послѣдняя заступаетъ мѣсто эпиграфики.

Начало открытія греч. папирусовъ.

Отдѣльныя находки папирусовъ дѣлались уже давно. Первый греческій папирусъ былъ найденъ въ Египтѣ еще въ 1778 г. и изданъ въ 1788 г. (такъ наз. Charta Borgiana); а въ 40-хъ годахъ истекшаго вѣка англійскимъ ученымъ Hariss'омъ были вывезены изъ Египта отрывки рѣчей Гиперида Но массовыя открытія начинаются съ 1877/8 г., когда въ Фаюмѣ, преимущественно въ Крокодилополѣ или Арсиноѣ, туземцами найдено было, среди разныхъ отбросовъ, множество папирусовъ: они валялись здѣсь на мѣстѣ развалинъ и представляли, повидимому, остатки многочисленныхъ архивовъ и библіотекъ [1]). Папирусы эти, благодаря германскому консулу Travels'у и австрійскому—Graf'у, перешли частью въ Берлинъ, частью въ Вѣну, гдѣ они составили извѣстную коллекцію эрцгерцога Райнера.

Великія открытія 1891 г.

Но самыя поразительныя открытія въ этомъ родѣ относятся къ послѣднему десятилѣтію истекшаго столѣтія. Можно сказать, что со временъ гуманизма и возрожденія не было такихъ находокъ по части древнихъ рукописей, какими ознаменовалось начало 90-хъ годовъ XIX в.[2]).

Папирусы Фл. Петри

Уже извѣстный намъ изслѣдователь Египта, англичанинъ Флиндерсъ Петри (см. выше, стр. 394) въ томъ-же Фаюмѣ, въ Gurob'ѣ, сдѣлалъ интересную находку въ картоннажахъ, въ которые положены были муміи: картоннажи эти дѣлались изъ папирусовъ, служившихъ очевидно макулатурой; папирусы удалось отдѣлить и среди нихъ оказались очень древнія рукописи, III в. до Р. Хр., въ томъ числѣ рукопись Платонова „Федона“, на 1100 съ лишкомъ лѣтъ древнѣе самой старинной изъ извѣстныхъ намъ раньше; фрагменты изъ X пѣсни Иліады, изъ утраченной пьесы Еврипида — „Антіопы“; текстъ, касающійся Третьей Сирійской войны времени Птолемея Эвергета (247/6); отрывокъ изъ такъ

Cronert, ibid.; см. также обзоры: Haberlin'a (въ Centralblatt f. Bibliothekswesen XIV. 1897) и Viereck'a (въ Jahresbericht f. Altertumswiss.. XCVIII. 1898; CII. 1899). Кромѣ того,—ст. Crusius'a въ Beil. zur Allgem. Zeitung. 1897, № 52; A. Bauer, Die Forschungen zur griech. Gesch. 1888—98. Munchen. 1899, и его-же бюллетень въ Rev. histor., 1901, sept.—oct.; М. М. Хвостовъ, Краткій отчетъ о заграничной командировкѣ (Зап. Каз. Унив, 1902, мартъ).

[1]) Wilcken, Griech. Papyri.

[2]) Blass, Die Entdeckungen auf dem Gebiete d. klassisch. Philologie im J. 1891. Kiel. 1892 (рѣчь).

назыв. *νόμιμα βαρβαρικά*, приписываемыхъ Аристотелю (см. стр. 216), и разнаго рода документы — завѣщанія, контракты, счета, росписки, судебныя рѣшенія, письма и т. под.

Сообщеніе объ этой находкѣ появилось еще въ концѣ 1890 г.[1]), а въ 1891 г. извѣстный дублинскій профессоръ Магаффи опубликовалъ 1-ю часть „Папирусовъ Флиндерса Петри“[2]); въ 1893 г. издана имъ 2-я ч. и въ 1894 г.—приложенія къ нимъ (Appendix).

Открытіе „Аѳ. Пол.“

Въ самомъ началѣ 1891 г. разнеслась вѣсть объ еще болѣе важной и неожиданной находкѣ: на столбцахъ Times, отъ 19 января (н. ст.), вдругъ появилось сообщеніе, что Британскимъ музеемъ незадолго передъ тѣмъ пріобрѣтена была въ Египтѣ—изъ источника, который по нѣкоторымъ причинамъ неудобно называть (sic)[3])—коллекція папирусовъ, содержаніе коихъ при покупкѣ не было извѣстно, и что при ближайшемъ изслѣдованіи среди нихъ оказался трактатъ объ аѳинской конституціи, приписысаемый Аристотелю,—трактатъ, составлявшій часть знаменитыхъ „Политій“, которыя, казалось, утрачены были навсегда и объ утратѣ которыхъ такъ скорбѣли историки и государствовѣды. Тутъ-же давалось краткое описаніе рукописи, приводилось ея содержаніе и заявлялось, что изданіе ея уже готово и черезъ нѣсколько дней будетъ опубликовано[4]).

Извѣстіе Times о находкѣ утраченнаго трактата Аристотеля, тотчасъ переданное телеграфомъ во всѣ концы культурнаго міра, взволновало спеціалистовъ и возбудило вниманіе образованнаго общества. Съ нетерпѣніемъ и нѣкоторымъ сомнѣніемъ ожидали исполненія обѣщанія—опубликованія драгоцѣнной находки. И дѣйствительно, 30 января 1891 г. текстъ новообрѣтеннаго произведенія Аристотеля появился въ видѣ изящной книги, въ изданіи Kenyon'a (см. выше, стр. 158), ассистента въ отдѣленіи рукописей въ Британскомъ музеѣ. Такимъ образомъ, между первою вѣстью о находкѣ и опубликованіемъ трактата прошло всего 11 дней; очевидно, изданіе подготовлялось уже въ теченіе нѣкотораго времени, но дѣло держалось въ строгой тайнѣ.

Не смотря на нѣкоторые недостатки и промахи, опечатки, ошибки противъ грамматики и ударенія, довольно понятныя, если

---

[1]) Ст. Mahaffy въ The Athenaeum, отъ 25 окт. и 6 дек. (н. ст.).

[2]) Mahaffy, On the Flinders Petrie Papyri. Dublin.

[3]) Повидимому, пріобрѣтеніе это — одинъ изъ результатовъ „англійскаго хозяйничанья“ въ Египтѣ.

[4]) См. мою „Аѳинск. Политію Аристотеля“. X. 1895.

вспомнить, съ какою поспѣшностью готовилось изданіе, не смотря на пробѣлы, обнаруживающіяся въ комментаріи, особенно тамъ, гдѣ дѣло идетъ о литературѣ предмета,—это editio princeps является во многихъ отношеніяхъ замѣчательнымъ трудомъ. Задача Кеніона была чрезвычайно трудная, и онъ выполнилъ ее если и не безупречно, то все-таки съ большимъ успѣхомъ. Онъ не только прочиталъ рукопись, далеко не столь разборчивую и не столь хорошо сохранившуюся, какъ говоритъ онъ въ своемъ введеніи, не только далъ болѣе или менѣе связный текстъ, возстановивъ его во многихъ мѣстахъ, но и снабдилъ свое изданіе комментаріемъ, касающимся преимущественно содержанія трактата, и обширнымъ введеніемъ, въ которомъ описалъ рукопись, доказалъ тождество изданнаго текста съ „Аѳинской Политіей", приписываемой Аристотелю, и изложилъ въ общихъ чертахъ исторію государственнаго строя Аѳинъ, какъ она представляется на основаніи новаго источника.

Изданіе Кеніона встрѣчено было съ необычайнымъ интересомъ. Его требовали на-расхватъ, и уже черезъ нѣсколько дней понадобилось второе изданіе, а еще черезъ мѣсяцъ появилось и Facsimile папируса [1]), которое окончательно должно было разсѣять всякія подозрѣнія въ фальсификаціи, если таковыя и существовали. Появился рядъ изданій текста „Аѳинской Политіи" и въ другихъ странахъ; многочисленныя переводы ея быстро слѣдовали одинъ за другимъ (см. стр. 159). Спеціальные ученые органы, популярные журналы и газеты, всѣ спѣшили наперерывъ ознакомить своихъ читателей съ замѣчательною находкою и выяснить значеніе ея. По вопросу о новооткрытой „Политіи" возникла цѣлая, почти необозримая, литература, которой я уже касался раньше [2]).

Кеніонъ въ томъ же 1891 г. опубликовалъ литературные тексты и другихъ папирусовъ Британскаго музея (Classical texts from Papyri in the British Museum), между которыми оказались

---

[1]) Ἀθην Πολ.—Aristotle on the Constit of Athens. Facsimile of Papyrus CXXXI in the British Museum etc. 1891.

[2]) Здѣсь напомню лишь, что въ 1892 г. Кеніонъ выпустилъ 3-е изд., значительно исправленное и дополненное; что для историка особенно важно по своимъ комментаріямъ изданіе Sandys'a (1893) (среди же русскихъ изданій слѣдуетъ отмѣтить принадлежащее А. М. Ловягину), а изъ трудовъ объ Аѳ. Пол. наиболѣе крупные—Keil'я (Die Solon. Verfassung in Aristot. Verfassungsgesch. 1892) и Wilamowitz'a (Aristot. und Athen. 1893. 2 Bde). Подробнѣе см. выше, стр. 159 сл., и въ моей книгѣ, „Аѳин. Политія Аристотеля". X. 1895.

большой отрывокъ одной изъ утраченныхъ рѣчей Гиперида [1]) и комическія бытовыя сценки или миміамбы Герода (Геронда) [2]), — литературныя произведенія, о которыхъ раньше мы не имѣли никакого понятія. Далѣе, онъ же издалъ Greek Papyri in the British Museum. Catalogue with texts (1893—8. 2 т.) [3]),—описаніе и текстъ папирусовъ, преимущественно счетовъ и иныхъ документовъ, имѣющихъ значеніе главнымъ образомъ для хозяйственной исторіи Египта въ эллинистическую и римскую эпоху. А въ 1897 г. Кеніономъ открыто и издано около 20 одъ или балладъ Вакхилида [4]). Наконецъ ему-же принадлежитъ „Палеографія греческихъ папирусовъ“ (Palaeography of Greek Papyri. 1899), съ каталогомъ литературныхъ текстовъ, и изданный въ честь голландскаго ученаго Herwerden'a трактатъ, въ которомъ опубликованъ между прочимъ отрывокъ изъ эпоса о Діонисѣ (1902).

Другія публикаціи Кеніона.

Между тѣмъ въ Англіи же начали появляться замѣчательныя публикаціи Grenfell'я (издаваемыя имъ большею частью совмѣстно съ Hunt'омъ и нѣкоторыми другими учеными).

Публикаціи Grenfell'я и Hunt'a.

Такъ, въ 1896 г. опубликованъ былъ любопытный папирусъ, пріобрѣтенный Флиндерсомъ Петри и содержащій податной уставъ Птолемея Филадельфа 259/8 г. до Р. Хр.[5]). Нечего и говорить, какъ важенъ этотъ документъ для хозяйственной исторіи Египта той эпохи. Въ томъ же году (1896) вышло другое изданіе Grenfell'я, заключающее въ себѣ отрывокъ одной александрійской поэмы эротическаго содержанія [6]) и нѣкоторые иные папирусы эпохи Птолемеевъ, большею частью документы, касаю-

[1]) См. ст. А. Н. Шварца, Нов. отрывки рѣчей Гиперида („Фил. Обозр.“, III, 1893).

[2]) Новые отрывки изъ Герода опубликованы Кеніономъ въ Archiv f. Papyrusforsch., I, 1901. На русск. яз. о миміамбахъ Герода—лекція Ѳ. Ф. Зѣлинскаго („Филол. Обозр.“, II, 1892 и отдѣльно) и актовая рѣчь Л. Ф. Воеводскаго (Одесса. 1894).

[3]) Въ I т. описаны папирусы, пріобрѣтенные до 1890, а во II—пріобрѣтенные съ 1890 по 1895 г.

[4]) The poems of Bacchylides. 1897. См. выше, стр. 29, прим. 1. Кромѣ приведенныхъ тамъ указаній, см. еще франц. переводъ d'Eichthal'я и Th. Reinach'a (P. 1898) и ст. H. Weil'я въ Journ. des sav., 1898, и въ его Études sur l'antiquité grecque. P. 1900.

[5]) Grenfell and Mahaffy, The revenue laws of Ptolemy Philad. Oxf. 1896; здѣсь Mahaffy принадлежитъ введеніе, а Grenfell'ю—комментарій.

[6]) О ней на рус. яз.—ст. Ѳ. Ф. Зѣлинскаго, Новонайден. эротич. поэма Александр. эпохи („Филол. Обозр.“, XI, 1896).

щіеся займовъ, купли-продажи и т. под. [1]). Продолженіемъ этого изданія была „вторая серія“, изданная Grenfell'емъ совмѣстно съ Hunt'омъ [2]). Здѣсь находятся между прочимъ фрагментъ изъ Гомера (рукопись III до Р. Хр.), неизвѣстный дотолѣ отрывокъ изъ произведенія Ферекида Сирскаго [3]) и тоже многочисленные домументы эллинистической, римской и византійской эпохи.

Открытію и публикаціи новыхъ папирусовъ много содѣйствовало уже извѣстное намъ общество Egypt Exploration Fund, учредившее даже особую секцію съ спеціальною цѣлью— открывать и изучать остатки греко-римской культуры въ странѣ фараоновъ. По порученію этого общества Grenfell и Hunt произвели раскопки въ Оксиринхѣ, на границѣ Ливійской пустыни (см. выше, стр. 23), сопровождавшіяся поразительными результатами. Здѣсь найдены цѣлыя тысячи папирусовъ [4]) самаго разнообразнаго содержанія. Кромѣ отрывковъ религіознаго характера (напр. λόγια Іисуса Христа), между ними имѣются раньше неизвѣстное стихотвореніе Сафо [5]); хронологическій обзоръ греческой, римской и восточной исторіи съ 355 по 315 г. до Р. Хр. (см. выше, стр. 220); списки побѣдителей на Олимпійскихъ играхъ [6]); фрагментъ письма къ македонскому царю, касающійся союза Θивъ съ Олинѳомъ противъ Аминты; трактатъ или руководство по метрикѣ, приписываемое Аристоксену, и разные документы и частныя письма. Не останавливаясь на ихъ перечисленіи, укажу лишь въ видѣ примѣра, что между прочимъ сохранился изящный пригласительный билетъ на свадьбу приблизительно такого содержанія: „Такая-то (имя рекъ) проситъ тебя принять участіе въ обѣдѣ по случаю свадьбы ея дѣтей, въ ея домѣ, завтра, 5-го, въ 3 часа“. Такой билетъ складывался и на оборотѣ писался адресъ съ обозначеніемъ имени приглашаемаго лица. Или, напр., одна домовладѣлица клятвенно увѣряетъ, что въ ея домѣ, „кромѣ вышепропи-

[1]) Grenfell, An Alexandrian erotic fragment and other Greek Papyri. 1896.

[2]) Grenfell and Hunt, Greek Papyri. Series II. New classical fragm and other Greek and Latin Papyri. Oxf. 1897.

[3]) Объ этомъ отрывкѣ — ст. H. Weil'я въ Rev. des études gr., 1897, и въ его Études sur l'antiquité grecque. P. 1900.

[4]) Grenfell and Hunt, The Oxyrhynchos-Papyri. 2 v. 1898—9. Изъ ст. о нихъ см. рец. Wilamowitz'a въ Gotting. gel. Anz., 1898.

[5]) Р. Х. Леперъ, Оксиринхская ода Сапфо (Ж. М. Н. Пр., 1901, и Сборн. въ честь П. В. Никитина. Спб. 1901).

[6]) О нихъ ст. Robert'a въ Hermes, XXXV. 1900, и Diels'a, ibid., XXXVI. 1901.

санныхъ лицъ, нѣтъ никого другаго, ни александрійца, ни римлянина, ни египтянина"; очевидно, администрація требовала точныхъ свѣдѣній о жильцахъ. Интересно также, особенно для юристовъ, обширное прошеніе нѣкоей Діонисіи къ префекту (186 г. по Р. Хр.) по дѣлу о приданомъ съ ссылками на прецеденты, проливающее свѣтъ на тогдашнее право и судопроизводство.

Зимою 1899—1900 г., производя раскопки по порученію Калифорнійскаго университета, Grenfell и Hunt открыли развалины города Tebtunis и при этомъ въ муміяхъ священныхъ крокодиловъ нашли большое число свертковъ папирусовъ—документовъ Птолемеевой эпохи, преимущественно съ 130 по 80 г. до Р. Хр., освѣщающихъ внутреннюю исторію Египта [1]). Одна серія этихъ документовъ содержитъ болѣе 40 декретовъ одного изъ Птолемеевъ.

Упомянемъ еще о двухъ новѣйшихъ публикаціяхъ Grenfell'я и Hunt'a; это—Fayûm towns and their Papyri, изданные въ 1900 г. совмѣстно съ Hogarth'омъ и при содѣйствіи Egypt Exploration Fund [2]), и „Папирусы лорда Amherst'a (Amherst-Papyri; 2 ч. 1900—1). Въ послѣднемъ собраніи находимъ отрывокъ изъ трагедіи, именно изъ сцены, въ которой Гекторъ готовится къ бою съ Ахилломъ [3]); отрывокъ также изъ комментарія Аристарха къ одному изъ прозаиковъ и опять документы...

Поразительна и та быстрота, съ которою Grenfell и Hunt обнародываютъ свои богатыя находки. Въ общемъ, въ теченіе 5 лѣтъ ими издано около 540 текстовъ.

Публикаціи на континентѣ.

Въ то же время на континентѣ Европы одна публикація папирусовъ слѣдовала за другою. Въ 1892 г. предпринято изданіе папирусовъ Берлинскихъ музеевъ, при участіи Wilcken'a, Krebs'a (†), Viereck'a и друг. [4]). Въ 1895 г. въ Вѣнѣ вышелъ I т. Коллекціи эрцгерцога Райнера, подъ редакціей Wessely [5])

---

[1]) University of California Publications. Graeco-Roman Archaeology. V. I. Edit. by B. P. Grenfell, A. S. Hunt and J. G. Smyly. London. 1902.

[2]) Археологическій отчетъ Egypt Exploration Fund за послѣдніе годы (1901—2) изданъ Griffith'омъ (Egypt Explor. Fund. Archaeol. Report 1901—2. Ed. by F. L. Griffith. London. 1903).

[3]) Есть мнѣніе, что это отрывокъ изъ „Гектора" Астидама.

[4]) Ägyptische Urkunden aus den königl. Museen zu Berlin. См. также Krebs, Aus den Papyrus d. königl. Museen. Handbücher d. königl. Museen zu Berlin. Berlin. 1899 (большое число текстовъ въ перев. и съ комментаріями).

[5]) Corpus Papyrorum Raineri Archiducis

Nicole обнародовалъ папирусы, находящіеся въ Женевѣ [1]), и, кромѣ того, отдѣльно—новооткрытый отрывокъ изъ комедіи Менандра подъ заглавіемъ: „Земледѣлецъ“ [2]). Во Франціи Revillout и Eisenlohr положили начало изданію Corpus Papyrorum Aegypti. Обнародованы между прочимъ и новые отрывки рѣчей Гиперида [3]), пріобрѣтенные Revillout для Луврскаго музея еще въ 1888 г., а Mélanges sur la métrologie, l'économie politique et l'histoire de l'ancienne Egypte (1895) Ревилью служатъ какъ-бы дополненіемъ къ Берлинскимъ папирусамъ и къ тѣмъ, которые изданы въ Англіи. Среди Берлинскихъ папирусовъ недавно нашлись новые отрывки изъ Сафо [4]).

Къ послѣднему времени относятся двѣ еще болѣе выдающіяся находки.

„Персы“ Тимоѳея.

Въ 1902 г. Борхгардтомъ, по порученію Нѣмецкаго Восточнаго Общества, предприняты были раскопки въ Абуширѣ, неподалеку отъ Каира, причемъ найденъ папирусъ, содержащій значительную часть (около половины) текста „Персовъ“ Тимоѳея Милетскаго (ок. 400 г. до Р. Хр.), до сихъ поръ извѣстнаго намъ лишь по имени. Это—диѳирамбъ на тему о Персидскихъ войнахъ, первый дошедшій до насъ образчикъ произведеній подобнаго рода и древнѣйшая рукопись изъ всѣхъ сохранившихся на папирусахъ: она, вѣроятно, принадлежитъ концу IV в. до Р. Хр. и лишь около полувѣка отдѣляетъ ее отъ смерти автора [5]).

Другая находка особенно важна для насъ, историковъ.

Новооткрытая хроника.

Въ концѣ 1898 г. въ Каирѣ пріобрѣтенъ былъ папирусъ, нынѣ хранящійся въ Страсбургской университетской библіотекѣ подъ № 84 и недавно (1902) изданный Бруно Кейлемъ подъ заглавіемъ: „Anonymus Argentinensis“. На лицевой сторонѣ имѣется какой-то незначительный счетъ, а на оборотной—текстъ историческаго содержанія, своего рода хроника или, точнѣе, извлеченіе изъ хроники. Авторъ ея неизвѣстенъ; поэтому Кейль и

---

[1]) Les papyres de Genève. 1896—1900

[2]) Nicole, Le laboureur de Ménandre. Fragments inédits de papyrus. Genève. 1898 (другое изд. этихъ отрывковъ принадлежитъ Grenfell'ю и Hunt'у).

[3]) Противъ Аѳиногена. См. только-что упомянутое въ текстѣ изданіе, III, и Weil въ Rev. des ét. gr., 1892, avr.—juin, а также его Études sur l'antiquité grecque, 1900, и назван. уже ст. А. Н. Шварца въ „Филол. Обозр.“.

[4]) Sitz.-ber d. Berl. Ak. d. Wiss., 1902, Febr.; Blass, Hermes, XXXVII. 1902; Solmsen, Rh. Mus., 57 B., 1902.

[5]) Berl. Phil. Wochenschr., 1902, № 40.

назвалъ ее „Страсбургскимъ анонимомъ“ (Anonymus Argentinensis). Рукопись относится ко второй половинѣ I в. по Р. Хр.

Этотъ небольшой новооткрытый памятникъ, въ 20 съ лишкомъ, да и то неполныхъ, строкъ, важенъ для исторія Аѳинъ V в. Въ сохранившейся части папируса говорится объ эпистатахъ—очевидно, коммиссіи для возведенія зданій на акрополѣ, и о началѣ постройки Парѳенона; о предложеніи Перикла, сдѣланномъ въ архонтство Евтидема, и перенесеніи союзной казны въ „городъ“, т. е. въ Аѳины, въ акрополь, причемъ показана и цифра ея—5000 тал., тутъ-же упоминается о сооруженіи новыхъ 100 тріэръ; далѣе сообщается о походѣ аѳинянъ кому-то на помощь противъ Ѳивъ, о тріэрѣ какого-то оратора, о періодахъ Пелопоннесской войны—Декелейскомъ и Архидамовомъ, о пораженіи аѳинянъ въ эту войну, въ связи съ именемъ, повидимому, Адиманта (котораго, какъ извѣстно, обвиняли въ предательствѣ); затѣмъ рѣчь идетъ о „Тридцати“ и о реформахъ въ финансовомъ и судебномъ дѣлѣ; по крайней мѣрѣ, упомянуты казначеи и „прежніе колакреты“, ѳесмоѳеты, ареопагъ и, послѣ ссылки на „хронографіи“ и, повидимому, Аттиду,—номофилаки, а въ послѣднихъ сохранившихся строкахъ говорится о лицахъ, получающихъ гражданство.

Къ сожалѣнію, отъ папируса сохранилась лишь правая половина строкъ, лѣвой же не имѣется: она оторвана. Недостающее начало строкъ приходится, слѣдовательно, возстановлять путемъ комбинацій и догадокъ. Издатель Кейль, уже извѣстный намъ авторъ одной изъ лучшихъ монографій, посвященныхъ „Политіи“ Аристотеля, выполнилъ свою задачу блистательно, съ удивительнымъ знаніемъ исторіи и памятниковъ, съ необыкновеннымъ остроуміемъ, находчивостью и даромъ дивинаціи. Возстановленію текста и объясненію его онъ посвятилъ особыя главы и, такимъ образомъ, по поводу небольшаго открытаго отрывка онъ написалъ цѣлую книгу, составляющую, можно смѣло сказать, одно изъ замѣчательныхъ явленій въ современной научной литературѣ по греческой исторіи. У него получается стройная картина развитія аѳинской исторіи V в. до Р. Хр.: все здѣсь такъ тѣсно связано между собою, такъ послѣдовательно вытекаетъ одно изъ другаго, причемъ на многіе факты бросается неожиданный, новый свѣтъ, и они получаютъ для насъ новый смыслъ, иное значеніе, въ цѣпи другихъ явленій. Но нужно сознаться, что у Кейля во многихъ случаяхъ не было твердой почвы; поэтому, у него слишкомъ много догадокъ, очень смѣлыхъ, и не всѣ его возстановленія и гипотезы

безспорны Укажу напр. на его догадки относительно тріэры и имени оратора; все это слишкомъ шатко и, на мой взглядъ, мало убѣдительно.

Во всякомъ случаѣ, даже если не соглашаться со всѣми возстановленіями и выводами Кейля, изданный имъ папирусъ, какъ источникъ, имѣетъ немалое значеніе: это—хроника, съ точными хронологическими деталями, бросающая новый лучъ свѣта на исторію Аѳинъ V в., и нѣкоторыя ея сообщенія, безспорно, важны. Ея текстъ, напр., даетъ основаніе думать, что союзная казна перенесена въ Аѳины не въ 454 г., какъ довольно прочно казалось установленнымъ на основаніи указаній въ надписяхъ, а въ „архонтство Евтидема", т. е. въ 450/49 г. Къ числу интересныхъ сообщеній относится также упоминаніе о номофилакахъ. До открытія „Аѳинской Политіи" Аристотеля вопросъ о номофилакахъ былъ спорнымъ: одни полагали, что этотъ институтъ возникъ въ связи съ Эфіальтовою реформою, другіе относили его къ Македонской эпохѣ. Совершенное молчаніе Аристотеля о номофилакахъ въ „Политіи" рѣшило, казалось, вопросъ въ пользу втораго мнѣнія, и ученые пришли къ заключенію, что номофилаки впервые появляются въ Македонскую эпоху. Теперь вопросъ этотъ снова подымается, такъ какъ, судя по словамъ новооткрытой хроники, институтъ номофилаковъ существовалъ въ V в.

Страсбургскій папирусъ представляетъ отрывокъ изъ исторической хроники; это — несомнѣнно эксцерптъ. Но изъ какого сочиненія? Многіе признаки указываютъ на Аттиду, хотя Кейль въ концѣ концовъ полагаетъ, что извлеченіе сдѣлано не изъ Аттиды, а изъ историческаго сочиненія со связнымъ изложеніемъ. Авторъ былъ, очевидно, человѣкъ свѣдущій. Вновь найденный эксцерптъ еще разъ напоминаетъ намъ, какъ богата была историческая литература грековъ и какою въ сущности ничтожною по количеству частью ея мы располагаемъ.

Многочисленность и значеніе открытыхъ папирусовъ.

Благодаря всѣмъ этимъ открытіямъ и публикаціямъ общее число новообрѣтенныхъ текстовъ чрезвычайно возросло. Нѣкоторое понятіе объ этомъ могутъ дать слѣдующія цифры. По подсчету, сдѣланному еще въ серединѣ 90-хъ годовъ, найдено 24 рукописи съ произведеніями Гомера, 9—съ произведеніями Еврипида, 5—Аристотеля, Гиперида и Гесіода, а всего 112 рукописей однихъ литературныхъ произведеній, изъ коихъ 49 содержатъ новые для насъ отрывки или сочиненія. Но съ середины 90-хъ годовъ ма-

теріалъ нашъ еще болѣе возросъ, и въ теченіе послѣднихъ лѣтъ XIX в. издано около 1200 новыхъ папирусныхъ текстовъ.

Нечего, конечно, и говорить о томъ, какъ важны для насъ вновь обрѣтенныя произведенія, раньше считавшіяся совершенно утраченными или бывшія совершенно неизвѣстными. Но имѣютъ немалое значеніе и тѣ папирусы, которые содержатъ текстъ уже извѣстныхъ намъ раньше сочиненій, такъ какъ нерѣдко они представляютъ рукописи гораздо болѣе древнія, чѣмъ наши прежнія, иногда — лѣтъ на 800 и даже 1000 древнѣе извѣстныхъ намъ раньше кодексовъ. Есть рукописи, относящіяся къ III в. до Р. Хр., и такимъ образомъ въ папирусахъ мы имѣемъ традицію, которая непрерывно тянется въ теченіе почти 1000 лѣтъ, съ III в. до Р. Хр. и до VIII ст. по Р. Хр. (Вилькенъ). Папирусы, слѣдовательно, важны и для установленія надлежащаго текста, для интерпретаціи и т. д. Что касается папирусовъ, содержащихъ документы, то, какъ мы уже говорили неразъ, это—самый разнообразный матеріалъ—счета, квитанціи, контракты, завѣщанія отдѣльныхъ лицъ, правительственныя распоряженія, приказы, донесенія, судебные приговоры, прошенія, жалобы, письма и проч.,—матеріалъ, знакомящій съ государственнымъ устройствомъ, администраціей, судебными порядками, финансовой системой, хозяйствомъ и вообще съ состояніемъ Египта въ Александрійскую эпоху.

Въ настоящее время коллекціи папирусовъ находятся не только въ тѣхъ пунктахъ, о которыхъ мы уже говорили (стр. 23)—въ Лондонѣ, Оксфордѣ, Парижѣ, Берлинѣ, Вѣнѣ, Женевѣ—, но напр. и въ Страсбургѣ, Мюнхенѣ, Гейдельбергѣ, даже въ Грацѣ; въ Германіи почти каждая порядочная университетская библіотека стремится имѣть свою коллекцію папирусовъ. Имѣются онѣ въ Африкѣ (въ Каирѣ, Александріи) и въ Америкѣ (Чикаго). Существуютъ и частныя собранія (напр. лорда Amherst'a) [1]).

Въ виду разбросанности подобнаго рода матеріала, посвященныхъ ему публикацій и изслѣдованій, явилась настоятельная надобность въ какомъ-либо центральномъ органѣ, въ которомъ сосредоточивались бы свѣдѣнія по папирологіи. Такимъ органомъ является Archiv für Papyrusforschung und verwandte Gebiete (I-й выпускъ—1900), основанный Вилькеномъ, однимъ изъ самыхъ выдающихся современныхъ знатоковъ папирусовъ. Мелькаетъ мысль и объ изданіи полнаго собранія папирусовъ,

[1]) Wilcken, Der heut. Stand d. Papyruskunde (N. J., VII, 1901).

Corpus Papyrorum, на подобіе Corpus Inscriptionum; но осуществленіе ея признается преждевременнымъ, рискованнымъ, въ виду не прекращающихся крупныхъ и совершенно неожиданныхъ находокъ въ области папирологіи.

Надъ разборомъ, изданіемъ и изслѣдованіемъ греческихъ папирусовъ въ настоящее время работаетъ рядъ ученыхъ. Кромѣ уже названныхъ выше, слѣдуетъ отмѣтить еще имена Lumbroso [1]) и нѣмецкихъ юристовъ Mitteis'a [2]), Gradenwitz'a [3]), Wenger'a [4]). И тѣмъ не менѣе, какъ справедливо замѣчаетъ Вилькенъ, издана лишь незначительная часть громаднаго матеріала; еще меньшая доля его разработана; остальное ждетъ еще публикацій и дальнѣйшихъ изслѣдованій.

Ostraka. По характеру и содержанію близко стоитъ къ разсмотрѣннымъ публикаціямъ папирусовъ изданіе Вилькена: „Griechische Ostraka aus Aegypten und Nubien" (Leipz.-Berl. 1899, 2 т.). Въ Египтѣ черепки служили даровымъ писчимъ матеріаломъ; ими между прочимъ пользовались банковскіе чиновники и сборщики податей для квитанцій. Изданныя Вилькеномъ надписи и представляютъ подобнаго рода росписки. При всей незначительности каждой изъ нихъ въ отдѣльности, въ общемъ онѣ въ свою очередь проливаютъ немало свѣта на финансовое управленіе Египта въ греко-римскую эпоху [5]). Вилькенъ не только ихъ издалъ, но и снабдилъ обширнымъ введеніемъ, въ которомъ съумѣлъ выяснить все значеніе этого на первый взглядъ однообразнаго и скуднаго источника и освѣтить, съ помощью его, исторію финансоваго управленія греко-римскаго Египта.

Періам. рукописи Въ концѣ XIX и началѣ XX в. сдѣланы замѣчательныя открытія не только по части папирусныхъ рукописей, но и иныхъ. Такъ, Reitzenstein открылъ въ одномъ ватиканскомъ палимпсестѣ

---

[1]) Recherches sur l'économie politique de l'Egypte sous les Lagides. 1870,— трудъ, составившій эпоху; L'Egitto dei Greci e dei Romani. 1895 (2-е изд.).

[2]) Ему принадлежитъ капитальный трудъ Reichsrecht und Volksrecht in den osthchen Provinzen des romisch Kaiserreichs. Leipz. 1891, въ которомъ онъ воспользовался папирусами См. также его рѣчь: „Aus den Griechischen Papyrusurkunden". Leipz. 1900

[3]) Einfuhrung in die Papyruskunde. Leipz. 1900, и статьи въ Archiv f. Papyrusforsch.

[4]) Rechtshistorische Papyrusstudien. Graz. 1902.

[5]) См. ст. М. И Ростовцева, „Нов данныя для исторіи финансоваго управленія греко-римск. Египта" (по поводу изданія Вилькена) (Ж. М Н. Пр, 1900, мартъ).

отрывки изъ 7-й книги „Исторіи діадоховъ“ Арріана (см. стр. 222); А. И Пападопуло-Керамевсъ обнародовалъ новые отрывки изъ лексикона, изъ исторіи Александра Македонскаго (неизвѣстнаго автора) и изъ Аполлодоровой Библіотеки. Среди рукописей, поступившихъ въ Императорскую Публичную Библіотеку отъ епископа Порфирія Успенскаго, В. К. Ернштедтъ открылъ на лоскуткахъ пергамента фрагменты изъ Менандра [1]). Отрывки эти отчасти были уже извѣстны: ихъ издалъ Кобетъ въ 1876 г. по копіи Тишендорфа; но рукопись считалась затерянною. Еп. Порфирій нашелъ ее въ монастырѣ Св. Екатерины на Синаѣ. В. К. Ернштедтъ не только, такъ сказать, вторично открылъ отрывки, но и прочиталъ въ рукописи вдвое больше, чѣмъ Тишендорфъ.—Въ томъ-же монастырѣ Св. Екатерины на Синаѣ двѣ англичанки, сестры Lewis, среди христіанскихъ рукописей нашли и нѣкоторыя сочиненія древнихъ авторовъ.

Эпиграфика

Эпиграфика въ 90-хъ годахъ истекшаго и въ началѣ XX в. стояла, по сравненію съ папирологіею, какъ-бы на второмъ планѣ; но и она продолжала развиваться Къ разсматриваемому періоду относится большинство тѣхъ изданій, которыя мною названы въ концѣ 20 и началѣ 21 стр. этой книги. Къ нимъ надо присоединить еще слѣдующія, появившіяся въ самое послѣднее время: „Каталогъ Эпиграфическаго музея въ Аѳинахъ“, первая часть котораго издана подъ редакціей Лоллинга (1899) [2]); сборникъ надписей Пелопоннеса и сосѣднихъ острововъ [3]), древнѣйшихъ ѳессалійскихъ [4]), Магнесіи на Меандрѣ [5]), о-ва Коса [6]). Появился и I т. мало-азіатскихъ надписей, о которыхъ мы говорили на стр. 21 [7]). Нѣкоторыя мало-азіатскія надписи,

---

[1]) В. К. Ернштедтъ, Порфирьевскіе отрывки изъ аттич. комедіи. Спб. 1891.

[2]) Βιβλιοθήκη τῆς ἐν Ἀθήναις ἀρχαιολογικῆς ἑταιρίας. Κατάλογος τοῦ ἐν Ἀθήναις Ἐπιγραφικοῦ Μουσείου. Τ. Ι. Ἐπιγραφαὶ ἐκ τῆς Ἀκροπόλεως. Τεῦχος πρῶτον, Ἀρχαϊκαὶ ἀναθηματικαὶ ἐπιγραφαὶ ὑπο H. G. Lolling.

[3]) Corpus Inscr. Graecarum Peloponnesi et insularum vicinarum. V. I. 1902. ed. M. Fränkel (по поруч. Берл. Акад. Наукъ)

[4]) O. Kern, Inscriptionum thessalicarum antiquissimarum sylloge. Rostock. 1902.

[5]) O. Kern, Die Inschriften von Magnesia am Meander (Königl Museen zu Berlin). Berlin. 1900.

[6]) Herzog, Koische Forschungen und Funde Leipz. 1899.

[7]) Tituli Asiae Minoris (изд. Вѣнск. Акад. Наукъ). V. I. Tituli Lyciae lingua lycia conscripti enar. E. Kalinka. Wien. 1901.

списанныя русскимъ ученымъ Я. И. Смирновымъ во время его экспедиціи въ М. Азію, издаль и объяснилъ Е. М. Придикъ [1]). На Паросѣ найденъ новый—и притомъ большой—отрывокъ знаменитаго „Паросскаго камня“ или хроники, содержащій хронологическій обзоръ отъ смерти Филиппа Македонскаго (336 г.) до архонтства Евктемона (299 г.) [2]).

Къ именамъ уже намъ извѣстныхъ знатоковъ надписей слѣдуетъ присоединить имена Hiller von Gaertringen'a, изслѣдовавшаго преимущественно надписи о-ва Θеры, Свободы [3]), Лоллинга, Вольтерса, Вильгельма, а у насъ—С. А. Жебелева [4]), Р. Х. Лепера [6]), А. М. Придика [5]), С А. Селиванова [7]). Къ разсматриваемому періоду относится появленіе въ свѣтъ и крупныхъ работъ А. В. Никитскаго, которыя посвящены дельфійскимъ надписямъ и о которыхъ я уже раньше упоминалъ [8]).

Австрійскій Институтъ

Въ 1899 г. при Эпиграфическо-археологическомъ семинаріи въ Вѣнѣ, основанномъ Conze и Hirschfeld'омъ, образовался Археологическій Институтъ [9]), органомъ котораго служатъ Jahreshefte des Oesterreichischen Archaologischen Instituts in Wien, изданіе, замѣнившее прежнее Archäolog.-epigraphischen Mittheilungen aus Osterreich-Ungarn, и австрійскіе ученые начали принимать болѣе дѣятельное участіе въ раскопкахъ въ предѣлахъ древне-греческаго міра. Основанный въ Константинополѣ Русскій Археологическій Институтъ (1894) имѣетъ въ виду болѣе византійскіе памятники; тѣмъ не менѣе и онъ содѣйствовалъ изученію памятниковъ классической древности, особенно въ лицѣ Б. Ф. Фармаковскаго, спеціалиста по классиче-

Русскій Институтъ въ Константинополѣ.

---

[1]) Ж. М. Н. Пр, 1900, апр.

[2]) Перев. этого отрывка—въ „Археологич. хроникѣ“ С. А. Жебелева („Фил. Об.“. XII. 1897).

[3]) См. въ особенности его „Die griechischen Volksbeschlusse. Leipz. 1890.

[4]) Религіозн. врлчев. въ древн. Греціи. Спб. 1893 (Зап. Имп. Рус. Арх Общ., VI); Къ исторіи образованія послѣ-Клисѳенов. филъ (Сборн. въ честь Θ. Θ. Соколова. Спб. 1895); Изъ исторіи Аѳинъ. 229—31 годы до Р. Хр. Спб. 1898.

[5]) Къ вопросу о димахъ Аттики (изъ Ж. М. Н. Пр., 1891—3); Die Trittyen und Demen Atticas (Mittheil. d. Arch. Inst., XVII. 1892).

[6]) De Cei insulae rebus. Dorp. 1892.

[7]) Кромѣ статей,—см. его: „Очерки древн. топогр. о-ва Родоса“. Каз. 1892.

[8]) См. выше, стр. 368. О В. В. Латышевѣ и нѣкоторыхъ другихъ русскихъ эпиграфистахъ см. ibid.

[9]) Studniczka, Das österreich. archaolog. Institut und seine Zeitschrift (N. Jahrb. f. d. klass. Altert. III. 1899).

ской археологіи [1]), бывшаго въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ секретаремъ Института. Среди греческихъ археологовъ, кромѣ названныхъ уже раньше, слѣдуетъ отмѣтить еще Стаиса и Цунду.

Раскопки.

Въ концѣ XIX и началѣ XX в. раскопки [2]) продолжались почти во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ производились онѣ и раньше; частью велись въ нѣкоторыхъ новыхъ.

Самыми замѣчательными изъ нихъ являются раскопки Дерпфельда въ Аѳинахъ и Троѣ, раскопки Французской школы въ Дельфахъ и особенно открытія англичанина Evans'a и итальянскихъ археологовъ на Критѣ.

Раскопки Дерпфельда въ Аѳинахъ.

Дерпфельдъ, архитекторъ и археологъ, участвовавшій въ раскопкахъ въ Олимпіи, сотрудникъ Шлимана, своими изысканіями въ Аѳинахъ пролилъ новый свѣтъ на строительную дѣятельность временъ Кимона и Перикла и поднялъ рядъ вопросовъ, отчасти еще не вполнѣ рѣшенныхъ и теперь.

Дерпфельдъ изслѣдовалъ Пропилеи [3]) и уже въ 80-хъ годахъ пришелъ къ заключенію, что планъ ихъ былъ задуманъ еще въ Кимонову эпоху и притомъ въ болѣе грандіозномъ видѣ, нежели въ какомъ онъ былъ потомъ осуществленъ. По Дерпфельду, фундаментъ для Парѳенона заложенъ тоже при Кимонѣ. Такимъ образомъ, археологическими изысканіями его, а отчасти и другихъ, опровергается мнѣніе, по которому Кимонъ въ отношеніи строительной дѣятельности противополагается Периклу; первый, оказывается, былъ въ этомъ отношеніи предшественникомъ втораго, который лишь продолжалъ его дѣло; органичность и преемственность развитія въ исторіи Аѳинъ находитъ себѣ подтвержденіе и въ результатахъ археологическихъ изслѣдованій...

Дерпфельдъ изслѣдовалъ театръ Діониса и выставилъ новую теорію касательно устройства греческихъ театровъ вообще, по поводу которой теперь еще ведется споръ. Далѣе, онъ произвелъ раскопки между ареопагомъ и Пниксомъ, вообще изслѣдовалъ то-

---

[1]) См. напр. его ст. „Микены и Финикія", по поводу теоріи Гельбига (Фил. Обозр., XI. 1896); „Лесха книдянъ въ Дельфахъ" (Изв. Русск. Арх. Инст. въ Констант. IV. 1899); диссерт.—„Вазов. живопись и ея отношеніе къ монументальн. искусству въ эпоху послѣ Гр.-Перс. войнъ" (изъ „Зап. Имп. Русск Арх. Общ.", 1899 сл.).

[2]) См. лекцію Hiller von Gaertringen'a, Ausgrabungen in Griechenland. Berl. 1901, и въ особенности „Археологич. хронику" А. Н. Щукарева и С. А. Жебелева въ „Филол. Обозр.", съ 1891 г.

[3]) Mittheilungen. X. 1885.

нографію Аѳинъ. Греческое правительство экспропріировало весь западный склонъ ареопага и передало его въ вѣдѣніе Нѣмецкаго Археологическаго института, по порученію котораго Дерпфельдъ и началъ свои раскопки. Его разысканія касались главнымъ образомъ источника, принимаемаго имъ за *ἐπτάκρουνος*, — гипотеза, вызывающая тоже немалый споръ [1])—, и округа, посвященнаго Діонису; по мнѣнію Дерпфельда, здѣсь находился Ленейонъ, святилище Діониса Ленейскаго, что̀ въ „Болотахъ“ [2]).

Изслѣдованіе VI города на Гиссарликѣ

Еще важнѣе раскопки Дерпфельда на мѣстѣ древней Трои [3]). Шлиманъ, какъ извѣстно, всю свою жизнь мечталъ объ открытіи гомерической Трои и полагалъ, что открылъ ее въ слоѣ втораго города на Гиссарликѣ. Но незадолго до своей смерти, въ 1890 г., въ слоѣ шестого города (который онъ ошибочно признавалъ за лидійскій и который еще глубже зарылъ массою земли, сбрасываемою на периферію холма во время раскопокъ нижнихъ слоевъ) онъ нашелъ фундаменты и черепки микенской эпохи и предполагалъ въ будущемъ точнѣе изслѣдовать этотъ шестой городъ. Но Шлиманъ умеръ, и его дѣло продолжалъ его сотрудникъ Дерпфельдъ.

Раскопки Дерпфельда, которыя онъ велъ въ 1893 г. на средства г-жи Шлиманъ, привели къ чрезвычайно важнымъ результатамъ и на слѣдующій годъ онъ ихъ возобновилъ уже на средства, данныя императоромъ Вильгельмомъ. Шестой слой былъ раскрытъ. Оказалось, что это былъ большой городъ или, точнѣе, акрополь, равный тиринѳскому. Онъ окруженъ колоссальною каменною стѣ-

---

[1]) На русск. яз.—А. А. Малининъ, Спорн. вопросы топографіи Аѳинъ Спб. 1900 (изъ Ж. М. Н. Пр.); тоже и на нѣм. яз.

[2]) „Археол. хроника“ С. А. Жебелева, Фил. Обозр., IX. 1895.—Говоря о раскопкахъ Дерпфельда въ Аѳинахъ, мы должны упомянуть и о греческихъ археологахъ. Такъ, Каввадій произвелъ раскопки у акропольской скалы и нашелъ здѣсь надпись середины V в до Р. Хр., которая можетъ рѣшить спорный вопросъ о времени построенія храма Безкрылой Побѣды (Бенндорфъ относитъ это построеніе къ эпохѣ Кимона, а Фуртвенглеръ—къ 426/5 г.): изъ надписи видно, что строителемъ храма былъ знаменитый Калликратъ и что постройка относится ко времени Перикла.

[3]) Dörpfeld, Troja 1893. Bericht uber die im J. 1893 in Troja veranstalteten Ausgrabungen... Leipz. 1894; теперь общій сводъ — Dörpfeld, Troja und Ilion. 2 Bde. См. также Milchhöfer, Auf den Pfaden Homers (Deutsche Rundschau. 1896, Apr.); „Археол. хроника“ С. А. Жебелева, со словъ М. И. Ростовцева („Фил. Обозр.“, IX. 1895); ст. г. Бердяева, Нов. раскопки въ Троѣ (Истор Вѣстн., 1895, янв.).

ною, подобною тѣмъ, какія существовали въ Микенахъ и Тиринѳѣ, но болѣе усовершенствованной кладки, изъ прекрасно пригнанныхъ одинъ къ другому камней. Стѣна идетъ полукругомъ, ломанною линіею, съ небольшими выступами на извѣстномъ разстояніи. Южная, восточная и отчасти западная сторона ея сохранились; сѣверо-западная же, повидимому, была разобрана еще въ древности на постройку сосѣднихъ городовъ. Въ стѣнѣ имѣлось по трое воротъ и по три башни, изъ которыхъ особенно интересна сѣверо-восточная, большихъ размѣровъ, съ крѣпкими стѣнами и съ колодцемъ внутри. Самый акрополь поднимался террасами. Найдены развалины зданій, изъ коихъ нѣкоторыя изъ прекрасно тесанныхъ камней (вспомнимъ θάλαμοι ξεστοῖο λίθοιο у Гомера), и многочисленные сосуды (между ними огромные пиѳосы) и черепки микенской эпохи.

Главный результатъ раскопокъ Дерпфельда тотъ, что если можно отождествлять какой-либо городъ на Гиссарликѣ съ Троей Гомера, то лишь этотъ шестой, несомнѣнно принадлежавшій къ микенскому періоду, а не второй, который былъ принятъ Шлиманомъ за гомерическую Трою, но который въ дѣйствительности гораздо древнѣе не только ея, но и микенской эпохи.

Въ послѣднее время Дерпфельдъ занятъ изслѣдованіемъ Левкадіи, которая, по его мнѣнію, и есть гомерическая Итака, родина Одиссея.

Раскопки въ Дельфахъ.

Древности Дельфъ [1]), этого общенаціональнаго греческаго святилища, „общаго очага Эллады“ (κοινὴ ἑστία τῆς Ἑλλάδος), должны были, естественно, возбуждать къ себѣ особый интересъ археологовъ. Однако отъ древностей этихъ, до начала изслѣдованій, казалось, почти не осталось слѣда, и одинъ французскій ученый говорилъ въ 20-хъ годахъ истекшаго вѣка: „Тщетно искать въ Дельфахъ слѣдовъ славнаго храма Аполлона, мѣстоположеніе котораго совершенно неизвѣстно“. Начало разысканіямъ въ Дельфахъ положилъ К. О. Миллеръ изслѣдованіемъ такъ наз. поли-

[1]) Foucart, Mémoire sur les ruines et l'histoire de Delphes (напис. въ 1861 г., напеч въ 1865 г. въ Archives des Missions scientif. et litt; см. также отчеты о раскопкахъ въ Bull. de corr. hell., а въ особенности—выходящее теперь монументальное (5 т.) изданіе Fouilles de Delphes, exécutées aux frais de gouvernement Français par l'École Française d'Athènes sous la direction de Th Homolle (1892—1901). Кромѣ того;—Pauly-Wissowa, Real-Encycl., s. v.; изслѣдованія Pomtow'a; на русск. яз. П. И. Люперсольскій, Храмовой городъ Дельфы... Спб. 1869, и труды А. В. Никитскаго.

гональной или пеласгической стѣны и собраніемъ дельфійскихъ надписей. Затѣмъ другимъ піонеромъ въ этой области явился Фукаръ, который далѣе изслѣдовалъ полигональную стѣну и открылъ немало надписей, частью самъ, и притомъ по собственной иниціативѣ (1860), частью вмѣстѣ съ Wescher'омъ (1861). Послѣдній продолжилъ изслѣдованія Фукара (1862). Послѣ сравнительно долгаго перерыва Haussoullier открылъ новыя части полигональной стѣны, портикъ аѳинянъ и священную дорогу. Желая систематически изслѣдовать Дельфы, французы вступили въ переговоры съ греческимъ правительствомъ относительно раскопокъ и необходимаго для этой цѣли отчужденія земли. Но долго переговоры эти ни къ чему не приводили. Одно время греческое министерство предлагало даже Германіи получить право на раскопки въ Дельфахъ; но Берлинская Академія Наукъ весьма великодушно отказалась, въ виду, такъ сказать, нравственныхъ правъ на это Франціи [1]). Тѣмъ временемъ въ Дельфахъ произведены были изслѣдованія нѣмецкимъ ученымъ Pomtow'ымъ и нашимъ соотечественникомъ проф. А. В. Никитскимъ [2]).

Наконецъ въ 1891 г., когда во главѣ Французской школы въ Аѳинахъ сталъ Homolle, по мнѣнію котораго школа должна брать на себя предпріятія, непосильныя для отдѣльнаго лица, въ министерство Буржуа старанія французовъ увѣнчались успѣхомъ: французская палата вотировала кредитъ въ 500000 на раскопки и съ Греціей подписанъ былъ договоръ, предоставлявшій Франціи монополію археологическихъ разысканій въ Дельфахъ на 10 лѣтъ.

На первыхъ порахъ Французской школѣ, на которую выпало выполненіе задачи, приходилось бороться съ большими трудностями [3]). Нужно было экспропріировать до 1000 домовъ или земельныхъ участковъ, цѣлую деревню (Кастри) перенести на другое мѣсто, проложить дороги по крутизнамъ. Мѣстные жители оказывали противодѣйствіе работамъ и дѣло доходило даже до волненій и нападеній. Сначала приходилось вести раскопки подъ прикрытіемъ вооруженной силы... Тѣмъ не менѣе, начиная съ 1893 г. идетъ рядъ замѣчательныхъ открытій, а по поводу уже раскопокъ слѣдующаго года извѣстный нѣмецкій археологъ Фурт-

[1]) Два американскихъ капиталиста въ свою очередь не жалѣли денегъ, лишь бы получить право на раскопки и на отчужденіе участковъ.

[2]) См. выше, стр. 368 и прим 2.

[3]) Radet, Hist. et l'oeuvre de l'École franç.

венглеръ замѣтилъ, что „раскопки эти дали намъ такія сокровища, о существованіи которыхъ мы даже и не подозрѣвали".

Я вкратцѣ остановлюсь на главнѣйшихъ результатахъ этихъ и слѣдовавшихъ за ними кампаній.

Раскопаны священная дорога, терраса, поддерживавшая храмъ, развалины самаго храма и другихъ зданій. Храмъ, впрочемъ, не оправдалъ ожиданій и нѣсколько разочаровалъ французовъ: онъ почти ничего не далъ. Зато въ другихъ пунктахъ результаты оказались блестящими и во многихъ отношеніяхъ неожиданными. Такъ, открыто нѣсколько сокровищницъ, — сокровищница аѳинянъ, зданіе, очевидно, начала V в. до Р. Хр., съ замѣчательными метопами, съ декретами, которыми исписаны были ея стѣны, съ гимномъ Аполлону и съ столькими архитектурными остатками, что оказалось возможнымъ ее реставрировать; сокровищница книдянъ, съ ея фризами и фронтономъ, сикіонцевъ, фокидянъ, сифнійцевъ; фундаментъ лесхи книдянъ [1]), которая была украшена живописью Полигнота. Открыты театръ, стадій, Касталіи, храмъ Аѳины Пронаи. Найдено множество произведеній искусства, изъ которыхъ, кромѣ уже упомянутыхъ метопъ и фризовъ, достаточно назвать бронзовую статую такъ наз „возницы" (держащаго въ рукѣ поводья; отъ колесницы и коней сохранились лишь фрагменты), аканѳовую колонну съ каріатидами, мраморныя копіи съ произведеній Лисиппа. Число найденныхъ надписей достигаетъ нѣсколькихъ тысячъ. Большинство изъ нихъ восходитъ, правда, рѣдко къ V в. и имѣетъ отношеніе преимущественно къ Дельфамъ; но надписи эти хорошо знакомятъ съ гражданскимъ устройствомъ Дельфъ, съ ихъ властями, храмовымъ управленіемъ и персоналомъ, генеалогіей родовъ, съ исторіей религіозныхъ учрежденій, процессій и почестей, съ топографіей и хронологіей, съ положеніемъ и отпущеніемъ рабовъ, съ связями Дельфъ съ Аѳинами, съ исторіей Этольскаго союза [2]). Между ними находятся такіе интересные документы, какъ напр. уставъ фратріи Лабіадовъ [3]); найдена также 5-стишная эпиграмма въ честь Лисандра, декретъ въ честь Аристотеля за составленіе имъ списка побѣдителей на Пиѳійскихъ играхъ. Наконецъ дельфійскія над-

[1]) О ней ст. Б. В. Фармаковскаго, въ Изв. Русск. Археол. Инст въ Константинопол., IV. 1899.

[2]) А. В. Никитскій, Дельф. эпигр. этюды, стр. 13—14.

[3]) О немъ — ст. Homolle въ Bull. de corr. hell., XIX. 1895; на русск. яз.—А. В. Никитскаго, въ Ж. М. Н. Пр., 1898, янв. сл.

писи важны въ діалектическомъ отношеніи, для исторіи греческихъ діалектовъ. Но что особенно обратило на себя вниманіе среди дельфійскихъ находокъ, такъ это гимны къ Аполлону, даже съ музыкальными знаками [1]), и пэанъ Діонису.

Таковы, въ общихъ чертахъ, результаты раскопокъ въ Дельфахъ, которыя вела Французская школа. 10 лѣтъ и болѣе 800000 фр. было употреблено на нихъ. Раздавались подчасъ жалобы—и не безъ основанія—на то, что французы слишкомъ медлятъ съ публикаціей открытыхъ ими сокровищъ. Но въ настоящее время выходитъ въ свѣтъ капитальное изданіе, посвященное раскопкамъ въ Дельфахъ (Fouilles de Delphes). Оно состоитъ изъ 5 томовъ, изъ коихъ 1 т. содержитъ введеніе, исторію города Дельфъ, исторію раскопокъ, собраніе текстовъ, касающихся Дельфъ; II—посвященъ топографіи и архитектурѣ; III—эпиграфикѣ; IV—скульптурѣ и V—малымъ бронзамъ, терракоттамъ и различнымъ древностямъ.

Отмѣтимъ въ заключеніе, что въ ознаменованіе юбилея Французской школы въ Аѳинахъ грекъ Сингросъ, на средства котораго воздвигнутъ музей въ Олимпіи, далъ средства на устройство подобнаго же музея въ Дельфахъ.

Открытія на Критѣ.

Открытія 1900—1 г. на о-вѣ Критѣ [2]), на мѣстѣ древнихъ городовъ Кносса и Феста,—едва-ли не величайшія изъ всѣхъ, сдѣланныхъ на греческой почвѣ со времени Шлимана. Очевид-

---

[1]) Weil ихъ издалъ въ Bull. de corr. hell., а Th. Reinach объяснилъ съ музыкальной стороны и переложилъ на современныя ноты.

[2]) Отчеты Evans'a въ Journ. of Hellen Studies и въ Annual of the British School at Athens, а также отдѣльно: Evans, The palace of Knossos. Provisional report of the excavations. (отд. оттискъ изъ Annual of the Brit School, VII. 1900/1); по пов. этого отчета—замѣтка Furtwangler'a въ Deutsche Litteraturzeitung, 1902, № 27; Evans, Mycenaean tree and pillar cult and its mediterranean relations (изъ Journ. of Hell. Stud, XXI); Hogarth, The Exploration of Creta (Contempor. Rev., 1900, № 420); отчеты въ Americ Journal of Archaeol. V—VI. 1901, Wolters, Knossos (Archäol. Anzeig, XV, 3, 1900, и Beil. zur Allgem. Zeit, 1900, № 143); Milchhöfer, Aus dem Reiche d. Minos (Deutsche Rundschau, 1902, Juni), Gerland, Kreta. Ein Ueberblick über die neueren wissensch. Arbeiten auf d. Insel. (N. Jahrb. f. d. kl. Altert, IX, 1902); Zahn, Die Ausgrab auf Kreta (Die Umschau, 1903, № 3—4); Herrman, Zu den Ausgrab. auf Kreta (D. Litt.-z., 1901, № 26); Pottier, Le palais du roi Minos (Rev. de Paris. 1902, № 4—5; на рус. яз. ср. ст. Я—цъ въ „Моск. Вѣд.“, 1902, № 230 и 237); De Sanctis, La civiltà micenea e le ultime scoperte in Creta (Riv. di filol., 1902, I); „Археол. хрон.“ С. А. Жебелева („Фил. Обозр.“, XIX. 1900). О раскопкахъ итальянцевъ см. ниже.

цевъ поражаетъ грандіозность открытыхъ памятниковъ, важность, неожиданность и разнообразіе находокъ

Съ именемъ Крита связаны миѳы о Зевсѣ, въ образѣ быка похитившемъ прекрасную дочь Кадма, Европу, и уведшемъ ее на этотъ островъ, сказанія о Миносѣ, могущественномъ повелителѣ на морѣ и одномъ изъ трехъ судей въ подземномъ царствѣ, объ изобрѣтательномъ архитекторѣ Дедалѣ и построенномъ имъ лабиринтѣ, о чудовищѣ Минотаврѣ, Тезеѣ и Аріаднѣ. Островъ этотъ находился близъ восточныхъ культурныхъ странъ, на периферіи греческаго міра, такъ сказать на перепутьѣ, при скрещеніи морскихъ путей въ восточной части Средиземнаго моря, и еще въ началѣ 80-хъ годовъ прошедшаго вѣка Мильхгеферъ[1]) указывалъ на Критъ, какъ на пунктъ, гдѣ надо искать разгадки микенскаго вопроса.

Въ концѣ 70-хъ годовъ мѣстный купецъ Миносъ Калокэриносъ открылъ къ югу отъ Канди (или Геракліона), на мѣстѣ древняго Кносса, предполагаемой столицы Миноса, развалины древняго большого зданія и нѣсколько сосудовъ. Но что это за зданіе, было тогда еще не ясно; нѣкоторые (напр. Stillmann, производившій раскопки здѣсь въ 1881 г.) полагали, что это развалины лабиринта. Затѣмъ здѣсь намѣренъ былъ производить раскопки Шлиманъ; но онъ встрѣтилъ препятствія къ пріобрѣтенію участка, на которомъ должны были вестись раскопки; кромѣ того, онъ былъ отвлеченъ споромъ съ Беттихеромъ изъ-за Трои (см. стр. 381). Онъ умеръ, не успѣвъ осуществить свое намѣреніе. Въ послѣдующіе годы, во время возстанія на Критѣ и политическихъ осложненій, не могло быть, конечно, и рѣчи о правильныхъ археологическихъ изслѣдованіяхъ на островѣ. Только послѣ его умиротворенія, въ самомъ концѣ XIX стол., представилась возможность приняться за такія изслѣдованія.

„Дворецъ Миноса“.

Англичанинъ Артуръ Эвансъ, хранитель музея въ Оксфордѣ, еще въ 1894 и 1897 г. открывшій на Критѣ памятники древняго, до-эллинскаго письма, въ цѣляхъ дальнѣйшихъ находокъ подобнаго рода на частныя средства предпринялъ раскопки на мѣстѣ древняго Кносса. Онъ пріобрѣлъ въ собственность участокъ, гдѣ находились развалины, получилъ разрѣшеніе критскаго правительства на производство раскопокъ и въ мартѣ 1900 г. началъ ихъ. Первая кампанія продолжалась два мѣсяца съ небольшимъ; но результаты ея были изумительны.

[1]) Die Anfänge der Kunst in Griechenlend. Leipz. 1883.

Оказалось, что нѣкогда здѣсь дѣйствительно существовалъ обширный дворецъ, по размѣрамъ далеко превосходившій дворецъ, открытый Шлиманомъ въ Тиринѳѣ; одна его половина, раскопанная въ 1900 г.,—почти такой же ширины, какъ тиринѳскій дворецъ, и длиннѣе его въ полтора раза. По своему устройству онъ былъ гораздо сложнѣе; планъ его запутаннѣе и загадочнѣе, по крайней мѣрѣ на первый взглядъ. Онъ не былъ окруженъ циклопическою стѣною, подобно тому, какъ это было въ шестомъ городѣ на Гиссарликѣ, въ Микенахъ и Тиринѳѣ.

Развалины этого дворца находятся на незначительной глубинѣ (отъ 1 до 3 метровъ) отъ нынѣшняго уровня земли, и если отъ него сохранились остатки, то благодаря только тому, что мѣстность эта въ теченіе 3000 съ лишкомъ лѣтъ не была тронута ни заступомъ, ни плугомъ.

Стѣны дворца построены преимущественно изъ хрупкаго матеріала, глиняныхъ кирпичей и т. под.; но цоколи снаружи стѣнъ, основанія колоннъ и проч. состоятъ изъ каменныхъ плитъ: мѣстами, впрочемъ, кладка—изъ тщательно отесанныхъ камней—превосходитъ даже кладку стѣны шестаго города въ Троѣ. Столпы были деревянные, и вообще дерево было въ большомъ употребленіи.

Развалины не достигаютъ большой высоты; если тѣмъ не менѣе возможно судить объ украшеніи стѣнъ, то потому, что штукатурка отвалилась отъ верхнихъ частей зданія, и Эвансъ чрезвычайно осторожно и предусмотрительно собралъ эти остатки, предварительно скрѣпивъ гипсомъ лежавшіе на землѣ куски штукатурки.

Не останавливаясь подробно на описаніи дворца, его плана и отдѣльныхъ частей, я отмѣчу лишь самое характерное. Такова напр. зала съ тономъ. Находящееся передъ нею пространство было открыто во всю ширь; повидимому, здѣсь были колонны; вело въ это помѣщеніе 4 ступени; вдоль боковыхъ стѣнъ шли каменныя скамьи. Въ самой залѣ — сѣдалище изъ алебастра, въ видѣ трона, на 4 ножкахъ, съ высокою спинкою. Это—древнѣйшій тронъ въ Европѣ, по мнѣнію нѣкоторыхъ. Справа и слѣва отъ него тоже скамьи. На одной изъ стѣнъ, по бокамъ двери, изображено два грифа. Въ залѣ находилось нѣчто въ родѣ бассейна или водоема, и въ то время какъ одни считаютъ эту залу „тронною“, другіе видятъ въ ней купальню, а третьи сравниваютъ ее съ impluvium помпеянскихъ домовъ.

Съ запада ко дворцу прилегалъ вымощенный плитами дворъ (другіе два двора, восточный и южный, были внутренніе, включены въ самое зданіе). Съ юга къ нему велъ длинный корридоръ, который Эвансъ назвалъ „корридоромъ процессіи“ (corridor of procession); по стѣнамъ его — фрески, изображавшія, повидимому, какія-то процессіи: нарисованы человѣческія фигуры въ натуральную величину, юноши, въ пестрыхъ передникахъ, съ чашами въ рукахъ, мужчины въ праздничномъ нарядѣ и женщины. Къ сожалѣнію, сохранились лишь однѣ нижнія части фресокъ. Но полъ можно различить по краскѣ: тѣла женщинъ изображены бѣлыми, а тѣла мужчинъ—темнокоричневыми. А въ одномъ параллельномъ, болѣе узкомъ, корридорѣ имѣется лучше сохранившееся изображеніе юноши: юноша, съ длинными локонами, одѣтъ лишь въ пестрый передникъ; на шеѣ—ожерелья, на рукахъ—запястья, на ногахъ—тоже украшенія; онъ держитъ передъ собою чашу голубаго цвѣта. Въ другой части дворца найдено изображеніе мальчика, собирающаго на лугу цвѣты въ сосудъ. По типу, одеждѣ и аттрибутамъ фигуры эти сходны съ тѣми, которыя изображаютъ на египетскихъ памятникахъ вельможъ страны Кефта (Milchhöfer).

Еще интереснѣе своего рода миніатюры, открытыя въ другихъ частяхъ дворца,—небольшія фигуры, на бѣломъ фонѣ, изображающія элегантныхъ „дамъ“, кокетливо разряженныхъ съ вычурною прическою, съ длинными, ниспадающими черными волосами, очень декольтированныхъ, съ перетянутою таліею, въ украшенныхъ воланами платьяхъ голубаго и желтаго цвѣта, съ широкими, вздутыми рукавами, которыя соединялись, повидимому, на спинѣ. Контуры фигуръ довольно рѣзко обрисованы черными линіями, такъ-что получается впечатлѣніе рисунка какъ-бы перомъ. Дамы сидятъ и, повидимому, ведутъ разговоръ. Вокругъ нихъ, на второмъ планѣ, изображены мужчины.

Фрески эти впервые дали ясное понятіе о живописи микенской эпохи.

Изъ другихъ изображеній во дворцѣ въ Кноссѣ встрѣчаются особенно часто изображенія двойнаго топора и быка, иногда въ естественную величину, то въ видѣ фрески, то въ видѣ рельефа.

Изъ помѣщеній во дворцѣ обращаетъ на себя вниманіе рядъ магазиновъ или кладовыхъ, съ корридорами. Еще въ моментъ открытія ихъ Эвансомъ въ нихъ стояли рядами вдоль стѣнъ огромные, въ человѣческій ростъ, кувшины или пиѳосы, служившіе, оче-

видно, для зерна, масла и проч. Въ полу устроены были особыя помѣщенія, для храненія, повидимому, самыхъ цѣнныхъ предметовъ; они состояли изъ тонкихъ каменныхъ плитъ, обложенныхъ, кромѣ того, свинцомъ и прикрывались каменными плитами, въ уровень съ поломъ Къ сожалѣнію, они оказались пустыми...

У магазиновъ и въ разныхъ помѣщеніяхъ найдены тысячи продолговатыхъ глиняныхъ табличекъ, съ письменными знаками, подвергшихся дѣйствію огня и благодаря этому сохранившихся, сложенныхъ массами, въ нѣкоторомъ порядкѣ. Это — уцѣлѣвшіе архивы. Письмена двухъ системъ: одна приближается къ іероглифамъ, „пиктографическая", образное письмо; по предположенію Эванса, оно господствовало въ восточной части Крита и принадлежало его первобытному, туземному населенію, этеокритянамъ. Другая система приближалась къ буквеннымъ знакамъ, причемъ строчки раздѣлены линіями. На многихъ табличкахъ имѣется изображеніе колесницы, людей, лошадиныхъ головъ и т. д. Найдены и глиняные предметы, съ отверстіями, вѣроятно — для снурка: предметы эти, надо полагать, привѣшивались къ табличкамъ и служили печатями. Письмена критскія пока не разобраны; языкъ ихъ неизвѣстенъ; но полагаютъ, что упомянутыя таблички содержатъ въ себѣ разнаго рода инвентари, счета, квитанціи и т. под.

Наконецъ найдены разные сосуды изъ камней; вазы въ родѣ микенскихъ или въ родѣ рога изобилія, одна—въ формѣ львиной головы; фрагменты глиняной посуды и проч.

Въ 1901 г. Эвансъ продолжалъ свои разысканія въ Кноссѣ [1]), и хотя еще и теперь не весь дворецъ изслѣдованъ, но планъ его уясненъ; открыта другая половина его съ царскими покоями и залами, которые своими размѣрами рѣшительно превосходятъ помѣщенія, открытыя въ первый годъ раскопокъ: по сравненію съ ними напр. „тронная зала", о которой мы выше говорили, оказывается незначительною. Обнаружены ясные слѣды существованія втораго этажа, а, можетъ быть, и третьяго. Четыреугольные столпы, которые Эвансъ сначала ставилъ въ связь съ культомъ, оказываются скорѣе опорами для большой залы втораго этажа. И здѣсь встрѣчаются, въ числѣ другихъ изображеній, изображенія двойнаго топора, которыя могли имѣть религіозное значеніе.

Дворецъ былъ какъ-бы цѣлымъ городомъ: тутъ и галлереи, и дворы, и жилыя комнаты, и залы, и помѣщенія для культа,

[1]) Furtwängler, D. Litt.-z., 1902, № 27.

для администраціи, для храненія запасовъ, кладовыя и казнохранилища, и жилища для рабочихъ; было даже, повидимому, помѣщеніе и для школы, гдѣ изучалось письмо. Опять найдено много табличекъ съ доисторическими письменами; одна изъ нихъ, величиною больше всѣхъ раньше найденныхъ, содержитъ, по предположенію Эванса, списокъ должностныхъ лицъ. Между прочимъ найдены чашки изъ слоновой кости, горнаго хрусталя, съ украшеніемъ изъ золота и серебра; алебастровая ваза и громадная, каменная, по выраженію Эванса [1])—„царь микенскихъ вазъ"; фрагменты человѣческихъ фигуръ изъ цвѣтнаго гипса. Особенно поражаетъ реальностью изображенія фрагментъ руки въ натуральную величину, съ изображеніемъ мускуловъ и даже жилъ.

Но замѣчательно, что среди находокъ нѣтъ металлическихъ предметовъ: дворецъ погибъ, очевидно, въ пламени; по крайней мѣрѣ, замѣтны слѣды огня на глиняныхъ предметахъ, на штукатуркѣ, на деревѣ, значительно обуглившемся, и, по всей вѣроятности, передъ разрушеніемъ все казавшееся цѣннымъ, особенно металлическіе предметы, было унесено.

Эвансъ полагаетъ, что имъ открытъ дворецъ Миноса. Во всякомъ случаѣ дворецъ этотъ существовалъ за 2000—1500 лѣтъ до Р. Хр., въ микенскую и даже до-микенскую эпоху. Въ существованіи его, очевидно, было нѣсколько періодовъ и онъ подвергался перестройкамъ; древнѣйшая постройка восходитъ къ неолитической эпохѣ. Съ памятниками микенской культуры онъ представляетъ много общаго. Но, какъ выразился одинъ ученый, Микены по сравненію съ Кноссомъ — провинція; тамъ все, что производилось на мѣстѣ, а не ввозилось, — мелко, грубо, первобытно по сравненію съ тѣмъ, что́ найдено въ Кноссѣ и что́ характеризуетъ цивилизацію „вѣка царя Миноса" (Поттье).

Открытія въ Фестѣ и въ другихъ мѣстахъ

Въ то время, какъ Эвансъ сосредоточилъ свое вниманіе на Кноссѣ, итальянская археологическая экспедиція, снаряженная министерствомъ народнаго просвѣщенія и академіями наукъ Римской (dei Lincei), Туринской и Неаполитанской, подъ руководствомъ Halbherr'a и при участіи Savignoni, De Sanctis и Pernier, занялась изслѣдованіемъ южной части Крита, гдѣ находился нѣкогда гор. Фестъ [2]). Подъ руководствомъ Галвбгерра, извѣст-

[1]) Въ письмѣ къ Поттье.

[2]) S. Reinach, Les fouilles de Phaestos en Crète (Anthropologie, 1901); статья Sam Wide въ Berl. Phil Wochenschr., 1901, № 41; замѣтки въ Deutsche Litt.-zeit., 1902, № 32, 39; De-Sanctis, La civiltà micenea e le ultime scoperte

наго открытіемъ Гортинской надписи, римскій археологъ Pernier открылъ развалины дворца въ Фестѣ, еще болѣе грандіознаго по своимъ размѣрамъ, нежели дворецъ въ Кноссѣ. Его въ особенности характеризуютъ многочисленные корридоры и лѣстницы, что̀ объясняется мѣстоположеніемъ (дворецъ находился на горѣ). Изъ находокъ [1]), повидимому не столь многочисленныхъ, какъ въ Кноссѣ, отмѣтимъ каменныя вазы, одну изъ алебастра, бронзовую пилу почти въ 2 метра, много микенскихъ идоловъ и разныхъ камней. Подобно тому, какъ и въ Кноссѣ, имѣются фрески. Одна изъ фресокъ представляетъ рядъ цвѣтущихъ растеній, связанныхъ между собою спиралями; на другой весьма натурально изображены вѣтви съ листьями и цвѣтами, олеандры и т. под.; на четырехъ рельефахъ представлены человѣческія фигуры со звѣриными или птичьими головами. Есть въ этомъ дворцѣ и скамьи, въ родѣ тѣхъ, которыя встрѣчаются въ Кноссѣ; печати съ критскими (до-греческими) письменами; много терракоттовыхъ фигурокъ примитивнаго характера.

Дворецъ въ Фестѣ—микенской эпохи; но подъ нимъ обнаружены развалины болѣе древняго, до-микенскаго дворца и даже неолитической стоянки. Открыто между прочимъ помѣщеніе съ гипсовыми скамьями, шедшими вдоль стѣнъ, а посерединѣ—столъ изъ грубой глины, повидимому для жертвенныхъ возліяній, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ стоялъ и въ глубокой древности. Тутъ-же прекрасныя расписныя вазы изъ терракотты и камня. Открытъ и рядъ кладовыхъ, въ которыхъ сохранились на своихъ мѣстахъ сосуды, около 30 большихъ кувшиновъ, много небольшихъ амфоръ и расписныхъ чашекъ, фрагменты каменныхъ предметовъ и костей животныхъ, а на глубинѣ $2^1/_2$ метровъ найдена каменная утварь и различные керамическіе предметы.

Близъ Феста недавно открыто 12 гробницъ [2]). Къ каждой ведетъ ходъ, выложенный камнями, длиною 15 м. Гробницы—большія, высокія, куполообразныя; въ каждой—отъ 3 до 7 скелетовъ; въ одной—ясные слѣды огня. Въ могилахъ этихъ найдено

---

in Creta (Riv. di filol., 1902, I); Pernier, Recenti scoperte arch. degl' italiani a Creta (Nuova Antologia, 1902, № 2); оффиц отчеты—въ Rendiconti della R. Accad dei Lincei, classe di scienze morali, stor. e filolog, v. VIII—XI; Monum. antichi publicati per cura della R Accad. dei Lincei, v. IX. Ср. Americ. Journ. of Archäol., V—VI.

[1]) D. Litt.-z., 1902, № 32.

[2]) D. Litt.-z., 1902, № 39.

множество предметовъ—бронзовыя круглыя зеркала, серпообразныя бритвы, ножи, булавки, два меча, изъ коихъ одинъ съ богато украшенной золотомъ рукояткой. Изъ сосудовъ обращаютъ на себя вниманіе двѣ терракоттовыя вазы съ рисунками (птицами, цвѣтами, рыбами); утварь изъ камня зеленаго, краснаго. Но особенно замѣчательны многочисленныя ожерелья. Звенья ихъ состояли изъ какого-то стекляннаго сплава, золота и кампей. Есть цѣпи изъ аметиста, изъ краснаго карнеола и золотыхъ пластинокъ; одна—филигранной работы. Найдены также великолѣпныя кольца изъ золота, серебра, бронзы. На камняхъ имѣются большею частью изображенія животныхъ, въ видѣ печатей. Гробницы эти, очевидно, принадлежали особамъ царскаго рода. Неподалеку находятся другія могилы, менѣе богатыя и нѣсколько болѣе поздняго времени.

По слѣдамъ Эванса и итальянцевъ ревностно работаютъ надъ открытіемъ древностей на Критѣ и другіе археологи: Англійская школа ведетъ раскопки въ восточной части острова, въ Пресѣ; Hogarth въ пещерѣ Zakros открылъ тоже остатки микенской культуры; двѣ молодыя американки производятъ раскопки въ Гурніи, какъ представительницы Американской школы. Такимъ образомъ, къ англичанамъ и итальянцамъ присоединились теперь здѣсь и американцы; нѣмцы также съ своей стороны намѣчаютъ подходящее мѣсто для своихъ раскопокъ на Критѣ.

Предметы, найденные на Критѣ Эвансомъ и другими, помѣщаются теперь въ музеѣ, устроенномъ въ Кандіи (Гераклiонѣ). Нужно замѣтить, что критское правительство провело законъ, подобный тому, какой существуетъ въ Греческомъ королевствѣ, а именно, что сдѣланныя въ предѣлахъ Крита находки не могутъ быть вывозимы за его предѣлы и составляютъ его собственность.

Описанныя выше открытія, въ особенности Эванса, подтверждаютъ свидѣтельство древности о томъ преобладаніи, которымъ нѣкогда пользовался Критъ; они говорятъ о высокой техникѣ и высокой внѣшней культурѣ тогдашняго общества; они даютъ новый богатый матеріалъ для рѣшенія вопроса о микенской культурѣ, ея происхожденіи, характерѣ, ея носителяхъ, ея отношеніи къ культурѣ восточной и послѣдующей, чисто эллинской. Они, наконецъ, помогутъ объяснить происхожденіе греческихъ сказаній о Миносѣ, лабиринтѣ, Минотаврѣ и проч., связанныхъ съ Критомъ.

Другія археологическія открытія 90-хъ гг. и начала XX в.

На остальныхъ раскопкахъ въ предѣлахъ древнегреческаго міра я не буду подробно останавливаться и ограничусь ихъ перечисленіемъ или самыми общими замѣчаніями, тѣмъ болѣе, что на русскомъ языкѣ за разсматриваемый періодъ есть обстоятельная „Археологическая хроника эллинскаго Востока“, которую велъ сперва А. Н. Щукаревъ, а затѣмъ С. А. Жебелевъ въ „Филолог. Обозрѣніи“.

Въ Аѳинахъ, кромѣ Дерпфельда, производило разысканія Греческое Археологическое Общество, въ особенности Каввадій, о чемъ уже упомянуто мною выше (стр. 442, прим. 2). Въ 1890 г. производились раскопки въ Марафонѣ, съ его курганомъ [1]). Членъ Французской школы Ardaillon изслѣдовалъ Лавріонъ (1892—4) [2]). Ridder на скалистомъ островѣ Gha или Gúlas, въ восточной части Копаидскаго озера (которое англо-французская компанія осушила), открылъ въ 1893 г. развалины огромнаго древняго акрополя и дворца микенской эпохи, окруженнаго циклопическою стѣною, по размѣрамъ превышающаго микенскій и тиринѳскій; по мнѣнію Noack'a, это—древній минійскій городъ Аріэ [3]). Въ Коринѳѣ два молодыхъ американца въ 1900 г. натолкнулись на античныя водопроводныя сооруженія, и Американская школа предприняла дальнѣйшія разысканія, подъ руководствомъ проф. Ричардсона, которыя пролили свѣтъ на исторію сооруженій и на самый способъ снабженія Коринѳа водою. Между Аргосомъ и Микенами, на мѣстѣ храма Геры Аргосской, Американскою школою предприняты были раскопки въ 1892 г. Каввадія, руководитель раскопокъ на мѣстѣ святилища Асклепія въ Эпидаврѣ, обнародовалъ главные результаты своихъ открытій, какъ новѣйшихъ, такъ и за прежніе годы, въ книгѣ: *Τὸ ἱερὸν τοῦ Ἀσκληπιοῦ ἐν Ἐπιδαύρῳ καὶ ἡ θεραπεία τῶν ἀσθενῶν.* 1900 (въ „Библ. Археол. Общ.“). Въ Калаврiи производили раскопки шведы Извѣстный археологъ Furtwängler, на средства, дарованныя баварскимъ принцемъ-регентомъ, приступилъ къ раскопкамъ на о-вѣ Эгинѣ и открылъ тамъ (въ 1901 г.) между прочимъ святилище микенской эпохи, микенскіе идолы и т. под. [4]). Находки дѣлаются

---

[1]) С. А. Селивановъ, Зам. о раск. въ Греціи (Ж. М. Н. Пр., 1891, янв.).

[2]) Ardaillon, Les mines du Laurion dans l'antiquité. P. 1897.

[3]) Noack, Arne (Mitth. d. deutsch. Arch. Inst., XIX. 1894).

[4]) Отчетъ Фуртвенглера въ Sitz.-ber. d. bayer. Akad. d. Wissensch., 1901; ср. ст. въ Berl. Phil. Wochenschr., 1901, № 18, 20, 31/2, 51; ст. С. А. Жебелева объ Аѳеѣ въ Ж. М. Н. Пр., 1902, май сл.

даже на днѣ морскомъ: у Чериготто (древней Антикиѳеры) найдены и извлечены со дна морскаго потонувшіе нѣкогда, очевидно во время перевозки, античные памятники. Hiller von Gärtringen изслѣдовалъ о-въ Ѳеру [1]). На Мелосѣ открыты древнѣйшія поселенія каменнаго вѣка и слѣды микенской культуры. На Делосѣ Ардальонъ, при содѣйствіи Конвера (Convert) и Кува (Couve), изслѣдовалъ гавань, доки и частные дома, прекрасно сохранившіеся, богато украшенные, по свѣжести красокъ, роскоши и сохранности мозаикъ не уступающіе домамъ въ Помпеѣ; ихъ украшенія представляютъ болѣе древнюю форму перваго помпеянскаго стиля и, по всей вѣроятности, принадлежатъ концу или серединѣ II в. до Р. Хр. [2]). Ардальонъ и Конверъ, кромѣ того, составили археологическую карту о-ва Делоса (1893—4). На о-вѣ Паросѣ, какъ было упомянуто, найденъ новый отрывокъ его хроники. Въ Эфесѣ систематическія раскопки ведутъ теперь австрійцы (между прочимъ въ 1898 г. открытъ театръ); въ Милетѣ, Пріенѣ, Магнесіи на Меандрѣ — преимущественно нѣмцы. Вообще съ распространеніемъ политическаго и экономическаго вліянія Германіи въ М. Азіи идутъ рука объ руку и ученыя разысканія. Въ Пріенѣ систематическія раскопки начаты въ 1895 г. подъ руководствомъ Гумана, а послѣ его смерти—Wiegand'a; открытъ цѣлый городъ, съ ясными очертаніями улицъ и площадей, съ остатками окружной стѣны, храма, портиковъ, театра, частныхъ домовъ [3]). Раскопками въ Магнесіи руководилъ сначала Гуманъ (1891—3); кромѣ другихъ древностей, здѣсь найдено много надписей, въ томъ числѣ отрывокъ миѳической исторіи города [4]). Новыя разысканія Осулье и Понтремоли на мѣстѣ святилища Аполлона Дидимейскаго раскрыли фасадъ колоссальнаго храма (1895—6). Въ Пергамѣ возобновлены раскопки, на этотъ разъ Нѣмецкимъ Археологическимъ Институ-

---

[1]) Кромѣ упомянутаго на стр. 11, прим. 7, изданія, см. его-же Ausgrabungen in Griechenland. Berl. 1901, и Die archaische Kultur der Insel Thera. Berl 1897.

[2]) См. „Археол. Хрон." С. А. Жебелёва, со словъ М. И. Ростовцева („Фил. Обозр.", IX. 1895).

[3]) О развалинахъ Пріены есть ст. Collignon'a въ Rev. des Deux Mondes, 1901, 15 nov.

[4]) Kalinka, Die neueren Forschungen in Kleinasien (N Jahrb f d. kl. Altert., III. 1899); Ruge und Fredrich, Archäol. Karte von Kleinasien. Halle. 1899.

томъ, причемъ открыты рынокъ, улица, остатки большого водоема и проч. Въ Мизіи, въ долинѣ верхняго Каика, Gaudin во время недавнихъ раскопокъ въ некрополѣ Yortan открылъ культуру, родственную культурѣ втораго города Шлимана на Гиссарликѣ и восходящую къ началу II и концу III тысячелѣтія до Р. Хр. На о-вѣ Косѣ изслѣдованія производилъ Herzog [1]), на Родосѣ—С. А. Селивановъ [2]), на Кипрѣ—Ohnefalsch-Richter, а въ послѣднее время здѣсь предприняты были раскопки Британскимъ музеемъ, которыя велись подъ руководствомъ Murray [3]) и сопровождались замѣчательными находками: найдено свыше 100 микенскихъ гробницъ, съ большимъ числомъ предметовъ изъ золота, слоновой кости и проч.

Продолжались раскопки и въ южной Россіи. Въ Херсонесѣ это дѣло велъ подпрежнему съ успѣхомъ К. К. Косцюшко-Валюжиничъ, по словамъ котораго Херсонесъ можетъ быть названъ не только „русскою Помпеею, но и русскою Троею". Быть можетъ, прольютъ свѣтъ на нѣкоторые вопросы, связанные съ древнѣйшимъ періодомъ въ исторіи Греціи, замѣчательныя находки В. В. Хвойко. Надъ изученіемъ античныхъ древностей южной Россіи работаютъ Э. Р. ф.-Штернъ, А. Н. Деревицкій, Ю. А. Кулаковскій, А. Л. Бертье-Делагардъ, В. В. Шкорпилъ и друг. По порученію Императорской Археологической Коммиссіи С. А. Жебелевъ подготовлялъ изданіе памятниковъ классической скульптуры, принадлежавшихъ греческимъ колоніямъ юга Россіи и хранящихся въ различныхъ музеяхъ и собраніяхъ, и т. д.

Мнѣ остается здѣсь еще упомянуть о различныхъ экспедиціяхъ и трудахъ по топографіи и географіи Греціи. Таковы экспедиція Бендорфа, въ сопровожденіи Kalinka и Hula, въ Ликію и Карію; путешествіе Humann'a и Puchstein'a въ Малую Азію и сѣверную Сирію [4]); поѣздка нашего соотечественника Я. И. Смирнова по Киликіи, Пафлагоніи и Каппадокіи [5]). Таковъ новый, дальнѣйшій трудъ уже извѣстнаго намъ Ramsay—

---

[1]) Koische Forschungen und Funde. Leipz. 1899.

[2]) Оч. др топогр. о. Родоса. Каз. 1892.

[3]) Murray, Smith and Walters, Excavations in Cyprus. London. 1900; ср. ст. Furtwängler'a въ Berl. Phil. Wochenschr, 1901, № 5.

[4]) Reisen in Kleinasien und Nordsyrien. Berl. 1890.

[5]) См. выше, стр. 439—40.

The cities and bishoprics of Phrygia (1895); труды по географіи Греціи — Lolling'a, Partsch'a, Philippson'a, и топографіи — Milchhöfer'a [1]), Р. Х. Лепера [2]), С. А. Селиванова [3]) и друг.[4]).

Новѣйшіе труды по исторіи Греціи.

Вліяніе открытій на обработку греч. исторіи.

Со времени открытій начала 90-хъ годовъ, въ особенности „Аѳинской Политіи", разработка греческой исторіи, въ частности аѳинской, вступила въ новый фазисъ, для нея началась новая эра. Исторію Греціи, преимущественно Аѳинъ, пришлось во многомъ передѣлывать, и 1891 г. составляетъ въ дѣлѣ ея разработки рѣзкую грань: всѣ труды, вышедшіе въ свѣтъ до этого года, сразу оказались устарѣлыми, по крайней мѣрѣ что́ касается отдѣла объ Аѳинахъ.

Какія понадобились переработки прежнихъ трудовъ для того, чтобы поставить ихъ въ уровень съ современнымъ научнымъ движеніемъ и быстро слѣдовавшими одно за другимъ открытіями, лучше всего показываетъ сравненіе перваго изданія „Греческихъ древностей" и „Греческой исторіи" Бузольта со вторымъ.

Второе изданіе „Древностей" и „Греческой ист" Бузольта

Второе изданіе „Die griechischen Staats-und Rechtsalterthumer" Бузольта вышло, какъ мы видѣли (стр. 420), въ 1892 г. Оно съ полнымъ правомъ названо (на заглавномъ листѣ): „Zweite umgearbeitete und sehr vermehrte Auflage". Вмѣсто прежнихъ 222 страницъ это изданіе имѣетъ 384. Не только приняты въ соображеніе вновь найденныя надписи и результаты новѣйшихъ работъ, пополнены библіографическія указанія [5]), но прибавлены или передѣланы цѣлые отдѣлы. Особенно важной и коренной переработкѣ подвергся здѣсь „очеркъ исторіи аѳинскаго государственнаго строя", на основаніи открытаго передъ тѣмъ трактата Аристотеля.

---

[1]) Ueber Standpunkt und Methode d. attischen Demenforschungen (Sitz.-ber. d. Berl. Ak. d. Wiss. 1887); Untersuchungen uber die Demenordnung d. Kleisthenes (Anhang zu d. Abh. d. Berl. Ak. d. Wiss., 1892).

[2]) Къ вопросу о димахъ Аттики (изъ Ж. М. Н. Пр, 1891—3); на нѣм. яз. (по поводу упомянутаго въ концѣ предыдущаго примѣч. изслѣдованія Milchhofer'a)—Die Trittyen und Demen Atticas (Mitth. d. Arch. Instit. XVII. 1892); ср. отвѣтъ Milchhöfer'a—Zur attischen Localverfassung (ibid. XVIII, 1883).

[3]) Оч. древн. топогр. о Родоса. Каз. 1892.

[4]) Напр. А. А. Малинина, Спорн. вопросы топографіи Аѳинъ. Спб 1900 (изъ Ж. М Н. Пр.) и то-же на нѣм. яз.

[5]) Нѣкоторыя упущенія отмѣчены Thumser'омъ въ его рецензіи (Berl Phil. Wochenschr., 1892, № 52).

Второе изданіе „Древностей“ Бузольта явилось первымъ по времени крупнымъ общимъ трудомъ, въ которомъ вполнѣ приняты во вниманіе данныя новаго для насъ источника и на основаніи ихъ представлена исторія постепеннаго развитія государственнаго строя Аѳинъ, хотя авторъ не могъ воспользоваться непомѣрно разроставшеюся литературою объ „Аѳинской Политіи“ [1]).

Бузольтъ отнесся къ новооткрытому источнику съ большимъ, чтобы не сказать съ излишнимъ, довѣріемъ. Онъ большею частью слѣдуетъ въ своемъ изложеніи „Аѳинской Политіи“, хотя иногда и съ оговорками въ примѣчаніяхъ, указывая на нѣкоторыя неточности или преувеличенія. Принимаетъ онъ здѣсь и всѣ сообщенія „Политіи“ о Драконовой конституціи [2]). Нѣкоторымъ увлеченіемъ Бузольта новооткрытымъ памятникомъ объясняется, вѣроятно, и то, что онъ въ своемъ столь вообще сжатомъ руководствѣ подробно излагаетъ олигархическіе проэкты 411 г., придерживаясь почти дословно „Аѳ. Пол.“, чѣмъ нарушаетъ равномѣрность частей, тѣмъ болѣе, что проэкты эти остались, такъ сказать, лишь на бумагѣ. Само собой разумѣется, что Бузольтъ воспользовался новыми данными и для „систематической части“ своихъ „Древностей“ [3]).

Значительно передѣлалъ, какъ мы уже говорили (стр. 421), свое руководство по древностямъ и Гильбертъ для втораго изданія (I т.) [4]).

Еще крупнѣе дополненія и измѣненія, сдѣланныя Бузольтомъ въ новомъ изданіи его „Griechische Geschichte“.

Надъ нею Бузольтъ, какъ мы видѣли, работаетъ болѣе 20 лѣтъ: началъ онъ ее въ концѣ 1879 г.; въ 1885 г. появился I томъ ея, въ которомъ изложеніе было доведено до Греко-Персидскихъ войнъ, а въ 1888 г.—II томъ, обнимавшій періодъ борьбы съ персами и

---

[1]) Текстъ послѣдней опубликованъ, какъ извѣстно, въ началѣ 1891 г.; рукопись же Бузольта была уже окончена въ августѣ того-же года, а книга вышла въ свѣтъ въ маѣ 1892 г.

[2]) Во II т новаго изданія своей „Греческой исторіи“, вышедшемъ позже „Древностей“, Бузольтъ отнесся къ этимъ сообщеніямъ уже съ бо́льшею осторожностью и сомнѣніемъ.

[3]) Къ оставшимся экземплярамъ русск перевода „Древностей“, упомянутаго раньше, переводчики присоединили „Приложенія“, въ которыя между прочимъ вошли очерки „древнеаттическаго племеннаго строя“ и „законодательства Дракона“.

[4]) Напомню, что переработкѣ подверглись также и труды Германа и Шемана.

„Пятидесятилѣтіе“, до начала Пелопоннесской войны; въ послѣднемъ, III-мъ томѣ авторъ предполагалъ довести изложеніе до Херонейской битвы и этимъ закончить. Но прежде чѣмъ трудъ былъ законченъ, понадобилось новое изданіе уже вышедшихъ томовъ, и Бузольтъ принялся за коренную переработку ихъ. Во второмъ „дополненномъ и совершенно переработанномъ изданіи“, вышедшемъ въ свѣтъ въ теченіе 1893—7 г. уже не въ 2, а въ 3 томахъ, эта часть „Греческой исторіи“ Бузольта является, по справедливому выраженію самого автора, какъ-бы новымъ трудомъ: такъ велики перемѣны и добавленія. Самый объемъ труда чрезвычайно разросся На изложеніе исторіи Греціи до Пелопоннесской войны вмѣсто прежнихъ 2 книгъ понадобилось 3. Въ I-мъ томѣ въ началѣ прибавлена напр. цѣлая обширная глава о микенской эпохѣ; зато изъ этого тома пришлось выдѣлить всю исторію Аттики и отнести ее ко II-му; въ то время какъ въ первомъ изданіи II-й томъ обнималъ исторію Греціи отъ іонійскаго возстанія до начала Пелопоннесской войны, въ новой переработкѣ во II-мъ томѣ изложеніе заканчивается отраженіемъ персовъ; исторія „Пятидесятилѣтія“, блестящаго промежутка между отраженіемъ персовъ и началомъ Пелопонесской войны, занимавшая раньше лишь половину II тома, всего около 300 стр., теперь составила цѣлую обширную книгу почти въ 600 стр., какъ I часть III тома, вторая часть котораго, по плану Бузольта, должна будетъ заключать въ себѣ окончаніе всего труда, что́ едва-ли однако исполнимо. Примѣчанія, на которыя и прежде падалъ, можно сказать, центръ тяжести, въ новомъ изданіи занимаютъ еще болѣе видное мѣсто и нерѣдко разростаются въ цѣлые экскурсы.

Такимъ образомъ „Griechische Geschichte“ Бузольта, это незамѣнимое пособіе и настольная книга для всѣхъ занимающихся греческою исторіею, въ новомъ изданіи представляется по своему содержанію и громадному матеріалу еще болѣе богатою, чѣмъ въ первомъ.

На-ряду съ открытіями на новѣйшую обработку греческой исторіи должно было сильно повліять еще и другое обстоятельство.

Новѣйшее направленіе въ историч. наукѣ

Извѣстно, что воззрѣнія на исторію, ея предметъ, задачи и основные факторы историческаго процесса, мѣняются, и мнѣ уже въ началѣ настоящего очерка (стр. 297—8) приходилось указывать на ту тѣсную связь, которая существуетъ между состояніемъ общества, его строемъ и настроеніемъ, идеалами и ум-

ственными теченіями съ одной стороны и взглядами историковъ—съ другой [1]).

Было время, когда въ исторіи искали главнымъ образомъ „дѣяній"; интересовались по преимуществу „великими людьми", въ нихъ видѣли главные, основные факторы историческаго процесса. Въ нашъ демократическій вѣкъ и историческая наука обнаруживаетъ тенденцію къ нѣкоторой, такъ сказать, нивеллировкѣ; она умаляетъ значеніе отдѣльной личности, роль „великихъ людей", и на первый планъ выдвигаетъ массу, общество. Однимъ изъ самыхъ яркихъ выразителей такого направленія въ настоящее время можно считать извѣстнаго нѣмецкаго историка Лампрехта, взгляды котораго возбуждаютъ въ Германіи горячій и даже страстный споръ и вызвали цѣлую литературу [2]). Самъ Лампрехтъ свое направленіе называетъ „коллективистическимъ" и противополагаетъ его прежнему, „индивидуалистическому". По его воззрѣніямъ, личное начало совершенно стушевывается; генеричными, лишенными всякой свободы признаются поступки только массы, и поэтому принципъ причинности оказывается примѣнимымъ лишь въ исторіи быта, состоянія массъ: тутъ именно сфера эволюціи и здѣсь особый методъ сравнительно съ исторіей выдающихся личностей.

Вообще идея эволюціи, имѣющая столь важное значеніе въ естественныхъ наукахъ, переносится и въ область наукъ общественныхъ и историческихъ. Статистическій методъ, съ такимъ успѣхомъ примѣняемый при изученіи явленій соціальной жизни, начинаетъ примѣняться и историками къ явленіямъ болѣе или менѣе далекаго прошлаго.

Если прежде ограничивались исторіей внѣшней, военной и дипломатической, если затѣмъ интересъ сосредоточивался преимущественно на исторіи государства, государственныхъ учрежденій, политическихъ партій и ихъ борьбы и отчасти на исторіи культуры; то въ наше время, въ вѣкъ капитализма и рабочаго пролетаріата, могущества денегъ, развитія торговли и промышленности, когда вопросы и отношенія соціально-экономическія стоятъ на первомъ планѣ, интересуютъ и волнуютъ каж-

---

[1]) Ср. Д. М. Петрушевскій, Тенденціи современ. исторической науки („Образованіе", 1899, № 5—6); мою ст. въ „Русск. Мысли", 1900, февр.

[2]) На русск. яз. см. ст. А. А. Малинина, Старое и новое направл. въ историч наукѣ (изъ Сборн. рефер. Истор. Общ. при Моск. унив, II).

даго мыслящаго человѣка, и историческая наука, при изученіи прошлаго, обращаетъ особенное вниманіе на нихъ, на состояніе общества и общественныхъ классовъ, на борьбу этихъ классовъ, на отношеніе къ пей государства. Это введеніе общества въ кругъ историческихъ изслѣдованій, этотъ „соціально-историческій методъ“ и анализъ, который различаетъ государство и общество и выясняетъ взаимныя отношенія между первымъ и общественными элементами, въ глазахъ одного изъ представителей новѣйшаго направленія въ изученіи греческой исторіи, Пельмана,—самый важный и богатый послѣдствіями успѣхъ, достигнутый историческою наукою въ новѣйшее время [1]).

Соціально-экономическое направленіе можно считать теперь господствующимъ въ исторической наукѣ. Оно впадаетъ иногда даже въ такую крайность и односторонность, какъ такъ назыв. „экономическій“ или „историческій матеріализмъ“. Онъ явился протестомъ противъ идеалистическаго пониманія исторіи; онъ попытался свести весь сложный историческій процессъ къ одному началу — къ экономическому фактору. Фундаментомъ исторіи онъ призналъ производственныя отношенія: по словамъ Маркса, способъ производства матеріальныхъ средствъ жизни обусловливаетъ соціальный, политическій и духовный жизненный процессъ вообще; не сознаніемъ людей опредѣляется бытъ, а наоборотъ, ихъ общественнымъ бытомъ опредѣляется сознаніе. Говоря словами его послѣдователей, направляющимъ и опредѣляющимъ моментомъ въ послѣдней инстанціи является производство; экономическое состояніе—базисъ, все остальное—надстройка; среди условій, при которыхъ совершается исторія, экономическія въ концѣ концовъ являются рѣшающими и ими обусловливается историческій процессъ; политическое, юридическое, философское, религіозное, художественное и всякое иное развитіе покоится на экономическомъ и т. д. Но это есть грубое искаженіе исторіи, и въ настоящее время сами послѣдователи историческаго матеріализма уже дѣлаютъ оговорки и уступки. Они признаютъ значеніе политическихъ и иныхъ условій; они допускаютъ, что эти условія развиваются по свойственнымъ имъ законамъ; они отстаиваютъ лишь положеніе, что въ историческомъ процессѣ экономическіе факторы наиболѣе важные, что ихъ вліяніе на прочія отношенія сильнѣе, чѣмъ вліяніе послѣднихъ на экономію [2]).

[1]) Pöhlmann, Aus Altert. und Gegenwart. Munchen. 1895, стр. 51, 246—7.

[2]) Объ этомъ см. напр. ст. А. К. Дживелегова, Оговорки матеріалист. пониманія исторіи (Міръ Божій, 1900, февр.). Ср. П. С. Климентовъ, Истор.

Не буду наконецъ говорить о томъ критицизмѣ, который свойственъ новѣйшей наукѣ.

Отраженіе его въ области изученія греч исторіи

Естественно, что общее движеніе исторической науки, перемѣны во взглядахъ на нее, на ея предметъ и задачи, на факторы историческаго процесса, въ связи съ перемѣной общественнаго настроенія, идеаловъ и интересовъ,—все это не могло не отразиться и на обработкѣ греческой исторіи. По вѣрному замѣчанію Р. Ю. Виппера, напр., „типичный нѣмецкій историкъ эпохи, предшествующей войнамъ 1866—70 годовъ, считалъ кульминаціонымъ пунктомъ греческой исторіи Греко-Персидскія войны; онъ сравнивалъ ихъ съ освободительнымъ движеніемъ своей родины противъ Наполеона въ 1808—14 гг.; въ демократіи середины V в. до Р. Хр. онъ видѣлъ главный плодъ греческой національной борьбы, потому что онъ признавалъ первою цѣлью своего времени достиженіе равенства политическихъ правъ, потому что онъ или самъ бился въ 1848 г. за политическую вольность, или сочувствовалъ борьбѣ за принципы народнаго верховенства“ [1]). Въ эпоху реакціи первой половины XIX стол., подъ впечатлѣніемъ воспоминаній о французской революціи, историки часто склонны были выступать съ нападками противъ демократіи. Побѣда либерализма привела къ противоположному воззрѣнію. Въ греческой демократіи стали видѣть образецъ и осуществленіе идеаловъ, которыми увлекались. Это настроеніе нашло себѣ выраженіе въ трудѣ Грота [2]).

Въ настоящее время историки подходятъ къ греческой древности съ иной точки зрѣнія, съ иными запросами и интересами. То новѣйшее направленіе въ исторической наукѣ, о которомъ я говорилъ, нашло себѣ отраженіе, въ бо́льшей или меньшей степени, и въ области обработки греческой исторіи. Главными представителями его являются Beloch, Eduard Meyer и Pöhlmann.

матеріализмъ (Рус. М, 1903, янв.); кн. Е. Н. Трубецкой, Къ характеристикѣ ученія Маркса и Энгельса о значеніи идей въ исторіи (въ сборн. „Проблемы идеализма“), многочисленные „Этюды“ Н. И. *Карѣева, ст. Н. К. Михайловскаго* и г. Слонимскаго *Вообще литература объ историческомъ матеріализмѣ* очень обширна, *изъ крупныхъ труловъ можно назвать напр. „Истор. матеріализмъ“* Бернштейна, *„Хозяйство и право“ Штаммлера, „Философія и соціолог. основ. марксизма“* Масарика, „Конецъ марксизма“ Вейзенгрюна (имѣются въ русск. пер.).

[1]) Очерки историч. мысли XIX в., въ. „Мірѣ Б.“, 1901, мартъ.

[2]) Pöhlmann, Aus Altert. und Gegenw., стр. 246—7.

Самый типичный изъ нихъ вообще—Белохъ; болѣе умѣренный, чуждый односторонности и въ то же время самый крупный ученый—Э. Мейеръ, а самый яркій представитель изученія соціально-экономическихъ вопросовъ античнаго міра—Пельманъ.

Белохъ

Юліусъ Белохъ, нѣмецъ по національности, профессоръ древней исторіи въ Римскомъ университетѣ, пріобрѣлъ извѣстность прежде всего своею монографіею объ аттической политикѣ со времени Перикла (Die attische Politik seit Perikles. 1884), въ которой онъ чрезвычайно сурово отнесся къ вождямъ аѳинской демократіи, и затѣмъ своимъ изслѣдованіемъ о численности населенія грекоримскаго міра (Historische Beiträge zur Bevölkerungslehre. I Th. Die Bevölkerung der griechisch-römischen Welt. 1886) [1]), гдѣ примѣнилъ въ широкихъ размѣрахъ статистическій методъ къ древней исторіи [2]) и между прочимъ доказывалъ положеніе, которое потомъ было развито и Э. Мейеромъ, именно, что рабы въ древности вовсе не были такъ многочисленны, какъ принято думать, и рабство не играло той видной роли, какую ему обыкновенно приписываютъ. Въ предисловіи къ своему изслѣдованію Белохъ заявляетъ, что до тѣхъ поръ не было предпринято попытки изучить движеніе населенія на обширномъ пространствѣ и въ теченіе длиннаго періода, на основаніи систематически собраннаго и критически разобраннаго имѣющагося на лицо матеріала; а между тѣмъ это — единственный путь для реальнаго пониманія исторіи и для выработки прочной теоріи населенія. Къ современнымъ историкамъ, по его мнѣнію, примѣнимы слова Полибія относительно Филарха: „каждый прежде всего поражается непониманіемъ и незнаніемъ расходовъ и богатства эллинскихъ государствъ; а историкамъ это должно быть извѣстно прежде всего“ [3]). Пріемы и выводы Белоха вызвали сильныя возраженія [4]); дѣйствительно, пріемы его иногда слишкомъ смѣлы, а выводы шатки и гипотетичны; но имъ впервые собранъ обширный матеріалъ, все, что

---

[1]) Болѣе популярная статья его-же на ту-же тему—въ Zeitschr. f. Socialwissenschaft, 1899, Heft 7—9

[2]) На русск. яз. объ этой книгѣ есть рец. Н. Н. Шамонина въ „Юридич. Вѣстн.“ 1888, № 5. Ср. М. М. Хвостовъ, Изученіе экономич. быта древности (Ж. М. Н. Пр., 1900, іюнь).

[3]) См. названную выше ст. М. М. Хвостова, стр. 289—90.

[4]) Преимущественно въ ст. Seeck'a о примѣненіи статистич. метода въ древн. исторіи (Jahrbücher f. Nationalökon. und Statistik, 3-te F., XIII, 1897) Отвѣтъ Белоха—ibid. Объ этой полемикѣ см. ст. М. М. Хвостова.

можетъ пролить свѣтъ на статистику населенія древняго міра, и впервые этотъ матеріалъ подвергнутъ критикѣ [1]).

Радикальный критицизмъ Белоха, крайне скептическое отношеніе его къ традиціи, ясно выразились еще въ его статьѣ: „Die Dorische Wanderung", (въ Rhein. Museum за 1890), въ которой онъ смѣло отрицаетъ такой общепризнанный фактъ, какъ вторженіе дорянъ въ Пелопоннесъ.

Но самый крупный трудъ Белоха—„Греческая исторія", въ которой отражаются всѣ наиболѣе характерныя черты его направленія. Въ 1891 г. вышло начало ея, на итальянскомъ языкѣ [2]), касающееся лишь древнѣйшей Греціи и заканчивающееся главою о гомерической эпохѣ (насколько мнѣ извѣстно, продолженіе ея на итальянскомъ языкѣ не выходило). Но въ 1893—7 г. Белохъ издалъ „Греческую исторію" понемѣцки, въ 2 томахъ [3]), и довелъ изложеніе до завоеванія Персіи Александромъ Македонскимъ включительно [4]).

„Griechische Geschichte" Белоха предназначается не столько для спеціалистовъ, сколько для образованныхъ читателей, интересующихся исторіей. Этимъ обусловливается ея объемъ, характеръ и изложеніе. По своимъ размѣрамъ труды даже Курціуса и Гольма слишкомъ обширны для широкаго круга читателей. „Греческая исторія" Белоха уступаетъ имъ по своему объему. Она состоитъ, какъ сказано, изъ 2 томовъ [5]), изъ коихъ I т доводитъ изложеніе до Сицилійскои экспедиціи временъ Пелопоннесской войны и до побѣды „просвѣщенія" (Aufklärung) и новаго направленія въ области философіи, а II т. обнимаетъ исторію Греціи, кончая Аристотелемъ и завоеваніемъ Азіи Александромъ. Въ ней нѣтъ многочисленныхъ и обширныхъ примѣчаній, подробныхъ библіографическихъ указаній; Белохъ ограничивается лишь самымъ необходимымъ. Его „Греческая исторія" отличается прекраснымъ

---

[1]) См. отзывъ C. Wachsmuth'a въ Jahrb. f. Nationalökon. u. Stat., 1887; М. М. Хвостовъ, стр 302.

[2]) Storia Greca Parte prima. La Grecia antichissima Roma. 1891.

[3]) Griechische Geschichte. Strassb. 1893—7; русск. перев. М. О. Гершензона—„Ист Греціи". М 1897—9. 2 т.

[4]) Изъ рецензій отмѣтимъ ст. Niese въ Götting. gel. Anzeig., 1894, № XI, и въ N. Jahrb. f. d. klass Altert., III. 1899 („Üb. einige neuere Erschein. d. Griech. Geschichte"); Holm'a—въ Berl. Phil. Wochenschr., 1894, S. 371—400; 1897, S. 1257.

[5]) Белохъ, впрочемъ, намѣренъ, повидимому, продолжать свой трудъ.

изложеніемъ, читается легко и съ интересомъ. Даже самая внѣшность ея въ нѣмецкомъ подлинникѣ производитъ благопріятное впечатлѣніе своимъ изяществомъ.

„Греческая исторія“ Белоха представляется характерною по воззрѣніямъ, по плану и по тому, какія стороны исторической жизни грековъ въ ней преимущественно затронуты или выдвинуты на первое мѣсто.

Главными дѣятелями въ исторіи Белохъ теоретически признаетъ народныя массы. „Кто видитъ движущую силу историческаго развитія въ отдѣльныхъ личностяхъ, въ «великихъ людяхъ», а не въ народныхъ массахъ, стремленія которыхъ воплощаются въ этихъ герояхъ, тотъ пусть лучше не прикасается къ древней исторіи“, замѣчаетъ онъ. Но нельзя сказать, чтобы Белохъ послѣдовательно проводилъ эту точку зрѣнія. На практикѣ онъ отступаетъ отъ своей теоріи и впадаетъ въ противорѣчіе съ собой, приписывая отдѣльнымъ личностямъ слишкомъ большое значеніе, возлагая на нихъ отвѣтственность за такія явленія, которыя были результатомъ цѣлаго сложнаго процесса, многихъ условій и причинъ. Такъ, напр., Пелопоннесская война, по мнѣнію Белоха, вспыхнула по винѣ Перикла, который стремился къ ней по соображеніямъ внутренней политики и по эгоистическимъ мотивамъ.

У Белоха исторія Греціи не сводится, какъ это часто бываетъ, преимущественно къ исторіи Спарты и Аѳинъ: Аѳины и Спарта не стоятъ у него на первомъ планѣ, заслоняя собою всю остальную Грецію. Напротивъ, ихъ исторія введена, такъ сказать, въ общую рамку, излагается не отдѣльно, не какъ особые отдѣлы, подъ особыми рубриками, а въ неразрывной и органической связи съ исторіей всего греческаго міра, съ ея постепеннымъ развитіемъ и съ точки зрѣнія общегреческой.

Белохъ не отводитъ перваго мѣста политической исторіи; отдѣлы, посвященные ей, отличаются сравнительною краткостью. Это—„ne histoire bataille“, какъ справедливо замѣтилъ его издатель Уже изъ поставленныхъ въ заголовкѣ каждаго тома частныхъ заглавій (Bis auf die sophistische Bewegung und Peloponnes. Krieg I т. и Bis auf Aristoteles und die Eroberung Asiens II т.) видно, какое значеніе Белохъ придаетъ исторіи умственнаго движенія и факты какой категоріи выдвигаетъ онъ на первый планъ: какъ конечный предѣлъ для I т. ставится прежде всего „софистическое движеніе“, для II—„Аристотель“, а потомъ уже „завоеваніе Азіи“.

Впрочемъ, на умственную жизнь и вообще культуру Греціи обращали большое вниманіе и другіе историки, напр. Курціусъ. Но что̀ составляетъ особенность „Греческой исторіи“ Белоха, отличающую ее отъ всѣхъ предшествовавшихъ и общую ей съ трудомъ Э. Мейера и „Очеркомъ“ Пельмана, о которомъ мы еще скажемъ, такъ это то, что въ ней выдвинута соціально-экономическая сторона жизни древней Греціи. Белохъ относится къ фактамъ изъ этой области съ полнымъ вниманіемъ, и у него мы найдемъ цѣлые отдѣлы, посвященные описанію перемѣнъ въ хозяйственномъ быту грековъ, — очерки торговли, промышленности, сельскаго хозяйства, свѣдѣнія о положеніи разныхъ классовъ населенія, особенно рабовъ, и т. д., т. е. найдемъ то, чего до тѣхъ поръ не было въ другихъ общихъ трудахъ по исторіи Греціи или что̀ затрогивалось въ нихъ мимоходомъ. Белохъ же первый воспользовался напр. и матеріаломъ, который содержатъ для хозяйственной исторіи списки дани аѳинскихъ союзниковъ [1]). Уже въ виду этого „Griechische Geschichte“ Белоха представляетъ особый интересъ и для спеціалистовъ.

Другая характерная черта Белоха—это его крайній, можно сказать разрушительный, критицизмъ. слишкомъ скептическое отношеніе къ преданію, къ источникамъ. Белохъ врагъ авторитетовъ. По его мнѣнію, легенда оказала слишкомъ большое вліяніе на греческую исторіографію, которая охотно черпала изъ этого источника, чтобы пополнять пробѣлы дѣйствительнаго историческаго преданія, не боясь въ то-же время недостающее возмѣщать собственными комбинаціями, пока не получалось, наконецъ, подобіе прагматическихъ разсказовъ, и потому своею ближайшею задачею Белохъ считаетъ „разрушеніе этихъ произвольныхъ построеній“. И дѣйствительно, его критика радикальная. Самымъ яркимъ примѣромъ служитъ то, что онъ и въ своей „Греческой исторіи“ повторяетъ гипотезу, развитую имъ въ одной изъ предшествовавшихъ статей (см. выше, стр. 464) и отвергающую фактъ дорянскаго вторженія въ Пелопоннесъ, признавая преданіе объ этомъ вторженіи лишеннымъ всякой достовѣрности и сложившимся сравнительно поздно. Сообразно съ этимъ онъ относитъ господство микенской культуры въ Греціи къ сравнительно позднему времени; эта культура, по убѣжденію Белоха, господствовала въ Греціи до VIII стол. Онъ отвергаетъ вліяніе въ древности фи-

[1]) Ed. Meyer, Gesch. d. Alterth., IV, 72.

никіянъ и существованіе ихъ поселеній на островахъ и континентѣ Греціи; торговыя сношенія ихъ съ греками тоже относитъ къ сравнительно позднему времени, къ VIII—VII в. Белохъ не высокаго мнѣнія объ авторитетѣ Ѳукидида и Аристотеля (въ „Аѳинской Политіи“): онъ не только отрицаетъ существованіе Драконовой конституціи, какъ о ней говоритъ 4-я глава „Аѳин. Пол.“, и не только признаетъ за анекдотъ, не имѣющій никакой цѣны, разсказъ объ участіи Ѳемистокла въ проведеніи реформы ареопага — съ чѣмъ нельзя не согласиться —, но онъ, слѣдуя за Низе, отрицаетъ существованіе совѣта 400 при Солонѣ; отрицаетъ даже возможность, чтобы жребій введенъ былъ Солономъ хотя бы въ смѣшанномъ видѣ; вопреки свидѣтельству Геродота и Аристотеля, признаетъ лишь однократное изгнаніе и возвращеніе Писистрата; сомнѣвается въ достовѣрности свидѣтельства „Аѳ. Пол.“ относительно избранія стратеговъ съ 501 или 502 г.; отвергаетъ, чтобы ареопагъ усилился послѣ Саламинскаго сраженія; разсказъ Ѳукидида о хитрости, къ которой прибѣгнулъ Ѳемистоклъ по отношенію къ спартанцамъ при возстановленіи аѳинскихъ стѣнъ изъ развалинъ послѣ нашествія персовъ, считаетъ простымъ анекдотомъ и проч. Этотъ крайній скептицизмъ и гиперкритика составляютъ одинъ изъ самыхъ крупныхъ недостатковъ интереснаго труда Белоха.

И въ оцѣнкѣ лицъ и явленій Белохъ нерѣдко отступаетъ отъ общепринятой точки зрѣнія. Одновременно съ Pflugk-Harttung'омъ и Дункеромъ, но независимо отъ нихъ и вполнѣ самостоятельно, еще въ своей монографіи „Die attische Politik seit Perikles“ онъ пришелъ къ отрицательному взгляду на Перикла, какъ полководца и государственнаго дѣятеля. И въ своей „Греческой исторіи“ онъ повторяетъ его, хотя въ болѣе умѣренной формѣ: Белохъ сомнѣвается, былъ ли Периклъ великимъ государственнымъ человѣкомъ, ибо ему не удалось удержать Аѳинскую державу на той высотѣ, на какую возвели ее Ѳемистоклъ и Кимонъ; но „онъ былъ, какъ мы сказали бы теперь, великимъ парламентскимъ дѣятелемъ“ („ein grosser Parlamentarier“). Еврипида Белохъ ставитъ выше Софокла; софистовъ онъ, подобно Гроту, беретъ подъ свою защиту; онъ выставляетъ ихъ заслуги и вовсе не считаетъ ихъ „учителями безнравственности“. Для Белоха софистическое движеніе—синонимъ научнаго просвѣщенія; а просвѣщеніе и науку онъ ставитъ чрезвычайно высоко, выше всякихъ иныхъ идеальныхъ благъ. Преклоняясь предъ наукой и просвѣ-

щеніемъ, Белохъ готовъ набросить тѣнь на Сократа и Платона, какъ на „реакціонеровъ“ [1]). Вообще Белохъ цѣнитъ грековъ главнымъ образомъ какъ искателей пути современной науки; онъ судитъ о лицахъ и эпохахъ преимущественно съ точки зрѣнія отношенія ихъ къ прогрессу и просвѣщенію. Почти всюду чувствуется, что авторъ имѣетъ въ виду аналогію съ современными явленіями, что онъ, такъ сказать, модернизуетъ греческую исторію. Мѣстами проглядываетъ нѣкоторая поверхностность. Но въ отсутствіи оригинальности и смѣлости Белоха никоимъ образомъ нельзя упрекнуть: это — ученый съ самостоятельными взглядами, съ новыми пріемами изслѣдованія аптичной древности, и его „Греческая исторія“ вовсе не простая компиляція популярнаго характера. Спеціалистъ найдетъ въ ней немало интересныхъ точекъ зрѣнія, хотя и не со всѣмъ можно согласиться; а то, что Белохъ обратилъ такое вниманіе на явленія соціально-экономической жизни Греціи, составляетъ положительную его заслугу.

По своему сравнительно небольшому объему, интересному живому содержанію и прекрасному изложенію, „Греческая исторія“ Белоха является какъ нельзя болѣе подходящимъ пособіемъ для всякаго образованнаго читателя; нужно только имѣть въ виду, что Белохъ не свободенъ отъ крайностей и увлеченій. Его „Griechische Geschichte“ имѣется и въ русскомъ—и притомъ прекрасномъ—переводѣ М. О. Гершензона [2]), вполнѣ могущемъ замѣнить подлинникъ. Мало того: для этого перевода Белохъ сдѣлалъ нѣкоторыя добавленія и исправленія (правда, небольшія), такъ-что русскій текстъ можетъ быть разсматриваемъ какъ новое изданіе.

Эд Мейеръ Съ „Греческою исторіею“ Белоха имѣетъ сходныя черты „Geschichte des Alterthums“ Эд. Мейера (до послѣдняго времени профессора въ Галле, а теперь—въ Берлинѣ), II—V томы которой касаются главнымъ образомъ греческой исторіи (II томъ ея вышелъ почти одновременно съ I т. Белоха). Сходство это обнаруживается въ пріемахъ, въ томъ вниманіи, какое удѣляетъ Э. Мейеръ соціально-экономическимъ явленіямъ, въ нѣкоторыхъ положе-

---

[1]) Ad. Bauer, Die Forschungen..., стр 250.

[2]) М. О. Гершензонъ превосходно владѣетъ литературнымъ языкомъ и самъ занимался греческою исторіею; ему принадлежатъ работы: „Аристотель и Эфоръ“ (составляетъ второй отдѣлъ „Изслѣдованій по греческой исторіи“. М. 1894, первый отдѣлъ коихъ составляетъ изслѣдованіе В. А. Маклакова: „Избраніе жребіемъ въ аѳинск. государствѣ“) и „Аѳинская Политія Аристотеля и жизнеописанія Плутарха“. М. 1895.

ніяхъ или выводахъ и даже въ частностяхъ; напр., и Э. Мейеръ склоненъ модернизовать древность; и онъ доказываетъ, что число рабовъ въ древности не было особенно велико и рабство не имѣло того значенія, какое ему приписываютъ; и онъ отвергаетъ разсказъ о двукратномъ изгнаніи и возвращеніи Писистрата и т. под. Но, при всемъ сходствѣ, въ научномъ отношеніи трудъ Э. Мейера стоитъ выше труда Белоха—по строгости метода, по основательности, по свободѣ отъ крайностей и односторонности, по обширности и разносторонности знаній автора, по широтѣ универсально-историческаго взгляда. „Geschichte des Alterthums“ Э Мейера—трудъ во всѣхъ отношеніяхъ болѣе крупный и капитальный, нежели „Греческая исторія“ Белоха.

„Geschichte des Alterthums“ Э. Мейера начала выходить около 20 лѣтъ тому назадъ: I т. ея появился въ 1884 г. и всецѣло посвященъ исторіи древняго востока. Онъ занялъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ литературѣ по этому отдѣлу. На первыхъ страницахъ этого тома Э. Мейеръ высказываетъ общій взглядъ свой на исторію и историческій процессъ. По его мнѣнію, историческая жизнь состоитъ въ борьбѣ „индивидуализированія“ противъ силы преданія и господствующихъ воззрѣній, противъ всеобщности и единообразія. Поэтому исторія, хотя она и подчинена всеобщимъ законамъ, однако никогда не можетъ быть всецѣло сведена къ нимъ или просто превращена въ формулы. Она по необходимости многообразна, и ни одинъ отдѣлъ или періодъ ея не тожественъ съ другимъ. Рядомъ съ закономѣрнымъ и всеобщимъ, въ ней господствуетъ случай и свободная воля (въ обыденномъ смыслѣ) отдѣльнаго лица. Историческая наука не принадлежитъ къ философскимъ или естественнымъ, и всякая попытка измѣрять ее ихъ масштабомъ недопустима. Она соприкасается съ обѣими, ибо она имѣетъ задачу изслѣдовать всеобщіе законы и формы исторической жизни и указывать сцѣпленіе причины и дѣйствія въ отдѣльныхъ событіяхъ. Но настоящее ея призваніе—нисходить къ деталямъ, слѣдить за развитіемъ въ отдѣльныхъ случаяхъ; правда, она занимается и типичными формами, но преимущественно и на первомъ мѣстѣ—разнообразіемъ (I, 13—15)

Почти черезъ 10 лѣтъ послѣ I тома въ 1893 г. вышелъ II-й („Geschichte des Abendlandes bis auf die Perserkriege“); затѣмъ опять послѣ долгаго промежутка, въ 1901 г.,—III-й (Bis zu den Friedensschlüssen von 448 und 446 v. Chr.), за которымъ быстро послѣдовали IV-й, въ томъ-же 1901 г. (Athen vom Frieden von 446

bis zur Kapitulation Athens im J. 404 v. Chr.), и V-й, въ 1902 г. (Der Ausgang der griech. Geschichte), заканчивающійся битвою при Мантинеѣ.

Во всѣхъ этихъ томахъ, начиная со II-го, исторія Греціи занимаетъ главное мѣсто; исторія Востока, а тѣмъ болѣе Рима и Карѳагена, стоитъ на заднемъ планѣ. Тѣмъ не менѣе у Мейера—универсально-историческая точка зрѣнія. Э. Мейеръ рѣшительно возстаетъ противъ той крайней спеціализаціи, которая вообще свойственна XIX в. Спеціализація эта и „раздѣленіе труда", говоритъ онъ, являются, конечно, необходимымъ слѣдствіемъ развитія науки, неномѣрно увеличившагося матеріала и роста литературы, и въ значительной мѣрѣ обусловливаютъ это развитіе; но онѣ имѣютъ и свою вредную сторону. Благодаря спеціализаціи почти совершенно рушилось единство исторической науки: изслѣдователю въ области среднихъ вѣковъ и новаго времени обыкновенно недостаетъ универсально-историческаго интереса и дѣйствительнаго знанія древности. При такой изолированности сильно пострадало и изученіе древней исторіи: вмѣсто того, чтобы рѣшать задачи въ большей связи и искать поученія въ параллельныхъ явленіяхъ, оно по принципу не считаетъ нужнымъ заглядывать далѣе своихъ узкихъ границъ. По мнѣнію Э. Мейера, настоятельно необходимо, чтобы историческое изслѣдованіе—здѣсь, какъ и вездѣ—снова возвысилось до болѣе универсальной точки зрѣнія (II, 32). Спеціализація должна служить только средствомъ: для великихъ задачъ историческаго изслѣдованія вся надежда въ томъ, чтобы оно снова сознало свой универсальный характеръ какъ въ современной, такъ и въ античной области (II, Vorw., стр. VI).

„Geschichte des Alterthums" Э. Мейера по темѣ напоминаетъ аналогичный трудъ Макса Дункера. Но разница между ними большая, показывающая, какой шагъ сдѣлала наука за послѣднія десятилѣтія. Притомъ Э. Мейеръ обладаетъ всѣми данными для такого широкаго построенія и всесторонняго изученія: онъ—оріенталистъ и эллинистъ, историкъ и лингвистъ; онъ прекрасно знаетъ и политическую экономію. Немногіе изъ современныхъ ученыхъ имѣютъ такія всестороннія знанія, какъ Э. Мейеръ; А. Бауэръ [1]) справедливо о немъ выразился, что Мейеръ можетъ разсуждать, какъ самостоятельный изслѣдователь, съ Оппертомъ о текстѣ сузскихъ клинообразныхъ надписей, съ ассиріологами — о вавилон-

[1]) A. Bauer, Neue Bucher zur Griech. Gesch. (N. Jahrb., IX, 1902).

скихъ контрактахъ на табличкахъ, съ Велльгаузеномъ и другими критиками Ветхаго Завѣта—объ Эзрѣ, Неэміи, книгѣ Эсфири и проч., съ филологами-классиками—о возникновеніи Ѳукидидова труда.

Методъ Э. Мейера можетъ быть названъ сравнительнымъ. Мейеръ нерѣдко прибѣгаетъ къ аналогіи, приводитъ примѣры изъ новой исторіи. Вообще онъ сближаетъ древность и новое время, находитъ много сходства и аналогіи въ ихъ историческомъ развитіи [1]). По его мнѣнію, и въ древней Греціи были свои „средніе вѣка“ [2]), имѣющіе много общаго съ германскимъ средневѣковьемъ. Это- періодъ, начинающійся переселеніями племенъ, вторженіемъ дорянъ, эпоха Гомера и Гесіода, пора могущества знати. Состояніе Греціи во времена напр. Гомера и Гесіода—это состояніе христіанско-германскаго средневѣковья: рѣзкое разграниченіе наслѣдственныхъ сословій, господствующее положеніе землевладѣльческой военной знати, все усиливающаяся зависимость крестьянства, начиная отъ смягченныхъ формъ крѣпостничества или подданичества до полнѣйшей закабаленности, наконецъ презираемое и мало развитое ремесло [3]). Словомъ, по Мейеру, гомерическая эпоха стоитъ на одномъ уровнѣ съ первой эпохой въ исторіи христіано-германскихъ народовъ и, подобно этой послѣдней, можетъ быть названа „средневѣковьемъ“ (das griechische Mittelalter). Цвѣтущая пора древности соотвѣтствуетъ новому времени: VII и VI в.—XIV-му и XV-му ст., V-й—XVI-му, а культура эллинизма можетъ быть сравниваема съ современною [4])

По мнѣнію Э. Мейера, единаго, непрерывнаго прогрессивнаго развитія нѣтъ, а есть два параллельныхъ процесса, два параллельныхъ періода въ исторіи развитія народовъ, живущихъ у Средиземнаго моря [5]): съ паденіемъ древняго міра развитіе начинается съизнова; оно опять возвращается къ тѣмъ первымъ ступенямъ, которыя уже давно были пройдены,—воззрѣніе, кстати

---

[1]) См. мою ст. въ „Рус. М.“, 1900, февр., стр. 73 сл.

[2]) Примѣненіе этого термина въ греческой исторіи мы встрѣчаемъ еще у Bergk'a въ его Griechische Litteraturgeschichte. Сравненіе между концомъ среднихъ вѣковъ на западѣ и эпохой тираніи въ Греціи, какъ вѣкомъ „новеллы“, находимъ мы въ статьѣ Erdmannsdörffer'a, Das Zeitalter der Novelle in Hellas (Preuss. Jahrb., XXV, 1869).

[3]) Кромѣ Gesch. d. Alterth., см. его-же Die Sklaverei im Alterthum. Dresden. 1898 (есть русск. пер.).

[4]) Ibid.

[5]) См. его Die wirtschaftliche Entwickelung d. Alterthums. Jena. 1895 (русск. пер. М. О. Гершензона. Спб. 1898) и Die Sklaverei im Alterthum.

сказать, нѣсколько напоминающее идеи Вико, автора „Новой Науки". Древній міръ, говоритъ Э. Мейеръ, погибъ не вслѣдствіе какого-нибудь разрушительнаго внѣшняго переворота, а благодаря дѣйствію внутреннихъ силъ,—„вслѣдствіе разложенія совершенно выработанной и по своему существу вполнѣ современной культуры, умершей естественною смертію". „Средневѣковой міровой порядокъ во второй разъ сталъ господствовать". Такимъ образомъ, человѣчество, по этому воззрѣнію, какъ-бы обречено на своего рода Сизифову работу... Э. Мейеръ забываетъ то, что онъ самъ говорилъ на первыхъ страницахъ своего труда, а именно, что въ исторіи ни одинъ періодъ не можетъ быть тождественъ съ другимъ; онъ упускаетъ изъ виду или не считаетъ нужнымъ отмѣтить два важныхъ обстоятельства: во-первыхъ, при всемъ параллелизмѣ и аналогіи въ историческомъ развитіи древности съ одной стороны, среднихъ и новыхъ вѣковъ съ другой нѣтъ полнаго тождества и повторенія; въ христіанскомъ, западно-европейскомъ средневѣковьѣ наблюдаются новыя черты и элементы, которыхъ нѣтъ въ античной древности, которые послѣдней совершенно чужды; и во-вторыхъ, предшествующій періодъ развитія не прошелъ безслѣдно: въ наслѣдіе отъ него осталось многое, что пережило вѣка и вліяло на послѣдующее развитіе,—нѣкоторыя идеи, учрежденія, культура. Э. Мейеръ какъ-бы отрицаетъ здѣсь могущество и преемственность исторической традиціи.

Онъ признаетъ сходство и въ хозяйственномъ развитіи древности и новаго времени: по Мейеру, Греція въ этомъ отношеніи прошла въ сущности чрезъ тѣ-же стадіи и уже въ ней существовали высшія формы экономическихъ отношеній; напр. Аѳины въ V и IV в. стоятъ такъ же подъ знаменіемъ капитализма, какъ и Англія съ XVIII ст. или Германія съ XIX (III, 550).

Естественно послѣ этого, что Э. Мейеръ не могъ сочувствовать господствовавшей еще недавно теоріи примитивности хозяйственныхъ формъ древности, по которой древнее хозяйство было будто-бы хозяйствомъ οἶκος'а, т. е. автономнымъ хозяйствомъ „дома", собственными силами удовлетворяющимъ всѣ свои потребности. Теорія эта еще въ 60-хъ годахъ была высказана Родбертусомъ, а затѣмъ уже въ 90-хъ годахъ истекшаго столѣтія развита и нѣсколько видоизмѣнена извѣстнымъ ученымъ Карломъ Бюхеромъ (въ его „Происхожденіи народнаго хозяйства") [1]), по

[1]) Die Entstehung der Volkswirtschaft. 1-е изд.—1893; 2-е, очень дополненное и измѣненное,—1898; 3-е—1901. Есть русск. пер. Спб. 1897. Бюхеру

которому народное хозяйство не древнѣе современнаго государства и вся древность, равно какъ и первая половина среднихъ вѣковъ (приблизительно до начала текущаго тысячелѣтія), относится къ первому періоду въ исторіи экономическаго развитія,—періоду „замкнутаго домашняго хозяйства", „чистаго производства на себя", „хозяйства безъ обмѣна", гдѣ „продукты потребляются въ томъ же хозяйствѣ, которое ихъ производитъ", такъ-что „весь хозяйственный оборотъ, отъ производства до потребленія, совершается въ замкнутомъ кругу дома (семьи, рода)". Далѣе зачатковъ высшей формы и мѣновыхъ сдѣлокъ, какъ единичныхъ явленій и лишь въ предѣлахъ одного города, древность, по мнѣнію Бюхера, не пошла, такъ-что о народномъ хозяйствѣ, о постоянной торговлѣ и торговомъ классѣ, объ экономическомъ расчлененіи общества не можетъ быть и рѣчи. Противъ этой теоріи и выступилъ Э. Мейеръ въ своемъ докладѣ, читанномъ на съѣздѣ нѣмецкихъ историковъ въ 1895 г., „Объ экономическомъ развитіи древняго міра" [1]). Рядомъ фактовъ онъ опровергаетъ положеніе Родбертуса и его послѣдователей и показываетъ, что уже въ древности существовали высшія формы экономическихъ отношеній, что уже тогда промышленность, торговля, деньги, капиталъ играли чрезвычайно важную роль, существовалъ классъ промышленниковъ и купцовъ, были даже и товарищескія предпріятія, торговыя общества и т. д.

Съ этимъ тѣсно связанъ вопросъ о рабствѣ, о числѣ рабовъ и роли рабскаго труда въ древности. Въ лекціяхъ, посвященныхъ этому вопросу [2]), Э. Мейеръ приходитъ къ выводу, что въ древности число рабовъ не было особенно велико, что рабство въ экономическомъ отношеніи играло лишь весьма подчиненную роль, не представляло господствующаго фактора экономической жизни античнаго міра и что, кромѣ рабовъ, существовалъ многочисленный классъ свободныхъ рабочихъ. По Э. Мейеру, свободный трудъ— не преемникъ рабства, а, напротивъ, „возникаетъ въ тотъ самый моментъ, когда и рабство начинаетъ выступать въ качествѣ экономически значительнаго фактора: оба они одного возраста и представляютъ лишь двѣ различныя конкуррирующія между собою фор-

---

же принадлежитъ Die Wirtschaft der Naturvolker. Dresd., и Arbeit und Rythmus. 2-te Aufl. Leipz. 1899.

[1]) Die wirtschaftliche Entwickelung des Alterthums. Jena, 1895. имѣющ., какъ было упомянуто уже, и въ русск. пер. (1898).

[2]) Die Sklaverei im Alterth. 1898; см. русск. перев. Ср. итальянск. соч. Ciccotti, Il tramento della schiavitù nel mondo antico. 1897.

мы, въ которыхъ пытается найти удовлетвореніе одна и та-же экономическая потребность, — формы, въ которыхъ выражается одинъ и тотъ-же экономическій переворотъ. Капиталъ нуждается въ дешевыхъ и подвижныхъ, освобожденныхъ отъ естественно выросшихъ отношеній патріархальнаго средневѣковаго общества рабочихъ силахъ, которыя старается использовать въ возможно полномъ объемѣ; а правовая форма, въ которой онѣ ему предлагаются, стоитъ экономически на второмъ планѣ“ [1]). Э. Мейеръ и тутъ усматриваетъ нѣкоторую аналогію между развитіемъ древности и новаго времени. Эпохой развитія рабства, по его словамъ, была эпоха расцвѣта демократіи, и рабство этого періода вызвано тѣми-же причинами, что̀ и свободный трудъ новаго времени: онѣ стоятъ на одной линіи.

Вообще, по Э. Мейеру, „въ древности преобладали, хотя на гораздо меньшемъ пространствѣ и въ иныхъ формахъ, тѣ-же вліянія и противоположности, которыя управляютъ и современнымъ развитіемъ“ [2]).

Воззрѣнія эти, хотя и въ иной, болѣе краткой формѣ, высказываетъ Э. Мейеръ и въ своей „Geschichte des Alterthums“.

Уже изъ предыдущаго видно, что Мейеръ обращаетъ большое вниманіе на соціально-экономическіе вопросы [3]). Ему, наравнѣ съ Белохомъ и Пельманомъ, мы болѣе всего обязаны выясненіемъ этой стороны въ исторіи Греціи. Въ своей „Geschichte des Alterthums“ онъ отводитъ надлежащее мѣсто соціально-экономическимъ факторамъ, но безъ крайностей и односторонности. Онъ далекъ отъ „экономическаго матеріализма“, отъ того, чтобы все объяснять экономическими мотивами, и съ такимъ же вниманіемъ и глубиной изучаетъ политическую, религіозную и вообще культурную жизнь грековъ, какъ и ихъ общественную и хозяйственную. Очерки религіозныхъ воззрѣній грековъ, наряду съ очерками хозяйственнаго быта, принадлежатъ къ лучшимъ мѣстамъ въ трудѣ

---

[1]) Die Sklaverei im Alterthum, стр. 38 сл.; русск. пер., стр. 45 сл.

[2]) Возраженія противъ Мейера—въ рец. Hartmann'a въ Zeitschr. f Socialwiss und Wirtschaftsgesch., 1896. IV. О взглядахъ Мейера и Бюхера см. ст. М. М Хвостова, Изуч. экономич. быта древности (Ж. М. Н. Пр., 1900, іюнь). Ср. И. М. Гревсъ, Оч. изъ исторіи римск. землевлад. I. Спб. 1899.

[3]) Э. Мейеру принадлежитъ ст о финансахъ въ Греціи въ Handwörterbuch d. Staatswiss. II Suppl-b. 1897 (имѣется и въ русск. пер.—въ „Очеркахъ изъ экономич. и соціальн. исторіи древн. міра и средн. вѣк.“. Пер. подъ ред В. Э. Дена. Спб. 1897).

Мейера. Политическая исторія излагается тоже подробно Словомъ, не забыта ни одна сторона; каждой удѣлено подобающее мѣсто, и явленія въ различныхъ сферахъ приводятся въ тѣсную, органическую связь между собою, взаимно обусловливаютъ другъ друга, а не представляются изолированными или лишь механически сопоставленными.

Э. Мейеръ своимъ трудомъ показалъ, какъ на практикѣ примиряется старое направленіе школы Ранке и то новое, представителемъ котораго является Лампрехтъ [1]) Онъ придаетъ большое значеніе матеріальнымъ и инымъ общимъ условіямъ и интересамъ. Но, говоритъ онъ (III, 440), какъ-бы сильно ни дѣйствовали хозяйственные факторы, политическіе интересы, общее настроеніе,— рѣшающее значеніе повсюду имѣли руководящіе государственные дѣятели, которые реформировали государственный строй и опредѣляли политическое направленіе государства. Правда, преданіе почти только въ однѣхъ Аѳинахъ даетъ возможность представить себѣ ихъ индивидуальность и дѣятельность, по крайней мѣрѣ въ самые рѣшающіе моменты; однако не подлежитъ никакому сомнѣнію, что пути и такимъ государствамъ, какъ Коринѳъ, Аргосъ, Спарта, города Іоніи и Запада, указаны были руководящими личностями, хотя часто онѣ совершенно забыты. Какое значеніе придаетъ Э. Мейеръ личности въ исторіи, видно изъ его отношенія къ Ѳемистоклу, котораго онъ считаетъ истиннымъ основателемъ аѳинской демократіи и величайшимъ человѣкомъ, какого когда-либо видѣли Аѳины. Но само собою понятно, онъ не считалъ личность всемогущею. По поводу Эпаминонда онъ замѣчаетъ, что какъ разъ въ ту эпоху, которая выше всего цѣнила личность и въ ней одной признавала настоящую движущую силу, въ судьбѣ Эпаминонда для глубже смотрящихъ только яснѣе выступила зависимость личности отъ историческихъ условій ея дѣятельности (V, 475).

„Geschichte des Alterthums“ Мейера, равно какъ и тѣсно связанныя съ нею его „Forschungen zur alten Geschichte“, интересны и въ методологическомъ отношеніи. У Мейера мы находимъ тщательный, мастерской анализъ историческихъ конструкцій и свидѣтельствъ традиціи; въ примѣръ можно привести разборъ извѣстій о Ликургѣ и о Пеласгахъ (въ I т. „Forschungen“). Въ его трудахъ разсѣяно множество трезвыхъ, мѣткихъ замѣчаній; укажу

[1]) Ср. A. Bauer, Die Forschungen, стр 383.

напр. на его сличеніе сообщеній Аристотеля и Ѳукидида объ олигархическомъ переворотѣ 411 г. и на замѣчаніе о томъ, можно ли безусловно полагаться на показанія оффиціальныхъ актовъ и, основываясь на нихъ, отвергать, безъ дальнѣйшихъ разсужденій, свидѣтельство надежнаго историка (во II т. „Forschungen“). Замѣчательны также характеристики и оцѣнка историковъ у Мейера, въ особенности Ѳукидида. Критика Мейера вообще осторожнѣе, умѣреннѣе и въ то же время глубже критики Белоха. Его скептицизмъ не простирается такъ далеко. Напр. относительно вторженія дорянъ въ Пелопоннесъ и Мейеръ считаетъ традиціонную исторію не имѣющей никакой цѣны; но завоеваніе, по его мнѣнію, есть фактъ, одинъ изъ несомнѣнно установленныхъ въ древнѣйшей греческой исторіи, хотя о самомъ ходѣ его мы ничего не знаемъ. Мейеръ вѣритъ разсказу о судьбѣ, постигшей въ Спартѣ и въ Аѳинахъ персидскихъ пословъ, явившихся требовать „земли и воды“; при описаніи Мараѳонскаго сраженія онъ, за нѣкоторыми исключеніями, близко держится Геродотовой традиціи. Онъ не отвергаетъ разсказа о хитрости Ѳемистокла при постройкѣ аѳинскихъ стѣнъ; признаетъ, что въ 448 г. заключенъ былъ миръ между Аѳинами и Персіей и т. д. Немало у Мейера оригинальныхъ взглядовъ на лица и событія. Напр., побѣдѣ надъ персами, событіямъ 480 г. и 479 г., Греція, по его мнѣнію, обязана тѣмъ, что въ ней не развилось господство жречества и теологіи (III, 448). Онъ думаетъ, что уже Ѳемистоклъ стоялъ во главѣ государства, какъ впослѣдствіи Периклъ. Послѣдняго онъ готовъ сравнить съ какимъ-либо великимъ англійскимъ парламентскимъ дѣятелемъ (IV, 5), что напоминаетъ намъ отзывъ Белоха; но Мейеръ болѣе высокаго мнѣнія о Периклѣ и судитъ о немъ справедливѣе, чѣмъ Белохъ. Мейеръ показалъ, что новыя идеи, проникавшія въ аѳинское общество второй половины V в., идеи „просвѣщенія“, находили себѣ сочувствіе преимущественно въ аристократіи, а демосъ въ сущности былъ ихъ противникомъ и проч.

Необходимо отмѣтить еще одну черту Мейера: широта взгляда у него соединяется съ рѣдкою основательностью знанія; наряду съ широкими построеніями онъ обнаруживаетъ интересъ къ самымъ кропотливымъ, детальнымъ изслѣдованіямъ, казалось бы, самыхъ мелкихъ вопросовъ, напр. въ области хронологіи. Онъ пользуется и филологіей и полагаетъ, что если дѣло идетъ о реконструкціи и правильной интерпретаціи какого-либо документа,

то Sprachphilologie болѣе надежная руководительница, нежели Sachphilologie.

Такимъ детальнымъ изслѣдованіямъ по болѣе спеціальнымъ вопросамъ Мейеръ отводитъ мѣсто преимущественно въ своихъ „Forschungen zur alten Geschichte“ (1892—9, 2 т.). Эти „Forschungen“ служатъ какъ-бы дополненіемъ или приложеніемъ къ его „Geschichte des Alterthums“: въ нихъ вошли экскурсы и изслѣдованія по такимъ вопросамъ, на которыхъ Мейеръ считалъ неудобнымъ подробно останавливаться въ своей „Исторіи“, не желая уклоняться въ сторону, прерывать нить изложенія или нарушать пропорціональность и историческую перспективу.

„Geschichte des Alterthums“ Э. Мейера принадлежитъ къ тѣмъ трудамъ, которые не только подводятъ итогъ предъидущимъ изслѣдованіямъ, но и пролагаютъ новые пути. Это—новѣйшій, лучшій трудъ по исторіи Греціи, вполнѣ удовлетворяющій требованіямъ современной науки. Я бы сказалъ, что мы въ немъ имѣемъ „послѣднее слово науки“, если бы это выраженіе не было такимъ тривіальнымъ. Написанъ онъ простымъ, яснымъ языкомъ, но нѣсколько сухо и вообще въ художественномъ отношеніи, какъ „Kunstwerk“, онъ уступаетъ напр. произведенію Курціуса.

Третій крупный представитель новѣйшаго направленія въ обработкѣ греческой исторіи, самый ревностный поборникъ изслѣдованія ея соціально-экономической стороны—Pöhlmann, прежде профессоръ въ Эрлангенѣ, теперь—въ Мюнхенѣ. *Пельманъ*

Въ 1884 г Пельманъ выпустилъ въ свѣтъ монографію, нѣсколько соприкасающуюся по темѣ съ одной изъ монографій Белоха,—Die Uebervölkerung der antiken Groszstädte mit der Gesamtentwicklung städtischer Civilisation; а затѣмъ для коллекціи Iw. Muller'a далъ очеркъ греческой исторіи (Grundzüge der politischen Geschichte Griechenlands. 1-е изд.—1888) [1]. Въ 1-мъ изданіи этого очерка онъ ставилъ себѣ цѣлью представить обзоръ исключительно внѣшней, политической исторіи Греціи. Это—обзоръ чрезвычайно сжатый, краткій и сухой, но систематическій и дѣльный, строго-фактическій и объективный, съ очень обстоятельными литературными указаніями. Онъ могъ бы служить хорошимъ конспектомъ внѣшней исторіи грековъ. Въ 1896 г. „Очеркъ“ Пельмана, подобно трудамъ Бузольта и Гильберта, вышелъ въ совершенно передѣланномъ видѣ. Сохраняя за нимъ по-

[1]) Русск. пер.—Н. Н. Шамонина. М. 1890

прежнему назначеніе — дать критическій обзоръ важнѣйшихъ событій, который бы помогалъ ориентироваться и служилъ путеводною нитью среди лабиринта фактовъ и мнѣній, давая вмѣстѣ съ тѣмъ необходимыя литературныя указанія, Пельманъ значительно распространилъ свой очеркъ, который въ новомъ изданіи утратилъ свою прежнюю сухость и конспективность; онъ довелъ изложеніе до временъ Римской имперіи (точнѣе—до Веспасіана), прибавилъ обстоятельные обзоры источниковъ въ началѣ каждой главы и наряду съ политической стороной выдвинулъ соціальную, удѣливъ большое вниманіе борьбѣ общественныхъ классовъ въ древней Греціи. Сообразно съ этимъ и самое заглавіе было нѣсколько измѣнено: Grundriss d griechischen Geschichte nebst Quellenkunde,— такъ называется очеркъ Пельмана во 2-мъ изданіи. Въ этомъ новомъ видѣ онъ можетъ служить однимъ изъ лучшихъ новѣйшихъ пособій по греческой исторіи, особенно для начинающихъ заниматься ею.

Но Пельманъ преимущественно занимается исторіей соціальнаго вопроса въ древности. Ему принадлежитъ „Исторія античнаго коммунизма и соціализма“ [1]) и цѣлая серія статей на сродныя темы, большая часть которыхъ собрана въ отдѣльной книгѣ подъ заглавіемъ: Aus Altertum und Gegenwart (München. 1895). Пельманъ требуетъ отъ историческаго труда, имѣющаго своимъ предметомъ развитіе античныхъ республикъ, чтобы онъ вмѣстѣ съ тѣмъ содержалъ исторію общества и соціальнаго движенія. Съ его точки зрѣнія главная задача даже политической исторіографіи указать, въ какомъ отношеніи находится государство къ общественнымъ элементамъ и эти послѣдніе къ государству. Въ особенности необходимо, по мнѣнію Пельмана, различать „общество“ и „государство“ въ греческой исторіи, потому что нигдѣ антагонизмъ между ними не проявляется такъ рѣзко, нигдѣ индивидуалистическія тенденціи отдѣльныхъ общественныхъ слоевъ не выражаются такъ ясно, нигдѣ могущество общества въ государствѣ и надъ государствомъ не обнаруживается такъ рѣшительно, какъ въ древнихъ республикахъ, не исключая и демократическихъ, въ которыхъ въ идеѣ существовалъ суверенитетъ народа, а на дѣлѣ—суверенитетъ общества, т. е. господствующихъ

[1]) Geschischte des antiken Kommunismus und Sozialismus. München. 1893—1901. 2 Bde. На эту тему есть еще соч. Adler'a, Gesch. d. Socialism. und Kommunismus, 1-я часть которой касается древности; но это слабая работа.

общественныхъ классовъ: эти классы заставляли государственныя учрежденія служить ихъ выгодамъ, ихъ интересамъ; даже радикальная демократія въ Аѳинахъ IV в. не могла сломить господства капитализма и смягчить экономическіе контрасты.

Основная идея Пельмана та, что тѣ великіе жизненные вопросы, предъ которыми стоитъ современное общество, волновали уже древнихъ. Пельманъ указываетъ на существованіе уже въ Греціи капитализма и его спутниковъ—пауперизма, пролетаріата, борьбы имущественныхъ классовъ, соціальнаго вопроса, и сближаетъ эти явленія съ соотвѣтствующими современными явленіями. Вездѣ онъ проводитъ аналогію между древностью и нашимъ временемъ [1]). Онъ доказываетъ, что соціально-экономическій элементъ былъ могущественнымъ факторомъ и въ исторіи Греціи, что имъ въ значительной мѣрѣ обусловливался ходъ этой исторіи, борьба партій, перевороты, самое паденіе греческой независимости и торжество Македоніи. Въ нашихъ литературныхъ источникахъ, у древнихъ авторовъ, оказался богатый и почти непочатый матеріалъ, освѣщающій общественныя и экономическія отношенія и воззрѣнія грековъ. Этимъ матеріаломъ прежде всего воспользовался Пельманъ. Онъ, между прочимъ, отмѣтилъ и вполнѣ оцѣнилъ значеніе воззрѣній Платона и Аристотеля, раскрывающихъ язвы тогдашняго политическаго и общественнаго строя, и выяснилъ связь этихъ воззрѣній съ современною имъ дѣйствительностью.

Изученіе экономической и соціальной исторіи Греціи

Вообще въ теченіе послѣдняго десятилѣтія обнаруживается особый интересъ къ изученію экономической и соціальной исторіи Греціи. Такъ, французскій ученый P. Guiraud, ученикъ Фюстель де Куланжа, написалъ обширный трудъ о поземельной собственности [2]), а недавно—монографію о промышленности въ древней Греціи [3]). На послѣднюю тему имѣется еще болѣе обстоятельный трудъ извѣстнаго бельгійскаго ученаго Francotte [4]),

[1]) Замѣтимъ, что Пельманъ, подобно Э. Мейеру, тоже употребляетъ названіе „средніе вѣка“ въ примѣненіи къ Греціи.

[2]) La propriété foncière en Grèce. P. 1893.

[3]) La main-d'oeuvre industrielle dans l'ancienne Grèce. P. 1900 (Bibliothèque de la faculté des lettres). Ср. его-же ст. L'évolution du trav dans la Grèce anc. (Rev. des Deux Mondes, 1902, livr 3). Изъ болѣе раннихъ работъ въ этой области можно назвать „Die gewerbliche Thätigkeit der Volker des klass. Alterthums“ Блюмнера. Leipz. 1869.

[4]) L'industrie dans la Grèce ancienne. Bruxelles 1900—1. 2 v. Изъ предшествовавшихъ работъ Франкотта отмѣтимъ L'organisation de la cité athén. et la réforme de Clisthènes. Paris et Brux. 1893, а новѣйшій его трудъ—Forma-

вышедшій почти одновременно съ книгой Гиро. О рабочемъ классѣ и о рабахъ въ древности, кромѣ упомянутыхъ раньше лекцій Мейера, есть книга Ciccotti (на итальянск. яз.) [1]) и немало статей [2]). Есть труды по исторіи вообще экономической жизни въ древнемъ мірѣ [3]). Cunningham далъ обзоръ западной цивилизаціи съ экономической точки зрѣнія [4]). Рядъ статей и брошюръ касается соціальнаго вопроса въ древней Элладѣ [5]). Кауэръ въ своей книжкѣ „Parteien und Politiker in Megara und Athen“ (Stuttg. 1890) отмѣчаетъ преимущественно соціально-экономическія причины борьбы партій въ Греціи въ эпоху тиранніи и т. д. Русскіе ученые тоже начинаютъ обнаруживать интересъ къ экономической исторіи древнегреческаго міра; укажу напр. на статьи М. И. Ростовцева [6]) и М. М. Хвостова [7]).

---

tion des villes, des états, des confédérations et des ligues dans la Grèce ancienne (отт. изъ Bull. de l'Acad. de Belg.). 1901.

[1]) Il tramento della schiavitù nel mondo antico. Tur. 1897.

[2]) Напр. ст. Cauer'a въ N. Jahrb. f. d. klass. Altert., 1899; ст. Waszýnski, Ueber die rechtliche Stellung der Staatssclaven in Athen (Hermes. XXXIV. 1899).

[3]) Pestalozza, La vita economica ateniese della fine del secolo VII alla fine del IV sec av. Cr. Milano. 1901; Platon, La démocratie et le régime fiscal à Athènes, à Rome et de nos jours, C Wachsmuth, Wirschaftliche Zustände in Aegypten wahrend d. griech.-röm. Periode (Jahrb. f. Nationalök. und Stat. 3 Folge, XIX).

[4]) An essay on western civilization in its econom. aspects (Anc times). Cambr. 1898. Русск. пер. Кеннингемъ, Зап. цивил. съ эконом. точки зр. Древн. міръ. 1902.

[5]) См., напр., брошюру Ludw. Stein'a о возникновеніи соціальнаго вопроса у грековъ (Das erste Auftauchen der socialen Frage bei den Griechen Bern-Leipz., 1896), рѣчь Wetzel'я о значеніи классической древности для разрѣшенія соціальныхъ задачъ нашего времени (Die Bedeutung des klassischen Alterthums für die Lösung der socialen Aufgaben der Gegenwart. Paderborn. 1895); статью Dietzel'я по исторіи соціализма и коммунизма въ древности (Beiträge zur Geschichte des Social. und Kommunismus въ Zeitschrift für Litter. und Geschichte d. Staatswiss., I, 1903); Adler, Die Socialreform in Altertum. Jena, 1897 (изъ Handworterbuch d. Staatswissenschaften) (въ русск. пер.—Соц.-реформат. движеніе въ древн., въ „Очерк. изъ эконом. и соц. исторіи...“); Hodermann, Xenophons Wirtschaftslehre unter dem Gesichtspunkte sozial. Tagesfragen betrachtet (Progr.). Werniger. 1899.

[6]) „Капитализмъ и народн. хозяйство въ древн. мірѣ“ („Русск. Мысль“, 1900, мартъ).

[7]) „Сисахтія Солона и разложеніе эвпатридскаго землевладѣнія“ („Фил. Обозр“, XIII. 1897). „Изуч. экономическ. быта древн.“ (Ж. М. Н. Пр., 1900, іюнь), „Хозяйствен. переворотъ въ древн. Спартѣ“ (Зап. Каз. Ун., 1901, ноябрь).

Изслѣдователямъ хозяйственной и соціальной жизни древности пришлось такъ или иначе коснуться спора Мейера и Бюхера, высказаться по вопросу о хозяйственныхъ формахъ античнаго міра. Одни ближе держатся точки зрѣнія Бюхера, другіе—и такихъ теперь большинство — становятся на сторону Э. Мейера. Вновь открываемый обильный матеріалъ, въ видѣ папирусовъ и ostraka, даетъ новыя данныя для рѣшенія вопроса и подтверждаетъ скорѣе мнѣніе Э. Мейера [1]).

Буркгардтъ

Совершенно въ сторонѣ отъ этого направленія стоитъ только-что законченная печатаніемъ Griechische Kulturgeschichte Буркгардта. Это—лекціи, много разъ читанныя Буркгардтомъ въ 70-хъ и первой половинѣ 80-хъ годовъ и изданныя послѣ его смерти Oeri въ теченіе 1898—1902, въ 4 томахъ [2]). I т. состоитъ, кромѣ общаго введенія, изъ небольшаго отдѣла о греческомъ миѳѣ и гораздо болѣе крупнаго—о государствѣ и націи, гдѣ говорится о Polis'ѣ, развитіи государственныхъ формъ и національномъ единствѣ у грековъ. Далѣе, во II т., говорится о религіи и культѣ, объ узнаваніи будущаго и (употребляя выраженіе самого Буркгардта), подводится „общій балансъ греческой жизни", причемъ рѣчь идетъ главнымъ образомъ объ этикѣ грековъ и ихъ пессимизмѣ. Слѣдующіе отдѣлы, составляющіе содержаніе III т., посвящены искусству, поэзіи и музыкѣ, философіи, наукѣ и краснорѣчію, а послѣдній томъ весь состоитъ изъ одного обширнаго отдѣла, представляющаго характеристику грека въ разныя эпохи его историческаго существованія („Der hellenische Mensch in seiner zeitlichen Entwicklung").

Появленіе подобной „Культурной исторіи Греціи", вышедшей изъ-подъ пера Буркгардта, должно было вызвать особый интересъ. Буркгардтъ (1818—1897), долгое время бывшій профессоромъ въ Базелѣ,—едва-ли не главный представитель культурнаго направленія въ исторіографіи второй половины XIX в [3]), авторъ

Въ настоящее время М. М. Хвостовъ занятъ хозяйственной исторіей грекоримскаго Египта.—Не упоминаю о книгѣ И. М. Гревса, такъ какъ она касается не Греціи, а Рима.

[1]) Wilcken, Griech. Ostraka; М. И. Ростовцевъ, Нов данныя по ист. финанс. управл. греко-римск. Ег (Ж. М. Н. Пр., 1900, мартъ); Mitteis, Aus den griech. Papyrusurkunden. Leipz. 1900.

[2]) Berlin-Stuttgart (безъ обозначенія года).

[3]) О немъ—Trog, Jacob Burckhardt. Basel. 1898; ст. Gottheiп'а въ Preuss. Jahrb., XC, 1897; Neumann'a — въ Deutsche Rundschau, 1898, März; Gelzer'a—въ Zeitschr. f. Kulturgesch., VII, 1/2.

такихъ произведеній, какъ монографія о времени Константина Великаго, „Сісегопе“ и въ особенности замѣчательные очерки по „Культурѣ Ренессанса въ Италіи“, въ которыхъ онъ путемъ скорѣе дивинаціи устанавливаетъ ту точку зрѣнія на сущность гуманизма, какую потомъ развилъ и обосновалъ нашъ соотечественникъ проф. М. С. Корелинъ (въ своемъ „Раннемъ итальянскомъ гуманизмѣ и его исторіографіи“).

Свой взглядъ на значеніе культурной исторіи Буркгардтъ высказываетъ и во введеніи къ Griechische Kulturgeschichte. Касаясь отличія своего курса отъ курса обычныхъ „греческихъ древностей“, онъ говоритъ, что разсказъ о событіяхъ и критическое изслѣдованіе отняло бы слишкомъ много времени. Притомъ „событія“ легко изучить и по книгамъ. Онъ же желаетъ установить точки зрѣнія на событія; его задача—дать исторію греческаго міровоззрѣнія, стремиться къ познанію тѣхъ живыхъ силъ, созидающихъ и разрушающихъ, которыя дѣйствовали въ греческой исторіи Онъ имѣетъ въ виду преимущественно исторію греческаго духа. Единичное, отдѣльное должно быть приводимо лишь въ свидѣтельство объ общемъ, а не ради самого себя. Говоря о преимуществахъ культурно-исторической точки зрѣнія, Буркгардтъ указываетъ прежде всего на бо́льшую достовѣрность важнѣйшихъ культурно-историческихъ фактовъ по сравненію съ историческими въ обычномъ значеніи,—съ „событіями“, которыя составляютъ предметъ разсказа, ибо культурная исторія существуетъ тѣмъ, что̀ сообщаютъ источники непреднамѣренно, безкорыстно, невольно и безсознательно, и даже вымыслы для нея важны. Она имѣетъ въ виду постоянное, типичное; это постоянное величественнѣе и важнѣе моментальнаго, важнѣе отдѣльнаго дѣянія: мы познаемъ „вѣчнаго“ грека, типъ его, вмѣсто отдѣльнаго, единичнаго фактора. Индивидуумы, „великіе люди“, являются здѣсь лишь какъ иллюстрація. Дальнѣйшее преимущество культурной исторіи Буркгардтъ видитъ въ томъ, что она группируетъ и выдвигаетъ факты по ихъ пропорціональной важности и не топчетъ ногами всякое чувство пропорціональности: она выдвигаетъ тѣ факты, которые способны войти во внутреннюю связь съ нашимъ духомъ, возбудить дѣйствительное участіе въ насъ, вслѣдствіе ли своего сродства или контраста. Впрочемъ, Буркгардтъ не скрываетъ и многихъ трудностей культурно-исторической обработки.

Цѣль Буркгардта, какъ онъ самъ говоритъ, побудить другихъ къ наблюденію надъ культурно-историческими фактами, при-

чемъ онъ имѣетъ въ виду и не филологовъ, а всякаго гуманистически образованнаго человѣка. Онъ желаетъ ввести не въ спеціальныя изслѣдованія въ обычномъ смыслѣ слова, а вызвать интересъ къ цѣлому, къ пониманію греческаго міра вообще. Объ учености заботится нынѣшняя историко-антикварная литература, говоритъ Буркгардтъ; онъ же стремится поддержать интересъ къ древнему греческому міру.

Но не смотря на это, не смотря на признаніе оригинальности и геніальности греческаго народа и его заслугъ въ дѣлѣ культуры, Буркгардтъ далекъ отъ прославленія грековъ, отъ какого-либо преклоненія предъ ними; въ сущности въ своихъ воззрѣніяхъ на нихъ онъ является скорѣе пессимистомъ. Въ числѣ основныхъ положеній его мы встрѣчаемъ и слова Бека, что „греки были несчастнѣе, нежели большинство думаетъ“; Олимпію и Дельфы онъ называетъ „музеями національной ненависти“, выставляетъ на видъ политическую рознь грековъ, ихъ нравственные недостатки, особенно лживость, и проч.

Griechische Kulturgeschichte Буркгардта вызвала противоположные отзывы. Одни встрѣтили ее съ большими похвалами [1]), другіе—и въ томъ числѣ такіе ученые, какъ Э. Мейеръ и Виламовицъ,—съ неодобреніемъ, чуть не съ негодованіемъ [2]). Во всякомъ случаѣ, мнѣ кажется, она не оправдала тѣхъ ожиданій, которыя вызывало имя Буркгардта. Задумана она, конечно, прекрасно; многія замѣчанія и наблюденія и оригинальны, и мѣтки, хотя бы напр. о пессимизмѣ грековъ; такіе отдѣлы, какъ подведеніе „общаго баланса греческой жизни“, какъ характеристика грека въ разныя эпохи его историческаго существованія, дающая вмѣстѣ съ тѣмъ характеристику нравовъ и быта и даже обзоръ всей греческой жизни, начиная съ героической эпохи и кончая временемъ діадоховъ,—такіе отдѣлы должны представлять большой интересъ. И тѣмъ не менѣе все это иногда тонетъ въ массѣ болѣе или менѣе общеизвѣстнаго. Отдѣлъ напр. о греческомъ „Polis“ представляетъ несомнѣнный интересъ для историка и по темѣ нѣсколько совпадаетъ съ La cité antique Фюстель де Куланжа; но вмѣстѣ съ тѣмъ какая разница! какъ онъ блѣденъ по сравне-

---

[1]) См. напр. большую хвалебную ст. Neumann'a въ Histor. Zeitschr., N. F., 49 B. 1900.

[2]) Мейеръ напр. говоритъ, что „изслѣдователь съ негодованіемъ отброситъ въ сторону подобные труды“ (III, 291).

нію съ этимъ послѣднимъ произведеніемъ! А главное, Буркгардтъ сознательно, съ умысломъ, игнорируетъ новѣйшую литературу, и понятно, это не могло не отразиться невыгодно на его трудѣ. Наконецъ, лекціи Буркгардта изданы почти въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ остались въ его бумагахъ, безъ существенной переработки или добавленій со стороны редактора; а составлены онѣ, какъ мы видѣли, въ 70-хъ и въ первой половинѣ 80-хъ годовъ. Поэтому во многомъ онѣ оказываются ужъ устарѣлыми; напр. не привлечены даже такія данныя, какъ сообщенія „Аѳинской Политіи" Аристотеля. Редакторъ заявляетъ, что онъ преднамѣренно не воспользовался ими, полагая, что читателю доставитъ удовольствіе самому это сдѣлать и сообразно съ этимъ углубить или видоизмѣнить находящіяся въ издаваемомъ трудѣ воззрѣнія! [1]).

Виламовицъ.

Говоря о разработкѣ греческой исторіи въ наше время, нельзя не остановиться на выдающемся современномъ нѣмецкомъ филологѣ-классикѣ Виламовицѣ-Меллендорффѣ (род. въ 1848 г.), бывшемъ профессорѣ въ Грейфсвальдѣ, затѣмъ въ Геттингенѣ, а теперь—преемникѣ Э. Курціуса въ Берлинѣ. Это—одинъ изъ самыхъ талантливыхъ, оригинальныхъ и плодовитыхъ ученыхъ, замѣчательный, глубокій знатокъ греческой древности и литературы, оказавшій сильное вліяніе на ихъ изученіе. Въ Виламовицѣ прежде всего поражаетъ разносторонность его свѣдѣній въ области греческой филологіи въ обширномъ смыслѣ этого слова и разнообразіе темъ его работъ, начиная съ изданій и критики текста и кончая поэтическими переводами греческихъ трагиковъ и задачами чисто-историческими. Не касаясь его многочисленныхъ ста-

---

[1]) По культурной исторіи Греціи имѣются еще: Holm, Deecke und Soltau, Kulturgesch d. klassisch. Alterthums. 1897 (переработка соотвѣтствующаго отдѣла труда Геллъвальда); Guhl und Koner, Leben d. Griechen und Romer (нѣсколько изд.; послѣднее 6-е,—1893, въ обраб. Engelmann'a); Blumner, Leben und Sitten d Griechen. 1887. 3 Bdchen, Forbiger und Winckler, Hellas und Rom. Populare Darstellungen d offentlich. und hauslich. Lebens Griechenland im Zeitalter d. Perikles. 1876—82. 3 Bde, Falke, Hellas und Rom. Eine Kulturgesch d class Alterthums. Stuttg. 1878 (рус. пер.—Спб. 1880—1). W A Becker, Charikles. Bilder altgriech Sitte... (1840; съ тѣхъ поръ нѣсколько изд.; есть русск. пер 1876 г); Вегнеръ, Эллада (пер. съ нѣм., нѣск изд; 4-е русск. изд, испр. и дополн., подъ ред. В. И. Модестова. Спб. 1899), Ф Ф Велицкій, Бытъ грековъ и римлянъ. Пер. съ чешск. Прага 1878, и проч О книгахъ Mahaffy и Guiraud (La vie privée et la vie publ. des Grecs) уже было упомянуто. Сюда можно отнести и руководства по частнымъ греческимъ древностямъ.

тей и небольшихъ изслѣдованій по отдѣльнымъ вопросамъ исторіи, древностей и литературы, я здѣсь назову болѣе крупные его труды, важные въ томъ или другомъ отношеніи для историка. Таково его изданіе „Геракла“ Еврипида (въ 2 т.), въ которомъ мы находимъ введеніе (гдѣ Виламовицъ между прочимъ касается Пеласговъ, переселеній и вторженія дорянъ), греческій текстъ и переводъ, а во 2-мъ томѣ—обширный комментарій; такова его рѣчь „Von des attischen Reiches herrlichkeit“ (1880), вмѣстѣ съ экскурсами и приложеніями занимающая почти весь первый выпускъ [1]) издававшихся Kiessling'омъ и Виламовицемъ „Philologische Untersuchungen“, и затрогивающая многіе—и притомъ самые разнообразные—вопросы изъ исторіи Аѳинской державы V в.; его обширная монографія объ Антигонѣ изъ Кариста и „Гомерическія изслѣдованія“ (въ тѣхъ-же Philol. Untersuchungen), его статья: „Die Thukydideslegende“ (Hermes, XII).

Но самымъ крупнымъ трудомъ Виламовица, ближе всего касающимся греческой исторіи, является, конечно, его монографія „Aristoteles und Athen“ (1893), въ 2 томахъ, о которой мнѣ уже приходилось говорить (см. стр. 168—9). Посвящена она главнымъ образомъ трактату Аристотеля объ аѳинскомъ государственномъ строѣ, но содержаніе ея чрезвычайно богато и разнообразно. I томъ представляетъ рядъ „анализовъ“ Аристотелева трактата, преимущественно съ цѣлью опредѣлить его цѣнность и, слѣдовательно, его источники. Свое изслѣдованіе тутъ Виламовицъ распредѣляетъ по тѣмъ писателямъ, которыми пользовался Аристотель. Но этому онъ предпосылаетъ главу о хронологіи у Аристотеля, такъ какъ хронологія служитъ связью для всей исторической части трактата; затѣмъ уже идутъ главы, посвященныя преимущественно анализу различныхъ отдѣловъ „Политіи“, соотвѣтственно ея источникамъ. Къ этому присоединены еще двѣ главы—о судьбѣ и вліяніи трактата въ послѣдующее время и о его цѣли и значеніи въ связи съ жизнью и философскою дѣятельностью Аристотеля. Послѣдняя глава I т. заканчивается опредѣленіемъ современныхъ задачъ греческой исторіи. II-й томъ состоитъ изъ изслѣдованій въ области аѳинской исторіи на основаніи Аристотелевой „Политіи“ и изъ цѣлой серіи „Приложеній“, изъ которыхъ только немногія имѣютъ

[1]) Онъ носитъ нѣсколько странное названіе „Aus Kydathen“. Безъ приложеній и примѣчаній рѣчь перепечатана въ „Reden und Vorträge“ Виламовица (Berl. 1901).

хотя нѣкоторое отношеніе къ трактату Аристотеля. Вообще въ монографіи этой затрогивается множество вопросовъ изъ области греческихъ древностей, исторіи и литературы. Можно согласиться съ тѣмъ, что „Aristoteles und Athen“ Виламовица—самое важное изслѣдованіе о трактатѣ Аристотеля и вообще въ области собственно аттической исторіи за послѣднія десятилѣтія [1]).

Виламовицъ отличается удивительною начитанностью въ памятникахъ, знаніемъ и пониманіемъ самаго духа греческой древности. Онъ необыкновенно живо представляетъ себѣ эту древность. Онъ обладаетъ замѣчательнымъ даромъ комбинаціи, богатствомъ идей; въ его произведеніяхъ разсѣяно много интересныхъ, блещущихъ смѣлостью и оригинальностью мысли гипотезъ, замѣчаній и тонкихъ наблюденій.

Но въ то-же время на читателя непріятно дѣйствуетъ отсутствіе простоты, какая-то манерность и претенціозность изложенія, явное стремленіе къ оригинальности, тонъ оракула, намеки, часто неясные, на другихъ ученыхъ, мнѣнія которыхъ Виламовицъ не раздѣляетъ, и на явленія современной политической жизни. Кромѣ того, Виламовицъ игнорируетъ новѣйшую литературу и открыто сознается въ этомъ, какъ-бы гордясь и выставляя на показъ свое препебрежительное отношеніе къ ней; а такое игнорированіе не всегда проходитъ безнаказанно: иногда это ведетъ къ тому, что Виламовицъ приписываетъ себѣ то, что̀ принадлежитъ другимъ,—открытія и выводы, уже сдѣланные другими—, и такимъ образомъ, хотя и невольно, нарушаетъ правило suum cuique [2]).

Обращаетъ на себя вниманіе также отсутствіе системы и послѣдовательности въ изложеніи у Виламовица, и этотъ видимый безпорядокъ, несоотвѣтствіе заглавія статьи или главы съ ея содержаніемъ, вовсе не случайны и не результатъ спѣшности работы: здѣсь скрывается та-же манерность и стремленіе къ оригинальности. Этимъ отличается и его „Aristotoles und Athen“. Распредѣленіе матеріала и изложеніе страдаетъ здѣсь повтореніями и отсутствіемъ строгой связи, что̀ до нѣкоторой степени сознаетъ и самъ авторъ [3]). Напр. о Драконовой конституціи говорится, по

[1]) Ср. Ad. Bauer, Die Forschungen..., стр. 292.

[2]) Примѣры см. въ моей „Аѳ. Политіи“, стр 67, прим. 1.

[3]) „Die Titel der Capitel“, говоритъ онъ, „lassen vielleicht keine überlegte Disposition des Stoffes erkennen; sie ist aber vorhanden, und wenn ich bitten darf, so lese man in der Reihenfolge, wie ich die einzelnen Untersuchungen angeordnet habe“ (I, 3).

крайней мѣрѣ, въ трехъ мѣстахъ: въ 3-й главѣ I т., посвященной Солону; въ 4-й, озаглавленной „Drakons Verfassung“ (которая не предшествуетъ, а слѣдуетъ за главой о Солонѣ), и во II т. на стр. 55 сл. Въ гл. 5 (I т.): „Thukydides“, анализъ начинается съ исторіи четырехсотъ, потомъ Виламовицъ переходитъ къ Писистратидамъ. Гл. 6-я (I т.) озаглавлена: „Die Demagogen des fünften Jahrhunderts“; на самомъ же дѣлѣ это есть изслѣдованіе преимущественно о томъ тенденціозномъ сочиненіи, которымъ пользовался Аристотель. Анализъ и тутъ идетъ съ конца—съ исторіи тридцати—и заканчивается Ѳемистокломъ и Аристидомъ, послѣ чего Виламовицъ, говоря объ олигархическомъ источникѣ Аристотеля, останавливается на Ѳераменѣ, какъ предполагаемомъ имъ авторѣ этого источника, и вообще на политической литературѣ грековъ. Во II т. одна изъ главъ носитъ заглавіе: „3000 Hopliten von Acharnai“, но о 3000 ахарнянъ говорится тутъ всего лишь на одной страницѣ, въ самомъ концѣ, а раньше, на нѣсколькихъ страницахъ, рѣчь идетъ по поводу сообщенія трактата о разныхъ категоріяхъ гражданъ, получавшихъ содержаніе отъ государства.

Виламовицъ проникнутъ идеализмомъ; онъ полонъ воодушевленія; это — натура поэтическая По его собственнымъ словамъ, еще въ юности избралъ онъ Motto: „хранить вѣрность музамъ“, и это стало обѣтомъ всей его жизни. Виламовицъ владѣетъ стихомъ и прекрасный переводчикъ; онъ глубоко симпатизируетъ Гомеру и Пиндару, великимъ трагикамъ и Платону, такимъ историкамъ, какъ Геродотъ. Къ болѣе трезвымъ реалистамъ, къ Ѳукидиду и Аристотелю, онъ не чувствуетъ такой симпатіи. Ѳукидида онъ называетъ „великимъ софистомъ“, Геродота—его „болѣе великимъ предшественникомъ“. Признавая, что античная культура есть нѣчто цѣльное и единое, Виламовицъ, въ противоположность Э. Мейеру и Пельману, энергично стоитъ за то, что изученіе древней исторіи есть дѣло филологовъ, а не историковъ; что отдѣлять здѣсь языкъ и литературу отъ исторіи отнюдь нельзя. Онъ глумится надъ извѣстнымъ краткимъ обзоромъ источниковъ, „Abriss der Quellenkunde“, Арн. Шефера и считаетъ его въ значительной мѣрѣ виною того, что студенты думаютъ, будто греческой исторіи мы можемъ научиться преимущественно изъ историковъ: по Виламовицу, главные источники древняго времени—поэты [1]).

[1]) Отчасти въ связи съ этимъ находится излишнее изолированіе грековъ у Виламовица, который преувеличиваетъ ихъ независимость отъ культурнаго Востока.

Тѣмъ характернѣе, что Виламовицъ выступилъ съ требованіемъ создать наконецъ исторію государственнаго права Аѳинъ. Онъ считаетъ это главною задачею, стоящею на очереди и ждущею разрѣшенія.

Въ концѣ I т. своей монографіи „Aristoteles und Athen“ Виламовицъ говоритъ о „путяхъ и цѣляхъ греческой исторіи“ и приэгомъ указываетъ на ея отсталость по сравненію съ римскою: живо чувствуется потребность въ новомъ изложеніи греческой исторіи и греческихъ „древностей“. Обработки ихъ и появляются, полезныя и безполезныя; но „Древности“ все еще въ сущности собраніе отдѣльныхъ подробностей и исторіи грозитъ опасность стать тѣмъ-же. Конечно, замѣчаетъ Виламовицъ, это необходимыя и полезныя вещи, но *πουλυμαθίη τόον οὐ διδάσκει*. Еще хуже, когда исторія сама себя разрушаетъ, и Виламовицъ указываетъ на примѣры новѣйшей гиперкритики, когда напр. у Перикла, съ точки зрѣнія лейтенанта (намекъ на Плуггъ-Гарттунга), отнимается слава полководца, Александра Вел. называютъ пьянымъ тиранномъ или животнымъ („eine bestie“) и въ Эсхинѣ видятъ спасителя Аѳинъ. „Это“, говоритъ онъ, „нетрудно; это можно даже при нѣкоторой ловкости представить совершенно правдоподобнымъ. Но что же это, какъ не софистика?“

„Почему же не такъ въ области римской исторіи?“ спрашиваетъ Виламовицъ и отвѣчаетъ: „потому, что тамъ есть государственное право: учрежденія сами носятъ въ себѣ свою логику, которая не допускаетъ софистической игры“. Конечно, науки права у аѳинянъ и у эллиновъ вообще нѣтъ, продолжаетъ Виламовицъ, но ихъ право скрывается въ философіи. Логика права должна создать руководящія мысли для массы матеріала древностей и въ государствѣ и его жизни дать болѣе достойный объектъ для историческаго сужденія, нежели вина Ѳукидида или невиновность Демосѳена. Оба царя философіи (Платонъ и Аристотель) не оцѣнили историческаго значенія аѳинской демократіи, но они насъ научаютъ, чѣмъ античное государство желало быть и было.. Ближайшія задачи, по мнѣнію Виламовица, ставятся сами собою: исторію государственнаго строя съ 403 по 322 г. извлечь, при помощи логики, изъ надписей и ораторовъ, возстановить прочія политіи и идя отъ нихъ впередъ, а отъ времени римскаго владычества назадъ, опредѣлить, по крайней мѣрѣ, въ общихъ чертахъ государственный строй и управленіе эллинистическихъ государствъ. Другими словами, Виламовицъ требуетъ, чтобы то, что Моммзенъ

сдѣлалъ для римскаго государственнаго права, было сдѣлано теперь для Греціи [1]).

Другой выдающійся филологъ-классикъ, главные труды котораго принадлежатъ къ лучшимъ произведеніямъ въ области культурной исторіи Греціи и интересны не для однихъ спеціалистовъ-филологовъ, — Erwin Rohde [2]), родившійся въ 1845 г. и умершій профессоромъ въ Гейдельбергѣ въ началѣ 1898 г. Въ молодости на него оказала сильное вліяніе философія Шопенгауэра, дружба съ Ницше, вмѣстѣ съ которымъ онъ слушалъ лекціи въ Лейпцигѣ, и съ композиторомъ Вагнеромъ. Ницше, столь прославленный впослѣдствіи философъ, какъ извѣстно, по спеціальности сначала былъ филологомъ, и когда въ 1872 г. онъ издалъ свое произведеніе: „Geburt der Tragödie aus dem Geiste der Musik“ [3]), изъ-за котораго поднялся горячій споръ, то Роде выступилъ на защиту своего друга, между прочимъ и противъ Виламовица: но впослѣдствіи между ними стало обнаруживаться отчужденіе и пути ихъ постепенно разошлись въ разныя стороны. *Э. Роде*

Роде принадлежитъ два замѣчательныхъ труда. одинъ появился въ серединѣ 70-хъ годовъ и посвященъ греческому роману (Der griechische Roman und seine Vorläufer. 1876) [4]), другой вышелъ двумя выпусками въ 1890—4 г. и подъ заглавіемъ Psyche даетъ исторію вѣрованій грековъ въ безсмертіе души. Первый важенъ для рѣшенія вопроса о происхожденіи романа вообще, и едва-ли нужно распространяться объ интересѣ этой темы; второй интересенъ не только для историка или филолога-классика, но и для этнолога и психолога; недаромъ уже въ 1898 г. понадобилось второе изданіе этой книги, а недавно вышло и третье [5]). Оба труда на-

---

[1]) A. Bauer, Die Forschungen...

[2]) O. Crusius, Erwin Rohde. Ein biographischer Versuch. Tübingen-Leipz. 1902; ст.—W. Schmid'a (въ Jahresber. üb. die Fortschritte d. klass. Altertumswiss. CIII. 1900), Immisch'a (въ Neue Jahrb., X. 1902) и Ѳ. Ф. Зѣлинскаго (въ Beil. z. Allgem. Zeit., 1902, № 98).

[3]) Есть въ русск. пер. Ницше принадлежитъ также изслѣдованіе объ источникахъ Діогена Лаэртія (Rh. Mus., 1869—70) и трактатъ противъ историческаго направленія „Ueber den Nutzen und Nachtheil der Historie fur das Leben“. 1874.

[4]) 2-е изд.—1900. См. ст. А. Н. Веселовскаго въ Ж. М. Н. Пр, 1876, ноябрь.

[5]) Оба послѣднія изданія—въ 2 т.

писаны прекраснымъ языкомъ и имъ обоимъ предшествовали продолжительныя подготовительныя работы Роде [1]).

Другіе нѣм. филологи и историки

Изъ современныхъ нѣмецкихъ филологовъ и историковъ назовемъ еще преемника Роде по каѳедрѣ въ Тюбингенѣ, а затѣмъ и въ Гейдельбергѣ, O. Crusius'a, Blass'a (автора „Die attische Beredsamkeit"), C. Wachsmuth'a, которому, какъ было уже упомянуто, принадлежитъ монографія „Die Stadt Athen im Alterth." и обширное „Введеніе" (Einleitung in das Studium d. alten Geschichte), гдѣ собранъ богатый матеріалъ, хотя и безъ надлежащей системы и неодинаково обработанный; Lipsius'a, знатока преимущественно правовыхъ древностей, Diels'a, Usener'a, Br. Keil'я (см. стр. 167 и 434 сл.); недавно скончавшагося Ivo Bruns'a, автора прекрасныхъ сочиненій „Das literarische Porträt d. Griechen" (1896) и „Die Persönlichkeit in der Geschichtschreibung der Alten" (1898); Ad. Bauer'a, которому принадлежатъ критическія изслѣдованія о Геродотѣ (см. выше), Ѳемистоклѣ (Themistokles. Studien und Beiträge zur griech. Historiographie und Quellenkunde. 1881), объ Аристотелевой „Политіи" (см. выше, стр. 162) и обширный обзоръ работъ по греческой исторіи за 10 лѣтъ, съ 1888 по 1898 г. („Die Forschungen zur griech. Gesch." 1899), не говоря уже о многочисленныхъ его рецензіяхъ и бюллетеняхъ; Delbrück'a, военнаго историка („Die Perserkriege und die Burgunderkriege. 1887, и Geschichte der Kriegskunst im Rahmen der politischen Geschichte. I. 1900); Niese, которому принадлежитъ „Исторія греч. и макед. государствъ со времени битвы при Херонеѣ" (1893 сл.), входящая въ составъ той-же коллекціи, къ которой принадлежитъ и „Греческая исторія" Бузольта, и отличающаяся подобнымъ же характеромъ, т. е. съ сжатымъ текстомъ и многочисленными примѣчаніями; Kaerst'a (Studien zur Entwickelung und theoretischen Begründung der Monarchie im Altertum и Gesch. d. Hellenistischen Zeitalters. I. 1901), а также M. Fränkel'я (Die Attischen Geschworenengerichte. 1877) и Rud. Schöll'я (Ueber att. Gesetzgebung. 1887, De synegoris atticis. 1875; Die Anfänge einer polit. Liter. bei d. Griech. 1890), и австрійскихъ ученыхъ Gomperz'a (см. главн. обр.—Griechische Denker. 1896 сл.), Hartel'я (Studien über attisches Staatsrecht und Urkundenwesen. 1878), Szanto (Das griech. Bürgerrecht. 1892), Swoboda, которому, кромѣ уже упомянутой

[1]) Небольшія статьи и работы Роде собраны послѣ его смерти въ 2 т., подъ загл. Kleine Schriften. Tüb.-Leipz. 1901.

книги „Die griech. Volksbeschlusse“ (1890), принадлежитъ между прочимъ миніатюрная Griechische Geschichte (1896) [1]): здѣсь въ книжкѣ маленькаго формата, на 200 съ небольшимъ страничкахъ, вкратцѣ излагается вся греческая исторія, съ обзоромъ источниковъ и (въ приложеніи) съ очеркомъ судьбы Греціи въ средніе и новые вѣка вплоть до 1881 г.

Изъ справочныхъ пособій въ современной нѣмецкой литературѣ главное мѣсто занимаетъ Paulys Real-Encyclopädie d. classischen Altertumswissenschaft, вышедшая въ 1839—52 г., въ 6 т., и издаваемая теперь (1893 сл.) въ совершенно новой переработкѣ подъ редакціей Wissowa, при участіи многихъ спеціалистовъ: она представляетъ, такъ сказать, кодификацію современныхъ свѣдѣній по классической древности [2]).

Французская литература.

Во французской литературѣ за послѣдніе годы, какъ и за предъидущіе, нельзя указать какого-либо крупнаго общаго труда по исторіи Греціи [3]). Но слѣдуетъ отмѣтить собраніе статей широко образованнаго и разносторонняго французскаго филолога, престарѣлаго Henri Weil'я (ему теперь болѣе 80 лѣтъ) подъ заглавіемъ Études sur l'antiqnité grecque (P. 1900) и другіе разнообразныя его статьи, а также лекціи по греческой исторіи (Leçons d'histoire grecque. P. 1900)—на различныя темы—Bouché-Leclercq'а, автора извѣстной и въ русскомъ переводѣ „Histoire de la divination dans l'antiquité“. Книга Лефевра: La Grèce antique (P. 1900), посвящена вѣрованіямъ грековъ, а Introduction à l'histoire ancienne Виктора Фурнье (P. 1901) касается преимущественно доисторическаго періода. Центръ тяжести во французской литературѣ за послѣдніе годы, какъ и за предъидущіе, падалъ на отдѣльныя монографіи и изслѣдованія, изъ которыхъ наиболѣе выдающіяся уже упомянуты (см. напр. стр. 391—2).

---

[1]) Въ коллекціи Goschen'а (Leipz.). Въ 1901 г. вышло 2-е изд.

[2]) По древностямъ есть также словарь Любкера, имѣющійся въ 2 рус. переводахъ. Отмѣтимъ еще Словарь древностей Pecz'а, первый изданный въ Венгріи трудъ этого рода. По миѳологіи выдается словарь Рошера (Ausführliches Lexicon d. gr. u. rom. Mythologie).

[3]) Изъ некрупныхъ назовемъ: Blanchet et Toutain, Histoire grecque... (sommaires, récits, lectures). P. 1900; Boxler, Hist. de la Grèce ancienne. P. 1901; Seignobos, Hist. narrative et descriptive de l'antiquité. P. 1902, Fougères, La vie publ. et privée des grecs et des romains. Album... 2-me éd. 1900; „Histoire de la Grèce“ грека Apostolopoulos'а, изд. въ Аѳинахъ, въ 1899, и проч.

Англійская литература. Абботъ

Въ Англіи первою болѣе или менѣе значительною „Исторіею Греціи“ послѣ Грота явилась „History of Greece“ Abbot'a. Изъ вышедшихъ трехъ томовъ ея I-й (1888), по обыкновенію, доводитъ изложеніе до Іонійскаго возстанія, II-й (1892) обнимаетъ періодъ отъ 500 г. до Тридцатилѣтняго мира 445 г., а III-й (1900)—445—403 г.

Приступая къ своему труду еще въ 80-хъ годахъ, авторъ самъ сознавалъ, что трудно послѣ такихъ предшественниковъ, какъ Гротъ, Дункеръ, Бузольтъ и Гольмъ, прибавить что-нибудь новое къ существующимъ изложеніямъ греческой исторіи. По его скромному заявленію, его трудъ написанъ съ мыслью дать въ небольшихъ размѣрахъ историческій очеркъ греческой цивилизаціи, а не въ надеждѣ пролить новый свѣтъ на старыя неясности или процитировать новое свидѣтельство тамъ, гдѣ всѣ свидѣтельства давно уже собраны. Но послѣ того, какъ слова эти были написаны и I-й томъ изданъ, произошло неожиданное открытіе новаго для насъ источника—„Аѳинской Политіи“ Аристотеля, и Абботъ воспользовался ею во II-мъ томѣ, который представляетъ для насъ болѣе интереса, нежели первый, уже потому, что тутъ Абботу приходилось высказать свои воззрѣнія и на аѳинскую демократію, и на ея вождей, т. е. по вопросамъ, которые съ такою горячностью обсуждались въ 80-хъ годахъ.

Здѣсь интересно сравнить взгляды Аббота со взглядами его знаменитаго предшественника, Грота. Между ними обнаруживается значительная разница. Абботъ не является „адвокатомъ“ аѳинской демократіи, какъ Гротъ, но и не нападаетъ на нее такъ рѣзко и страстно, какъ, напр., Ю. Шварцъ или даже Белохъ. Впрочемъ, нельзя сказать, чтобы его взгляды были вполнѣ ясны и опредѣленны: онъ не чуждъ колебаній и противорѣчій. Въ особенности это сказывается въ оцѣнкѣ реформы ареопага и платы судьямъ. Усилія Кимона спасти ареопагъ и поддержать конституцію Клисѳена Абботъ называетъ дальновидными и мудрыми; но и ограниченіе власти ареопага онъ считаетъ неизбѣжнымъ и полезнымъ (sic); съ другой стороны, говоритъ онъ, дальнѣйшій ходъ аѳинской исторіи показываетъ, что паденіе ареопага жестоко чувствовалось, и Эфіальтъ сдѣлалъ ошибку, какую склонны дѣлать всѣ реформаторы: онъ разрушилъ учрежденіе вмѣсто того, чтобы приспособить его къ потребностямъ времени. Плату судьямъ Абботъ называетъ совершенною новостью, послѣдствія которой были огромны и пагубны: эта плата знаменуетъ начало крайней демократіи

въ Аѳинахъ. Но тутъ-же самъ Абботъ указываетъ, что при этомъ имѣлось въ виду дать суду болѣе крѣпкое и широкое основаніе, пріобрѣсти ему поддержку народа и предохранить его отъ пагубныхъ вліяній.

Изложеніе фактовъ у Аббота подробное. Авторъ—особенно когда дѣло идетъ о вопросѣ спорномъ—приводитъ вкратцѣ свидѣтельства источниковъ и мнѣнія новѣйшихъ ученыхъ и взвѣшиваетъ ихъ. При этомъ онъ обнаруживаетъ тоже осторожность и даже нерѣшительность. Въ отношеніи къ греческой традиціи Абботъ склоненъ къ консерватизму и нерѣдко предпочитаетъ держаться этой традиціи. По поводу напр. описанія Марафонской битвы и возникающихъ тутъ педоумѣній онъ говоритъ, что лучше оставить эти разсказы такъ, какъ мы ихъ находимъ. Нужно еще сказать, что Абботъ большое вниманіе обращаетъ и на другія области, кромѣ Лаконіи и Аттики, и исторія послѣднихъ занимаетъ сравнительно небольшую часть его труда.

Новѣйшая лучшая общая исторія Греціи въ англійской литературѣ принадлежитъ извѣстному ученому Bury—„History of Greece to the death of Alexander the Great (1900). По всесторонности, знанію литературы и источниковъ, по сравнительному небольшому объему (въ 1-мъ изд. въ одномъ томѣ—вся исторія Греціи до смерти Александра Македонскаго), наконецъ по изложенію,—это одно изъ лучшихъ и наиболѣе удобныхъ общихъ пособій. Исторія литературы и искусства, хозяйства, религіи, философіи, все это излагается въ связи съ политической исторіей. Отмѣтимъ еще между прочимъ, что у Bury исторія греческой колонизаціи предшествуетъ исторіи Спарты и Аѳинъ, въ отличіе отъ обычнаго порядка; борьба грековъ съ персами и карѳагенянами, исторія греческаго востока и запада, излагаются параллельно; микенскую культуру Bury считаетъ скорѣе до-греческою, нежели негреческою; сношенія эллиновъ съ финикіянами относитъ къ сравнительно позднему времени, подобно Белоху; Ликурга признаетъ миѳическою личностью; сравнительно подробно останавливается на исторіи Востока и т. под. *Bury и др.*

О Магаффи я уже говорилъ.

Въ англійской литературѣ имѣется сочиненіе, затрогивающее ту-же тему, что и La cité antique Фюстель де Куланжа; это—Fowler, The city-state of the Greeks and Romans. A survey introductory to the study of ancient history (1893); по оригинально-

сти и научнымъ достоинствамъ эту книгу, популярнаго характера, однако нельзя и сравнивать съ произведеніемъ Фюстель де Куланжа [1]).

Изъ англійскихъ изслѣдователей и авторовъ монографій по отдѣльнымъ вопросамъ можно назвать Headlam'a, которому принадлежитъ очень хорошее изслѣдованіе о жребіи (Election by lot at Athens. Cambr. 1891), Whibley (Political parties in Athens during the Peloponnesian war. Cambr. 1889) и друг.

Въ американской литературѣ довольно видное мѣсто занимаетъ историческій очеркъ развитія аѳинской конституціи до начала Пелопоннесской войны Botsford'a—The Development of the Athenian Constitution (Cornell Studies in Classical Philology). 1893; авторъ особенно подробно останавливается на вопросѣ о родовомъ устройствѣ; этому посвящено около половины книги.

Итальянская (Де Санктисъ).

Изъ сочиненій на итальянскомъ языкѣ самыми крупными за послѣдніе годы являются De Sanctis, Ἀτθίς. Storia della repubblica Ateniese dalle origini alle riforme di Clistene, имѣющее однако немало недостатковъ [2]) (Санктисъ—ученикъ Белоха и находится подъ сильнымъ вліяніемъ его), и Pais, Storia della Sicilia e della Magna Grecia (1894. I).

Русская

Въ русской литературѣ, кромѣ упомянутыхъ уже трудовъ Э. Р. ф.-Штерна и Ѳ. Г. Мищенка, мы должны прежде всего отмѣтить работы безвременно скончавшагося (1900) московскаго

В. А. Шеффера и друг.

профессора В. А. Шеффера [3]), именно его студенческую работу—„Очерки греческой исторіографіи“ („Кіев. Унив. Изв.“, 1885—4), въ которыхъ мы находимъ переводъ фрагментовъ 5 логографовъ, съ критическимъ разборомъ и оцѣнкой ихъ, и его диссертаціи—De Deli insulae rebus (Berlin. 1889), являющуюся основною монографіею по данному вопросу, одною изъ лучшихъ въ ряду, теперь довольно длинномъ, работъ по мѣстной исторіи Греціи, и „Аѳин-

---

[1]) Книгъ болѣе или менѣе популярнаго характера по греческой исторіи и древностямъ вообще немало въ англійской литературѣ. Таковы: Cox, Hist. of Greece. 1874. 2 v.; Cox, Lives of Greek statesmen. 1885—6. 2 v.; Hammond, The Political Institutions of the anc. Greeks. 1895; Greenidge, Handbook of Greek constitutional history. 1896; Percy Gardner and Frank Byron Jevons, Manual of Greek antiquities. 1895; Allcroft, History of Greece, Shuckburgh, A short History of the Greeks... Cambr. 1901.—Есть новое изд. словаря Smith, Wayte and Marindin, Dictionnary of Greek and Roman antiquities... (2 т.).

[2]) См. подробную рец. А. М. Придика въ Ж. М. Н. Пр., 1901, янв.

[3]) См. о немъ ст. въ „Фил. Обозр.“, XVIII, 1900.

ское гражданство и народное собраніе" (М. 1891). Послѣдняя представляетъ собой объемистый томъ; цѣль автора была замѣнить извѣстную, но уже устарѣвшую книгу Шемана, De comitiis Atheniensium, „достойнымъ ея преемникомъ": планъ труда задуманъ былъ широко, все изслѣдованіе разсчитано было на три части, но изъ этого обширнаго плана была выполнена только первая часть. Автору пришлось касаться многихъ темныхъ и спорныхъ вопросовъ относительно родового строя, выходить изъ предѣловъ собственно классической филологіи и даже исторіи. Для насъ наибольшій интересъ представляетъ II глава, въ которой подробно излагается исторія родового строя въ Аѳинахъ и борьба территоріальнаго принципа съ родовымъ; особенно же обстоятельно разсматривается реформа Клисѳена.

Едва-ли не главное значеніе этого труда В. А. Шеффера заключается въ томъ, что авторъ одинъ изъ первыхъ воспользовался только-что открытымъ тогда трактатомъ Аристотеля и притомъ воспользовался критически и въ широкихъ размѣрахъ. В. А. Шефферъ и потомъ много занимался этимъ трактатомъ; ему принадлежатъ напр. „Афоризмы и замѣтки къ Аѳинской Политіи Аристотеля" (Фил. Об., VII. 1894), и систематичные, отличающіеся полнотою, обзоры (на нѣм. яз.) обширной литературы „Политіи" въ „Jahresbericht über die Fortschritte d. klass. Altertumswissenschaft" (по 1895).

Вообще открытый трактатъ Аристотеля вызвалъ у насъ значительную литературу. Назовемъ напр. работы А. Н. Деревицкаго, Э. Р. ф.-Штерна, Ѳ. Г. Мищенка, А. Н. Шварца, Г. Ѳ. Шульца и въ особенности П. Г. Виноградова и его учениковъ— М. М. Покровскаго, В. А. Маклакова, М. О. Гершензона [1]).

О другой „Аѳинской Политіи", такъ наз. Псевдо-Ксенофонтовой, въ 1891 г. появилось изслѣдованіе А. Н. Шварца, съ обзоромъ предшествующей литературы, текстомъ самаго произведенія и объяснительными примѣчаніями (см. стр. 135, прим. 1).

Возвращаясь къ собственно историческимъ трудамъ, мы должны отмѣтить, какъ выдающійся ученый трудъ, диссертацію С. А. Жебелева, посвященную еще мало изслѣдованному темному періоду „Изъ исторіи Аѳинъ, 229—31 г. до Р. Хр." (Спб. 1898).

---

[1]) См. выше, гдѣ рѣчь идетъ объ Аристотелѣ.

Частью исторіи, частью литературы касаются труды А. Н. Деревицкаго [1]), Ѳ. Ф. Зѣлинскаго [2]), М. И. Мандеса [3]), А. М. Придика [4]) (автора De Cei insulae rebus. 1892), С. П. Шестакова [5]), не говоря уже о многочисленныхъ трудахъ О. Г. Мищенка. Въ заключеніе упомянемъ еще о публичныхъ лекціяхъ Ю. А. Кулаковскаго, посвященныхъ представленіямъ грековъ о смерти и безсмертіи [6]).

Всемірныя исторіи

Для полноты очерка надо хотя вкратцѣ упомянуть о всемірно-историческихъ обзорахъ, „Всеобщихъ“ или „Всемірныхъ исторіяхъ“, куда, какъ часть, разумѣется, входитъ и исторія Греціи. Подробно говорить о нихъ я однако здѣсь не имѣю возможности.

Знаменитый нѣкогда трудъ Шлоссера теперь совершенно устарѣлъ [7]); „Всеобщая исторія“ Вебера, въ которой о Греціи говорится во II т.,—сухая компиляція, тоже не соотвѣтствующая современному состоянію науки [8]). Даже во многихъ отношеніяхъ замѣчательная Weltgeschichte „стараго мастера нѣмецкой исторической науки“ („Altmeister der deutschen Geschichtswissenschaft“) Л. Ранке, I-я часть которой появилась въ 1880 г. [9]), при всей своей оригинальности [10]), имѣетъ крупные пробѣлы и недостатки и притомъ написана до открытія „Аѳинской Политіи“ Аристотеля. Болѣе новыми, хотя и болѣе заурядными, пособіями являются:

---

[1]) Изъ исторіи греч. этики. Харьк. 1886; Гомерич. гимны. Х. 1889; О началѣ историко-литературныхъ занятій въ древн. Греціи. Х. 1891.

[2]) Напр „Геродъ и его бытов. сценки“. 1892; „Законъ хронолог. несовмѣстимости и композиція Иліады“ (въ Χαριστήρια. М. 1896, и на нѣмец. яз.), изслѣдованіе о древнеаттич. комедіи (въ томъ числѣ большой трудъ на нѣмец. яз.—„Die Gliederung d. altatt. Komödie“. Leipz. 1885).

[3]) „Мессенск. войны и возстановл. Мессеніи“. Од. 1898; „Опытъ истор-крит. комментарія къ греч. исторіи Діодора“. Од. 1901.

[4]) „Шестая рѣчь Исея“ (Зап. Юрьевск. Унив., 1902).

[5]) „О происх. поэмъ Гомера“. Каз. 1892—1900. 2 т; „Краснорѣчіе у др. грек. въ его вліяніи на ихъ историч литературу“. Каз. 1901.

[6]) „Смерть и безсм. въ представл др грек.“. Кіевъ. 1899.

[7]) Старинная Weltgeschichte Беккера въ 80-хъ годахъ издана въ переработан. видѣ, имѣется и въ русск. пер.

[8]) Въ русск пер. II т. во 2-мъ изд.—1886 г

[9]) Послѣдующія изданія—безъ перемѣнъ.

[10]) Подробнѣе — въ моей ст. „Научн. литер. по греч. исторіи“, въ „Фил. Обозр.“, IV. 1893.

„Всеобщая исторія“ Оскара Іегера [1]), въ послѣднемъ ея изданіи [2]); Spamer's, Illustrierte Weltgeschichte, въ 3-мъ изданіи (1896) коей греческая исторія обработана Rösiger'омъ, причемъ особенное вниманіе обращено на культурную сторону, и „Weltgeschichte“ Герм. Шиллера (I т.—Berlin. 1900). Въ „Weltgeschichte“ Гельмольта [3]), представляющей коллективный трудъ и составляемой по особому, своеобразному плану, краткій очеркъ исторіи Греціи находится въ IV т. и принадлежитъ Rud. v. Scala, извѣстному своимъ изслѣдованіемъ о Полибіи. Сжатымъ конспектомъ или „репетиторіемъ“ можетъ служить Willy Strehl. Kurzgefasstes Handbuch der Geschichte [4]).

Во французской литературѣ имѣется „Histoire universelle“ Маріуса Фонтана [5]); но хотя столь авторитетный журналъ, какъ „Revue historique“ и далъ о ней какъ-то сочувственный отзывъ, тѣмъ не менѣе на самомъ дѣлѣ это—крайне поверхностное произведеніе, изобилующее общими мѣстами и фразами, а въ блестящей книжкѣ Лависса (Lavisse), „Vue générale de l'histoire politique de l'Europe“ (Paris. 1890; есть русскій переводъ), Греціи посвящено только 3 странички.

Въ русской литературѣ, если оставить въ сторонѣ учебники и пособія, имѣющія въ виду главнымъ образомъ потребности средней школы [6]), можно отмѣтить „Лекціи по всемірной исторіи“ проф. М Н. Петрова (т. I. Исторія древняго міра, обработанная А. Н. Деревицкимъ. Харьк. 1888 г.). Лекціи эти представляютъ общій курсъ, читанный покойнымъ профессоромъ въ Харьковскомъ университетѣ въ теченіе 70-хъ и первой половины 80-хъ годовъ и оставшійся послѣ его смерти въ видѣ литографированныхъ записокъ слушателей. А. Н. Деревицкій, гдѣ нужно, исправилъ и внесъ добавленія, что̀ требовало большого труда въ виду значительной отсталости курса, и въ особенности пополнилъ библіогра-

[1]) Есть и отдѣльная „Ист. Греціи“ Іегера.

[2]) Русск. пер. I т, содержащаго древн исторію,—Спб. 1894.

[3]) Переводъ и по-русски.

[4]) 1-е изд.—1892, 2-е изд.—Grundriss d. alten Gesch. und Quellenkunde. I. Griech. Gesch., въ обраб. Habel'я, 1901.

[5]) Marius Fontane, Histoire universelle. T. V. La Grèce (de 1300 à 480 av. J. C.) Paris. 1885; t. VI. Athènes (de 480 à 336). Paris. 1889.

[6]) Каковы „Исторія Греціи“ Я. Г. Гуревича, „Очерки и разсказы изъ всеобщей исторіи“ Д. И. Иловайскаго и проч. Среди руководствъ мы должны въ особенности отмѣтить новѣйшіе учебники проф. П. Г. Виноградова и Н. И. Карѣева.

фическія указанія, помѣстивъ ихъ въ началѣ каждой главы и въ видѣ подстрочныхъ примѣчаній, въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ. М. Н. Петровъ преимущественно слѣдилъ за связью фактовъ, стараясь представить самый „механизмъ историческаго движенія". Въ этомъ смыслѣ его курсъ является до нѣкоторой степени какъбы историко-философскимъ обзоромъ. Но отсюда же сжатость изложенія и отсутствіе фактическихъ подробностей, и въ этомъ проф. Петровъ заходилъ, къ сожалѣнію, слишкомъ ужъ далеко, давая иногда меньше фактическаго матеріала, нежели даже гимназическіе учебники. Не будучи самостоятельнымъ изслѣдователемъ въ области древней исторіи, основываясь на трудахъ иностранныхъ ученыхъ, М. Н. Петровъ умѣлъ однако отлично сгруппировать, освѣтить и осмыслить факты; тутъ обнаруживался тонкій умъ и талантливость профессора. Прибавимъ къ этому образцовый по сжатости, выразительности и изяществу языкъ, что вполнѣ гармонируетъ съ даваемымъ М. Н. Петровымъ опредѣленіемъ исторіи, какъ научнаго и вмѣстѣ художественнаго воспроизведенія прошлаго... Но и въ переработанномъ видѣ лекціи М. Н. Петрова, какъ вышедшія еще въ концѣ 80-хъ годовъ, оказываются теперь устарѣлыми [1]).

Исторіи Греціи касаются и авторы двухъ новѣйшихъ, весьма интересныхъ и оригинальныхъ по проводимымъ въ нихъ взглядамъ трудовъ, возбудившихъ немалое вниманіе,—Breysig въ I половинѣ II т. своей „Kulturgeschichte der Neuzeit" (Berl. 1901), представляющей „сравнительную исторію развитія главныхъ народовъ Европы и ихъ соціальной и духовной жизни", и Chamberlain [2]) въ своихъ „Die Grundlagen des neunzehnten Jahrhunderts", въ теченіе четырехъ лѣтъ потребовавшихъ 4 изданій [3]). Къ сожалѣнію, я не имѣю возможности на нихъ останавливаться. Скажу только, что Брейзигъ доказываетъ параллелизмъ развитія греко-римскаго и германо-романо-славянскаго міра, а Чемберленъ во многомъ сходится съ Юліусомъ Шварцемъ (см. стр. 407 слл.), но очень высоко цѣнитъ грековъ какъ художниковъ, обладавшихъ творческою фантазіею.

Много статей, касающихся греческой исторіи, можно встрѣтить въ такихъ журналахъ, какъ Historische Zeitschrift, и

[1]) Предположено новое изданіе ихъ.

[2]) Его не надо смѣшивать съ извѣстнымъ англійскимъ государственнымъ дѣятелемъ.

[3]) 1-е изд.—1899, 4-е—1903.

Revue historique, въ особенности же — въ Rheinisches Museum, Philologus, Neue Jahrbucher für d. klass. Philologie und Pädagog. (преобразованныхъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Neue Jahrbucher f. d. klassische Altertum, Geschichte und deutsche Litteratur), Hermes, Beiträge zur alten Geschichte (изд. Lehmann'омъ), Revue de philologie, Revue des études grecques, Revue archéologique, Classical Review, Rivista di filologia, Журналъ Мин Народ. Просв. (преимущественно въ „Отдѣлѣ классической филологіи"), Филолог. Обозрѣніи и т. под., не говоря уже о Mitteilungen, Bulletin de corresp. hellén. и нѣкоторыхъ другихъ, о которыхъ рѣчь шла раньше. Обзоры литературы помѣщаются въ большинствѣ изъ упомянутыхъ журналовъ, преимущественно же въ Jahresberichte der Geschichtswissenschaft, Jahresbericht über die Fortschritte d. klass. Altertumswissenschaft (основ. Bursian'омъ, издав. потомъ Iw. Müller'омъ, а теперь — Gurlitt'омъ и Kroll'емъ), Berliner Philolologische Wochenschrift, Wochenschrift f. d. klass. Philologie и проч. *Журналы*

Историку постоянно приходится имѣть дѣло съ хронологіей. Помимо спеціальныхъ изслѣдованій по тому или другому вопросу касательно греческой хронологіи, мы располагаемъ и общими справочными трудами, каковы „Fasti Hellenici" Клинтона (въ обраб. Krüger'a. Lips. 1830) и „Хронологическія таблицы" Петера (пер. съ нѣм. В. В. Смирновымъ. М. 1893). Къ хронологіи имѣютъ отношеніе и труды Авг. Моммзена [1]). — По географіи древней Греціи извѣстны труды Киперта [2]) и Бурзіана [3]) и атласы того-же Киперта и Шпрунера-Менке [4]). *Хронологія.*

Историку приходится часто обращаться къ трудамъ по исторіи греческой литературы, философіи, греческаго искусства. *Исторіи литературы, философіи, искусства и проч.*

Лучшимъ новѣйшимъ пособіемъ по исторіи греческой литературы служитъ „Geschichte der griech. Litteratur" Криста (Christ), входящая въ составъ коллекціи Iw. Müller'a; въ теченіе 10 лѣтъ она выдержала 3 изданія; послѣднее (1898) представляетъ объе-

[1]) Chronologie. Untersuchungen über das Kalendarwesen d. Griechen. Leipz. 1883; Feste d. Stadt Athen im Alterth. Leipz. 1898. См. еще Lersch, Einleitung in die Chronologie. 2-te Auft. Freib. i. Br. 1899. 2 Th. (о календарѣ и хронологіи грековъ—въ 1-й ч.).

[2]) Kiepert, Lehrbuch d. alten Geographie. Berlin. 1878.

[3]) Bursian, Geographie von Griechenland. 2 Bde. Leipz. 1862—72.

[4]) Атласъ древн. въ новой обраб. Sieglin'a (Gotha. 1893—5).

мистый томъ въ 900 съ лишкомъ страницъ Въ нѣмецкой литературѣ можно назвать еще Bergk, Griech. Litteraturgeschichte (1872 сл., 4 т.), Sittl, Gesch. d. griech. Litterat. bis auf Alex. d. Gross. (1887, 3 т.) [1]) и старинные труды, впослѣдствіи неразъ переиздававшіеся, Bernhardy [2]) и K. O. Muller'a [3]); кромѣ того, имѣется спеціальная исторія греческой литературы въ Александрійскій періодъ—Susemihl'я [4]) Въ Geschichte der Weltliteratur Баумгартнера, въ III-мъ томѣ (1900), найдемъ обзоръ классической литературы На французскомъ языкѣ есть обширная „Histoire de la litterature grecque“ братьевъ Croiset (5 т. 1887—99), а въ англійской литературѣ отмѣтимъ труды Магаффи и Джебба [5]).

По исторіи греческой философіи прежде всего, конечно, слѣдуетъ назвать извѣстный капитальный трудъ Zeller'a, Die Philosophie d. Griechen in ihrer geschichtlichen Entwicklung [6]); затѣмъ „Griechische Denker“ (1896 сл.) Гомперца,—талантливую и общедоступную исторію античной философіи, въ связи съ научными теоріями и вообще умственною жизнью того времени, и оригинальную, можно сказать, художественно написанную „The philosophy of Greece“ (1898) Benn'a, разсматривающаго философію въ ея отношеніи къ характеру и исторіи народа. Чрезвычайно полезнымъ пособіемъ является „Исторія древней философіи“ Виндельбанда (есть 3-е изд. рус. пер.). Назову еще „Первые шаги греч. науки“ Таннери (рус. пер. Спб. 1902), „Введеніе въ философію“ Вундта [7]) и „Die Ethik der alten Griechen“ Л. Шмидта. О другихъ, старыхъ пособіяхъ я не буду говорить [8]). Въ русской литературѣ, кромѣ выдающагося для своего времени, но теперь устарѣлаго труда О Новицкаго, „Постепенное развитіе

---

[1]) См. еще миніатюрную Griechische Litteraturgesch. v. Gercke, въ коллекціи Göschen'a (Leipz. 1898), а также Штоль, Велик. греч. писатели Очеркъ классич. литерат. грековъ въ біографіяхъ. Пер. съ нѣм. 2-е изд. 1900

[2]) Grundriss d. griech. Litt. 2 Bde (1-е изд.—1836—45).

[3]) См. выше, стр. 316.

[4]) Gesch. d. gr. Litter in der Alexandr.-zeit. Leipz. 1891—2. 2 Bde.

[5]) Имѣются и въ русск. пер.—Въ „Исторіи всеобщ. литерат“, изд. подъ ред. В. Ѳ. Корша и А. И. Кирпичникова, обзоръ греч. литерат. составленъ первымъ изъ названныхъ редакторовъ.

[6]) На рус. яз. есть его краткій „Очеркъ исторіи греч. философіи“ (1886).

[7]) Есть нѣск. русск. перев.

[8]) „Исторія философіи“ Ueberweg'a, въ обраб Heinze, въ подлинникѣ выходитъ теперь уже 9 изд.

древнихъ философскихъ ученій въ связи съ развитіемъ язык. вѣрованій" (Кіевъ. 1860—1. 4 т). слѣдуетъ отмѣтить монографіи А. М. Гилярова (Греч. софисты"; см. выше, стр. 411) и въ особенности кн. С. Н. Трубецкаго („Метафизика въ древн. Греціи". М. 1890). Понятно, что пособіями могутъ служить и труды по исторіи философіи права, какъ напр. „Лекціи" П. Г. Рѣдкина (1889—91) или „Исторія политическихъ ученій" Б. Н. Чичерина (т. I-й, 1869, и въ „Библ. для самообраз." 1897) [1]).

По исторіи искусства есть руководство Куглера [2]), теперь уже устарѣлое, „Die Kunst des Altertums" Любке [3]), извѣстное соч. Карріера: „Искусство въ связи съ общимъ развитіемъ культуры" (т. II, рус. пер. 1871), тоже немало устарѣлое, „Исторія искусствъ" Байэ (пер. съ доб. проф. Павлуцкаго); но особенно важны (не говоря уже о Винкельманѣ) труды Брунна [4]), этого „Нестора классической археологіи" [5]), Овербека [6]), Колиньона [7]), Фуртвенглера [8]) и обширная, общая исторія искусства въ древности Perrot и Chipiez. Полезнымъ пособіемъ служитъ словарь Baumeister'a „Denkmäler des classischen Altertums" (1885—8. 3 т.), нуждающійся однако уже въ новой обработкѣ.— Въ русской литературѣ въ настоящее время имѣется немало монографій и изслѣдованій изъ области исторіи греческаго искусства, напр. А. В. Прахова [9]). В. К. Мальмберга [10]), А. А. Павловскаго [11]), Б. В. Фармаковскаго [12]) и т. д., не говоря уже объ

---

[1]) Обстоятельный обзоръ того, что можно читать на русск. яз. по исторіи философіи, сдѣланъ Э. Л. Радловымъ въ „Вѣстн. и Библ. Самообраз." 1903, № 3 сл.

[2]) 1-й т.; русск. пер.—1869.

[3]) 1-е изд. 1860; новая обраб. Semrau, 1899.

[4]) Gesch. d. griech. Künstler (1853), Griech. Kunstgeschichte (1893; только начало); Griech. Götterideale in ihren Formen erläutert (1893).

[5]) См. ст. И. В. Цвѣтаева о Бруннѣ въ „Фил. Обозр.", V. 1893.

[6]) Gesch. d. griech. Plastik. 4-te Aufl. Leipz. 1892—4. 2 Bde.

[7]) Histoire de la sculpture grecque. 1892—7. 2 v.

[8]) Напр. Meisterwerke d. griech. Plastik. Leipz. Berlin 1893 и новѣйшій трудъ: Die antiken Gemmen. Geschichte der Steinschneidekunst im klass. Altert. Leipz.-Berl. 3 Bde.

[9]) Изслѣд. по ист. греч. искусства. Спб. 1871.

[10]) Метопы древнегреч. храмовъ. Каз.-Деритъ. 1890—2.

[11]) Скульптура въ Аттикѣ до Греко-Перс. войнъ. Спб. 1896.

[12]) Вазовая живопись и ея отношеніе къ монум. искусству въ эпоху непосредственно послѣ Греко-Перс. войнъ. Спб. 1899 сл.

упомянутыхъ раньше трудахъ Н. П. Кондакова, Э. Р. ф.-Штерна, Ю. А. Кулаковскаго и друг. касательно древностей южной Россіи

По нумизматикѣ важны труды Imhoof-Blumer'a [1]) и Babelon'a [2]).

Заключеніе.—Общій характеръ современнаго научнаго движенія въ области греческой исторіи

Подведемъ, такъ сказать, итогъ,—резюмируемъ сказанное и охарактеризуемъ въ общихъ чертахъ современное научное движеніе въ области древне-греческой исторіи [3]).

Въ обществѣ широко распространено мнѣніе, что въ древней исторіи все уже изучено до послѣднихъ подробностей, что все здѣсь давно уже извѣстно и изслѣдователю, работающему въ этой области, ничего не остается, какъ только повторять зады, старое, избитое. Нѣтъ ничего ошибочнѣе подобнаго мнѣнія. Наоборотъ, ни въ одной, быть можетъ, сферѣ историческаго знанія не замѣчается въ настоящее время такого оживленія, не совершается такого быстраго движенія, не дѣлается такихъ открытій, какъ въ греческой исторіи. При этомъ тутъ наблюдается интересное совпаденіе: съ одной стороны, мѣняются вообще воззрѣнія на историческій процессъ и его факторы; обращается вниманіе на такія явленія исторической жизни, которыя до сихъ поръ оставлялись въ пренебреженіи, въ тѣни; къ исторіи, какъ къ наукѣ, предъявляются новыя требованія, ей ставятся новыя задачи; съ другой скороны, открывается новый матеріалъ для рѣшенія этихъ задачъ въ области греческой исторіи.

Начало современнаго движенія въ изученіи греческой исторіи относится къ 70-мъ годамъ XIX в., и первое, что́ характеризуетъ его, есть именно чрезвычайный ростъ матеріала, открытіе новыхъ данныхъ.

Ростъ матеріала.

Этимъ мы обязаны прежде всего археологіи—тѣмъ замѣчательнымъ раскопкамъ, которыя начались съ 70-хъ годовъ.

Можно сказать, что въ настоящее время почти всѣ націи образованнаго міра, начиная съ нѣмцевъ и кончая практическими янки,—отдѣльныя лица, ученыя общества и учрежденія, прави-

---

[1]) См. выше, стр. 11, прим. 3.

[2]) Les origines de la monnaie, considérées au point de vue économique et historique. P. 1897; Traité des monnaies grecques et romaines. I. 1901.

[3]) См. мою ст. въ „Русск. Мысли“, 1900, февраль.

тельства,—всѣ соперничаютъ другъ съ другомъ на этомъ поприщѣ, употребляютъ громадныя средства, иногда сотни тысячъ, и каждая изъ націй имѣетъ обыкновенно какъ-бы свой излюбленный районъ, гдѣ преимущественно ея представителями или на ея счетъ производятся раскопки.

Среди матеріала для исторіи Греціи особенно видное мѣсто заняли надписи, имѣющія для нея то-же значеніе, что́ для новой—архивные документы. Это—какъ бы „каменный архивъ“ Эллады.

Надписями интересовались и раньше. Ими пользовался Бекъ для своего извѣстнаго труда о „Государственномъ хозяйствѣ аѳинянъ“; онъ же положилъ начало научному изданію ихъ и явился основателемъ особой дисциплины — эпиграфики. Но все-же это были скорѣе исключенія, единичныя явленія, и послѣ Бека до самаго конца 60-хъ гг. XIX в. надписями, говоря вообще, пользовались сравнительно мало; ихъ оцѣнили не сразу, и, какъ историческій источникъ, онѣ долго еще стояли на заднемъ планѣ. Вполнѣ надписи оцѣнены и на нихъ обращено надлежащее вниманіе лишь съ 70-хъ годовъ: за послѣднія лѣтъ тридцать эпиграфика сдѣлала громадные успѣхи, достигла блестящаго развитія, и въ изученіи греческой исторіи возобладало эпиграфическое направленіе, съ его нерѣдко крайностями и односторонностями.

Что касается монетъ, то хотя за послѣдніе дѣсятки лѣтъ и появилось нѣсколько выдающихся изслѣдованій, посвященныхъ имъ каталоговъ и описей, но все-таки, несмотря на значеніе нумизматическихъ данныхъ, какъ источника для исторіи торговли, экономическихъ и даже внѣшнихъ, политическихъ отношеній, новѣйшіе историки Греціи въ общемъ удѣляли имъ сравнительно мало вниманія, за исключеніемъ Гольма.

На-ряду съ археологическими раскопками и разысканіями шли изслѣдованія по топографіи Греціи, которымъ наука обязана новыми данными для исторіи и географіи древней Эллады, частью подкрѣпляющими, частью исправляющими свидѣтельства древнихъ авторовъ.

Наконецъ, поразительно увеличился и матеріалъ рукописный, особенно за послѣднія двѣнадцать лѣтъ. Найдена масса папирусовъ, содержащихъ разнаго рода документы, отрывки и даже цѣлыя произведенія древнихъ авторовъ, между ними такія, которыя раньше были неизвѣстны намъ или считались утраченными навсегда. Наступила эпоха „папирологіи“.

Отношеніе къ матеріалу.

Но не только чрезвычайно возросъ матеріалъ по греческой исторіи; измѣнилось и самое отношеніе къ матеріалу.

Во-первыхъ, между тѣмъ какъ прежде исторію Греціи излагали, основываясь почти исключительно на древнихъ авторахъ, теперь первое мѣсто нерѣдко отводится надписямъ и—въ послѣднее время—папирусамъ, т. е. матеріалу попреимуществу документальному, въ своемъ родѣ архивному. Такимъ образомъ, исторія Греціи получила характеръ документальный. Другими словами, въ ея разработкѣ совершилась такая-же перемѣна, какая въ разработкѣ новой исторіи произошла гораздо раньше, еще въ 20-хъ годахъ XIX ст. Было время, когда, напр., и исторію Западной Европы въ XV и XVI вв. излагали по историческимъ сочиненіямъ Гвиччіардини, Бокера и т. п. Подобно тому, какъ изслѣдователи новой исторіи обращаются къ наполненнымъ бумагами архивамъ, такъ и новѣйшіе историки Греціи обращаются къ „каменному архиву“ Эллады, и какъ въ области разработки новой исторіи „архивное направленіе“ подчасъ вырождается въ крайность и односторонность, такъ и въ области разработки древней увлеченіе эпиграфическимъ матеріаломъ заходитъ иногда слишкомъ далеко, и изъ-за этого матеріала слишкомъ принебрегаются источники литературные.

Измѣнился въ послѣднее время и взглядъ на древнихъ авторовъ. Въ 60-хъ и отчасти въ 70-хъ годахъ господствовала такъ называемая Einquellentheorie, т. е. мнѣніе, будто древніе авторы, подобные Плутарху и Діодору, клали въ основу своего изложенія каждый разъ лишь одинъ какой-нибудь источникъ, списывая его механически или дословно. Въ сущности это было распространеніе на античную исторіографію того положенія, которое было примѣнимо къ средневѣковой. По большей части, это была безплодная работа, и въ настоящее время Einquellentheorie можетъ считаться ужъ оставленною, какъ совершенно невѣрная по отношенію къ древнимъ авторамъ.

XIX вѣкъ отличается, между прочимъ, высокимъ развитіемъ исторической критики. Послѣдняя доходитъ иногда даже до крайности, до натяжекъ и ухищреній, превращается въ гиперкритику и въ излишній скептицизмъ. Такое направленіе отразилось и на разработкѣ греческой исторіи. Оно выразилось, во-первыхъ, въ оцѣнкѣ древнихъ историковъ (напр. въ нападкахъ Миллеръ-Штрюбинга на Ѳукидида, въ отзывахъ объ открытомъ трактатѣ Аристотеля). Во-вторыхъ, крайности критики проявлялись

также въ отношеніи къ фактамъ и въ отзывахъ объ историческихъ дѣятеляхъ древней Греціи (въ непризнаніи факта вторженія дорянъ у Белоха, въ нападкахъ на Перикла, въ отношеніи Ю. Шварца къ аѳинской демократіи).

Но рядомъ съ такимъ скептицизмомъ и гиперкритикой существовало и иное, болѣе умѣренное направленіе, и оно въ настоящее время восторжествовало. Многіе вопросы были пересмотрѣны вновь, и нападки и сомнѣнія представителей крайняго критическаго направленія оказались далеко не во всемъ основательными. Вообще мы склонны теперь относиться довѣрчивѣе къ исторической традиціи грековъ. Новѣйшія великія открытія, какъ ни поразительны ихъ результаты, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ подтвердили, однако, свидѣтельство поэтовъ и историковъ и должны были подѣйствовать умѣряющимъ образомъ на нашъ скептицизмъ, внушить больше довѣрія къ античной традиціи. Открытія Шлимана и друг. показали, что въ гомерическомъ эпосѣ не все ложь и вымыселъ: на мѣстѣ древняго Иліона, какъ оказалось, дѣйствительно былъ городъ, во многомъ похожій на гомерическую Трою; Микены дѣйствительно были резиденціей владыкъ и „златообильными“, какъ ихъ называетъ поэтъ. Преданія о вліяніи культурныхъ странъ древняго Востока тоже нашли себѣ подтвержденіе въ данныхъ археологіи. Затѣмъ оказалось, что документальныя свидѣтельства, которыя могли лечь въ основу исторической традиціи грековъ, восходятъ къ сравнительно болѣе древнему времени; напр., уже въ VI в. въ Аѳинахъ имѣлись начертанныя на камнѣ надписи, и, слѣдовательно, аттическіе хронисты могли пользоваться ими.

А въ результатѣ рѣзкихъ нападокъ на аѳинскую демократію и ея дѣятелей, подобныхъ, напр., Периклу, вмѣсто прежняго, нерѣдко слѣпого, преклоненія предъ ними, явилось болѣе безпристрастное отношеніе къ нимъ, болѣе сознательное признаніе ихъ заслугъ, причемъ роль отдѣльныхъ личностей въ дѣлѣ развитія аѳинской демократіи пришлось значительно ограничить и признать замѣчательную послѣдовательность, закономѣрность и, такъ сказать, органичность этого развитія.

Къ тому-же общее направленіе исторической науки должно было отразиться и на изученіи исторіи древней Греціи.

Наблюдаемое въ наше время стремленіе къ умаленію роли личности отражается и въ разработкѣ греческой исторіи. Мы видѣли его, напр., у Белоха; господствуетъ также взглядъ, по ко-

Умаленіе роли личности

торому въ Спартѣ вовсе не было „великаго законодателя“, давшаго ей государственное устройство. Въ этомъ устройствѣ видятъ частью созданіе глубокой древности, сохранившееся только въ Спартѣ, частью продуктъ постепеннаго развитія, подъ вліяніемъ и взаимодѣйствіемъ различныхъ факторовъ; а личность Ликурга признается миѳическою.

Идея эволюціи

Идея эволюціи находитъ себѣ примѣненіе и въ исторіи Греціи. А нашъ новый матеріалъ какъ археологическій, такъ и литературный, даетъ ей новую опору. Благодаря ему, открываются промежуточныя звенья между періодами и явленіями, не имѣющими, казалось бы, ничего общаго между собою, раздѣленными, повидимому, цѣлою пропастью, и устанавливается неразрывная связь тамъ, гдѣ ея прежде и не подозрѣвали. Такъ, открытая Шлиманомъ микенская культура на первыхъ порахъ поразила своею своеобразностью и отличіемъ отъ культуры позднѣйшей, чисто-эллинской; а благодаря новѣйшимъ раскопкамъ и находкамъ между ними открываются все новыя и новыя точки соприкосновенія и переходныя ступени. Противопоставленіе Кимона и Перикла въ отношеніи строительной дѣятельности оказывается невѣрнымъ и одинъ является продолжателемъ другаго. Многое изъ того, что́ признавалось созданіемъ отдѣльной личности и болѣе поздняго времени, при ближайшемъ изслѣдованіи и благодаря новымъ даннымъ, оказывается созданіемъ чисто-народнымъ, существовавшимъ уже гораздо раньше. Въ этомъ отношеніи важенъ и недавно открытый трактатъ Аристотеля: изъ него мы видимъ, съ какою послѣдовательностью, безъ скачковъ, чисто-органически, развивался государственный строй Аѳинъ.

Интересъ ко второстепеннымъ общинамъ.

Съ общимъ направленіемъ современной исторической науки, съ ея нивеллирующей тенденціей, съ ея стремленіемъ изучать исторію народной массы, а не только „великихъ людей“, обращать вниманіе больше на „состояніе“, чѣмъ на „событія“, можетъ быть поставлено отчасти въ связь и то обстоятельство, что въ послѣднее время изслѣдователи стали особенно интересоваться жизнью и судьбою даже второстепенныхъ и третьестепенныхъ греческихъ городскихъ общинъ, а также исторіей Аѳинъ во времена ихъ упадка и утраты политической самостоятельности. Въ этомъ отношеніи характерна „Исторія Греціи“ Белоха, въ которой Спартѣ и Аѳинамъ вовсе не отводится такого главнаго, можно сказать привилегированнаго, мѣста, какъ обыкновенно. Кромѣ того, появился цѣлый рядъ спеціальныхъ монографій и изслѣдованій, по-

священныхъ исторіи разныхъ второстепенныхъ государствъ или Аѳинъ III—II в. до Р. Х.

Но, съ другой стороны, несомнѣнно, что пробужденіе такого интереса къ этой исторіи находится въ прямой связи съ открытіемъ новыхъ надписей: именно надписи впервые дали для нея надлежащій матеріалъ. Прежніе изслѣдователи, если бы даже и интересовались судьбою и жизнью второстепенныхъ городскихъ общинъ Эллады, ничего не могли бы сдѣлать въ этой области просто за недостаткомъ матеріала. Теперь же надписи пролили свѣтъ на внѣшнія отношенія и положеніе этихъ городовъ и на исторію Аѳинъ времени македонскаго и римскаго владычества. Такимъ образомъ, для изслѣдователей открылась новая, еще не разработанная область, и естественно, что они обратили сюда свое вниманіе.

Интересъ къ соціально-экономической сторонѣ.

Современную историческую науку особенно интересуетъ соціально-экономическая сторона. Интересъ къ ней обнаружился — преимущественно съ начала 90-хъ годовъ прошедшаго вѣка — и въ области изученія греческой исторіи. Объ этомъ свидѣтельствуетъ рядъ монографій и изслѣдованій, появившихся въ послѣднее время и касающихся соціальныхъ и экономическихъ отношеній въ древней Элладѣ. Но для выясненія этой стороны въ исторіи Греціи болѣе всего сдѣлали Белохъ, Э. Мейеръ и Пельманъ, которые вообще являются главными представителями современнаго направленія въ изученіи исторіи древняго міра. До тѣхъ поръ въ общихъ трудахъ по исторіи Греціи соціально-экономическая сторона обыкновенно игнорировалась или оставалась слишкомъ въ тѣни. Англійскій историкъ Гротъ, самъ политическій дѣятель, либералъ и приверженецъ Манчестерской школы съ ея девизомъ „laissez faire, laissez passer“, интересовался преимущественно политическою исторіей и политическою борьбой партій. Курціусъ писалъ свою „Греческую Исторію“ больше какъ археологъ и эстетикъ. Белохъ впервые удѣлилъ надлежащее мѣсто соціально-экономическимъ отношеніямъ въ исторіи Греціи. Большое вниманіе на эту сторону обращаетъ также Э. Мейеръ, прекрасно выясняющій значеніе соціально-экономическихъ факторовъ въ исторіи Греціи, хотя онъ и чуждъ всякой крайности и односторонности и далекъ отъ „экономическаго матеріализма“. Особенно же интересуется соціально-экономическою исторіей древняго міра Пельманъ.

Но если теперь обращается такое вниманіе на хозяйственныя отношенія древнихъ грековъ, то и тутъ, кромѣ общаго преобла-

дающаго теченія въ современной исторической наукѣ, вліяло также открытіе новаго матеріала, именно — надписей, безъ которыхъ многіе вопросы и стороны хозяйственной жизни Эллады оставались бы по-прежнему невыясненными и даже не могли быть изучаемы Какъ было уже упомянуто, надписи не только знакомятъ насъ съ положеніемъ и устройствомъ финансовъ, но и сообщаютъ, напр., свѣдѣнія о величинѣ процентовъ, арендной и заработной платы, объ урожаяхъ, о цѣнахъ на хлѣбъ. масло и другіе продукты. о стоимости скота, одежды, жилыхъ помѣщеній, строительнаго матеріала и проч. Слѣдовательно, и здѣсь мы видимъ совпаденіе и, такъ сказать, взаимодѣйствіе между новыми открытіями и новыми воззрѣніями въ исторической наукѣ: надписи даютъ матеріалъ для рѣшенія многихъ изъ тѣхъ вопросовъ, которые ставитъ современная наука.

Такимъ образомъ, въ настоящее время интересъ сосредоточивается преимущественно на исторіи общества и общественныхъ классовъ.

Модернизація греч. исторіи

При подобной точкѣ зрѣнія невольно напрашивалось сравненіе древности съ новыми вѣками, съ нашимъ временемъ. И дѣйствительно, одной изъ главнѣйшихъ особенностей современнаго направленія въ разработкѣ греческой исторіи является черта, которую я бы назвалъ модернизаціей этой исторіи. Спѣшу однако оговориться: подъ модернизаціей я разумѣю не искаженіе древней исторіи посредствомъ сообщенія ей совершенно чуждыхъ началъ, не тенденціозное подновленіе и, такъ сказать, фальсификацію ея, а скорѣе сближеніе и сопоставленіе ея съ современностью, проведеніе аналогіи между развитіемъ древняго міра и новаго времени. Но и такая эта модернизація имѣетъ, конечно, свою опасную сторону: тутъ легко впасть въ крайность и натяжки, усмотрѣть сходство тамъ, гдѣ его вовсе нѣтъ или гдѣ оно только кажущееся; сосредоточивая все вниманіе на аналогичныхъ моментахъ, изслѣдователь легко можетъ оставить въ сторонѣ и недостаточно оттѣнить особенности, специфически свойственныя древности и отличающія ее отъ новаго времени, или упустить изъ виду характерныя черты послѣдняго [1]).

---

[1]) На это указываетъ и Kaerst, Die universalhistorische Auffassung in ihrer besonderer Anwendung auf die Geschichte des Alterthums (Histor Zeitschr., N. F., 47 B, 1899).

Была пора, когда въ грекахъ видѣли „аристократовъ человѣческой породы“, героевъ и людей, витавшихъ лишь въ сферѣ „возвышеннаго“, „великаго“, „прекраснаго“; на нихъ долго господствовала романтическо-сентиментальная точка зрѣнія; предъ ними слѣпо преклонялись и идеализировали ихъ; въ греческой жизни искали и видѣли одну „гармонію“. По выраженію Виламовица, въ представленіи прежнихъ историковъ Греція являлась страною „прекрасныхъ, возвышенно настроенныхъ мужей и юношей, которые поклонялись красотѣ и жили въ мірѣ грезъ о прекраснѣйшей жизни, между тѣмъ какъ надъ ними улыбалось вѣчно голубое небо“ [1]). Правда, уже Бекъ въ своемъ „Государственномъ хозяйствѣ аѳинянъ“, заговорилъ о такихъ прозаическихъ вещахъ, какъ финансы, доходы и расходы, стоимость жилищъ, хлѣба и прочихъ съѣстныхъ припасовъ, и т. п., а Гротъ и другіе изслѣдователи тщательно изучали политическій строй Греціи. Но все-же древность казалась чѣмъ-то очень далекимъ отъ насъ, и мы съ трудомъ могли представить себѣ грековъ въ ихъ дѣйствительной, обыденной жизни, съ ихъ прозаическими, повседневными потребностями, заботами и интересами. Въ сущности для этого и надлежащаго матеріала было мало. Едва-ли не единственнымъ источникомъ, кромѣ—тогда еще сравнительно немногочисленныхъ—надписей, служилъ Аристофанъ, который въ своихъ комедіяхъ дѣйствительно даетъ типы заурядныхъ аѳинскихъ гражданъ, вводитъ въ ихъ жизнь, съ ея повседневными интересами и обыденными явленіями, и изображаетъ эту жизнь наглядно и ярко съ ея грубой, подчасъ даже циничной, стороны.

Послѣднія десятилѣтія характеризуются стремленіемъ къ натурализму; мы видимъ его проявленіе и въ литературѣ, и въ искусствѣ. Современное направленіе исторической науки тоже отличается большимъ реализмомъ, стремится изучить реальную жизнь [2]). Да и матеріалъ нашъ для знакомства съ дѣйствительною жизнью древнихъ грековъ значительно увеличился за послѣднее время. Кромѣ Аристофана, мы теперь имѣемъ бытовыя сцены Герода. Въ томъ-же направленіи вліяютъ и археологическія находки. Вспомнимъ хотя бы о „Танагрскихъ фигурахъ“, этихъ статуэткахъ, ко-

[1]) Ar. u. Athen, I, 378; см. М. М. Хвостовъ, Хоз. перевор. въ древн. Спартѣ (Зап. Каз. Ун., 1901, ноябрь).

[2]) Ср. ст. Д. М. Петрушевскаго, Тенд. совр. ист. науки (Образ., 1899, № 5—6).

торыя изображаютъ грековъ, въ особенности женщинъ и дѣтей, за ихъ повседневными занятіями, играми, туалетомъ и т. п.

Въ этомъ отношеніи чрезвычайно любопытны и недавно открытыя въ Кноссѣ миніатюрныя фрески, изображающія нарядныхъ декольтированныхъ дамъ, въ платьяхъ съ волапами и широкими, вздутыми рукавами. „Какой археологъ или художникъ", говоритъ по поводу ихъ современный французскій изслѣдователь, „представляя себѣ Федру или Пасифаю, помыслилъ бы сблизить ея образъ съ образомъ своей бабушки въ бальномъ костюмѣ, танцовавшей при дворѣ Карла X или Луи Филиппа?". Не говорю уже о надписяхъ, число которыхъ такъ увеличилось въ теченіе послѣднихъ тридцати лѣтъ и которыя даютъ такой богатый матеріалъ для знакомства съ хозяйственною жизнью грековъ Немудрено поэтому, что греческая древность уже не кажется намъ теперь столь чуждой и далекой; она представляется намъ во многомъ близкой и понятной, подчасъ носящей отпечатокъ какъ-бы современности.

И вотъ, если въ 60-хъ годахъ Фюстель де Куланжъ въ своей извѣстной книгѣ: La cité antique, исходилъ изъ мысли о радикальномъ, существенномъ различіи между античнымъ и современнымъ обществомъ, говоря, что „въ новое время нѣтъ ничего похожаго на Грецію и Римъ, ничего похожаго не можетъ быть и въ будущемъ", то господствующее теперь теченіе въ области греческой исторіи, въ лицѣ преимущественно Э. Мейера и Пельмана, напротивъ сближаетъ древность и новое время и особенно выставляетъ на видъ аналогію и параллелизмъ въ ихъ историческомъ развитіи.

По Э. Мейеру, какъ мы видѣли, единаго, непрерывнаго прогрессивнаго развитія въ исторіи народовъ, живущихъ у Средиземнаго моря, нѣтъ, а есть два параллельныхъ процесса, два параллельныхъ періода: съ паденіемъ древняго міра развитіе начинается сызнова. И Э. Мейеръ примѣняетъ названіе „средневѣковье", „средніе вѣка" и въ исторіи Эллады. Терминъ этотъ употребляетъ и другой представитель новѣйшаго направленія въ изученіи греческой исторіи—Пельманъ. Между западно-европейскимъ и греческимъ средневѣковьемъ оба усматриваютъ сходство во многихъ отношеніяхъ, между прочимъ, въ государственномъ, общественномъ и экономическомъ строѣ ихъ. То-же слѣдуетъ сказать и о Брейзигѣ, видящемъ параллелизмъ въ развитіи античнаго и романо-германскаго міра.

Мейеръ выступаетъ и противъ теоріи Родбертуса и Бюхера о примитивности хозяйственныхъ формъ древности. На смѣну другому ходячему мнѣнію, связанному съ теорій Родбертуса и принимаемому почти за аксіому, а именно, будто въ древности число рабовъ было очень велико и далеко превосходило число свободнаго гражданскаго населенія, будто античное общество покоилось исключительно на рабскомъ трудѣ, не знало—совершенно или почти совершенно—свободныхъ рабочихъ и презирало физическій трудъ;—на смѣну этому мнѣнію является теперь совершенно иной взглядъ, проводимый тѣми-же представителями новѣйшаго направленія въ области изученія греческой исторіи—Белохомъ, Пельманомъ, Э. Мейеромъ—, по которому рабство не было такимъ экономически важнымъ факторомъ въ жизни грековъ и наряду съ нимъ развивался свободный трудъ, причемъ и тутъ проводится аналогія между античною древностью и новыми вѣками: рабство въ эпоху расцвѣта демократіи сопоставляется съ свободнымъ трудомъ новаго времени. Другой новѣйшій авторъ (Wetzel) сравниваетъ роль рабовъ въ древности съ ролью машинъ въ наше время и по этому поводу вспоминаетъ слова Аристотеля, что если бы ткацкіе челноки ходили сами собой, то больше не было бы надобности и въ рабахъ.

„Въ древности преобладали, хотя на гораздо меньшемъ пространствѣ и въ иныхъ формахъ, тѣ-же вліянія и противоположности, которыя управляютъ и современнымъ развитіемъ“, говоритъ, какъ мы видѣли, Э. Мейеръ. „Древній міръ волновали тѣ-же жизненные вопросы, которые еще и теперь, отчасти нерѣшенные, занимаютъ каждаго мыслящаго человѣка“, такова основная идея, которая красною нитью проходитъ и черезъ всѣ работы Пельмана, касающіяся древности. По воззрѣніямъ Пельмана и другихъ представителей новѣйшаго направленія въ изученіи греческой исторіи, язвы, отъ которыхъ страдаетъ современное общество, далеко не специфическая черта новаго времени, лишь ему свойственная. Мы видѣли, какое значеніе придаетъ Пельманъ введенію въ сферу историческаго изслѣдованія понятія общества и анализа отношенія къ нему государства. Въ этомъ, равно какъ и въ сознаніи назначенія государства, какъ посредника между общественными классами и представителя общаго интереса въ противовѣсъ отдѣльнымъ, эгоистическимъ классовымъ стремленіямъ, онъ видитъ лишь возвращеніе къ воззрѣніямъ Платона и Аристотеля[1]).

[1]) „Aus Altertum und Gegenwart“, напр., стр. 6—7.

Пельманъ и другіе новѣйшіе историки проводятъ и далѣе аналогію между древностью и нашимъ временемъ. Они сопоставляютъ стремленіе къ „опрощенію“, восхваленіе „натуральнаго“ состоянія, среди утонченно-развитой цивилизаціи тогда и теперь; они сравниваютъ взгляды, напр., Дикеарха изъ Мессаны, ученика Аристотеля, и идеи Руссо и гр. Л. Н. Толстого (Пельманъ, Люд. Штейнъ); утопіи древности и утопіи новаго времени, имѣющія какъ-бы свой прообразъ въ соціальной поэзіи грековъ (Пельманъ); нѣкоторыя воззрѣнія греческой философской мысли и новѣйшія научныя теоріи (Гомперцъ); даже способы тогдашней и нынѣшней медицины (Гиршбергъ)[1]; космополитизмъ въ древности и космополитизмъ новаго времени (Э. Мейеръ) и т. д. Модернизація сказывается и въ томъ, что нѣкоторые историки, напр., Гольмъ, отчасти и Э. Мейеръ, любятъ сравнивать дѣятелей Эллады съ дѣятелями XIX в. Такъ, Демосѳенъ напоминаетъ Гольму Гладстона.

Если допустить параллелизмъ и аналогію (хотя-бы и не въ такой мѣрѣ), то изученіе греческой исторіи представляетъ не одинъ только чисто-научный, теоретическій интересъ; оно получаетъ и практическое значеніе: исторія эта дѣлается глубоко-поучительною для насъ. По словамъ Пельмана, во многихъ своихъ стадіяхъ она является типическою.

Сравнительная, общеисторическая точка зрѣнія.

Сближая древность съ такъ называемыми „средними“ и „новыми“ вѣками, Э. Мейеръ и Пельманъ уже тѣмъ самымъ становятся на сравнительную, обще-историческую точку зрѣнія, и это стремленіе выйти изъ рамокъ узкой спеціализаціи, это возвращеніе къ болѣе универсально-исторической точкѣ зрѣнія, на которой настаивалъ, между прочимъ, еще и Нибуръ, является въ свою очередь одною изъ характерныхъ особенностей новѣйшаго движенія въ области изученія греческой исторіи.

Историкъ или филологъ долженъ заниматься древней исторіей?

Мы должны коснуться еще одного спорнаго вопроса: кто долженъ заниматься древнею исторіей — филологъ или историкъ? Виламовицъ напр. утверждаетъ, что это дѣло исключительно филологовъ-классиковъ; онъ предъявляетъ притязаніе на своего рода монополію въ пользу послѣднихъ въ дѣлѣ изученія греческой исторіи[2]). Наоборотъ, Пельманъ указываетъ на односторонность и

[1]) Hirschberg, Gesch. d. Augenheilkunde. Leipz. I. 1899; см. Berl. Phil. Wochenschr., 1900, № 8.

[2]) Виламовицъ основывается на томъ, что древняя культура отличается единствомъ, представляетъ собою нѣчто особенно цѣльное. На это справедливо возражаютъ (напр, см. ст. Ad. Bauer'a въ Preuss. Jahrbücher, 1896, 84 B.), что то единство, о которомъ говоритъ Виламовицъ, скорѣе свойственно тому

недостатки филолого-антикварной школы, не удовлетворяющей уже, по его мнѣнію, современнымъ требованіямъ, настаиваетъ на необходимости болѣе широкаго взгляда и полагаетъ, что разработка греческой исторіи—дѣло историка. Въ этомъ отношеніи онъ сходится съ Нибуромъ, который какъ-то выразился, что „филологи неспособны представлять себѣ филологическій матеріалъ, какъ нѣчто реальное". Послѣ всего сказаннаго выше едва ли есть надобность подробно останавливаться на этомъ вопросѣ; споръ о томъ, кому заниматься греческою исторіей, намъ кажется въ сущности лишнимъ. Дѣло, вѣдь, не въ словахъ, не въ ярлыкѣ. Филологи и историки въ области изученія древности могутъ и должны идти рука объ руку. Вѣдь исходною точкою для каждаго историка-изслѣдователя служитъ текстъ, все равно — будетъ ли то документъ или свидѣтельство какого-либо автора, и первое условіе — умѣть точно и правильно понимать текстъ, на которомъ основываются историческія построенія и выводы. Историкъ греческой древности долженъ обладать надлежащимъ знаніемъ античной литературы, археологіи, эпиграфики. Съ другой стороны, филологу не должна быть чужда широкая историческая точка зрѣнія. И примѣры показываютъ, что въ дѣлѣ разработки греческой исторіи мы многимъ обязаны какъ тѣмъ, такъ и другимъ. Гротъ и Э. Мейеръ — историки, Бекъ и Виламовицъ—филологи. Крайне желательно было бы привлечь къ изученію греческой исторіи и юристовъ, которые напрасно до сихъ поръ пренебрегали ею [1]).

условному представленію, которое мы составили себѣ о древности со школьной скамьи, и что еще съ бо́льшимъ правомъ можно говорить о единствѣ культуры среднихъ вѣковъ, а между тѣмъ это не мѣшаетъ отдѣлять ихъ исторію отъ языка и литературы и съ успѣхомъ заниматься ею именно историкамъ. Наконецъ, Gesch. d. Alterthums Э. Мейера служитъ блестящимъ опроверженіемъ основательности исключительныхъ притязаній филологовъ и вмѣстѣ доказательствомъ того, чего можно ждать отъ разработки греческой исторіи не съ филолого-антикварной, а съ широкой исторической точки зрѣнія.

[1]) Изъ изданій и работъ, касающихся права, назовемъ сборникъ Telfy, Corpus juris attici. Pesth. 1868, Thonissen, Le droit pénal de la républ. Athèn. Brux. 1875; по исторіи частнаго аѳинскаго права можно указать на „Этюды" Caillemer (Études zur les antiquités juridiquis d'Athènes, le droit de succession légitime à Athènes. 1879) и на обширный 4-томный трудъ Beauchet на франц. яз. (Hist. du droit privé de la république athèn. 1897). Вообще французскіе юристы сравнительно болѣе интересуются греческой исторіей (преимущественно Дарестъ, который принялъ участіе и въ изданіи греческихъ юридическихъ надписей). Изъ нѣмецкихъ филологовъ Липсіусъ особенно настаиваетъ на необходимости тщательнѣе изучить греческое право.

Недаромъ Моммзенъ говоритъ, что необходимо, чтобы за исторію государственнаго строя грековъ взялся юристъ, и недаромъ даже Виламовицъ, съ его поэтической натурой и симпатіями къ идеализму,—тотъ самый Виламовицъ, который стоитъ за исключительную привилегію филологовъ заниматься античною исторіей,—настаиваетъ теперь на необходимости создать исторію государственнаго права Аѳинъ.

Таковы наиболѣе характерныя черты научнаго движенія въ области греческой исторіи за послѣднія лѣтъ тридцать. Какъ быстро идетъ разработка этой исторіи, видно хотя бы изъ того, что всѣ труды, вышедшіе до 1891 г., оказываются во многихъ частяхъ уже совершенно устарѣлыми. Разрастается матеріалъ, мѣняются воззрѣнія, расширяются задачи историческаго изслѣдованія..

При томъ быстромъ научномъ движеніи, которое замѣчается въ разработкѣ греческой исторіи, понятно, что многія изъ общепринятыхъ и, казалось бы, твердо обоснованныхъ воззрѣній и гипотезъ скоро устраняются и замѣняются другими, новыми. Но это не должно смущать изслѣдователя и дѣйствовать на него подавляющимъ образомъ. Новый матеріалъ не только подрываетъ прежніе взгляды и обличаетъ наши ошибки: часто онъ блистательно подтверждаетъ догадки и мнѣнія, высказанныя раньше на основаніи лишь скудныхъ данныхъ или слабыхъ намековъ источниковъ. И такихъ примѣровъ немало. Изслѣдователь съ бодростью и энергіей можетъ работать въ области греческой исторіи: это — область интересная и благодарная; далеко еще не вполнѣ, со всѣхъ сторонъ, изслѣдованная.

Добавленія и важнѣйшія поправки.

Стр. 1, стр. 17 снизу: Holm, Griech. Gesch

Стр. 3, прим. 2 См. также Max Muller, Nouv. études de mythologie. P. 1898 (пер. съ англ.); его-же, Beitrage z. wissenschaftl. Mythologie. Leipz 1898 (пер съ англ.); Wundt, Volkerpsychologie. Eine Untersuchung d. Entwicklungsgesetze von Sprache, Mythus und Sitte. Leipz. 1900; Bender, Mythologie und Metaphysik. Stuttg. I. 1899; Э. Лангъ. Миѳологія (перев.). М. 1901. О миѳологическихъ теоріяхъ есть ст. И. В. Нетушила.

Стр 9 сл Относительно важнѣйшихъ археологическихъ памятниковъ см. во II части (въ „Оч. разраб. греч. исторіи"), въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ.

Стр. 11, стр. 23 снизу. Вм! 1802 слѣдуетъ 1872

Стр. 12, прим. 3. См. еще Hill, Handbook of Greek and Roman coins. Lond. 1899; Babelon, Les origines de la monnaie, considérées au point de vue économique et historique. P. 1897; его-же, Traité des monnaies grecques et romaines. P. 1902. I; Prou et Rostovtsew, Catalogue des plombs antiques (Rev. numism., 1899). Исторія греч. монетнаго дѣла (до Августа) изложена Гольмомъ въ III т. его „Gesch. Siziliens".

Стр. 13, прим. См. Kohne, Описаніе музея кн. Кочубея и изслѣд. объ исторіи и нумизматикѣ греч. поселеній въ Россіи. Спб. 1857. 2 т.; ср. ниже, стр. 400.

Стр. 13, стр. 12 сверху. Относительно портретовъ—см. Bernoulli, Griech. Ikonographie. I—II. Munchen. 1901

Стр. 14, стр. 2 текста снизу. Вм. „представляютъ собою"—„составляютъ".

Стр 15 и слѣд. Методологическія замѣчанія, касающіяся надписей, см въ „Изслѣд. въ области греч. надписей" А. В. Никитскаго (Юрьевъ. 1901).

Стр. 17, прим. 3. Вм. „Bidner" слѣдуетъ „Bündel"; вм. „1872"—„Спб. 1876".

Стр. 17, прим. 4. Вм: „боги"—„богини".

Стр. 19, стр. 10 сверху. О Киріакѣ см. ст. Ziebarth'a въ N. Jahrb. f. d. klass. Altertum., IX. 1902.

Стр. 20, прим. 2. Вм. „наговорами"—„заговорами".

Стр. 20, прим. 8 Въ 1901 г. вышелъ IV т. изд. В. В. Латышева; вообще ср. ниже, стр. 368—9.

Стр. 21, стр. 1 сл. Надписи Θессаліи—въ изд. Kern, Inscr. Thessal. Rostock, 1902; каталогъ надписей Эпиграфич. музея въ Аѳинахъ изданъ въ Βιβλιοθήκη τῆς ἐν Ἀθήναις ἀρχαιολ. ἑταιρείας (ч. 1-я изд. Lollingʼомъ, 1899).

Стр 21, прим. 6. См и Herzog, Koische Forschungen und Funde. Leipz 1899.

Стр. 21, прим 11. О промахахъ Баунака см. ст. А. В. Никитскаго въ Ж. М Н. Пр., 1900, ноябрь („Автофонъ Баунака“) Въ томъ-же собраніи изд надписи Родоса (обраб. Gelder), Θеры и Мелоса (обраб. Blass 1900).

Стр. 22, стр. 1 сл Нов. изд Hicks and Hill, Manual of Gr. Histor. Inscript. 1901. Нов изд Диттенбергера—въ 3 т (III т.—1900). По грамматикѣ надписей есть спеціальные труды, напр Meisterhans, Grammat. d. attisch Inschriften (3-te Aufl. besorgt v E Schwyzer. Berl. 1900) Упомяну здѣсь еще объ изд Kirchner'a, Prosopographia Attica Berl. 2 v. 1901

Стр. 23, стр. 1 сверху и слѣд. По поводу папирусовъ—см еще Kenyon, The palaeography of Gr papyri Oxf. 1899, Wessely, Papyrorum scripturae Graecae specimina isagogica. Leipz. 1901, и Studien zur Palaeographie und Papyruskunde Leipz 1901, вообще ср ниже, стр 427—8, примѣч.

Стр 25, прим 2 Къ исторіи гомерич вопроса—L. Friedlander, Die homer. Kritik von Wolf bis Grote Berl 1853, и ст. въ Deutsche Rundschau (1886, XII); см. Robert, Studien zur Ilias mit Beitragen von Fr. Bechtel Berl. 1901 (ср ст. С П Шестакова объ этой книгѣ въ Ж. М. Н. Пр, 1902, дек.); Bethe, Homer und die Heldensage (N. Jahrb. f. d kl. Altert., VII. 1901), С. П. Шестаковъ, О происхожденіи поэмъ Гомера. Вып. II. О происх. Иліады. Каз. 1900 (ср. рец. Θ Г. Мищенка въ „Фил. Обозр.“, XVIII. 1900, и ст. Θ Ф. Зѣлинскаго, Стар. и нов. пути въ гомер вопр Ж М. Н. Пр., 1900, май) Между новѣйшими оригинальными чтобы не сказать странными, гипотезами, отмѣтимъ мнѣнія Bérard (Topologie et toponymie antiques, Rev. arch, 1901, nov.-déc, и отд. кн.), по которому описаніе странствованій Одиссея есть переводъ, переложенный въ стихи, съ финикійскаго Перипла, и Butler, The autoress of the Odyssey. 1897, гдѣ доказывается, что Одиссея есть произведеніе женщины и что въ ней описывается плаваніе вокругъ Сициліи.

Стр. 28, стр. 9 сл По поводу лириковъ: Тиртей—древнѣйшій свидѣтель касательно Спарты.

Стр. 30, прим 2. См. Nestle, Euripides, der Dichter d griech. Aufklarung. Stuttg. 1901.

Стр. 31, прим 2. Новѣйшее изд—Comicorum Graecorum Fragmenta, ed. Kaibel (I, 1899), составляющее часть собранія Fragm. Poet. Graec., предпринятаго по мысли Виламовица.

Стр. 32, стр. 16 сверху. Относительно Аристофановыхъ „Птицъ“ см. Droysen, Des Aristoph. Vogel und die Hermokopiden (Rh. Mus., III, и отдѣльно, 1835), ст. А. Н. Шварца, Тріумфъ Пейсетера въ „Птицахъ“ Аристоф. (Фил Обозр., XX. 1901).

Стр. 37, прим. 2. См. также Koepp, Isokrates als Politiker (Preuss. Jahrb., LXX),

Стр. 39, прим. 2, стр. 6 снизу „Jahresbericht“ изд. теперь Gurlitt и Kroll.

Стр. 40, стр. 29. Вм „прославлявшія“ слѣд. „представлявшія“.

Стр. 46, стр 7. Вм. „Гераклидъ“—„Гераклитъ“.

Стр. 51, прим. 2. Въ 1901 г. Stein приступилъ уже къ 6-му изд Геродота.

Стр. 53, прим 1. См. еще Dietrich, Testimonia de Herodoti vita praeter itinera. Leipz. 1899.

Стр. 53, прим. 2 Штейнъ (см его 6-е изд Геродота и ст. въ Rh. Mus. N. F., LVI) отвергаетъ чтеніе Ἡροδότου Θουρίου

Стр. 61, стр 2—3 сверху По мнѣнію Э. Мейера (Gesch. d. Alterth, III, 354), ссылающагося на ст Judeich (Hist. Zeitschr., XLII), затменіе, о которомъ говоритъ Геродотъ, не есть полное затменіе 480 г., а частное затменіе 481 г., которое видно было въ Сузахъ.

Стр. 63, стр. 3 сверху. Вм. „перьями, наполняющими“, слѣдуетъ „пухомъ, наполняющимъ“.

Стр. 69 сл. См Ѳ. Г. Мищенко, Историограф. пріемы Герод во вступит. части его соч. (Ж М. Н. Пр., 1901, авг, и Сб. въ честь П. В. Никитина).

Стр. 72 прим 4 Вм Schvarz слѣд. Schvarcz.

Стр. 76, прим. 3. К. Ваксмутъ (Bemerkungen zu griech. Historikern, Rh Mus., N F., LVI) считаетъ совершенно недоказаннымъ, чтобы Геродотъ послѣ своего переселенія въ Ѳуріи снова вернулся въ Аѳины

Стр. 79, стр. 17 сверху. Вм. „въ насъ“ слѣдуетъ „насъ“.

Стр. 82, прим. 1. См. Busolt, Zur Aufhebung d Verbannung d. Thukyd. (Hermes, XXXIII).

Стр. 85, стр. 8. Вм „палемику“ слѣд. „полемику“

Стр. 85, прим. 2. Противъ этого предположенія—Steup, Thukyd, Antiochos und die angebliche Biogr. d Hermokrates (Rh. Mus, N. F., LVI).

Стр. 90, стр 8 сверху. См. С. П. Шестаковъ, Краснорѣчіе у древнихъ грековъ въ его вліяніи на ихъ историч. литературу. Каз. 1901.

Стр. 92, стр. 1 сверху. Вм. „законообразности“—„законосообразности“.

Стр. 102, прим. 2 Вм. „Einleitung z. alten Gesch.“ слѣд. „Einleitung in das Studium d. alten Gesch.“.

Стр. 113 Нападки на Ѳукидида находятся и въ соч. І. Σ. Σταυρίδου, Περὶ τῆς νοθεύσεως τοῦ Θουκυδίδου. 1901 (см. рец. въ B. Ph. W., 1902, № 23)

Стр. 132, прим 4. См. Lincke, Xenoph Persische Politie (Philol. N. F. XIV)

Стр. 133, прим. 1. См. еще K. Schenkl, Zu Xenoph. Schrift ub. d. St. d. Laked. (въ Festschr. f. O. Benndorf).

Стр. 134, стр 18—19 сверху Относительно „Симпосія“—изслѣд. Cesareo, I due simposi in rapporto all'arte moderno. 1901, относительно „Апологіи“ — ст. Wetzel'я и Immisch'a въ N. Jahrb. f. d. kl. Altert., V. 1900.

Стр. 135, прим. 3 О книгѣ А. Н. Шварца — зам. Ѳ. Ф. Зѣлинскаго (Фил. Обозр., II. 1892).

Стр. 142, стр. 15 сверху. Вм. „всеобщей“— „общей“.

Стр. 145, стр. 22—23. Вм. „принадлежало“ и „приписывалось“ слѣдуетъ „принадлежала“ и „приписывалась“.

Стр. 146. Въ числѣ историковъ былъ и племянникъ Демосѳена, Демохаресъ, котораго Полибій защищалъ противъ Тимея.

Стр. 154, прим. 3. Въ 1902 г. вышли и III—IV т. изд. Newman'a, содержащія остальныя книги „Политики“.

Стр. 170, прим. 1, стр. 2 снизу. Вм. „Э. Р. ф.-Штерка“—„Э. Р. ф.-Штерна“.

Стр. 195. Объ отношеніи Аристотеля въ „Политіи“ къ Ксенофонту—Busolt, Arist. oder Xenophon (Hermes, XXXIII).

Стр. 223. стр. 27—28. Объ Агаѳархидѣ — Em. Aug. Wagner, Agath. und d. mittlere Peripatos. 1901.

Стр 225, прим 6. См еще Jacoby, Apollodors Chronik. 1902 (Philol. Untersuchungen hrsg. v. Kiessling und Wilamowitz-Mollendorff).

Стр. 226, прим. 3 См также Hercod, La conception de l'histoire dans Polybe. P. 1902.

Стр. 231, стр 24 сверху. Вм. „Этольскаго"—„Этолійскаго"

Стр 265, прим. 7. О Дионисіи Галик. см. Max Egger, Denys d'Halicarnasse. Essai sur la critique littér. et la rhétorique chez les Grecs au siècle d'Auguste P 1902. Ср. Em Egger, Essai sur l'hist de la critique chez les Grecs P. 1886 (2-me éd.).

Стр. 266, стр. 3 снизу, въ прим. См. рец. Э. Р. ф.-Штерна также въ Ж. М. Н Пр., 1902, ноябрь.

Стр. 284, прим. 2. Вм. „Нитче" — „Ницше". О Діог. Леэрт. см. еще Gercke, Die Ueberlieferung d Diog Laert. (Hermes, XXXVII. 1902).

Стр. 296. См. также А. Н. Шварцъ, Новѣйш. изслѣд. въ области древнегреч. исторіи („Критич. Обозр.", 1880, № 6—7).

Стр. 298. Объ изученіи эллинства въ эпоху Возрожденія и въ XVII в. см. между проч. въ „Сочин." М С. Куторги, т. I.

Стр. 301, стр. 25 сверху. Мабли написалъ „Размышленія о греч исторіи", которыя на рус. яз перевелъ извѣстный Радищевъ (Спб. 1773).

Стр. 312. стр. 1. Ф. А. Вольфъ, Оч. науки древности. Пер. И. В. Помяловскаго. Спб. 1877

Стр. 317, стр. 13. Слѣдуетъ вспомнить, что еще до войны грековъ за освобожденіе нѣкоторые драгоцѣнные памятники вывезены были изъ Греціи. Къ числу ихъ относятся мраморы Парѳенона и Эгинскіе Первые уступлены были лордомъ Elgin'омъ Британскому музею въ 1816 г., а вторые составили зерно Мюнхенскаго музея (1820).

Стъ. 334, стр. 22 сверху. См. E. Meyer, Gesch. d. Alterth., III, 293.

Стр. 344, стр. 6 сверху. Вм. „Курпіуса"—„Курціуса".

Стр. 379, стр 11 снизу. Вм. „Похитехніона" слѣдуетъ „Національномъ музеѣ".

Стр. 393, стр. 34—35 сверху. Вм „Milchhöffer" слѣд. „Milchhöfer"

Стр. 397, прим. 4. См. также Н. А. Александровскій, Раск. Эпидавр. святилища Асклепія (Ж. М. Н. Пр., 1890, іюнь).

Стр. 398, прим. 1. См. еще Kekulé, Thonfiguren aus Tanagra. Stuttg 1878.

Стр. 400, прим. 2. Вм. XII слѣд. XIII.

Стр. 401, стр. 21. Вм. „Пантикопеи"—„Пантикапеи".

Стр 427, стр 27. Вспомнимъ также о трудахъ Л. Ф. Воеводскаго: „Каннибализмъ въ греч. миѳахъ". Спб. 1874 (изъ Ж М. Н. Пр., 1873—4); „Введеніе въ миѳологію Одиссеи". Од. 1882; „Карта древнихъ поселеній на югѣ Россіи", составлен. къ VI Археол. съѣзду въ Одессѣ въ 1884 г.

Стр. 428, стр. 6 Вм. „Hariss" слѣд. „Harris".

Стр. 436, стр. 11. Указанія эти состоятъ собственно въ томъ, что къ 454 г. относится начало „власти" или должности логистовъ и производившагося ими отчисленія шестидесятой доли фороса въ пользу казны богини Аѳины. Отсюда дѣлали выводъ, что и казна была перенесена въ Аѳины въ 454 г.

Стр. 438. За изученіе ostraka и папирусовъ Вилькенъ принялся по побужденію Моммзена.

Стр. 440. стр. 4. Вм. „Паросскаго камня“—„Паросскаго мрамора“.

Стр 450 — 451. При раскопкахъ въ Кноссѣ найдена между прочимъ крышка изъ египетскаго алебастра съ именемъ и титулами Khyan'a, царя гиксовъ (приблизительно за 1800—1700 лѣтъ до Р. Хр), что̀ указываетъ на очень древнія сношенія Крита съ Египтомъ Имѣются изображенія демоновъ или существъ съ звѣриными головами; по мнѣнію нѣкоторыхъ, это изображенія минотавра.

Стр 453, стр. 18. См. отчетъ Hogarth'a въ The Annual of the Brit. School at Athens. VII. 1900/1.

Стр 455, стр. 4 снизу въ текстѣ. Вм. „Осулье“ слѣд. „Оссулье“.

Стр. 456, стр. 29. Вм. „Бендорфа“ слѣд. „Бенндорфа“.

Стр 461. Въ самое послѣднее время замѣчается въ свою очередь реакція противъ матеріалистическаго пониманія исторіи и возраждается идеалистическое направленіе. Оно нашло себѣ выраженіе у насъ между проч въ сборникѣ: „Проблемы идеализма“ М 1903.

Стр. 479, прим 3. См. Buchsenschutz, Besitz und Erwerb im griech. Alterthum. Halle. 1869.

Стр. 480. См. также W. Richter, Die Sclaverei im griech. Alterthum. Breslau. 1886.

Стр. 508, стр. 28. Вм. „такая эта“ слѣд. „такая“.

УКАЗАТЕЛЬ [1]).

Абботь (Abbot) 424. 492—493.
Абу-Симбелъ 16. 394.
Абуширъ 434.
Авіенъ 291. 292.
Авлъ Геллій 53. 71. 80. 286.
Авраамова эра 288.
Агаѳархидъ 223. 271. 272. 291.
Агаѳемеръ 47.
Адлеръ 383. 384. 386.
Акусилай 44. 46.
Аландскій П. И. 424. 425.
Александрія (Александрійская образованность) 222—225.
Александръ Полигисторъ 225.
Алкей 28. 67.
Amherst 433. 437.
Аммоній 273.
Аммэй 265.
Ампелій 386.
Анакреонъ 210.
Анаксагоръ 316. 409.
Анаксимандръ 47.
Анаксименъ 220.
Андокидъ 37. 209.
Андротіонъ 150. 200. 283.
Анитъ 202.
Анифантисъ Георгій 398.
Anonymus Argentinensis (Анонимъ Страсбургскій) 434—436.
Антигонъ изъ Кариста 224. 225. 284. 485.
Антисѳенъ 250. 252.
Антифонтъ 99. 188.
Антіохъ (Сирак. или Сицил.) 85. 146. 292.
Аполлодоръ 225. 226. 271. 292. 439.
Аполлонъ, святилище А. Бранхидскаго (Дидимейскаго) 391. 394. 455;—Птоискаго 390.
Аратъ 223. 252. 254. 255. 277. 283.
Ардальонъ (Ardaillon) 392. 454. 455.
Аристархъ 225. 433.
Аристей 40.
Аристобулъ 221. 222. 271.
Аристодемъ 289.
Аристоксенъ 283. 432.
Аристотель 1. 28. 35. 41. 53. 64. 71. 75. 108. 113. 116. 119. 133. 136. 138. 150—220. 224. 250. 252. 253. 257. 282. 283. 290. 300. 315. 320. 327. 334. 336. 337. 346. 361. 363. 406. 415. 419. 421. 429. 430. 435. 436. 457. 464. 465. 467. 476. 479. 485—488. 492. 495. 496. 504. 506. 511. 512.
Аристофанъ 32. 33. 34. 108. 207. 208. 289. 321. 509.
Аркесилай 225.
Арнэ 554.
Арріанъ 221. 222. 291. 439.
Арсиноэ (Крокодилополь) 428.
Артемидоръ 271. 292. 295.
Арундель 16—17.
Архилохъ 67.
Архій 67.

[1]) Составленъ студ. Н. А. Грабовскимъ; мною частью дополненъ, частью сокращенъ Географическія названія указываются лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣчь идетъ объ экспедиціяхъ, раскопкахъ, надписяхъ, вообще древностяхъ и т. под. Дополненіемъ къ указателю можетъ служить оглавленіе

Ἀσωπίς 50.
Ассосъ 394.
Астидамъ 433.
Атрей 9. 378. 398.
Аттидографы, Аттиды 49 — 51. 149—151. 199—201. 208. 283. 311. 435. 436.
Аттика 10. 317. 340 393. 395.
Ашикъ 400
Аѳиней 285. 986.
Аѳины 10. 317—319. 388—389. 393. 396—397. 441—442. 454.

Бабстъ И. К. 362.
Babelon 502.
Байронъ 399.
Байэ 501.
Бакидъ 68.
Бакхилидъ 28. 431.
Бартелеми-С.-Илеръ 161. 301.
Баумгартенъ 283.
Баумгартнеръ 500.
Baumeister 501.
Бауэръ Ад. 55. 162. 166. 196. 197. 198. 213. 282. 470. 490.
Бауэръ В. В. 362.
Бедекеръ 293. 403
Бекъ (Böckh) 19. 20. 22. 107. 302. 304—315. 318. 319. 339. 364. 365. 483. 503. 509. 513.
Беккеръ Им. 306. 315.
Беккеръ 496.
Beulé 388. 396.
Белохъ 5. 96. 146. 211. 244. 403. 416. 462. 463—468. 469. 474. 476. 492. 493. 494. 505. 506. 507. 511.
Benn 500.
Бенндорфъ (Benndorf) 21. 395. 456.
Бентамъ 327. 331. 334.
Бентлей 298.
Бергама 384. 386.
Бергкъ 29. 500.
Bernays 156.
Bernhardy 314. 500.
Бертье-Деларардъ А. Л. 456.
Беттихеръ Эрнстъ 381. 447.
Беттихеръ (Bötticher) 383. 396.
Биссингъ 8.
Бларамбергъ 400.
Blass 159. 490.
Блекели 72.
Blumner 320.
Бокль 119.
Боницъ 315.
Бонъ (Bohn) 387.
Борхардтъ 434.
Botsford 494.
Брандисъ 318. 339.
Брекеръ (Brücker) 270.
Брейзигъ (Breysig) 498. 510.
Брейтенбахъ 122. 123. 414.
Бруннъ Г. 501.
Брунсъ 94. 490.
Брунъ Ф. К. 400.
Бузольтъ 213. 338. 411. 417—421. 426. 457—459. 477. 490. 492.
Бунарбаши 7. 374.
Бурачковъ П. О. 400.
Бурзіанъ 499.
Буркгардтъ 481—484.
Буслаевъ 24.
Буттманъ 306.
Буше-Леклеркъ (Bouché-Leclercq) 322. 326. 491.
Бѣляевъ Д. Ѳ. 427.
Bury 493.
Бюрнуфъ Эмиль 376.
Бюхеръ 472—473. 481. 511.

Вагнеръ 489.
Waddington 364.
Ваксмутъ В. 314. 320.
Ваксмутъ Куртъ (Curt Wachsmuth) 102. 222. 403. 490.
Васильевскій В. Г. 256. 362—363.
Вейль (Weil) 161. 431. 491.
Велькеръ 314. 321. 339.
Вельфлинъ 85.
Вельцгоферъ 101. 103.
Wenger 438.
Веселовскій А. Н. 301.
Wessely 433.
Вестерманъ 22.
Wetzel 511.

Вешеръ (Wescher) 364. 389. 444.
Whibley 494.
Wiegand 455.
Вико 298. 472.
Виламовицъ (Wilamowitz-Möllendorff) 4. 79. 149. 150. 159. 167. 168. 169. 194. 196. 201—206. 276. 282. 292. 310. 344. 420. 430. 483. 484—488. 489. 509. 512—514.
Вильгельмъ 440.
Вилькенъ (Wilcken) 433. 437. 438.
Villoison 302.
Виндельбандъ (Windelband) 156. 500.
Винкельманъ 299. 300. 339. 382. 501.
Виноградовъ П. Г. 160. 165. 166. 190. 412. 495.
Випперъ Р. Ю. 462.
Вирховъ 376. 377. 381.
Wieseler 455.
Wissowa 422. 491.
Воеводскій Л. Ф. 431.
Вольтерсъ 440.
Вольфъ Ф. А. 25. 26. 298. 301—305. 312. 332. 358. 395.
Вундтъ 500.
Wood 394.

Гальбгерръ (Halbherr) 17. 366. 396. 451.
Gha (Gúlas) 454.
Gaudin 456.
Галикарнассъ 394.
Галламъ 329. 331.
Hansen 319.
Gardner 394.
Гарнакъ 305. 306. 315.
Гарпократіонъ 158. 289. 290.
Harris 428.
Hartel 490.
Hauser 395.
Гегель 325.
Headlam 420. 494.
Heuzey 389.
Гейбель 339. 340.
Heitz 161.
Гекатей (Милетскій) 44—48. 52. 67. 68. 71 73. 75. 143. 252. 268.
Гекатей (изъ Абдеры или Теоса) 268.
Геліодоръ 276. 292.
Гелланикъ 40. 48—51. 85. 114. 139. 150.
Heller 195.
Гельмольтъ (Helmolt) 497.
Гера, храмъ Г. Аргосской 454.
Гераклитъ 46. 163. 215. 251. 314.
Гербстъ 103.
Herwerden 431.
Gerhard 314. 392.
Гердеръ 299. 300.
Германъ Готф. 26. 307. 312. 314.
Германъ К. Фр. 314. 320.
Гермиппъ 31. 224. 283.
Гермократъ 85.
Геродотъ 39. 40. 41. 43. 45. 46. 49. 51—79. 85. 92. 93. 100. 114. 117. 128. 129. 138. 140. 142. 145. 146. 151. 168. 192. 193. 194. 197. 200. 201. 212. 225. 227. 252. 266. 270. 271. 272. 276. 283. 289. 292. 304. 316. 410. 414. 419. 427. 467. 487. 490.
Геродъ (Геронд̀ъ) 431. 501.
Герцбергъ 421. 422.
Герцогъ (Herzog) 456.
Герцъ К. К. 402.
Гершензонъ М. О. 196. 468.
Гесихій 289.
Гесіодъ 27. 28. 40. 44. 46. 52. 67. 71. 273. 436. 471.
Гете 299. 300. 303. 340.
Höschel 275.
Гиббонъ 336.
Гизо 297. 331.
Hicks 21. 366.
Гильбертъ 194. 196. 213. 338. 420. 421. 426. 458. 477.
Hildenbrand 156.
Hiller von Gaertringen 440. 455.
Гиляровъ А. Н. 411. 501.
Гиперидъ 172. 428. 431. 434. 436.
Гипподамъ 155.

Гиппократъ 39. 119.
Гиро (Guiraud) 350. 353. 422. 479. 480
Гиршбергъ 512.
Гиршфельдъ (Hirschfeld) 383. 395. 440.
Гиссарликъ 7. 9. 375. 376. 377. 380. 381. 442—443. 448. 456.
Гладстонъ 336.
Hogarth 433. 453.
Goldsmith 302.
Гольмъ (Holm) 79. 116. 270. 282. 322. 325. 411—419. 464. 492. 503. 512.
Гомеръ 8. 10. 25. 26. 27. 40. 46. 48. 52. 54. 67. 70. 71. 88. 89. 291. 298. 300. 302. 303. 336. 372. 375—381. 422. 432. 436. 471. 487.
Гомперцъ (Gomperz) 73. 125. 138. 161. 395. 490. 500 512.
Gorceix 391.
Гортина 17. 396.
Gradenwiz 438.
Грановскій Т. Н. 100. 106. 113 325. 362.
Graf 423.
Grenfell 431. 432. 433. 434.
Григорьевъ В. В. 400.
Griffith 394. 433.
Гротъ (Grote) 4. 26. 33. 100. 142. 302. 304. 326—338. 342. 343. 348. 363. 403. 417. 422. 462. 492. 507. 509. 513.
Hula 456.
Гуманъ (Humann) 385—388. 455. 456.
Гумбольдтъ 305. 313.
Hunt 431. 432. 433. 434.
Гуревичъ Я. Г. 425.
Gurlitt 499.
Гурнія 453.
Gurob 428.
Гутшмидъ 46. 125. 152. 182. 422.

Дамастъ 139.
Daremberg 422.
Дарестъ 161. 513.
Деллингеръ 329.
Делосъ 11. 389. 390.
Дельбрюкъ (Delbruck) 72. 490.
Дельфы 10. 219. 293. 319. 340. 364. 367—8. 389. 390. 441. 443—446.
Демонъ 150.
Демосѳенъ 38. 150. 159. 183. 209. 210. 259. 277. 325. 343. 409. 415. 488.
Демофилъ 141.
Деревицкій А. Н. 166. 456. 495. 496. 497—498.
Дерпфельдъ (Dörpfeld) 8. 376. 377. 379. 380. 381. 383. 393. 441—443. 454.
Дестунисъ Г. С. 358
Джеббъ (Jebb) 393. 500.
Дидимъ 225.
Дикей 62. 68.
Дикэархъ 217. 257. 512.
Diehl 391.
Джиллисъ (Gillies) 302.
Дильсъ (Diels) 46. 161. 165. 315. 490.
Димитрій Фалерск. 218. 253. 254. 410.
Диттенбергеръ (Dittenberger) 20. 22. 107. 320. 365. 366.
Діиллъ 75. 220 271.
Діогенъ Лаэртскій 284. 285. 489.
Діодоръ Сиц. 100. 131. 142. 149. 197. 221. 222. 263. 265—273. 280. 282. 289. 414. 504.
Діонисій Галикарн. 43. 52. 265.
Діонисій Милетскій 46.
Діонисій періэгетъ 292.
Діонъ Хрисостомъ 262. 285.
Додона 11. 399.
Domaszewski 395.
Daumet 389.
Дройзенъ Іог. Густ. 22. 314. 321—326. 333. 345. 415. 422.
Droysen Hans 320.
Дункеръ Максъ 122. 314. 337. 345—348. 403—407. 412. 415. 467. 471. 492.
Дурисъ 219. 222. 223. 271. 283.

Дюбрюксъ 401.
Дюммлеръ Ферд. 203. 205.
Дюмонъ (Dumont) 366. 389. 391
Дюрюи (Duruy) 357. 422.

Евменъ 220. 222. 277. 324.
Евполидъ 31. 207. 208.
Еврипидъ 29. 30. 31. 61. 79. 238. 300. 427. 428 436. 485.
Евсевій 41. 267. 287. 288
Египетъ 8. 12. 21. 428. 429. 431. 433. 437—138.
Ерингтедтъ В К. 367. 439.

Жебелевъ С. А. 440. 454. 456. 495.
Жираръ Жюль (Girard Jules) 103.
Жираръ Поль (Girard Paul) 391. 392.

Забѣлинъ И. Е. 402
Зенонъ стоикъ 225
Зенонъ историкъ 250. 252.
Sittl 500.
Susemihl 156. 500.
Зѣлинскій Ѳ. Ф. 431. 496.

Идоменей 218. 281.
Иліада 24—27. 40. 70. 298. 302. 332. 374. 428.
Imhoof-Blumer 502.
Исократъ 37. 131. 132. 137. 141. 148. 153. 206. 208. 209. 210. 287. 415.
Истръ 151. 224. 281. 295.

Іегеръ 497.
Іерингъ 405.
Іеронимъ Блаж. 288.
Іеронимъ изъ Кардіи 222. 223. 271.
Іонъ 128. 139. 283.
Іорданъ (Іорнандъ) 285.
Yortan 456.

Каввадій 396. 397. 442. 454.
Cavallari 412.
Кавказъ 21. 367. 369.
Кадмъ 44. 45.
Кайбель (Kaibel) 159. 167. 169.
Калаврія 454.
Kalinka 456.
Каллимахъ 46. 151 224
Каллисѳенъ 218. 219. 221. 250. 252
Калокэриносъ 447.
Кантъ 80. 102. 327.
Каппадокія 456
Карапанъ 399.
Карія 395. 456.
Карръеръ 501.
Карто 392
Касторъ 226.
Кауперть 393.
Кауэръ (Cauer) 162 163. 183 480.
Карѣевъ Н И. 425.
Квинтъ Курцій Руфъ 221
Кейль (Keil) 161. 167. 434—436. 490.
Келеръ (Kohler) 20 364. 365 393. 400.
Кене (Köhne) 400.
Кенионъ (Kenyon) 158—164. 166. 167. 170. 176. 429. 430. 431.
Кеннингэмъ (Cunningham) 480.
Кеппенъ 400.
Керстъ (Kaerst) 322. 490.
Киклики 40.
Киликія 456.
Кинеъ 390.
Кипертъ (Kiepert) 318. 499.
Киниръ 11. 394. 456.
Кириакъ изъ Анконы (Ciriaco de'Pizzicoli) 19. 389.
Киропедія 132.
Кирхгоффъ (Kirchhoff) 19. 20. 55. 107. 307. 364. 365.
Классенъ 83. 107.
Клеархъ 218.
Клидемъ (Клитодемъ) 149. 150. 200.
Климентъ Александрійскій 225.
Клинтонъ 499.
Клитархъ 221. 271.
Кноссъ 446—452. 510.
Кобетъ 439.
Коксъ 105.
Коллиньонъ (Collignon) 392. 501.

Comparetti 366.
Конверъ (Convert) 455.
Кондаковъ Н. П. 400. 502.
Константинъ (Багрянор.) 232. 267. 289.
Конце (Conze) 386. 387. 395. 440.
Коринѳъ 454.
Корнелій Непотъ 145. 226. 265.
Корольковъ Д. 367.
Кортюмъ 337.
Косъ 21. 439. 456.
Косцюшко-Валюжиничъ К. К. 369. 402. 456.
Кратеръ 216. 276. 283.
Кратинъ 31. 33.
Кратиппъ 84. 90. 263. 264. 270
Krebs 433.
Крейцеръ 43. 321.
Кристъ (Christ) 262. 276. 499.
Критій 136. 152. 203—206.
Критъ 11. 17. 21. 366. 396. 441. 446—453.
Крокодилополь (Арсиноэ) 428.
Kroll 499.
Croiset 500.
Крузіусъ (O. Crusius) 490.
Krüger 499.
Ксанѳъ 49. 68. 265.
Ксенофанъ 46.
Ксенофонтъ 84. 110. 120—138. 141. 145. 146. 152. 153. 194. 195. 196. 205. 222. 248. 252. 272. 273. 362. 414.
Ктесій 40. 71. 72. 140. 141. 289.
Кувъ (Couve) 455.
Куглеръ 401.
Cousin 391.
Кулаковскій Ю. А. 424. 456. 496. 502.
Куль-Объ 401.
Kumanudis 364—365.
Курціусъ Э. (Curtius) 5. 19. 306. 314. 318. 337—345. 347. 348. 383. 384. 386. 393. 396. 416. 422. 464. 466. 477. 484. 507.
Куторга М. С. 357—362.

Лависсъ (Lavisse) 497.
Лавріонъ 454
Лаконія 10.
Лампрехтъ 460. 475.
Лампрій 275.
Ларфельдъ (Larfeld) 22.
Лассаль Фердинандъ 314.
Латышевъ В. В. 367. 368. 369. 400. 402. 425. 426.
Лахманъ 26.
Le Bas 364.
Lebègue 390.
Левкадія 443.
Ленорманъ 397.
Леперъ Р. Х. 440. 457.
Лерсъ 329.
Лессингъ 300.
Лефевръ (Lefèvre) 491.
Лешевалье 7.
Лидія 391.
Ликія 391. 456.
Ликъ (Leake) 317.
Липсіусъ (Lipsius) 337. 338. 490. 513.
Лисій 37. 125. 209.
Литтре 116.
Кн. Лихтенштейнъ 395.
Лобекъ 321. 329.
Ловягинъ А. М. 159. 430.
Логографы 39. 42—46. 48—52. 67. 71. 85. 106. 146. 150. 360.
Лоллингъ (Lolling) 439. 440. 457.
Лонгинъ 52.
Лукіанъ 72. 287.
Lumbroso 438.
Лунинъ М. М. 362.
Лушанъ 395.
Льюисъ 329. 331.
Lewis (сестры) 431.
Любке 501.
Любкеръ 491.
Люгебиль К. Я. 363.
Люперсольскій П. И. 360. 362.
Гр. Ляскоронскій 395.

Магаффи (Mahaffy) 79. 125. 130. 132. 404. 423. 424. 429. 431. 493. 500.
Магнесія 14. 391. 439. 455.

Маканъ 72. 77.
Македонія 389.
Маклаковъ В. А. 495.
Маколей 106. 116. 336.
Малая Азія 389. 391. 395. 396. 440. 455. 456.
Мальмбергъ В. К. 501.
Мандесъ М. И. 270. 281. 496.
Манеѳонъ 268. 311.
Маннертъ 322.
Manso 105.
Мантинея 391.
Мараѳонъ 454.
Маркеллинъ 80. 100.
Марксъ 461.
Мегасѳенъ 292.
Meier M. H. E. 314. 319. 337. 338.
Мейеръ Эд. (Ed. Meyer) 5. 56. 75. 76. 83. 102. 117. 147. 282. 283. 344. 462. 463. 466. 468—477. 480. 481. 483. 487. 507. 510. 511. 512. 513.
Меланѳій 150.
Мелосъ 455.
Менандръ 14. 409. 434. 439.
Мениди 10.
Менке 499.
Меурзій 298.
Микены 8. 9. 294. 370. 371. 376—380. 396. 397. 398. 443. 448. 451. 505.
Милетъ 391. 455.
Iw. Müller 403. 419. 420. 477. 499.
Миллеръ К. О. 4. 52. 102. 314—319. 339. 340. 345. 383. 443. 500.
Миллеръ-Штрюбингъ Г. 33. 103—108. 112—114. 117. 136. 403. 414. 504.
Milchhöfer 393. 447. 457.
Миній 10. 376.
Миносъ, дворецъ М. 451.
Мирина 391.
Миронъ 295.
Mitteis 438.
Митфордъ (Mitford) 404. 328. 333.
Michel 22.
Мищенко Ѳ. Г. 25. 106. 107. 357. 424. 426. 427. 494. 495. 496.
Моммзенъ Теод. 106. 261. 262. 338. 343. 385. 404. 488. 514.
Моммзенъ Августъ 499.
Monod 353.
Монсо 392.
Монтескье 449.
Montfaucon 382.
Морея 317.
Мурзакевичъ Н. Н. 367.
Murray 456.
Мусей 68.
Mure 317.

Навкратисъ 12. 16. 21. 394.
Наксосъ 340. 341.
Неархъ 221. 291. 292.
Нибуръ Бартольдъ Георгъ 4. 33. 52. 72. 85. 100. 102. 115. 117. 118. 125. 142. 143. 302—306. 308. 322. 323. 324. 333. 512. 513.
Нибуръ Карлъ 72.
Низе (Niese) 163. 164. 169. 262. 322. 418. 467. 490.
Никитинъ П. В. 369. 432.
Никитскій А. В. 367—368. 440. 444.
Николай Дамасскій 264—265.
Nicole 434.
Никосія 394.
Ниманъ 395.
Ниссенъ (Nissen) 113. 164. 171. 174. 203. 232. 270.
Нитчъ 26.
Ницше 405. 489.
Noack 454.
Новицкій 500.
Новосадскій Н. И. 367.
Нов. Илионъ 374. 375. 377.
Нубія 16. 21.
Нуцгорнъ 358.
Ньютонъ (Newton) 364. 366. 394.

Овербекъ 501.
Оветтъ (Hauvette) 66. 390. 392.
Одиссея 5. 25. 26. 27. 298. 374.
Оксиринхъ 23. 41. 220. 432.
Олимпія 10. 21. 341. 345. 382. 383. 384. 386. 441.

Олло (Holleaux) 390.
Ольвія 11. 12. 369. 402.
Омолль (Homolle) 384. 389. 390. 392. 444.
Ohnefalsch-Richter 394. 456.
Онкенъ (Oncken) 100. 156. 187. 337.
Оропъ 396.
Орфей 48
Орхоменъ 10. 376.
Орѣшниковъ А. В. 400.
Оссулье (Haussoullier) 159. 357. 392. 444. 455.

Павловскій А. А. 501
Павлуцкій Г. Г. 501.
Павсаній періэгетъ 256. 290. 292—295. 378.
Павсаній царь 153.
Paris 494.
Paley 105.
Памфила 80.
Памфилія 395.
Panofsky 72.
Пантикапея 401.
Панэтій 229. 253. 254. 263.
Пападопуло-Керамевсъ А. И. 290. 439.
Паросъ 16—17. 333. 340. 440. 455.
Partsch 457.
Pauly 491.
Пафлагонія 456.
Пелопоннесъ 339. 340. 341. 345. 374. 390. 422. 439.
Пельманъ (Pöhlmann) 335. 416. 461. 462. 463. 466. 474. 477—479. 487. 507. 510. 511. 512.
Пергамъ 10. 21. 382. 384—388. 455.
Перицоній 298.
Perrier 451. 452.
Перро (Perrot) 389. 391. 501.
Perthes 417.
Петерсенъ 395.
Петеръ 499.
Петровъ М. Н. 497—498.
Pecz 491.
Пиндаръ 28. 67. 151. 273. 305. 311. 487.
Пирронъ 225. 268
Пирръ 223.
Писидія 395.
Питтакъ 396.
Пиѳей 291.
Платея 395
Платонъ 28. 35. 36. 134. 153. 154. 206 207 210. 211. 252. 253. 259. 287. 305. 315. 327. 331. 336. 128 479. 487. 488. 511.
Плутархъ 64. 71 72. 81. 100. 113. 133. 140. 146. 149. 158. 172. 187. 203. 221. 222. 256. 265. 270. 273—285. 301. 304. 414. 419. 504.
Покровскій А. П. 262. 411.
Покровскій М. М. 203. 204. 206. 495.
Полемонъ 292. 293. 295.
Полибій 142. 148. 168. 222. 223. 226—252. 254—263. 267. 271. 274. 283. 289. 292. 356. 427. 497
Полібнъ 286.
Поллуксъ 158. 172. 289. 290.
Pomtow 368. 444.
Помяловскій И. В. 367. 400.
Понтремоли 455.
Попъ 302.
Посидоній 262. 263. 271. 272. 292.
Поттье (Pottier) 391. 392.
Праховъ А. В. 421. 501.
Пресъ 451.
Придикъ А. М. 440. 496.
Придикъ Е. М. 440.
Присціанъ 292.
Прізна 11. 391. 455.
Прокешъ-Остенъ 318.
Птолемей 292.
Птолемей Лагъ 221. 223.
Птолемей Филад. (податной уставъ П. Ф.) 23. 431.
Пургольдъ 383.
Puchstein 456.
Пфлугкъ-Гарттунгъ (Pflugk-Harttung) 112. 113. 114. 403. 467. 488.

Райнеръ 23. 428. 433.
Rayet 391.
Radet 391.
Ралли 385.
Ramsay 395. 456.
Рангави 20. 319. 364.
Ранке 76. 86. 101. 111. 115—118. 313. 314. 475. 496.
Рауль-Рошеттъ 400.
Ревилью (Revillout) 434.
Reinach Th. 431.
Reitzenstein 438.
Röhl 19. 366.
Rösiger 497.
Ridder 454.
Риттеръ К. 339. 341.
Ричардсонъ 454.
Рионъ 295.
Родбертусъ 472—473. 511.
Rohde Erwin. 489—490.
Родосъ 11. 456.
Розе 158. 161. 170. 174.
Рославскій-Петровскій А. П. 362.
Россъ (Ross) 318. 319. 390. 396.
Ростовцевъ М. И. 480.
Рошеръ 97. 103. 314. 363.
Рошеръ 491.
Руссо 285. 512.
Рюль (Rühl) 162. 163. 166.
Рѣдкинъ П. Г. 501.

Сабуровъ 398.
Савиньи 305.
Savignoni 451.
Saglio 422.
Самосъ 391.
Самооракія 395.
Сандисъ (Sandys) 159. 167. 169. 170. 430.
Де Санктисъ (De Sanctis) 451. 494.
Санторинъ (Θера) 11. 391.
Сафо 67. 432. 434.
Свида 43. 54. 225. 289. 290.
Свобода (Swoboda) 108. 395. 440. 490.
Selden 19.
Селивановъ С. А. 440. 456. 457.
Сигоній 298.
Сикіонъ 395; Сикіонская таблица 42.
Симонидъ 28. 67. 135. 210.
Сингросъ 383. 446.
Синкеллъ 267. 288.
Скала 253. 361. 497.
Скалигеръ 156. 298.
Скилаксъ 291.
Скимнъ 142.
Скиѳія 369.
Смирновъ Я. И. 440. 456.
Smith A. H. 395.
Соколовъ Ѳ. Ѳ. 363. 367.
Сононъ 28.
Сосибій 224. 295.
Софайнетъ 130.
Софоклъ 29. 30.
Спасскій 400.
Спата 10.
Стаисъ 441.
Стаматакисъ 390.
Стасюлевичъ М. М. 362.
Sterrett 395.
Стесимбротъ 140. 281. 282. 419.
Стесихоръ 28.
Стефани Л. А. 401.
Стефанъ 289.
Стобей 286.
Страбонъ 44. 71. 142. 221. 262. 263. 290. 291. 292. 427.
Стратій 251.
Суручанъ 369.
Сэйсъ 72. 74.

Танагра 396. 398. 509.
Таннери 500.
Tebtunis 433.
Телеклидъ 31. 208.
Тизенгаузенъ В. Г. 402.
Тимагенъ 264.
Тимей 41. 145. 147—149. 220. 231. 237. 243. 245. 247—250. 252. 253. 271. 283.
Тимнъ 67.
Тимоѳей Милетскій 434.
Тиносъ 389.

Тиринѳъ 8. 9. 294. 371 379. 380 443 448
Thirlwall 327. 329
Тиршъ (Thiersch) 318
Титтманъ 320
Титъ Ливій 232 262 270.
Тишендорфъ 439.
Токвиль 331.
Толстой И. П. гр. 400.
Толстой Л. Н. гр. 285 512.
Travels 428.
Тренделенбургъ 315
Трейчке 345.
Троада 8. 374. 376 381.
Трогъ Помпей 149. 264
Троя 5. 7. 8. 9. 40 59. 139. 226. 370. 371. 372. 374—379 381. 441 - 443. 448. 505.
Трубецкой С. Н. 501.
Thumser 320.
Тургеневъ И. С. 387. 403.
Тьерри О. 106.
Тэнъ 24. 130. 356.

Убо Эммій 298.
Уваровъ А. С. гр. 400.
Узенеръ (Usener) 171. 490.
Ульрихъ 82. 83. 318.
Успенскій, еп. Порфирій 439.

Фабриціусъ 17. 366. 387.
Фаворинъ 285.
Фаларисъ 298.
Фалльмерайеръ 318.
Фаній 217. 281. 283.
Фанодемъ 150.
Фармаковскій Б. В. 440. 501.
Фаюмъ 428.
Фенелонъ 132.
Ферекидъ Лерскій 44. 45. 48.
Ферекидъ Сирскій 432.
Фестъ 446. 451—452.
Фидлеръ 318.
Филархъ 223. 242. 250. 252. 254. 255. 463.
Philippson 457.
Филистъ 147. 283.
Филіосъ 397.
Филодемъ 171 284.
Филостратъ 284.
Филохоръ 41 149. 150. 200. 283. 311.
Vieleck 433.
Фихте 305.
Фишеръ 33.
Флате 322.
Флиндерсъ Петри (Flinders Petrie) 23. 216. 394. 423. 428. 429. 431.
Fauvel 382.
Volquardsen 270. 271.
Фонтанъ (Fontane) 497.
Форхгаммеръ 318.
Фоссъ 300.
Фотій 141. 267. 289. 290.
Fowler 493.
Francotte 479.
Францъ (Franz) 19. 306. 318.
Френкель Максъ (Frankel Max) 308. 490.
Фригія 391. 395.
Фриманъ 336. 423.
Фринихъ 67. 136.
Fougères 390. 391.
Фукаръ (Foucart) 364. 366. 389. 391. 444.
Фурмонъ (Fourmont) 19. 307.
Фурнье 491.
Фуртвенглеръ (Furtwängler) 383. 442. 444—445. 454. 501.
Фюстель-де Куланжъ 349 — 355. 391. 422. 479. 493. 494. 510.

Харонъ 48. 49. 52.
Хвойко В. В. 456.
Хвостовъ М. М. 480—481.
Херсонесъ 12. 13. 369. 402. 456.
Christ. См. Кристъ.

Цвѣтаевъ И. В. 501.
Zakio 453.
Zeller 156. 500.
Цунда (Tsountas) 441.

Чанто (Szanto) 395. 490.
Chandler 382.
Чемберленъ (Chamberlain) 498.

Черіготто (Антикиѳера) 455.
Cesnola 394.
Cicotti 480.
Чичеринъ Б. Н. 501.

Шварцъ А. Н. 136. 157. 495.
Шварцъ Юл. (Schvarcz) 72. 108—112. 407—411. 415. 498. 505.
Shaubert 319.
Шелль (Scholl) 137. 162. 490.
Шеманъ (Schomann) 314. 320. 333. 335. 337. 338. 345. 495.
Шестаковъ С. П. 496.
Шеферъ (Schafer Arnold) 314. 487.
Шефферъ В. А. 160. 166. 171. 172. 213. 494—495.
Шиллеръ 299. 300 340.
Шиллеръ Герм. 497.
Chipiez 501.
Шкорпилъ В. В. 456.
Шлегель Авг. Вильг. 300.
Шлегель Фридр. 300.
Шлейермахеръ 305. 306. 312. 315.
Шлиманъ Генр 7. 8. 9. 294. 333. 370—382. 385. 397. 441. 442. 443. 446. 447. 448. 456. 505. 506.
Шлоссеръ 496.
Шмидтъ Ад. (Schmidt Ad.) 281.
Шмидтъ Л. 500.
Шопенгауэръ 489.
Spamer 497.
Шпрунеръ 499.
Шрадеръ О. 117.
Stahr 156.
Штейнъ Люд. 512.
ф. Штернъ Э. Р. 7. 127. 132. 166. 184. 414. 426. 427. 456. 494. 495. 502.
Stillmann 447.
Strehl 497.
Шульцъ Г. Ѳ. 180. 495.
Шухгардтъ 387.

Щукаревъ А. Н. 367. 425. 426. 454.

Эвансъ (Evans) 423. 441. 447—451. 453.
Эгина 454.
Eisenlohr 434
Eichthal 431.
Элатея 390.
Элевсинъ 11 396. 397.
Элида 382.
Эліанъ 285. 286.
Эліи Аристидъ 287.
Эней 141.
Эпидавръ 11. 21. 396. 397. 454.
Эратосѳенъ 37. 41 46. 225. 263. 291. 292.
Эргардтъ (Erhardt) 26.
Эриѳры 18.
Эсхилъ 29. 30. 67. 316. 409.
Эсхинъ 38. 209. 488.
Эфесъ 11. 394. 455.
Эфоръ 42. 68. 141—144. 146. 148. 153. 169. 196. 197. 220. 227. 232. 252. 264. 270. 271. 272. 281. 283. 413.

Юлій Африканъ 41. 287. 288.
Юргевичъ В. Н. 367.
Юстинъ 264.

Ѳемистогенъ 130.
Ѳеогнидъ 28.
Ѳеопомпъ 84. 103. 141. 144. 145. 146. 197. 198. 245. 250. 252. 264. 271 281. 283. 289. 413.
Ѳеофанъ 292.
Ѳеофрастъ 171. 217. 218. 219. 224.
Ѳера (Санторинъ) 11. 318. 440. 455.
Ѳеспіи 390. 398.
Ѳессалія 10.
Ѳракія 389.
Ѳукидидъ 37. 40. 43. 51. 52. 61. 71. 78—120. 122. 123. 128. 138. 140. 145. 146. 147. 151. 162. 168. 178. 179. 182. 187. 188. 189. 193. 194. 200. 201. 204. 207. 212. 227. 234. 252. 256. 261—266. 270. 271. 272. 279. 280. 283. 289. 316. 333. 403. 408. 410. 414. 427. 467. 476. 487. 488. 504.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр

Предисловіе III

I.

Обзоръ источниковъ (стр. 1—295).

Понятіе объ источникахъ 2.

1) **Языкъ** (стр. 2).

2) **Преданія (миѳы и сказанія)** (стр. 3)

Значеніе миѳовъ и сказаній 3.—Толкованіе ихъ 4.

3) **Памятники вещественные** (стр. 6)

Значеніе вещественныхъ памятниковъ 6.—Важнѣйшіе памятники 9.

Монеты 12.

4) **Надписи и другіе документы** (стр. 14).

Значеніе и содержаніе надписей 14.—Недостатки надписей, какъ источника 15 —Важнѣйшія надписи 16.—Эпиграфика 18.—Сборники надписей 19 —Рукописные документы 22 —Папирусы 23

5) **Литературныя произведенія** (стр. 23)

Значеніе литературныхъ произведеній, какъ историческаго источника 24.—Гомерическій эпосъ 24 —Гесіодъ 27.—Лирика 28.—Трагики 29.—Еврипидъ 30.—Комедія 31.—Аристофанъ 32 —Комедія и историческая критика 33.

Философы 34.—Ораторы 36.—Гиппократъ 39.

Историки (стр. 39).

Элементы начальной греческой историографіи. Связь съ эпосомъ 40.—Начало прозы 41.—Списки и записи 41.

Логографы 42

Характеристика логографовъ 44.—Отношеніе къ эпосу 44.—Заслуги логографовъ 44 —Кадмъ 45.—Гекатей 46.—Ферекидъ 48.—Харонъ 49 —Ксанѳъ 49 —Гелланикъ 49

Геродотъ 51

Геродотъ и логографы 52.—Біографія Геродота 53.—Вопросъ о времени и порядкѣ составленія Геродотова труда 55.—Оконченъ ли трудъ Геродота? 56. Его содержаніе 57.—Міровоззрѣніе Геродота 58 Примѣры раціонализма 62 —Политическія симпатіи Геродота 63.—Отношеніе къ варварамъ 64 —Источники 65.—Историческая критика у Геродота 69.—Неблагопріятные отзывы о Геродотѣ 71 —Недостатки Геродота и ихъ объясненіе 72.—Значеніе труда Геродота 77.

Стр

Ѳукидидъ 78

Ѳукидидъ и Геродотъ 78.- Біографія Ѳукидида 80 —Вопросъ о времени составленія Ѳукидидова труда 82.—Источники Ѳукидида 84.—Характеристика его труда 85.—Критика и пріемы 86.—Методъ реконструкціи 88 Рѣчи 90 —Идея причинности и законосообразности 91.—Раціонализмъ 92.—Личность у Ѳукидида 94 —Политическія воззрѣнія 95 —Объективность 99 —Ѳукидидъ и современная критика 102.—Ѳукидидъ и историческая наука XIX вѣка 117.

Ксенофонтъ 120

Біографія Ксенофонта 120 —Hellenica 122 —Ихъ недостатки 123.—Вопросъ о пристрастіи Ксенофонта 125.—Ксенофонтъ, какъ историкъ 128 —Благочестіе Ксенофонта 128.—Анабасисъ 130 —Киропедія 132.—Агесилай 132 —Лакедемонская Политія 132 —Memorabilia 133.—Симпосій 134.—Апологія 134.—О хозяйствѣ 134.—О доходахъ и проч. 135.

Псевдо-Ксенофонтова „Аѳинская Политія“ 135.

Историки V—IV в., произведенія которыхъ сохранились лишь въ отрывкахъ 139

Дамастъ 139 —Іонъ 139 —Стесимбротъ 140.—Ктесій 140.—Эней 141 —Риторическое направленіе и вліяніе Исократа 141 -Эфоръ 141.—Ѳеопомпъ 144.—Антіохъ Сиракузскій 146 —Филистъ 147 —Тимей 147.—Аттиды и аттидографы 149

Аристотель 151

Начало политической литературы 151.—Аристотель 153.—„Политика“ 154.—„Политіи“ 158.—„Аѳинская Политія“ 158.—Рукопись трактата 159 —Вопросъ объ „Аѳ. Пол.“ въ современной литературѣ 161.—„Политія“—произведеніе Аристотеля 170 —Время написанія 171 —Характеристика „Аѳ Пол.“ 173.—Причины недостатковъ 182.—Воззрѣнія Аристотеля въ „Политіи“ и въ „Политикѣ“ 184.—Источники „Аѳ. Пол.“ 191.—Значеніе „Политіи“ 212.—Эксцерпты Гераклида 215 - Другіе труды Аристотеля 216.

Перипатетики и ихъ современники 216.—Источники по исторіи Александра В и его преемниковъ 220.—Представители Александрійской образованности 223.

Полибій 226

Біографія Полибія 217 —„Исторія“ Полибія 230.—Ея содержаніе 230.—Ея универсальность 232.—Планомѣрность историческаго процесса 233 —Судьба 234 —Божество 236 —Личность 238 —Государственное устройство 238 —Природныя условія 238.—„Прагматическая исторія“ 239.—Польза исторіи 240.—Правда 242 —Рѣчи 245.—Важность причинъ 246.—Требованія отъ историковъ 248 —Сужденія о предшественникахъ 250.—Подготовка, личный опытъ и источники Полибія 250.—Вліяніе стои 253.—Безпристрастіе Полибія 254 —Политическія воззрѣнія 257.—Характеристика Полибія, какъ писателя 261.—Значеніе Полибія 262.

Посидоній 263 —Страбонъ 263 —Кратиппъ 263.—Тимагенъ 264.—Трогъ Помпей 264.—Николай Дамасскій 264.—Корнелій Непотъ 265

Діодоръ Сицилійскій 265

Біографія 265.—Содержаніе „Исторической Библіотеки“ 266.—Взглядъ Діодора на исторію 267 —Характеръ и недостатки „Истор. Библіотеки“ 268.—Хронологія Діодора 269 —Источники Діодора и его отношеніе къ нимъ 269.

Стр

Плутархъ 273

Біографія и личность Плутарха 273 —Его сочиненія 275.—Moralia 275.—„Жизнеописанія“ 276.—Характеристика Плутарха, какъ біографа 277.—Вопросъ объ источникахъ Плутарха и несостоятельность „теоріи единаго источника“ 281

Діогенъ Лаэртскій 284 —Діонъ Хрисостомъ 285 —Фаворинъ 285 — Аѳинеи и Элианъ 285.—Стобей 286 — Полюнъ 286 — Элій Аристидъ 287 —Лукіанъ 287 - Хронографы 287.—Юлій Африканъ 287 —Евсевій 288.—Фотій 289 —Сборникъ экспериптовъ 289 —Аристотемъ 289.—Лексикографы 289.

ГЕОГРАФЫ И ПУТЕШЕСТВЕННИКИ-ПЕРІЭГЕТЫ

(стр. 290).

Страбонъ 291.—Періэгеты 292.—Павсаній 293

II.

Очеркъ разработки греческой исторіи въ XIX в.

(стр. 297—514).

Новое „Возрожденіе классической древности“ въ XVIII и въ началѣ XIX в. 298

Ученые XVI—XVII в. 298.—Вико 298.—Начало новаго „Возрожденія“ 299.—Винкельманъ 299.—Лессингъ и друг. 300 — Гете и Шиллеръ 300.—Романтизмъ 300. —Франція 301.—Англія 302.

Отъ Вольфа, Нибура и Бека до Грота 302

Начало новой эпохи 302.—Вольфъ 302.- Нибуръ 303.—Бекъ 304 — Corpus Inscript. Graec. 305. „Государственное хозяйство аѳинянъ“ 308.— Другіе труды Бека 311 —Взглядъ Бека на филологію и борьба съ Германомъ 312.- Вліяніе Бека 313.- Шлейермахеръ 315,—Беккеръ 313.— К. О Миллеръ 315.—Путешествія въ Грецію 317.—Труды по греч. древностямъ 320.—К. Ф. Германъ 320 —Лобекъ 321 —Велькеръ 321 — Дройзенъ 321.

Отъ Грота до конца 60-хъ годовъ 326

Англія и Греція 327 —Thirlwall 327 —Гротъ 327.—„Исторія Греціи“ 328 —Успѣхъ ея 329 —Ея достоинства 331.- Ея недостатки 334.— Гладстонъ 336.—Фриманъ 336 —Шеманъ 337 —Э. Курціусъ 338.—„Греческая исторія“ 342.—Послѣдующія работы Курціуса 344.—Максъ Дункеръ 345.—Фюстель де Куланжъ 349 —Его взглядъ на исторію 350 — „La cité antique“ 350.—Противорѣчія у Фюстель де Куланжа и ихъ примиреніе 354 —Другія работы Фюстель де Куланжа по греч. исторіи 356 — Тэнъ 356.—Дюрюи 357 —Разработка греч. исторіи въ Россіи. М. С. Куторга 357.—Другіе русскіе ученые этого періода 362.—К. Я. Люгебиль 363

Развитіе эпиграфики и раскопки 70-хъ и 80-хъ годовъ 364

Эпиграфика до конца 60-хъ годовъ 364.—Начало новаго періода 364.—Corp. Inscr. Attic. 365 —Эпиграфика въ Англіи, во Франціи, Италіи, Россіи 366 —И. В. Помяловскій 367.— Ѳ. Ѳ. Соколовъ и его ученики 367.—В. В. Латышевъ 368 —Раскопки 370.—Шлиманъ 271.—Раскопки на Гиссарликѣ 374 —Микены 377.—Тиринѳъ 379 —Послѣдніе годы Шлимана 380.—Раскопки въ Олимпіи 382.—Раскопки въ Пергамѣ 384.— Гуманъ 385.—Французская школа въ Аѳинахъ 388.—Раскопки на Делосѣ 389.—Другія раскопки Французской школы 390.—Французскіе ученые второй половины XIX в 391 —Нѣмецкій Институтъ въ Аѳинахъ 392.— Англійская школа и общества 394.—Американская школа 394.—Изслѣдо-

Стр

вания въ М Азіи 395 —Австрійскія экспедиціи 395 —Греческое Археолог Общество 396 —Раскопки въ Аѳинахъ 396 —Элевсинѣ, Эпидаврѣ, Микенахъ 397 —Танагрскія фигуры 398 —Открытіе Додоны 399 —Открытія древностей въ южной Россіи 399

Обработка греческой исторіи въ 70-хъ—80-хъ годахъ 402

Труды по топографіи 403 —Крайній критицизмъ 403 —Послѣдніе томы „Ист. древн." Макса Дункера 404.—Юліусъ Шварцъ 407 —Вторая половина 80-хъ гг 411 —Гольмъ 411 —Бузольтъ 417 —Гильбертъ 420.—Герцбергъ 421 — Французская литература 422.—Фриманъ 423 —Магаффи 423 — П И Аланскій 424.—Н И. Карѣевъ 425 —В В Латышевъ 426.—Э Р ф-Штернъ 426 —Ѳ. Г. Мищенко 427

Открытія 90-хъ годовъ и начала XX в. 427

Начало открытія греч папирусовъ 428.—Великія открытія 1891 г. 428 —Папирусы Фл Петри 428.—Открытіе „Аѳ Пол" 429.—Другія публикаціи Кенона 431 — Публикаціи Grenfell'я и Hunt'a 431 —Публикаціи на континентѣ 433.— „Персы" Тимоѳея 434 — Новооткрытая хроника 434 —Многочисленность и значеніе открытыхъ папирусовъ 436 —Ostraka 438 —Пергам. рукописи 438 —Эпиграфика 439 —Австрійскій Институтъ 440.—Русскій Институтъ въ Константинополѣ 440.—Раскопки 441 —Раскопки Дерпфельда въ Аѳинахъ 441 —Изслѣдованіе VI города на Гиссарликѣ 442 —Раскопки въ Дельфахъ 443 —Открытія на Критѣ 446.—„Дворецъ Миноса" 437 Открытія въ Фессѣ и въ друг. мѣстахъ 451 —Другія археолог. открытія 90-хъ гг. и начала XX в. 454.

Новѣйшіе труды по исторіи Греціи 457

Вліяніе открытій на обработку греч исторіи 457 — Второе изданіе „Древностей" и „Греческой ист." Бузольта 457 — Новѣйшее направленіе въ историч. наукѣ 459.—Отраженіе его въ области изученія греч исторіи 462 —Белохъ 463 —Эд. Мейеръ 468.—Цельманъ 477.—Изученіе экономической и соціальной исторіи Греціи 479.—Буркгардтъ 481 — Виламовицъ 484 —Э. Роде 489.—Другіе нѣм филологи и историки 490 — Французская литература 491.—Англійская литература. Абботъ 492 —Bury и друг. 493 —Итальянская (Де Санктисъ) 494.—Русская. В А Шеферъ и друг. 494.

Всемірныя исторіи 496.—Журналы 499.—Хронологія 499 —Исторіи литературы, философіи, искусства 499

Заключеніе. — Общій характеръ современнаго научнаго движенія въ области греческой исторіи. 502

Ростъ матеріала 502 —Отношеніе къ матеріалу 504.—Умаленіе роли личности 506 —Идея эволюціи 506.—Интересъ ко второстепеннымъ общинамъ 506 — Интересъ къ соціально-экономической сторонѣ 507 —Модернизація греч. исторіи 508 —Историкъ или филологъ долженъ заниматься древн. исторіею? 512.

Добавленія и важнѣйшія поправки 515

Указатель 521